

А. ВѢТУХОВЪ.

ЗАГОВОРЫ, ЗАКЛИНАНІЯ, ОБЕРЕГИ
И ДРУГІЕ ВИДЫ
НАРОДНАГО ВРАЧЕВАНІЯ,
основанные на вѣрѣ въ силу слова.
(Изъ исторіи мысли).

Вып. I—II.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“.

INSTITUT
BADAŃ LITERACKICH PAM
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1907.

18.825

ВВЕДЕНИЕ.

Особыхъ изслѣдованій, посвященныхъ заговорамъ и въ русской, и въ европейской литературѣ не существуетъ почти совсѣмь. Единственная монографія на русскомъ языкѣ, принадлежащая Крушевскому, написанная умно и со знаніемъ дѣла, построена на немногочисленныхъ фактахъ, и потому является въ настоящее время нѣсколько устарѣлой. Появившаяся же въ 1897 году статья О. Зелинскаго „О заговорахъ“ совершенно отрѣшается отъ фактического матеріала, будучи всецѣло посвящена пересмотру общихъ положеній, высказанныхъ предшественниками. Другіе изслѣдователи народнаго быта и словесности касались этого вопроса вскользь, между дѣломъ, высказывая иногда весьма цѣпныя, хотя отрывочныя, замѣчанія.

Отсутствіе цѣльныхъ работъ о заговорахъ обусловлено множествомъ причинъ. На первомъ планѣ можно поставить недостатокъ библиографическихъ справочныхъ изданій, гдѣ можно было бы найти хотя указанія тѣхъ разнообразныхъ, многочисленныхъ, иногда рѣдкихъ и труднодобываемыхъ изданій, откуда можно бы по крупицамъ собрать сырой матеріалъ. Не говорю уже о томъ, что матеріалъ этотъ не разобранный, не рассортированный; научный анализъ не успѣлъ еще произвести въ немъ самыхъ

первичныхъ работъ. Научное изслѣдованіе произведеній народной поэзіи, народнаго творчества вообще началось у насъ очень поздно, а заговорамъ и прочимъ „отреченнымъ“ видамъ его естественно было занять послѣднее по времени мѣсто въ лабораторіяхъ ученыхъ. На Руси со времени принятія христіанства, какъ извѣстно, начинается гоненіе на всю народную „словесность“, состоявшую въ тѣсномъ родствѣ съ язычествомъ ¹⁾. Заговоры, заклинанія и проч., конечно, должны были попасть во главу угла этой отверженной литературы, какъ навѣишной самимъ дьяволомъ. На нихъ обрушивается цѣлая буря, и они прячутся отъ взоровъ гонителей, замыкаются въ устахъ только посвященныхъ и ревниво оберегаются послѣдними. Проникнуть въ эти таинственныя знанія непосвященнымъ въ высшей степени трудно. Многіе изъ любителей и записывателей твореній народной мудрости принуждены бывали нерѣдко прибѣгать къ хитростямъ, чтобы заслужить довѣріе знахарей, шентухъ и прочихъ хранителей завѣтной старины. Оттого то такъ туго поддаются записи и въ настоящее время эти чародѣйскія формулы. Записывающій въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ воспользоваться лишь отрывочными, совершенно случайно добываемыми произведеніями этого рода.

При такихъ условіяхъ становится понятнымъ, почему и нынѣ собрано матеріала такъ мало, что прослѣдить за постепеннымъ переходомъ того или иного заговора отъ одной народности къ другой, изъ одной мѣстности въ другую нѣтъ возможности.

Задача изслѣдователя при настоящемъ положеніи дѣлъ — группируя и изучая наличный матеріалъ, вскрывать хотя отчасти тѣ основы, на которыхъ созидалась вѣра въ чудодѣйную силу заговора, подглядѣть иногда, какъ бьется или билась мысль народная, стараясь оградить се-

¹⁾ См. объ этомъ у Азбукина „Очеркъ д-рной борьбы“, с. 232—3.

бя отъ могучихъ силъ стихійныхъ, исходя отъ своеобразнаго міропониманія.

А въ настоящее время это особенно интересно, въ виду тѣхъ новыхъ теченій и вѣяній въ наукѣ, которыя, пытаясь разъяснить многое, такъ назыв. „сверхъестественное, мистическое“ и проч. путемъ научнаго анализа, проливаютъ значительную струю свѣта и на занимающій насъ вопросъ.

Современная медицина начинаетъ открывать у своей загнанной еще въ недавнее время старшей сестры—„ду-рочки“ богатая сокровища: врачи, еще недавно огульно издѣвавшіеся надъ приемами народнаго врачеванія, начинаютъ все громче и громче заявлять о цѣлебныхъ свойствахъ травъ, корней, камней и проч., которыми давнымъ давно съ успѣхомъ пользовался народъ. Та сила, которая въ заговорахъ играетъ первенствующую роль—внушеніе и самовнушеніе, разростается теперь въ наукѣ въ цѣлую теорію гипнотизма съ его разновидностями. Даже пресловутый „отводъ глазъ“ получаетъ нынѣ серьезное основаніе въ данныхъ, добываемыхъ экспериментальной психологіей, и наблюденіяхъ надъ нервными больными, при чемъ открывается возможность передачи чувствительности другому лицу или даже предмету, подмѣчается способность человѣка жить, такъ сказать, двумя душами въ одномъ тѣлѣ,—и вообще рѣзко измѣняется граница между возможнымъ и невозможнымъ, между плодомъ досужей фантазіи и продуктомъ научной мысли, точной науки.

„Экспериментальное изученіе внушенія, — говоритъ одинъ изъ выдающихся современныхъ естествоиспытателей, — способствовало открытію, среди жизненныхъ процессовъ, присутствія самовнушенія и притомъ не только непосредственнаго его вліянія на волевые акты, но и неподозрѣваемую до сего дня зависимость отъ него процессовъ, изъятыхъ, въ нормальныхъ условіяхъ жизни, изъ-подъ вѣдѣнія и вліянія нашего сознанія, а слѣдовательно и нашей воли. Самовнушеніемъ могутъ быть вызваны: 1) ускореніе и замедленіе сердцебіенія, 2) кровоточивые

знаки (стигматы) и даже 3) періодическія кровоизліяпія изъ различныхъ частей тѣла, напр., у Луизы Лато¹⁾.

Позволю себѣ привести еще нѣсколько выдержекъ изъ того же автора, уясняющихъ затронутый вопросъ.

„На нашихъ глазахъ зародилась новая наука экспериментальная психологія. Вундтъ въ Германіи и Шарко во Франціи первые повели ее по новому пути; особенно вниманія заслуживаютъ, по моему мнѣнію, факты, добытые относительно гипнотизма. Недавно еще послѣдніе относимы были серьезными людьми въ область бредней; въ настоящее же время они засвидѣтельствованы специалистами врачами, достойными довѣрія, и составляютъ достояніе точной науки“. (С. 10—11).

Изъ различныхъ способовъ вызова гипноза автора особенно занимаетъ главнѣйшій и интереснѣйшій изъ нихъ—словесное внушеніе.

„Имѣются многочисленныя и большимъ числомъ наблюдателей засвидѣтельствованныя показанія, что словеснымъ внушеніемъ удается, по произволу, вызывать, какъ запоръ, такъ и поносъ, внушать рвоту, головокруженіе и сильную головную боль, или же, наоборотъ, прекратить эти страданія. Словеснымъ же внушеніемъ удается возбуждать сильный и быстрый приливъ крови къ намѣченной заранѣ части тѣла и производить этимъ сильное ея вздутіе; можно заставить даже сочиться кровь на опредѣленныхъ заранѣ мѣстахъ, и притомъ даже черезъ опредѣленный промежутокъ времени (—нолагаю,—и обратно, откуда—заговоръ крови—); удавалось, при помощи словеснаго внушенія, увеличить отдѣленіе молока у женщинъ, вызывать, а равно и прекращать менструацію, и неоднократно достигать исцѣленія отъ различныхъ недуговъ, не прибѣгая къ другимъ средствамъ“. (С. 11).

„Всѣ приведенные случаи гипноза черезъ словесное внушеніе имѣютъ общее между собою въ томъ, что здѣсь

¹⁾ Фаминицкиг, А. „Современное естествознаніе“... С. 12.

происходить, по выраженію проф. Бехтерева, «непосредственное прививаніе тѣхъ или другихъ психическихъ состояній отъ одного лица къ другому, прививаніе, происходящее безъ участія воли воспринимающаго лица и нерѣдко даже безъ яснаго съ его стороны пониманія». Воля загипнотизированнаго лица, поработанная гипнотизеромъ, замѣщается волей послѣдняго, нерѣдко принуждается къ поступкамъ, противнымъ склонностямъ и характеру воспринимающаго лица». (С. 11—12).

Если при современномъ взглядѣ на слово возможны при помощи его столь удивительныя воздѣйствія на чужую душу и на самого себя, что же должно было происходить въ тѣ времена, когда слово понималось, какъ двойникъ человѣка, и на ступеняхъ, близкихъ къ такому пониманію? Сколько случаевъ, способовъ очарованія (гипноза) было въ рукахъ людей съ сильной волей, всѣхъ этихъ шамановъ, колдуновъ, знахарей, шентухъ и проч., и какая, нужно полагать, это была могучая сила! Не даромъ она долгіе вѣка вытѣсняла, да и понынѣ еще какъ тѣснить научную терапевтику. Неудивительно, что она въ народномъ врачеваніи легла во главу угла, исподволь видоизмѣняясь, въ связи съ измѣненіемъ міропониманія, исподволь заполняясь новымъ содержаніемъ (постепенное преобладаніе христіанскихъ понятій надъ языческими, постепенное сближеніе заговора съ молитвой, сначала апокрифической, а потомъ и христіанской), но упорно сохраняя свое первенствующее мѣсто.

Точная, строгая наука, сталкиваясь съ этимъ явленіемъ долго „отмахивалась отъ него и руками и ногами“, какъ отъ своего рода наважденія. Однако, со временемъ пришлось констатировать фактъ существованія и такъ или иначе считаться съ нимъ. Часть такихъ явленій начинаетъ получать въ наукѣ права гражданства, для другихъ наука предпочитаетъ пока фигуру умолчанія ¹⁾).

¹⁾ Извѣстенъ, напр., рассказъ проф. Дю-Буа-Раймона, незадолго до смерти, о слѣдующемъ случаѣ. Врачъ небольшого

Такъ, многое изъ таинственнаго, загадочнаго въ заговорахъ, считавшееся доселѣ плодомъ дикой фантазіи невѣжественныхъ массъ, безумными суевѣріями грубой толпы, начинается въ настоящее время обливаться слабыми лучами неутомимой, пытливой научной мысли.

Начинаетъ слегка приподыматься занавѣсъ надъ этимъ таинственнымъ уголкомъ человѣческой души, начинается проникать глазъ изслѣдователя въ глубины ея, куда упрятались, подъ вліяніемъ безконечныхъ гоненій, эти крайне любопытные процессы мысли.

Этотъ высокій интересъ, заключенный въ исторіи жизни заговора и сродныхъ твореній, побуждаетъ автора внести хотя самую скромную долю въ его разработку, выполнить хотя черную работу, собравъ и сгруппировавъ возможно большее количество наличнаго сырого матеріала, и тѣмъ нѣсколько расчистить почву для будущихъ работниковъ на этомъ полѣ.

Если трудъ мой вызоветъ къ жизни рядъ статей, замѣтокъ, изслѣдованій по данному вопросу, направитъ мысль научную въ эту сторону, я буду считать себя вполне вознагражденнымъ за годы копотливаго труда.

поморскаго городка очень долго не могъ поставить діагноза одной больной. Однажды, *во снѣ*, читаетъ онъ во вновь вышедшей брошюрѣ способъ лѣченія подобной болѣзни. Примѣняетъ, проснувшись, способъ этотъ, и больная выздоравливаетъ. Года черезъ два въ одной новой брошюрѣ врачъ напечатаннымъ то, что видѣлъ во снѣ. Съ авторомъ брошюры врачъ знакомъ не былъ. Въ заключеніе своего разсказа профессоръ добавляетъ: „Наука не въ состояніи объяснить это явленіе, слѣдовательно она должна умалчивать о немъ“.

ЧАСТЬ I.

—∞—

ГЛАВА 1-я.

Мнѣнія ученыхъ и изслѣдователей о заговорахъ ¹⁾.

Буслаевъ, приведя два сербскихъ заговора отъ нежита по рукописи, писанной на пергаментѣ и полууставомъ, доставленной ему Григоровичемъ, говоритъ:

„Такія закліятыя носятъ на себѣ слѣды первобытной индійской мантры или *величанія*... по крайней мѣрѣ въ наименованіи мифическаго существа и въ эпическомъ разсказѣ о какомъ-то мифическомъ событіи. Заговоръ позднѣйшей эпохи теряетъ и эти послѣдніе остатки жреческаго періода, оставляя за собою только силу клятвы, цѣлебную или вредоносную, но совершенно забывая первоначальныя обстоятельства закліятыя“ („Ист. очерки“, I, 116).

„Мантра переходитъ въ закліятіе еще въ эпоху Веды; закліятіе есть позднѣйшій видъ мантры... Съ теченіемъ времени закліятіе теряетъ мало-по-малу первоначальныя черты мантры, отрывается отъ эпическаго цѣлаго и забываетъ величанія божествъ; но сила клятвы остается въ нерушимости, какъ сила вѣщаго слова... Брагмана, какъ обрядъ и обычай, долѣе удерживаются въ преданіи, такъ что силою обычая могли дожить до позднѣйшихъ временъ

¹⁾ Для краткости буду употреблять одинъ этотъ терминъ, какъ замѣну разнovidностей, указанныхъ въ заголовкѣ моего изслѣдованія.

самыя заклятія... Знахари и вѣдьмы позднѣйшей эпохи, утративъ живую связь съ языческими божествами, вовсе не помнятъ мантры — если позволено здѣсь выразиться языкомъ Ведъ — всю сущность дѣла они полагаютъ въ языческомъ обрядѣ. Старина для нихъ, какъ и для всей массы народа въ періодъ эпическій есть страна чудесъ, откуда почерпаютъ они и силу и вдохновеніе“ (ib. 119).

„Заклинанія идутъ непосредственно отъ періода языческаго... стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ первобытною эпическою поэзіею, входятъ въ древнѣйшій эпическій мифъ, какъ отдѣльные эпизоды“ (ib. 251).

„Въ старину, хотя и презирали языческихъ боговъ, однако, не считали ихъ вовсе безсильными. И могла ли древняя вѣра въ ихъ дѣйствительное существованіе вдругъ исчезнуть или внезапно перейти къ просвѣщенному убѣжденію въ ихъ совершенномъ ничтожествѣ? Общее вѣрованіе отдаленныхъ среднихъ вѣковъ признавало языческихъ боговъ... злобными демонами, древнее владычество которыхъ должно было уступить мѣсто царству Бога истиннаго. Языческія божества какъ бы отступили въ мрачное отдѣленіе, потерявъ свои благодѣтельныя для человѣка качества, замѣнивъ ихъ въ воображеніи народа пѣкаторымъ дьявольскимъ могуществомъ, вражьиѣмъ наважденіемъ“ (ib. 253).

„Множество примѣтъ, заклятій или заговоровъ и другихъ суевѣрныхъ обычаевъ и преданій, и доселѣ живущихъ въ простомъ народѣ, свидѣтельствуетъ намъ, что та поэтическая основа, изъ которой возникли эти разрозненные члены одного общаго или цѣлаго, была не собственно языческая и уже вовсе не христіанская, но какаѣ то смутная фантастическая среда, въ которой съ именами и предметами христіанскаго міра соединилось нѣчто другое, болѣе согласное съ мифическими воззрѣніями народнаго эпоса“ (ib., II, 31).

„Не надобно думать, чтобы это смутное пониманіе христіанскихъ идей было достояніемъ одной только Руси;

оно господствовало въ средневѣковьи и на западѣ, но при другихъ условіяхъ“ (ib.).

„Отличительной чертой этого смутнаго состоянія духа было суевѣрное убѣжденіе въ какую-то чарующую, сверхъестественную силу, которая ежеминутно въ быту житейскомъ, въ томъ или другомъ важномъ случаѣ жизни можетъ оказать свое необычное дѣйствіе... Захваченная христіанствомъ врасплохъ народная фантазія, не очищенная отъ языческихъ представленій и запуганная ими, уже какъ наважденіемъ дьявольскимъ, но все-же, какъ отъ родной старины, не отказавшаяся отъ нихъ, естественно должна была сойти съ своего свободнаго и творческаго поприща, и, такъ сказать, сжаться въ болѣе тѣсномъ кругу дѣлаго ряда мелкихъ суевѣрій, которыя, однако, тѣмъ не менѣе обнимали и доселѣ въ простомъ народѣ объемлютъ всю жизнь, всѣ крупныя и мелкія явленія ея“ (ib. 32).

Такъ еще Буслаевъ, мимоходомъ, сумѣлъ слегка приподнять уголокъ завѣсы, хранящей тайны прошлаго, дать нѣсколько вѣрныхъ и тонкихъ штриховъ для той грандіозной картины, которая постепенно обрисовывалась, хотя и неполнѣ ясными тонами, у дальнѣйшихъ изслѣдователей. Это обстоятельство съ одной стороны, а съ другой—огромный авторитетъ Буслаева, какъ ученаго, направили по его дорогѣ, отчасти или всецѣло, и многихъ изъ позднѣйшихъ ученыхъ; такъ что нѣкоторымъ, съ нимъ несогласнымъ, напр., Цотебнѣ, пришлось уже вступить въ борьбу съ цѣлой школой, съ сложившейся традиціей.

Аванасьева, отправившись вслѣдъ за предшественникомъ, совершила свой путь болѣе прямолинейно, и потому опредѣленіе заговора въ его толкованіи значительно сузилось. „Заговоры суть обломки древне-языческихъ молитвъ и заклинаній, и потому представляютъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ матеріаловъ для изслѣдователя исторической старины. Безъ сомнѣній они не могли дойти и не дошли до насъ во всей своей свѣжести, полнотѣ и неизмѣнности, наравнѣ съ другими устны-

ми памятниками и они подверглись значительнымъ измѣненіямъ—отчасти вслѣдствіе сокрушительнаго вліянія времени, отчасти вслѣдствіе того разрыва, какой произвело въ послѣдовательномъ развитіи народныхъ убѣжденій принятіе христіанства. Несмотря на это заговоры сохранили намъ драгоцѣнныя свидѣтельства. Въ нихъ встрѣчаемъ мы много страннаго, загадочнаго, необъяснимаго съ перваго раза, что близорукіе любители народности привыкли принимать за бесполезный хламъ, но что при болѣе серіозной критикѣ оказывается отголосками поэтическихъ воззрѣній глубочайшей древности. Кто приступитъ къ изученію заговоровъ сравнительно съ ведическими гимнами, того неизрѣнно поразитъ замѣчательное согласіе въ представленіяхъ, допускаемыхъ тѣми и другими. Различіе только въ томъ, что въ гимнахъ Ведъ представленія эти не утратили еще ни своей ясности, ни взаимной связи, а въ заговорахъ смыслъ ихъ уже окончательно утерянъ для народа. Такая вѣчная прочность заговорнаго слова усиливалась самымъ значеніемъ его въ народной жизни.

„Въ то время, какъ загадки, пѣсни и сказки сдѣлались средствомъ развлеченія, услугою досуга, низошли съ своей эпической высоты, и потому удобнѣе могли быть подновляемы въ языкѣ и въ обстановкѣ главнаго содержанія,—заговоры удержали за собою тотъ строгій характеръ, который не дозволяетъ никакихъ намѣренныхъ отступленій и профанацій. Они не пригодны для забавы, и какъ памятники вѣщаго, чародѣйнаго слова вмѣщаютъ въ себѣ страшную силу, которую не слѣдуетъ пытаться безъ крайней нужды, иначе наживешь бѣду. Заговоры поэтому вышли изъ общаго употребленія и оставили предметъ тайнаго вѣдѣнія знахарей, колдуновъ, лѣкарокъ и ворожеекъ; къ нимъ и обращается народъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо прибѣгнуть къ помощи страшныхъ заклятій.

„Могучая сила заговоровъ заключается именно въ извѣстныхъ эпическихъ выраженіяхъ, въ издревле узаконенныхъ формулахъ; какъ скоро позабыты или измѣнены формулы—заклятіе не дѣйствительно. Это убѣжденіе за-

ставило съ особенною заботливостью оберегать самое слово заговора, хранивъ его, какъ святыню. Въ помощь памяти стали заносить заговоры на тетрадки, и рѣдкій народный лѣчебникъ или травникъ найдется безъ заговоровъ; подобныя рукописи, писанныя большею частью безграмотно, составляютъ истинный кладъ науки. Къ сожалѣнію они не восходятъ ранѣе XVIII столѣтія; до-петровская Русь сурово относилась къ народному суевѣрію, и вмѣстѣ съ колдунами и вѣдьмами жгла ихъ волшебныя тетрадки“ („Поэтич. возвр.“, I, 43—5).

„Подъ вліяніемъ метафоричности языка глаза человѣческіе должны были получить таинственное сверхъестественное значеніе. То, что прежде говорилось о небесныхъ очахъ, впослѣдствіи, понятое буквально,—перенесено человѣкомъ на самого себя. Знойный блескъ солнечнаго ока производитъ засуху, неурожай и болѣзни; сверкающіе взоры Перуна посылаютъ смерть и пожары; та же страшная сила усвоена и человѣческому зрѣнію. Отсюда родилась вѣра въ *призоръ* или *смазъ*, общая всѣмъ индо-европейскимъ народамъ“ (ib. 172).

„Первыя молитвы (молить=молаты, молвити) народа были и первыми его пѣснопѣніями; онѣ являлись плодомъ того сильнаго поэтическаго одушевленія, какое уславливалось и близостью человѣка къ природѣ, и воззрѣніемъ на нее, какъ на существо живое, и яркостью первичныхъ впечатлѣній ума и творческою силою древнѣйшаго языка, обозначающаго все въ пластическихъ животрепещущихъ образахъ. Отъ священныхъ гимновъ Ведъ вѣдетъ истиннымъ неподдѣльнымъ духомъ поэзіи. Заговоры наши также исполнены мастерскими описаніями природы, въ нихъ замѣчается метръ и подчасъ народная риѐма“ (ib. 412—3).

Несмотря на нѣкоторое суженіе общаго кругозора, Леанасевъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ разработкѣ исторіи заговора, выдвинувъ въ достаточной уже мѣрѣ впередъ силу слова и тѣмъ заставивъ дальнѣйшихъ

ислѣдователей дольше и внимательнѣе остановиться на ея роли въ эволюціи заговора ¹⁾).

Таково, напр., сужденіе по этому вопросу *Op. Э. Миллера*: „Самое названіе (—заговоръ) уже показываетъ, что слову приписывается тутъ съ одной стороны совершенно практическое, съ другой—чрезвычайное, могущественное значеніе. Посредствомъ заговора, по простодушному первобытному вѣрованію, думали овладѣть тою или другою силою природы и, охвативъ ее, такъ сказать, словами, или нанести ее, наговорить на то или другое, и подобнымъ же наговоромъ что-либо вредное въ томъ или другомъ прятунить, пришибить, уничтожить, — заговорить“ („Опытъ“, с. 66).

„Въ собственномъ смыслѣ всѣ древнѣйшія пѣсни молитвеннаго содержанія — молитвы только въ переводѣ на позднѣйшій языкъ, первоначально всѣ онѣ были именно

¹⁾ Къ числу непосредственныхъ послѣдователей Аванасьева, принявшихъ его точку зрѣнія почти безъ оговорокъ, можно отнести:

а) *Иващенко* („Шептанія“): „Въ процессѣ шептанія, какъ выраженіи таинственнаго, священнаго знанія, лежитъ народное вѣрованіе въ чудодѣйственную силу слова и обряда, относимыхъ къ олицетвореннымъ или же просто стихійнымъ силамъ природы. Слѣдовательно, идея вѣрованія въ словесно-обрядовое врачевство является археологическимъ обломкомъ молитвенныхъ языческихъ возношеній къ доброму или злему (для человѣка) началу въ природѣ съ цѣлью воспользоваться помощью этого или другого и предрасположить ихъ къ себѣ“. (С. 9-я).

б) *Помяловскаго*: Заговоръ первоначально „простая молитва, въ которой человѣкъ проситъ божество приостановить или прекратить извѣстное его или другого божества вліяніе на себя или на другого... Но уже въ очень раннее время молитва и просьба перешли въ приказаніе“ („Эпигр. этюды“, с. 51-я).

Интересно, что та же точка зрѣнія встрѣчается и у иностранныхъ ислѣдователей вопроса. Миѣ пришлось натолкнуться на нее у *Аммана*: „Можетъ быть, что древнія заклинательныя формулы не что иное, какъ формулы оконченѣвшихъ молитвъ языческаго времени“ („Volkssegen“, II, 198).

заговоры, основываясь на увѣренности въ томъ, что ими враждебное будетъ непременно заговорено, а благопріятное наговорено, сообразно съ потребностью“ (ib. 67) ¹⁾.

„Могущественному дѣйствию словъ способствовало и соединявшееся съ ними могущественное дѣйствіе обряда, какъ „подражанье явленіямъ природы“ (ib.). Заговаривались излишнее сіяніе солнца, излишній дождь, а „низводилось съ неба посредствомъ слова и обряда“ желаемое.

„Если прежде всего человѣку нужно было заговаривать тѣ періодически повторяющіяся болѣзни природы, отъ которыхъ страдала главная кормилица его — земли, то важно было найти средства и противъ тѣхъ... болѣзней, которыя вредили кормилицамъ другого рода — стадамъ“ (ib. 70).

На этой почвѣ вырастаетъ заговариванье коровьей смерти, которой преграждается путь въ деревни онахиваніемъ.

„Большая часть заговоровъ... лѣчебныя... Это свойство ихъ заставило даже нашихъ духовныхъ людей древняго времени, по преданію привыкшихъ къ нимъ прибѣгать, вносить ихъ въ свои душеполезные сборники. Съ одной стороны выставляя остатки языческой старины въ черномъ свѣтѣ, они же сами съ другой стороны не могли окончательно отказаться отъ нихъ, и легко успокаивали свою совѣсть тѣмъ, что видѣли силу заговора уже не въ прежнихъ языческихъ, а въ новыхъ, подставленныхъ ими въ замѣну, именахъ христіанскаго міра“ (ib. 72).

Но колдовство не ограничивалось одними свѣтлыми цѣлями. Уже въ XI в., по свидѣтельству лѣтописца, были чернокнижники.

„Заговоры (—нерѣдко) начинаются тѣмъ, что въ нихъ воображаютъ себя приходищими въ непосредственное общеніе съ явленіями свѣта: идутъ въ восточную сторону, одѣваются лсною зарею, то опоясываются, то обтыкаются

¹⁾ Ср. *Grimm* „*Mythol*“, 1173,—6,—9.

частыми звѣздами, умываются медвяною росою, этими свѣтлыми ключами ясной дѣвицы зари, утираются солнцемъ и пр.“ (ib. 75).

„Усмотрѣвъ за свѣтилами силу истреблять зло въ растительности (—солнце пожигаетъ вредныя травы), первобытный человѣкъ имъ же приписалъ истребленіе зла другого рода—болѣзни. Потому то онъ и требовалъ, чтобы мѣсяць сошелъ къ нему, снялъ его зубную скорбь и унесъ ее подъ облака... Съ теченіемъ времени свѣтиламъ приписано было и истребленіе зла нравственнаго“ (ib. 76).

„Могучія силы небесныхъ существъ могутъ сообщаться отъ нихъ самому незначительному предмету, въ которомъ человѣкъ оставляется такимъ образомъ совершенно доступный и осязательный оберегъ отъ всякаго рода золь. Такъ сила, воспринимаемая отъ небесныхъ свѣтилъ матерью сырою землею, производитъ травы“ (ib. 77), употребляемая при лѣченіи, въ заговорахъ.

„Есть заговоры, въ которыхъ, повидимому, обходятся и безъ помощи божественныхъ силъ, полагаясь вполнѣ на одну силу своего собственнаго человѣческаго слова. Посредствомъ слова хотять заимствовать у того или другого предмета свойства, которыя, будучи усвоены враждебнымъ предметомъ, уничтожали бы въ немъ зловредность. Такъ, заимствуя у мятелицы ея неспособность летѣть прямо, хотять этимъ свойствомъ обезоружить стрѣлу и копье, заставить ихъ пролетать мимо (см. въ хрестоматіи О. Миллера заговоры на желѣзо, сталь и проч. на с. 14-й). Съ другой стороны силою слова разлагають стрѣлу на ея составныя части и отсылають каждую изъ этихъ частей туда, откуда она взята“ (желѣзо—въ землю, древко — въ дерево, перья — въ птицу, клей — въ рыбу) (ib. 77—8).

„Сила слова желѣзная“—говорится, по мнѣнію Миллера, въ буквальномъ смыслѣ, ибо въ сказкахъ (наприм. объ Ивасѣ и вѣдьмѣ) голосъ выковывается тонкимъ или толстымъ“, смотря по намѣренію небесныхъ кузнецовъ, тѣхъ самыхъ, которыми выковывается золото молніи. Та-

кимъ образомъ и слово оказывается близкимъ по происхожденію къ небесному свѣту“ (ib. 78).

Слово въ заговорахъ „крѣико какъ замокъ, и заговоръ получаетъ такую замыкающую силу — помощью ключа, сбереженіе котораго поручается не кому другому, какъ свѣтлымъ явленіямъ природы... При разыгравшемся воображеніи подобная сила слова становится сильнѣе воды, тяжелѣе золота, выше горы, крѣиче горячаго камня алатыря ¹⁾... подъ который, по многимъ заговорамъ, бросается ключъ отъ нихъ“ (ib. 78).

„Слову и силамъ природы... приисывается вліяніе не только на физическую, но и на нравственную сторону человѣка. Отсюда — цѣлый рядъ заговоровъ отъ запоя“ и другихъ недуговъ, „зависящихъ не отъ чего другого, какъ отъ направленія воли самого человѣка“ (ib. 83).

„Заговоры такого рода должны были образоваться въ ту отдаленную пору, когда человѣкомъ даже внутренній міръ ставился еще въ совершеннѣйшую зависимость отъ внѣшнихъ вліяній, когда еще не пробудилось сознание могущества свободной человѣческой воли“ (ib. 84).

„Всѣ уцѣлѣвшіе до настоящаго времени заговоры имѣють въ виду... обезпеченіе человѣческаго благосостоянія, благого исхода во всѣхъ обычныхъ занятіяхъ человѣка. Первоначально кругъ заговоровъ долженъ былъ быть несравненно шире“, обнимая собою и изгнаніе зимы, и заклинаніе весны, и вызываніе дождя, и „вызовъ каждаго новаго дня изъ ночного плѣна“ (ib.).

Миллеръ не соглашается съ Гриммовскимъ дѣленіемъ заговоровъ на 3 періода: 1) когда только приносились жертвы, 2) жертва соединялась съ молитвой и 3) заговоръ совпадалъ съ молитвой ²⁾. „Даже первому (изъ наз-

¹⁾ „Алатырь... мифическій образъ самого солнца, этого настоящаго центра и источника всякой жизни.. Представленіе солнца горящимъ, свѣтящимся камнемъ положительно существовало и слѣды его сохранились у различныхъ народовъ.“ (ib. 79).

²⁾ См. *Grimm* „Ueber das Gebet“ („Kleinere Schriften“, II, 460).

ванныхъ періодовъ) долженъ быть предпосланъ древнѣйшій... когда еще и жертвъ не приносили, но совершали обряды, которые съ перваго взгляда могутъ въ настоящее время показаться жертвами, но были первоначально только подражаніемъ тому, что замѣчали въ природѣ, подражаніемъ, имѣвшимъ въ виду вынудить у нея повтореніе тѣхъ же явленій. Въ смыслѣ первоначальнаго обряда заключалось стремленіе овладѣть природой; тотъ же смыслъ въ заговорѣ, которымъ долженъ былъ уже изначала сопровождаться обрядъ и который служилъ предшественникомъ молитвы. Если послѣдняя имѣетъ въ виду только добрую волю божествъ, если вся сила ея — въ надеждѣ на милосердіе, то заговоръ, относясь къ эпохѣ болѣе грубаго представленія о божествѣ, долженъ былъ имѣть на него вліяніе просто принудительное“ (ib. 84) ¹⁾. Со временемъ, съ просвѣтлѣніемъ человѣческаго міровоззрѣнія тѣ бѣды, которыя претерпѣваетъ человѣчество, объясняется, какъ „наказаніе отъ боговъ за людское зло, — и вотъ тутъ то опять совершенно особое значеніе получила молитва, какъ средство умиловленія боговъ“ (ib. 90).

„Цѣлый рядъ вѣковъ долженъ отдѣлять... позднѣйшія представленія отъ того основнаго, древнѣйшаго, изъ котораго первоначально вытекла мифологія. Это воззрѣніе заключалось въ томъ, что все въ мірѣ одарено также точно жизнью, какъ и самъ человѣкъ... Ежели все вокругъ человѣка живо, то живъ и тотъ бездыханный трупъ существа ему близкаго, о которомъ онъ плачетъ, — но только, какъ объ отправившемся въ отдаленный путь... Умершаго считали и еще считаютъ живущимъ и за дверями гроба“ (ib.). „За мертвымъ сохраняются всѣ обычныя нужды,—желанія, чувства живого“ (ib. 92).

¹⁾ Въ Ведахъ говорится: „богамъ, чтобы получить охоту и силу дѣйствовать, нужны человѣческіе обряды и гимны“. (См. Бенфeya перев. Ригъ-Веды въ „Orient u. Occident“, т. I, 1 — 4; т. II, 2 — 3; т. III, 4, 5, 10, 16, 36, 39, 51, 59, 71, 83 — 4, 91, 93, 100, 103, 105, 113 и 116 (отд. I).

Первобытный человекъ, уясняя себѣ, отчего происходитъ то или иное явленіе, „усматриваетъ въ нихъ дѣйствія особыхъ живыхъ существъ, и совершенно удовлетворяется тѣмъ, что считаетъ ихъ виновниками этихъ явленій. Эти особы существа, эти различные образы, созданные воображеніемъ, и ихъ сочетанія и составляютъ такъ называемые «миѳы» ¹⁾... Какъ созданіе творческаго воображенія миѳологія своими образами удовлетворяетъ чувству прекраснаго, какъ отвѣтъ, хотя и ребячески простодушный, на вопросы ума, она удовлетворяетъ и чувству истины... Миѳы—эта простодушно-фантастическая попытка отвѣтовъ на умственные вопросы, существуетъ у всякихъ, даже у самыхъ грубыхъ народовъ, подобно тому, какъ не существуетъ народовъ, не имѣющихъ пѣсенъ“ (ib. 14).

„Въ эпоху первобытную,... эпоху почти рѣшительнаго несуществованія личностей, народы своими нравами, своею духовною жизнью мало разнятся между собою; потому первобытная пора ихъ устной словесности представляеть безъ всякаго умышеннаго заимствованія другъ у друга несравненно болѣе сходства, чѣмъ особенностей“ (ib. 18). „Устная поэзія неподвижна только въ сравненіи съ тою быстротою движенія, какою отличается вполне развитая литература... Иден и идеалы, увлекавшіе одно поколѣніе,... сохраняются въ теченіе долгихъ періодовъ“ (ib. 21). „Старое изъ устной словесности вполне никогда не уходитъ, хотя это и не мѣшаетъ мало-по-малу входить въ нее новому... При такой ...живучести старины въ народной словесности, въ ней до сихъ поръ уцѣлѣли остатки даже самой архаической поры—миѳической“ (ib. 22).

1) А. Веселовскій въ одномъ изъ раннихъ трудовъ своихъ склоненъ былъ считать заговоръ „только сокращеніемъ, приложеніемъ миѳа“, какъ „усиліе повторить на землѣ, въ предѣлахъ практической дѣятельности человека тотъ процессъ, который, по понятіямъ язычника, совершался на небѣ не земными силами“. („Замѣтки и сомнѣнія“..., с. 286).

Вотъ къ этой-то ранней порѣ и относить О. Θ. Миллеръ возникновеніе заговоровъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ Афанасьева, будто „только позже молитва стала переходить въ заговоръ... Если въ заговорахъ есть, какъ справедливо указываетъ г. Афанасьевъ, молитвенныя обращенія въ ихъ настоящемъ смыслѣ, то это только первые проблески религіозности,... по которымъ еще само божество нуждается въ помощи человѣческихъ словъ и обрядовыхъ дѣйствій. Главное въ заговорѣ составляетъ могучая, замыкающая сила самого слова, въ поясненіе которой приводятся самимъ г. Афанасьевымъ слѣдующія слова заговора: «сіе слово есть утверженіе и укрѣпленіе, имъ же утверждается и замыкается... и ничѣмъ: ни воздухомъ, ни бурею; ни водою дѣло сіе не отмыкается» ¹⁾. Отсюда то и зависимость заговора отъ точнаго запоминанія самаго порядка словъ“ (ib. 12 --Дополи.).

Я съ умысломъ подробно остановился на замѣчаніяхъ Ор. Миллера, чтобы показать ту черновую работу, какаа была набросана этимъ ученымъ для будущихъ изслѣдователей вопроса, готовыхъ отнестись къ нему самостоятельно и вдумчиво; воспользоаваться ростомъ нашего отвлеченаго языка для передачи, порою неясныхъ, хотя и близкихъ къ истинѣ, мыслей и положеній предшественниковъ. Но прежде чѣмъ перейти къ таковымъ, остановимся на сужденіяхъ лицъ, самостоятельно не обследовавшихъ вопроса, но служившихъ проводниками въ общество взглядовъ на этотъ видъ народной словесности, сохраняющимъ свою силу и понинѣ.

Гг. Галаховъ и Порфирьевъ—вотъ тѣ главные водоемы, отъ которыхъ расходятся по большимъ и малымъ трубамъ,—черезъ школу въ семью и общество,—взгляды и сужденія по вопросамъ литературы.

„Первобытный человѣкъ, говоритъ Галаховъ ²⁾, счи-

¹⁾ „Поэтич. Возвр.“, I, 421.

²⁾ „Ист. русск. слов.“, I, 154.

таль всю природу такую же оживленною и такъ же разумно дѣйствующею, какъ и онъ самъ... Онъ вѣрилъ, что при помощи извѣстныхъ «заповѣдныхъ» словъ и дѣйствій можно овладѣть (свѣтлыми и темными) существами и господствовать надъ ними. Считая все живымъ, человѣкъ, напр., и въ тѣни своей видѣлъ нѣчто живое, какъ бы часть самого себя; также точно онъ смотрѣлъ и на изображеніе свое и даже на имя“. Обращаясь за содѣйствіемъ къ свѣтлымъ или темнымъ силамъ природы, человѣкъ при помощи заговоровъ и наговоровъ, то накликаетъ добро и зло, то останавливаетъ дѣйствіе таинственныхъ силъ, пытаясь подчинить себѣ иногда и самую природу. Заговоры послѣдняго рода „имѣли сначала, весьма обширный кругъ примѣненія, и ими, вѣроятно, пользовался каждый, кто считалъ это пужнымъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ понятія человѣка прояснялись, по мѣрѣ расширенія его знаній о природѣ, кругъ примѣняемости заговоровъ сокращается. Наконецъ эти таинственныя формулы перестали уже быть доступными всѣмъ и каждому; въ обществѣ выдѣлился особый классъ людей, вѣдающихъ таинственную силу обрядовъ и моленій“ (ib.), колдуны (отъ «кладовати» = приносить жертву).

„Заговоръ всегда имѣетъ характеръ чисто-личный и употребляется исключительно съ утилитарными цѣлями, въ домашнемъ обиходѣ“ (ib. 155). „Первоначально заговоръ надо полагать, имѣлъ мѣрную, иѣсенную формулу“ (ср. лат. *incantatio*), остатки которой, несмотря на искаженныя надписи, уцѣлѣли и въ дошедшихъ до насъ заговорахъ. Въ нихъ сохранилось также отчасти и древнее міросозерцаніе, прикрытое новой христіанскою оболочкой. Преобладаніе въ русскихъ заговорахъ свѣтлаго начала надъ темными силами заставляеть Г. отнести происхожденіе этихъ заговоровъ „къ тому времени когда вмѣстѣ съ увѣренностью въ постоянномъ торжествѣ солнечной силы явился кругъ народныхъ праздниковъ, посвященныхъ этому божеству“ (ib. 157).

Порфирьевъ ¹⁾ считаетъ заговоры или заклятья остаткомъ „еще языческой старины, когда были обоготворяемы разныя силы и явленія природы; когда вѣрили, что посредствомъ молитвенныхъ словъ и обрядовъ можно привлечь къ себѣ ихъ благотворное вліяніе и уничтожить или остановить ихъ вредное дѣйствіе; когда думали, что физическія явленія и разныя вещественные предметы могутъ имѣть вліяніе и на нравственныя качества людей, на ихъ добрыя или дурныя дѣйствія“.

„Очевидно, что заговоры выродились изъ молитвенныхъ обращеній къ стихіямъ и силамъ природы, которыя во времена язычества произносились жрецами и впоследствии перешли къ смѣнившимся жрецовъ — колдунамъ и знахарямъ. Въ христіанскія времена вмѣсто свѣтилъ небесныхъ, стихій и силъ природы, съ молитвою о помощи въ всѣхъ дѣлахъ, въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ, стали обращаться къ Спасителю и Богоматери, къ ангеламъ и святымъ, но въ то же время и языческія молитвы не забывались, только къ языческимъ представленіямъ въ нихъ примѣшивались христіанскія понятія, и въ заговорахъ рядомъ съ краснымъ солнцемъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ и матушкой сырой землею стали употребляться имена Спасителя, Богоматери и святыхъ... Встарину заговоры пользовались такимъ уваженіемъ, что помѣщались въ лѣчебникахъ и травиикахъ, вмѣстѣ съ рецептами противъ разныхъ болѣзней“ (ib. 173).

Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ мнѣній различныхъ изслѣдователей вопроса не нахожу нужнымъ дѣлать выписки изъ *Крека* ²⁾, такъ какъ онъ то же передаетъ въ болѣе сокращенномъ видѣ, почти безъ всякаго личнаго привнесенія и освѣщенія.

Въ pendant уже къ двумъ послѣднимъ (Галахову и

¹⁾ „Ист. слов.“, I, 172.

²⁾ „Einleitung“... С. 800—8, 826—7.

Порфирьеву) приведу небольшую выдержку изъ одного весьма распространеннаго курса нѣмецкой литературы:

„Hier (in Segesprttiche) flossen Glauben und Aberglauben in einander: das Gebet ward zur Beschwörung, und die Segnungen wucherte das alte Heidenthum noch immer fort. Diese Gebete und Sprüche aber brauchten nicht bloss Laien: es brauchten auch die Geistlichen, geistliche frauen wenigstens, und Geistliche schreiben sie auf, G-e mochten, insoweit hier von Verfassern kann gesprochen werden, sie auch verfassen... Diese prosaischen gleiten mit Gehalt und Form in die Dichtung über, sie lieben den eingemischten Reim, und recht ein Merkmal, wie das vorchristliche Alterthum hier weiter klinge, selbst die Rhythmen der Alliteration kommen hier noch vor“ ¹⁾.

Таково мнѣніе образованной толпы, массы о заговорѣ. Но, какъ то обычно всюду, гдѣ есть жизнь, гдѣ нѣтъ еще дыханія смерти, въ этомъ многоголосномъ и согласномъ кликѣ общественнаго мнѣнія, слышны отдѣльные голоса, идущіе съ нимъ въ разрѣзъ, и со временемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, становящіеся въ свою очередь гласомъ народа.

Однимъ изъ такихъ самостоятельныхъ голосовъ въ рѣшеніи нашего воироса долженъ быть признанъ голосъ *Крушевскаго*.

„Заговоръ есть выраженное словами пожеланіе, соединенное съ извѣстнымъ обрядомъ и безъ него, пожеланіе, которое непременно должно исполниться“ ²⁾. „Я употребляю слово «пожеланіе», а не «молитва», потому что послѣднее предполагаетъ божество, къ которому обращается заговаривающій, а такого божества, какъ увидимъ, вовсе не оказывается“ (ib.).

¹⁾ *Wackernagel, W.* „Geschichte d. d. Litter“... I, 408—9.

²⁾ „Заговоры“..., с. 23-я.

„Въ явленіи заговора необходимо различать двѣ стороны: 1) вѣру въ возможность навязать свою волю бо- жеству, человѣку или извѣстнымъ предметамъ и обстоятель- ствамъ и 2) вѣру въ слово человѣческое, какъ самое силь- ное средство навязать кому-либо или чему-либо свою во- лю“ (ib.).

„Что эти два интеллектуальныя вѣрованія необходи- мо причастны человѣческому уму на извѣстной ступени его развитія, — доказываетъ ихъ присутствіе у разныхъ, совершенно чуждыхъ другъ другу народовъ“ (ib.).

„Къ эпохѣ фетишизма (когда особенно сильна вѣра въ возможность навязать свою волю бо- жеству) и слѣду- етъ отнести появленіе заговора“ (ib.).

„На ряду съ заговорами, въ которыхъ человѣкъ об- ращается къ извѣстному существу, очень много такихъ, гдѣ такого обращенія нѣтъ, которыхъ вся сущность со- стоитъ въ сравненіи желаемого съ чѣмъ-нибудь подобнымъ, уже существующимъ“ (ib. 27).

„Весьма многіе, если не всѣ заговоры — произведенія поэтическія (т. е. прекрасныя), а извѣстно, что всѣ наро- ды приписываютъ поэзіи, вѣщему слову небесное проис- хожденіе и чарующую силу“ (ib. 28).

„Самое содержаніе заговора заставляетъ допустить, что вѣра въ его силу есть вѣра въ слово. Дѣйствіе, ко- торымъ весьма часто сопровождается заговоръ, составля- етъ далеко не существенную его принадлежность; значи- тельное число заговоровъ лишены дѣйствія. То же самое слѣдуетъ сказать и о предметѣ, къ которому обращается заговаривающій: его очень часто вовсе нѣтъ. Существен- ная часть заговора есть само пожеланіе. На это указы- ваетъ и языкъ: нѣмецкое Wunsch — значить и желанье и заклятіе“ (ib. 29) ¹⁾.

„Въ концѣ почти всякаго заговора стоитъ часть, ко-

¹⁾ Ср. русск.: „онъ знаетъ такое слово; знаетъ слово отъ пули, отъ глаза“ и проч.

тору ю можно было бы назвать *закръпленіемъ*. Часть эту я нашелъ только въ русскихъ заговорахъ; въ тѣхъ иностранныхъ, которые мнѣ извѣстны, ея нѣтъ. Развѣ отнести сюда евр. *аминь*—«пусть будетъ такъ» (ib.).

„Она чаще всего выражается формулами: и слова мои крѣпки; будьте слова мои крѣпки и лѣпки до вѣку; нѣтъ моимъ словамъ переговора и недоговора; будь ты мой приговоръ, крѣпче камня и желѣза» и т. п. Здѣсь, кажется, самъ народъ засвидѣтельствовалъ, что силу заговора онъ видитъ именно въ словѣ“ (ib.).

„Родившись въ отдаленную пору фетишизма и проживъ до настоящаго времени, заговоръ претерпѣлъ много измѣненій... Прослѣдить исторію даднаго народнаго произведенія почти невозможно. Мы можемъ знать только произведенія до сихъ поръ живущія въ устахъ народа. Всѣ они представляютъ наслоенія; но наслоенія народныхъ произведеній тѣмъ отличаются отъ наслоеній геологическихъ, что слои самыхъ различныхъ эпохъ встрѣчаются въ нихъ другъ возлѣ друга, другъ съ другомъ перепутываются и производятъ самыя разнообразныя комбинаціи“ (ib.).

„Корень заговора,—вѣра въ слово,—скоро былъ позабытъ; а заговоръ остался; народъ сталъ осмыслять явленіе, пріискивать ему разумное основаніе. Сюда слѣдуетъ отнести весьма частую въ заговорахъ формулу въ родѣ слѣдующей: «не я говорю, не я выговариваю, выговаривая, отговаривая сама Божья матушка». Сила заговора здѣсь основывается на авторитетѣ божества. Въ другихъ заговорахъ она основывается на авторитетѣ заговаривающаго знахаря“ (ib. 30).

„Только забвеніемъ того, почему самое слово обладаетъ такой могущественной силой, можно объяснить появленіе такого божества, какъ албанская Ора, которая странствуетъ по землѣ, прислушиваясь къ мольбамъ и проклятіямъ людей и тотчасъ же ихъ исполняетъ, какъ скоро они дойдутъ до ея слуха“ (ib.).

„Заговоръ часто имѣетъ при себѣ извѣстное дѣйствіе,

котораго значеніе не во всѣхъ заговорахъ одинаково. Какъ есть заговоры немѣющіе при себѣ никакого дѣйствія, обряда, такъ есть обряды, не имѣющіе при себѣ никакихъ словъ. Между заговорами, имѣющими при себѣ извѣстное дѣйствіе, слѣдуетъ отличать заговоры, которыхъ сила основывается на словѣ, отъ заговоровъ, которыхъ сила основывается на дѣйствіи, которыхъ сущность составляетъ дѣйствіе съ извѣстнымъ матеріальнымъ предметомъ. Ихъ наряду съ обрядами сопровождаемыми словомъ, вѣрнѣе назвать *чарами*, т. е. таинственными лѣкарственными средствами, которыхъ сила неотразима. Дѣлая это различіе, считаю нужнымъ оговориться, что оно можетъ имѣть значеніе только для насъ: въ пониманіи первобытнаго человѣка такое различіе не существуетъ; для него слово настолько же матеріально, насколько и другіе дѣйствительно матеріальные предметы, употребляемые при заговорахъ“ (ib. 30—31).

„Обыкновенно заговоръ начинается формулой: «встану я, р. Б., благословясь, умоюсь водою, росою, утрусю платкомъ тканымъ, пойду перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ восточную сторону» и т. д. Это, очевидно, совѣтъ знахаря, описаніе того обряда, который долженъ упреждать самый заговоръ, а слилось оно съ заговоромъ позже, когда уже самъ обрядъ не совершался. Въ нѣкоторыхъ заговорахъ предписывается исполненіе того же обряда“ (ib. 31).

„Въ большей части случаевъ дѣйствіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми словами заговора составляетъ сущность послѣдняго и потому не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ заговора. Но можно указать болѣе употребительные или, такъ сказать, общіе обычаи, употребляемые при заговорахъ. Къ такимъ принадлежитъ, напр., *сдуваніе*, которое употребляется вмѣстѣ съ словами заговора при лѣченіи болѣзней. Оно указываетъ на матеріальное представленіе болѣзней. На это указываетъ весьма распространенный обычай *оплевыванія*, которое употребляется не только при заговорахъ отъ различныхъ болѣзней, но

и при другихъ заговорахъ. Мнѣ кажется, что въ обрядѣ этомъ слѣдуетъ видѣть остатокъ весьма обычнаго у различныхъ дикихъ лѣченія болѣзней, замѣченнаго многими путешественниками, цитируемыми Тейлоромъ и Леббоккомъ. Лѣчение это состоитъ въ *высасываніи* различныхъ вещей изъ тѣла паціента и вышлевыванія ихъ; вещи эти считаются причинами болѣзней. Послѣ, когда значеніе всего обряда было позабыто, сплевываніе стало употребляться при различныхъ заговорахъ“ (ib.).

Наиболѣе глубокое опредѣленіе интересующаго насъ вида народнаго творчества далъ А. А. *Потебня*. Вопросъ, этимъ особо онъ не занимался, но по свойству своей работы научной старался всякій разъ основательно обдумать и пересмотрѣть всякій мелкій вопросъ, входившій въ его главную работу. Такъ, попутно, нѣсколько разъ касался онъ даннаго вопроса, и вмѣстѣ съ его духовнымъ ростомъ постепенно росло, очищалось, шлифовалось пониманіе сути заговора, отлившись наконецъ въ тонкую, широкозахватывающую и въ то же время рельефно очерченную форму. Вотъ духовная почва, на которой опирались, возрастали и крѣпли его оригинальныя и самостоятельныя сужденія по разнымъ вопросамъ.

„Въ какой бы сторонѣ языка и вѣрованій, да и вообще народной жизни ни направлялось бы историческое изслѣдованіе, оно натолкнется на вопросъ о степени устойчивости преданія, о силѣ того, что съ одной точки представляется инерціей, а съ другой жизненностью, способностью народнаго или племеннаго организма уступить внѣшнему вліянію не иначе, какъ превращая и ассимилируя при помощи прежде познаннаго. Что внѣшнее, что внутреннее, гдѣ сила, гдѣ уступчивость; становится ли изслѣдователю на сторону вѣтра или па сторону лозь, которыя онъ клонить: это зависитъ частью отъ видимаго свойства данныхъ, которыми человекъ располагаетъ, частью отъ болѣе глубокихъ и труднѣе разложимыхъ пристра-

стій и отвращеній, навизываемых впечатлѣніями всей жизни, принадлежностью къ извѣстному народу, литературному и ученому направленію и пр.“¹⁾

Борьба этихъ литературныхъ и научныхъ теченій съ самобытнымъ складомъ ума богато одаренной личности— интереснѣйшій вопросъ во всемъ творествѣ Потебни. Попытаюсь освѣтить его хотя отчасти, поскольку то входитъ въ мою задачу.

Коснувшись впервые вопроса о происхожденіи заговора въ эпоху господства мифологической теоріи, Потебня отдалъ ей должную дань.

„Заговоры, — вывѣтрившіяся языческія молитвы, сопровождаются иногда, (а прежде, вѣроятно, всегда) обрядами, согласными съ ихъ содержаніемъ. т. е. символически изображающими его обрядами“²⁾. Это опредѣленіе— родоначальникъ буслаевскому и Афанасьева, но оно недолго удовлетворяло автора. Въ „Малор. нар. нѣс.“, гдѣ II. пришлось 2-й разъ высказаться по данному вопросу, встрѣчаемся съ сужденіемъ иного рода, съ опредѣленіемъ, прошедшимъ рядъ промежуточныхъ стадій, и съ указаніями этаповъ мысли по нути къ новому пониманію.

Къ сожалѣнію мы не можемъ опредѣлить, какъ рано началась эта эволюція. Единственное указаніе на эти промежуточные работы сохранилось въ университетскихъ лекціяхъ. Позволю себѣ подѣлиться съ читателями выдержками изъ одного курса Потебни, — „Опытъ объ элементарныхъ формахъ народной поэзіи“, записаннаго въ 1875 г. студентомъ Скиндеромъ³⁾.

«У заговоровъ съ молитвою очень мало общаго. Весьма немногіе изъ заговоровъ заключаютъ просьбу (благодарности и похвалы божеству въ нихъ совсѣмъ нѣтъ)“.

1) Потебня „Объясн. малор. нѣс.“, I, 124.

2) Потебня „О знач. н. с.“, с. 32.

3) Курсъ этотъ переданъ г. Скиндеромъ въ бібліотеку Харьковскаго Истор.-Филолог. Общества.

Общее у молитвы и заговора—желаніе, „чтобы нѣчто совершилось“.

„Заговоръ—это словесное изображеніе сравненія даннаго явленія съ желаннымъ,—сравненіе, имѣющее цѣлью произвести это желанное явленіе“. Выборъ даннаго явленія случаевъ (первое попавшееся на глаза сравнивается съ желаннымъ). Влюбчивый человѣкъ, увидѣвъ пылающій костеръ и думая о любимой женщинѣ, говоритъ: «Такъ бы тлѣло и горѣло сердце по рабѣ Божіей (имя рекъ) во вся дни, во всякій часъ, всегда, нынѣ и приспо и во вѣки вѣковъ»;—такая формула, вѣроятно, существуетъ тысячи лѣтъ.

„Преобладаніе извѣстнаго настроенія мысли въ человѣкѣ окрашиваетъ безконечное множество отгѣнковъ“. Разные люди совершенно различно понимаютъ и окрашиваютъ одни и тѣ же воспріятія: пасѣчникъ пригоняетъ всякое видимое имъ явленіе къ пчеламъ, пастухъ — къ стаду и пр. „Якъ до священника люди тиснутъ, такъ бы мои пчелы тиснулись до моей паси“; „какъ сходится народъ къ отцу по колоколу, такъ бы радѣло мое стадо на мой голось“. Бываетъ и такъ, что самое слово, выражающее пришедшую въ голову мысль, можетъ навести на сравненіе, создать ассоціацію понятій: вспоминаетъ, положимъ, пасѣчникъ при звукѣ колокола, что сегодня Благовѣщеніе Дѣвы Маріи о зачатіи, и мысль обращается къ постоянному предмету заботы: «Подай, Господи, пчеламъ зачатые тустыи меда». Это типичный примѣръ: подобнаго рода заговоры, даже вращаясь въ кругу опредѣленныхъ религіозныхъ наименованій, могутъ свободно выростать внѣ сферы развитого религіознаго богопочитанія.

При неоднократномъ употребленіи въ связи такія двѣ половины случайной ассоціаціи начинаютъ исподволь срастаться: появленіе одной влечетъ за собою въ мысли другую и начинаютъ пониматься какъ причина и слѣдствіе. Отсюда—чары, т. е. умышленное изображеніе дѣйствія перваго члена ассоціаціи, умышленное воспроизведеніе его съ цѣлью вызвать появленіе 2-го члена, что

при слабомъ различіи субъективнаго и объективнаго, кажется вполне естественнымъ.

Обрядъ и чары первоначально тоже никакого отношенія къ божеству не имѣютъ: сукъ въ деревѣ высохши выпадаетъ, чирій—въ тѣлѣ; на этой почвѣ выросъ заговоръ: «какъ сохнетъ сукъ, такъ сохни чирій», при чемъ чирій обводятъ высохшимъ сукомъ. Иногда вторая половина заговора явственно не изображается, но можетъ подразумѣваться: мысль такъ сосредоточена на данномъ, наболѣвшемъ явленіи, что оно даже на словахъ не упоминается, а лишь противоположное ему, желаемое, а связь между ними не договаривается: „На берегу сидитъ мать Пресвятая Богородица, нитки мотаетъ, раны кровавыя зашиваетъ“—такъ было бы хорошо и въ данномъ случаѣ,—поэтому кровь должна уняться.

Это одна изъ переходныхъ стадій, гдѣ могло уже получать значеніе религіозное міропониманіе.

„Послѣ того, какъ образы небесныхъ существъ вслѣдствіе длинныхъ процессовъ явились конечными причинами земныхъ явленій, когда создалось представленіе о могуществѣ боговъ,—заговоръ постепенно удаляется отъ первоначальной формы сравненія, при отсутствіи всякой просьбы, и переходитъ къ той формѣ, въ которой изображена дѣятельность мифическихъ существъ и соединяется съ молитвой къ нимъ. Есть такіе заговоры, въ которыхъ изображеніе дѣятельности божества соединено съ молитвой. Еще болѣе поздняя форма состоитъ въ томъ, что первая половина совершенно исчезаетъ или, другими словами, сжимается въ одно обращеніе съ существомъ и содержаніе заговора становится молитвой. Такая форма возможна тогда, когда человѣкъ сроднился съ мыслью, что божество есть причина явленія: «Гой еси ты, Георгій Храбрый, исцѣли отъ недуга и пошли всѣ недуги на нечистые гады».

Эти наброски получили вскорѣ законченный, болѣе отдѣланный видъ въ „Малорусской пѣснѣ по списку XVI вѣка“. „Оставаясь при мнѣніи, что заговоры вообще суть

обломки языческихъ молитвъ (Аван. „П. возр.“, I, 43, 414), что чѣмъ болѣе заговоръ подходитъ къ молитвѣ, тѣмъ онъ первобытнѣе, мы впадаемъ въ ошибку... Въ молитвѣ человѣкъ обращается къ существу, которое, по его мнѣнію, настолько человѣкообразно, что можетъ исполнить просьбу, или нѣтъ, что оно доступно похвалѣ и благодарности или порицанію и мести... Хотя въ заговорахъ почти нѣтъ слѣдовъ благодаренія, часть ихъ подходитъ подъ понятіе молитвы въ обширномъ смыслѣ, включая въ себѣ привѣтствіе («добрий вечір тобі, місяцю, милий князю»...), изображеніе могущества божества, угрозы: просьбу, угрозу; тѣмъ не менѣе значительная часть заговоровъ имѣетъ съ молитвою лишь то общее, что вытекаетъ изъ желанія, чтобы нѣчто совершилось. Нельзя сказать, что они вообще отличаются отъ языческой молитвы тѣмъ, что «принадлежатъ къ эпохѣ болѣе грубаго представленія о божествѣ», имѣютъ, по мнѣнію говорящаго принудительное вліяніе» (Ор. Миллеръ „Оп. рус. сл.“², I, 84), ибо, во-первыхъ, въ языческой молитвѣ врядъ ли можно разграничить принудительность и непринудительность; во-вторыхъ, въ заговорѣ можетъ вовсе не заключаться представленія о божествѣ. Опредѣленіе заговора, какъ выраженнаго словами пожеланія, которое должно непременно исполниться (Крушевскій, 23), — слишкомъ широко. Оно не указываетъ на исходную точку развитія заговоровъ, какъ особой формы пожеланія, присоединяетъ къ нимъ простыя формы проклятія и ругательства, подъ условіемъ вѣры въ то, что они сбываются, и, какъ увидимъ, существенные элементы причитаній по мертвымъ. Мнѣ кажется основную форму заговора лучше опредѣлить такъ. Это — словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее“¹⁾,

„Возникновеніе заговоровъ связано съ созданіемъ

¹⁾ Потѣбня „Малор. нар. п.“, 20—21.

категоріи причини изъ отношеній «супъ носъ» и «rostъ носъ», въ частности изъ отношеній сходства. Вѣра въ возможность достиженія виѣшней цѣли посредствомъ субъективнаго процесса сравненія и изображенія предполагаетъ низкую степень различимости изображаемаго (виѣшняго, объективнаго), и изображенія (слова и личнаго дѣйствія вообще)... Въ частности для возникновенія вышеприведенныхъ ¹⁾ «присушекъ» необходимо, чтобы любовь представлялась дѣйствіемъ внутренняго огня, но вовсе не необходимо, чтобы виѣшний огонь, напоминающій объ этомъ внутреннемъ, сознательно представлялся божественною причиною личныхъ состояній, объясняемыхъ внутреннимъ огнемъ. Подведеніе частнаго явленія подъ общую міровую причину [напр. N—Илья=стрѣляющее божество—отстрѣливаетъ уроки, приговоры, притки (вообще),—пусть и въ этомъ случаѣ будетъ то же] есть лишь одна изъ возможностей ²⁾.

„Двухчленность заговора, мнѣ кажется, лежитъ и въ основаніи другихъ его формъ, лишь повидимому болѣ простыхъ, а въ сущности относящихся къ первообразной приблизительно какъ, какъ опущеніе субъекта или предиката къ двухчленному предложенію. Въ заговорѣ, съ одной стороны, можетъ остаться одно примѣненіе, одно пожеланіе, одна молитва; съ другой—можетъ быть на лицо одно изображеніе символа (будетъ ли это явленіе, имѣющее божественный характеръ, облеченное въ челоуѣкоподобный образъ или нѣтъ), при которомъ примѣненіе лишь подразумевается“. Такъ, напр., «Ііхав Рахайло и Михайло на білому коню, вів три хорти, един білий, другий чер-

¹⁾ „Въ печи огонь горитъ.. и тлитъ дрова, такъ бы тлѣло и горѣло сердце у N“. (Майк. 426). *Limus ut hic durescit et haec ut caera liquescit Uno eodemque igni sic nostro Daphnis amore* (Virg. Ekl., VIII, 80),— какъ говоритъ женщина, приближая къ огню два изображенія привораживаемаго: одно изъ илу, другое изъ воску“. (Ib. 21).

²⁾ Ib. 21—22.

воний, а третій чорний: б. біжить—слізи лиже; ч. б.—кров лиже, а червоний б.—більмо лиже»—Вінок Русинам на обжинов, 267; Ефименко въ „Чт. О. И. и Др., 1874, I, № 29-й—„по практикуемому способу объясненія значило бы: вѣтры — псы, сопровождающіе небесныя грозовыя божества, слизываютъ тучи и открываютъ солнце; а такъ какъ глазъ солнцеподобенъ, то пусть въ этомъ случаѣ сойdetъ съ него бѣльмо“¹⁾.

„Въ значительномъ числѣ наличныхъ заговоровъ (—видно—), какъ въ нихъ съ одной стороны желаніе, заранѣе опредѣленное лишь въ самомъ общемъ, специализируется подъ вліяніемъ случайныхъ воспріятій, съ другой—въ этихъ воспріятіяхъ усматриваются тѣ или другія стороны подъ вліяніемъ господствующаго настроенія. Напр. *приколъ* не имѣетъ отношенія къ пчеловодству, и въ другое время ни его видъ, ни его имя не возбудили бы въ человѣкѣ и мысли о пчолахъ, но когда человѣкъ, будучи озабоченъ своею пасѣкою, находитъ эту вещь, онъ говоритъ: «Якъ тое бидло було припъяте, немогло шійти відъ того міста нігде; такъ би мої матки не могли вийти відъ пасіки, від мене, р. Б.» (Чуб., I, 74). Лишь послѣ того, какъ случайно (хотя быть можетъ не безъ вліянія мифической связи пчелы и быка, коня — О миф. зн. н. обр., 209 сл.) образовалось сочетаніе мысли о конскомъ прикольнѣ и сидѣннїи матокъ въ пасѣкѣ, появленіе мысли о послѣднемъ, какъ желанномъ, вызоветъ въ сознаніе и первое. Но тотъ разъ приколь былъ налидо, и перь его нѣтъ; остается поискать нарочно. Съ теченіемъ времени возникаетъ требованіе: когда хочешь заговаривать матокъ, чтобы сидѣли, найди «приколень, що коня припинають, вийми его изъ земли и говори такъ: якъ тее бидло було припъяте»²⁾...

„Дѣйствіе, сопровождающее здѣсь заговоръ, представляетъ простѣйшую форму чаръ. Чары—это первоначаль-

1) Ib. 22.

2) Ib. 22—3.

но дѣятельно умышленное изображеніе перваго члена заранее готовой ассоціаціи (именно того, съ чѣмъ было сравнено желанное), имѣющее цѣлью вызвать появленіе 2-го члена, т. е. сравниваемого и желаннаго. Достигаемое этимъ болѣе живое представленіе желаемаго, при бѣдности содержанія мысли и ея безсилія отличать субъективное отъ объективнаго, принимается за мѣру, необходимую для появленія желаемаго въ дѣйствительности, за мистическое осуществленіе желаемаго. Чары и первоначально и до нынѣ могутъ не имѣть отношенія къ небеснымъ и міровымъ явленіямъ, и въ этомъ смыслѣ требуютъ ограниченія мнѣніе, что древнѣйшіе обычаи (Sebräuche) оказываются простыми изображеніями небесныхъ явленій (Schantz „Der Urspr. d. Mytl., XVI“¹⁾).

„Подобно тому, какъ пѣсня можетъ начинаться со случайнаго даннаго явленія, которое становится символомъ, а также подобно тому, какъ ругательства получаютъ опредѣленное выраженіе подъ вліяніемъ послѣдняго слова отвѣта“—(ср. *Квинта* „Та я ж ходив...—А бодай тебе ходило се та те“, или „Та вже ж ёго, тіточко, випустили...—Випустили? От так ти випускай“...)—„подобно этому и въ заговорахъ образцомъ желаемаго, дающаго направленіе мысли можетъ стать какъ чувственное воспріятіе, такъ и слово. Напр. въ Благовѣщенье то, что въ этотъ день празднуется—возвѣщеніе *зачатія*—дастъ поводъ пчеловоду говорить: «повели, Господи, пчеламъ зачати ім густие меди» и проч.“²⁾.

„Гдѣ нѣтъ мысли о сверхчеловѣческомъ могуществѣ и намѣренной міровой дѣятельности, тамъ, я думаю, нѣтъ мысли о божествѣ; въ противномъ случаѣ понятіе о божествѣ расплывается въ понятіе о вещи и явленія. Понятіе о божествѣ не исконно. Заговоры и чары, видимо стоящіе внѣ сферы богопочитанія, хотя бы и воспроизведенные, даже созданные вчера и сегодня, могутъ быть

1) Ib. 23.

2) Ib. 23—4.

по своему характеру болѣе первобытны, чѣмъ такіе, завѣдомо древніе, какъ извѣстный нѣмецкій заговоръ XVIII вѣка (Буслаевъ, Оч., 250), въ коемъ первый членъ сравненія изображаетъ дѣйствія божествъ, и — чѣмъ подобныя этому русскіе заговоры съ несомнѣнными слѣдами языческихъ божествъ“¹⁾.

„Принимая все это во вниманіе, я имѣю въ виду поправку слѣдующаго мнѣнія:

«Нѣкоторые заговоры, прежде самаго заклинанія или мольбы, предлагаютъ описаніе тѣхъ обрядовыхъ подробностей, съ какими въ древности надо было приступать къ этому священному дѣлу: „вставала я, р. Б., въ красную утреннюю зорю, умывалась ключевой водою, утиралась бѣлымъ платомъ, пошла изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле“ и проч.... По этимъ указаніямъ надо было вставать на зарѣ, выходить въ поле... умываться росой или ключевой водою, символомъ дождя, дающаго обиліе и счастье, кланяться на востокъ, гдѣ восходитъ верховное божество свѣта» и пр. (Ае. „П. В.“ I, 414—5)¹⁾.

„Подобно этому и Крушевскій (I. с. 31) о формулахъ «встану»... говоритъ: «это очевидно свѣтъ знахаря, описаніе того обряда, который долженъ былъ предупредить заговоръ, а *слылось* оно съ послѣднимъ позже, когда уже самъ обрядъ не совершался»²⁾.

„Конечно, когда воспроизведеніе возобладало надъ созданіемъ, когда заговоръ сталъ повторяться буквально, то явилось несоотвѣтствіе словъ: «встану я... умоюсь» и проч. съ дѣйствіями знахаря, который, произнося заговоръ, вовсе не встаетъ, не умывается и проч. Такая же неправда — и въ началѣ пѣсни: «з-за 'ной мі гори»..., если пѣсня поется на ир. въ хатѣ, откуда никакой горы невидно. Въ обоихъ случаяхъ начала могутъ стать гото-

¹⁾ Ib. 24.

²⁾ Ib. 24.

³⁾ Ib. 25.

выми общими мѣстами, легко прилаживаемыми къ любому тоже готовому содержанію. Но воспроизведеніе и условность предполагають созданіе и полное соотвѣтствіе мысли и слова. Если въ заговорѣ говорится: «встану»... и проч., то нѣкогда такъ и дѣлалось, при томъ не въ силу совѣта знахаря, а прежде чѣмъ сложились подобные совѣты. Изображенія дѣйствій невозможныхъ, имѣющія лишь символическое значеніе, на пр. порученіе себя покровительству вышнихъ силъ — [«Оболокусь я оболочкомъ: обтычусь частыми звѣздами» и т. п. — Ае. II. В. I, 611, въ родѣ того, что въ мр. заговорѣ: «Пресвята Богородица стояла, мені въ поміщ ставала»] — могутъ разсматриваться, какъ позднѣйшія наслоенія. Основная черта этихъ введеній видится мнѣ въ томъ, что въ нихъ могутъ быть слѣды богопочитанія. Первоначально они — то же по отношенію къ существенному содержанію заговоровъ, — именно къ первому члену заключающагося въ нихъ сравненія, — что начала пѣсень, какъ: «пійду я», «стану я», «сяду я»... по отношенію къ главнымъ мотивамъ пѣсень. Это — выраженія сознанія того пути, сначала случайнаго, потомъ намѣреннаго, которымъ человѣкъ приходитъ къ возможности сдѣлать извѣстное наблюденіе, вспомнить, представить себѣ, войти въ извѣстное настроеніе, подвергнуться иллюзій; это первоначально — воспоминанія обстоятельствъ, при которыхъ соткался заговоръ. Заговоры съ такими введеніями древнѣе тѣхъ, которые начинаются внезапно, какъ съ обрыва¹⁾.

„Даже въ заговорахъ явно-божественнаго содержанія вступленіе можетъ неимѣть никакого отношенія къ богопочитанію. Вотъ на пр. идетъ р. В. въ скорби и печали, идетъ, плачетъ и никто ее не спроситъ: «о чемъ?». Видится ей, что встрѣчаетъ ее Матерь Божія, распрашиваетъ, утѣшаетъ, общаетъ исцѣленіе отъ самого Христа. Этотъ личный опытъ воспоминается при другомъ го-

¹⁾ Ib. 25.

рѣ своемъ или чужомъ. Образуется умысль воспроизвести это воспоминаніе и достигнуть того же результата, и возникаетъ заговоръ отъ напастей:

«Иду я, плачу—ридаю, Матір Божу совстрічаю. Б. Б. мя питає: „чего ти, р. Б., рожденна, молитвенна, крещенная плачеш-ридаеш?“ — Я плачу-ридаю: велику на собі вражду маю, велику напасть, ненависть, остуду-паскуду, пристрїт и великий ніжень (—? нежить? нежит?—) на собі маю, та незнаю, де відблагаю. — „Иди ти до ріки Йрдані! Сам Христос ты сціляє, очищає и заступає“. — Відялагай від напасті, ненависті, остуди-паскуди, пристрїту и великого ніжню» (Под. г. по р. Смотричу. Зап. студ. Ив. Стефановскимъ)¹⁾.

„Изъ этого примѣра видно также, что молитва и въ заговорѣ, въ коемъ изображаются дѣйствія божества, можетъ имѣть второстепенное значеніе. Заговоръ могъ бы быть и безъ послѣдней части («відблагай»)²⁾.

„Замѣченный въ цѣсennyхъ началахъ переходъ отъ изображенія дѣйствительной обстановки къ идеализированной [— «Ой пійду я по-надъ Дунаями, По-надъ Дунаями вода слоянами... Ой там козаченько коня напуває, | Коня із приноя (?), Сам заплакав стоя»...—] — обыченъ и въ заговорахъ: «встану я.. пойду... подъ свѣтлымъ мѣсяць, подъ луну Господню, къ тому (извѣстному, т. е. живо воображаемому, традиціонному) синему морю-окину. У того у моря лежить бѣль алатръ камень» (Гуляевъ „Оч. южн. Сибири», 47)³⁾.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась еще одна интересная работа, посвященная вопросу о заговорахъ,— студента Харьковскаго у-та О. Зеллинскаго⁴⁾. Не вдава-

1) Ib. 26.

2) Ib.

3) Ib.

4) „О заговорахъ“ (Сб. Ист.-фил. Общ.).

ясь въ детальное изученіе матеріала по источникамъ, г. Зелинскій ознакомился съ важнѣйшими изъ работъ предшественниковъ, подвергъ ихъ усиленной критикѣ и попытался установить свой взглядъ на нѣкоторыя стороны этого сложнаго вопроса.

„Въ заговорѣ мы всегда находимъ желаніе, съ цѣлью достигнуть (— исполненія? —) котораго и произносится заговоръ, находимъ сравненіе (отсутствіе же его такъ или иначе объяснимо) и словесное изображеніе этого сравненія“¹⁾.

Опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, когда возникаютъ заговоры, найдемъ только у одного Крушевскаго. Указывая на то, что человѣческому уму, на извѣстной ступени его развитія, причастны вѣра въ возможность навязать свою волю божеству, другому человѣку или извѣстнымъ предметамъ и обстоятельствамъ и вѣра въ человѣческое слово, какъ средство для этого, — онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ, такъ какъ факты достаточно извѣстны и слишкомъ многочисленны. „Религія въ извѣстной фазѣ своего развитія характеризуется вѣрою въ возможность навязать свою волю божеству. Фаза эта — фетишизмъ. Къ эпохѣ фетишизма и слѣдуетъ отнести появленіе заговора». Намъ кажется, что въ этомъ мѣстѣ К-ій дѣлаетъ дальшую натяжку. Дѣло въ томъ, что, производя заговоръ изъ особенностей первобытнаго мышленія, доказывая его зависимость отъ чисто-психическихъ причинъ, нѣтъ надобности относить возникновеніе заговора къ эпохѣ фетишизма“²⁾. „Если бы заговоръ велъ свое начало отъ эпохи хотя бы самаго низкаго богопочитанія, то это въ немъ отражалось бы. Тѣмъ болѣе, если бы онъ вытекалъ изъ какого-либо религіознаго возрѣвнія, какъ напр. молитва, то отношеніе его къ религіи было бы его существеннымъ признакомъ, чего мы не видимъ въ опредѣленіи основной его формы, данномъ По-

¹⁾ Л. с. 13.

²⁾ Ib. 13—14.

тебней. Во многихъ заговорахъ... мы не находимъ даже никакого упоминанія о божествѣ, а эти то заговоры и являются ихъ типичными образцами и представляютъ изъ себя древнѣйшую форму. Въ виду всего изложеннаго выше, мы относимъ возникновеніе вѣры въ силу слова и связанныхъ съ нею заговоровъ къ эпохѣ, предшествующей самому раннему богочитанію, словомъ, какъ выражается Ор. Миллеръ, къ тому періоду, когда не молились и не приносили жертвъ; эпоху эту Леббокъ называетъ атеизмомъ; «подразумѣвая подъ этимъ терминомъ не отрицаніе существованія божества, но отсутствіе всякихъ опредѣленныхъ идей по этому предмету» (Нач. цив., 88). Мы видимъ, что нѣкоторые современные намъ дикіе народы, стоящіе на самой низкой ступени развитія, не имѣютъ никакой религіи, никакихъ религіозныхъ обрядовъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакой идеи о божествѣ, даже словъ для выраженія этого понятія, а между тѣмъ они имѣютъ колдуновъ и знахарей, которыхъ авторитетъ опирается на колдовствѣ и заклинаніяхъ, составляющихъ одинъ изъ простѣйшихъ видовъ колдовства¹⁾.

Не находя „ни у одного изслѣдователя обстоятельнаго объясненія“²⁾ тому, какъ возникъ заговоръ, г. Зелинскій пытается предложить свою теорію:

„Первобытнѣйшій человѣкъ, наблюдая происходящія вокругъ него явленія, часто видитъ два явленія, происшедшія одно за другимъ, и запоминаетъ ихъ въ такомъ порядкѣ. Свойство памяти таково, что два явленія или предмета, находящіеся въ извѣстномъ отношеніи другъ къ другу, ассоціируются между собою, т. е. такъ тѣсно связываются между собою въ памяти, что, при воспоминаніи объ одномъ изъ нихъ вспоминается и другое. Отсюда происходитъ то, что разъ изъ двухъ ассоціированныхъ такимъ образомъ явленій снова происходитъ первое, то человѣкъ, наблюдая его, тотчасъ вспоминаетъ о второмъ

¹⁾ Ib. 14.

²⁾ Ib. 18.

и ожидаетъ его появленія. Т. о. появленіе перваго члена подобной ассоціиіи становится признакомъ скорого появленія 2-го члена. Это и есть примѣта. Мы замѣтили, что вечеромъ солнце садилось въ тучу, а на другой день шель дождь; эти два явленія ассоціировались между собою, и всякій разъ, при видѣ солнца, садыаагося въ тучу, намъ приходитъ мысль о дождѣ, и мы ожидаемъ его. Т. о. у насъ возникаетъ примѣта, по которой, если солнце садится въ тучу, то на другой день будетъ дождь¹⁾.

Примѣта „это — первый членъ ассоціиіи, въ которой при появленіи перваго члена ожидается появленіе втораго“²⁾. Это — предшественница категоріи причины.

„Возникновеніе заговоровъ связано съ созданиемъ категоріи причины изъ отношеній «*cum hoc*» и «*post hoc*», въ частности изъ отношеній сходства. Въра въ возможность достиженія внѣшней дѣли посредствомъ субъективнаго процесса — сравненія — предполагаетъ низкую степень различимости изображаемаго (внѣшняго объективнаго) и изображенія (слова и личнаго дѣйствія вообще“ (*Потембля* „*Мр. и.*“, 22).

„Въ случаяхъ обморока, апоплексіи и каталепсіи человекъ не помнитъ, что съ нимъ происходило въ это время, а окружающіе видѣли его полное безчувствіе, бездыханность. Это... укрѣпляетъ увѣренность въ томъ, что другое *я* можетъ покидать человека и снова возвращаться. Отсюда и до сихъ поръ существующее выраженіе о пробужденіи отъ обморока — *прійти въ себя*, въ то время какъ субъектъ въ экстаитическомъ состояніи очевидно находится *внѣ себя*. Итакъ очевидно, что другое *я* можетъ покидать тѣло и возвращаться“³⁾.

Въ эти отлучки души въ ея тѣло можетъ вселиться чужая, злая, вступающа въ борьбу съ прежней хозяйкой и вызывать такимъ образомъ рядъ разстройствъ тѣла и ду-

1) Ib. 18.

2) Ib. 19.

3) Ib. 31—2.

ха, всякіе недуги, болѣзни, порчи и проч. Отсюда — возможность, а потомъ и необходимость въ подобныхъ случаяхъ заклинаній, колдовства.

Изъ подобныхъ „весьма несложныхъ причинъ“ возникаетъ заговоръ; „поэтому естественно какъ то, что мы встрѣчаемъ его у народовъ совершенно чуждыхъ другъ другу по своему происхожденію, такъ и то, что заговоры разныхъ народовъ часто сходны между собою не въ одной только основной своей формѣ“¹⁾.

„Заговоръ заключаетъ въ себѣ возникшее по ассоціаціи сравненіе, изображенное словомъ, какъ самымъ могущественнымъ орудіемъ для произведенія сравненія“²⁾.

„Самый простой заговоръ заключаетъ въ себѣ одинъ изъ членовъ сравненія, а самый сложный — всѣ пять (— обращеніе, введеніе, два члена сравненія и закрѣпленіе —). Средину между ними занимаютъ тѣ заговоры, которые образовались путемъ различныхъ соединеній указанныхъ формулъ. Желаніе придать болѣе силы заговору привело къ тому, что въ одномъ и томъ же заговорѣ находимъ нѣсколько обращеній, нѣсколько закрѣпленій, нѣсколько членовъ сравненія“³⁾.

Не стану вдаваться въ критическую и сравнительную оцѣнку достоинствъ и недостатковъ этихъ разнообразныхъ взглядовъ и теорій. Въ каждомъ изъ нихъ есть дань своему времени, увлеченіе господствующимъ теченіемъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ вообще (обыкновенно всегда то или иное направленіе, занявъ верхи мысли человѣческой въ извѣстную эпоху, даетъ ей тонъ, направленіе, окраску, иногда не замѣчаемую самимъ авторомъ), и каждое изъ нихъ вноситъ свою долю свѣта въ обслѣдуемый, все еще очень темный вопросъ.

¹⁾ Ib. 34.

²⁾ Ib. 35.

³⁾ Ib. 45.

Воспользовавшись плодами трудовъ каждого изъ моихъ предшественниковъ, и попытаюсь сдѣлать хотя небольшой шагъ въ глубь этого вопроса, поскольку то позволяетъ современный уровень науки и общей выработанности мысли и слова, являясь лишь выразителемъ въ одной изъ частныхъ областей знанія того новаго, къ чему подвинулась человѣческая мысль, неустанно пытливая, въ своихъ исканіяхъ истины.

Думается, что картина исторіи всякаго духовнаго вопроса интересна сама по себѣ, — это одна изъ цѣлей вышеприведенныхъ многочисленныхъ выписокъ, а другая — желаніе дать въ руки болѣе вдумчивому изъ читателей, болѣе стоящему на высотѣ современныхъ знаній — матеріалъ, при помощи котораго онъ могъ бы въ сравнительно короткое время ориентироваться въ данномъ вопросе и открыть путь для дальнѣйшей разработки его.

Повторяю, цѣль моей работы — лишь попытка перевести добытые моими предшественниками результаты изслѣдованій на языкъ современной научной мысли. Съ этою только цѣлью я и позволю себѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи возвращаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ вышеприведеннымъ мнѣніямъ.

Долженъ оговориться, что буду придерживаться въ основѣ того научнаго теченія, которое у насъ въ Россіи особенно ярко выражено проф. А. А. Потебней.

Отправной точкой будетъ исторія языка въ связи съ исторіей мысли, такъ какъ на этомъ полѣ разыгрываются всѣ битвы научныхъ теорій.

Къ этому основному вопросу и приступаю въ дальнемъ изложеніи.

ГЛАВА 2-я.

Психологическія основанія возникновенія заговоровъ.

Созданіе заговоровъ, точнѣе — творчество мысли народной въ этомъ направленіи не прекратилось и понынѣ¹⁾.

Живучесть ихъ поразительна; для нихъ нѣтъ строго опредѣленной, отмежеванной эпохи, когда они народились и потомъ, исподволь разившись, существуютъ нынѣ лишь какъ культурное переживаніе.

Слѣдуетъ, по-моему, искать не эпоху, когда они народились, а опредѣлить тѣ условія, при которыхъ они вообще легко создаются и живутъ привольно; а потомъ прослѣдить, какъ видоизмѣняются эти условія съ измѣненіемъ міропониманія человѣческаго; уловить важнѣйшіе моменты борьбы и взаимодѣйствія этихъ началъ.

Правда, въ самомъ словѣ „заговоръ“ указана отправная точка — признаніе за словомъ человѣческимъ могучей силы; но это — эпоха полного разцвѣта.

¹⁾ См., напр., въ „Кіевской Старинѣ“ 1900, II, 16—17 заговоръ отъ „скарлатины“.

Попытаемся раскрыть, какъ и при какихъ условіяхъ могла вырасти эта вѣра въ мощь слова.

Основной приѣмъ современнаго мышленія — сравненіе (понимаемое, какъ сопоставленіе, потомъ — установленіе различій и соотвѣтствующій выводъ, умозаключеніе). Этотъ приѣмъ присущъ и всякому мышленію, только, разумѣется, въ разныхъ степеняхъ совершенства и сложности, сообразно духовному уровню мыслящаго. Намѣтить поворотные пункты по пути къ такому усложненію — и значить подойти къ сущности вопроса, отыскать ключъ къ рѣшенію этой сложной задачи.

Во всемъ сложномъ мы легче разбираемся, когда сумѣемъ отыскать въ немъ простыя части, входяція въ составъ его; тогда видны становятся тѣ приспособленія къ этимъ основнымъ частямъ, которыя даютъ единство и цѣльность сложному.

Въ данномъ случаѣ сравнительно простымъ по отношенію къ исторіи всякаго словеснаго (художественнаго) произведенія является эволюція слова.

Слово — первичный источникъ сознательнаго мышленія, источникъ самосознанія, самоопредѣленія и разумнаго творчества. „Человѣкъ усваиваетъ образы виѣшняго міра въ формахъ своего самосознанія; тѣмъ болѣе — человѣкъ первобытный, не выработавшій еще привычки отвлеченнаго, необразнаго мышленія, хотя и послѣднее не обходится безъ извѣстной сопровождающей его образности. Мы невольно переносимъ на природу наше самоощущеніе жизни, выражающееся въ движеніи, въ проявленіи силы, направляемой волею; въ тѣхъ явленіяхъ или объектахъ, въ которыхъ замѣчалось движеніе, подозрѣвались когда-то признаки энергіи, воли, жизни“¹⁾, вообще человѣкообразности, близости къ мыслящему, го-

¹⁾ *Веселовскій, А. „Психологич. параллелизмъ“, 1.*

ворящему существу. Слово сыграло довольно видную роль въ развитіи этого анимистическаго пониманія міра: оно служило центромъ, къ которому стягивалось все, въ чемъ подмѣчено было какое-либо сходство; такъ создавалась группировка, дѣленіе на категоріи всего необъятнаго, что открывалось человѣческой мысли.

Многое изъ казавшагося издали однороднымъ, притянутое словомъ поближе къ сознанію, стало терять свою обманчивую близость и связь; при ближайшемъ сопоставленіи обнаруживалась и разница; такъ исподволь выросло могучее орудіе человѣческаго ума — анализъ, который постоянно тревожитъ мысль, открывая для нея все новые горизонты, постепенно уготовляя почву для новаго міропониманія.

На равныхъ ступеняхъ развитія человѣкъ съ трудомъ отличаетъ себя отъ окружающаго; онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ природой ¹⁾. Яркіе примѣры этого со-

¹⁾ Позволю себѣ привести здѣсь одинъ крайне любопытный пережитокъ такого міропониманія, сохранившійся до недавняго времени. Чуваши увѣрены, что извѣстными средствами можно перевести урожай съ чужого поля на свое. Вотъ одинъ изъ этихъ способовъ: Въ неурожайный годъ чуваши снаряжаютъ въ ближайшее урожайное поле свадебный поѣздъ со всей обычной обстановкой. Выбирается красивый парень; его одѣваютъ, какъ жениха, на общественный счетъ. Парень этотъ вмѣстѣ съ своей свадебной свитой, съ посаженнымъ (старѣйшимъ въ селѣ) во главѣ, садится въ телѣгу (куда кладутъ заступы и лопаты для поднятія на возъ земли-невѣсты) и ѣдетъ за „невѣстой“. Прибывъ на мѣсто, посаженный, обращаясь къ засѣянному полю, говоритъ: „Вотъ мы пріѣхали къ тебѣ съ красивымъ и умнымъ женихомъ, богатая и дорогая невѣста. Знаемъ, что у тебя сосчитать нельзя богатства, а у нашего жениха оцѣнить нельзя горячность любви къ тебѣ... Такъ полюби и ты, дорогая невѣста, нашего жениха и не откажи въ нашей просьбѣ. Возьми съ собою, дорогая невѣста, все твое приданое и съ полей и луговъ, изъ лѣсовъ и рѣкъ“. — Затѣмъ лопатами насыпаютъ въ повозки земли, сажаютъ на переднюю жениха и мчатся назадъ, къ своимъ полямъ, гдѣ и разбрасываютъ при-

стоянія приводятся изслѣдователями психологіи равняго дѣтства: путемъ многократнаго опыта научается ребенокъ сознать общую связь частей своего тѣла и ихъ принадлежность чему то единому, какому то особому „я“, отличному отъ всего другого; а понятія о собственности, въ широкомъ смыслѣ, развиваются очень поздно.

Къ тому же этотъ немудреннѣй опытомъ мыслитель, постоянно колеблющійся и сомнѣвающійся, встрѣчался въ своихъ повседневныхъ наблюденіяхъ съ явленіями, подрывавшими и подтачивавшими устои, едва намѣчпныя упорными усиліями ума.

Онъ видѣлъ рядомъ съ собою идущую тѣнь, то увеличивающуюся, то уменьшавшуюся, а порой и совсѣмъ беслѣдно пропадавшую; глядѣлъ онъ въ глаза своего собесѣдника и видѣлъ тамъ другого, маленькаго человѣка; наблюдалъ онъ явленія сна и смерти, и въ его умѣ снова вспыхивало сомнѣніе, есть ли его *цѣльное* „я“, какъ то показалъ уже рядъ опытовъ съ огнемъ, ощущеніемъ боли въ разныхъ частяхъ тѣла, отражающихся въ одномъ центрѣ и проч., въ дѣйствительности таковое. — И вотъ начиналась старая и вмѣстѣ вѣчно юная исторія — сомнѣнія, двойственность, а въ результатѣ — пересмотръ вопроса вновь, и новая „научная“ теорія.

Длинный рядъ наблюденій, размысленій первой стадіи припесь свой плодъ: рука, нога, голова мои ощущаютъ тѣ или иныя физическія воздѣйствія, значить онѣ составляютъ нѣчто цѣлое, связанное, но входитъ ли въ составъ *этого* цѣлага многое другое, что я подмѣчаю въ себѣ, но что помянутымъ воздѣйствіямъ не поддается? Я ушибъ тѣнь свою и мнѣ не больно, я уходилъ во снѣ

везенную землю. При этомъ женихъ, подходя къ каждой повозкѣ, говоритъ: „Здравствуй, дорогая моя новобрачная, люблю я тебя больше золота, больше жизни моей, за мою ты любовь разверни свое приданое на нашихъ поляхъ и лугахъ, лѣсахъ и рѣкахъ“. — Остатокъ ночи пируютъ (*Золотницкій*, „О старой чув. вѣрѣ“, с. 255—6).

далеко-далеко, а всё ближніе увѣряютъ, что изъ дому я въ это время не выходилъ; я былъ въ водѣ и въ огнѣ, и сухъ, и обжоговъ не чувствую. — И тянутся вереницей подобныя вопросы, колебля едва сложившуюся увѣренность въ единствѣ простыхъ частей, входящихъ въ составъ „я“. Мысль кипитъ, мучится, борется и наконецъ съ торжествомъ вноситъ поправку, дополненіе въ старую теорію: да, вотъ тѣ явленія, конечно, составляютъ единое, а вотъ эти новыя, можетъ быть, входятъ въ составъ другого дѣлага, — создаваемого по образу перваго.

Міръ опять раздвоенъ: въ немъ есть существа, которымъ свойственна физическая боль, которыя медленно передвигаются по землѣ, которыя ежедневно нуждаются въ пищѣ и питьѣ и т. п., а есть и иная категорія существъ — незнакомцевъ, которымъ эти свойства не присущи, которыя надѣлены новыми, иными, и которыя подлежатъ изученію.

Разумѣется, эти незнакомцы унаслѣдовали многія черты отъ своихъ предшественниковъ: таково ужъ свойство мысли человѣческой. — Вотъ почва, на которой выросла вѣра въ двойниковъ, сыгравшая огромную роль въ новомъ міропониманіи, въ развитіи человѣчества, въ разработкѣ идеи божества; легшая въ основу духа и плоти, откуда выросли всё послѣдующія, вплоть до современныхъ, — научныя теоріи.

Amélineau въ своемъ изслѣдованіи „Идея души въ древнемъ мірѣ“ отмѣчаетъ у Египтянъ существованіе вѣры въ двойниковъ, стоящей на перепутьи къ созданію понятія о душѣ: „Египтяне вѣрили, что каждый изъ людей имѣетъ своего двойника, существо вполне тѣлесное, которое послѣ смерти человѣка остается на землѣ и которое необходимо питать и поддерживать ¹⁾); въ против-

¹⁾ „До настоящаго времени сохранился еще обычай ставить вечеромъ того дня, въ который погребли умершаго, на покути... или на окнѣ стаканъ съ водой или водкой и краюшку хлѣба... Душа покойника приходитъ въ свой домъ ужинать.

номъ случаѣ оно послѣ долгихъ скитаній чахнетъ, умираетъ въ свою очередь и становится безплотнымъ видѣніемъ... Двойникъ не есть еще душа: послѣдняя обитаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ тѣлѣ человѣка, но гораздо менѣе матеріальна; послѣ смерти своего носителя она постепенно теряетъ свою тѣлесность, а голодная смерть двойника еще болѣе лишаетъ ее физической оболочки. Безсмертіе составляетъ удѣлъ не всякой души, а только праведной¹⁾.

Двойникъ и душа (духъ) долгое время замѣнялись одно другимъ, да и понынѣ бытуютъ наравнѣ въ языкѣ напр. австралійскихъ дикарей, у которыхъ душа (двойникъ) представляется въ видѣ бѣлаго человѣка; такое пониманіе души живетъ даже у сравнительно культурныхъ народовъ и понынѣ: и теперь еще русскій простолюдинъ говоритъ, что душа вылетѣла изъ него въ видѣ голубя и проч.

Станемъ на точку зрѣнія этого новатора, перваго самобытнаго мыслителя, отправившагося по этому пути, и попытаемся прослѣдить, какъ мѣнялся міръ въ его глазахъ. Если наблюденія его навели на мысль, что при немъ или въ немъ есть alter ego; а эти наблюденія попадались на каждомъ шагу (тѣнь, отраженіе въ водѣ, обмиранія, истерика и проч.), — значить то же слѣдуетъ

Обыкновенно вода за ночь убываетъ; но народъ смотритъ на это, какъ на несомнѣнное доказательство того, что покойникъ являлся и вынулъ воду⁴⁾ (*Ицуржинскій*, „Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившихся въ малорусскомъ погребеніи“ — въ „Кіевск. Стар.“ 1890, I, с. 130—1). — Въ Куянск. у. (Харьк. губ.) донинѣ душа представляется въ видѣ крылатаго существа (пчелы) или пара, пока не вселится въ тѣлесную оболочку. „Войдя въ тѣло растеть вмѣстѣ съ нимъ, питаясь паромъ отъ той пищи, какою питается человѣкъ“ (см. „Кіевск. Стар.“ 1892, іюнь, с. 354).

1) „Rev. philosophique“, 1894, № 9 — въ „Вопр. филос. и психол.“, 1896 г., кн. 2-я, с. 160—1.

предполагать и о существахъ близкихъ къ человѣку — о животныхъ (вѣдь и понинѣ жива вѣра въ возможность обращенія людей въ животныхъ; а нѣкоторыя изъ послѣднихъ считаются обращенными навсегда изъ людей за какой-нибудь грѣхъ ¹⁾); легенды этого рода свойственны всѣмъ народамъ). А тутъ къ услугамъ старья, отброшенная было, понятія о близости тѣсной, родственной всѣхъ царствъ природы,— и все въ ней опять оживаетъ, только по-новому: плетъ въ этомъ камнѣ нѣтъ жизни, — въ этомъ я давно уже убѣдился, — но онъ тоже отбрасываетъ тѣнь; а эта новая величина для меня мало знакома; вѣдь и моя тѣнь обладаетъ не тѣми свойствами, что я; весьма возможно, что и тѣнь камня — нѣчто отличное отъ послѣдняго. Такъ исподволь міръ населяется двойниками всѣхъ видимыхъ вещей и существъ; на этихъ то двойниковъ и переносится все непонятное, странное, неразрѣшенное усиліями мыслителя; имъ придается зна-

¹⁾ „Медвѣдь былъ прежде человѣкомъ, но, по повелѣнію Господню, за убійство родителей, сдѣлался хищнымъ лѣснымъ звѣремъ“ (*Ефименко*, с. 172). — „Вѣра народа въ превращенія относится къ тому отдаленному первобытному времени, когда онъ видѣлъ въ камнѣ, деревѣ, животномъ превращеннаго человѣка... Превращенія, какъ остатокъ миѣческаго міровоззрѣнія, существуютъ въ нашей сказочной поэзіи, если можно такъ выразиться, въ формѣ *статикки и динамикки*. Нѣкоторые виды деревьевъ, камней и звѣрей понимаются, какъ превращенные навсегда люди, другія же существа, по большей части миѣческія, способны, по желанію, принимать различныя образы, а равно и снова получать свой первобытный видъ“ (*Яшуржинскій*, „О превращеніяхъ въ малор. сказкахъ“). — Такою силою превращать въ тотъ или иной предметъ и вновь возвращать человѣческій образъ обладаютъ различныя существа: водяной дѣдъ, волшебники, вѣдьмы; позже — христіанское вліяніе — старикъ-Богъ; Господь, или темная сила, Охъ, чортъ (на всѣ эти случаи подобрано г. Яшуржинскимъ большое количество примѣровъ — *ib.*, с. 446--452, а также въ анр. кп. „К. Ст.“ 1891 г. на с. 82—96). — Клятва, проклятіе родителей тоже имѣетъ силу производить превращенія (*ib.*, 452).

ченіе высшей силы ¹⁾. Выдѣляются два начала, царящихъ въ мірѣ — видимое, хорошо (относительно) знакомое, тѣлесное, матеріальное, и нѣчто мало изслѣдованное и съ трудомъ поддающееся изслѣдованію, стоящее внѣ обычныхъ законовъ природы, нѣчто высшее, духовное.

Въ каждомъ существѣ, а потомъ и въ каждой вещи, живутъ вмѣстѣ, парой, оба эти начала, то мирясь другъ съ другомъ, то враждуя.

По мѣрѣ воцаренія этого міровоззрѣнія разгоралась въ человѣкѣ борьба этихъ началъ, борьба духа и плоти, и въ это время все яснѣе выдвигалось отдѣленіе человѣкомъ себя, какъ личности, какъ особаго „я“ отъ всего окружающаго; это процессъ не законченный и повнѣ, да и, думаю, лежащій въ основѣ всего прогресса человѣчества.

По этой дорогѣ идя, мысль создавала раздѣльность существованія, признавала возможность особой жизни для человѣка и его частей, какъ я и моя голова, я и моя доля, и даже я и моя слюна. Дѣти прежде, чѣмъ прыгнуть съ возвышенія, плюютъ внизъ и говорятъ: „ты ся слынько забывь, а я ни“, и потомъ увѣренно прыгаютъ, полагая, что ощущенія боли достанутся слюнѣ, а не имъ ²⁾.

Слово, какъ объектъ наблюденія, конечно, стало очень поздно попадать въ упомянутый потокъ мысли, а потому

¹⁾ „Дремучій лѣсъ окружаетъ зырянъ. Этому лѣсу они не знаютъ конца. По свойству первобытнаго человѣка, — все уподобить себѣ, одухотворить, — тотъ лѣсъ сталъ для него живымъ существомъ, могучимъ, таинственнымъ, грознымъ. Прошли столѣтія, пока это грозное существо раздѣлилось въ умѣ некультурнаго человѣка на два существа: на лѣсъ, полный чудесъ и тайнъ, и на суроваго хозяина въ немъ — бога лѣсовъ“ (*К. Жаковъ*, „Языческое міросозерцаніе зырянъ“ — въ „Научн. Обсзр.“ 1901 г., № 3, с. 69).

²⁾ „По слюнѣ злой духъ узнаетъ сокровенныя помышленія человѣка... слюнамъ даютъ чудесную способность говорить за людей, оставляющихъ оныя“ (*Ефименко*, „Опис. обыч. Арх. губ.“, с. 191).

и сочетаніе „я и мое слово“ появилось на аренѣ — изъ послѣднихъ; но зато къ нему новый пріемъ примѣненъ былъ уже въ полной силѣ, и далъ блестящія плоды: эта пара заняла царственное мѣсто; за словомъ, какъ наилучшимъ выразителемъ мысли, духовнаго „я“ въ человѣкѣ, признана была могучая сила; оно было взято какъ орудіе для борьбы съ темными силами, созданными этимъ міропониманіемъ, и постепенно наносило ему ударъ за ударомъ.

Однако, какъ во всякой борьбѣ, и въ этой развивалась у обоихъ противниковъ все больше обособленность, стремленіе къ самобытности; а по мѣрѣ того, какъ она затягивалась — взаимная вражда. Слово, занимающее по существу своему нейтралитетъ, привлекалось и на ту и на другую сторону, наполняясь то тѣмъ, то инымъ содержаніемъ. На этой почвѣ выросло вѣрованіе въ начала доброе и злое, заправляющія міромъ и вѣчно борющіяся изъ-за власти.

Это положеніе дѣлъ сохранилось и понынѣ, какъ хорошо памятное и знакомое, потому въ любомъ изслѣдованіи народной жизни съ какой бы то ни было точки зрѣнія, мы столкнемся съ этой теоріей въ болѣе-менѣе развитомъ видѣ; не говорю ужъ о произведеніяхъ народной словесности, — гдѣ имъ отведено первенствующее мѣсто.

Я приведу нѣсколько выдержекъ изъ писателей разныхъ областей наукъ и различныхъ направленій, пытающихся разъяснить суть суевѣрія, опирающагося на вѣру въ духовъ, раздвояющихъ міръ, на религіозныхъ и научныхъ мифахъ; а потомъ попытаюсь намѣтить, что и современное строго-научное мышленіе далеко не свободно отъ мифическихъ элементовъ.

Исторія суевѣрій — исторія общечеловѣческихъ заблужденій. „Суевѣріе и чародѣйство — это первые наши шаги человѣческой мысли въ религіозной и научной области... Во всякомъ сколько-нибудь ясномъ изложеніи эволюціи религій и наукъ нельзя обойтись безъ обсужде-

нія суевѣрій различныхъ временъ, такъ какъ суевѣрія — это тѣ ошибочные пути, на которые человѣческая мысль невольно поадааетъ и черезъ которые пробирается, добиваясь яснаго и глубокаго пониманія“ ¹⁾ (с. 7). — „Границы суевѣрія въ высшей степени неуловимы, и назвать ли какой либо взглядъ суевѣрнымъ, или нѣтъ, всегда зависитъ отъ точки зрѣннн, съ которой его разсматриваютъ“ (с. 9). — „Большинство образованныхъ людей въ протестантскихъ странахъ считаетъ вѣру въ демоновъ, привидѣннн, домовыхъ и пр. суевѣрннмъ уже потому, что и само евангельское ученне вовсе не считаетъ вѣры въ существованнн ихъ необходимымъ догматомъ. — Правовѣрный католикъ иначе относится къ этому вопросу... Католическая церковь учитъ, что даже въ наши дни бѣсы могутъ вселяться въ людей... Такимъ образомъ, что одному кажется неопровержимымъ догматомъ, другой называетъ суевѣрннмъ. Въ чисто-научной области наблюдается то же самое: и здѣсь рѣшенне вопроса, считать ли какое-либо мнѣнне суевѣрннмъ или иѣтъ, зависитъ отъ точки зрѣннн. Нельзя совершенно оспорить даже и возможность пригото- вленнн золота; многое говоритъ за то, что всѣ наши такъ наз. элементы, напр., металлы, — все это только видоизмѣненнн единой матернн. Слѣдовательно, воиолнѣ возможно, что одинъ металлъ можетъ превратиться въ другой — только не при помощи тѣхъ средствъ, которыми мы располагаемъ въ данный моментъ“ (с. 9). — „Рѣшительно то же самое можно сказать и о суевѣрннхъ разныхъ вѣ- ковъ: называется ли какое-нибудь мнѣнне суевѣрннмъ или нѣтъ, объ этомъ можно судить по развитнн мысли въ данное время“ (с. 10). — „Совершенно таково же отно- шеннн суевѣрнн къ религнн. Въ очень многихъ случаяхъ суевѣрнн является только пережиткомъ болѣе ранней ре- лигнн; раньше служившее для всѣхъ предметомъ вѣры и признававшееся офннцнально, послѣ, когда, соотвѣтствующ-

¹⁾ Леманнъ, „Илл. ист. суев. и волшебства“.

щая религія уничтожается, продолжаетъ существовать какъ народное суевѣріе; высокочтимый богъ превращается въ презрѣннаго чорта“ (с. 11).

Итакъ, „все, что не находится въ согласіи съ нашимъ взглядомъ на вещи, есть суевѣріе“ (с. 13). — „Ни одного мнѣнія нельзя называть суевѣріемъ потому только, что оно находится въ противорѣчій съ нашимъ теперешнимъ религіознымъ и научнымъ міровоззрѣніями. Оно суевѣріе только для насъ, но врядъ ли существуетъ хоть одно мнѣніе, называемое нами суевѣрнымъ, которое не составляло бы какой-нибудь части религіозной или научной системы“ (с. 12).

„Суевѣріе — это теорія, а магія — дѣятельность, являющаяся результатомъ такой теоріи. Магія происходитъ отъ суевѣрія точно такъ же, какъ изъ какихъ-либо религіозныхъ представленій возникаетъ извѣстный культъ, опредѣленное богослуженіе, или какъ вслѣдъ за познаніемъ силъ природы идетъ ихъ примѣненіе. Если вѣрятъ въ существованіе демоновъ, т. е. духовъ, помощь которыхъ въ томъ, чего инымъ способомъ нельзя достигнуть, можно купить или вынудить, то вполне естественно, что въ такомъ случаѣ стануть пробовать, нельзя ли добиться этой помощи. Всякій поступокъ, являющійся результатомъ такого мнѣнія, есть магія. Если вѣрятъ, что злые духи могутъ причинять вредъ, то, конечно, ищутъ надежныхъ способовъ помѣшать этому, и вотъ вамъ чародѣйство... Коротко и точно: каждый поступокъ, вытекающій изъ суевѣрія, есть магія или чародѣйство. Къ этому мы еще прибавимъ: всякое дѣйствіе признается за магическое, разъ только его объясненіе исходитъ изъ суевѣрныхъ представленій“ (с. 13). — „Всюду, гдѣ только мало цивилизованный народъ сталкивается съ другимъ, владѣющимъ болѣе развитой наукой, результаты послѣдней принимаются за магію“ (с. 14). — „Самый простой и естественный поступокъ при желаніи можно объяснить, какъ чародѣйство: когда старуха во время пути переходитъ поле, то это, конечно, самый заурядный случай, но два

или три столѣтія тому назадъ это было опасно для жизни. Если бы случилось, что ихенно изъ стада, которое паслось въ полѣ, одно животное спустя нѣкоторое время заболѣло, то было бы рѣшено, что, конечно, виновницей этой болѣзни является старуха. Она заколдовала скотъ, значить она вѣдьма“ (с. 14).

Такимъ образомъ, вѣ въры въ демоновъ, „всякій поступокъ, являющійся результатомъ суевѣрія, или объясняемый суевѣрными представленіями, есть магія“ (с. 15).

„Само собою разумѣется, что относительность, которую мы установили для суевѣрія, обязательна и для магіи, разъ мы ее опредѣляли посредствомъ суевѣрія. А отсюда слѣдуетъ, что всякое дѣйствіе или событіе, съ одной точки зрѣнія разсматриваемое за чудо, съ другой — является волшебствомъ“ (с. 15).

„За всякимъ суевѣрнымъ представленіемъ является какое-нибудь наблюденіе, которое только невѣрно объясняется. Суевѣвіе заключается въ ошибочномъ пониманіи. Но если интересно указать на эти ошибки, на невѣрное объясненіе извѣстныхъ наблюденій, то не менѣе интересно найти тѣ физическія и психическія явленія, которыми были обусловлены эти ошибки“ (с. 17).

Дѣло въ томъ, что исходная точка вѣры и знанія одна — чувственное воспріятіе, поэтому у первобытнаго человѣка граница вѣры и знанія трудно уловима; при узости горизонта, у дикаря отношеніе къ нему ближайшихъ предметовъ составляетъ предметъ вѣры; по мѣрѣ развитія человѣка границы вѣры и знанія становятся рѣзче: въ любомъ языческомъ міоѣ, напр. солнечномъ, находимъ уже элементы знанія, но больше вѣры.

„Суевѣріе одинаково во всѣ времена у всѣхъ народовъ; это страхъ передъ духомъ, который имѣетъ человѣческія чувства и дѣйствуетъ по-человѣчески, присутствуетъ въ однихъ мѣстахъ и отсутствуетъ въ другихъ, сообщаетъ святость нѣкоторымъ мѣстамъ, но не всѣмъ;

милостивъ къ одному человѣку немилостивъ къ другому; доволенъ или сердить, судя по тому, достаточно ли ему оказывается вниманія и достаточно ли почитаютъ его; враждебенъ радостямъ человѣческой жизни, не доступенъ подкупу: — если отдать часть этихъ радостей, онъ позволить остальные. Вотъ въ чемъ заключается сущность суетвѣрія, подъ какой бы формой оно ни скрывалось“ ¹⁾).

„Человѣкъ видѣлъ происходящія въ мѣрѣ переменныя, по причины этихъ переменныя оставались для него скрытыми. Онъ не могъ разгадать, что двигало несущіяся надъ нимъ тучи, что зажигало въ нихъ молнію и какъ бы заставляло содрогаться вселенную страшными ударами грома,... и онъ сталъ населять вселенную различными божествами, приписывая имъ различное вліяніе на мѣрѣ и на собственное существованіе. На эти божества онъ естественно перенесъ и свое отношеніе къ силамъ природы, свое удивленіе, свой страхъ и покорность. Ничтожный и слабый передъ могучей и неумолимой природой, онъ былъ также ничтоженъ и слабъ передъ созданными имъ самими божествами. И какъ въ природѣ было два начала: жизнь и смерть, добро и зло, — такъ и божества раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ“ ²⁾).

„Человѣкъ всегда считалъ своихъ боговъ за существа сверхъестественныя, но подобныя ему и воплощенныя въ явленіяхъ природы. Они представлялись ему въ образѣ всепоглощающаго огня или очистительнаго пламени, и онъ называлъ ихъ Вааломъ, Аполлономъ, то въ образѣ плодотворящей воды, а потому Астарту или Афродиту, мать удовольствій, онъ производилъ изъ глубины болотъ. Измѣнялся человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ измѣнялись и его боги; ихъ метаморфозы соотвѣтствовали его собственнымъ. Цивилизуясь самъ, онъ чувствовалъ потребность совершенствоваться и ихъ: онъ смягчалъ ихъ же-

¹⁾ *Рескинъ*, „Иск. и дѣйств.“, 80—1.

²⁾ *Токарскій*, „Происх. нравств. чувствъ“, с. 122—3.

стокіе нравы, возвышалъ ихъ грубые вкусы; когда тряслась земля или ураганъ съ трескомъ ломалъ деревья и обрушивалъ скалы, (онъ говорилъ) какъ Илья въ пещерѣ на горѣ Хоривѣ: «Это не мой Богъ: Онъ въ сладкихъ и вѣжныхъ звукахъ, ласкающихъ ухо». Представляя себѣ боговъ въ человѣческой формѣ, языческіе народы, каковы бы ни были ихъ вѣрованія и нравы, такимъ же образомъ очеловѣчивали природу. Въ средніе вѣка вѣрили въ стихійныхъ духовъ-гномовъ, пигмеевъ, ундиновъ, смѣхъ которыхъ слышали въ журчаньѣ ручьевъ; въ воздушныхъ сильфидъ, которыя будто не что иное, какъ безкрылыя души. Индусъ узнавалъ себя въ животныхъ и растеніяхъ. Въ тоскливомъ крикѣ морской чайки, въ щебетаньи ласточки, въ рѣзкомъ крикѣ коршуна, греки слышали рассказъ о трагической судьбѣ¹⁾.

Это воззрѣніе (по тому времени — новая научная теорія), вросло въ жизнь все болѣе и болѣе, а съ его ростомъ разрастался и міръ духовъ.

„Блуждающій мертвецъ есть основной, первоначальный типъ сверхъестественнаго демоническаго существа, по которому народное воображеніе построило и всѣ остальные“²⁾.

Этотъ покинувшій землю духъ начиналъ рядъ странствованій, невѣдомыхъ, недоступныхъ непосредственному наблюденію человѣка, и вотъ онъ для объясненія загадки примѣняетъ аналогію, свойства міра видимаго переноситъ и въ новый, невѣдомый.

„Съ развитіемъ ученія о тѣняхъ усопшихъ вырастаетъ само собою очень легкое объясненіе всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя ежечасно обнаруживаются на небесахъ и на землѣ... Эти существа, которымъ приписывается способность дѣлаться по произволу то видимыми, то невидимыми, и которыя обладаютъ и другими способно-

1) В. Шербюль, „Иск. и природа“, с. 96.

2) Милорадовичъ, „Зам. о малор. демонологіи“, 204.

стями и силами, не имѣющими въ воображеніи первобытнаго человѣка никакихъ границъ, — вездѣсущи“¹⁾).

Міръ духовъ, по мѣрѣ увеличенія переселяющихся въ него съ земли, становится все болѣе и болѣе населеннымъ, такъ что арабъ, напр., считаетъ „пустыню столь густо населенной духами, что когда онъ бросаетъ какую-нибудь вещь въ сторону, то просить извиненія у тѣхъ, кого, быть можетъ, задѣлъ при этомъ“²⁾). Послѣ признанія положенія дѣлъ такимъ, является вопросъ, что дѣлаютъ эти духи, какое отношеніе ихъ къ людямъ, къ природѣ, ко всему окружающему? Вѣдь не могутъ же они быть заняты лишь тѣмъ, чтобы безцѣльно толпиться вокругъ человѣка, — какъ думаютъ, напр., карены, — превышая численностью своей количество обитателей земли.

Начинается расселеніе ихъ по всѣмъ царствамъ природы, по всѣмъ особямъ ея. „Воздухъ, говорятъ Веддахи, населенъ духами, каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣетъ своего мѣстнаго духа“³⁾).

По мѣрѣ развитія въ человѣкѣ понятій добра и зла, — изъ дружественнаго и враждебнаго, пріятнаго и непріятнаго, — яснѣе означается грань, дѣлящая и новый міръ на двѣ части — злыхъ и добрыхъ, покровителей и недруговъ. Эти враждующіе лагеря могутъ вступать между собою въ брань (ср. знаменитую битву боговъ — у Гомера), истреблять другъ друга, мститъ тѣмъ людямъ, которые находятся подъ покровительствомъ врага-духа. Отсюда у людей — разнообразныя болѣзни, понимаемыя, какъ дѣйствія вселившагося злого духа, — особенно такія, какъ эпилепсія, бредъ, сумасшествіе и проч. Отсюда же, съ другой стороны, — даръ пророчества, поэзіи и проч., какъ милости, оказываемыя своимъ любимцамъ духами-покровителями.

1) *Спенсеръ*, „Тайнств. міръ“, с. 10—11.

2) *Иб.*, 10.

3) *Иб.*, 8.

Вотъ почва для широкаго пользованія заговоромъ и наговоромъ, на которой стоялъ человѣкъ при смѣнѣ нѣсколькихъ теченій въ міропониманіи своемъ.

„Если духъ врага вошелъ въ тѣло человѣка, то не можетъ ли онъ быть изгнанъ отсюда? Или нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы ему стало невыносимо жить въ захваченномъ имъ тѣлѣ?“ ¹⁾

И вотъ, соотвѣтственно уровню развитія своего, человѣкъ вырабатываетъ рядъ мѣръ для изгнанія этого врага, сначала тожественнаго по своимъ свойствамъ съ человекомъ, потомъ человѣкообразнаго, а по направленію къ нашему времени принимающаго все болѣе отвлеченную форму, являясь въ образѣ демона, діавола-искусителя, въ видѣ „грѣха“, болѣзни, процесса разрушительнаго и проч.

Сначала пытаются этого врага отогнать отъ больного или выгнать изъ него сильнымъ шумомъ, звономъ или криками. — Такъ, въ Калифорніи, по Спенсеру, пугаютъ духа жестами, гримасами, лаемъ на больного, у Американскихъ дикарей, по Тэйлору, — трещоткой, стрѣльбой изъ ружья, барабаннымъ боемъ и проч.; у киргизовъ шаманы кричатъ на больного, бьютъ плетью, кусаютъ его, плюютъ, размахиваютъ передъ нимъ ножомъ и т. п. „У Оканчачановъ лекаръ старается выпихнуть злого духа, надавливая изо всей силы обоими сжатými кулаками на желудокъ больного пациента“ ²⁾. Въ Петровскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи проживаетъ отставной солдатъ, который лѣчитъ больныхъ лихорадкой — произнося неумолчно въ теченіе часа площадныя ругательства ³⁾. — На этой доисторической почвѣ выросла еще въ глубокой древности научная гипотеза „о животномъ происхожденіи яда заразныхъ болѣзней“, такъ какъ „нѣкоторыя медицинскія школы стремились видѣть причину опустошительныхъ эпидемій въ присутствіи въ воздухѣ

¹⁾ Спенсеръ, „Основ. социологіи“, I, 256.

²⁾ Ib., 257.

³⁾ См. „Черн. Губ. Вѣдом.“ 1889 г., № 91, ч. неоф

чрезвычайно маленьких насѣкомыхъ. (— что, на мой взглядъ, очень недалеко отъ современнаго ученія о бактеріяхъ, бациллахъ и проч.—). Отсюда, между прочимъ, возникъ и рецептъ — прогнать эти существа шумомъ и криками¹⁾. — Въ настоящее время снова медицину заповошили микроорганизмы, и ихъ пытаются загугать, т.-е. заставить удалиться изъ даннаго мѣста жительства. или — погубить при помощи различныхъ неприятныхъ имъ средствъ: формалина, фенола и проч. — И здѣсь, какъ всюду на протяженіи исторіи, — новое есть перифразъ стараго, переложеніе его въ новыя формы и образы.

Попытаюсь въ самыхъ сжатыхъ чертахъ давать такую историческую перспективу и для другихъ способовъ изгнанія духа.

Если духъ поселился въ человѣкѣ и загугиванія на него не дѣйствуютъ, тогда пытаются различными способами „отравить его существованіе“, вселить отвращеніе къ занимаемому имъ жилищу; его начинаютъ выкуривать, подкуривать, угощать отвратительными для него веществами. Еще въ Библии находимъ подобнаго рода указаніе: сжиганіе сердца и печени рыбы. У Плинія Младшаго найдемъ цѣлыя главы, посвященныя описанію веществъ, противныхъ той или иной болѣзни. Не мало подобныхъ рецептовъ и въ „Сокровищницѣ анатоміи“ (1641 г.) Викарія. Въ современной народной медицинѣ подобный взглядъ на лѣченіе болѣзней сохраняется во всей силѣ. Такъ, въ Лубенскомъ у. Полтав. губ. для подкуриваній больныхъ понынѣ употребляютъ: „блекоты... порхавка... овечій калъ и другія вещества, производящія ѣдкій дымъ. Употребленіе кала вообще, — засыпаніе имъ бѣльма, купаніе дѣтей въ голубиномъ калѣ отъ сухотъ, обкладываніе коровьимъ отъ ревматизма и свинымъ при боли горла, — вѣроятно, на первыхъ порахъ также имѣло цѣлю

¹⁾ *Кашченко, П.* „Современное состояніе вопроса о способахъ лѣченія продуктами жизнедѣятельности животнаго организма“ (въ „Рус. Мысли“ 1894, III, 178).

возбудить отвращеніе въ духъ“¹⁾. — Народная практика въ этомъ направленіи постепенно разрасталась, создавая для того или иного духа и особое противоядіе: полынь — гибель русалкамъ, осина и макъ — для вѣдьмъ и уишрей (ср. у фламандцевъ характерное названіе звѣробоя — „jaat—den duivel“, т. е. изгоняющій дьявола).

Въ основѣ этого, глубоко и надолго вкоренившагося, мнѣнія лежитъ пониманіе болѣзни, какъ дѣйствія внѣдрившагося духа злого; эта точка зрѣнія исподволь переносится на лѣкарство: „Тѣ средства, которыя мы теперь считаемъ естественными“, въ народѣ и понынѣ не признаются таковыми: „дѣйствія, производимыя растениями и ихъ продуектами на тѣло человѣка, приписывались духамъ, живущимъ въ растеніи“²⁾. — „Простые люди думаютъ, что все, называющееся лѣкарствомъ, имѣетъ нѣкоторую сверхъестественную силу, нѣкоторое тайное вліяніе; они думаютъ, что какъ скоро больной довольно напился лѣкарствами, тотчасъ долженъ быть здоровымъ“³⁾, т. е. духъ болѣзни не въ состояніи будетъ пребывать въ невыносимой для него атмосферѣ и удалится. Отсюда же оцѣнка дѣйствительности лѣкарства степенью его отвратительности: „чѣмъ отвратительнѣе лѣкарство, тѣмъ вѣрнѣе оно дѣйствуетъ“⁴⁾. — Вообще „понятіе о встрѣчѣ лѣкарствъ съ болѣзью и о выходѣ послѣдней наружу подѣ вліяніемъ непріятнаго ей лѣкарства пустило очень глубокіе корни въ умѣ народа. Больная съ сильнымъ страданіемъ слизистой оболочки вѣкъ рассказывала, что однажды случайно напилась смородины, и у нея вдругъ началась течь изъ уха; ее увѣрили, что это золотуха не влюбилась смородины“⁵⁾.

¹⁾ В. Милорадовичъ, „Народная медицина“ (1900, I), 51.

²⁾ Спенсеръ, „Развитіе профессіи“, 159.

³⁾ Енгальмчевъ, „Домашній лѣчебникъ“. С.-Пб. 1848 г. I, 167.

⁴⁾ Спенсеръ, „Развитіе профессіи...“, с. 164.

⁵⁾ Лозинскій, „Психологія знахарства“ (въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1896, VIII, 62).

На позднѣйшихъ ступеняхъ отсюда вырабатывается понятіе, болѣе отвлеченнаго характера, — что злое искореняется злымъ; въ связи съ этимъ стоитъ и невыражаемый, правда, въ отвлеченной формулѣ принципъ народной медицины — *similia similibus curantur*, получившій болѣе философское выраженіе міропониманія въ пословицѣ: „клинь клиномъ вышибаютъ“.

Возвратъ научной медицины къ этому теченію мысли — гомеопатія.

— Къ этому же разряду явленій, хотя и съ наслоеніемъ болѣе поздняго характера—вліянія силы слова, можетъ быть отнесено интересное наблюденіе г. Вербицкаго, сдѣланное среди Алтайскихъ инородцевъ: „Если дѣти скоро умираютъ, то стараются дать имя какъ можно хуже, предполагая, что съ худымъ именемъ (— напр. „Уткоден“, т. е. собачья зад...ца) долго будетъ жить“¹). То же подмѣчено г. А. Житецкимъ и у калмыковъ: „По убѣжденію калмыковъ, смертность дѣтей происходитъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ... и вотъ, чтобы ввести въ заблужденіе ихъ, даются имена животныхъ, бранныя и проч.“²).

Это — очевидное стремленіе сдѣлать обиталище для злого духа — тѣло ребенка — отвратительнымъ, а какимъ образомъ имя замѣнило самый предметъ—объ этомъ нѣсколько ниже будетъ рѣчь.

Допустимъ, что духъ изгнать тѣмъ или инымъ изъ вышеупомянутыхъ способовъ, что ему вселено отвраще-

¹) „Алтайскіе инородцы“ (въ „Сборн. этн. и ст. и изсл., изд. Э. О. Л. Е. и Э. при Моск. унив.“ подъ ред. Иванова). М. 1893 г., с. 86. Ср. подобное повѣрье у Якутовъ. „Въ семействахъ, въ которыхъ мрутъ дѣти, иногда даютъ новорожденному какое-нибудь несоотвѣтствующее его полу прозваніе, съ цѣлью обмануть злого духа, напр. — мальчику — кусачанъ-кысь = худая дѣвка“ — В. Приклонскій, „Три года въ Якутск. обл.“—въ „Ж. Ст.“ 1891, III, 65.

²) „Очерки быта астраханскихъ калмыковъ“ (въ „Труд. Этн. О. Л. Е. и Э. при Моск. у-тѣ“, т. XIII, в. I), М, 1893 г., с. 27.

ніе къ данному предмету или человѣку, — да и то на время, — но вѣдь онъ можетъ возвратиться или поселиться въ другомъ жилищѣ, которое тоже желательно оградить отъ злого вліанія. Тогда человѣкъ пришелъ къ рѣшенію, ограничивать сферу дѣйствій духа, а если возможно, то и совсѣмъ губить его: сталъ подвергать его заточенію или переселять его.

Такъ, напр., во время пристуна лихорадки больной сбрасываетъ свою рубашку и кладетъ ее подъ камень (Чуб. I, в. I, 118), а въ Лубенск. у. (П. губ.) лихорадку топятъ „вмѣстѣ съ рубашкой (больного) въ рѣкѣ и кладутъ съ могильной землей на могилу“¹⁾ и проч. Почти у всѣхъ народовъ, начиная съ древнѣйшихъ, встрѣтимся съ многообразными попытками переселить злого духа въ такое обиталище, надъ которымъ у человѣка — власть полная, гдѣ онъ можетъ этого духа карать и миловать, словомъ держать въ своихъ рукахъ. — Такое теченіе, такой укладъ мыслей находилъ себѣ богатую, уготованную почву въ ученіи о переселеніи душъ, сохранившемъ свою силу и въ эпоху христіанства и ведущемъ свое начало съ раннихъ ступеней развитія человѣка, когда сила анализа въ немъ едва начала пускать свои корни.

Рядъ наблюденій надъ такими явленіями, какъ превращеніе сѣмени въ растеніе, въ дерево, мертваго яйца птичьяго въ живое существо, какъ разнообразныя видоизмѣненія, превращенія въ мірѣ насѣкомыхъ: личка въ червячка, червячка — въ куколку, а куколки — въ бабочку, или еще болѣе быстрое измѣненіе живого въ мертвое и обратно (хотя бы и кажущееся, для насъ — мнимое или несуществующее), какъ, напр., живой бабочки, *callima*, только что порхавшей, въ мертвый листъ дерева, на который она сію минуту опустилась²⁾, — все это

1) *Милорадовичъ*, I. с., 53.

2) „Опустившись на вѣтку съ поблекшими листьями и сложивши крылья, *callima* не только походитъ на такой же листъ общей формой, цвѣтомъ и крапинами, но при этомъ со-

исподволь создавало и укрѣпляло вѣру, что между живымъ и мертвымъ грань зыбкая, что переходъ изъ одного въ другое вполне возможенъ и дѣйствительно совершается въ мірѣ неустанно. Дальше — рядъ рѣшеній вопроса, — самыхъ разнообразныхъ, — какъ и для чего совершаются эти превращенія.

Отсюда сдѣланъ былъ выводъ, что одно существо (— съ нашей точки — и предметъ —) можетъ вселяться или перевоплощаться въ другое, отсюда — новое подтвержденіе пониманія болѣзни, какъ вліянія, дѣйствій вселившагося духа, — о чемъ шла рѣчь выше. Однако здѣсь же и средство для избавленія отъ болѣзни, разъ она такого происхожденія. Рядъ вышеназванныхъ воздѣйствій на духа поселялъ увѣренность, что надъ нимъ можно производить и принудительныя мѣры, а значитъ и переселять его въ такіе предметы или существа, гдѣ и духу будетъ жить привольно и которыя не подлежатъ охранѣ челоуѣка.

Въ Индіи, при помощи магіи, перегоняли лихорадку въ лягушку, у многихъ современныхъ дикарей, по Тэйлору, для изгнанія болѣзни вливается нѣсколько капель крови больного въ ротъ лягушкѣ. У нѣмцевъ сохранилось понынѣ повѣрье, что, обойдя три раза дерево, можно передать ему свою болѣзнь. Въ Бельгіи вѣрятъ, что можно передать зубную боль гвоздю, прикоснувшись имъ къ больному зубу и забивъ потомъ въ дерево. У русскихъ это вѣрованіе весьма живуче: можно по данному вопросу подобрать цѣлую литературу, нерѣдко богатую красивыми олицетвореніями, оживляющими всю природу.

Обыкновенно вмѣстѣ съ этимъ переселеніемъ стараются приготовить духу и погибель.

Во время приступа лихорадки больной носитъ хлѣбныя зерна въ рукавицѣ, надѣтой на руку, потомъ съѣтъ ихъ, а когда взойдутъ, растаптываетъ. Въ мочѣ лихора-

единенные отростки нижнихъ крыльевъ принимаютъ видъ стебелька. Слетая съ вѣтки, она производитъ впечатлѣніе листка, обратившагося въ бабочку“ (*Спенсеръ*, „Происх. суевѣрій“, 42).

дочнаго варять три куриныхъ яйца и относятъ съ горшкомъ въ муравейникъ; когда муравьи съѣдятъ яйца, погибнетъ и лихорадка ¹⁾.

„Въ Лубенск. у., искунавъ больное сухоткой дитя въ купели, въ той же купели вслѣдъ за нимъ кунають курицу, конику или щенка. Животное должно погибнуть, а дитя выздоровѣть“ ²⁾.

Можно передать, вселить болѣзнь въ какой-либо предметъ, и черезъ него — лицу, воспользовавшемуся этимъ предметомъ, этой вещью. Въ Германіи часть волосъ и ногтей больного кладутъ на перекресткѣ (Сумцовъ, „Культ. переживанія“); кто подыметъ ихъ — на того болѣзнь и перейдетъ. Въ Россіи особенно распространень такой приѣмъ относительно бородавокъ: завязываютъ на ниткѣ узлы, по числу бородавокъ, и бросаютъ на перекресткѣ; на поднявшаго нитку перейдетъ болѣзнь. Если обтереть больного тряпкой или полотенцемъ, особенно при сыпныхъ болѣзняхъ, и бросить эту тряпку на дорогѣ, — болѣзнь перейдетъ къ новому хозяину тряпки ³⁾.

Такимъ путемъ постепенно создавалось убѣжденіе, что во всякій предметъ можно вселить злого духа, в. болѣзнь, что черезъ всякій найденный или полученный въ даръ предметъ можетъ быть привита та или иная болѣзнь, что очень близко подходитъ къ современному ученію медицины о заразности черезъ любой предметъ, побывавшій въ рукахъ больного извѣстными болѣзнями, черезъ воду, воздушныя теченія и проч.

Итакъ, воздѣйствіе на третье лицо черезъ посредство любого предмета становится возможнымъ, отсюда — весьма распространенное съ древнѣйшихъ временъ у всѣхъ народовъ колдовство при помощи восковыхъ, в. глиняныхъ фигурокъ, о которомъ нерѣдко говорятъ Платонъ,

¹⁾ Даль, „О повѣрьяхъ, суев...“, с. 79.

²⁾ Милорадовичъ, „Нар. обр. и п. Лубенск. у.“, 32.

³⁾ Баловъ -- въ „Фельдшеръ“ 1898, № 18, с. 472.

Овидій, Горацій, Тертуліанъ и др. классическіе писатели, сохранившее свою силу и понынѣ.

„Когда надъ больнымъ испробованы разные средства лѣченія и они оказались бесполезными, а спрошенный зурхачи (знахарь) признаетъ, что причина болѣзни — дѣйствіе какого-либо злого духа на больного, тогда совершается еще церемонія выселенія или отвлеченія этого духа отъ больного... Приглашается въ кибитку больного гемонгъ, который дѣлаетъ изъ тѣста фигуры свиней, козловъ, обезьянъ, лошадей и проч...., разставляетъ ихъ на кошмѣ у изголовья больного, читаетъ молитвы и ведетъ продолжительныя бесѣды съ фигурами, передвигая ихъ въ то же время съ мѣста на мѣсто, произноситъ имя больного на эти фигуры и въ концѣ концовъ выходитъ изъ кибитки и забрасываетъ слѣпки“ ¹⁾.

По словамъ нѣкоего Леона Герена, проживавшаго въ 1864—7 гг. въ Китаѣ, ему нерѣдко приходилось слышать, „что съ благословенія бонзъ туземцы нерѣдко прибѣгали съ помощью восковыхъ фигурокъ къ умерщвленію недоброжелателей на разстояніи путемъ внушенія“ ²⁾.

Въ вышеприведенныхъ случаяхъ фигуры замѣняли живое лицо, отсутствующій предметъ, — это вполне естественно, ничуть не странно для ума, слабо анализирующаго, съ трудомъ въ иныхъ случаяхъ проводящаго грань между мертвымъ и живымъ; это пониманіе близко роднится съ вѣрою въ двойниковъ—духовъ изъ наблюденій надъ тѣнью, надъ отраженіемъ въ водѣ и проч. И эта вѣра сильна понынѣ: нашъ простолюдинъ понынѣ боится передать власть надъ собою снявшему съ него портретъ.

Въ дальнѣйшемъ движеніи мысли по этому пути становится возможнымъ воздѣйствіе на цѣлое, овладѣвъ тою или иною частью его. Мнѣ думается, что переходной мостъ къ этому новому шагу былъ таковъ. При помощи многократныхъ наблюденій человекъ подмѣтилъ любимыя

1) *Жителцкій*, А. „Очерки быта Астраханск. калм.“, с. 29.

2) См. „Харьк. Вѣдом.“ 1896 г., № 77.

мѣста каждаго злого духа (болѣзни), гдѣ онъ поселяется обыкновенно на жительство въ тѣлѣ человѣка; путемъ опыта убѣдился, что нерѣдко отнятіе больного мѣста (вырванъ зубъ, выпалъ стержень нарыва и проч.) прекращаетъ и боль. Отсюда — заключеніе, что для прекращенія, или наоборотъ для вызова, возбужденія боли достаточно произвести то или иное воздѣйствіе на извѣстную часть тѣла, и духъ вселился или покинетъ одержимаго имъ.

Теченіе это все разрасталось, захватывая большій кругъ явленій, разливаясь въ ширь и глубь прежняго міросозерцанія, видоизмѣняя его согласно новому открытію, новой научной теоріи. Такія наблюденія, какъ прекращеніе болѣзни послѣ сильной испарины, толковались — что вмѣстѣ съ потомъ вышла болѣзнь, а значитъ при воздѣйствіи на потъ человѣка можно лѣчить его, или заражать. Умѣніе нѣкоторыхъ животныхъ (собакъ напр.) находить по запаху тѣла, пота слѣды звѣря, человѣка; умѣніе насѣкомыхъ (пчелъ, муравьевъ) отличать по запаху своихъ и враговъ; наконецъ умѣніе (хорошо знакомое и современнымъ дикимъ) по слѣду узнавать человѣка, — все это наводило на мысль, что владѣя по́томъ человѣка, отпечаткомъ его ступни, его слѣдомъ, можно воздѣйствовать при помощи этихъ предметовъ на самого человѣка.

На этой почвѣ вырастаетъ цѣлый рядъ гаданій, всевозможныя колдовства у всѣхъ народовъ, получающія во многихъ случаяхъ освѣщеніе и съ современной научной точки зрѣнія, пройдя черезъ пониманіе ихъ, какъ чуда, какъ явленія сверхъестественнаго, потомъ понимаемаго, какъ величины мнимыя, призрачныя, кажущіяся, а потому отвергаемыя наукой, а нынѣ — получающія вновь почву и основы реальной жизни въ области экспериментальной психологіи, какъ явленія и слѣдствія гипноза.

Подробно объ этомъ — нѣсколько ниже; а здѣсь приведу для иллюстраціи одинъ примѣръ изъ жизни современнаго Китая, и возвращусь къ исторіи дальнѣйшаго развитія очерченнаго уклада мысли.

„Въ Китаѣ, въ Гуанъ-си и Гуанъ-дунѣ, существуетъ до сихъ поръ слѣдующій обычай: если воръ, убѣгая изъ обворованнаго имъ дома, на землѣ запечатлѣтъ слѣды своихъ ногъ, то пострадавшіе зовутъ опытнаго бонзу, который забиваетъ въ мѣсто, на которомъ оставленъ слѣдъ, бамбуковый коль и, сосредоточившись, внушаетъ бѣглецу неотразимое желаніе вернуться къ мѣсту преступленія ¹⁾.— Подобная возможность воздѣйствія на разстояніи подтверждается новѣйшими изслѣдователями экспериментальной психологій. Такъ, напр., *A. Rochat* въ своемъ „L'Exteriorisation de lasensibilité“ описываетъ свои опыты воздѣйствія на гипнотизируемаго черезъ восковыя фигуры: уколы этимъ послѣднимъ отзывались болью въ за-гипнотизированномъ; разстояніе изображеній первоначально 5—6 метровъ, а потомъ опыты удавались и на значительномъ разстояніи.

Такое пониманіе самого себя,—а сквозь эту призму человѣкъ только и познавалъ міръ, — было перенесено и на животныхъ: если у человѣка храбрость живетъ въ сердцѣ, то значить тамъ она и у волка или медвѣдя, а слѣдовательно недостатокъ храбрости у человѣка можетъ быть восполненъ поѣданіемъ сердца убитаго врага (при людодѣствѣ) или убитаго звѣря; отсюда лѣченіе болѣзней разнообразными частями тѣла животныхъ ²⁾ (о чемъ такъ часто говорится у Плинія и чѣмъ полны всевозможные лѣчебники болѣе поздняго времени, въ заговорахъ, въ числѣ современныхъ народныхъ лѣкарствъ — этого типа не мало). Въ основѣ его — мысль: недостающее восполняется преизбыточествующимъ, что, конечно, сохраняетъ свою силу и въ современной медицинѣ: при недостаткѣ жиз-

¹⁾ „Харьк. Вѣд.“, 1896 г., № 77.

²⁾ Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ вопросъ этотъ сталъ считаться серьезнымъ и въ научной медицинѣ, гдѣ началась его разработка (см. напр. въ „Научн. Обзор.“ (1901 г., № 3, с. 44—56)—статью *П. Микусона* „Соврем. взглядъ медицины на значеніе внутреннихъ органовъ животнаго въ борьбѣ съ болѣзнями“).

ненныхъ соковъ пытались дѣлать Броунъ-Секкаровскія впрыскиванія, нынѣ чаютку пытаются лѣчить выжатымъ изъ мяса животнаго сокомъ; а насчетъ царства растительнаго и минеральнаго постоянно восполняется скудью ими организмъ и больной и здоровый: недостаетъ въ крови желѣза — вводятъ его въ томъ или иномъ видѣ, мало солей — прописываютъ растворы ихъ, купанія въ нихъ и проч.

Здѣсь — новое распутие: по старой, прямой дорогѣ мысль шла въ ширь, а на повороткѣ вступала робкими шагами къ умерщвленію нѣкоторыхъ, прежде полныхъ жизни самостоятельной, предметовъ въ окружающей природѣ; здѣсь начало болѣе-менѣе устойчиваго раздѣленія живого отъ неживого, сначала мертваго, потомъ быть можетъ мертворождаемаго; здѣсь созданіе мертвой матеріи, которое крѣпко держится до послѣдняго времени, лишь на нашихъ глазахъ смѣняясь исподволь, въ области научныхъ изслѣдованій, съ усиліями проникающихъ въ жизнь, понятіемъ явленія, процесса, силы. Въ этомъ поворотѣ мысли лежалъ зародышъ и отдѣленія духа отъ живого вообще; въ немъ начало міру духовъ съ иною плотью, чѣмъ у человѣка, а потомъ — и безплотныхъ, а еще дальше въ глубь новаго времени борьба духа и плоти, въ нѣкоторыхъ научныхъ теченіяхъ получающія примиреніе, почти сліяніе въ области, въ понятіи силы, — напр. всеобъемлющей, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, силы движенія.

При такомъ поворотѣ мысли, болѣзнь стали понимать не какъ вселеніе духа, а какъ вещество, дурно дѣйствующее на организмъ, какъ предметъ, брошенный въ тѣло злымъ духомъ; этотъ предметъ, это вещество, могутъ быть удаляемы изъ тѣла (конечно, средства сначала примѣнялись прежнія; воздѣйствовали на духа, чтобы онъ унесъ свой злой даръ и проч.), — или же вселяемы, переселяемы въ новыя помѣщенія; при этомъ за ними сохраняются прежнія свойства воздѣйствія на человѣка.

Въ этотъ новый водоворотъ мысли постепенно поца-

даютъ и долго жившіе самобытно разнообразныя двойники челоуѣка (— постепенно разрабатывавшіеся на прежней дорогѣ —), какъ *я* и *доля* моя, *счастье* мое, *душа* моя, какъ, наконецъ, *я* и *слово* мое.

Въ народныхъ сказкахъ, пѣсняхъ мы встрѣчаемся со множествомъ разсказовъ, гдѣ доля и счастье (какъ нѣсколько раньше по времени, да отчасти и теперь, болѣзнь, сонъ, дремота и проч.) странствуютъ по свѣту, принимая самыя разнообразныя виды; какъ обладатель ихъ, двойникъ, *я*, тоскуютъ, терпятъ неудачи и бѣды въ разлукѣ съ своими сожителами; какъ встрѣчаются потомъ съ ними и снова вступаютъ въ союзъ и т. п. ¹⁾. — Замерши, получивъ видъ того или иного предмета, вещества, эти доли, счастье и проч. сохраняютъ возможность странствовать по свѣту при содѣйствіи живыхъ существъ и сохранять свое вліяніе на челоуѣка.

Я приведу отрывокъ изъ одного характернаго разсказа „про щасте“, стоящаго на уклонѣ между двумя сосѣдними теченіями мысли: двое несчастныхъ супруговъ идутъ искать по бѣлу свѣту счастья; послѣ долгихъ поисковъ находятъ его въ видѣ щенка, но изъ этого щенка счастье перемѣщается въ рядъ другихъ существъ: „у васъ щасливый собака... якъ клюнувъ пивень собаку, дакъ щастя перейшло въ пивня, а теперь у хлопчыка“, который съѣлъ кусокъ жаренаго пѣтуха ³⁾.

Позже всего стали для челоуѣка возможны наблюденія надъ жизнью слова, сначала, какъ отдѣльнаго существа (въ видѣ, напр., эхо, откликавшагося на крики и призывъ челоуѣка), потомъ, какъ предмета, надѣленнаго

¹⁾ См. 1) у *Потебни* „О долѣ и сродн. съ нею сущ.“ (въ „Древностихъ“, т. I, в. 2, с. 153--96; 2) у *А. Н. Веселовскаго* „Судьба-доля въ народн. предст. славянъ“ (въ „Разысканіяхъ въ обл. рус. дух. стиха“, в. V, с. 173--260).

²⁾ См. „Кіевск. Старина“, 1889, IV, 196—8.

удивительной, могучей силой, все возраставшей по мѣрѣ наблюденій надъ нимъ, по мѣрѣ роста опыта въ этомъ отношеніи, по мѣрѣ сознанія значенія его въ жизни человѣка.

Это было наиболѣе загадочное изъ существъ въ ряду двойниковъ человѣка; признаніе его за таковой, полагаю, явилось на позднихъ сравнительно ступеняхъ развитія: когда у человѣка выросли хотя зачатки отвлеченнаго мышленія. Слово вѣдь не проявляло рѣзко замѣтныхъ, физическихъ воздѣйствій на человѣка: болѣзнь бичевала его, мучила; выздоровленіе сопровождалось пріятнымъ чувствомъ избавленія отъ тяжкаго бремени; сонъ тоже давалъ себя ощутительно чувствовать, тѣнь была видна, имѣла опредѣленныя формы; но звукъ, слово падали гдѣ-то вдали, безъ всякихъ видимыхъ и осязаемыхъ послѣдствій; даже такія понятія, какъ доля, счастье сравнительно легко получали конкретныя формы.

Однако рядъ наблюденій надъ дѣйствіемъ крика птицы, рева звѣря, злобнаго ворчанія человѣка и проч. — на окружающихъ заставляли повнимательнѣе присматриваться и прислушиваться къ этому таинственному незнакомцу.

Стоя твердо на изложенной выше теоріи, по которой все въ мірѣ имѣетъ своего духа, своего двойника, что болѣзнь есть слѣдствіе воздѣйствій злого духа, — естественнѣе всего было рѣшить, что голосъ, рѣчь, эхо — это все проявленія того же духа. — Въ Архангельской губерніи и понынѣ сохранилось вѣрованіе, что „эхо — откликъ нечистой силы“: лѣснаго — въ лѣсу, домового — около дома, мельника — на мельницѣ и проч. ¹⁾ Отсюда становится понятнымъ, въ какую могучую силу должно было разрастись слово, какъ орудіе вліянія злыхъ духовъ на людей: если ужъ слово человѣка оказывало удивительное вліяніе на окружающихъ, какаа же мощь предполагалась въ звукахъ, въ голосѣ духа!

¹⁾ *Ефименко*, „Опис. обыч. Арханг. губ.“, с. 186.

Когда же слово признано было за особую часть организма человеческого, попало въ разрядъ вещей ¹⁾, черезъ которыя легко воздѣйствовать на него самого, какъ-вы были выше слюна, потъ и проч., — то его стараются всячески охранять отъ постороннихъ вліяній. Отсюда очень распространенное у дикарей и сохранившееся отчасти у культурныхъ народовъ скрываніе имени своего изъ боязни, чтобы не украли его, а вмѣстѣ съ нимъ — и счастья, доли бывшаго обладателя имени. Эта вѣра пустила очень глубокіе и крѣпкіе корни: понынѣ въ мѣтѣ образованной средѣ сохранилось вѣрованіе „въ существованіе нѣкоторой внутренней связи между словомъ и вещью, — вѣрованіе, отъ котораго не могли освободиться даже самые образованные и сильные мыслью между древними греками“ ³⁾.

„Вѣра въ матеріализацію слова не утеряна и до настоящаго времени. На этомъ основана вѣра въ заговоры, вѣра въ то, что всякое благожеланіе и всякое проклятіе сбываются. Полагаютъ, что если мать произнесетъ такое проклятіе: «а щобъ ты дубомъ ставъ, а щобъ ты камнемъ ставъ, а щобъ тебе лыхе взяло!», то такое проклятіе непременно исполняется. Этимъ и объясняютъ происхожденіе различныхъ камней, имѣющихъ человѣкообразную форму“ ²⁾.

На этой почвѣ зрѣла и крѣпла вѣра и въ силу че-

¹⁾ Въ вѣдахъ, напр., встрѣчаемся съ пониманіемъ рѣчи, какъ текучей, струящейся жидкости (см. *Овс.-Куликовскій*, „Опытъ изуч. вакхич. культовъ...“ ⁴, с. 65—6). — „Рѣчь можно было — по понятіямъ древности — *видѣть*, ибо «видѣть» и «слышать» были не то, чтобы совѣмъ ужъ синонимы, но понятія весьма близкія одно къ другому — сливающимся въ одномъ основномъ представленіи *текущей жидкости*. Подъ этой жидкостью понимались и звукъ и свѣтъ, и рѣчь, п. ч. все это начала текучія, льющіяся, струящіяся. Мы и теперь говоримъ: потоки свѣта, струи лучей, волны звуковъ“ (ib. 80).

²⁾ *Яшуржинскій*, „О превращеніяхъ...“ ⁴, с. 453—4. — Ср. легенду у *Чубинскаго*, „Труды“, I, 89.

ловѣческаго слова, въ его привудительную силу и возможность физическаго воздѣйствія имъ на ближняго, на животное и на предметы царства неодушевленнаго; здѣсь же—и его лѣкарственная сила при болѣзняхъ: какъ воздѣйствіе на духа, ее породившаго, какъ вліяніе на существо или вещь, служащее источникомъ боли и мукъ и т. д.

Неудивительно, что у различныхъ народовъ сохранилось множество легендъ, описывающихъ силу слова въ конкретныхъ образахъ.

Мужъ съ радостью идетъ къ женѣ со словами: „Голубко моя!“ — „А вона — порхъ, и вылетела голубкою въ викно“ ¹⁾. „Однажды... мать послала свою дочь за водою на ключъ, находившійся далеко отъ юрты. Дѣвушка, пришедши на ключъ, заслушалась тамъ пѣнія птишекъ, прилетавшихъ пить. Мать, долго ждавшая свою дочь, наконецъ потеряла терпѣніе и вскричала: «Чтобъ взяло ее солнце!» Едва успѣла она произнестъ это, какъ солнце и мѣсяцъ стали быстро спускаться съ своихъ мѣстъ на небѣ, стараясь определить другъ друга“, чтобы овладѣть дѣвочкой. Солнце уступаетъ мѣсяцу, п. ч. ночной путь послѣдняго „опасенъ безъ спутницы“. Съ той поры явились на мѣсяцѣ пятна ²⁾.

„Сербская вѣштица, когда хочетъ летѣть, мажетъ себѣ подъ мышками извѣстною мазью (какъ и наня вѣдьма) и говорить: «ни о трн, ни о грм (дубъ и кустарникъ тоже, какъ кажется, колючій) већ на пометно гумно!»». Рассказываютъ, что одна женщина, намазавшись этой мазью, невзначай вмѣсто «ни о трн и пр.» сказала «и о трн» и полетѣвши поразрывалась о кусты“ ³⁾.

¹⁾ *Чубинскій*, „Труды“, II, 94. — Ср. по этому вопросу интересную статью *Н. Я.* „Сила родительскаго проклятія по народнымъ разсказамъ Купянск. уѣзда Харьк. губ.“ (въ „Этнографич. Обзор.“ за 1899 г., кн. III, с. 41—53).

²⁾ *Шапковъ*, *С.* „Шаманство въ Сибири“, с. 14—15.

³⁾ *Потебня*, „Языкъ и мысль“, 177. Ср. вариантъ этого разказа (мужъ неудачно подражаетъ дѣйствіямъ и словамъ же-

Этотъ предметъ, эта вещь — слово — получало постепенно въ ряду подобныхъ наблюденій, разсказовъ и преданій значеніе чего-то отдѣльно существующаго, постепенно надѣлялось индивидуальными особенностями, вырастая въ живое существо — птицу, сокола, орла ¹⁾, — обладающее сверхъестественными, божественными качествами, а впоследствии получая видъ особаго божества, могучаго, властнаго.

Въ вѣдахъ „Рѣчь изображается верховной и изначальной богиней, владычицей всего сущаго. Это своего рода *λέγος*, который *ἐν ἀρχῇ ἦν*... Она носить боговъ, т. е. служить имъ опорой, основой. Ею сильны боги. Это она натягиваетъ лукъ Рудры. Вездѣсущая, всепроникающая, она носится вмѣстѣ съ вѣтрами. Рождаясь въ устахъ людей, она находитъ себѣ грандіозное обнаруженіе въ океанѣ водъ небесныхъ, — въ раскатахъ грома слышенъ ея голосъ. Она вездѣ... Въ устахъ людей и въ пѣньи птицъ, и крикѣ звѣрей, повсюду обнаруживается частица ея бытія. Вѣстникомъ, глашатаемъ ходитъ рѣчь между землею и небомъ ²⁾).

Вотъ крайне любопытный гимнъ Рѣчи, вложенный въ ея же уста:

„Я шествую вмѣстѣ съ Рудрами, Васавами, Адитьями и всѣми богами (или Вишвадевами; я Митру и Варуну обоихъ ношу, я (ношу) Индру и Агни, я (ношу) обоихъ Ашвиновъ.

— Я Сому обильнаго ношу, я (ношу) Тванитара и Пушана, Бхага; я даю богатства совершающему возліянія, ревностному, приносящему жертву, выдавливающему сокъ (Сомы).

— Я царица, собирательница благъ, мудрая, пер-

ны) у Л. Березина, „О мифологич. вѣров. австрійск. южн. славянъ“ (въ ж. „Знаніе“ 1877 г., кн. IV, с. 52—3).

¹⁾ Овсянико-Куликовскій, „Опытъ изуч. вакхич. культовъ“, с. 104—106.

²⁾ Тамъ же, 119.

вая изъ (божествъ), достойныхъ поклоненія. Это меня боги распредѣлили по многимъ мѣстамъ, (создавъ меня какъ) обитательницу многихъ (мѣсть и какъ) путеводительницу повсюду.

— Мною вкушаетъ пищу тотъ, кто видитъ, кто слышитъ сказанное, — (сами того не зная), они при мнѣ состоятъ («О мнѣ живутъ»). Слушай! Слушайте! Я говорю тебѣ правду.

— Я вѣдь сама собою это говорю, — излюбленное богами и людьми. Кого я люблю, того дѣлаю страшнымъ (мощнымъ), жрецомъ, поэтомъ, мудрецомъ.

— Я натягиваю лукъ Рудрѣ — для стрѣлы, для убіенія того, кто ненавидитъ молитву. Я сообщаю людямъ боевое воодушевленіе. Я проникаю небо и землю.

— Я возбуждаю (воодушевляю, привожу въ экстазъ) отца, въ головѣ его; мое рожденіе — среди водъ, въ океанѣ; оттуда возвысилась я надо всѣми существами и головою касаюсь я самаго неба.

— Я, какъ вѣтеръ, развѣваюсь, охватывая всѣ существа. Превыше неба, здѣсь превыше земли — столь великой я стала¹⁾.

Не стану долѣе останавливаться на однородныхъ примѣрахъ, которыми изобилуетъ поэзія любого народа, разныхъ эпохъ, различныхъ высотъ культуры: уже изъ немногихъ приведенныхъ можно заключить, что за словомъ вскорѣ признано было первенствующее мѣсто въ ряду духовъ, которыми населенъ былъ міръ на этой ступени развитія, въ ряду божествъ, коими одержимъ былъ человѣкъ.

— Набросанное въ общихъ чертахъ міросозерцаніе росло и крѣпло, опираясь на тогдашнюю научную теорію — одухотвореніе міра; это былъ своеобразный, съ нашей точки, пожалуй, несуразный, но все же научный методъ классификаціи явленій, какъ существъ, предме-

¹⁾ *Овсянко-Куликовскій*, Л. с., с. 117—118.

товъ, подвластныхъ извѣстному духу, — дѣленія міра на отдѣльныя царства. Здѣсь языкъ сыгралъ безусловно важную роль: имя, названіе духа, божества призывало въ мысли говорящаго подчиненныхъ этому духу. — Эпоха пантеизма была лишь распространеніемъ въ ширь такого пониманія міра. — На дальнѣйшихъ же ступеняхъ развитія, при поворотѣ въ современному научному міровоззрѣнію, оно же — это слово — служило наиболѣе могучей опорой для смѣлыхъ новаторовъ съ одной стороны, давая имъ готовыя формы, для наполненія новымъ содержаніемъ, ускоряя переворотъ научной мысли, а съ другой выступало и упорнѣйшимъ врагомъ ихъ, пустивъ сильнѣйшіе корни въ массахъ народныхъ, закрѣпивъ надолго права миѳическаго (съ современной точки зрѣнія) мышленія въ воззрѣніяхъ народовъ.

Вообще слово, — съ тѣхъ поръ какъ за нимъ признана была сила, какъ опредѣлилось, что въ жизни человѣка оно — величина крупная, — принимало самое живое участіе во всѣхъ важныхъ моментахъ человѣческой исторіи, за нимъ оставалось рѣшающее значеніе.

Попробую, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, намѣтить роль его въ такихъ великихъ процессахъ человѣческаго духа, какъ усвоеніе христіанства на почвѣ старыхъ вѣрованій, и созданіе современныхъ взглядовъ на природу, гдѣ идетъ постепенный наклонъ отъ существа, вещи, матеріи — къ явленію, процессу, силѣ.

Къ пониманію христіанства подготовлены были лишь выдающіеся мыслители передоваго народа въ древнемъ мірѣ — грековъ, пройдя черезъ такія горнила духа, какъ Сократъ, Платонъ, только люди, съ тонко развитымъ философскимъ міросозерцаніемъ, постигавшіе путемъ глубокаго проникновенія въ „суть вещей“ идею единобожія. Но и въ средѣ этого тонко развитаго въ художественномъ отношеніи, воспитавшагося на образцовыхъ произведеніяхъ мыслителей — философовъ народа эти геніи яв-

лялись отщепенцами, чуждыми по своему міросозерцанію для „средняго интеллигента“ того времени.

Неудивительно, что и въ средѣ евреевъ, этого „избраннаго“ народа, миссіей котораго было храненіе и распространеніе завѣтовъ Единого Бога, проповѣдь Христа была встрѣчена враждебно: массы народныя не возвышались надъ уровнемъ царившаго въ то время міропониманія.

Какой же удивительный переворотъ, какую кипучую духовную дѣятельность должны были вызывать начала христіанства, попадая на почву, совершенно неуготованную, какъ то было съ новыми историческими народами, а особенно съ Русью.

Новыя понятія вливались въ формы старыя, выработанныя въ языкѣ путемъ упорнаго и долгаго процесса установленія въ мірѣ гармоніи, связи, возможной дѣльности его частей на почвѣ одухотворенія всего сущаго. Конечно, это новое должно было вступать въ компромиссъ со старымъ, отдавая ему на первыхъ порахъ почти все *свое*.

Старое понятіе о добрыхъ и злыхъ духахъ, о добромъ и зломъ началахъ въ мірѣ нашло себѣ воплощеніе въ новыхъ образахъ Бога и діавола, между которыми раздѣлена власть надъ вселенной; постепенно могущество послѣдняго слабѣетъ въ пониманіи обращенныхъ ко Христу, и выдвигается всемогущество Божіе; однако на протяженіи долгихъ вѣковъ, вплоть до нашего времени, значеніе демоническаго начала сохраняется въ различныхъ углахъ народнаго міровоззрѣнія, пройдя предварительно и черезъ богословскія сочиненія. Такъ, напр., блаженный *Августинъ* въ сочиненіи своемъ „О вѣдовствѣ демоновъ“ говоритъ: „Откровеніе... исходитъ или отъ Бога или отъ демоновъ; эти послѣдніе, благодаря своимъ сверхестественнымъ способностямъ, могутъ точно знать будущее и изъ различныхъ побужденій открывать его людямъ“. Приводя эти слова, *Мищенко* добавляетъ: „Такимъ образомъ чудесная сторона язычества принималась

христіанствомъ; измѣнены были названія, сообщены другія формы, но сущность осталась въ цѣлости“¹⁾).

Сохраняя въ силѣ значеніе вѣщихъ сновъ, видѣній, пророчествъ, христіанство придаетъ имъ исподволь значеніе Божьяго откровенія, а не вліянія демоновъ.

Что же должно было происходить въ умахъ толпы новообращенныхъ, мало способной къ анализу, твердо стоящей на основахъ старой вѣры?

- Еще у древнѣйшихъ культурныхъ народовъ, по мѣрѣ выхода изъ подавляющей мощи природы, по мѣрѣ завоеваній человѣка надъ нею, благопріятствующія ему, свѣтлыя начала въ мірѣ выдѣлялись въ особую группу божествъ, выдвигая культъ огня, свѣта; мало-по-малу эти отдѣльныя свѣтлыя божества собирались подъ главенствомъ солнца — бога свѣта и тепла, источника жизни на землѣ, выступающаго нерѣдко на защиту человѣка отъ темныхъ, грозныхъ стихій природы.

„Солнце было естественнымъ путеводителемъ къ возведенію всѣхъ явленій природы къ одной причинѣ, къ обобщенію всего въ единомъ“²⁾. — „Неопровержимости солнечной теоріи способствовала между прочимъ и недосыгаемость солнца, между тѣмъ какъ всякое указаніе на земной предметъ, какъ источникъ или причину явленій, могло подвергнуться непосредственной провѣркѣ или опроверженію“³⁾).

Этой теоріей г. Воеводскій объясняетъ и тѣ слѣды монотеизма, которые найдены различными учеными (см., напр., *Nägelsbach*, „*Homerische Theologie*“) у Гомера.

Во всякомъ случаѣ, это была та тропа, по которой направлялась мысль человѣческая къ созданію единого, свѣтлаго верховнаго существа, заправляющаго судьбами міра. И дѣйствительно, идея единого верховнаго добраго

¹⁾ Буше Леклеркъ, „Изъ ист. культуры“. — (Переводъ съ предисловіемъ и примѣч. Мищенко). С. 28.

²⁾ Воеводскій, „Введ. въ міол. Одиссеи“, с. 195.

³⁾ *Ib.*, 196.

существа сравнительно легко укладывалась въ умахъ и сердцахъ язычниковъ, обращаемыхъ ко Христу. Но она постоянно ограничивалась, затемнялась, тускнѣла подѣ влияніемъ вѣроваій въ разрозненные темныя силы, которыми и понынѣ полна природа для массъ народныхъ, для непросвѣщеннаго ума.

У этихъ иослѣднихъ не было такого видимаго еди-наго конкретнаго образа, въ которомъ онѣ могли объединиться, потому онѣ представляются владѣтелями отдѣльныхъ уголковъ земнаго шара, пытающимися при всякомъ удобномъ случаѣ причинить вредъ, зло человѣку. Въ эпоху христіанства всѣ онѣ нашли себѣ воплощеніе въ образѣ діавола, искушителя, оболстителя человѣка, въ видѣ чорга, антихриста, врага Бога и людей.

Подѣ влияніемъ ученія церкви старыя боги, владыки царствъ земныхъ, тускнѣютъ, меркнутъ предѣ величіемъ Божиимъ, переходя исподволь въ разрядъ темныхъ силъ, подѣ власть дьявола, который, почувявъ свое могущество, пытается даже вступать въ борьбу съ Богомъ изъ-за власти надѣ міромъ.

„Демоническое начало было однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей поэтическаго одушевленія съ самой ранней эпохи среднихъ вѣковъ и едва ли не до конца XVIII вѣка“. Это одно изъ характерныхъ отличій искусствъ христіанскаго и классическаго. „Болѣзненное раздвоеніе, которое почувствовалъ въ себѣ человѣкъ, усмотрѣвъ въ своемъ тѣлесномъ составѣ присутствіе злого врага своей души, постоянно наводило на мысль о сопутствующемъ ему демонѣ, постоянно пугало его воображеніе грозными страшилищами, и всякую данную радость растворяло для него горечью ожидаемой вѣчной гибели“¹⁾.

¹⁾ *Буславъ*, „Бѣсъ въ ист. московск. нравовъ“, с. 1. (Подробно и обстоятельно объ этомъ см. у *G. Roskoff*, „Geschichte des Teufels“. Leipzig. 1869. В. I—II). Ср. также *И. Матушевскій*, „Дьяволъ въ поэзіи. Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло, въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣ-

„Изъ встрѣчи двухъ чрезвычайно различныхъ міровоззрѣній (— язычества и христіанства —) создалось то среднее состояніе, которое еще древніе учителя русской церкви называли «двоевѣріемъ»... Процессъ двоевѣрія дліялся очень долго, не кончившись въ сущности и теперь... Церковь... усиленно стремилась къ истребленію двоевѣрія, обличала его въ поученіяхъ, лѣтописи, церковномъ законодательствѣ, предавала его проклятіямъ, но оно продолжало жить, отчасти потому, что невозможно было бы измѣнить міровоззрѣніе народа при тѣхъ скудныхъ средствахъ обученія, какія тогда (да и послѣ) были, отчасти потому, что требованія учителей были чрезмерны, поднято было гоненіе не только прямо противъ идолослуженія, но противъ всякаго увеселенія, противъ игры и пѣсни, которыя объявлены были дѣломъ бѣсовскимъ (по старому византійскому представленію язычество было именно служеніемъ бѣсамъ)“¹⁾.

— Подъ такими вліяніями „отношеніе между языческими богами и діаволомъ доходило, какъ можно думать по нѣкоторымъ даннымъ, до полнаго ихъ отождествленія... «Людіе... влечаху его (— Перуна —) въ рѣку Волховъ, идѣже абіе погрязе въ глубину, и помалѣ явися зъ воды; единъ же нѣкто челоувѣкъ верже на него палицею, онъ же вземъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка; порази же слѣпотою Новгородцевъ, яко оттолѣ въ сіе время, даже донынѣ, въ каждо лѣто на томъ мосту люди собираются, и раздѣлившеса надвое играюще убиваются» (Полн. С. Р. Л., II, 258, Ии. л.). Здѣсь Перунъ представляется одушевленнымъ воплощеніемъ діавола, — самимъ діаволомъ“²⁾.

„Этотъ взглядъ и послужилъ точкою соприкосновенія между вѣрованіями старой и новой религіи о духахъ:

ковъ. — Этюдъ по сравнит. исторіи л-ры“ (въ „Русск. Мысли“ 1901 в., кн. VI, с. 67—96 — начало).

¹⁾ Пятинъ, А. „Нач. рус. ли-ры“, с. 277—8.

²⁾ М. Азбукинъ, „Очеркъ литературн. борьбы...“, 2 2—3.

божества древнихъ славянъ заняли по отношенію къ христіанскому Богу второе мѣсто и здѣсь встрѣтились съ ученіемъ новой религіи о духахъ. Сближеніе между тѣмъ и другимъ было вполне естественно: славяне привыкли къ политеистическому складу, по которому явленія природы имѣли нѣсколькихъ отдѣльныхъ представителей; объединеніе этихъ явленій подъ властью одного Міроправителя на первыхъ порахъ было непонятно для язычника—тѣмъ болѣе, что непосредственное впечатлѣніе представляло ему въ природѣ нерѣдко враждебное отношеніе между явленіями, которое въ неразвитомъ сознаніи туго мирилось съ представленіемъ о единомъ началѣ, — и онъ съ охотою остановился на ученіи объ ангелахъ и святыхъ съ одной стороны, и о демонахъ съ другой, которое тѣмъ болѣе было ему по-плечу, что имѣло нѣчто аналогичное съ прежними языческими понятіями о бѣлобогахъ и чернобогахъ ¹⁾. Характерную попытку защитити

¹⁾ „Стараясь уничтожить народную вѣру въ зооморфическую и антропоморфическую олицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учителя внушили народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Кипрскаго на книгу Бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и проч., переписывалось во многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія“ (*Щаповъ*, „Историч. оч. народн. міросозерц.“ изъ ч. CXVII, с. 5), (каковы, напр., Лѣтопись Нестора, I, с. 121, Соловецкій Сборникъ № 993, Соловецк. рукоп. № 219 и др.). Неудивительно поэтому, что въ „своёмъ поэтическомъ міросозерцаніи народъ видѣлъ ангеловъ въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ: «Есть трава именемъ архангель, собою мала, на сторонахъ по 9 листовъ, тонка въ стрѣлку, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь. Та трава вельми добра: кто ее рветъ на Иванъ-день сквозь золотую или серебряную гривну

и объяснить существование стихийных божеств с точки зрения христианских понятий представляют народные легенды о томъ, какъ дьяволъ былъ свергнутъ съ неба: когда были созданы ангелы и демоны, между ними завязалась борьба, въ которой побѣда склонялась то на ту, то на другую сторону. Наконецъ архангелъ Михаилъ свергъ съ неба сатанино воиство, и нечистая сила понадала на землю въ различные мѣста, отчего появились водяные, домовые и лѣшіе¹⁾.

Объ этой исконной, начавшейся еще „при сотвореніи міра“, борьбѣ началъ добраго и злого сохраняются и понынѣ сказанія въ народѣ, свидѣтельствуя наглядно, сколь глубоко виѣдрилось такое міропониманіе въ народную жизнь.

„Давно це було. Тоди ни людей, ни земли, ни дерева, ни птыци и ни якои живои твари не було на съвити; іи уже описля Господь Богъ премудростію Своею сотворивъ, благословивъ и повеливъ кожній своего дила берегти. Одна отъ тилько зозуля межъ птыцами, мовлявъ, якъ цыганъ межъ людьми, неседить на одному кодли, своей хаты, це бо то гнізда, не мае, а у чужи гнізда яйця несе. Такъ іи одъ Господа завить, кажуть, такой данъ, шобъ не сміла своимъ власнымъ хозяйствомъ господарювати, а шобъ тинялась по чужимъ куткамъ та втихи не знала видъ диточокъ своихъ. Бо кажна тварь, яка бъ вона проклятуца не була, отъ хочай бы и вовкъ, на що, здається, крацого разбійвика, а и той тишиться дитками своими. Эге! — а зозуля то це навить и не птыца, а такъ перевертень, — тьху! отъ шо вона! — Ото жъ тоди була скрызъ вода, а надъ нею перше небо, на котримъ живъ Богъ и два його прислужники: Мишка та Гришка, отъ якъ по манастирахъ може доводилось вамъ

и та трава носить, и тотъ человекъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злаго человека»⁴⁾ (ib., 12).

¹⁾ *Азбукинъ*, I. с., с. 233 (ср. у *Аванасьева*, „Поэтич. воззрѣнія“, II, 462).

бачити послушныкивъ, чи служокъ,—то при такому дили и ци стояли. А на самому неби, тамъ де темеръ живе Божа Мати, живъ Сатанаиль, и все Господови перечивъ. Що не схоче Господь зробити, то винъ, лукавый цей Сатанаиль, визме та и помишае, не дасть таки, проклятый, зробити. Ото и задумавъ Господь Богъ, якъ бы то іому стребити С-а, та не такъ то хоче стребити, якъ виднати ризу его, у котри, мовлявъ, уся сила сатанаилова седила.—Отъ одного разу С-ль роздгся, положивъ ризу свою на камени и ставъ плавати на мори, бо дуже любивъ проклятуцій купатись, а Господь сидить на своему неби та дивиться. Отъ и заспоривъ Господь Богъ зъ С-мъ: не доставешъ, Господь каже, дна морского, а С. каже: ба достану“. Сталь сатана нырять, а Господь, Гришва та Мишка стали замораживать море. Вынырнулъ С., увидѣлъ толстый слой льда, сталь оттаивать его и догонять Гришку, взявшаго ризу С-ла. Но Михаилъ обрубилъ ему крылья. „Отъ Сатанаиль унавъ у море, а ризу іого М. съ Гришкою принесли до Бога. И у ци сами рызи після Іисусъ-Христось на хрести мучився, а зъ Мишки та Гришки Богъ зробивъ архангеливъ Михаила та Гавріила“¹⁾.

Въ апокрифахъ о сотвореніи міра (варіанты коихъ у различныхъ записывателей очень близки) тоже изображается попытка борьбы сатаны съ Богомъ, но с-а здѣсь оказывается безсильнымъ: „Богъ посылаетъ Сатанаила на дно моря взять песку (и синяго камня) и приказываетъ ему произнести при этомъ: «не я беру, а Богъ бере», но С. сказалъ: «не Богъ бере, а я беру» и не могъ вынести, и только на третій разъ, исполнивъ приказаніе Бога, захватилъ песку (и камня); Богъ иосѣялъ песокъ, привазалъ ему расти, и такимъ образомъ создана была земля, а изъ синяго камня — небо“²⁾.

¹⁾ Записано г. Ю. Остаржевскимъ въ Кіевѣ — см. „Кіевская Старина“, 1887 г. май, с. 196—7.

²⁾ Сумцовъ, „Очерки...“, с. 239.

Въ Галиціи, въ насхальныхъ играхъ, донынѣ удержались отголоски этой вѣковой борьбы, перенесенной съ неба на землю: „Изъ группы парней, въ количествѣ около 20 человекъ, избирается Богъ и «дідко» (т. е. чортъ); затѣмъ всѣ садятся въ кругъ, «дідко» же тѣмъ временемъ удаляется. Богъ беретъ кольцо и прячетъ его въ сжатой рукѣ одного изъ хлопцевъ и потомъ, призвавъ *дідка*, велитъ ему угадывать, у кого находится перстень, говори при этомъ: «Выйди, дідко, изъ-за горы, будешь ѣсть пироги». Чортъ начинаетъ искать, и хлопецъ, у котораго онъ не находитъ кольца, становится *божымъ*, тѣ же, у которыхъ окажется кольцо, дѣлаются *дідковыми*. Такимъ образомъ, всѣ играющіе раздѣляются на двѣ партіи — *божымъ* и *дідковымъ*. Тогда *Богъ* и *дідко* становятся впереди своихъ и хватаются руками за толстую палку, называемую булавою; начинается борьба при общемъ крикѣ: «наша булава!» Кто вырветъ изъ рукъ противника эту эмблему власти, тотъ и считается побѣдителемъ, и сообразно съ этимъ всѣ кричатъ въ концѣ игры: «Богъ сильнѣе» либо: «Дідко сильнѣе!»¹⁾

— „Укрѣпленію сближенія стихійныхъ божествъ съ христіанскими ангелами и святыми много помогло и гностико-богомильское ученіе объ ангелахъ міроправителяхъ и о сатанаилѣ, какъ самостоятельномъ представителѣ злого царства, занесенное къ намъ изъ Болгаріи въ самомъ началѣ христіанской жизни. Воззрѣнія эти больше подошли подъ уровень духовной жизни русскаго народа и были усвоены имъ очень скоро. Въ стихійныхъ ангелахъ и сатанаилѣ народъ узналъ уже знакомыя ему лица, принялъ ихъ съ особой охотой и даже назвалъ своими языческими именами — («Еста два ангела громная — еленскій старецъ Перуянь, Нахоръ (вар. Хорсъ) есть жидовинъ: а два еста ангела молніина» — объясненіе грома и молніи въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“). — Для русскихъ

¹⁾ *Карловичъ, И.*, проф. „Народныя насхальныя игры въ восточной Галиціи“ (см. „Харьковск. Вѣдом.“ 1900 г., № 96).

оставалось только найти какія-либо общія черты между прежнимъ божествомъ и христіанскимъ святымъ или ангеломъ, а затѣмъ легко произвести замѣну одного другимъ, причѣмъ безпренятственно переходили въ кругъ христіанскихъ воззрѣній и множество побочныхъ языческихъ элементовъ,—заговоровъ, примѣтъ, заклинаній и пр. Найти такія черты было не трудно: не нужно было ни характеристики святаго, ни подробныхъ свѣдѣній о его жизни: достаточно было самаго мелочнаго подобія, — въ большинствѣ случаевъ — простого созвучія въ имени или частнаго біографическаго факта, чтобы замѣнить бога (— языческаго —) христіанскимъ святымъ¹⁾. — Византійская церковная литература въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже способствовала закрѣпленію и въ культурной средѣ ученія о стихійныхъ ангелахъ²⁾. Неудивительно, что народное міропониманіе воспользовалось этимъ теченіемъ церковнымъ очень широко, населивъ міръ, во всѣхъ углахъ

1) Такъ, напр., пророкъ *Илія* низводитъ огонь и дождь на землю, возносится на небо на огненныхъ коняхъ и колесницѣ,—значитъ онъ то же, что громовержецъ Перунъ. Это и засвидѣтельствовано въ памятникѣ XV в.—„Весѣдъ Елифанія съ св. Андреемъ“—(см. „Ж. М. Н. Пр.“, т. СХVII, с. 15); *Іоаннъ Предтеча* въ церковномъ языкѣ называется „денницей, предтечей солнца“, отсюда, при содѣйствіи данныхъ языка, гдѣ крестить и купать — синонимы, — отождествленіе его съ Иваномъ Купалой; *Власій*, какъ говорится въ Прологѣ о Власіи, жилъ „въ нѣкоей пещерѣ горьстѣи, идѣже дивіи звѣрія кроткими благословеніемъ св. являються“ (ср. Четы-Минеи), а потому — овъ скотій Богъ — Волось; дочери Ирода, *трясавицы* (12 лихорадокъ), въ качествѣ темной силы вошли въ русскую иконографію: въ XVII в. были иконы — побѣда ангела-хранителя надъ 12 трясавицами по молитвѣ св. Сисинія; это — 12 обнаженныхъ разныхъ цвѣтовъ, сообразно народнымъ представленіямъ, женщинъ (см. *Буслаевъ*, „О нар. п. въ др.-рус. л-рѣ“ (въ „Изв. Ак. Н.“, т. VIII, с. 67).

2) См., напр., „Соловецкій Сборникъ“ № 993 — въ „Ж. М. Н. П.“, т. СХVII, с. 3; у Нестора, подъ 6618 (1110) годомъ, о явленіи огненнаго столба въ Печерскомъ монастырѣ, — въ „П. С. Р. Л.“, I, с. 121—2.

ангелами и демонами подъ разнообразными названіями. „Основываясь на стихѣ: «ангеломъ своимъ заповѣсть о Тебѣ — сохранить Тя во всѣхъ путехъ Твоихъ», русскіе благочестивые книжники дѣйствительно наполнили весь міръ ангелами, такъ же какъ ранѣе онъ былъ наполненъ языческими богами; ангелы эти не только управляли стихійными явленіями, но и участвовали во всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ, обстоятельствахъ жизни человѣка, при чемъ каждому роду дѣйствій человѣка приписывался свой ангель-покровитель“¹⁾).

Народное творчество на этой почвѣ развернулось во всю ширь, создавъ богатую литературу апокрифовъ, духовныхъ стиховъ, заговоровъ, закрѣпивъ такимъ образомъ на долгое время въ языкѣ и мысли власть существа, вещи, предмета, утвердивъ въ предложеніи главенство за подлежащимъ-существительнымъ, тормозя развитіе глагольности и связанныхъ съ этимъ строемъ рѣчи мыслительныхъ теченій.

Изъ сѣмянъ христіанскаго ученія, посѣянныхъ на языческой почвѣ, вырастали на ней роскошныя туземныя растенія, какъ суррогатъ чистыхъ, высокихъ идей новой религіи, какъ дополненіе и разъясненіе многихъ вопросовъ, всплывавшихъ въ умахъ обращенныхъ подъ влияніемъ старыхъ вѣрованій. Первымъ изъ таковыхъ является апокрифъ,—какъ домысль, какъ толкованіе прочитаннаго въ книгахъ церковныхъ, — зародившійся въ началѣ среди низшаго духовенства²⁾ и начетчиковъ въ Священномъ Писаніи, а потому долгое время не подвергавшійся

1) *Азбукинъ, М.*, Л. с., с. 240. — Ср., напр., „Сказаніе, кимъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны и когда памяти имъ“ — въ „Ж. М. Н. П.“, т. СХVII, с. 63.

2) „Просвирни и пономари, говоритъ Буслаевъ, заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи народной поэзіи, и какъ Пушкинъ указывалъ чистоту русской рѣчи въ устахъ московскихъ просвирень, такъ историкъ литературы съ неменьшимъ уваженіемъ долженъ отозваться о поэтическихъ разсказахъ древнихъ русскихъ пономарей“ („Ист. очерки“, II, 198).

говенію со стороны высшихъ духовныхъ властей: апокрифами пользовались даже священники при составленіи проповѣдей. Такъ выросталъ постепенно „обширный отдѣлъ литературныхъ памятниковъ, построенныхъ на каноническихъ сказаніяхъ ветхозавѣтныхъ, новозавѣтныхъ и на житіяхъ святыхъ, съ примѣсю къ библейскимъ сказаніямъ народныхъ преданій и вымысловъ“, дополняющихъ и поясняющихъ „библейскіе мотивы съ точки зрѣнія народной психологіи и частныхъ особенностей народнаго быта“¹⁾. Отсюда получалъ начало, спускаясь въ народную среду и тамъ видоизмѣняясь и давая отъ себя новые побѣги, „богатый религіозный эпосъ, въ которомъ посреди заблужденій, анахронизмовъ и противорѣчій встрѣчается много замѣчательныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, много въ высшей степени трогательныхъ и поэтическихъ картинъ. Поэтому эти сказанія были всегда любимы, переходили отъ одного народа къ другому, проникали въ искусство и литературу, доставляли, особенно въ древніе и средніе вѣка сюжеты для духовной поэзіи, живописи и скульптуры, и вообще имѣли огромное вліяніе на складъ тѣхъ религіозныхъ народныхъ понятій, которыя еще до сихъ поръ существуютъ въ народѣ“²⁾.

Въ народныхъ массахъ апокрифами питались духовные стихи. Это былъ путь, которымъ глубоко и прочно вѣдрялись принципы новой религіи въ жизнь народную, это былъ рычагъ для поворота стараго міросозерцанія.

„На Руси стихи духовные возникли со времени уже христіанской религіи изъ стремленія разъяснить себѣ новые и неясные вопросы, предложенные народу религіей, которая не могла сразу найти себѣ полное и вѣрное объясненіе въ грубыхъ умахъ еще язычествующаго по убѣжденіямъ народа, представляя разрушеніе его старыхъ

1) *Сумцовъ*, „Очерки...“, с. 215—16.

2) *Ibid.*

идеаловъ. Выходъ былъ вполне естественный: народъ обратился къ книгамъ и, не найдя въ нихъ многого интереснаго, пустилъ въ дѣло свою фантазію. Вотъ начало апокрифическихъ сказаній, на которыхъ основывались и духовные стихи“¹⁾).

„Духовные стихи есть явленіе не исключительно русской жизни, но наши духовные стихи, сходясь въ сюжетахъ съ произведеніями другихъ народовъ, рѣзко отличаются отъ нихъ въ обработкѣ этихъ сюжетовъ. Во всѣхъ нашихъ духовныхъ стихахъ представляется смѣшеніе чисто народнаго элемента съ книжнымъ: съ одной стороны они повторяютъ языческія преданія, вносятъ въ себя міровоззрѣніе до-христіанскаго народа, съ другой — служить отраженіемъ книжной и преимущественно апокрифической литературы. Основой нашихъ стиховъ были книжныя, апокрифическія сказанія, но обработка этихъ сказаній шла чисто народнымъ, безыскусственнымъ путемъ, что сближаетъ наши духовные стихи съ народными русскими произведеніями до-христіанской эпохи: въ нихъ мы видимъ тѣ же предметы, тѣ же воззрѣнія и представленія, какія намъ хорошо знакомы изъ русскихъ былинъ“²⁾).

„По духовнымъ стихамъ можно видѣть нравственную состоятельность христіанскаго русскаго народа; по нимъ можно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ христіанскихъ идей въ той формѣ, въ которой онѣ прививались въ массѣ, а это знаніе подвигаетъ впередъ и разъясненіе вопросовъ изъ исторіи политической и исторіи культуры цѣлой русской націи“³⁾).

Благодаря духовнымъ стихамъ, добавлю, становились для сѣраго люда своими, близкими, родными высокіе завѣты Христа; а отсюда уже вытекало пользованіе молитвой христіанскаго характера въ труднѣйшихъ, интим-

1) Будде, Е. „Мѣсто и знач. дух. стиховъ“, с. 27.

2) Ib., с. 2.

3) Ib., 28.

вѣдшихъ случаяхъ частной, личной жизни, каковы, напр., заговоры.

Въ разныхъ отдаленныхъ углахъ Россіи и поныѣ кипитъ борьба между отмѣченными міропониманіями, и изслѣдователь застаеть ее въ разныхъ стадіяхъ развитія въ зависимости отъ того, сколь давно и какъ успѣшно входитъ въ жизнь той или иной окраины христіанская культура.

Россія въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ разновременно принимала, даже внѣшнимъ образомъ, христіанство, растекалось оно медленнымъ потокомъ изъ Кіева на ближайшія окрестности. Если мы припомнимъ въ любой моментъ исторіи, какую отчаянную и упорную борьбу ведетъ всегда старое, отступая передъ новой силой, — намъ станетъ яснымъ, почему остатки стараго, языческаго, назовемъ болѣе широкимъ терминомъ — миѳическаго мышленія дожили донныѣ, хотя и въ измѣненномъ видѣ, даже въ относительно культурной средѣ, не говоря уже о мало цивилизованныхъ жителяхъ окраинъ, гдѣ эти вѣрованія встрѣчаются и въ чистомъ видѣ, разливаясь по всему горизонту его мысли.

Такъ, напр., по понятію крестьянъ Курейско-Сергіевскаго прихода Холмогорскаго уѣзда, „вся природа, всѣ стихіи и явленія ея олицетворяются въ живыхъ образахъ — существахъ, и имѣютъ непосредственное роковое вліяніе на судьбу чловѣка; въ (ихъ) рукахъ находится счастье и горе людей. Каждое изъ этихъ таинственныхъ существъ, называемыхъ духами, имѣетъ свою опредѣленную сферу дѣйствія и вліянія... Куда бы ни пошелъ (чловѣкъ), въ поле, въ лѣсъ, къ рѣкѣ, къ озеру или на гору, — вездѣ воображенію его представляются эти невидимыя миѳическія существа, отъ которыхъ онъ не можетъ никуда уйти. Вѣря въ могучую силу этихъ миѳическихъ существъ и боясь гнѣва ихъ, суевѣрный народъ всегда старается не раздражать, угодить имъ, умилостивить ихъ“. При входѣ въ новый домъ хозяинъ накрываетъ столъ, раскланивается на всѣ стороны и говоритъ: „хо-

заяшко-господинъ, прими насъ на богатый дворъ, на бытѣе на житѣе, на богачество“. Если домовою умилостивленъ, все идетъ благополучно, иначе — въ домѣ заводится *нежить*. Купилъ крестьянинъ скотину, вводитъ во дворъ со словами: „Мохнатый звѣрь на богатый дворъ; пой, корми, хозяйнушко, рукавичкой гладь“; на утро — неприглажена скотина, значить не ко двору: нелюба домовому, и продается за безцѣнокъ. Моется въ банѣ — не стучить, не говорить громко, чтобы не оскорбить „байнушка“, а вымывшись — оставляетъ ему вѣнникъ и воды и уходя благодарить: „Спасябо тебѣ, байнушко, на парной баничкѣ“ и т. п.¹⁾

Не говорю уже объ инородцахъ, у которыхъ христіанство ложилось на еще болѣе ранній слой въ пониманіи міра и гдѣ оно на туземной почвѣ дало самые причудливые плоды. Такъ, у чукчей, по словамъ „Якутскихъ Обл. Вѣдомостей“ (1893 г.), на почвѣ вѣрованія въ загробную жизнь окрѣпъ древнѣйшій обычай убійства стариковъ, неспособныхъ къ труду, переродившійся нѣскольکو позже въ самоубійство таковыхъ — въ виду неминуемой гибели—, а нынѣ — въ фанатическое желаніе поскорѣ свидѣться съ умершими родными. Особенно возрастаетъ число самоубійць во время эпидемій и тяжкихъ несчастій: бѣды, скорби и болѣзни приписываются чукчами вліянію умершихъ вмѣстѣ съ злыми духами; для ихъ умилостивленія чукча и приноситъ себя въ жертву, заявляя роднымъ, что духи не даютъ ему покоя, зовутъ его къ себѣ. И вотъ начинается торжественное приготовленіе къ этому событію, при томъ очень медленное — не менѣе 10—16 дней. Заготавливается новая одежда изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, новыя сани и сбруя для оленей, на которыхъ совершенъ будетъ послѣдній путь. Обрекшій себя на смерть, надѣвъ новую одежду, садится въ углу юрты и подаетъ знакъ, чтобы его лишили жизни, приставивъ копьѣ противъ сердца, или ножъ

¹⁾ *Ефименко*, „Опис. обыч. Арханг. губ.“, с. 193.

у горла, или же надѣвъ на шею ремень. Умерщвленнаго сажаютъ въ сани и увозятъ въ назначенное мѣсто; тамъ убиваютъ оленей, а трупъ привезеннаго сжигаютъ. Присутствующіе, намазавъ лицо и руки кровью покойнаго, во время сжиганія обращаются къ нему съ мольбой, не забывать ихъ, и развѣзжаются когда трупъ обратится въ пепель.

Конечно, въ эти дебри духа свѣтъ Христова ученія дойдетъ не скоро, и долго въ такихъ углахъ будутъ таиться живые примѣры тѣхъ видовъ пониманія міра, черезъ которыя проходило все человѣчество, поднимался къ современному.

Всѣ эти и подобные конкретные образы, оформляясь постепенно въ сознаніи, получаютъ нѣкоторое обобщеніе и закрѣпляются надолго, пожалуй еще болѣе крѣпко, въ языкѣ, въ обыденной рѣчи, гдѣ часто такъ трудно бываетъ отличить метафору, переносное пониманіе отъ живой дѣйствительности, и гдѣ борьба миѣческаго мышленія съ относительно научнымъ идетъ и въ настоящее время во всѣхъ слояхъ, упорная и горячая.

Дѣло въ томъ, что постепенное „умерщвленіе“ природы, постепенное уменьшеніе въ мысли предметовъ живыхъ, одушевленныхъ, т. е. существъ, влекло за собою и въ языкѣ стремленіе отбѣнить въ словѣ эту грань живого и мертваго, духа и матеріи. Огромную роль въ этомъ вопросѣ сыграло то, что у насъ принято называть миѣомъ.

Если анимистическое пониманіе міра не давало хода анализу и обобщеніямъ мысли, представляя все живымъ, все одинаковымъ, на одной плоскости и уровнѣ, то политеизмъ уже открывалъ широкій просторъ для установленія перспективъ въ мысли: „душа вещи превращается въ божество, вещь теряетъ свою душу, и такимъ образомъ утрачивается самая возможность противопоставленія вещи и ея души. Тѣмъ не менѣе возможность возникновенія у индоевропейцевъ дуалистической точки зрѣнія не была уничтожена, потому что не всѣ

вещи потеряли свои души. Это случилось собственно съ тѣми, которыя мы называемъ неодушевленными; живыя существа естественно продолжали сохранять свои души и такимъ образомъ обезпечивали возможность будущаго философскаго различенія *духа* и *матеріи*“¹⁾).

Греческіе мифы были уже широкимъ обобщеніемъ, они готовали почву для научнаго анализа: отдавъ цѣлую область природы во власть особаго существа, божества, грекъ умерщвлялъ тѣмъ самымъ отдѣльные предметы и явленія въ этомъ царствѣ. Неудивительно, что мифологія играла столь видную роль въ античномъ мірѣ: она удовлетворяла не только религіознымъ, но и научнымъ потребностямъ²⁾.

„Мы знаемъ съ достовѣрностью, говорятъ К. О. Мюллеръ, что мифы, какъ основаніе и почва поэзіи и искусства, въ продолженіе столѣтій преимущественно занимали умъ греческаго народа: возможно ли поэтому составить себѣ понятіе о духовной жизни этого времени, не зная мифовъ и ихъ происхожденія? Не только внѣшняя, но и внутренняя исторія греческаго народа будетъ подобна де-

1) *Овсяннико-Куликовскій*, „Очерки изъ ист. мысли“, с. 112.

2) Краткое изложеніе главнѣйшихъ теорій, предлагавшихся въ разное время для объясненія происхожденія и сущности мифа, можно найти у *А. Введенскаго*, „Художественное творчество, какъ принципіи объясненія мифовъ“ (М. 1901 г.). Самъ авторъ считаетъ мифологическій процессъ — процессомъ творческимъ, близко-родственнымъ съ художественнымъ, опирающимся на основной законъ (съ формальной стороны) этого послѣдняго — законъ „прогрессирующей подстановкой, впервые выдвинутый *Dr. Ch. Kuths* (въ „*Inductive Untersuchungen über die Fundamentalgesetze der psychischen Phänomene*“, В. I. Darmstadt. 1898) и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ формулируемый проф. Введенскимъ такъ: „Изъ двухъ сходныхъ воспріятій, представленій, воспоминаній, эмоцій и т. д. творящая фантазія всегда предпочитаетъ тотъ психическій феноменъ, въ которомъ существенные элементы (или комплексы элементовъ) даны въ болѣе яркой, пластичной, рельефной, живой и подвижной формѣ“ (стр. 22).

реву безъ корней, если отбросить миѳъ, какъ нѣчто непригодное для науки, или если замѣнить этотъ единственно вѣрный источникъ произвольными догадками и химерами“¹⁾).

Въ жизни русскаго народа аналогичное значеніе имѣли апокрифы, духовные стихи и проч., служа предвѣстниками новаго, „научнаго“ міропониманія.

„Миѳъ самъ по себѣ уже былъ продуктомъ большихъ усилій мысли, большого творчества; въ немъ былъ собранъ умственный капиталъ, накопившійся вѣками; въ немъ хранились наблюденія, сближенія явленій, сопоставленія образы, — цѣлое міросозерцаніе, которое давало мыслителямъ и матеріаль, и мыслительные стимулы, и отправныя точки. Миѳъ, который имѣлъ исторію очень сложную, на пути своего развитія вырабатывалъ и изощрялъ умы, какъ въ настоящее время это дѣлаетъ наука. Миѳъ создалъ великіе умы древности, а эти умы въ свою очередь изъ миѳа сдѣлали философію и науку“²⁾).

Скажу болѣе: миѳъ въ исторіи развитія мысли ближайшій родоначальникъ послѣдующихъ научныхъ теорій и состоитъ съ ними въ тѣснѣйшемъ кровномъ родствѣ.

„Миѳомъ является всякая научная теорія, насколько она оказывается несостоятельною съ точки зрѣнія болѣе развитога научнаго сознанія“³⁾).

Проф. Потенія еще опредѣленнѣе выражалъ эту мысль: „миѳъ есть старая научная теорія, отжившая свой вѣкъ и смѣненная новою“.

Значить, существенной разницы между миѳическимъ и научнымъ мышленіемъ нѣтъ, и если между ними борьба обостряется, если миѳъ пытаются втоптать въ грязь, считая его позорнымъ, болѣзненнымъ наростомъ человѣческой мысли, если его насильственно и какъ можно ско-

1) „Prolegomena“ (1825 г.), с. 207.

2) *Овсяннико-Куликовскій*, *Op. cit.*, с. 134.

3) *Воеводскій*, „Введеніе въ миѳол. Одиссеи“, с. 183.

рѣе пытаются искоренить, — то все это лишь слѣдствие вражды между „отцами и дѣтьми“, въ силу выростающей между ними розни въ оттѣнкахъ міровоззрѣній; мы гораздо терпимѣе бываемъ къ „дѣдамъ“, хотя ихъ строй мыслей, ихъ воззрѣнія гораздо болѣе чужды внукамъ: здѣсь нѣтъ непосредственнаго столкновенія, а потому и обостренности противниковъ.

Блестящее развитіе „миѳическаго“ мышленія, какъ и вообще процвѣтаніе въ народѣ активнаго творчества, свидѣтельствуетъ о способности народа и къ серьезной научной работѣ, а потому гасить и тѣснить его нѣтъ основанія: вѣдь только черезъ эту старую форму волеется въ жизнь народную и новое, — для насъ, научное міропониманіе, а разрушеніе этихъ формъ надолго задержать вообще развитіе, — пока выработаются и формы, способныя принять въ себя вливаемое въ нихъ ¹⁾.

Правда, измѣненіе старыхъ формъ по требованіямъ новаго содержанія должно произойти, но это дѣлается

¹⁾ „Отдѣльныя понятія по міровѣдѣнію въ народной массѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ встрѣчаемъ, представляются мнѣ, какъ естественный продуктъ научнаго стремленія къ изслѣдованію связи явленій и необходимой, при данной суммѣ матеріаловъ изслѣдованія, склонности къ антропоморфизму. Вотъ почему я давно пересталъ поражаться странностью ихъ, почему не сомнѣваюсь въ способности къ усвоенію болѣе точныхъ приѣмовъ изслѣдованія со стороны людей, проявившихъ склонность къ самостоятельному изслѣдованію явленій въ формѣ, соответствующей наличности матеріала, но убѣжденъ въ безусловной бесплодности непосредственной борьбы съ отдѣльными суевѣрными понятіями. Только долгое и постепенное освоеніе съ болѣе совершенною техникою изслѣдованія можетъ привосить серьезный результатъ въ этомъ отношеніи; отдѣльныя понятія находятся въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ... Они продуктъ умственной жизни народа и наличныхъ средствъ изслѣдованія и способны уступить мѣсто новымъ только въ той мѣрѣ, въ какой эти новыя обнимутъ всю систему его мышленія, подобно тому, какъ старыя листья на черномъ дубѣ осыпаются только по мѣрѣ вскармленія его соками новыхъ“ (Ф. Рылъскій, „Къ изуч. украин. міровоззрѣнія“, с. 277—8).

вѣками, и вѣдь никто не разрываетъ рукой почку или бутонъ цвѣтка, чтобы поскорѣе увидѣть листья или полный цвѣтокъ; столь же неумѣстно и насильственное вторженіе въ глубочайшіе таинственные процессы духа человѣческаго. — Ихъ можно наблюдать, изучать, поучаться, но отиудь не разрушать и извращать, если не имѣется въ виду ихъ смерть.

Измѣненія, эволюція въ этихъ процессахъ идетъ неустанно; открытіе одного передового человѣка спустя нѣкоторое время становится достояніемъ группы близкихъ къ нему по развитію и постепенно опускается въ массы, а въ то же время на вершинахъ мысли зрѣетъ новое теченіе, — и такъ постоянно.

Наиболѣе яркимъ свидѣтелемъ тому служить языкъ: если присмотрѣться, въ немъ подмѣтимъ во всякій данный моментъ пласты и слои различныхъ поколѣній, причудливо перемѣшанные, то враждующіе другъ съ другомъ, то идущіе ко взаимному примиренію и созданію новаго на старыхъ устояхъ.

А состояніе языка — точнѣйшій и тончайшій показатель уровня мысли. — Съ тѣхъ поръ, какъ это положеніе, выработанное языкознаніемъ, стало получать права гражданства у старшихъ коллегъ этой юной науки, оно заставило повнимательнѣе присматриваться и прислушиваться къ творчеству массъ, народа въ разнообразныхъ областяхъ знанія и съ немалымъ удивленіемъ на первыхъ порахъ и недоувѣріемъ открывать тамъ первоисточники, корни позднѣйшихъ научныхъ теорій. Сначала по этой дорогѣ попили ближайшіе родственники науки о языкѣ — исторія литературы, этнографія, антропология, а затѣмъ естествознаніе во всѣхъ областяхъ и даже философія. И вотъ со всѣхъ сторонъ потекли новые факты, наблюденія, подтверждающія выводы изслѣдователей языка, что народная словесность есть своего рода энциклопедія знапій, что въ ней наряду съ отжившимъ для научныхъ теорій, есть сохранившее всю свою цѣнность и для современнаго состоянія науки, а не мало и такого, что явля-

ется для науки загадкой пока, хотя и слегка уже освѣщаемой и раскрываемой. Все это заставило вновь пересматривать „разныя суевѣрные бредни“, хранящіяся въ вѣдрахъ народнаго опыта, и согласно съ нимъ,—конечно всякій разъ освѣщаемого съ точки господствующаго міровоззрѣнія, — духовнаго творчества.

„Отголосковъ мифологической старины въ современномъ обществѣ гораздо больше, нежели можетъ показаться съ перваго раза, и подѣ влияніемъ событій, возбуждающихъ воображеніе, народная фантазія дѣйствуетъ по тѣмъ же законамъ и съ тѣми же приѣмами, при помощи которыхъ она нѣкогда разрабатывала содержаніе національнаго эпоса. — Всѣ эти отголоски могутъ быть названы переживаніемъ въ томъ смыслѣ, что они унаслѣдованы нами отъ болѣе или менѣе отдаленной старины. Но если подѣ переживаніемъ разумѣть такой остатокъ прошлаго, который утратилъ живой смыслъ и имѣетъ только символическое значеніе, то едва лишь небольшая часть такихъ отголосковъ подойдетъ подѣ это опредѣленіе; все же остальное окажется жизненнымъ проявленіемъ мифологическаго міросозерцанія. — Эти отголоски должны быть собираемы съ возможной тщательностью, и при достаточномъ накопленіи матеріала внимательное изученіе ихъ должно дать съ одной стороны очень яркое представленіе о настроеніи и степени развитія эпохи, а съ другой важныя указанія для общихъ положеній антропологии и этнографіи“¹⁾.

Изслѣдованія въ области народной словесности, какъ болѣе простаго сравнительно съ позднѣйшими развитыми формами человѣческаго знанія—литературой, искусствомъ и наукой—помогаютъ разобратъся и въ этомъ сложномъ, намѣчая пути въ развитіи общихъ приѣмовъ мысли, лежащихъ въ глубинахъ человѣческой психики.

„Культурное развитіе всякаго народа, всякаго человѣка характеризуется тѣмъ, что прежде его міровоззрѣ-

¹⁾ *Кирпичниковъ, А. „Очерки по мифол.“, с. 42.*

ніе расширяется, благодаря тому, что въ его жизнь проникають новыя начала, или создающіяся вновь изъ старыхъ, или выходящія изъ другой области, изъ другой культуры, изъ жизни иного народа. Эти начала, примѣняясь къ уже существующимъ, видоизмѣняясь въ зависимости отъ нихъ, сами вносятъ измѣненія въ эти старшія начала и совместно съ ними вырабатываютъ иныя начала культуры. При этомъ старыя начала не уничтожаются, ни исчезаютъ вполне изъ жизни, но, смотря по характеру новаго начала, они или живутъ рядомъ съ нимъ, или отходятъ постепенно на второй, третій, можетъ быть, десятый планъ, или же продолжаютъ жизнь въ новой формѣ. Опредѣлить отношенія этихъ началъ — дѣло научнаго изслѣдованія“¹⁾.

„Приведу примѣръ общеизвѣстный — переживаніе старыхъ вѣрованій: языческія вѣрованія народа не погибають окончательно съ христіанствомъ у этого народа: вырабатывается двоевѣріе, языческую основу котораго можно указать послѣ болѣе или менѣе тщательнаго анализа: у народа менѣе культурнаго старая основа сквозитъ больше, у болѣе культурнаго меньше“²⁾.

„Въ исторіи быта и вѣрованій съ преданіями и миѳологіей мы находимъ ранѣе всего выраженіе отдѣльныхъ чертъ данной народности, находимъ мы ихъ еще раньше — въ языкѣ, тѣсно связанномъ съ бытомъ и религіей, неотдѣлимомъ отъ понятія о народности. Такимъ образомъ съ исторіи языка, быта религіозныхъ вѣрованій и преданій мы должны начинать изученіе литературы“³⁾.

Во всѣхъ этихъ процессахъ крѣпло и развивалось могущество слова и въ народномъ пониманіи, и въ пониманіи представителей различныхъ научныхъ теченій.

Выработавъ изъ наблюденій надъ словомъ, какъ двой-

¹⁾ М. Сперанскій, „Дѣленіе исторіи русской л-ры“, стр. 197—8.

²⁾ *Иб.*, 198.

³⁾ *Иб.*, 201—2.

никомъ своего „я“, убѣжденіе о его огромной роли въ жизни на каждомъ шагу, создавъ своего рода культъ слова, человѣкъ въ дальнѣйшихъ наблюденіяхъ, изъ другихъ источниковъ, при иномъ освѣщеніи міра, добывалъ все больше и подтвержденій, что слово — это сила великая; старое преклоненіе предъ его властью въ христіанское время не только не ослабло, а напротивъ окружено было ореоломъ святости, сблизившись съ молитвой (— молити = молвити —); народная словесность на всемъ своемъ протяженіи проникнута этой основной мыслью. Всестороннія научныя изслѣдованія о языкѣ въ этомъ вопросѣ тоже не пошли въ разрѣзъ съ пониманіемъ народнымъ, какъ то было обычно во многихъ случаяхъ, когда сталкивались народная и книжная мудрость въ объясненіи и его явленій. Напротивъ, чѣмъ глубже шло изученіе языка, тѣмъ ярче, рельефнѣе опредѣлялось значеніе его въ исторіи развитія человѣка, въ созданіи и ростѣ человека, какъ существа разумнаго. Языкъ признали наиболѣе яркимъ выраженіемъ состоянія духа и высоты мысли: „стиль — это человѣкъ“, говорилъ Бюффонъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ наукѣ разработано значеніе языка при образованіи понятій, созданіи высшихъ отвлеченныхъ идей, на которыхъ опирается все зданіе науки и философіи; когда сознали, что безъ выработанныхъ формъ языка нѣтъ хода и мысли, что тотъ и другая составляютъ неразрывное цѣлое, — за словомъ и въ наукѣ вообще признанъ взглядъ народа.

„Идеи—живые ферменты, которые заставляютъ бродить стихію народнаго духа, побуждая его создавать и творить. У каждой эпохи есть своя наличность обращающихся идей: это разнѣнная монета мысли.—Какъ бы ни были многочисленны вѣтви, ихъ несетъ одинъ стволъ, онѣ исходятъ изъ одного корня. Какъ бы ни были многочисленны, сложны и противорѣчивы ходячія идеи, онѣ кристаллизуются около немногихъ центральныхъ. Поэтому всегда можно составить умственный инвентарь данной эпохи, прослѣдить развитіе его и обогащеніе идейныхъ

накопленій через вѣка. При этомъ необходимо отличать тѣ идеи, которыя обращаются въ избранныхъ кружкахъ, являются достояніемъ немногихъ, исключительныхъ, опередившихъ вѣкъ личностей, идеи, такъ сказать, «келейныя» отъ идей, обращающихся въ массѣ народа и общества, вступающихъ въ сферу коллективнаго самосознанія народа; только эти послѣднія идеи входятъ въ жизнь и являются могучими двигателями, направляющими народное жизненное строительство къ тѣмъ или инымъ цѣлямъ. Эти идеи претворяются въ чувство, въ безошибочный инстинктъ, и онѣ характерны для народа и эпохи.—Въ началѣ исторіи мы находимъ ту дѣйствующую почву, ту духовную «плазму», изъ которой и въ которой затѣмъ начинается ростъ и броженіе, творческій процессъ народной осмысленной жизни. Броженіе вызываетъ идеи, но отъ характера почвы зависитъ, чтобы проросли на ней именно тѣ, а не иные идейныя сѣмена; отъ природы «исторической плазмы» зависитъ то, что она воспринимаетъ именно эту вотъ идею и начинаетъ жить ею¹⁾.

„Идеи, образы, опредѣляющіе наше поведеніе и отчасти самый нашъ характеръ, внушаются намъ — частью обстоятельствами, частью другими людьми. Точнѣе, тамъ, гдѣ они особенно ярки и сильны, они ощущаются нами, какъ какія-то психическія внушенія. Мы нѣтъ нужды указывать на множество вѣрованій народныхъ, связанныхъ съ такими явленіями,—вѣру въ глазъ, порчу, одержимость, въ любовныя чары, внушенія добрыхъ и злыхъ духовныхъ силъ; всѣ эти вѣрованія, что бы имъ ни соотвѣтствовало, характерно выражаютъ самое ощущеніе психическаго вліянія или внушенія, связаннаго съ тѣми или другими образами, представленіями или идеями, опредѣляющими наше поведеніе. Съ самымъ *словомъ*, въ которомъ выражается правило дѣйствія, связывается такое представленіе предписанія, велѣнія, внушенія. Внушитель-

¹⁾ Энгельмартъ, Н. „Философія русскаго самосознанія“ (въ „Книжк. Недѣли“ 1897 г., I, с. 253—4).

ное слово, свое или чужое, побуждает насъ къ дѣятельности и опредѣляетъ ея направленіе: такое слово не только слышится нами, но и *живетъ* въ насъ¹⁾.

Вслѣдъ за отвлеченными философскими науками пошли по этому пути въ пониманіи силы слова и науки прикладныя. Медицина современная пытается раскрыть, на чемъ опирается лѣкарственное, цѣлебное значеніе слова, играющее въ народной врачебной практикѣ столь выдающуюся роль. А при этихъ разслѣдованіяхъ попутно освѣщались и такія „абсолютныя нелѣпности“ въ народномъ міровоззрѣніи, какъ отводъ глазъ, передача чувствительности другому субъекту или предмету и проч.²⁾

1) *Трубецкой*, „Психологическій детерминизмъ“, с. 509.

2) Доктору Льюису, производившему въ Парижской больницѣ Charité опыты надъ гипнотическимъ раздвоеніемъ личности, удалось съ одной пациенткой достигъ того, что вся чувствительность ея переняла, по приказу Л-а, въ бокаль съ водой. Стоило дотронуться до этой воды, и это тотчасъ же отзывалось на помѣщавшейся въ другой комнатѣ. Когда начинали воду мутить, съ пациенткой дѣлались спазмы, оканчивавшіяся глубокимъ обморокомъ, когда воду разливали. Затѣмъ Л. попытался чувствительность пациентки перенести на ея фотографическій портретъ. Результатъ тотъ же: прикосновеніе къ портрету отзывалось на пациенткѣ, даже царапина на рукѣ портрета съ точностью появилась и на рукѣ пациентки.

Ср. также статью *Е. Розье* „О внѣшнемъ отвлеченіи чувствительности“ (помѣщенную въ первыхъ №№ „La Médecine Moderne“ за 1898 годъ). Приведу изъ нея нѣсколько отрывковъ, по извлеченію въ „Новомъ Времени“ за 1898 г., № 7860 (въ Иллюстр. прибавл.). „Субъектъ, находящійся въ глубокомъ гипнозѣ, становится чувствителенъ, если и не касаться его. Напр., если ущемить воздухъ на разстояніи 3—4 сантиметровъ отъ кожи субъекта, то человекъ почувствуетъ боль, и вы замѣтите, что ему дѣйствительно больно;... при чемъ на кожѣ можетъ иногда оказаться синякъ... Эта отвлеченная чувствительность можетъ сосредоточиться въ различныхъ вмѣстителяхъ, напр., въ стаканѣ воды. Приблизивъ руку загнипнотизированнаго субъекта, мы передаемъ этому стакану всю чувствительность руки... Если мы коснемся воды, то загнипнотизиру-

„Всѣ писатели, занимавшіеся исторіей магіи, говорятъ о талисманахъ, о чарахъ, о таинственныхъ словахъ, которые дѣлали посвященныхъ нечувствительными къ страданіямъ. Среди самыхъ жестокихъ мученій сохраняли они полнѣйшее спокойствіе, и ни однимъ движеніемъ, ни однимъ звукомъ не обнаруживали, что чувствуютъ боль ¹⁾. И несправедливо, думаемъ мы, считать эти рассказы чаще всего за вымышленные: точные эксперименты, произведенные въ наше время, позволяютъ дать имъ болѣе вѣрное толкованіе. Дѣйствительно, мы увидимъ, что большинство этихъ явленій возрождается снова въ гипнотизмъ. Если нѣкоторые обвиняемые переносили не блѣднѣя пытки, то это потому, что они дѣйствительно дѣлались нечувствительными подъ вліяніемъ одной только мысли, что у нихъ при себѣ превосходный талисманъ.— Когда причины внушенія не лежатъ уже болѣе въ насъ, но находятся внѣ насъ, то они обыкновенно вліяютъ на нашъ умъ незамѣтнымъ образомъ, и мы, уступая имъ, въ то же время сохраняемъ иллюзію свободы. Выпадаетъ иногда, что внушеніе осуществляется противъ нашей воли, осуществляется даже въ томъ случаѣ, когда нашъ умъ прекрасно сознаетъ его ложность и нелѣпость“ ²⁾.

„Шарль Рише ³⁾ дѣлалъ по этому поводу очень поучительные эксперименты надъ лицами, совершенно нормально мыслящими и не подверженными никакимъ невропатическимъ принадкамъ. Такъ онъ говорилъ однажды г-жѣ N.: «Вотъ очень горькая вода, попробуйте ее выпить». — «Я знаю, отвѣчаетъ она, что вода не горькая»,

ванное лицо почувствуетъ боль, какъ будто мы укололи ему руку... Отвлеченная чувствительность можетъ быть перенесена и въ другія вмѣстилища... Она предпочитаетъ жидкія тѣла, желатинъ, воскъ, слабой плотности матеріи и животныя тѣла“.

¹⁾ Рядъ такихъ примѣровъ приводится у Janet „L'Automatisme psychologique“, на с. 212.

²⁾ Ф. Томъ, „Внушеніе“, с. 22.

³⁾ См. „Revue philosophique“, т. XXI, с. 321 и сл.

и подносить стаканъ къ губамъ; но она не можетъ рѣшиться попробовать воду и дѣлаетъ удивительныя гримасы, какъ будто бы дѣйствительно дѣло шло о противномъ рѣшеніи. Наконецъ, послѣ 2—3 минутъ колебанія, уступая настояніямъ всѣхъ присутствующихъ при этомъ лицъ, она рѣшается выпить, но не безъ новыхъ знаковъ отвращенія. — «Ну, говорятъ ей, зачѣмъ эти гримасы? Развѣ это ужь такъ горько?». — «Нѣтъ, говоритъ она, но я не могу поступить иначе»¹⁾.

Пьеръ Жане въ „L'Automatisme psychologique“ приводитъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ: одна загибно-тизированная, по слову Жане, разрѣзывала воображаемый персикъ и ѣла съ видимымъ удовольствіемъ, другая — отстраняла входившаго (тоже воображаемаго) слона и забавлялась тѣмъ, что протягивала къ его хоботу кусочки хлѣба.

Думается, что за подобными примѣрами вишенія и самовнушенія нечего ходить далеко: въ обыденной жизни съ ними встрѣчаемся очень часто: стоитъ нервному, мнительному человѣку сказать: «у васъ по шеѣ ползетъ гусеница» или «къ вамъ на башмакъ вспрыгнула лягушка» и т. п., какъ на лицѣ его появляется выраженіе испуга и отвращенія, а въ иныхъ случаяхъ на мѣстѣ, гдѣ проползла мнимая гусеница, появляется краснота и ощущается зудъ.

Продолжая свои опыты въ такомъ направленіи, экспериментальная психологія научнымъ путемъ открывала рядъ послѣдствій гипноза, удивительныхъ, поражающихъ, но уже далеко небезызвѣстныхъ народной медицинѣ, въ лицѣ шамановъ, колдуновъ, знахарей, ворожеекъ, шептухъ и проч.

Подъ вліяніемъ гипноза наблюдались, напр., крупныя измѣненія въ чувствительности субъекта: 1) потеря ея: врачъ-хирургъ говоритъ паціенту: ваша рука пара-

¹⁾ Толъ, Op. cit., с. 22—3.

лизована, — и, не вызывая страданій, дѣлаетъ глубокіе проколы и разрѣзы ¹⁾; 2) усиленіе ея: слышать на далекомъ разстояніи разговоръ, шопотъ; видѣть на очень боль-

¹⁾ Принявъ за фактъ, что сильное воздѣйствіе на нервную систему (такъ называемый „шокъ“), можетъ вызывать потерю чувствительности, частичную или во всемъ организмѣ, медицина пошла дальше: она стала искать въ организмѣ ключа, которымъ раскрывается это загадочное явленіе. Позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ интересной статьи по данному вопросу — *Солье*, „Чувство физиологической жизни и страданіе“ (въ „Научн. Обозрѣніи“, 1899, VII, с. 1268—75, — перев. Сидерской). Бываютъ случаи внезапнаго заболѣванія, какъ бы сотрясенія въ головѣ субъекта, послѣ котораго его самочувствіе кореннымъ образомъ измѣняется. „Онъ сохраняетъ всѣ свои интеллектуальныя особенности — идеи, сужденія, память. Его органическія функціи совершаются правильно. Но онъ перестаетъ ощущать органическія потребности — онъ не чувствуетъ ни голода, ни обремененія желудка... онъ воспринимаетъ всѣ ощущенія со всѣми отбѣнками въ области какъ кожной чувствительности, такъ и специальныхъ органовъ чувствъ. Чего ему *недостаетъ*, такъ это *болевого чувствительности*. Онъ не вздрагиваетъ при сильномъ уколѣ, какъ бы укололи не его, а кого-то другого“ (с. 1271—2). Одинъ изъ такихъ больныхъ на вопросъ Солье, какъ себя чувствуетъ, отвѣчалъ: „я чувствую, что болѣе не существую“, и могъ съ точностью опредѣлить точку черепа, гдѣ почувствовалъ сотрясеніе, вслѣдствіе котораго потерялъ чувство своего существованія: эта точка мозговыхъ центровъ соответствовала центрамъ пищеварительныхъ органовъ и желудка въ частности. Подобная потеря чувства существованія (— анестезія —)... не влечетъ за собой ни тягостнаго, ни грустнаго настроенія“ (с. 1269). — Это подтверждается многочисленными разсказами людей, бывавшихъ „на краю жизни“; не стану приводить народныхъ, а остановлюсь на любопытномъ свидѣтельствѣ извѣстнаго проф.-геолога Альберта Гейма: сорвавшись съ высокаго утеса и летя въ пропасть, онъ ни на минуту не терялъ сознанія, при ударахъ о выступы и камни боли совершенно не чувствовалъ и считалъ количество ударовъ; но въ эти нѣсколько мгновеній онъ отчетливо и ярко пережилъ вновь всю предшествовавшую свою жизнь. — Очень близокъ къ этому и разсказъ альпиниста сэра Вэмпера.

шихъ разстояніяхъ; 3) превращать ощущенія: считать хининъ сладкимъ, принимая его за сахаръ, запахъ нашатыря — за духи; и *вызывать сопутствующія дополнителныя ощущенія*: быть пьянымъ отъ воды, выпитой вмѣсто ликера, вызывать на тѣлѣ нарывы, гдѣ приложена была бумага, вымазанная клеемъ, вмѣсто нарывного пластыря; [такимъ путемъ видѣ, образъ (мнимый) лѣкарства, вызывая глубокое измѣненіе въ организмъ, дѣйствуетъ, какъ само лѣкарство]; 4) загниотизированный, наконецъ, можетъ не видѣть предмета, находящагося передъ его глазами, и видѣть сквозь него, какъ сквозь пустое пространство, предметы, находящіеся за нимъ (это своего рода предвосхищеніе открытія рентгеновскихъ лучей).

Даже область интеллектуальная, подъ вліяніемъ внушенія, можетъ испытывать сильнѣйшія измѣненія.

„Я могъ, говорить Пьеръ Жане, заставляя М. переноситься послѣдовательно во всѣ періоды ея жизни, отмѣтить различныя состоянія чувствительности, которыя она пережила, и причины всѣхъ измѣненій. Такъ, она теперь совершенно не видитъ лѣвымъ глазомъ и увѣряетъ, что не видѣла имъ съ самаго рожденія. Если заставить ее возвратиться къ семилѣтнему возрасту, то она еще не чувствительна на лѣвый глазъ, но если внушить, что ей только шесть лѣтъ, то оказывается, что въ этомъ возрастѣ она хорошо видѣла обоими глазами, и можно опредѣлить время и весьма любопытныя обстоятельства, при которыхъ она потеряла чувствительность лѣваго глаза. Память автоматически осуществила то состояніе здоровья, о которомъ субъектъ, повидимому, не сохранилъ никакого воспоминанія“¹⁾.

Такимъ образомъ, благодаря усиленнымъ работамъ научной мысли, многія явленія, засвидѣтельствованныя памятниками народнаго творчества, но считавшіяся домы-

¹⁾ Тамъ же, Op. cit., с. 29.

словъ досузей фантазіи, становятся на почву дѣйствительности.

Самые приемы для достиженія гипноза очень близки, въ основѣ почти тождественны съ тѣми, что употребляются при заговорахъ: заставляютъ пациента устремить оба глаза неподвижно въ одну точку; смотрятъ ему пристально въ глаза; звонятъ въ гонгъ или бьютъ въ тамтамъ; пускаютъ неожиданно въ лицо сильную струю свѣта; повторяютъ многократно сряду какое либо дѣйствіе; приглушаютъ мѣрнымъ непрерывнымъ раздраженіемъ чувствительность; надавливаютъ слегка на такъ называемыя „гипногенныя зоны“ и проч. ¹⁾. Въ основѣ всего этого лежитъ цѣль — сбить поле сознанія, вызвать „судорогу вниманія“ на одной вещи, и такимъ путемъ подготовить почву для воспріятія движеній, ощущеній, не задѣваю-

¹⁾ Въ послѣднее время врачеваніе при помощи мысли и воли, — духовнаго воздѣйствія на больного начинаетъ занимать въ ученой медицинѣ все болѣе почетное мѣсто, особенно у послѣдователей Шарко. Такъ, одинъ изъ его учениковъ — Берильонъ попытался словеснымъ внушеніемъ отучить дѣвушку-рисовальщицу отъ крайне тягостной и вредной для нея привычки обесцвѣченія кистей съ красками. Б. приказалъ дѣвушкѣ, чтобы рука ея нѣмѣла всякій разъ, какъ станеть подносить кисть съ краской ко рту. При первой же попыткѣ возвратиться къ старой привычкѣ, дѣвушка осталась съ приподнятой онемѣвшей рукой, пока Б. не освободилъ свою пациентку (см. „Вѣсти. иностр. л-ры“, 1900 г., XI, с. 360—1).

Врачу „вездѣ, на каждомъ шагѣ, приходится быть актеромъ; особенно это необходимо потому, что болѣзнь излѣчивается не только лѣкарствами и назначеніями, но и душою самого больного; его бодрая и вѣрящая душа — громадная сила въ борьбѣ съ болѣзнью, и нельзя достаточно высоко оцѣнить эту силу.. Могучую поддержку оказываетъ завоеванная (—врачомъ—) вѣра, удивительно поднимающая энергію больного и его окружающихъ. Больной страшно нуждается въ этой вѣрѣ и чутко ловить въ голосѣ врача всякую ноту колебанія и сомнѣнія“ (*Вересаевъ*, „Записки врача“ — въ „Мірѣ Божіемъ“, 1901 г., III, с. 132—3).

щихъ нашего „я“, не воспринимаемыхъ ни чувствомъ, ни мыслью, въ ихъ обычномъ состоянїи.

Современное научное мышленіе въ своемъ широкомъ потокѣ, уносящемъ субстанціи, вещи, матерію въ пучину явленій, процессовъ и силъ, на разныхъ пунктахъ, въ различныхъ отрасляхъ наукъ, улавливало въ различныхъ уголкахъ и выносило на средину теченія отдѣльные факты, наблюденія, проливающія свѣтъ на сущность, на основы жизни этой могучей нынѣ, — и всегда признававшейся за таковую, — силы — внушенія, воздѣйствія словомъ на интимнѣйшія стороны человѣческаго духа, его психиіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали въ наукѣ все сводить къ дѣйствіямъ, постепенно объединяемымъ въ движеніи, дающимъ волны звуковыя, свѣтovyя, тепловыя, электрическія, эфирныя и рядъ промежуточныхъ между этими (по количеству колебаній въ секунду), пока неизвѣстныхъ, не дающихъ результатовъ, осязаемыхъ нашими органами, — это теченіе влилось мало-по-малу и въ область явленій психическихъ.

Исходя изъ того основного положенія, что мысль, подобно звуку, свѣту, лучистой теплотѣ, электричеству и проч., есть лишь особый видъ энергіи, это направленіе научное пришло къ заключенію, что передача мысли отъ одного субъекта другому на разстоянїи и безъ прикосновенія вполне возможна (ср. новѣйшія открытія — телеграфъ безъ проволокъ и электрическая лампа безъ проводовъ).

Такъ стали объяснять научно, обходя опасный подводный камень „чужестранности“ и „мистицизма“, многія таинственныя явленія, долго бывшія парїями презрѣнными въ кругу почтенныхъ научныхъ, „непоколебимыхъ“ истинъ.

Долго собирали факты такого рода, повѣряли точность наблюденія, собирали свѣдѣнія о научной благонадежности лицъ, сообщавшихъ таковыя, пока матеріаль не сталъ достаточно богатъ, великъ настолько, что ужь

былъ помѣхой стройности созданной системы міропониманія.

Тогда приступили къ объясненію ихъ, къ многочисленнымъ экспериментамъ въ этой области. Еще въ началѣ 80-хъ гг. появилась статья знаменитаго французскаго фізіолога *Шарля Рише* „La suggestion mentale et le calcul des probabilités“, въ которой онъ на основаніи многочисленныхъ, произведенныхъ имъ, опытовъ, доказывалъ, что мысль одного лица можетъ оказывать вліяніе на мысль другого безъ помощи какихъ либо знаковъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ; степенъ воздѣйствія, разумѣется, у разныхъ лицъ различна.

Цѣлымъ рядомъ фактовъ, собранныхъ въ протоколахъ лондонскаго „Society for psychical researsch“, основаннаго спеціально для изученія разнаго рода „таинственныхъ“ явленій, многочисленными опытами проф. Седжевика ¹⁾ мнѣніе Рише подтвердилось блистательнымъ образомъ: теорія вѣроятностей, примѣшавшаяся было къ объясненію явленій даннаго порядка, потеряла всякое значеніе, такъ опыты Седжевика давали 30% тамъ, гдѣ по теоріи вѣроятностей слѣдовало ожидать лишь 1—2%.

Въ недавнее время, въ концѣ 1895 г., вышла въ свѣтъ очень интересная работа *Лемана и Гансена* ²⁾, проливающая новую струю свѣта въ интересующій насъ вопросъ.

Исходя изъ той точки, что мысль есть своеобразное движеніе, эти ученые рѣшились сконцентрировать мысли въ фокусѣ вогнутаго зеркала: на разстояніи 2 метровъ между фокусами поставлены были два металлическихъ зеркала на такой высотѣ, чтобы ухо экспериментатора находилось въ фокусѣ; въ такой позѣ ученые усѣлись другъ противъ друга и стали вынимать поочередно изъ

¹⁾ „Experiments in thought-transferense“ (Proceedings of S. for psych. res.), vol. VI.

²⁾ „Ueber unwillkürliches Flüstern“ (Philosophische Studien, 11 B.).

мѣшечка двузачныя цыфры, давая волю движенію язычныхъ мускуловъ, которое необходимо для произнесенія названія вынутой цыфры, но ни въ какомъ случаѣ не допуская шопота. Результаты получились поразительные: изъ 500 случаевъ въ 166 угаданы были обѣ цыфры, въ 206—одна; при томъ числа воспринимались по частямъ: сначала одна цыфра или одинъ звукъ, одинъ комплексъ движеній, потомъ другой. Разстояніе постепенно увеличивалось, изслѣдователи были отдѣлены другъ отъ друга занавѣской, наконецъ помѣстились въ разныхъ комнатахъ;—количество угаданныхъ чиселъ, правда, уменьшалось подъ вліяніемъ препятствій для движенія звуковыхъ волнъ, но все же превосходило далеко $\%$, установленный теоріей вѣроятности. Разгадка явленія въ слѣдующемъ: звуковыя волны, образуемая при невольномъ мускульномъ движеніи (безъ котораго не можетъ быть произнесено слово), отражаются отъ металлическаго зеркала и попадаютъ въ ухо экспериментатора, находящееся въ фокусѣ ¹⁾.— Въ своихъ фонетическихъ изслѣдованіяхъ, кото-

¹⁾ А извѣстный французскій психологъ Поланъ (въ статьѣ „Правдивыя галлюцинаціи“ — въ „Rev. d. deux Mondes“, 1892, XI) пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи: „Всякая мысль сопровождается мозговымъ движеніемъ, передающимся міровому эфиру и сообщающимся мозгамъ другихъ лицъ, въ которыхъ оно принимаетъ свою первоначальную форму мысли“ (см. „Книжки Недѣли“, 1892, XII, с. 216). — Ср. также: 1) Любопытную замѣтку въ „Вѣстникѣ иностр. л-ры“ (1897 г., XII, 245—6) относительно опытовъ г. Брандта надъ фотографированіемъ токовъ лучистой энергіи, исходящихъ изъ человѣческаго тѣла. 2) Статью *Вл. Тюринга* „О психографіи или такъ наз. фотографированіи мысли“ (въ „Научн. Обзорѣніи“ 1897 г., № 4, с. 54—60), въ которой авторъ пытается дать объясненіе наиболее достовѣрнымъ опытамъ въ этой области, произведеннымъ Робертсомъ (воспроизведеніе на фотографической пластинкѣ предмета, на который экспериментаторъ долго смотрѣлъ, токомъ свѣта изъ глазъ). Дѣло въ томъ, что сѣтчатая оболочка обладаетъ способностью нѣкоторое время фосфоресцировать, т. е. глаза подобно стекламъ волшебнаго фонаря проецируютъ

рымъ отведена значительная часть книги, Л. и Г. установили интересное наблюдение: звуки, въ обыкновенной рѣчи, громкой, сливающимся и похожіе другъ на друга, ясно различаются при произнесеніи ихъ шопотомъ.

Это еще одно благоприятствующее условіе, помогающее при интенсивности вниманія достигать столь блестящихъ результатовъ.

— Не буду подробно останавливаться на этихъ теоріяхъ, — мнѣ хотѣлось лишь въ самомъ бѣглому очеркѣ показать, сколь могуча на всѣхъ стадіяхъ развитія человеческого слова, на которой всецѣло виситъ и занимающій насъ отдѣлъ народнаго творчества, народнаго врачеванія.

Мы прошли, хотя бѣгло, по полю, на которомъ мысль народная сѣяла сѣмена самозащиты противъ страшныхъ стихійныхъ силъ, противъ различныхъ бичей здоровья и благополучія. Передъ нами пока — лишь фонъ, на которомъ люди разныхъ временъ и поколѣній вышивали разнообразный, — по уровню міровозрѣнія, — узоръ заговора. Это лишь тѣ благоприятныя условія, та почва уготованная, на которой ему расти привольно, а какъ онъ изъ дичка превращался въ культурное растеніе, какъ распускался въ пышный цвѣтокъ, объ этомъ рѣчь въ ближайшей главѣ.

свѣтовныя изображенія на пластинкѣ, какъ на экранѣ. (Быть можетъ, это наблюдение народа создало повѣрье, что въ открытыхъ глазахъ убитаго можно разглядѣть отраженіе убійцы).

ГЛАВА 3-я.

Формальная сторона заговора

Главный рычагъ, которымъ совершаются труднѣйшіе повороты и подъемы въ мысли человѣческой, какъ извѣстно,—сравненіе; на немъ всецѣло опирается и схема всякаго заговора, если поближе къ нему присмотрѣться. Но сравненіе—это орудіе далеко не первичной мысли, а прошедшей долгій искусъ, мысли выработанной, снабженной значительной дозой анализа. Чтобы выяснитъ, какъ простѣйше складывался заговоръ, нужно пойти назадъ, въ глубь исторіи мысли, и тамъ подсмотрѣть, какъ и чѣмъ орудуетъ мысль, въ своихъ повседневныхъ работахъ; здѣсь и будетъ ключъ загадки.

Человѣкъ познаетъ міръ непременно сквозь призму своего „я“ въ различныхъ степеняхъ удаленія этого „я“ отъ наблюдаемаго или изучаемаго предмета (явленія, силы), въ зависимости отъ уровня развитія. Въ предыдущей главѣ указывались различныя стадіи близости человѣка съ природой, въ предѣлѣ нижнемъ доходяція до сліянія съ ней. Въ такомъ состояніи, разумѣется, о заговорѣ рѣчи нѣтъ: со стихійной силой человѣкъ вступаетъ въ ру-

копашную. А вотъ ужъ въ томъ пониманіи міра, которое принято называть анимизмомъ, найдемъ корни интересующаго насъ пріема мысли.

А. Н. Веселовскій въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи „Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля“¹⁾ предлагаетъ называть этотъ процессъ *параллелизмомъ* и тонко раскрываетъ его сущность.

„Дѣло идетъ не объ отождествленіи человѣческой жизни съ природою и не о сравненіи, предполагающемъ сознаніе раздѣльности сравниваемыхъ предметовъ, а о сопоставленіи по признаку дѣйствія, движенія: дерево хилится, дѣвушка кланяется,—такъ въ малорусской пѣснѣ. Представленіе движенія, дѣйствія лежитъ въ основѣ одностороннихъ опредѣленій нашего слова: одни и тѣ же корни отвѣчаютъ идеѣ напряженнаго движенія, проникновенія стрѣлы, звука и свѣта; понятія борьбы, терзанія, уничтоженія выразились въ такихъ словахъ, какъ *morę, magę, mārvarai, нѣм. mahlen*“²⁾.

„Параллелизмъ покоится на сопоставленіи субъекта и объекта по категоріи движенія, дѣйствія, какъ признака волевой дѣятельности. Объектами, естественно, являлись животныя; они всего болѣе напоминали человѣка: здѣсь далекія психологическія основы животнаго аполога; но и растенія указывали на такое же сходство: и они рождались и отцвѣтали, зеленѣли и клонились отъ силы вѣтра. Солнце, казалось, двигалось, восходило, садилось; вѣтеръ гналъ тучи, молнія мчалась, огонь охватывалъ, пожиралъ сучья и т. п. Неорганическій, недвижущійся міръ невольно отягивался въ эту вереницу параллелизма: онъ также жилъ“³⁾.

„Дальнѣйшій шагъ въ развитіи состоялъ изъ ряда перенесеній, пристроившихся къ основному признаку —

¹⁾ См. „Ж. М. Н. П.“ за 1898 г., III, с. 1—80.

²⁾ *Веселовскій*, *Op. cit.*, с. 1.

³⁾ *Ib.*, 2.

движенію. Солнце движется и глядитъ на землю: у индусовъ солнце, луна—*глазъ*; Soph. Ant. 860: *ἔρδν ὄμμα*; земля прорастаетъ травомъ, лѣсомъ — *волосомъ*: у Гомера говорится о *κβρη* деревьевъ... Когда гонимый вѣтромъ Агни (огонь) ширится въ лѣсу, онъ скашиваетъ волосы земли.— Въ основѣ такихъ опредѣленій, отразившихъ наивное, синкретическое представленіе природы, закрѣпленныхъ языкомъ и вѣрованіями, лежитъ перенесеніе признака, свойственнаго одному члену параллели, въ другой. Это *метафора языка*; нашъ словарь ими изобилуетъ, но мы орудуемъ многими изъ нихъ уже безсознательно, не ощущая ихъ когда-то свѣжей образности; когда „солнце садится“, мы не представляемъ себѣ раздѣльно самаго акта, несомнѣнно живого въ фантазіи древняго человѣка: намъ нужно подновить его, чтобы ощутить рельефно. Языкъ поэзіи достигаетъ этого опредѣленіями, либо частичною характеристикой общаго акта, тамъ и здѣсь въ примѣненіи къ человѣку и его психикѣ“¹⁾.

„Когда между объектомъ, вызвавшимъ игру, и живымъ субъектомъ аналогія сказывалась особенно рельефно, или устанавливалось ихъ нѣсколько, обуславливая цѣлый рядъ перенесеній, параллелизмъ склонялся къ идеѣ уравниванія, если не тождества“²⁾. — *Отъ параллелизма*: птица движется, мчится по небу, стремглавъ спускается на землю; молнія падаетъ, движется — народныя повѣрья о похищеніи съ неба огня склоняются къ *отождествленію*: птица переноситъ на землю огонь — молнію, молнія = птица“ (ib.).

„Такого рода уравниванія лежатъ въ основѣ древнихъ вѣрованій, о происхожденіи людскаго рода: человѣкъ считалъ себя очень юнымъ на землѣ, п. ч. былъ безпомощенъ. Откуда взялся онъ? Этотъ вопросъ ставился violentно естественно, и отвѣты на него получались на почвѣ тѣхъ сопоставленій, основнымъ мотивомъ которыхъ было

¹⁾ Ib., с. 2.

²⁾ Ib., с. 5.

перенесеніе на ви́шній міръ принципа жизненности. Міръ животныхъ окружалъ человѣка, загадочный и страшный; манила трепещущая тайна лѣса, сѣдые камни точно выросли изъ земли. Все это казалось старо, давно жило и правилось, довлѣя самому себѣ, тогда какъ человѣкъ только что начиналъ устраиваться, распознавая и борясь; за нимъ лежали болѣе древнія, сложившіяся культуры, но онъ самъ пошелъ отъ нихъ, п. ч. вездѣ онъ видѣлъ или подозрѣвалъ. И онъ представлялъ себѣ, что его пратцы выросли изъ камней (греч. миѳъ), пошли отъ звѣрей (повѣрье, распространенное въ Средней Азіи, среди сѣверо-американскихъ племенъ, въ Австраліи), зародились отъ деревьевъ и растеній“¹⁾.

Эта идея отличается удивительной живучестью: пройдя рядъ видоизмѣненій, она дожила донинѣ и бытуетъ въ устахъ народа, въ его поэзіи.—Прослѣдимъ хотя одинъ примѣръ въ различныхъ фазахъ его жизни. *Сначала — тождество*: Дафна = лавръ; Клитія, покинутая Сол’емъ, томится въ образѣ цвѣтка (Ovid., Met., V, 97, XXI, 99); „въ египетской легендѣ героиня помѣщаетъ свое сердце въ цвѣтахъ акаціи, когда же, по наущенію жены, дерево срублено, оно умираетъ“ (ib. 7).

Дальнѣйшая ступень: умираютъ два человѣка, на ихъ могилахъ вырастаютъ два дерева, два цвѣтка, которыя сростаются, переплетаются, производятъ плоды — дѣтей.

Новая стадія: садятъ на могилахъ влюбленныхъ цвѣты, деревья.

Отсюда возникаетъ въ пѣснѣ параллелизмъ, а потомъ сравненіе.

„Чѣмъ больше человѣкъ познавалъ себя, тѣмъ болѣе выяснялась грань между нимъ и окружающей природой, и идея тождества уступала идеѣ особенности. Древній синкретизмъ удалялся передъ расчленяющими подвигами зна-

¹⁾ Ib., с. 5—6.

нія: уравниєніє молнія—птица, человекъ—дерево смѣнилось сравненіями: молнія, какъ птица, человекъ, что дерево и т. п.“¹⁾

Дальнѣйшее развитіе образности совершалось на другихъ путяхъ. Обособленіе личности, сознание ея духовной сущности (въ связи съ культомъ предковъ) должно было повести къ тому, что и жизненные силы природы обособились въ фантазіи какъ нѣчто отдѣльное, жизнеподобное, личное; это онѣ дѣйствуютъ, желаютъ, вліяютъ въ водахъ, лѣсахъ и явленіяхъ неба; при каждомъ деревѣ явилась своя гамадриада, ея жизнь съ нимъ связана, она ощущаетъ боль, когда дерево рубятъ, она съ нимъ и умираетъ²⁾.

„Требованія (суггестивности) присущи нашему сознанию, оно живетъ въ сферѣ сближеній и параллелей, образно усваивая себѣ явленія окружающаго міра, вливая въ нихъ свое содержаніе и снова воспринимая ихъ очеловѣченными. Языкъ поэзіи продолжаетъ психическій процессъ, начавшійся на доисторическихъ путяхъ: онъ уже пользуется образами языка и мифа, ихъ метафорами и символами, но создаетъ по ихъ подобію и новое. Связь мифа, языка и поэзіи не столько въ единствѣ преданія, сколько въ единствѣ психологическаго приёма, въ *arte repovata dicendi* (Quint., IX, 1, 14): переходъ лат. *extinguere* отъ понятія ломанія (острія) къ понятію тушенія— и сравненіе тембра голоса съ кристалломъ, который надломленъ (Huysmans), древнее сопоставленіе солнце = глазъ и женихъ = соколъ народной пѣсни— все это появилось на разныхъ стадіяхъ того же параллелизма“³⁾.

Общій тинъ простѣйшаго, *двучленного*, параллелизма таковъ: „картинка природы, рядомъ съ нею таковая же изъ человеческой жизни; онѣ вторятъ другъ другу при различіи объективнаго содержанія, между ними происхо-

¹⁾ *Ib.*, с. 8.

²⁾ *Ib.*, с. 8—9.

³⁾ *Ib.*, с. 9.

дятъ созвучія, выясняющія то, что въ нихъ есть общаго. Это рѣзко выдѣляетъ психологическую параллель отъ повтореній, объясняемыхъ механизмомъ пѣсеннаго исполненія (хорического или амбейнаго) и тѣхъ тавтологическихъ формулъ, гдѣ стихъ повторяетъ въ другихъ словахъ содержаніе предыдущаго или предыдущихъ¹⁾; это — *ритмическій* параллелизмъ („солнце не знало, гдѣ его покой | Мѣсяцъ не зналъ, гдѣ его сила“), тавтологія, дѣлавшая образъ путемъ ритмичности, музыкальности, какъ бы яснѣе. Къ такому исключительно музыкальному, ритмическому впечатлѣнію на извѣстной степени разложенія спускался и психологическій параллелизмъ.

Основа послѣдняго — сопоставленіе двухъ мотивовъ, при чемъ одинъ подсказываетъ другой; они выясняютъ другъ друга, а перевѣсъ остается на сторонѣ того, который наполненъ человѣческимъ содержаніемъ. Это — парность представленій, связанныхъ по частямъ, по категоріямъ дѣйствія (предпочтительно), парность предметовъ и качествъ.

Когда подобная параллель вошла въ обиходъ обычая или культа, опредѣлилась и окрѣпла, она становится *символомъ*, являясь самостоятельно „и въ другихъ сочетаніяхъ, какъ показатель нарицательнаго“²⁾.

Отсюда — переходъ къ параллелизму формальному черезъ посредство: а) „умолчанія въ одномъ изъ членовъ параллели черты, логически вытекающей изъ его содержанія съ какой нибудь чертой 2-го члена;... умолчанное подсказывалось на первыхъ порахъ само собою, пока не забывалось“³⁾.

При формально-логическомъ развитіи выраженнаго въ одномъ изъ членовъ параллели образа или понятія, другой отстаетъ, и связь затемняется: молодъ = зеленъ = крѣпокъ = весель = пляшетъ; отсюда: „Въ лѣсу дерево

¹⁾ *Ib.*, с. 9—10.

²⁾ *См. ib.*, с. 21, с. 24.

³⁾ *Ib.*, с. 27.

безъ листьевъ, у матери дочь безъ пляски“. Чередованіе связанныхъ по смыслу образовъ замѣняется созвучіемъ словъ въ двухъ членахъ параллели. „Языкѣ народной поэзіи наполнился іероглифами, понятными не столько образно, сколько музыкально, не столько представляющими, сколько настраивающими; ихъ надо помнить, чтобы разобраться въ смыслѣ... За смѣшеніями явились созвучія, довлѣющія сами по себѣ, какъ: коса = роса = краса“¹⁾).

Въ дальнѣйшей жизни члены параллели могутъ развиваться въ цѣлую пѣсню; порой одна половина развивается въ ущербъ другой, начиная бытовать особо, въ видѣ запѣва, какъ особой самостоятельной части пѣсни, сначала связанной узами напѣва и содержанія съ извѣстной пѣсней, потомъ съ рядомъ пѣсенъ одного напѣва, а потомъ прикрѣпляемой случайно, механически къ любой пѣснѣ.

„Параллелизмъ не только сопоставляетъ два дѣйствія, анализируя ихъ взаимно, но и подсказываетъ однимъ изъ нихъ чаянія, опасенія, желанія, которыя простираются и на другое. Липа всю ночь шумѣла, съ листкомъ говорила; будетъ намъ разлука — будетъ разлука и дочери съ маткой“²⁾).

— Въ приведенныхъ выше выдержкахъ кратко и мѣтко начертанъ общій путь формальнаго развитія всѣхъ видовъ пѣсеннаго творчества, всей народной поэзіи, а въ частности, конечно, и заговора, какъ особаго вида ея.

„Основная формула заговора была такая же дву-членная, стихотворная или смѣшанная съ прозаическими частями, а психологическіе поводы были тѣ же: призывалось божество, демоническая сила, на помощь человѣку; когда-то это божество или демонъ совершили чудесное исцѣленіе, спасли или оградили; какое-нибудь ихъ

¹⁾ Ib., с. 32.

²⁾ Ib., с. 51.

дѣйствіе напоминалось типически (такъ уже въ сумерійскихъ заклинаніяхъ), — а во второмъ членѣ параллели являлся человѣкъ, жаждущій такого же чуда, спасенія, повторенія того же сверхъестественнаго акта. Разумѣется, эта двучленность подвергалась измѣненіямъ, во второмъ членѣ эпическая канва уступала мѣсто лирическому моменту моленія, но образность восполнялась обрядомъ, который сопровождалъ реальнымъ дѣйствіемъ произнесеніе заклинательной формулы. Извѣстный мерзбургскій заговоръ съ его многочисленными параллелями можетъ служить представителемъ другихъ подобныхъ: ѣхали когда-то три бога, у одного изъ нихъ конь поранилъ ногу, но богъ исцѣлилъ его; такого исцѣленія ожидаетъ и молящій объ унятїи крови. вмѣсто боговъ являлись святые, лица евангельской исторїи, казовыя событія которой, расцвѣченныя фантазїей апокрифовъ, давали порой схему заговоровъ. Сотникъ Лонгинъ вынулъ гвозди изъ рукъ и ногъ Спасителя; пусть бы и у меня вышло изъ тѣла желѣзное остріе... Иначе: картина распятїя дала образы для заговоровъ отъ кровотеченія, искажаясь до неузнаваемости въ латышскомъ заговорѣ. Иисусъ Христосъ идетъ по морскому берегу, три креста у Него въ правой рукѣ: первый — вѣры, второй — повелѣнїя, третій — исцѣленія. Кровь я тебѣ повелѣваю, — остановись!¹⁾

Если эпическая часть получала особое развитіе, она какъ бы заглушала вторую часть параллели, приближая двучленный заговоръ къ одночленному параллелизму: „три сестрицы прядутъ шелкъ; выпрядайте его, на землю не роняйте, съ земли не поднимайте; — у р. Б. Н. крови не бывать“. Въ такихъ случаяхъ заговоръ можетъ смѣшиваться, сливаться и перерождаться въ близкія по строю, родственныя формы народнаго творчества, — пословицу, загадку и проч., сжиматься до эпитета, бытовать въ качествѣ поэтической метафоры и т. д.

¹⁾ Ib., с. 51—52.

„Простѣйшій видъ одночленности представляет тотъ случай, когда одинъ изъ членовъ параллели умалчивается, а другой является его показателемъ; это — *pars pro toto*; такъ какъ въ параллели существенный интересъ отданъ дѣйствию изъ человѣческой жизни, которая иллюстрируется сближеніемъ съ какимъ-нибудь природнымъ актомъ, то послѣдній членъ параллели и стоитъ за цѣлое“¹⁾).

Въ дальнѣйшей жизни своей эти короткія одночленные формулы служатъ источниками символовъ, растяжимыми для новыхъ сближеній мысли, возвращаясь иной разъ къ первичной яркости и живости, „когда параллельная формула проникается не только личнымъ содержаніемъ опущенной, но и ея бытовыми, реальными отношеніями... Обращаются къ цвѣтку, розѣ, ручью, но развитіе идетъ далѣе въ колеяхъ человѣческаго чувства: роза распускается для васъ, она вамъ отвѣчаетъ, или вы ждете, что она отзовется“²⁾). Этотъ послѣдній видъ, такъ наз. метафора, является, какъ результатъ продолжительнаго стилистическаго развитія при содѣйствіи многочленного параллелизма, роль коего, — въ противоположность одночленному, — разрушеніе образности, подготовленіе къ особности нѣкоторыхъ стилистическихъ формацій.

Многочленный параллелизмъ развивается „изъ двучленнаго одностороннимъ накопленіемъ параллелей, добытыхъ при томъ не изъ одного объекта, а изъ нѣсколькихъ сходныхъ;... сводитъ параллели подъ рядъ, умножаетъ объясненія и, вмѣстѣ, матеріалы анализа, какъ бы открывая возможность выбора: «Не свивайся трава съ былинкой, Не счастья голубъ съ голубкой. Не свивайся молодецъ съ дѣвицей»³⁾).

„Такое одностороннее умноженіе объектовъ въ одной части параллели, указываетъ на бѣольшую свободу

1) *Ib.*, с. 56.

2) *Ib.*, с. 60.

3) *Ib.*, с. 54.

движеніи въ ея составѣ: параллелизмъ сталъ стилистико-аналитическимъ приемомъ, а это должно было повести къ уменьшенію его образности, къ смѣшеніямъ и перенесеніямъ всякаго рода... Такъ анализируетъ себя лишь успокоившееся чувство; но здѣсь же источникъ пѣсенныхъ и художественныхъ *loci communes*“¹⁾.

Для разрѣшенія этой двойственности или множественности является отрицательный параллелизмъ, гдѣ въ двучленной или многочленной формулѣ постепенно устраняются одно или нѣсколько утверженій, и вниманіе сосредоточивается на одномъ утверженіи. „Формула начинается съ отрицанія либо съ положенія, которое вводится верѣдко со знакомъ вопроса. «Не бѣлал березка нагибается,

Не шапучая осина расшумѣлася,
Добрый молодецъ кручиной убивается»²⁾.

„Бѣлѣють цвѣты на горѣ;
Черемуха ли это цвѣтетъ, или яблоня?

Не цвѣтетъ ни черемуха, ни яблоня,

А бѣлѣтся сама братнина сестра“³⁾.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ двойственность, колебаніе, сомнѣніе разрѣшаются въ утверженіе. Отрицательный параллелизмъ — это значительный шагъ мысли впередъ, это своего рода „подвигъ сознанія, выходящаго изъ смутности сплывающихся впечатлѣній къ утверженію единичнаго; то, что прежде врывалось въ него какъ соразмѣрное, смежное, выдѣлено, и если притягивается снова, то какъ напоминаніе, не предполагающее единства, какъ сравненіе. Процессъ совершился въ такой послѣдовательности формулъ: человекъ—дерево; не дерево, а человекъ; человекъ, какъ дерево. На почвѣ отрицательнаго параллелизма послѣднее выдѣленіе еще не состоялось вполне: смежный образъ еще витаетъ гдѣ-то вблизи,

¹⁾ *Иб.*, с. 55.

²⁾ *Иб.*, с. 64.

³⁾ *Иб.*, с. 67.

видимо устранимый, но еще вызывал созвучия. Понятно, что элегическое чувство нашло въ отрицательной формулѣ отвѣчающее ему средство выраженія: вы чѣмъ-нибудь поражены, неожиданно, нечаянно, вы глазамъ не вѣрите: это не то, что вамъ кажется, а другое, вы готовы успокоить себя иллюзіей сходства, но дѣйствительность бьетъ въ глаза, самообольщеніе только усилило ударъ, и вы устраниваете его съ болью: то не березынька свивается, то свивается, кручинится твоя молодая жена“¹⁾.

„Чередованіе положительнаго параллелизма, съ его прозрачною двойственностью, и отрицательнаго, съ его колеблющимся, устрашающимъ утвержденіемъ дать народному лиризму особую расплывчатую окраску. Сравненіе не такъ суггестивно, но оно положительно“²⁾.

„Сравненіе не только овладѣло запасомъ сближеній и символовъ, выработанныхъ предыдущей исторіей параллелизма, но и развивается по указаннымъ имъ стезямъ; старый матеріалъ влился въ новую форму, инья параллели укладываются въ сравненіе и наоборотъ, есть и переходные типы“³⁾.

„Многочленному параллелизму отвѣчаетъ такая же форма развитого сравненія... съ тою разницею, что, при сознательности самаго акта, развитіе является болѣе синтаксически сплоченнымъ, а личное сознаніе выходитъ изъ границъ традиціоннаго матеріала параллелей къ новымъ сближеніямъ, къ новому пониманію образовъ и виртуозности описаній, довлѣющихъ сами себѣ... Бытовые впечатлѣнія, окружавшія пѣвца, вторгались въ его сравненія, и параллелизмъ обогащался сценами, всегда реальными, если не всегда поэтическими“⁴⁾.

Со временемъ матеріалъ сравненій „ссузился, ограничился выборомъ, подсказаннымъ измѣненіями быта, от-

1) *Иб.*, с. 68.

2) *Иб.*

3) *Иб.*, с. 69.

4) *Иб.*, с. 71.

дѣленіемъ художественной поэзіи отъ народной, увлеченіями моды, случайностью культурныхъ скрещиваній... Съ сравненіями произошло то же, что съ тѣми параллельными формулами, которыя нарождались въ народной пѣснѣ и забывались, тогда какъ немногія пережили, отложившись въ прочныя очертанія символа, опредѣленнаго и вмѣстѣ широко суггестивнаго“ ¹⁾).

„Не все, когда-то живое, юное сохранилось въ прежней яркости, нашъ поэтический языкъ нерѣдко производитъ впечатлѣніе детритовъ, обороты и эпитеты поливали, какъ липають слово, образность котораго утрачивается съ отвлеченнымъ повиманіемъ его объективнаго содержанія. Пока обновленіе образности, колоритности остается въ числѣ *ria desideria*, старыя формы все еще служатъ поэту, ищущему самоопредѣленія въ созвучіяхъ или противорѣчіяхъ природы; и чѣмъ полнѣе его внутренней міръ, тѣмъ тоньше отзвукъ, тѣмъ большею жизнью трепещутъ старыя формы“ ²⁾).

„Въ такомъ исканіи созвучій, исканіи человѣка въ природѣ есть нѣчто страстное, патетическое, что характеризуетъ поэта, характеризовало, при разныхъ формахъ выраженія, и цѣлыя полосы общественнаго и поэтическаго развитія. Элегическое увлеченіе красотами природы, интимность *Naturgefühl*'я, жаждущаго отголосковъ, наступало въ исторіи не разъ: на рубежѣ древняго и новаго вѣковъ, у средневѣковыхъ мистиковъ, у Петрарки, Руссо и романтиковъ, Франциску Ассизскому чудилась въ природѣ разлитая повсюду божественная любовь; средневѣковый аллегоризмъ, чаявшій во всемъ твореніи соотвѣтствія и совпаденія съ міромъ человѣка, далъ схоластической оборотъ тому же строю мыслей; Петрарка искалъ тѣхъ же созвучій, но набрелъ на противорѣчія: онѣ лежали въ немъ самомъ. Такое настроеніе понятно въ эпохи колебаній и сомнѣній, когда назрѣлъ разладъ меж-

¹⁾ Ib., с. 74.

²⁾ Ib.,

ду существующимъ и желаемымъ, когда ослабѣла вѣра прочность общественнаго и религіознаго уклада и сильнѣе ощущается жажда чего-то другого, лучшаго. Тогда научная мысль выходитъ на новые пути, пыталась водворить равновѣсіе между вѣрой и знаніемъ, но сказывается и старшій параллелизмъ, ищущій въ природѣ, въ ея образахъ отвѣта на недочеты духовной жизни, созвучія съ нею. Въ поэзіи это приводитъ къ обновленію образности, пейзажъ-декорація наполняется человѣческимъ содержаніемъ. Это тотъ же психическій процессъ, который отвѣтилъ когда-то на первые робкіе запросы мысли; та же попытка сродниться съ природой, проэктировать себя въ ея тайникѣ, переселить ее въ свое сознаніе; и часто тотъ же результатъ: не знаніе, а поэзія“¹⁾.

Этой исторіей жизни параллелизма въ значительной мѣрѣ раскрывается и жизнь, хронологическій, послѣдовательный ростъ заговора, во многихъ случаяхъ — разновидности параллелизма. Такимъ образомъ, здѣсь уже намѣчаются нѣкоторыя основы для внутренней классификаціи заговоровъ, самаго труднаго вопроса въ дѣлѣ формальной разработки этого вида народнаго творчества, — къ которому и переходу въ дальнѣйшемъ изложеніи.

¹⁾ *Иб.*, с. 79—80.

ГЛАВА 4-я.

Способы классификаціи заговоровъ.

Такъ какъ изслѣдованія о заговорахъ являлись обыкновенно въ видѣ приложеній къ другому, замѣчаній между прочимъ, — вполне понятно, что вопросъ о классификаціи ихъ почти не тронуть.

Наши крупные собиратели и записыватели заговоровъ (Афанасьевъ, Майковъ, Ефименко, Романовъ, Шейнъ и др.) руководились обыкновенно при обозначеніи заговора названіемъ, заголовкомъ его въ устахъ знахаря или шентухи, а потомъ группировали свой матеріалъ сообразно этимъ названіямъ; нѣкоторые, встрѣтившись въ той же народной средѣ съ различными названіями этого вида народнаго творчества (завлітія, проклятія, заклинанія, заговоры и проч.), на этомъ основаніи выдѣляли крупныя группы, или отдѣлы въ своихъ работахъ, не обращая иногда вниманія даже на то, что происходитъ при этомъ смѣшеніе родовыхъ и видовыхъ понятій (какъ у Помяловскаго — изъ заговоровъ и наговоровъ выдѣляются „привороты“, какъ особая, самостоятельная группа).

Конечно, для исторіи развитія методовъ и приѣмовъ изслѣдованія всѣ эти попытки классификаціи представляютъ большой интересъ, какъ исканія истиннаго пути впотьмахъ, въ области, почти нетронутой научнымъ анализомъ, — а потому я постараюсь исчерпать свудный матеріалъ этого рода, имѣющійся въ моемъ распоряженіи.

Помяловскій въ своихъ „Эпиграфическихъ этюдахъ“ пытается прежде всего положить рѣзкую грань между наговоромъ и заговоромъ.

„Заговоръ отличается отъ наговора своею сущностью, основнымъ понятіемъ: тогда какъ въ послѣднемъ накликается какое-нибудь зло или бѣда на человѣка, въ первомъ они отвращаются; это есть не *imprecatio*, а *deprecatio*. Очень можетъ быть, что первоначально это была простая молитва, въ которой человѣкъ просилъ божество приостановить или прекратить извѣстное его или другого божества вліяніе на себя или на другого; слѣды этого могутъ быть видимы въ выраженіяхъ: *ne habeas Euty-chiam Soterichi uxorem*; ἐμοί δέ ὄσια καὶ ἐλευθέρα. Но уже въ очень раннее время молитва и просьба перешли въ приказаніе“, а потомъ заговоръ и наговоръ слились воедино подъ видомъ тарабарскихъ формулъ. „Выйдя такимъ образомъ изъ двухъ противоположныхъ понятій, заговоръ и наговоръ сошлись къ одному пункту, представляемому магическими реченіями“ ¹⁾. — „Въ христіанскихъ заговорахъ заклинаніе употребляется единственно съ цѣлью остановить вліяніе злого духа, другія заклинанія у христіанъ не употреблялись“ ²⁾. — „Существуетъ еще рядъ намятниковъ христіанскихъ, которые, сходясь съ языческими наговорами по формѣ, тѣмъ не менѣе діаметрально противоположны по содержанію“ ³⁾. Это — заклинанія противъ болѣзней ⁴⁾. Кромѣ того, и у христіанъ встрѣчается, правда единственный, родъ чистаго наговора — „на нарушителей тишины и святости могилы“ ⁵⁾.

Такимъ образомъ устойчивости, строгихъ граней здѣсь нѣтъ. До тѣхъ поръ, пока наговоръ есть формула

¹⁾ „Эпигр. этюды“, с. 51.

²⁾ *Ив.*, 56.

³⁾ *Ив.*, 67.

⁴⁾ См. напр. образецъ такого наговора—заклинанія у Помяловскаго на с. 67—8.

⁵⁾ *Помяловскій, ив.*, 155.

накликанія зла, она, конечно, рѣзко отличается отъ заговора, и въ кругъ моего изслѣдованія не захватывается; но когда наговоръ является призывомъ гибели на застѣвшую въ человѣкѣ болѣзнь, это есть уже врачеваніе недуга, а значитъ — нѣчто, трудно отдѣлимое отъ заговора.

Иващенко ¹⁾ объединяетъ разнообразныя формулы народнаго врачеванія при помощи силы слова въ одномъ терминѣ — *шептанія* (очевидно по способу произношенія большинства такихъ формулъ).

„Шептаніе... является словесно-обряднымъ врачующимъ орудіемъ въ устахъ избранныхъ лицъ, владѣющихъ имъ... Глаголь *шептати* употребляется въ значеніи дѣйствительнаго, въ смыслѣ *врачевать*“ ²⁾.

„Всѣ шептанія распадаются на два большихъ отдѣла. Въ первый изъ нихъ входятъ шептанія — заговлянья, или заклинанія, какъ словесно-обрядныя мѣры противъ постигшихъ человѣка болѣзней и неблагопріятныхъ случаевъ въ жизни“ ³⁾. Отдѣлъ этотъ можно разбить на три группы: а) противъ болѣзней отъ неизвѣстной причины или предполагаемой, б) противъ болѣзней, причина коихъ извѣстна и в) противъ неблагопріятныхъ случаевъ жизни. Второй отдѣлъ составляютъ „шептанья-примовлянья или наговоры“, призывающіе добро или зло на человѣка ⁴⁾.

„Мы видимъ въ заговорахъ, вообще, невѣжественное смѣшеніе духовныхъ и мірскихъ, святыхъ и суевѣрныхъ понятій. Невѣжеству народа, простотѣ его, а не злонамѣренности, должно приписать такое суесвятство и кощунство. Таковы заговоры любовные, заговоры отъ укушенія змѣи и собаки, отъ поруба или кровотечения, отъ ружья или пули, отъ огня или пожара и проч. — Есть еще особый родъ заговоровъ, соединяющихъ въ себѣ мо-

¹⁾ „Слѣды языч. вѣров.“

²⁾ *Иващенко*, *op. cit.*, с. 314, 315.

³⁾ *Ib.*, 317.

⁴⁾ *Ib.*, 318.

литву и заклятіе; сюда, напр., принадлежит заговоръ идучи на судъ, гдѣ заговорщикъ испрашиваетъ себѣ всѣхъ благъ, а на противниковъ своихъ и неправедныхъ судей накликаетъ всѣ возможныя бѣдствія“¹⁾).

Вопреки мнѣнію Порфирьева о тѣсной близости между собою языческихъ (а также и апокрифическихъ) молитвъ и заговоровъ въ народныхъ взглядахъ по этому вопросу сохранилось кое-гдѣ совсѣмъ иное пониманіе. Такъ въ пудожскомъ уѣздѣ строго различаются заговоръ (= слово) и молитва. Заговоръ „имѣетъ обязательную силу;... произнесенный безъ ошибокъ, обязываетъ къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій духа, къ которому заговоръ относится. Молитва имѣетъ лишь просительное значеніе“²⁾).

„Въ записанныхъ мною заговорахъ, кромѣ обращенія къ болѣзни... заключается еще краткая характеристика болѣзни и причинъ возникновенія послѣдней; напр. переполохи выхрови, блыскови, громови, уроки насміяни, наспивани, жыдивськи, цыганьски, — почему полезнѣе излагать заговоры вмѣстѣ съ болѣзнями, а не отдѣльно отъ нихъ“³⁾).

Значить, возможна еще классификація по причинамъ заболѣваній, каковую я паходиль у г. Аршинова⁴⁾).

Болѣзни могутъ происходить: 1) отъ Бога (врожденныя, наслѣдственныя и неподходящія подъ прочія категоріи), 2) съ глазу (лихорадочное состояніе, общее недомоганіе), 3) съ притки (по несчастной случайности—ушибъ, ожогъ и проч.), 4) отъ порчи (кликушество, меланхолія), 5) отъ думы (нѣкоторыя душевныя болѣзни, головныя боли), 6) съ натуги (боли въ животѣ, въ пояс-

¹⁾ В. Даль, „О повѣр., суев....“, с. 33—4.

²⁾ Харузинъ, „Сборникъ свѣдѣн.“, с. 345.

³⁾ Милорадовичъ, „Народн. медицина...“, I, с. 56.

⁴⁾ „О народномъ лѣченіи въ Казанск. у.“ (въ „Сборникѣ свѣдѣн.“—Харузина), с. 245.

пидѣ), 7) съ вѣтру (простуда, свиная заушница), 8) присталыя (чесотка и др.).

Аттан дѣлитъ обслѣдуемый имъ матеріалъ на 3 группы: 1) Heilsprüche, 2) Beschwörungs — oder Zauberformeln и 3) Kirchliche Segen und Gebete. — Heilsprüche — это заговоры отъ внутреннихъ и наружныхъ болѣзней у людей и животныхъ, уже заболѣвшихъ; это по большей части заклинанія стариннаго характера, нерѣдко близкія къ церковнымъ молитвословіямъ. — Во вторую группу входятъ по преимуществу заговоры, имѣющіе въ виду силою волшебною или силою молитвы ослабить или уничтожить скрытую или явную власть злого чловѣка, звѣря или силы природы, наконецъ — бѣдствія, насланныя другимъ изъ зависти. — Послѣдній отдѣлъ самый многочисленный; сюда относятся самыя разнообразныя формулы, имѣющія въ виду предотвратить всякое бѣдствіе, всякое зло; нерѣдко такіе заговоры носятъ при себѣ въ видѣ записокъ — талисмановъ ¹⁾.

Первый крупный изслѣдователь заговоровъ — Крушевскій въ вопросѣ о классификаціи пошелъ вслѣдъ за записывателями, группируя заговоры по болѣзнямъ, или шире — по тѣмъ предметамъ, явленіямъ, противъ которыхъ они направляются.

А. Браунъ ²⁾ предлагаетъ такую группировку: 1) первоначальные тексты молитвъ, обращенныхъ въ заклинанія; 2) заговоры книжнаго происхожденія: а) изреченія изъ священнаго писанія, б) наборъ словъ или точице — членораздѣльныхъ звуковъ безъ значенія; 3) заговоры народныя. — Искусственность и невыдержанность такого дѣленія признана самимъ авторомъ, который признаетъ эту классификацію не научной, а необходимой лишь для удобства распредѣленія матеріала.

Новѣйшій изслѣдователь вопроса — Зелинскій гово-

1) „Volkssegen“, с. 199.

2) См. „Записки Нео-филологическаго Общества“ 1891 г., в. 2-й, № 1, с. 10.

рить слѣдующее: „Если мы обратимся къ самымъ заговорамъ, если мы рассмотримъ ихъ форму, то, какъ мы раньше уже это видѣли, всѣ заговоры восходятъ къ той основной формѣ, которая установлена Потебней, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всѣ они одинаково ее измѣняли, такъ что едва-ли мы ошибемся, если позволимъ себѣ сдѣлать заключеніе, что дѣлать заговоры по формѣ нѣтъ никакого основанія. Съ другой стороны, содержаніе заговоровъ такъ однообразно, что прилаживается легко къ какому угодно случаю жизни, и между двумя заговорами часто то лишь различіе, что у нихъ различныя явленія желанія. Поэтому мы думаемъ, что всякая группировка заговоровъ должна быть болѣе или менѣе искусственной и можетъ быть допущена лишь для удобства расположенія матеріала и его изложенія. — Изъ такихъ группировокъ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время самая лучшая та, по которой распределены заговоры въ сборникѣ Майкова“¹⁾.

Мнѣ думается, что для удобства обслѣдованія матеріала можно распределить его по наибаче встрѣчающимся, и притомъ у различныхъ народностей, названіямъ болѣзней, (каковы — лихорадка, сглазъ, кровотеченіе), а въ этихъ крупныхъ отдѣлахъ попытаться установить группировку по степени древности заговора, руководствуясь его формальной стороной (— см. предыдущую главу—) и тѣми психологическими основаніями возникновенія и эволюціи заговора, которыя высказывались Крушевскимъ, Потебней и Веселовскимъ. Это, полагаю, болѣе естественное дѣленіе; правда, могутъ быть и новообразованія по древнимъ образцамъ, но вѣдь главная, по-моему, задача изслѣдованія — установить не хронологическую дату даннаго, единичнаго заговора (— да это врядъ-ли и возможно, за рѣдкими исключеніями—), а прослѣдить типы ихъ

¹⁾ „О заговорахъ“, с. 52—53.

развитія, по которымъ можно судить о приѣмахъ человѣческой мысли на данномъ пути; подмѣтить, уловить, по возможности, законы развитія человѣческой мысли вообще.

Конечно, было бы крайне желательно расположить *весь* матеріалъ по такому внутреннему иризнаку, разставляя вѣхи по пути роста мыслей и духа человѣческаго; но при современномъ подборѣ матеріала и состояніи его разработки, я не признаю себя въ силахъ выполнить эту черезчуръ сложную задачу и указываю лишь на нее, какъ на одно изъ *ria desideria* для будущихъ изслѣдователей вопроса.

ЧАСТЬ II.

—∞—

ГЛАВА 1-я.

Заговоры отъ лихорадки.

„Лихорадка“—это и понынѣ названіе болѣзни, крайне неопредѣленной, могущей очень быстро покинуть больного и способной разрастись до пагубныхъ размѣровъ, перерождаясь въ горячку, тифъ и проч. Не удивительно, что народная діагностика сваливала въ эту кучу множество самыхъ разнообразныхъ болѣзней, объединяя въ этомъ названіи цѣлый сонмъ родственныхъ заболѣваній. Народная медицина чуяла здѣсь своего страшнаго врага и боролась противъ него всѣми возможными средствами: силами небесными, божественной помощью, и содѣйствіемъ дьявола, силами темными. Наряду съ многочисленными лѣкарственными средствами противъ лихорадки, образовывался и разрастался цѣлый циклъ молитвъ апокрифическихъ и заговоровъ противъ нея.

Въ пониманіи народа лихорадка и понынѣ — живое существо, которое вселяется въ человѣка и мучить его, пока не будетъ изгнано какими-либо мѣрами. А такое

повиманіе болѣзни — канва для самыхъ причудливыхъ узоровъ народнаго творчества. Такой взглядъ присущъ и древнѣйшимъ народамъ, такъ называемымъ первобытнымъ; онъ, такъ сказать, общечеловѣченъ, а потому творчество каждаго народа въ этомъ направленіи могло быть самостоятельно и лишь слегка подталкиваемо и разогрѣваемо внѣшними воздѣйствіями.

Конечно, вполне вѣроятно, что нѣкоторая доля вліянія въ этомъ направленіи можетъ быть отнесена и на счетъ Востока, такъ какъ оттуда вообще шла широкая струя цивилизаціи въ среду позднѣйшихъ культурныхъ народовъ. Поэтому не лишены интереса для дальнѣйшихъ изслѣдователей вопроса мѣнія гг. Мансветова, Бусласва, Веселовскаго, Сумцова и др., которыя становятся общими.

„Въ символикѣ древнихъ народовъ, какъ извѣстно, большимъ значеніемъ пользовались нѣкоторыя числа и тѣ знаки, въ которыхъ онѣ выражались. Между этими знаками крупная извѣстность выпала на долю числа семь и 12. Въ основѣ символикѣ, связанной съ этими величинами и знаками, лежали разнаго рода космическія и астрономическія представленія, которыя затѣмъ осложнялись и въ переработанномъ видѣ вошли въ область образовательныхъ искусствъ, народной литературы и религіи“¹⁾.— „Въ основѣ числа 12 лежало представленіе о 12 знакахъ зодіака, подобно тому, какъ символика числа семь держалась на представленіи о 7 главныхъ планетахъ“²⁾, что и отразилось въ апокрифахъ, напр. въ Testamentum Solomonis“.

„Основа молитвъ и заговоровъ противъ лихорадки лежитъ въ суевѣріяхъ Востока. Г. Мансветовъ возводитъ источники заговоровъ отъ трясавиць къ халдейскому ученію о 12 астральныхъ духахъ, вліяющихъ на человѣческую судьбу, ученію, усвоенному гностическими и мани-

1) Мансветовъ, „Византійскій матеріаль...“, с. 4.

2) Ib., 4.

хейскими сектами, воспринятому въ извѣстномъ примѣненіи и христіанствомъ. Сложившись гдѣ-то на Востокѣ, на границахъ Персіи и Сиріи, молитва о трясавицахъ вошла въ іудейско — каббалистическую литературу, напр., въ *Alphabetum siracidis* VIII в. и въ богомильскую литературу¹⁾.

„Двѣнадцать трясавиць (лихорадоѣвъ) вымышлены болгарскимъ попомъ Іеремією и скоро были приняты суетвѣрнымъ русскимъ народомъ. Это 12 дочерей Ирода, которыя ходятъ по бѣлу свѣту и терзають свои жертвы“²⁾.

Однако, если основы этихъ заговоровъ лежали въ сказаніяхъ восточныхъ, разработка ихъ на новой почвѣ большею частью настолько оригинальна, что эти основы отходятъ на второй планъ передъ реальными наслоеніями новаго творчества. Если и встрѣчаются (большею частью въ рукописныхъ сборникахъ) названія лихорадоѣвъ, напоминающія объ ихъ иноземныхъ, чуждыхъ именахъ, то въ дѣломъ множествѣ заговоровъ, бытующихъ въ живомъ языкѣ, мы натолкнемся на названія чисто конкретныя, образныя, каковы: „поганка, тряся, гнитуха, витрова, водява, пидтынница, веретенница“ и проч.³⁾. — „Болѣзни этой дано множество названій: лихоманка, трясучка, трясавица, комуха, кумаха, иногда ее ублажаютъ, величаютъ Лихоманкой Ивановной, чтобъ не обидѣлась, или боятся ее назвать; на Украинѣ различаютъ 99 видовъ лихорадоѣвъ, смотря по тому, отъ чего она прикинулась, называя ее: *пидтынница*, если она человекъ застала соннаго подъ тыномъ, на сырой землѣ; *веретенница*, если баба допрылась до лихорадеи; *иноевая*, если попала на спяща-

1) *Сумцовъ, Н.* „Очерки...“, с. 442. Ср. *Веселовскій*, „Русск. въ обл. рус. дух. стиха“, в. VI, с. 51—52.

2) *Добротворскій, М.* „Русск. простонар. медиц.“, с. 14. (См. *Буславъ*, „Рѣчь о народной поэзіи въ др.-рус. лрѣ“ 1859 г.).

3) Нѣкоторыя названія, приводимыя напр. у *Демича* въ „Очерк. народн. медиц.“ — благая, добруха, матка и др. — возникли на почвѣ эвфемизма.

го на навозной кучѣ“¹⁾.— Число лихорадокъ называется самое разнообразное: 7, 9, 12, 25, 74, 77, 99. — Кромѣ того, имя Ирода въ народѣ — слово бранное, а потому и названіе болѣзней „Иродовыми дочерьми“ вполне реально, въ особенности если припомнить, что библейское сказаніе по этому вопросу очень живо, образно, — такъ и просится въ среду народныхъ. — Мало того, у различныхъ народовъ лихорадка воплощается и въ различные конкретные образы: старухи, дѣвицы съ огненными волосами, худого, блѣднаго существа и проч.

Все это заставляетъ призадуматься надъ тѣмъ, насколько сильно и глубоко восточное вліяніе, насколько ярки и осизаемы его слѣды въ современномъ творествѣ народномъ.

Многіе изъ изслѣдователей народнаго быта успѣли подмѣтить въ пониманіи народа глубоко реальныя черты при опредѣленіи лихорадки, опирающіяся на основы стараго, нынѣ отживающаго міросозерцанія, чему сильно, конечно, способствовало охраненіе въ точности формулы заговора. Изъ многочисленныхъ устныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ по этому вопросу видно, что народъ и нынѣ склоненъ признавать лихорадку живымъ существомъ, „духомъ“.

Нерѣдко приходится слышать отъ крестьянокъ, что «лыхорадка бува одъ того, що лыхый духъ убѣрется въ середину, та й трясе», «лыхорадки нехрещеного царя Ырода дочки; кожна живе въ болоти». Ихъ бранятъ: «трясешь! бодай ты болотомъ трясла». — «Ие мижъ имы плясовыця, та що одсѣяла Ивану Предтечи голову. Хто его почыта; до того вона не прычешытся». Другіе опредѣляютъ лихорадку кратко: «воно зло!»²⁾.

„Очень многія болѣзни бѣлоруссъ представляетъ се-

1) *Даль*, „О повѣр., суев...“, с. 80.

2) *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, V, с. 163.

бѣ въ человѣческомъ образѣ и этимъ объясняются нѣкоторыя странныя отношенія его къ той или другой болѣзни, какъ напр.—желаніе обмануть болѣзнь, схитрить передъ нею, или наконецъ запугать ее. Лихорадку, напр., бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ образѣ холодной красавицы, или наоборотъ — въ образѣ злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка, какъ и многія другія болѣзни, выходятъ изъ-подъ земли, именно весною, и шатается всюду, пока не наткнется на кого нибудь, спящаго на весеннемъ солнышкѣ. Если это ей удастся, то она подкрадется къ спящему, поцѣлуетъ его и уже не расстанется съ нимъ ¹⁾.—„Двѣнадцать лихорадокъ на весь свѣтъ — это слишкомъ мало. Имъ приходится постоянно переходить отъ одного къ другому по очереди, и вотъ почему лихорадка часто оставляетъ паціента, а потомъ опять является въ опредѣленный срокъ. Пользуясь этими ея отлучками, можно иногда избавиться отъ нея хитростью. Рассказываютъ про одного, который, ожидая въ урочный часъ свою неотвязную гостью, вздумалъ притвориться мертвымъ, легъ подъ образами, а домашнимъ велѣлъ причитать, какъ по умершемъ. Лихорадка повѣрила, что онъ умеръ, и больше къ нему не возвращалась“ ²⁾.

„Есть и въ Россіи повѣрье, что лихорадокъ 9, крылатыхъ сестеръ, коихъ по временамъ нечистый спускаетъ съ дѣпи. Если одна изъ нихъ пролетомъ поцѣлуетъ человѣка, то или губы обмечетъ, или же нападетъ трасавица. Покидая одного больного, чтобы потрясти другого, сестры даютъ каждому временный покой. Иные мажутъ себѣ лицо сажей и переодѣваются въ чужое платье, чтобы лихорадка, воротившись, не узнала. Поэтому и скорый отъѣздъ въ другое мѣсто, какъ народъ толкуетъ, иногда спасаетъ отъ лихорадки; она теряетъ человѣка и не найдетъ его“ ³⁾.

1) *Н. Харузинъ*, „Сборникъ свѣдѣній...“, 213.

2) *Н. Харузинъ*, *Op. cit.*, с. 215.

3) *Даль*, „О повѣр. еув...“, с. 80 — 81.

У Демича ¹⁾ находимъ то же объясненіе перемежающейся лихорадки: „Сестры-лихорадки не могутъ справиться со всѣми заболѣвшими, а переходятъ отъ одного къ другому, возвращаясь къ каждому въ опредѣленный срокъ“.

„Сестры“ эти надѣлены вполне конкретными чертами живыхъ, человѣкообразныхъ существъ: ихъ можно угощать, задабривать, обходить хитростью, обманывать. Такъ, въ Нижегородской губерніи больные лихорадкой приносятъ на перекрестокъ въ жертву 12 трисавицамъ 12 пирожковъ съ начинкой, запеченныхъ въ одинъ общій пирогъ, перевязанный поясомъ больного. „Въ Казанскомъ уѣздѣ, во время пароксизма, кладутъ штаны, рубаху, поясъ и крестъ больного подъ ступу, гдѣ толкутъ кудель, говоря: «Марья Иродовна отпусти его, не то я тебя подъ ступой заморю; коли ты не оставишь, я тебя не выпущу“ ²⁾. — „Лихорадка — жидовка, а потому ее можно выгнать, вымазавшись свинымъ саломъ“ ³⁾.

„Лихоманки выгоняются изъ ада морозомъ“ и ищутъ по теплымъ избамъ виноватыхъ людей; онѣ „бываютъ тонія, слѣпья, безрукія, уроды такіе, что хуже смерти; не умѣютъ ни войти въ избу, ни отворить дверей; если голодны, то смиренны и пошли до того, что стоятъ пригорюнясь у притолки, выжидая, не выдетъ ли кто изъ виноватыхъ“ ⁴⁾. Февральскую лихорадку въ Костромской губерніи зовутъ кумахой; она живетъ въ дремучемъ лѣсу съ 12 сестрами; старшая разсылаетъ меньшихъ по свѣту — „людей знобить, грѣшное тѣло мучить, бѣлы кости крушить. Чтобъ умлостивить *кумаху*, выходить больной въ лѣсъ, къ жилищу кумахи, сылетъ вокругъ себя крупною, приговаривая: „Прости, сторона, мать сыра-земля!

1) „Очерки русск. народн. медиц.“, с. 15.

2) *Демичъ*, Op. cit., с. 35.

3) *Демичъ*, Op. cit., с. 36.

4) *Сахаровъ*, „Сказ. русск. нар.“, с. 6-я.

вотъ тебѣ крупицъ на кашу, вотъ и тебѣ, кумаха!“¹⁾).

Не стану умножать выписокъ: уже и изъ приведенныхъ видно, что въ пониманіи народныхъ массъ лихорадка — совершенно реальное, живое существо, принимающее въ различныхъ мѣстностяхъ своеобразныя, конкретныя формы.

Сообразно съ такимъ взглядомъ вырабатывались и главнѣйшіе приемы для лѣченія, точнѣе — изгнанія лихорадки.

Ее стараются выжить, какъ непріятнаго гостя, при помощи различныхъ отвратительныхъ или устрашающихъ средствъ; или, наоборотъ, ее пытаются задобрить угощеньемъ, лаской; наконецъ, ее стараются переселить въ другое существо или предметъ.

У больного лихорадкой пытаются вызвать рвоту, надеясь, что такимъ путемъ извергнется и лихорадка. (Средство это во многихъ случаяхъ, — особенно когда корень болѣзни заключается въ расстройствахъ желудка, — даетъ благотворные результаты). Съ этою цѣлью больнымъ даютъ пить смѣсь сажи и табаку, которую больной протягиваетъ черезъ чубукъ съ водой, дѣловать сквозь платокъ собачій пометъ и проч.

Въ другихъ случаяхъ пытаются отравить существованіе незванной гостии нестерпимо-отвратительными запахами, выкуривая ее жжеными: волосами, конскимъ копытомъ, летучей мышью, сушеной жабой, чешуей змѣи и др.

Иной разъ болѣзнь „пытаются изгнать испугомъ, застращать“ ее: пускаютъ за спину уснувшему больному живую зеленую лягушку или сажаютъ „во время озноба въ жаркую печь, держать его тамъ до расслабленія, а затѣмъ, чтобы внезапно испугать, обливаютъ потѣющаго пациента водой и потрясаютъ его суставы“²⁾; а то подвѣсятъ на шею больному амулеты, съ изображеніемъ какого-либо чудовища, поздиѣе — религіознаго характера,

1) Сахаровъ, *Op. cit.*, с. 31.

2) Дежичъ, *Ѡ. „Оч. рус. нар. медиц.“*, с. 37.

или основанные на вѣрѣ въ силу слова; въ новѣйшихъ очень распространенныхъ амулетахъ видимъ соединеніе двухъ послѣднихъ элементовъ, — таковы записки, коротенькія, а иногда и длинныя молитвы, носимыя больнымъ на шеѣ до выздоровленія, или съѣдаемыя имъ во время приступа лихорадки.

„На верхней коркѣ хлѣба написать нижеприводимыя слова и давать больному на утренней зарѣ понемногу ѣсть: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. У началѣ бѣ Слово и Слово бѣ еъ Богу, и Бохъ бѣ Слово» ¹⁾).

Вѣшаютъ больному на 3 дня, сожигая на четвертый, такую записку: „Молитвъ ради Пресвятыя Твоея Матери и всѣхъ Твоихъ святыхъ избави, Господи, раба Твоего N. отъ дѣвицы-трясавицы и знобицы. Ты еврейская красавица, отойди отъ р. В. N., а если не отойдешь, то возмутся на тя 4 евангелиста: Матѳей, Лука, Маркъ и Іоаннъ Златоустаго и будешь свергнута въ тьму зубовъ, гдѣ будешь во вѣки горѣть“ ²⁾).

Слѣдующая записка носится до выздоровленія на шеѣ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Выходя изъ моря-океана 77 дѣвиць прекрасниі: стретился имъ преподобный Павхнутій; спросилъ ихъ: откуда ви, дѣвиці? Они отвѣчали: изъ моря Океана, идемъ въ миръ і людямъ кости ломить, и въ жаръ бросать и въ знобъ превращать. І тогда преп. Павхнутій начавши ихъ наказывать, і даде имъ по 77 ранъ. Они стали его просить: О препод. П., помилуй нас! Аще кто твое на себе носить или выписывать, і того будемъ отбигать, пойдемъ по рѣкамъ, по морямъ, очеретами.— О преп. П., помилуй раба болезнаго N. отъ болезни лихорадки“ ³⁾).

А вотъ еще записка, которая носится на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ 12 сутокъ, затѣмъ съ молитвою сжигается въ печи: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Крестъ

¹⁾ *Добровольскій, В.* „Смол. этн. сб.“, с. 173.

²⁾ *Чубинскій, Труды, I*, с. 119.

³⁾ *Драгомановъ, М.* „Малорус. пред.“, с. 26.

хранитель, крестъ всей вселенной, к. красота церковная, к. царямъ держава, к. ангеламъ слава, к. бѣсамъ изва, к. пречистый, ты ми буди помощникъ, р. Б. Н.—Возмутили воду въ морѣ двѣнадцать женъ, воду простудовую, что на горѣ Синайской, и вышли навстрѣчу имъ свв. отцы: Зиновій, Евсигій, Филиппъ и евангелисты: Марко, Матеей, Лука и Иоаннъ Богословъ и вопросиша ихъ: „Что вы есте за жены и куда идете?“ — Онѣ отвѣщаша имъ: „Мы есмы жены трясавицы и дщери Ирода царя, идемъ человѣческой родъ мучити“. — Во имя святыя отцы: Зиновій... Богословъ взяше тридесять прутьевъ желѣзныхъ и начаша ихъ бити и мучити. Жены же трясавицы не можаху противляться и рекоша имъ: „О св. и грозныя отцы, убѣжимъ мы отъ р. Б. Н., на полтора ста поприщъ“. — Во имя свв. отцы Зиновій... вопросиша ихъ: „Како имена Ваши?“ — Онѣ же отвѣщаша: „Рофея, Апуша, Гудца, Дофелія, Синая, Густея, Котея, Комлея, Ломиха, Знобиха, Трасовица и Битиха“. — „Свв. отцы рекоша имъ: „Проклинаемъ васъ дванадесять Иродовыхъ дщерей именемъ Господнимъ, Пресвятою Богородицею, апостоломъ Лукою и всѣми святыми отъ нынѣ и до вѣка“. — Великомученикъ Артемій, избави и помилуй р. Б. Н. отъ трясовичной болѣзни, тебѣ бо дана благодать молиться за ны, аминь“ ¹⁾).

Написать на бумагѣ, носить 3 дня на шеѣ, спалить и выпить пепель на водѣ; слова на запискѣ пишутся слѣдующія: „Господи благослови! Ишовъ св. Авраамъ съ святымъ сыномъ Исаакомъ золотымъ мостомъ и встрѣтили двѣциъ простоволосыхъ 74 и стали ихъ пытать: „Что вы за люди?“ — „Мы де Иродовы дщери, идемъ въ христіанскую землю людей мучити и красну кровь выпивати“. — И взялъ св. Авраамъ со святымъ сыномъ Исаакомъ золотый жезлъ, стали ихъ бити и тлумити. — „О св. Аврааме и Исааче! не бій насъ, не тлуми насъ“ ²⁾).

¹⁾ Щуровъ, „Знахарство на Руси“, с. 166—7.

²⁾ Чена, А. „Малорус. суевѣрія...“, с. 127-я.

„Записать на бумажку нижеприводимыя слова, свернуть въ 8-ку, перевязать ниткой, и, не говоря ни съ кѣмъ и не оглядываясь на пути, бросить свертокъ въ рѣку:

«Ишли Бродовы дочки на свить окрашенный. Зустричае ихъ Вожая Маты и пытае: „Куды вы идете, Бродовы дочки?“ — На свѣтъ окрашенный. — А чого жъ вы идете?— Тила въялыты, сердца сушыты, червону кровь збавляты и жовтую кисть ламаты р. Б. Н.— Авраме, Авраме, визьмы ты сыхъ Бродовыхъ дочоць, зачыни йихъ зализными дверима и замкны зализными замками, щобъ вони на свить украсеный не ходылы, тила не въялылы, сердца не сушылы, червонной крови не збавлялы и жовтой косты не ламалы“¹⁾.

Написать на просфорѣ нижеслѣдующія слова и дать съѣсть больному: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. — Яко же святой Аркадїй укроти львы въ пустыни, такъ и Ты, Господи, укроти трясавицу сію въ р. Б. Н. Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“²⁾.

Сложить словами въ средину бумажку съ нижеприводимыми словами, проносить на шеѣ три дня, потомъ сжечь ее и пепель выпить съ святою водою:

„Эты отезамата,

Стакоринъ фито,

Станти міотероно“ и 9-й стихъ изъ псалма „Живый во помощи“³⁾.

Послѣдняго вида короткія „абракадабры“ весьма распространены и въ Россіи и въ Европѣ. Приведу еще нѣсколько примѣровъ:

„1) Саторъ

арепо

тенет

опера

ротас

2) Исусъ

исусъ

сусъ

усъ

съ

ъ

1) *Гринченко, Б.* „Этнографич. матеріалы“ I, с. 256.

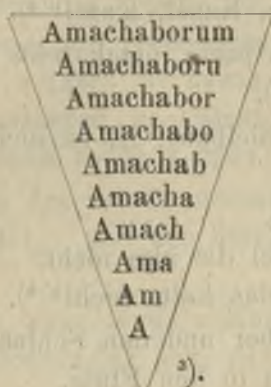
2) „Труды Этногр. Отдѣла“, V, с. 205.

3) *Гринченко, Б.*, *Op. cit.*, с. 277—8.

3) Христось
 ристось
 истось
 стось
 тось
 ось
 сь
 ъ

4) Ав ри то " 1)
 то то то
 сот вори то
 то то то то

„Abradagor + Abradago + Abradag + Abrada + Abrad + Abra + Abr + Ab + A + Amen + Amen“ 2).

3).

Вотъ еще двѣ греческихъ записки, — съѣдаемыхъ больными, — противъ лихорадки:

— „Χριστός ἐγεννήθη, Χ. ἐβαπτίσθη, Χ. ἐστανρώθη, Χ. ἐτάφη, Χ. ἀνέστη τρίμερος διώκων τους δαιμόνας. διόφευγε καὶ συ, ριγοπύρετε τριταίε δαιμονε, καὶ ἀφημέρινον ἀπὸ τοῦ θ... ο εἰς το ονομα... Πνεύματος, ἄμην“ 4).

— „Ἡ ἀγάπη ὁ Πατήρ, καὶ ὅταν μέλλη ταράσσεσθαι ποιήσας γ' μετανοίας εἰς τὰ Χριστόν, εἰς τὴν ὑπεραγίαν Θεοτόκον, ε. τ. α. Ἰωάνην τὸν Πρόδρομον ἐσθίεται. (Если больной не выздоравливаетъ, еще приписываютъ) Ἡ παρὰ κλησις το πανάγιον Πνεῦμα; ἄμην“ 5).

1) „Воронеж. Юбил. Сборн.“, II, с. 89.

2) *Rudikowski*, „Zapiski etnographiczne“, с. 111-я.

3) *Köhler*, I. „Volksbrauch, Aberglauben...“, с. 411-я.

4) *Васильевъ*, „Anecd. Gr.—Byzan.“, I, 339.

5) *Ib.*

Въ Германіи одно изъ наиболѣе распространенныхъ средствъ противъ лихорадки — *Abschreiben*, гдѣ пишутъ только имя больного, лѣта его и ставятъ точку. Такъ, напр., Фераріусъ давалъ своимъ больнымъ бумажку съ надписью: „противъ лихорадки“ и велѣлъ отрѣзывать ежедневно по одной буквѣ. Этимъ способомъ было однажды излѣчено 50 человекъ“¹⁾.

У различныхъ изслѣдователей быта нѣмцевъ приводится не мало подобныхъ записокъ.

„Was, Das, Emas.

Bel, Bore, Nasel, Kasel“²⁾.

„Vell sebla (5 разъ), pstak sebla (3 р.),
Vell—sebla“³⁾.

„Fieber, bleibaus, N. ist nicht zu Haus“⁴⁾.

„Unsere Alte

Hat das Kalte

Holt der Teufel die alte nicht,

Holt er auch das kalte nicht“⁵⁾.

„Das Freber und den Schluss,

Senck, ich in den Fluss.

Die Krankheit und die Pein

Sollen heraus und nicht hinein“⁶⁾.

„Der Fuchs ohne Lungen,

Der Storch ohne Zungen,

Die Taube ohne Gall,

hilft für das sieben und siebzigsterlei Frieber all“⁷⁾.

„O du mein' liebe Alte,

Schüttelt dich das Kalte,

1) *Демичъ, О.* „Оч. рус. нар. медиц.“, с. 26.

2) *Мухъ, А.* „Нар. обыч.“, с. 56.

3) *Bartsch,* „Sagen, Märchen...“, II, 398.

4) *Müllenhof, K.* „Segen, Märchen...“, с. 513.

5) *Strackerjan,* „Abergl. aus Oldenburg“, I, 69.

6) *Bartsch,* *Op. cit.*, с. 414.

7) *Kuhn u. Schwartz,* „Norddeutsche Sagen...“, с. 439.

So komm Hans Nickel u. brenne dich,
So schüttelt dich das Kalte nicht“ ¹⁾.

„Das Fieber und der Schluss,
Senke sich in den Fluss!
Die Schmerzen und die Pein,
Sollen heraus und nicht hinein.
Im Namen..... Amen“ ²⁾.

„Ergressus Jhesus de synagoga introiuit in domum Simonis. Soerus autem Symonis tenebatur magnis febribus et rogauit illum pro ea. Stans super illam imperauit feбри et dimisit illam. Sic impero tibi, febris, in n. p. et f. et s. s., ut deinceps non presummas vexari h(unc) i(a-mulum) dei N.“ ³⁾.— Здѣсь же приводится еще нѣсколь-ко коротенькихъ надписей на яблокѣ (разрѣзанномъ на 3—4 части), на коркѣ хлѣба и проч.:

a) „Im namen des vaters increatus pater... und des suns immensus pater... und des heiligen gaistes-eternus pater“ ⁴⁾.

b) „O Febris, omni laude colenda, o languor sanitatis et gaudis. Ascribendas nox, пах, мах“ ⁵⁾ и др.

У народовъ дикихъ наблюдаемъ способы лѣченія лихорадки путемъ непосредственнаго физическаго воздѣйствія на нее: надавливанія на желудокъ больного, стремленія жемами удалить, выбросить болѣзнь. Въ формахъ менѣе грубыхъ тѣ же способы бытуютъ и понынѣ (даже въ средѣ культурныхъ народовъ): ее пытаются утопить—купаются въ сорочкѣ и оставляютъ послѣднюю въ рѣкѣ;

¹⁾ Meier, E. „Deutsche Sagen“, с. 519.

²⁾ Amman, „Volkssegen“, с. 208. — Ср. Grimm, „Mythol.“, прилож. XXXV.

³⁾ Zingerle, „Segen und Heilmittel...“, с. 174.

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ Zingerle, Op. cit., 175.

зарываютъ въ могилу, замариваютъ, душатъ — наваливъ сорочку больного тяжелымъ камнемъ и т. п.

Наконецъ, цѣлымъ рядомъ способовъ, пытаются передать лихорадку другому существу или предмету.

По народнымъ повѣрьямъ лихорадка поселяется на жительство сначала подъ ногтями, а оттуда уже распространяется по всему тѣлу. Отчасти поэтому, а можетъ быть и подъ вліяніемъ старыхъ понятій,—когда часть замѣщала цѣлое, когда часть человѣческаго тѣла, особенно конечности, являлись его двойникомъ,—бытуютъ повивѣ такіе способы лѣченія лихорадки, какъ, напр., приводимый г. Милорадовичемъ срѣзываютъ у больного ногти и волосы, заворачиваютъ въ бумажку, вкладываютъ ее въ клешню живого рака, и, пуская его въ воду, приговариваютъ: „Пльви, раче, за водою, беры трясцю за собою“.

Что же касается передачи болѣзни другому физическимъ путемъ, — это пріемъ весьма распространенный и въ настоящее время: больного обкапываютъ круглымъ мякишемъ хлѣба или яйцомъ, куда переселяется болѣзнь, и эти предметы отдають собакамъ или выбрасываютъ на дорогу: больной носитъ въ рукавицѣ, надѣтой на руку, хлѣбныя зерна, сбѣтъ ихъ, а когда взойдутъ, раздавливаютъ, уничтожая такимъ образомъ болѣзнь ¹⁾ — и проч.

Однако чаще всего и съ наибольшимъ успѣхомъ всѣ эти пріемы лѣченія выполняются при помощи слова, которое постепенно заслоняетъ и даже вытѣсняетъ другіе способы: словомъ пытаются заставить болѣзнь бѣжать (такъ въ недавнее еще время на югѣ Россіи былъ знахарь, который лѣчилъ различныя болѣзни продолжительной площадной бранью); тѣмъ же способомъ пытаются запугать ее, умертвить или переселить.—Все это мы и будемъ наблюдать въ приводимыхъ ниже заговорахъ, относящихся къ различнымъ ступенямъ міропониманія.

Родиной лихорадокъ народъ считаетъ болота, рѣки,

¹⁾ *Даль*, „О повѣр., суев.“, 79.

моря ¹⁾ и вообще сырыя, необитаемыя мѣста, и потому иытается силой слова водворить ихъ на мѣсто жительства, чтобы онѣ никому вреда не причиняли.

„Иды соби на очерета, на болота, та на свои миста, де витерь не віе, де сонце не гріе, де праведне сонечко не сходить, де людський гласъ не заходить; де люде не хрестятся. Трясы соби очеретами, та своими лыстами“ ²⁾.

„Лыхорадка! ты прозира, ты водяна, ты й витряна, надумана й погадана. Пиды соби на воды, на витры, на огни и на дыма! Тутъ тоби у голови не стоять, жовтой кости не ламать! Пиды ты соби на огни, на дыма, на велики степа! Тамъ тоби буде хороше гулять и людей морськихъ знобыть“ ³⁾.

„Бишихо, татарко,

Б. цыганко,

Б. жидівко!

Тутъ тобі ни гуляти,

Червоної крови ни пити,

Жовтой кости не ломити,

Білого тила ни вьялити.

Иди соби на сине море;

Тамъ тобі бувати,

Тамъ тобі гуляти,

Жовтими писками пиришитати,

Водами переливати,—

Очеретом трясти

І болотами трясти.

Я тебе заклинаю

І на тем вічний ножем зарубаю.

Иди соби — де кури ни пють,

Де молодиці на гулявня ни ходять,

¹⁾ Ср. наир. *Крущевскій*, „Заговори“, с. 53, или *Чубинскій*, „Труды“, I, с. 118—120.

²⁾ *Милорадовичъ*, „Народн. Медич.“, V, с. 170.

³⁾ Ib.

Де козак коня не напуває,
Де дівчя коси не росплітає“ 1).

„Варагуша, отыйди ты, варагуша проклятая, ать такова-та челава́тка — иди ты, проклятая, ниизжалыми дарогами, кривыми згородами, на мхи, на балота, на скрипу́чїи дирива“ 2).

Ср. старѣйшїй чешскїй заговоръ, находящїйся въ легендѣ о св. Прокопѣ XIII столѣтїя:

„Vy siemě proklate!
Boží moci kazuji vem,
Abyste šli odtudto ven:
Některede na pušci jděte,
A nikemu ne škodte“ 3).

Нерѣдко также пытаются словеснымъ воздѣйствїемъ переселить ее въ какой-нибудь предметъ, напр. въ осину, которая будто въ лихорадикѣ, постоянно дрожитъ своими листьями.

Подходятъ къ первой попавшейся въ лѣсу осинѣ и, обгладывая съ нея кору, говорятъ:

„Осинка, осинка, возьми мою трасьцынку, отдай мое здороуя“ 4).

Собираютъ въ теченїе 9 дней экскременты и всякаго рода выдѣленїя больного въ чашку и ставятъ ее до восхода солнца въ дупло дерева, говоря:

„Fieber, Fieber weich' von mir
Was du mir gabst, das geb' ich dir!
Steig' in den Baum und friss dich satt.
Mein Magen keine Nahrung hat
Für dich, du böses Fieberkind;
Drum komme her und steig geschwind
In diesen Baum, in diesen Baum!“ 5).

1) *Иващенко*, „Шептанїя“, с. 175—6.

2) *Добровольскїй*, В. „Смол. Этн. Сб.“, с. 172.

3) *Erben*, „Česka zařikadla“, с. 52.

4) *Шейнъ*, П. „Матерїалы“, II, с. 544.

5) *Wislocki*, „Volksglaube... Zigeuner“, с. 165—6.

Передъ наступленіемъ припада, подойдя къ бузинѣ до восхода солнца:

„Gug'n Morrn Fleeder!
Hier bringt in min Feuer;
De erste Vogel, de oewer di flüggt,
Der nehm dat mir in'n Flugt,
Un fleeg darmit doer de Luch (Luft)“ ¹⁾.

По заходѣ солнца, подойдя къ фруктовому дереву:

„Fruchtbaum, ich klage dir,
Mein Fieber plaget mir;
Es plaget mich Tag und Nacht;
Das sollst du fragen zum jngsten Tag“ ²⁾.
„Fruchtbaum, ich klage dich,
Das Fieber plaget mich;
Der erste Vogel, der über dich fliegt,
Der nehme es mit sich“ ³⁾.

„Nussbaum, ich komm zu dir!
Nimm eines von den 77 gerlei Fiebern von mir,
Dabei will ich verbleiben in Namen...
Kuhe, willst du zu Stalle?
Fröher, so gehe du zu Walle!
Ich zähl dir das zu Buss, im Namen“ ⁴⁾.

Обходя въ лѣсу вокругъ дуба:

„Goden abend du gode olle,
Ick brenge di dat warm und dat kolle“ ⁵⁾.

Обмывъ больного холодной володой, выливаютъ эту воду въ кустъ со словами:

„Wenn du frierst, du gebe ich dir dies Wasser!

¹⁾ *Volksmann*, „*Volksmedizin*“, 95—6.

²⁾ *Ib.*, 96.

³⁾ *Ib.*

⁴⁾ *Birlinger*, „*Aus Schwaben*“, I, 447. — Ср. начало у *Prahn*, „*Glaube u. Brauch*“, с. 194.

⁵⁾ *Kuhn u. Schwartz*, „*Norddeutsche Sagen*“, 439 (Ср. почти буквально *A. Kuhn*, „*Zur deutschen Mythologie*“ („*Zeitschr. für deut. Alterthum*“, B. IV, Leipzig. 1844, с. 390).

Nimm die Hitze des kranken, und gieb du sie der Erde über damit der Böse (=Damon) im Liebe des kranken verrecke“¹⁾.

Кладуть на виски половинки луковицы и черезъ нѣсколько часовъ зарывають ихъ въ землю со словами:

„Das halbe Leben des Bösen geben mir dir, das halbe ist noch im Leibe des Kranken! Nimm Erde das ganze (Leben), damit der Böse verrecke“²⁾.

Зачерпнувъ правой ногой, опущенной въ рѣку, воды и выпивъ эту воду, приговаривають:

„In dieses Wasser fret ich,
Christi Blut anbet' ich,
Dies Wasser und Christi Blut
Ist für das sieben und siebzigsterlei Fieber
gut“³⁾.

— Принимая лихорадку за вполне челоѡѡкообразное существо, пытаются узнать ея имя, а черезъ это послѣднее легко уже воздѣйствовать и на обладателя его. (Подробно объ этомъ см. въ 1-й части изслѣдованія). Съ этой цѣлью перебирають поочередно имена лихорадокъ,—точилѣ, съ нашей точки зрѣнія,—тѣ причины, отъ которыхъ можетъ зарождаться эта болѣзнь. (Мнѣ думается, согласно съ исторіей возникновенія словъ, поскольку мы можемъ наблюдать этотъ процессъ на нашихъ глазахъ,—такія слова, какъ „веснянка“, „трясуха“, „ледзянка“ и проч. смѣло могутъ быть считаемы за собственныя имена).

„Чы ты гнетуха, чы ты трясуха, чы ты водяна, чы ты витрова, чы ты выхрова, чы ты подумана, чы ты погадана, чы ты наслава, чы ты наспана, чы ты найдена, чы ты напыта, чы ты місцѣва, чы ты прычтова, чы ты прызирна, чы ты прысылна, чы ты въ часу, чы ты въ полчасу, чы ты въ дни, чы ты въ полудни, чы ты въ ночи, чы ты въ півночи? Поты ты стояла, поты ты буяла,

1) *Wislocki*, „Volksglaube... Zigeuner“, с. 172.

2) *Ib.*, 173.

3) *Kuhn u. Schwartz*, „Norddeutsche Sagen“, с. 439.

поки я не знала: стала тебе знаты, стану тебе зъ костей
высылаты. Буду я тоби лице залываты, буду тоби очи
выпикаты, буду тебе молитвамы закльпнаты, буду тебе зъ
хрыстіяньской виры высылаты. Пиды соби де собаки не
брешуть, де буры не поють, де хрыстіяньскый голось не
ходе. Колы будуть ушаки роззівляться, тоди буде лыхо-
манка подниматься, й гнетуха и трасуха“¹⁾.

Когда „веснуха“ въ образѣ дѣвушки станетъ звать
спящаго по имени, не слѣдуетъ отѣливаться, а пить от-
варъ дубоваго листа, положивъ на порогъ раскаленный
уголь и приговаривая:

„По первымъ веснянка, а вторая ледзянка, а трецця
листопадница, а цатвертая косцяница, цятая квактухка,
шоштая поцница, семмая смутница! откатись, отвались
отъ грудзеу и отъ бѣла цѣла, отъ буйной головы. Ты
дзвѣукой ня шлайся, на мяня ня 'зирайся, я у хацѣ ля-
жу, на вуголь гляжу: какъ вуглю сгорѣць, такъ тобѣ у ко-
тлѣ кипѣць. Бяги ня 'зирайся, назадъ ня вертайся, сту-
пай у пни, у колоды, у гнилое болото, тамъ табѣ жиць,
со мхоу воду пиць. Амий“²⁾.

Вотъ еще нѣсколько мелкихъ заговоровъ, гдѣ обра-
щаются къ лихорадкѣ, какъ къ живому существу.

„Каженка, каженка, поиди ты до воды, кого встрѣ-
тишь, того и напади“³⁾.

Рано утромъ, выворачивая рубашку съ лѣваго рука-
ва, говорятъ:

„Hemd, kehr dich,
Fieber wend' dich.
Im Namen Gottes des Vaters“⁴⁾.

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, 119.—Ср. почти буквально
у Кушелева-Безбородко, „Памятники стар. рус. л-ры“. В. III
(С. II. 1862 г.), с. 167. Здѣсь объяснено, что *ушаки* = *косяки*
въ дверяхъ.

²⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, 545.

³⁾ „Матеріалы (рукописные) Харьк. Предвар. Комитета
XII Арх. Связда“ (Изъ хутора Топольскіе пески, Куянск. у.,
Харьк. губ.).

⁴⁾ Péter, „Volksthümliches“. В. I, 232.

„Die Hexe, die alte,
Die hat das Kalte;
Nimm einen Stock und schlag die Alte,
So vergeht ihr das Kalte.

Im Namen...“¹⁾.

„O mein liebe Alte,
Das ist gut fürs Kalte.

Alte, liebe Alte!

Schüttelt dich das alte,
So komm Hans Nickel und brenne dich,
So schüttelt dich das Kalte nicht.
Fieber hin, Fieber her.

Lass dich blicken nimmer mehr!

Fahr derweil in eine wilde Au,

Das Schafft dir eine alte Frau.

Sonst musst du fahren in d' Kuttelfleck

Schau dann, wie dir die Herbergschmeckt“²⁾.

Чтобы покончить съ заговорами, въ которыхъ молив-
твенное начало не играетъ роли, привожу еще два заго-
вора, стоящихъ особнякомъ среди прочихъ, типичныхъ
однако и для другихъ разрядовъ, о которыхъ рѣчь ниже.
Опора ихъ — скрытое сравненіе, предполагающее факти-
ческую мощь слова:

„Ein Vogel ohne Lung,

Ein Storh ohne Zung,

Eine Taube ohne Gall,

So vertreibe ich die Fieber all“³⁾.

„Die Bienen ohne Lunge,

Die Störche ohne Zunge,

Die Tauben ohne Galle,

Hilft für die 77 Fieber alle.

Im namen...“⁴⁾.

1) *Kuhn*. „Sagen, Gebräuche...“, II, 204.

2) *Birlinger*, „Aus Schwaben“, I, 447.

3) *Kuhn*, „Sagen, Gebräuche...“, II, 104.

4) *Bartsch*, „Sagen, Märchen“, II, 396.

На перепутьи къ заговорамъ молитвеннаго характера, возникшимъ подъ христіанскими вліаніями и наиболѣе распространеннымъ, находится обращенія къ предметамъ и явленіямъ внѣшней природы съ просьбой избавить отъ лихорадки.

„Вечерняя заря-зарница, красная дѣвица, отгони отъ р. Б. Н. Иродову дочку. Заря-зарница, молодая дѣвица, отгони отъ р. Б. Н. Иродову дочку“ (12 разъ) ¹⁾.

„Guter Morgen,
Lieber, schöner Tag,
Nimm mir die 77 Fieber ab.
Ich weis nicht,
Welches das ist,
Hilf mir Unser Lieber Herr Jesus
Christus + + +“ ²⁾.

„Guter Morgen,
Lieber, schöner Holderstengel,
Ich komm zu dir als wie ein Engel,
Ich komm zu dir als wie ein Samariter;
Nimm du die 77 Fieber mit der (=dir)“ ³⁾.

Приведу еще два заговора молитвеннаго образца, стоящихъ въскольکو особнякомъ, и тогда перейду къ заговорамъ, развертывающимъ въ различной силѣ и степени библейскія сказанія, или, по крайней мѣрѣ, имѣющія тамъ исходную точку.

„In nomine patris et filii et spiritus sancti, adjuro te frigore rus per patrē et filium et spiritum sanctum per tria testimonia, per quattuor testimonia, per XII prophetas, per angelos celi, per cardines mundi, per quem deus fecit mundum sive biduanus, sive triduanus, sive quadriduanus, sive meridianus, sive nocturnus, sive in die, sive in nocte, ut amplius non noceatis isto homini leolti ñ lalxes (calces?) nec tremorem auis otheus auis

1) Якушкинъ, „Молитвы и загов.“, 167.

2) *Birlinger*, „Volksthümliches aus Schwaben“, I, 209.

3) *Ib.*

ageatus eleison sanctus deus, sanctus fortis, sanctus et immortalis, qui tollis peccata mundi miserere ist homini leotolte. Amen“¹⁾).

„Ego sum alpha et ω, primus et nouissimus et fui mortuus et sum vivens in secula seculorum et habeo clauos mortis et interni ait dominus omnipotens. + Preficio vobis febribus cuiuscunque conditionis altus vel nature sitis per precium crucifixi domini nostri J. C. et beatam Mariam Virginem, matrem eiusdem dei et domini nostri J. C. et per novem choros angelo(rum), ut recedatis a famulo dei + NN et amplius non ledatis. Christus vincit, Christus imperat, Christus regnat, Christus repellit malum omne + Consumatum est. Corpus Christi + + +“²⁾).

Въ заговорахъ, близкихъ по формѣ къ апокрифическимъ молитвамъ, присутствіе собственно молитвеннаго и церковнаго наслоеній замѣтно въ различныхъ степеняхъ. Большая часть ихъ тоже опирается на древнее міровоззрѣніе, при которомъ все принимало челоуѣкообразную форму. Лишь, постепенно, съ распространеніемъ въ народѣ духа церковности, стали усиливаться привнесенія этого новаго направленія, оставаясь, однако, почти всегда неорганической его частью.

Можно, конечно, съ нѣкоторой долей увѣренности утверждать, что названіе трясовиць *Иродовыми дочерьми* сложилось у христіанскихъ народовъ подъ вліяніемъ евангельскаго сказанія, но основы этихъ сказаній, почва для воспріятія этого образа уготована была болѣе древнимъ укладомъ народной мысли³⁾. Этимъ только и можно объ-

¹⁾ Piper, „Segen aus S.-Gallen“, с. 69.

²⁾ Ib.

³⁾ *Веселовскій*, приводитъ изъ Alphabetum Siracidis одно еврейское сказаніе, весьма близкое по тину къ славянскимъ— о трясовицахъ:

„Однажды пророкъ Илья встрѣтилъ Лилить (— первозданная жена Адама—) со вѣтмъ ея сонмомъ и спросилъ: Куда

яснить живучесть, излюбленность сказанія, переживание имъ вѣковъ, все въ новыхъ варіаціяхъ.

„Изъ моря изыдоха 12 сестеръ, растрепы, распоясы,—попадается имъ на встрѣчу старецъ Антилесь: „Куда вы, дѣвы, бѣжите?“ — Мы бѣжимъ въ деревню N. къ рабѣ N.—тѣло помѣрять, костей поломать.—„Вамъ тамъ не мѣсто; вы бѣжите, дѣвы, во мхи и болота, тамъ вамъ питье и ложе — мягкая постель“¹⁾).

Весь строй этого заговора — народный, даже обычное въ такихъ случаяхъ имя святого замѣнено именемъ какого-то старца, быть можетъ — самого знахаря. Таковъ и нижеслѣдующій:

„На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Булиѣ лежитъ камень алатырь; на томъ камнѣ сидитъ три старца съ желѣзными прутьями. Идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ-лихорадокъ. „Вы куда идете, грѣшныя, окаянныя, проклятыя?“ — Идемъ въ міръ у людей кости ломать да силу вынимать. — „Воротитесь, грѣшныя, окаянныя, проклятыя“. — Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать да по три раза читать“²⁾).

На дальнѣйшей ступени развитія начинается простая подстановка въ подобныхъ заговорахъ вмѣсто старцевъ именъ различныхъ библейскихъ лицъ и святыхъ, безъ привнесенія въ заговоръ чего-либо новаго.

„Ложусь я р. Б. N. благословясь, встаю перекрестясь. Умоюсь бѣлехонько, снаряжусь хорошоухонько, пой-

идешь ты, злая, нечистая, съ твоимъ нечистымъ сонмомъ? — Она отвѣчала: „Илья, господинъ мой! я иду къ родильницѣ N, чтобы навести на нее смертный сонъ, похитить ея ребенка, выпить его кровь, мозгъ его костей, не трогая его тѣла“. — Илья заклинаетъ ее именемъ Божиимъ, чтобы она стала безгласнымъ камнемъ, а она молить его снять съ нея проклятіе, обѣщаясь удалиться отсюда, гдѣ она услышитъ или увидитъ записанными свои 17 именъ, которыя и перечисляетъ“. (Разысканія“, VI—X, с. 52).

1) „Грамотѣй“, VI, 13—14.

2) *Заблудивъ*, „Русск. народъ“, с. 362.

ду изъ избы въ дверь, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, подъ восточную сторону, на окіанъ-море. На морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ шель Моисей дорогою торною, тропою черною. Встрѣтились ему 12 дѣвиць.— Что же вы за дѣвицы?— Мы дѣвицы-трысуницы, Иродовы дочери; а ты что есть на свѣтѣ?— Я есмь царь Моисей; выхвачу острый мечъ и хочу вамъ голову ссѣчь. — Ахъ, царь Моисей, не сѣки, не руби: не будемъ мы ходить, народѣ морить, никто не увидитъ нашей пляски и до вѣку тряски“ ¹⁾).

„Шовъ св. Моисей чорною дорогою, а на встрѣчу ёму 12 дивыць-трысыць.— Здравствуй, св. Моисей!— Здравствуйте, дивыци-трысыци.— Вынимаетъ Моисей свой мечъ, хочеть ихъ быть и рубить.— Стой, Моисей, не рубы, не наказывай. Кто эту молитву будетъ знать, того лихорадки не будутъ ни трусить, ни знобить“ ²⁾).

„Стоить дубъ на синемъ морѣ, а въ томъ дубѣ Ирода. Было у него девять—7 дочекъ; шли онѣ по сиену морю, а встрѣтили ихъ святые отцы Исакъ и Іаковъ.— „А куда вы идете, Иродовы дочки?“ — Идемъ на бѣлую Русь, бѣлую кость крышить, горячую кровь лить.— Идите вы лучше на сыръ-боръ — сѣрое болото, крышите курчавье-пеньявье непотребное и забутте дорогу на святую Русь.— Иродовы дочки дорогу забудутъ, а р. Б. Н. повѣкъ тряса не будетъ“ ³⁾).

„Ишли св. Аврамій и св. Сакій золотымъ мостомъ; сустрѣли яны 74 (въ № 250-мъ—77, въ № 253-мъ—12) жоны. „Куды вы йдете, жоны?— Идемъ мы на христіанскій міръ — трессти, колотити.— Св. Аврамій, возьми ты золотый мечъ, позрубливай имъ усимъ головы съ плечъ! Святый Аврамій, не бярй зъ меча, не зрубавай намъ го-

¹⁾ *Калачовъ*, „Архивъ“, с. 11.

²⁾ „Харьковскій Сборникъ“, VIII, с. 8—9.

³⁾ *Мошлевскія Губ. Вѣдом.* за 1890 г. № 46. — Ср. почти буквально у *Романова* „Бѣлор. Сборникъ“, V, с. 170.

ловы съ плечъ, — а хто эту молитву буди читать, ня будемъ яго вѣкъ чапать“¹⁾).

„На морѣ на окіанѣ, на островѣ на буянѣ лежитъ камень Алатырь, на томъ камнѣ сидятъ Нивола, Петръ и Павелъ съ желѣзными прутьями. Идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.—„Вы куда идете, грѣшныя?“ спрашиваютъ Никола, Петръ и Павелъ.— „Идемъ мы въ міръ у людей кость ломать, да силу вынимать“, отвѣчаютъ сестры лихорадки.—Воротитесь грѣшныя, проклятыя окаанныя.— Мы тогда воротимся, когда эту молитву всѣ будутъ знать да по три раза въ годъ читать“²⁾).

„Встану я р. Б. Н. благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, путемъ-дорогой къ синему окіану-морю. У этого синяго моря стоитъ древо карколистъ; на этомъ д. к. висятъ: Козьма и Демьянъ, Лука и Павелъ, великіе помощники. Прибѣгаю къ вамъ р. Б. Н., прошу, великіе помощники К. и Д., Л. и П., сказать мнѣ: для чего выходятъ изъ моря-окіана женщины простоволосыя, для чего онѣ по міру ходятъ, отбиваютъ отъ сва, отъ ѣды, сосутъ кровь, тянутъ жилы, какъ червь точатъ черную печень, пилами пилятъ желтыя кости и суставы? Здѣсь вамъ не житье-жилище, не прохладыще, ступайте вы въ болота, въ глубокія озера, за быстрыя рѣки и темны боры: тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки пересныя (?); тамъ яства сахарныя, напитки медовыя, — тамъ будетъ вамъ житье-жилище, прохладыще, по сей часъ, по сей день слово мое, р. Б. Н., крѣпко“³⁾).

„Ишовъ св. Авраамъ дорогою, зострічае вінъ 77 трясовыць.—Куды вы идете?—Идемо жъ мы на Білую Русь людей мордувати и тіломъ труждати и кості ломати и кровь морити.—Сину мій Самсоне, побіжи, побіжи, возь-

1) *Романовъ*, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 100. (Ср. № 254—6).

2) *Воронежск. Юбил. Сб.*, II, с. 91.

3) *Даль*, „О повѣр., суев.“, с. 37.

ми залізную шину, та роспечи и розжени тихъ 77 пропасниць-трясовиць, нехай вопи тіла не труждають, костей не ломають, крови не морють!—Св. Аврааме, не бий насъ, не лай насъ и не печи насъ, не лай же ти, мы будемъ кровь морити, тіло труждати, кості ломати, людей мордувати; а хто буде твою святу заповідь знати, то ми ёго не будемъ мивати.—Я відъ васъ знаю, одъ всіхъ одмовляю, молитву читаю; не мучте біднихъ хрестяпъ; тряситъ купцями, очеретами и болотами. Я одмовляю одъ р. В.“¹⁾).

„Під дубом Маврійським
Стояли святіі архангили —
Гаврііл, Урііл и Сурііл.
Убачили вони, яє виходило з моря
Сім простоволосих жінокъ.
Святіі архангили підійшли до їх
І роспитувались: хто вони такіі?
Вони їм поодвічали:
„Есть ми дочки Иродови,
А йдем ми на хрестьянську землю
Жовтую хрестьянськую кость ломить“.
— Святіі архангели попрохали розказать,
Як їх имена.—Наши имена есть:
Первая — Непа, хторая — Лета,
Третяя — Лелія, четвертая — Желтя,
Пятая — Оленеса, шостая — Горита,
Сёмая — Маргарита;
Всі ми огненіі“.
Св. архаигелм сказали:
„Проклинаемо ми вас і заклинаемо
В землю пустую, в землю безплодную,
Де дівка косою не мае,
Де козає на коні не гуляе
И куди чоловічеське око не заглядає“.

¹⁾ Чубинскій, „Труды..“ I, с. 120—1.— Ср. почти буквально Ревоѣ, F. „Lidová lečba“, IV, 194—5.

— Есть за морем дуб —
У вись-високо, а в глѣб-глубоко,
Під тим корнем копит-ключ;
Той ключ усю землю одмибае,
Всі немощі одбірае.
Одбири ти, копит-ключ, болість
У р. Б.“¹⁾.

„Подъ дубомъ, подъ дубовымъ листомъ лежать три святители: первый — Михайль-Архангель, другой — Кузьма-Дзелянъ, трецци — св. Моисей. — Св. Моисей соби-рался въ путь въ дорогу съ желѣзнымъ бичомъ, тропой череной, дорогой торной.—Устрѣчились съ имъ двѣнадцатъ дзѣу — наги, босы, растрепаны косы. Св. Моисей у ихъ спрашиваецъ: „Дзѣвы, дзѣвы, куды вы идзеце?“— По свѣту ходзимъ — косьци сушиць и сердце крушиць.— Св. Моисей на нихъ разсердіўся, хоцьу ихъ бидь, ко-лоць. Яны усѣ стали просиць: „Св. М., ни би, ни коли! Кто гѣту молитву будзець знаць и читаць, къ тому мы въ домъ не пойдземъ“²⁾.

„На осіянскій гори, на святій земли йхавъ Михай-ло; у его сынъ Авраамій, на ёму великій чинъ. Ишовъ Авраамій-великій чинъ въ путь-дорогу, зостривъ винъ 77 жейъ. — „Куды вы йдете, прокляти жены? — Мы йдемо, А.-в. чинъ, въ Рассію — ласо наидаця, сладко напива-ця. — Верниця же ви, прокляти жены, одъ нарожденного, молитвеного Н. И якъ не зойдешъ, буде тоби те, що тій жени, шо въ святу неділю хлѣбъ пече, и те, шо тому мужу, шо въ пятницю сіе та оре.—Пропасныця, пропас-ныця, ты витряна, ты водяна, ты наслана, ты почна, ты полуночна, ты зорева, ты полужорева, изойди жъ ты зъ нарожденного Н. И якъ ты не зійдешъ, и мене не послу-хаешъ, ты корни ропускаешъ, гилья розвиваешъ, и я съ тебе повываю, зъ нарожденного, молитвеного Н.— Тоби въ утробоньку не стояти, красной крови не пивати,

¹⁾ *Ивашенко, П.* „Шептанія“, с. 176.

²⁾ *Шейнъ, П.* „Матеріалы“, II, 544—5.

жовтои кости не ламати, билого тила не сушити.—Я жъ тебе высылаю на очерета и на болота, де людскій гласъ не заходе, тамъ тоби пропадати“¹⁾).

„Атганияю васъ, трасцы, и смяротнаю, и унутрѣнную, и павяrhoуvную, и касцявую, и рудовую, и листаадзъватную. и листападную, и гароховую, и асинавую, и ядленьцавую, и огнявую, и ледавую. Ишоу Исусъ Хрыстось и апостолю вѣу, а ззаду Найсвентная Маткашла и рызаяи слѣдъ замела и трасцу уняла“²⁾).

„Ишовъ св. Аврамъ путемъ, зострѣчае вонъ 77 трасовыць.—Куды вы идете, 77 трасовыць?—Идемо жъ мы на бѣлу Русь людей мордувати, и тѣломъ труждати, и кости ломати, и кровь морити. — Сынну мѡй Самсоне, нобѣжи, вѡзьми залѣзную шину, та розпечи и розжени тѣхъ 77 трасовыць, нехай воны тѣла не труждають, ... не морять. Св. Авраме, не бѡй насъ, нехай же мы будемъ кровь морити...; а хто буде твою св. заповѣдь знати, то мы ѣго не будемъ нападаати и двѡрь ѣго будемо минати. — Я вѡдъ васъ знаю, одо всѣхъ, одо всѣхъ одмовляю, молитву читаю, не мучте бѣдныхъ хрыстьянъ; траситъ купаяи, очеретами и болотаяи; я одмовляю одъ р. Б. N“³⁾).

„Стоить дубъ на синемъ морѣ, а въ томъ дубу Ирода. Було у него 9—7 дочокъ, инли онѣ по синему морю, и встрѣтили ихъ свв. отцы Исаакъ и Иаковъ.—А куда вы идете Иродовы дочки?—Идемъ мы на бѣлую Русь бѣлую кость крошитъ, горячую кровь литъ.—Идите лучше на сыръ-боръ, сѣрое болото, крошите курчавье-пѣнявье непотребное и забудьте дорогу на св. Русь.—Иро-

1) *Ивановъ, П.* „Знахарство“, с. 740.

2) *Ф. Варенкъ*, „Przyczynek do leczenia ludowego“ (въ „Materiały Akademii, umiejętności w Krakowie).—Цитирую по библиограф. замѣткѣ *Е. Карскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1900 г. кн. XII, с. 497.

3) *Ефименко, Ш.* „Сб. мдр. закл.“, с. 10—11.

довы дочки дорогу забудутъ, а у р. Б. Н. повѣкъ трясы не будетъ“¹⁾.

Св. Пахнутій, — повстрѣчавшій „дванадцать дѣвиць-красавиць, царя Ирода дочерей“, изъ коихъ „перва огненна, друга—тоже, третя легчае, 4-я гиутая, 5-я ломотна, 6—жовта, 7—скорпія, 8—сухля, 9—злобая, 10—сыная, 11—пухлая, 12—глыхота и дневная, сестра ихъ старѣйшая, моторнѣйшая и проклятѣйшая“, — беретъ ихъ по парѣ, напоситъ имъ тяжкіе удары и отсылаетъ „на сухой лѣсъ, на жовты пѣсы, къ своему царю Ироду“²⁾.

„На гори на Голгохи стоявъ дубъ венерський. Пидь тымъ дубомъ сидило сямъ мученикывъ: Архистратый Михаилъ, Гаврыиль, Урыиль, Метотодымъ, Сызонтій, Клементій, Иванъ-Предтеча — и выдилы диво престрашне, чудное: и вышло зъ моря 17 женъ, просто нагіе, распоясавше, роспущени волоса. Пидійшовъ къ имъ Иванъ-Предтеча, начавъ ихъ пытать: хто вы таки? куды вы идете?—Мы идемо у градъ хрыстовый людей мучыты, кровь пыты, тило томыты, смерти предаваты. Та де (= давъ) имъ Иванъ Предтеча своею тростю по ихъ головамъ, по сто ранъ заклинающихъ. — Ой Иванъ Предтеча! хто ваши буде имена наричаты, або хто буде надъ головою воду чытаты, то мы того не прывоснемся во вики виговъ, аминь“³⁾.

„Ишло 77 напрасныць и силы на марганахъ и верылся вафоромъ. Прыходе св. Василь и пытае: „Шо есть вы за люде?“ — Мы ѡе не люде, а враговы диты. Насъ послано по свитамъ и по людамъ червону кровь пыть, биле тило знобыть, а жовту кость ломыть. Хто насъ буде почитать, такъ мы въ ёго по виѣ не будемъ бувать,

1) См. *Этногр. Обзорніе*, кн. VI, с. 217-я извлечено изъ „Южанина“ 1890 г., № 86-й — Заговоры Черниговской губ.

2) *Ефименко, П.* „Сборникъ млр. закл.“, 11.

3) *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, V, с. 170—1. — Ср. вар. въ „Кіевской Старинѣ“ 1898 г., I, Документъ X (Рукон. XVIII вѣка).

червоной и крови не будемъ ить и блого тила знобыть и жвотой кости ломыть. Св. Васыля буде почытать, — вынь враговскыхъ дитей не буде до неи допускаты, нарожденной, хрещеной и молитвяной р. Б. Н. буде спасать“¹⁾.

„Ишовъ св. Порфирій у свій манастыръ и зостричае 77 прекрасныхъ дивыцъ; ну и спрашуе: „Шо вы за прекрасни дивыци?“ — Мы царя Ирода дочкы. — Куды вы идете?—Мы идемо въ мыръ кости ламать и въ огонь бросать и йижу одбирать. — Вынь ихъ ударывъ трема вдарамы. Воны одъ ёго убижалы и воны ёму исказали: „Хто буде твое имя спомынять,—и того будемъ убигать, а хто буде твое имя забувать, — и того будемъ нападаты.— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Амивь“²⁾.

— Вотъ еще выписка изъ раскольничьей тетрадки новаго письма:

„На горахъ Суныцыхъ почывало 7 святителей: Луки, Марка, І. Богослова, І. Креститель, Николай Можайскій, Егорей Храбрый и Уарей святой. Увидѣли на морѣ плавающихъ лихоманки, Иродовы дочери, 12 сестеръ (—помещай воду съ пескомъ). Седмъ святителей: Луки... святой спросили: „Какъ васъ зовутъ?“ — И они имъ сказали: „Зовутъ насъ: 1-я—Озноба... ражoga... зѣвота... блевота... потегота... гнетучка... костоломка... вазья дорька... сонная... блѣдная... дутиха“. — И взявши ихъ 7 святителей: Луки... бить и мучить и честить по 70 ранъ смертныхъ; послали ихъ семь святителей...: «Подите вы въ темные лѣса, на гнилыя клоды, и до сего р. Б. Н. дѣла нѣтъ». Заключаемъ трижды евангельскихъ словъ“³⁾.

Въ вышеприведенныхъ заговорахъ можно примѣтить, какъ постепенно церковные элементы проникали въ эту

1) Ів., с. 171.

2) Ів., с. 171—2.

3) *Тихонравовъ*, „Памяти. отреч. л-ры“, II, 352—3.

отверженную область творчества: сначала—лишь простая замѣна имени знахаря именемъ библейскимъ, потомъ появляется, иногда, при такомъ имени соотвѣтственный эпитетъ или обращеніе съ просьбой, мольбой, а затѣмъ — и привнесеніе соотвѣтственной обстановки. Однако всѣ эти привнесенія такъ и остаются чуждыми внутреннему смыслу: центръ тяжести лежитъ въ представленіи лиходрадки живымъ существомъ съ конкретными чертами, на которое можно воздѣйствовать словомъ.

Въ приводимыхъ ниже заговорахъ книжно-церковные элементы приходятъ въ болѣе тѣсную, хотя все еще не органическую, связь съ основнымъ зерномъ текста, съ его смысловою сущностью; здѣсь все еще сильно ощущается наличность своеобразнаго міропониманія, творчества народнаго на свой ладъ.

Такъ, напр., корень заговоръ съ обращеніемъ къ св. мученику Сисивію — несомнѣнно въ церковныхъ сказаніяхъ: исторія церкви говоритъ о 40 севастійскихъ мученикахъ, осужденныхъ пробыть въ озерѣ цѣлую зимнюю ночь ¹⁾; въ числѣ ихъ былъ и Сисиній; къ тому же имя это въ исторіи церковной встрѣчается не разъ, — отсюда заключеніе: Сисиній зналъ „слово“ отъ мороза, а значить и отъ „трясавицы“. По этой канвѣ народная фантазія вышивала самые причудливые узоры.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. — При Чермнемъ морѣ стоитъ столпъ каменный, въ томъ столпѣ сидитъ о. Сисиній, и возрѣвъ на море и види — въ морѣ восхищается вода до облакъ, а изъ моря идутъ 12 женъ простоволосыхъ, дьявольскимъ видѣніемъ окаянныхъ. Вопросы у нихъ св. о. Сисиній: „Окаянная, вы что за жены?“ — И онѣ ему рекоша: „Мы есмы тресовицы, дщери Филиповы, брата Ирода царя, усекшаго главу Іоанну Предтечеву; идемъ мучити родъ христіанскій. Обѣдню,

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ у *Е. Ляцкого*, „Къ вопросу о заговорахъ отъ тресовицъ“ (въ „Этнографич. Обзорѣніи“ за 1893 г., кн. XIX), с. 121—36.

утреню просыпають, — то есть наши угодницы“. — Помогли Богу святыи о. Сисиний: „Господи, избави родъ христіанскихъ людей отъ тресавиць“. — И посла Господь къ нему два ангела и четыре евангелиста: Луку, Марка, Матѣя, Іоанна Богослова, идучи ихъ мучити тремя зубцы желѣзными, дающе имъ по три тысячи ранъ на день, и онѣ ихъ боятся. — Свв. великіе отецъ Сисиній и Михаиле, Іоанне, Лука и Маркъ, Матѣей и Іоаннъ Богословъ! за что вы насъ мучите? Гдѣ мы ваши имена слышимъ, и отъ того роду бѣгаемъ за тридцать одно поприщъ. — И рече св. о. Сисиній: а ваши имена суть? — Діавольскій: первая рече: имя мнѣ Тресея; 2-я рече: имя мнѣ Гнетей (— ложится у человѣка въ грудяхъ, — грудицы и не даютъ ни ѣсть, ни пить); 3-я рече: имя мнѣ Ледей (та человѣка знобитъ, и не можетъ согрѣться); ...Гнедея (а Г. та человѣку не даетъ спать, приступаютъ и умомъ метуть); ...Глухія (та человѣка пушитъ и утробу желтитъ); ...Грудница (та у человѣка ложится на грудяхъ и находитъ греботаю = хрипотою); ...Желтея (та, что желтитъ, аки цвѣтъ будетъ); ...Огнея (та, что разжигаетъ, аки смоленнымъ древомъ); ...Ломея (та, что ломитъ, аки бури сухое древо); ...Корношы (та, что ручны и ножны жилы въ мѣсто влечетъ); ...Невея (сестра старшая, плесовица, усекнула главу Іоанну Предтечу; котораго человѣка изоиметь, тотъ человѣкъ не можетъ живъ быть“¹⁾).

„При мори чернѣмъ стояли архангелъ Сихайлъ и св. муч. Сисиній и видяша на морѣ востающія волны, возмутишася море отъ земли даже до небесъ; изыдоша изъ моря 12 женъ простоволосыхъ. И вопросы ихъ святыя мученики: Что есть вышли окаянныя? — Оии же рѣша: Мы есть дщери Ирода царя. — Святыи же рече: что есть вышли изъ моря? — Они же рѣша: Мы вышли родъ человѣческой мучить за беззаконія разными муками. — И вопросы ихъ святыи: како вамъ есть имена окаянныя? — Первая рече: имя есть мнѣ Огнія; 2-я рече: имя есть

¹⁾ *Вожинь*, „Народ. загов.“, с. 490—1.

мнѣ Ледія... Гвѣтія... Ломанія... Желтія... Скарбута... Сухая Горбуша... Пухлая Мягара... Знобія... Синія... Тягота-Переперда; 12-я рече: мнѣ есть имя Дневія Иродіана;—сестра, ведьма, ихъ старшая и всѣхъ есть проклятѣйшая и лютейшая; аще въ который день поймайтъ челоуѣка, то тотъ челоуѣкъ живъ быть не можетъ. — Ихъ придворный штатъ царя Ирода, Иродіаны служанки, погибшія во время пляски на льду: 1-я рече: имя есть мнѣ Носора-Чума... Слѣвота... Черная смерть... Проказа... Синія Чума... Шумля... Конь-Бѣлая-Смерть... Тоскуша... Самахвала... Васьсса; 12-я рече: имя есть мнѣ Бздунел. — А царь-Иродъ червями изъѣденъ за убіеніе великаго пророка Іоанна Крестителя Господня. — Просими молитвою отнять силу отъ проклятейшихъ лихорадокъ. — Господь послалъ отнять у нихъ силу угрозыныхъ мукъ. Налетѣлъ архангелъ Сихайль и сокрушилъ ихъ копіемъ, отъ чего изъкривлены они, изуродованы и избиты, до конца ся мучуть и нынѣ за грѣхи людей. Аминь“¹⁾.

Вотъ еще „молитва“ св. Сисоя (вм. Сисинія) по рукописи сельскаго лѣчебника конца XVIII вѣка, читаемая во время приступа лихорадки надъ больнымъ, который кладетъ поклоны, пока можетъ, приговаривая всякій разъ: „Преподобный отче Сисое великій, помилуя мя грѣшнаго“:

„Стоитъ при Черьмномъ морѣ каменный столпъ и на томъ столпѣ сидитъ преподобный Сисой великій. И вышли изъ Черьмнаго моря жены простоволосія, окаянныя, образомъ — видѣніемъ мрачнымъ и вопроша ихъ св. великій Сисой: „Окаянныя, куда вы идете?“ — Они же рекоша ему: „Ми дщери Ирода царя, идемъ родъ христіанскій мучити, которій ко святѣй церквѣ не ходитъ, на утреню, на службу Божу и до вечернѣ; Богу не молится, лежитъ, аки мертвъ“. — О окаянныя! а что якіе

¹⁾ Изъ рукописи начала XIX вѣка, сообщенной редакціей „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ за 1896 г., № 1-й, с. 22-я.

вашѣ, окаянїя, имена?“—Первая рече: мнѣ имя Трелѣя; вторая рече: мнѣ имя Негрѣя... Знобѣя,—я озноблю рода человѣческаго, то не можетъ согрѣтися... Ломѣя (кости ломле; у человѣка кости ломить, какъ вѣтромъ сухое дерево вонъ выламливаетъ)... Пухлѣя... Корькота (Корчѣя)... Жельтунья (какъ желтой цвѣтъ въ полѣ цвѣтеть, такъ на человѣка напуститъ желтость)... Ледѣя (тѣло холодно)... Монѣя... Сонѣя... Трасѣя... Невѣя, старѣшая ихъ сестра усѣкнула главу Іоанна Предѣтече. Котораго я человѣка начну мучити, то не буде живъ“.—Заклинаю васъ Богомъ вседержителемъ, живымъ и страшнымъ, Пресвятою Госпожею Богородицею, Іоанномъ Предтечею, Крестителемъ Господнимъ и четырьми евангелистами: Іоаномъ Богословомъ, Матѣфтеемъ, Марькомъ и Лукою и Святими Архангеламы: Мыхайломъ, Гавріиломъ, Уріиломъ и Рафаиломъ: окаянная Трелѣя, окаянная Негрѣя... Невѣя, старѣшая ихъ сестры, усѣкнула главу Іоанна Предтечи, проклинаю васъ: отступитесь прочь отъ р. Б. Н., а буди не отступитесь, то начну васъ мучитъ на двацѣть день; идѣте, проклятїе, во адъ вѣчній“¹⁾.

„Сисой“ здѣсь — очевидная подстановка другого имени, болѣе обычнаго для русскаго уха, вмѣсто Сисинїя; всѣ вышеприведенныя „молитвы“ исходятъ отъ общаго источника, вѣроятно, весьма популярнаго, такъ какъ варианты его находимъ и позже, записанными въ различныхъ мѣстностяхъ. Такъ, Гуляевымъ въ южной Сибири записана была обширная „молитва“ съ обращенїемъ къ Сисинїю, перечисленїемъ именъ лихорадокъ, ссыланїемъ ихъ на сине-море, заканчивающаяся обращенїемъ къ Богородицѣ: „Отгони злую лихоманью за тридевять земель въ тридесатое пустое царство, отгони и отведи меня, Божьяго человѣка Н. Ключъ въ морѣ, языкъ въ ротѣ“²⁾.

Очень близкій вариантъ также записанъ въ Ярославской губерніи, гдѣ имя святого уже читается Сихевей³⁾.

1) *Гринченко, В.* „Этнографич. матеріалы“. В. I, с. 278—9.

2) *Гуляевъ, С.* „Этногр. очерки“, с. 51—2.

3) См. у *Е. Якушкина* въ „Молитвахъ и заговорахъ...“.

Приведу еще нѣсколько, болѣе отдаленныхъ вариантовъ.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. При морѣ чернемъ столпъ; вышелъ изъ моря святы мученикъ Сисими и св. архангелъ Михаилъ: видеша — на морѣ востали волны; возмутишася морѣ і земля до небеси, і изыдоша изъ моря 12 женъ окаянныхъ і простоволосыхъ. И вопросиша ихъ св. муч. Сисими: „Что есть злыя жены звѣрообразны?“ — Они же рече ему: „Мы изъ моря вышли мучити родъ человѣчески, которыя къ заутрени рано не встають и Богу не молятся, и кто въ праздники Господскіе не ѣстъ или ѣстъ рано, того мучимъ разными муками“. — И вопроси ихъ св. муч. Сисими: „Какія вы, дѣвы окаянныя и какъ вамъ имена?“ — Первая же рече: „Миѣ есть имя Гнетей... Тресей... Желтей... Пухлей... Огнея... Ледея... Ломей... Тресей... Скорчей... Знобей... Сухота... Невѣя, сестра жъ ихъ страшная, проклятая, которая человѣка поймаеть и скорбитъ, и тотъ человѣкъ не можетъ живъ быти на свѣтѣ семъ“¹⁾.

„Заклинаю васъ, окаянныхъ трясавицъ св. мч. Сисиміемъ и св. Предтечею Іоанномъ и четырма евангелистами: М., М., Л. и І.: побѣгите отъ р. Б. (имрака) за три поприща. Аще ми не побѣжите, то призову на васъ св. Сисимія и св. архангела Михаила хранителя и крестителя Господня Іоанна и учвуть васъ мучить разными муками и дадутъ по 12 ранъ и будутъ говорить: „Крестъ христіаномъ хранитель, крестъ ангеломъ слава, к. царемъ держава, к. недругомъ и бѣсомъ и трясавицемъ прогнатель и положитель и подаетъ болящимъ исцѣленіе“²⁾.

— Перехожу постепенно къ заговорамъ, на которыхъ сильнѣе, рѣзче отразилось знакомство составителя съ книгами религіозно-церковнаго характера.

¹⁾ Тихонравовъ, „Памятн. отреч. л-ръ“, II, с. 351—2. (Изъ рукописи XVIII вѣка).

²⁾ Тихонравовъ, *Op. cit.*, с. 352.

Вотъ, напр., современная рукописная „молитва“, вра-
щающаяся въ мѣщанской и кунеческой средѣ:

„Есть на морѣ Черномъ столпъ каменный; на тотъ
столпъ к. посланъ отъ Бога св. великій пророкъ Елисей
изгнать изъ моря щитоша (?) 12 женъ простоволосыхъ,
окаянныхъ, водяныхъ дьяволовъ. И вопрошаетъ Елисей:
что есть это видѣніе окаянныхъ дьяволовъ? Онѣ же ре-
коша: „Мы есть Трясовицы и угодницы царя Ирода. И во-
проси Елисей: окаянные вы дьяволы, почто вы пришли?
Онѣ же рѣша: пророче, мы пришли мучити, толкати, ко-
сти ломати, сердце и голову разжигати того человѣка,
который много спитъ и, ложась, Богу не молится, или
кто заутрени просынаеть и, вставши, не перекрестится,
или кто въ праздникъ блудъ творить, или въ нищетѣ хо-
дить, какъ и угодникъ святой“. — И возмолился Елисей
о болящихъ: „Господи, избави родъ человѣческой отъ вся-
кія болѣзни“. И услышалъ Богъ молитву его и прислалъ
къ нему на помощь 4 евангелистовъ: Л., Мр., І. и М.
И начали евангелисты трясавиць мучити тремя прутьями
железными, дающими по 300 ранъ въ день. Онѣ же на-
чали, вопіюще великими голосами, молиться св. христо-
вымъ угодникамъ, архангеламъ и евангелистамъ, не му-
чить ихъ и отпустить на судьбище ихъ: „Какъ слышимъ
мы имена ваши отъ человѣка, побѣжимъ отъ роду и пле-
мени его и отъ крови его и никакими кознями не при-
коснемся къ нему“. — И вопрошаетъ Елисей: „Какъ ва-
ши имена, окаянныя?“ — Первая рече: мнѣ есть имя Тря-
совица, отъ меня не можетъ человѣкъ согрѣться. Про-
рокъ и евангелисты прокляша ее: буди проклята. 2-я ре-
че: мнѣ есть имя Огневица... Іедея... Забывающа... Хри-
пувита... Пухица... Истома... Костея... Желтея... Корчу-
ша... Гладѣя... Двѣнадцатая рече: мнѣ есть имя на всѣхъ
Яда, надъ всѣми сестрами глава и всѣхъ болѣе прокля-
тая, угодница царя Ирода, усѣвшая главу Предтечи, при-
несшая ее на блюдѣ“. И се прокляша пророкъ и еван-
гелисты. — Убѣгайте вы, ненавистницы, отъ р. Б.: при-
дутъ на васъ архангелы, Елисей, 4 евангелиста, будутъ

васъ мучить 3 прутьями желѣзными, давать по 300 розогъ на день, приговаривая: „Невѣстниды рода христіанскаго, не ходите вы къ р. Б., никакими муками его не мучайте, ни во главѣ его, ни въ сердцѣ, ни въ утробѣ; ни въ тѣло, ни въ утробу не входить и кости разными муками не мучить“¹⁾).

Нижеслѣдующій заговоръ извлеченъ изъ старинной рукописи:

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.—Крестъ хранитель всей вселенной, к. красота церковная, к. царей держава, к. воинственная побѣда, к. вѣрныхъ утверждение, к. ангеламъ слава, а бѣсамъ язва, к. мученикамъ похвала и всѣмъ людямъ помощникъ, к. р. Б. Н. помощь; к. трясавицы отгоняетъ! О крестъ пресвятый, буди и съ нимъ р. Б. Н. О крестъ Гнѣ, такъ буди и съ нимъ р. Б. Н. отнынѣ и до вѣку. Аминь. Небесныхъ силъ всѣ воинства, въ началѣ св. и великій Іоаннъ пророкъ и предтеча, Креститель Гнѣ, а съ нимъ идутъ оо. Синовій, Филиппъ и Огафей, свв. евангелисты: М., М., Л. и І. Б. и проч. всѣ св., — избавьте его, р. Б. Н., отъ злыхъ трясавицъ.— Бысть бо въ черномъ морѣ волненіе и большое возмущеніе, и тогда изъ моря изыдоша 12 дѣвицъ, простоволосыя. Пошли онѣ по горѣ, а навстрѣчу къ нимъ идутъ свв. отцы Зиновей... Іоаннъ Богословъ и вопросиша ихъ свв. отцы: „Что вы за дѣвицы?“—И рекоша тѣмъ: „Мы есть всѣ трясавицы, родныя сестрицы, христіанскій родъ мучительницы; отдася бо намъ челоуѣческій родъ мучить“. Вопросиша ихъ свв. оо.: „Что вамъ имена суть?“ — И рекоша тѣмъ: Федея, Ивуя, Руниша, Дофея, Синейя, Желтея, Чадлея, Гатея, Хампея, Кисленейя, Знобица, Трасовица“. — Свв. оо. взяша дванадесять желѣзныхъ прутѣй и начаша ихъ бити и мучити и давати по 12 ранъ. — Возмолишася проклятыя трясавицы: „О св. и великій Іоаннъ, прор. и предт., Кр. Гнѣ, и всѣ св. от-

¹⁾ *Московская Иллюстрированная Газета* за 1892 г., № 65-й.

пустите насъ! Аще мы услышимъ имена ваши написанными гдѣ-нибудь, къ тому мѣсту не прикоснемся“.—Того ради и написана сію клятву ихъ, да не прикоснутся р. Б. Н. — Аминь“ ¹⁾).

„Шелъ св. Абрамій *путью* и сынъ его Исакій; наши есину желѣза. Встрѣтили ихъ 77 радовыхъ (= 'Радовыхъ?) дочекъ. Абрамій говоритъ: „Куда вы идете?“ — Онѣ же говорятъ: «Въ мірѣ искушать людей“.—Абрамій говоритъ: „Исакій (bis), возьми есину желѣза, разбей ихъ“.— Онѣ же говорятъ: „Абрамій (bis), не бей насъ, но кто твою заповѣдь будетъ знать, то мы десятого будемъ брать“.— Во имя Отца... Аминь.— Господи, спаси р. Б. отъ болѣзни. Громъ услышать и молніи всѣ люди боятся и трепещутъ. Однако 77 'радовыхъ дочекъ, созданныя, отъ рода Божія отыдоша во славу Троицы и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.— Отыдоша отъ нихъ,— возмутится вода, всколыхается море, изыдутъ изъ моря 12 дѣвицъ; на встрѣчу къ нимъ св. Пафнутій! Спрашиваетъ ихъ: „Что вы за люди?“ — Онѣ ему говорятъ: Идемъ въ мірѣ людей мучить и терзать. — То послалъ Пафнутій ихъ желѣзомъ побивать, каждой изъ нихъ по 77 раиъ давать.— „Св. Пафнутій, помилуй насъ! Кто твою заповѣдь будетъ знать, то мы отъ того человѣка отойдемъ прочь въ дальній край.—И во вѣки вѣковъ. Аминь“ ²⁾).

„По край моря стоитъ столпъ каменный, на томъ столпѣ св. великій Исай. И возмутися море, и сташа на морѣ волны, и изыдоша 12 женъ простоволосыхъ. И вопроси ихъ св. в. Исай: „Что есте вы за жены?“ — „Мы жены-трысавиды вышли мучить родъ человѣческій: кто заутреню просынаетъ въ середу и въ пятокъ блудъ творить, и во дни Богородицы нечистъ ходитъ,—и того человѣка мы имамъ мучити довольно“.— Св. в. Исай помолился Господу Богу, и посла Господь Богъ 4 евангели-

¹⁾ Овсянниковъ, „Загов. противъ лихор.“.

²⁾ См. „Курск. Губ. Вѣдом.“ за 1898 г., № 14-й и перепечатку въ „Этнографич. Обзорѣи, 1898 г., № 2-й, с. 152—3.

стовъ: Л., Мр., М. и І. Б., и они начаша битъ тѣхъ женъ дубцами желѣзными и даша имъ по 3 тысячи разовъ и по 3 тысячи ударовъ. Онѣ же окаяницы возопиша: „Уже вы насъ не бейте, намъ милость свою покажите! Въ коемъ градѣ или въ коемъ родѣ имена ваша прославляютъ, и того града и того рода мы за семь поприщъ и за три дия будемъ бѣгать“. — И вопросиша ихъ св. в. Исай и 4 евангелиста: „Что суть имена ваши?“ — Имена наши суть: Обыдея, Блудея, Ломота, Харкота, Хрипота, Пукота, Желтуха, Глухота, Сухота, Тресея, Невѣя, Грѣста и всѣмъ сестрамъ старѣйшая, что повелѣла отсѣци главу Іоанну Предтечѣ“. — Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй раба (в. рабу) своего N! Славу Отцу... Аминь“¹⁾.

„Заклинаю васъ, нечистыхъ духовъ и трясавиць всемогущимъ Богомъ О. и С. и Св. Д., отыдите отъ меня р. Б. имярека въ мѣсто пусто и безводно, идѣже Господь не присѣщаетъ, и болѣе меня не мучите окаянные: Тресея, Огнея, Глядея, Авваркуша, Храпуша, Пухлея, Желтея, Авея, Хамя, Нѣмел, Глухея, Каркуша“²⁾. Эти слова читаются 3 раза, затѣмъ символъ вѣры.

„На горѣ Синайской, подѣ дубомъ Мавританскимъ стояли свв. отцы, архангелы и ангелы: Михаилъ, Уриилъ, и Гавриилъ, и четыре евангелиста: Іоаннъ, Матѣей, Марка и Лука, и Филиппъ и Косьма и Даміанъ. Тутъ вышли къ нимъ изъ моря семь женъ, растрепаны власы. Свв. отцы вопросиша: „Что за жены и куда вы идете?“ — Онѣ же отвѣщаша: „Мы жены трясавицы, дочери царя Ирода, идемъ христіанъ мучити: огнемъ палити, мразомъ знобити и кости ихъ ломити, а имена наши: Лилія, Навія, Христина, Ежея, Хулія, Мидія, Невунія, Огненная и Злѣйшая“. — Свв. отцы биша ихъ прутьями желѣзными, даша имъ по три стороны бѣжати и заповѣдаша къ христіаномъ ходити. „О проклятїи жены трясавицы и дочери не-

¹⁾ А. Соколовъ, „Матеріалы“ (въ „Трудахъ И. О. А. И. Э. при И. Каз. Унив.“, т. X, в. 3-й), с. 337-я.

²⁾ *ib.*, в. I, с. 117.

честиваго даря Ирода, не можете вы ни единого дня, ни единого часа пребывати, и бѣгите отъ р. Б. Н. за три дня и въ слѣдъ свой не озирайтесь; не можете вы, проклятїи прикоснутися къ р. Б. Н. ни въ градѣ, ни въ селѣ, ни въ подворьи, ни въ дорогѣ, ни на встрѣчѣ! Избави, Господи, р. Б. Н. отъ всякія скорби и трясавичныя болѣзни, всегда, понышѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“¹⁾.

„Во имя Отца... Аминь! Пречистая Мати, Госпоже! Поможи миѣ хрибру отмовити р. Б. Н. — Св. архистратигъ Михаилъ-архангелъ! поможи миѣ хрибру отмовити р. Б. Н. — Св. Пятница! поможи миѣ х. о. р. Б. Н. — Стоить дубъ на распутьи; иѣд тим дубомъ стоить архистратигъ Михаилъ архангелъ, з огненимъ мечемъ. Тамъ грядеть тридевятъ Иродовыхъ дочекъ. К нимъ рече арх. Михаилъ арх: „Куды, тридевятъ Иродовы дочки, грядете?“ — Грядемо ми до р. Б. Н., его червонои крѣви розжигати, его костей ламати, его сердце нудити: есть в р. Б. Н. тридевятъ крѣкѣвъ желѣзних, тридевятъ прутѣвъ желѣзних; буде вас на т. к. ж. кидати, буде на вас т. прутѣвъ ж. збивати. Иѣдѣтъ собѣ на сухїи лѣса, на пустїи поля, где люди не заходятъ, где и людскїй гласъ не заходить. Аминь“ (3 р.)²⁾.

Св. Авксентїй заключаетъ сестеръ-лихорадокъ въ колодець, потомъ выпускаеть, выпросивъ предварительно номѣщаемый ниже заговоръ отъ нихъ:

„Пресвятая мати Бугуродица, пасаби у моимъ наговори, абъ чомъ тебе буду прасить, буду малить. — Пумяни Госпади отца Аксентїя у царстви нябеснымъ, сатвари яму Госпади царства нябесная, свѣтлїй рай. — Скрутилъ іонъ (= отча Аксентїй) 12 сестеръ у калодцы. — Сакрути отъ р. 12 сестеръ-лихарадыкѣ (Арину, Польку, Катъву...). Отча Аксентїй, тебе прашу, тебе малю: вышли

1) Шуровъ, „Знахарство на Руси“, с. 163—4.

2) О. Л., „Заговоръ отъ лихорадки“ („Хибры“) — рукопись XVIII вѣка (въ „Кїевск. Стар.“ 1898 г., I), с. 10—11.

лихарадку на чести зъ вастей, зъ мащей, зъ жилъ и съ суставыу, изъ буйный главы, изъ ясныхъ вачей. Выходитъ вы у пуховыя парины, къ гаспадамъ: тамъ вамъ чай, ках-вьи и стулья мяхвая,—а то я буду прасить отца Аксентія: заганить васъ у маха, у гнилыи балота, гнилыи калоды гладить“¹⁾.

„У горыди, у Пиулани,

Стаить святая яблынка,

Падъ тэю святэю ябланкаю

Лажить три листа,

У тыхъ листахъ трехъ апостылу:

У первымъ листу святога Кузьмъ,

У другомъ листъ святога Михайли,

У третьимъ листъ святога Исимана!

Къ св. ка Исиману

Пришло 12 сястриць-дявиць, разныхъ трисяницъ;

Пришли яны ка св. къ Исиману,

Раздѣтыя, распаясаныя.

Св. Исиманъ

У ихъ спрашиваетъ: „Куды вы идете?“

— Мы идемъ у христіанску вѣру,

Идемъ бить-калатить,

Къ смерти варатить,

Штобъ іонъ страдау-скорбѣу

И смертію вумиръ.

— Св. жа Исиманъ на ихъ жа узсирчауся;

Аны жа пуугалися

И называли св. Исимана Госпыдамъ:

„Святой Исиманъ-Госпыди,

А не бей ты насъ 12-ми зелѣзными дубинами,

А ня будимъ мы бить-калатить

И къ смерти варатить“.

А св. Исиманъ атвѣщаль:

„Хто будить ету воду патереблять

1) *Добровольскій, В. „Смол. Этн. Сб.“, с. 168-я*

Три раза у день,
То удалятся и сакратятца 12 сястриць-дивчиць.
И разныхъ трисаницъ
На вѣки вѣшныя. Аминь¹⁾.

— Снявъ у лошади (для женщины — у „вобылы“) съ передней ноги „дичъ, самую корачку“, высушить, стереть въ порошокъ, размести водою и, прошептавъ приводимый ниже заговоръ, дать выпить больному.

„Ты лихорадка с....а дочка, Ирадыва ты дочъ, пугубила Придтечу Ивана чиризь сваю пляску, — зрубили яму голыву: но тябе свята галава праклила и паслала питатца кала лѣсу, кала вустоу, кала лошади, кала живы и капытоу... Ты ступай, лихарадка, ать р. Б. Н., — я тябе высылаю праклятую — ступай ты ни путями, ни дарогами — усе махами и патовами, да кривыми згородами — на ласы на дрямучіи, — тамъ ты живи-паживай, да назадъ ни бувай. Питайся ты камарами и машкарою, а только р. Б. Н. астау. Аминь“²⁾.

„На сіянской гори, на брадованьскій земли пидъ Марьяновскимъ дубомъ, тамъ стоитъ два ангелы: архангелъ Гавріиль, архистратигъ Михайль; пришло до ихъ 4 апостолы: и Матвій, Лука и Иванъ. Тею путею грядыло 77 дивыць-Иродыць. Взялы апостолы по 70 пальць желѣзныхъ, дали вони имъ по 70 тысячъ ранъ кривавыхъ: не йдять, мырь и кровъ не пьютъ, предъ нашимъ Господомъ клялись божылысь; де цю молитву зачумъ, въ домъ не прикоснымось поныни и присно и во вѣки виковъ. Аминь“³⁾. (Читать 3 утра натоцакъ по 9 разъ).

„Сылою честнаго и животворящаго креста Господня, молитвами Всепресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и молитвами св. архангела Рафаила и преподобнаго отца Изосимы Соловецкаго, и моли-

1) *Добровольскій, В. Op. cit., с. 170—1.*

2) *Иб., с. 172.*

3) *Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 17-й.*

твами свв. 9 мучениковъ, иже въ Кизикѣ чудо сосрѣтоса—двоюнадесять (трысавицъ), и рече имъ св. архангелъ Р—ль: „Что вы окаиннѣиши и како имена ваши?“ — И онѣ окаиннѣи отвѣчаста ему: „Мы единого отца дщери — царя Ирода, и егда отецъ нашъ Иродъ отсѣче главу Іоанна Предтечи—и тогда земля пожре насъ живыхъ, и пріятъ насъ къ себѣ сатана; но умертви же отца нашего Ирода посла насъ въ міръ, людей вашихъ мучить, рода человеческого. И посемъ намъ всѣмъ имена суть: 1-я — Зябуха, 2 — Гвѣтница, 3 — Плѣтѣя, 4 — Мѣсора, 5 — Шашая, 6 — Чорная, 7 — Тѣнная, 8 — Дидо, 9 — Ладдо, 10 — Олуга, 11 — Утѣха, 12 — Цереанда“. И посемъ арх. Р—ль биша ихъ жезломъ немилостивно и даша имъ по тысящи ударовъ; и онѣ окаиннѣи рѣкоша ему: „Аще гдѣ будетъ твое имя написано, и мы къ тому человѣку не прикоснемся“. Имя р. Б. Н., такихъ (то) годовъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“¹⁾.

„Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и св. воскресеніе Твое славимъ. — Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ живость даровавъ. Спаси Господи и помилуй р. Б. Н. отъ трысовичной болѣзни, — во имя Отца... Духа. Аминь. — Яко съ нами Богъ, — съ р. Б. Н., буди на мнѣ крѣпкая и крестная сила заперта и заключена крестною силой и животворящимъ крестомъ Господнимъ и свв. ангелами: архангеломъ Михаиломъ и Гавріиломъ и молитвами пречистыя Матери и молитвами св. славнаго пророка — Предтечи Крестителя Іоанна и молитвами Артемія Вернольскаго чудотворца, и молитвами св. Мирона-чудотворца. Отыдите отъ меня р. Б. Н. проклятыя дванадесять Иродовы дщери: Трысавица, Огневица, Знобѣя, Цералея, Горькуша, Крикуша, Черькота, Пухлѣя, Желтѣя, Дрехлѣя, Дремлѣя (— 12-я не названа —), и не приходите ко мнѣ р. Б. Н. 12 дщерей Иродовыхъ ни по утрамъ, ни въ полдень, ни къ вечеру, ни въ почъ, ни въ полуночь, ни въ...

¹⁾ Тихомировъ, „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, 79—80.

(не разобрано) и во вѣки вѣковъ, аминь (3 р.). Ирекъ дома вѣту — я Василій буду отписывать“¹⁾.

„У недѣлю рано, якъ солнце сходило, Христа до Ратуша приведено. Стали его визати и въ стовна мордовати. Стоить жидъ, трясетьца. „Чого ты, жиде, боишься?“ — Я не боюсь, только въ мене руки и ноги трясутьца. Царь Давидъ позагонявъ Иродовы дочки въ каменнѣй горри, ставъ ихъ каменовати и печатовати. Хто те можетъ знати, одъ нынѣ и до вѣку у него не можетъ вона бувати“. (Перечисляя по порядку всѣ извѣстныя женскія имена): „Чи ты Н.?“ — Тутъ тобѣ не стояты, червоноѣй крови не пити... тряси лугами и очеретами“²⁾.

„Св. Михаиле, архистратиге, безплотныхъ силъ войне, ангеловъ начальниче и челоуѣковъ наставниче, стань мени р. Б. Н. на помичь! Ты еси знавъ Иродскихъ дочокъ, за камѣяны горы ставъ ихъ засылати и ставъ ихъ въ зализо кувати. Хто буде сіи слова именовати, до вику не буде одъ нихъ напасти мати“³⁾.

„Благослови меня Господи раба Василья Иусови молитвы творити и стихъ проговорити. — Во городѣ, во Ерусалимѣ, во Б. церкви за престоломъ спала Мати Пресв. Богородица, спала-почивала 3 дня и 3 ноци. Не много Ей спалось, много во снѣ Ей видѣлось. — Привидѣлся Ей сонъ страшень и ужасень про Господа Бога и про Сына своего: будто мой Сынъ распяты на горѣ, на лобномъ мѣстѣ злобномъ, на древѣ кипарисѣ. Руки растяши, ноги прибавши, въ головѣ кедръ возложенъ, сквозь реберъ копые проложено, бѣги кровь и вода... Въ семъ дому чистота... Пойду я р. Б. Н. изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, на синее море. На с. м. стоить бѣлый дубъ Маврышскій; подъ тымъ д. Мавронскимъ сидять 12 сестеръ Иродовыхъ, всѣ простоволосы. На встрѣчу имъ идетъ батюшка Михаилъ ар-

1) *Тихонравовъ*, *Op. cit.*, с. 80.

2) *Ефименко*, *П.* „Сб. млр. закл.“, с. 11—12.

3) *Эварницкій*, „Изъ запис. кн. этн.“.

хангелъ и Гавріиль архангелъ и спрашиваютъ: „Что вы за люди?“ — Мы люди Иродовы дочери. — И сталъ онъ ихъ батюшка Михаилъ арх. и Гавріиль арх. спрашивати: „Куда идете?“ — Мы идемъ въ міръ кости ломити“ ¹⁾).

Не буду останавливаться на молитвахъ, вошедшихъ въ различные Евхологіи и Требники, — это выходитъ за предѣлы моего изслѣдованія, вращающагося въ кругу произведеній народнаго творчества, а не книжнаго. Конечно и изъ книжныхъ источниковъ многое попадало въ среду народную, но большею частью подвергалось здѣсь своеобразной переработкѣ, видоизмѣняясь подъ вліяніемъ новыхъ творческихъ силъ иногда до неузнаваемости.

Желающихъ ознакомиться съ исторіей развитія врачевальныхъ молитвъ, перешедшихъ къ намъ изъ греческихъ источниковъ и юго-славянскихъ литургическихъ памятниковъ, отсылаю къ интересной книгѣ по этому вопросу *А. Алмазова*: „Врачевальныя молитвы“. Одесса. 1900 г. — Авторъ пытается прослѣдить исторію развитія этихъ молитвъ, ихъ перехода изъ греческихъ источниковъ въ славянскіе и русскіе требники, вплоть до современныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ, гдѣ, напр., почти сохранилась молитва „на всякъ видъ болѣзни“; а чѣмъ дальше пойдемъ назадъ, въ глубь исторіи, тѣмъ чаще будемъ встрѣчаться съ подобными. Такъ, напр., въ упіатскомъ требникѣ 1795 г. встрѣчаемъ „Чинъ лѣченія болѣзнующихъ огневицею: сіе есть фиброю“ ²⁾).

Позволю себѣ привести лишь одинъ образецъ молитвы, заимствованной изъ книжнаго источника, попавшей въ народную среду и еще не переработанной ея жизненными соками.

¹⁾ *Ив. Мамакинъ*, „Заговоръ отъ лихорадки, лихоманкой и кумохой въ простонародьи называемой“, (въ „Живой Старины“ за 1892 г., в. 3-й, с. 148-я).

²⁾ См. *Е. Крыжановскій*, „Собраніе сочиненій“, т. I. Киевъ 1900 г., с. 43-я.

„Архитонось, рихтонось, токтни, нкьтисось, ѿ тисифе, ѿ вттоє, кьксисе, коситоне, глифенте, силроуфосе, синиси. Еригосиль, поритестомни, калолистомвите, роуре-стафории, сихаль (3 р.), іс, хс ника. — Михайль, Гавріиль, Оуріиль, Рафаиль, Сихаиль, Медохонь, Сисевній, Феѡгни, Роуфа, Антипатре, Феостоуфе, Антимагне, Феѡдотен, Феоума. — Се вси сваты, молитесь къ вамъ рабъ божіи(и) імерекъ; да вашим(ми?) молитвами изба(ви)те его ѡтъ ѡдръжащаго недѣла, ѡтъ проклатой тра-савицѣ, вьсегда і нынѣ и приспо и вѣ вѣки вѣкъмъ. Аминь.—Но с Христомъ ѡтъ долѣ (?) заклинаю тѣ, тра-савице, Господемъ Нашимъ Ісусь Христомъ, молитвами свѣтихъ херувимъ, трепецѣтъ, серафими движатся; за-чала славы оужасался. Избѣгни ѡтъ раба Божиа іме-рекъ, дѣше нечисти, молитвами пресвята владычицы нашеа богородица и приснодѣвы Маріа, молитвами свѣ-тыхъ апостоль, пророкъ, мченикъ“¹⁾.

Слѣдя за развитіемъ разнообразныхъ заговоровъ ѡтъ лихорадки, мы можемъ прослѣдить и крайне любопытныя измѣненія въ религіозныхъ взглядахъ, въ міровоззрѣніи русскаго народа. Здѣсь мы встрѣтимся съ лихорадкой и какъ съ живымъ существомъ, вселяющимся въ человѣка и мучающимъ его, — безъ всякаго отношенія къ христіан-скимъ воззрѣніямъ. Встрѣтимся, и во многихъ случаяхъ, съ этимъ существомъ, какъ представителемъ темной си-лы, діавольской, исчадіемъ сатаны, по своему характеру, основному, такъ сказать, тону, стремящимся причинить зло. Натолкнемся и на такіе заговоры, гдѣ лихорадки на-сылаются, какъ кара за грѣхи людей, за неисполненіе велѣній церкви, забвеніе свѣтыхъ, которые и карають за это людей, не чтущихъ ихъ памяти. Видимъ, наконецъ, и такихъ лихорадокъ, которыя вселяются по своей волѣ лишь въ неисполняющихъ обрядовъ и установленій цер-

¹⁾ Связку „Отрывокъ млр. травника“, с. 11—12.

ГЛАВА 2-я.

Заговоры отъ сглаза.

Въ близкомъ родствѣ съ лихорадочными болѣзнями стоятъ происходящія отъ „сглаза“, „урока“, „прыстрига“, „призора очесъ“ и т. п. Вѣра въ такую силу „дурного“ глаза восходитъ въ очень отдаленныя времена языческой древности, но краски ея не полиняли и понышѣ даже у культурныхъ народовъ Запада, — особенно въ Италіи ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь вѣра въ порчу глазомъ очень сильна; лучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ нея считаются амулеты въ видѣ роговъ или показываніе пальцами роговъ. Ср., напр., у Бурже въ „Космополисѣ“ слѣдующе мѣсто: „Счастье въ картахъ накапунѣ дуэли — плохой признакъ, очень плохой... — Тѣмъ болѣе плохой, что былъ тутъ *никто*...“ — замѣтилъ Пьетрапетроза, дѣлая пальцами «рожки», ограждающіе отъ *jetatura*. Ни за что въ мірѣ онъ не произнесъ бы имени того лица, противъ дурного глаза котораго онъ пускалъ въ ходъ такое средство. Но Чибо понялъ, о комъ рѣчь, и, вынувши изъ кармана панталонъ часы, которые онъ такъ носилъ, по-английски, на цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ поясу, показалъ между брелоками маленькій рогъ изъ золота. „Я весь вечеръ не выпускалъ его изъ руки“, — сказалъ онъ“ (Въ „Русской Мысли“, 1893 г., кн. III, с. 171—2).

Вѣра эта опирается на глубокіе корни міропониманія, считавшаго глазъ двойникомъ человѣка, сначала въ грубо матеріальномъ смыслѣ, — такъ, напр., *человѣчекъ* въ зрачкѣ принимался за alter ego, позднѣе — за душу обладателя глаза; постепенно это пониманіе одухотворялось, сохраняясь дониндѣ въ выраженіяхъ: глаза — зеркало души, въ его глазахъ отражается вся душа его и проч.

Въ современномъ языкѣ, особенно поэтическомъ и народномъ, глазъ надѣленъ множествомъ разнообразныхъ эпитетовъ, сближающихъ его съ живымъ существомъ.

Не удивительно, что менѣе анализирующее, ближе стоящее къ природѣ, пониманіе міра, подмѣчая, какое сильное вліяніе оказываетъ взглядъ человѣка даже на животныхъ (зачаровываетъ змѣй, укрощаетъ дикаго звѣря), приписывало ему самостоятельную жизнь, считало его особымъ существомъ, вселяемымъ въ другое по мановенію злой воли ¹⁾).

Эволюція пониманія этого образа такова: *сглазъ* считаютъ существомъ, надѣленнымъ способностью движенія въ некоторой степени своей воли; поэтому къ нему обращаются съ просьбой или приказаніемъ — оставить занимаемое пристанище — тѣло человѣка и удалиться въ мѣста необитаемыя; сначала это достигается силой слова — заговоромъ; позднѣе — обращеніемъ къ божественной помощи, которой исподволь подчиняются всѣ темныя силы,

¹⁾ Ср. у *Крушевскаго*: „Дурное пожеланіе (прозорь, сглазъ, позѣвота, урокъ) и вообще всякая болѣзнь, причина которой сразу не бросается въ глаза, называется у народа порчей.— Порчу производитъ, конечно, существо темное, заговоръ обращается къ болѣе свѣтлой силѣ... Порча — нѣчто матеріальное: отъ нея ставится: «тыгъ желѣзный, верья булатныя на 120 верстѣ»“ („Заговоры“, с. 66). *Jahn* въ „Ueber den Aberglauben des bösen Blicks bei den alten“ тоже приходитъ къ заключенію, что матеріализація „сглаза“ очень распространена.

тяготѣвшія надъ человѣкомъ въ сумерки его духовной жизни.

„Уроки-урочыща, чоловичи, жиночи, парубочи, дивочи! Идить вы соби на очерета, на болота, у свои миста, де парубокъ огню не креше, де дивка русои косы не чеше, де пивничый гласъ не заходьтъ, де витерьъ вербы не колыше. Пидить соби за витрамы, за дымамы и за темными лисама“¹⁾).

„Уроки-урочыща! булы подумани й погадани, и наслани, й заспани, и вечирни, й прозирни, ночни, й полунични, й свитови, й витрани. Будуть зъ витру и зъ воды и зъ пради. Стала я ихъ вышинтувать и вызывать, и выкликать, и на густы лиса, и на глыбоки яры одсылать“²⁾).

„Уроки чоловичи, жиночи, парубочи, дивочи, хлопьячи, дивчачи, спытени, зъидени, вызвани, вымовлени, названи, наслани, прозорни! Я васъ вышинтую, я васъ вызываю, я васъ выкликаю на очерета, на болота одсылаю. Идить соби на очерета, на болота, на свои миста, де витерьъ не вѣе, де сонце не грѣе, де праведне сонечко сходьтъ, де людський гласъ не заходьтъ, де люде не хрестяться. — Коны буде сухой дубъ розвиваться, тоди мольтвяному, хрещеному Н. будуть уроки озываться“³⁾).

„Уроки и всѣ банные притки! сойдите съ Н. и пойдите на нечистые гады! Будьте вы, мои слова, крѣпки и лѣпки“⁴⁾).

„Сыйди, глаза сѣрны,
Бурыи, карыи,

1) *Милорадовичъ*, „Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ Полт. губ.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1900 г., кн. III, с. 382—3).

2) *Иб.*, 383.

3) *Иб.* [381—2.

4) *С. Гуляевъ*, „Этн. очерки Южной Сибири“ (въ „Библ. для чтенія“ 1848 г., т. 90), с. 51.

Надо усіми чорный глазъ,
Сыди усі пирятепы,
Пирасуды, пиригаворы,
Ать старыхъ, ать малыхъ,
Ать нижинатыва, ать перваженца,
Ать другаженца,
Атыди на етыть часъ,
На ету минуту,
Уси хваробы, уси балѣзни,
И съ палчышыу, и съ сустаучикыу
И съ буйнѣй галавы,
И съ хребетный касти,
Ать ретиваго сердца¹⁾.

„Уроки водяни, уроки витрипи, уроки й подуманцъ,
уроки й погадани, уроки спытени, уроки зьидени! Тутъ
вамъ не стояты, ии косты не ламаты, тутъ вамъ не ходы-
ты, ии косты не ломыты. Идить соби на очерета, та на
вельки болота, де витерь не завивае, де й сонечко не
зогривае, де дивка косы не чеше, де парни на улыци не
спивають, де дивки косами не мають — одъ N., рожденной,
мольтвяной и хрещеной“²⁾.

„Уроки-врочыща подумани, погадани, истритени, ис-
пытени, изьидени, наспивани, насміяни, дидовы, бабыны,
батьковы, матерыны, чоловичи, жиночи, хлопчачи, дивча-
чи, попивськи, паламаривськи, цыганськи и жыдовськи!
Тутъ вамъ не стояты, за плечыма не знобыты, поперека
не ломыты, голинокъ и колинокъ не крутыты, 70 суста-
вивъ не ломыты. Я шещу васъ, я й вышиптую зъ тво-
ей головы, изъ твоихъ ушей, изъ твоихъ вязей, изъ тво-
ихъ щелечивъ, изъ твоихъ грудей, изъ твоихъ ребиръ,
изъ твоихъ рукъ, изъ твоихъ нигъ, изъ твого хребга, изъ
твого жывота, изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ
твоихъ 70 суставъ — вси уроки вышиптую. Я туды ци
вроки ссылаю, де козаъ шаблюю не махае, де дивка ко-

1) *Добровольскій*, „Смолен. этн. сборн.“, с. 174.

2) *Милорадовичъ*, Л. с., с. 382.

сою не мае. Нарожденного, мольтвяного, прычащеного р. Б. Н., Господь Мылосерднѣй, на помичь посылаю!“¹⁾

„Прыстрите и прыстритыще и врокы и врочыща, вятрыный и водяный, и подуманный и погаданный и помышляный и зашытыный и зайидяный и прылюбованный и прымылованный и батькивь и матерынь, и чоловичый и жиночый и хлопячый и дивчаыый и ранній и денный и сутковыый и трыдневыый и годовыый и лисовыый и шляховыый! Я тебе вымовляю, я тебе вышпечу: що зъ панивъ, що зъ цыгаиъ, що зъ жыдивъ, що зъ татаръ, — то я тебе вымовлю, то я тебе вышпечу. Щобъ ты не бувъ въ рукахъ, ни въ ногахъ... очахъ... плечахъ... грудяхъ... животн... жовтой кости... червоной крови... сынихъ жылахъ... румяному лицу... веселому сердци у хрещеного, мольтвяного, рожденного р. Б. Н. — Бо тутъ тоби не стояты, часу не теряты, кости не ламаты, крови не розливаты, руса волоса не вьялыты, свитлыхъ очей не слышты. Пиды соби тихенько и легенько зъ хаты — зъ дымомъ, а зъ двора — зъ витромъ одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, отъ твоихъ 70 суставивъ. — Вы лисы-лисыща, вы боры-борыща! возьмите соби прыстритыща и урочыща, занесите йихъ на пуци, на нетри (?) и на сухи лиса, на быстри воды. — Тамъ люде не ходять и куры не поють и тварь не реве. — А тоби дай Богъ крепить и легкить — не одъ мене, а одъ Самого І. Х. С. Б. — на твои руки, на твои груди, на твои жывить, на твои очы, и на твою кисть и на твои ноги и на румъяне лице и на веселе сердце н., м., х. и. Б. Н.“²⁾

„Уроки-урочыща! тутъ вамъ не стояты — рукъ не дбираты, пидъ груди не пидступаты, у боки не шпыгаты, въ чересла не подаваты, -у-поперекъ не рубаты, по животу не ходыты, не знобыты, не тошныты, на очи не наступаты, прозиръ даваты, нарожденному, мольтвяному,

¹⁾ Милорадовичъ, Л. с., с. 382.

²⁾ Ш. Чубинскій, „Труды“, т. I, с. 134—5.

хрещеному рабу ціи прозиры (ср. „призоръ очесъ“) сциляты, ціи прозиры знычожаты“¹⁾).

Во имя Отца и Сина и Святаго Духа, аминъ (З р.).
— Урукити, бурукити, да идиѣ фъ пусту гору, дѣту фтичка ни пеі, дѣту чувек не оди“²⁾).

„Фтичка, фжрж пу небѣту, вж устатж си мльаку нѣси: Какту сж пржскж мльакуту пубѣлити камжни, тж і да сж пржскжт и на N. уруки сжрдѣту му, ут сжжгатаму и кѣкжлти му; да иджт в пѣсту гѣрп тилплѣіску, дѣту пител ни пеі, дѣту агни ни блеі, дѣту коти не мѣчи, дѣту мжгари ни реве. Кѣзьмане и Даімене, аз да баіа, виі да цирити“³⁾).

Вотъ заговоры наиболѣе древняго, по типу, происхожденія. Этимъ, конечно, не утверждаю, что они древнѣйшіе: они могли образоваться и въ недавнемъ прошломъ (состояніе народнаго міропониманія этому не препятствуетъ), но для жизни ихъ и въ далекомъ прошломъ нѣтъ препятствій: чѣмъ древнѣе по складу своему міровоззрѣніе, тѣмъ привольнѣе въ немъ живетъ подобному заговору.

Приведу еще нѣсколько заговоровъ этого же вида, а затѣмъ перейду къ ближайшимъ разновидностямъ.

Выломивъ изъ плетня заостренный колышекъ, «бабуся» входитъ къ больному и шепчетъ, покалывая его въ различныхъ мѣстахъ:

„Прыстрить-прыстритыще! Я жъ тебе вызываю, я жъ тебе выкликаю, я жъ тебе выговорюваю изъ твоихъ очей, изъ твоихъ плечей, изъ т. носа, изъ т. рта, изъ т. билого тила! Тутъ тоби не стояты, жовтои кости не лома ты, билого тила не сушыты! Иды соби на очерета, та на болота, де пивни не спивають, де собаки не лають, де дивки косы не мають. Тамъ тоби стояты, тамъ тоби ле-

1) Милорадовичъ, Л. с., с. 383.

2) „Сборникъ за нар. умовъ.“, VIII, 146.

3) Ib., VII, 143—4.

жаты, жовту кисте ломаты, билое тило сушыты. Я жъ тебе выкылаю, я жъ тебе выговарюваю“¹⁾).

Выкачивая свѣжимъ куринымъ яйцомъ по различнымъ частямъ тѣла больного, въ надеждѣ, что болѣзнь переселится въ это яйцо, говорятъ:

„Прыстрить-прыстритыще, врокы-врочыщи, — изъ тима, изъ мозгу, изъ выивъ, изъ бривъ, изъ очей, изъ варка, изъ поперека, изъ слухивъ, изъ вухивъ, изъ пыскивъ, изъ очей, изъ чоловічкывъ (= зрачковъ), изъ носа, изъ губивъ, изъ грудый, изъ плечый, изъ ясель (= десень), изъ горла, изъ сердца, изъ печинокъ, изъ легкихъ, изъ жовча, изъ кышокъ, изъ долонивъ, изъ локтивъ, изъ пахивъ, изъ колинъ, изъ стопнивъ, изъ передкивъ, изъ всеи особы, и съ буйной головы... Чи ты чоловічій, чи ты жиночій, чи ты парубочій, чи ты дивочій, чи ты хлопчій, чи ты дытячій, чи ты панскій, чи ты цыганскій, чи ты жидовскій, чи ты собачій, чи ты вольчій, — оставъ, невъялы хрещеного, м. р. Б. Н.“⁽¹⁾.

„Вызываю прыстрить изъ ёго головы, зъ очей, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ 70 жылъ и зъ 70 суставивъ, и вызываю, и выкылаю: батькивъ и материны, чоловічый й жыночый, парубочый й дивочый, хлопчачый й малый дивчачый, витряный и водяный, полуношный и полуденный, и вечерній и вранишный, и зайиденый и запытанный и надбанный, подуманный и погаданный и прысланный и пашланный одъ лыхыхъ людей и лыхыхъ помысловъ, — иды соби легенько-тихенько на гныле колоддя, де пивни не спивають, де гласъ християнскый не заходе“³⁾.

¹⁾ Д. Эварницкій, „Изъ записн. кн. малорус. этнографа“ (въ „Екатериин. Губ. Вѣд.“ 1890 г., № 43, в. въ „Этногр. Обзор.“ кн. VI, с. 200). Ср. еще, почти буквально, въ „Новороссійск. Телегр.“ 1890 г., № 4781.

²⁾ П. Грубляевичъ, „Крестьянскіе заговоры-врокы“ (изъ Летичевск. у.)—въ „Подольск. Губ. Вѣд.“ 1868 г., № 16, ч. неоф.

³⁾ В. Ястребовъ, „Матеріалы по этногр. Новоросс. края“ (въ „Лѣтопис. Истор.-филол. Общ. при Имп. Нов. у-тѣ“, т. III). Одесса, 1894 г., с. 113.

„Полумьяный (?), подуманый, испытанный, изъиденый и заспаный! Я тебе вызываю и выкликаю зъ жылей, зъ крыжей, зъ суставивъ, зъ пальцивъ, зъ нигтивъ! Прыстрить чоловичый, жиночий, парубочый, дивочый, хлопчатый и дытячий, батькивъ и материнъ“¹⁾.

„Урокъ-урочыше! мужыче, жиноцьке, парубоцьке, дивоцьке, подумане, погадане и стрительне! Я васъ вызываю, выкликаю изъ жылъ, изъ прыжылъ... N.“²⁾.

„Уроки, уроки! вы витряни, вы водяни, вы глази, вы мужыцьки, вы жиноцьки, вы батькови, вы матерни, вы простудни, вы прозирни, вы подумани, вы й погадани, вы парубоцьки, вы й дивоцьки! Я васъ вышиптую, я васъ выкликаю и вызываю зъ ёго N., я васъ высылаю на быстрый огонь, де мали диты, де викна не закрыти: тамъ же вамъ бувати, тамъ же вамъ и гииздо звивати, а въ новорожденного N. въ устахъ не стояти, жовтоц кости не ламати, червонои крови не пивати, щирого сердца не вяляти, билого тила не сушити“³⁾.

„Первымъ разомъ, добрымъ часомъ прийшла одмовляты одъ пана р. Б. прыраженіе.— Чы ты прыстрить чоловичый, чи жиночий, чи парубочый, чи дивочый?— Тутъ тоби не буты, тутъ тоби не жыты, червонои крови не пыты, билого тила не вяляты, червонои крови не пыты, жовтои кости не сушыты. Симдесять ще й шостая стражда. Зъ Божымъ Духомъ“⁴⁾.

„Уроки урошныи, пупярешныи и стрѣшныи-пупярешныи, на чомъ вы стали, на чомъ вы пристали? Ни на торный дароги, ни на мягкій постели, ни на питяни, ни на идяни, ай ать злова чилавѣка, нинавистнаго глаза, ать бѣлыга, ать шѣрыга глазу и ать синига глазу и ать

1) *Комаровъ*, „*Нова збирка*“. Одесса. 1890 г., с. 113—4.

2) *П. Ивановъ*, „*Знахарство, шептаніе и заговоры въ Старобѣльск. и Куцянск. у. Харьк. губ.*“ (въ „*Кіевск. Стар.*“ 1885 г., дек., с. 735.

3) *Ів.*, 736.

4) *М. Комаровъ*, *Л. с.*, с. 112—3.

бѣлазорыга глаза, ать кривога глазу и ать сляпога глазу, ать бѣкыва волыса, ать русыва волыса, ать чорныга в., ать сивага в., ать рыжига волоса,—атвидится, аткаситесь уроки ать етыва раба-чилавѣка, выходитя изъ кастей, изъ мащей, изъ жиль... идитя вы за мхи, за балоты, за ржаўцы-патоны! Ни 'трыгатца вамъ ни на маладику, ни на палнатѣ, ни на пиракрай мѣсица, ни на 'сходи витаха“¹⁾).

„Господзи баслови, Господзи пособи!

Отъ присухъ, отъ недухъ,
Отъ уроковъ, отъ пороковъ,
И двѣнадцати царёвъ,
И 12 королёвъ,
И 12 присухъ,
И 12 недухъ.
И откуда вы прикацилися?
И на что же вы спохвацилися?
Или на ралосьцяхъ?
Или на зависьцяхъ?
Или на спорныхъ?
Или на вздорныхъ?
Отъ красныхъ дзѣвиць,
Отъ молодыхъ молодиць,
Отъ старыхъ старикоу,
Отъ удалыхъ молодцоу,
И отъ первошонца,
И отъ другошонца,
И отъ чорнаго глаза,
И отъ чорнаго-подзадорнаго,
И съ боку смотрящаго,
Съ боку заходящаго.
Вамъ тутъ не быць, не жыць,
Притки-пристаўки!

¹⁾ В. Добровольскій, „Смоленскій Этиографич. Сборникъ“ (въ XX т. „Запис. Импер. Географ. Общ. по Отдѣл. Этногр.“). С.-Пб 1891 г., с. 174.

Идзице вы на мхи, на болота,
На гнилыя колода,
На лѣса дремучіе,
На мѣста тонучія.
Тамъ вашъ родъ-племени,
Лѣства сахарныя,
А рабу N. на здароўя“¹⁾.

„Першимъ разомъ, лепшимъ часомъ, помози мѣ,
Господзи, подзіўки зговорици зъ N., зъ гэтаго стану, зъ
чорныхъ очей; зъ шырокихъ плечей, зъ синихъ жилъ,
зъ жоўтой косьци, зъ румяного лица, зъ чорного волоса.
Мо (=можетъ быть) вы подуманные... погаданные... же-
ноцкіе... дцѣвоцкіе... паробацкіе... свитальныя... змеркаль-
ныя... поўначныя... утринныя,— по косьцяхъ дивы не хо-
дзице, косьцей не ломице, личка не хмурице. Досюль же
вы кололи и пороли, екъ мойго духу не чули,— цепенеръ
же полюбице мой духъ: духъ мой легеньки и цѣпленьки.
Я жъ васъ прошу, молю, ссылаю и зговораю на сухіе
лѣса, на ницья лозы, гдзѣ вѣцерь не вѣс, гдзѣ сонце не
грѣе, гдзѣ людзи не ходзюць, гдзѣ пташкі не летаюць“²⁾.

Во всѣхъ приведенныхъ выше заговорахъ „уроки“
представляются живыми существами, получившими свои
имена отъ тѣхъ людей, предметовъ или мѣсть, отъбуда
можно было заполучить эту болѣзнь. Въ воздѣйствіи на
болѣзнь это перечисленіе именъ (съ нашей точки — воз-
можныхъ причинъ, источниковъ) болѣзни, для извѣстнаго
состоянія міровоззрѣнія, имѣетъ огромное значеніе. Имя
человѣка, — и всякаго существа, — его двойникъ; владѣя
именемъ, можно воздѣйствовать на обладателя его. От-
сюда — очень распространенный и понынѣ у различныхъ
народовъ обычай скрывать имя новорожденнаго, переиме-
новывать его, особенно — если дѣти часто умирають, т. е.
находятся во власти злыхъ духовъ. Такова, думается,

¹⁾ П. Шейнъ, „Матеріалы для изуч. Сѣв.-зап. края“. Т. II.
С.-Пб. 1893 г., с. 531—2.

²⁾ Ib., с. 534—5.

основа этого детальнаго перечисленія, къ какимъ именно „урокамъ“ обращается врачеватель.

Съ этимъ перечисленіемъ мы встрѣтимся еще не разъ и ниже, въ заговорахъ, съ замѣтнымъ вліяніемъ церковности. А теперь обратимся къ такимъ, гдѣ уроки представлены какъ бы въ видѣ предмета, уже неодушевленнаго, находящагося въ тѣлѣ и удаляемаго оттуда при помощи различныхъ существъ, къ которымъ и обращаются съ соотвѣтствующей просьбой или приказаніемъ; иногда лишь рассказывается о воздѣйствіи этихъ существъ на уроки.

„Вылетѣлъ черный воронъ изъ черного моря; очи у него червонные, носъ, когти и паногти; отогналъ онъ врови и вровича отъ N., стрѣченные и поперечные, мужичіе, женскіе, хлопочіе, дѣвчачіе и всякаго рода“¹⁾.

„Летпы сороки, ухватывы уроки зъ р. Б. N., понесли на лиса, на болота. Поты литалы, поки уроки пропалы... Зъ твоихъ рукъ, зъ твоихъ нигъ, зъ твоихъ плечей, зъ карыхъ очей, зъ веселой головы, зъ щирого сердца, зъ увсихъ суставивъ“²⁾.

„Въ чыстимъ поли сыне море. На с. м. стоять чорный авиръ; на ч. я. сыдыть чорный воронъ, — чорна голова, ч. очи, ч. бровы, ч. кихти, ч. нихти. И винъ крычыть-покрыкае, кихтями-нихтями погрибае, уроки-урочыща одбирае.— Я звимаю и одбираю зъ хаты дымомъ, зъ двора витромъ.—Идить соби на очерета та на болота, де й куры не ходять, де й дзвоны не дзвонять, де хрестьянський гласъ не заходьтъ.— Тамъ вамъ пыты й гулаты, й роскошуваты, а тутъ не буты, червонной крови не пыты, жылъ не сушыты“³⁾.

¹⁾ Малорусскія суевѣрія, коимъ мало кто вѣрилъ, собран. 1776 г. (рукопись А. И. Чепъ) — въ „Кіевск. Старинѣ“, 1892 г., янв., с. 128.

²⁾ П. Ивановъ, „Знах. и шепт.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1885, дек., с. 734. — Ср. Чуб., I, 133.

³⁾ Милорадовичъ, „Народная медицина въ Лубенск. у.“ („Кіевск. Стар.“ 1900, III, с. 381). — Ср. того же автора „Нар. обряды и пѣсни пѣсни Луб. у.“, с. 33.

„Ф името на света Вожа Маѣва да иде зечото тамо,
дето петли не пеѣат, дете кучета не лаѣат, дете пилета
не ведѣт, дете дѣрвета не нѣвнат, дете вода не тече,
тамо дете слѣнце в месечина негреѣат, в пусти гори, в
пусти места и пусти каменади“¹⁾.

„Црѣна квачка	Дека куче не лае.
С црѣни пилишта,	У пушта гора,
У пушта гора,	У пустелиѣа,
У пустелиѣа,	Црѣна квачка,
Дека петел њепое,	Црѣни пилигита,
Дека кокошка некѣца,	Да некопат,
Дека кон не оди,	Да изрѣѣат,
Дека магаре не гази,	Да изѣждат“ ²⁾ .

„Ако е от чолѣак,
Ако е от црѣни очи,
Да излези прос црѣсте,
Да излези прос нехте,
Да са размие, да са размине,
Да му олекне, да оздравее,
Да са избѣри, като бисра ода,
Да са очисти, като бисро сребро,
Ако е от вѣнѣашино,
Да са разнесе по пусти горе,
По пусти плании;
Бѣде лѣудѣ нема,
Там да си разнесе,
Там да остане.
Да му улекне, да са очисти,
Да стане като чисто сребро“³⁾.

Вотъ еше одинъ вариантъ, гдѣ уроки и уносаѣѣ
ихъ „вороны-сороки“ каѣъ бы отожествляются, смѣѣѣ-

1) „Сборн. за нар. умотъ.“, I, 78—9.

2) Ив., V, 120.

3) Ив., IV, 105.

ваются, — если только не отнести это на счет небрежности въ записи.

„Уромы - урочища, прыстриты - прыстритыща, сиршичи, барыи очи, темни очи, вымовляю, выговорываю жовты кости, червоны кости и твоихъ 40 суставивъ, — никола не прыходы. Тьфу, тьфу! — Сорокы-вороны, прылитайте, широко крылами махайте и въ густыхъ лозахъ, по чорныхъ лисахъ, по великыхъ берегахъ, по найбильшихъ купынахъ, по найшыршихъ очеретахъ, по червоныхъ пискахъ, вышешомянутыхъ мистахъ находиться, а сюды никола це прыходить и не бувайте. Ху, ху, ху!“¹⁾

„У моря калына, подь калыною дивчына. Вона ны знала ни шыты, ни прысты, ни золотомъ вышивати, тилькы умила и знала одь р. Б. уромы и прызоры выкыкаты и вызывати, на сухи лиса насылаты. Уромы и урочищи, чоловичи, живочи, дитячи! вамъ, уроки-урочища, у р. Б. Н. не стоять, жовтой кости не ломыты, горячей крови не пыты, сердца ёго не нудыты, билого лычка не сушыты. Вамъ идты на мхи, на темные луга, на густые очерета, на сухи лиса, куды люды не ходять“²⁾.

„Р. Б. Н.

Встану, благословясь,

Пойду, перекрестясь,

Выйду въ чисто поле,

Въ ч. п., въ океань-море.

Въ о. м. стоять черный островъ,

На томъ ч. о. стоять бѣлый камень,

На т. к. стоять конь карій,

¹⁾ *E. Rubikowski*, „Zapiski etnograficzne z Ukrainy“ (въ „Zbiór Wiadom.“ III, с. 114. — (Транскрипція русскими буквами). — Ср. почти буквально у *Ш. Вѣжменка* „Сборн. малор. заклин.“ М. 1874 г., с. 26.

²⁾ *В. Ястребовъ*, „Матер. по этногр. Новорос. края“ (въ „Лѣтоп. И.-Ф. Общ. при Новор. у-тѣ“, т. III), Одесса 1894 г., с. 56. — Ср. почти буквально *Линденбергъ*, „Нѣсколько заговоровъ“ (въ „Киев. Стар.“ 1894 г., XII, с. 495).

На т. к. каремъ сидитъ красна дѣвица
Съ острыми ножами, съ саблями, съ рогатинами,
Выгрызаетъ, закаливаетъ
Всяки немочи, всяки хворости,
Вси притчи, вси призоры
И вѣтрены переломы.
Отъ вѣтровъ, отъ вѣхаревъ и отъ всякихъ своихъ
думъ.

Отъ тридевяти жилъ,
Отъ тридевяти суставовъ,
Отъ пуца пушоваго,
И отъ сердца сердцевого
Во вѣки вѣковъ. Аминь¹⁾.

— „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Есть славное синее море, есть въ с. с. морѣ синей островъ, есть на с. о-вѣ синей камень, на т. с. к-и сидитъ синей человекъ, у с. человекъ синей лукъ безтетивной, синя стрѣла безъ перья. И отстрѣливаетъ синей человекъ синимъ лукомъ безтетивнымъ, синей стрѣлой безъ перья притчи и уроки, переломы и грыжища всякія, падежи и удары, и пострѣлы, всякую нечисть. — Есть славное серебрянное море, на с. м. серебрянный о-въ, на с. о. с-ый камень, на с. в. сидитъ с. человекъ, держать с. лукъ, лукъ безтетивный, натягиваетъ с. лукъ, накладываетъ с. стрѣлу безъ перья, отстрѣливаетъ с. лукомъ безтетивнымъ и с. стрѣлою безъ перья притки и призоры, вѣтренные переломы, падежи и пристрѣлы и грыжища. — Есть славное Мугай-море, на М.-м. есть М. о-въ, въ М. о. сидитъ М. птица, прилетаетъ къ р. В. Н., отдерываетъ ногтями, отклеиваетъ носомъ, перьями отмахиваетъ притчи и призоры, и уроки, вѣтренные переломы и всякую нечисть. И полетаетъ та Мугай-птица черезъ огненную рѣку, и сгорятъ у р. В. имрека тый притчи, при-

¹⁾ *Е. Исполатовъ*, „По горамъ и озерамъ Повѣнецкаго уѣзда“ (въ ж. „Естествознаніе и Географія“ за 1902 г., № 8, с. 17—18.

зоры и уроки, вѣтряные перелогои, падежи и пристрѣлы и всякая нечисть. Во вѣвы вѣковъ. Аминь“¹⁾.

„Ас отидох при лев кое мжиа, та ми излева лева брадва, та отидох въ лева гора, та отсекох лево дрѣво, та направих леви бжкмица, та іа напжлних с лево вино, тржгнах и сreshнах лев човек, дадох му та пи, од лево вино зыди испие леви уроки“²⁾.

„Р. Б. N. устаецъ ранешенька, мыецда бялешенька, выходзиць на восточную старону у вароты, изъ варотъ ѱ чыстае поле. На чыстымъ поли рѣка бяжыць, змынаецъ травы и карѣнны, и каменны, и пяски вырываецъ и уроки выганяецъ N. и устрѣчныи и напярѣчныи, и радасныи, и зависныи, ать синяга вока, ать шѣрага вока, ать чорнага вока, ать бѣлага вока, ать дзѣвицы касатай, ать младзицы хамлатай и ать жейнай, и ать двухженнай, и ать трохженнай, и ать мужины, и ать женнага, и ать двухженнага, и трохженнага, и ать зубага, и ать бяззубага, и ать двухзубага, и ать трохзубага. Гѣта вадзица царица, ать прынаманутыхъ уродныхъ памачвица“³⁾.

Особенно часто въ видѣ цѣлителя, уносящаго съ собою уроки, является вода, которой, въ разныхъ видахъ, пользуются почти при всякомъ заговорѣ отъ сглаза. Здѣсь сошлись оба теченія — языческое, древнее и христіанское, усиливая другъ друга и возвышая значеніе воды, какъ цѣлебнаго начала.

Въ народномъ пониманіи вода *жива*, какъ одушевленное существо: у различныхъ народовъ мы встрѣчаемъ человѣческія имена для источниковъ и рѣкъ, видимъ изображенія ихъ въ видѣ богинь, съ ними говорятъ, съ нимъ и понынѣ обращаются съ просьбой и проч. Въ Новый

1) Рыбниковъ, „Пѣсни“, ч. IV. С.-ПѢ. 1867 г., с. 261.

2) „Сборникъ за народни умотворенія“.. I, 79.

3) Ф. Варенкъ, „Przeczynek do lecznictwa ludowego“ (цитирую по замѣткѣ Е. Карскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1900 г., XII, с. 498).

годъ, набирая первое ведро (въ Бельгiи, напр.), бросають въ колодець щепотку соли и желаютъ „счастливаго года“. Въ заговорахъ понынѣ встрѣтимъ названіе воды тѣмъ или инымъ женскимъ именемъ.

Добрый вечеръ (в. день) воде-Уляно! Дай мыни уроки-урочыща видшентаты, видигнаты! Пресв. Маты Богородыце. стань мыни на помочи и поможь мыни уроки-урочыща: батьковы, матерыны, чоловичи, жиночы, парубочы, дивочы, хлопячы, дивчачы (— шептаты?). — Уроки-урочыща! вызываю, выкыкаю изъ его руць, изъ его ногъ, очей, плечей, изъ 70 составивъ. Тутъ вамъ не сыдиты, жовтой кости не ламаты, червонои крови не въялыты, коло сердца не нудыты. Изыйдите на крутыи береги, на жовтыи писки, видь хрещеного, мол., рожд. р. Б. Н.“¹⁾

„Царица-водзица, — Кацерица, Марина! Омываешъ ты крутые берега, желтые пески, сырые коренья, шерый камень, — омывай, очищай у р. Б. Н. на чемъ яму уроцы схватились, на пицивныи, на ядзевныи, альбо на гулявныи и на кругованьныи или на мягкимъ почиваньныи, одъ ясныхъ глазъ и одъ черныхъ бровъ, или одъ беззаконнаго дзѣвничьяго нахожденья. Будзця уроцы маленькіе, легонькіе, якъ навлинныи цѣрушки, якъ маково*зѣрнушко. Идзиця, бяжиця въ чистоя поля, въ цемные лѣса, въ шерые боры. Въ шерыхъ борахъ, въ цѣмныхъ борахъ ёсьць распыкрасны хороши большой лугъ; на широкомъ красивомъ лугу тамъ стоць ракитовы кустъ; подъ р. к. сѣдзиць маменька, пироги пячець, васъ въ госьди зовѣць,—тамъ вамъ почиваньне уроцамъ: по косцямъ ни ходзиць, касцей ни ломаць, ретивоя сердце, легкіе печени не сушиць, суставоу не ломаць...“²⁾

Ср. у *Чубинскаго* названіе воды собственнымъ именемъ святой. „Свята вода Омяно, очищаешъ лугы и бе-

¹⁾ П. Чубинскій, „Труды Этногр. экспед.“. Т. I. С.-Пб. 1872 г., с. 133.

²⁾ П. Шейнъ, „Матеріалы...“. Т. II. С.-Пб. 1893 г., стр. 535—6.

регы и кориния и каминья, омысты, Господы, и твою душу и твое тило, и румьяне лице и веселе сердце нарощденному, м., х. р. Б: N.“¹⁾

„Ты земле Тытяно, а ты вода Уляна, очищала ты коринья и кремивья, очищай его сердце и отъ крови, отъ костей, отъ нутра-живота“²⁾.

„Царида-водзица, съ подь утренней зари и съ подь вечерней зари, сѣрый камень обмывала, круты бережки сцирала. Рабъ Б. N. рукой своей воду брау, рабу N. измывау отъ всякаго глаза, отъ всякаго часа избавляу. Урокамъ по свѣту не ходиць, р. Б. больной не быць. Аминь“³⁾.

„Царида-водзица, красная дзѣвица, кацилася, валилася зъ Иордана-рѣки, омывала, обдисьдала круты берега, било коренье, шерое каменье,— омый, обдисьци р. N. отъ буйной головы, отъ ясныхъ воць, отъ русыхъ вощь, отъ румяна лица, отъ рецива сердца, отъ хребтовой косьци, отъ еренной цасьци, отъ жиль, отъ пажиль, отъ суставоу. Уроки и пороки, завистные и радостные, и спереду сустракая, изъ зъ боку заглядая, съ заду нагоня, и старые старики, и молодые молодунки, и дзѣукинъ сынъ, и дзѣукина дочь, просцица, благословица р. N. Я васъ посылаю, гдзѣ солнце ня свѣциць и мѣсяць ня блеснець, ѱ мхи-болота, гнилыя колоды;— не сама собой,— Господней могутой, Сусомъ Хрестомъ, Матерью Прядистой. Аминь“⁴⁾.

„Вадица, красная красавица! Кто етью вадицю памытца, избавитца ать 12 причинныхъ ссудныхъ глазоу... (—Обращаясь къ Богородицѣ и Зорямъ Марьѣ, Дарьѣ, Марѣ...—), Утишита, сакратитя ать 12 причинныхъ и ать чародѣйскихъ и ать асудныхъ глазоу — ать сѣрыхъ, ать бѣлыхъ и ать красныхъ. Што ни іость на

1) П. Чубинскій, „Труды“, т. I, с. 135.

2) П. Ивановъ, „Знахарство“, с. 733.

3) Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 533.

4) Ib., с. 534.

свѣтъ глаза, — усѣ утишитя, сократитя и избаўтя Н. — укратитя у яго ў нутрѣ, у живатѣ и ў кастяхъ, и ва ўсѣхъ тѣлесахъ, ува ўсимъ яго сердца..“¹⁾

„Помогаешь бо, вода явленная, очищаешь ты, вода явленная, и луга и берега и середину! Очищай ты, вода явленная, моего нарожденного отъ призора подумана и погадана, и встрѣчена, и водяного, и вѣтряного, и жи-ноцька и мужицька, и парубоцька, и дивоцька. Подити, вы, уроки, на сороки, на луга, на очерета, на болота, за моря“²⁾.

„Ключь-свѣча съ край свѣта выходилъ, круты берега вырывалъ, жолтый песокъ вымывалъ, — у р. Б. суроцы умывалъ съ буйной галавы, зъ русыхъ бравей, съ ясныхъ ачей, съ румяныга лица, съ ретивага сердца, съ бялыхъ рукъ, съ барзыхъ нохъ, съ спины, изъ сяредины, съ пальцеў, съ суставыў, — суроца зависная, радосная, падуманая, паглядная, денная, полуденная, пашная, пулунашная, вятохавая, маладиковая! Па счасъ, па сию минуту миѣ свѣтъ свитаить, заря заряить, мѣсидъ ўсходить. — Какъ ня будить вѣку канца, у р. Б. Н. ни бывать суроцамъ па сій часъ, па сию минуту“³⁾.

Послѣдній варіантъ уже приближается къ тѣмъ, въ которыхъ выдвигается на первый планъ сравненіе, какъ сила слова, непосредственно воздѣйствующая, — куда и переносится центръ тяжести.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому типу, я останавлиюсь на трехъ варіантахъ, стоящихъ нѣсколько особнякомъ.

(Кладуть въ сосудъ съ непочатою водою тридевять углей):

¹⁾ *Добровольскій*, „Смоленскій Этн. сборн.“, с. 173. — Ср. *ib.*, с. 179. (обращеніе къ водѣ).

²⁾ *В. Пассекъ*, „Очерки Россіи“, кн. Ц. М. 1840, с. 19—20. Ср. *Чубинскій*, „Труды“, I, 132). (Почти буквально). — То же у *Ефименка* въ „Сборн. малорос. закл.“. М. 1874 г. с. 27.

³⁾ *Добровольскій*, „Смоленск. Этногр. сборн.“, с. 177.

„День добрый тоби! У мене дивка, а у тебе парубокъ: посватаймось, побратаймось. Тутъ тоби не стоять, жовтои кости не ламаты, червонои крови не томыты, щирого сердца не нудыты. — Дубе, дубе, нельне (?), а тебе зымь зъ гиллямъ зо всимь, — гамь! Уроки-урочыща, идить соби на луга, на лиса дримучны, на стены степенчы, де гласъ чоловичый не заходыть, де пивни не спивають, — пойды соби болисть очная“¹⁾. — Быть можетъ, это одинъ изъ древнѣйшихъ по типу образцовъ, гдѣ отношенія челоуѣка (шентухи) и болѣзни (урока) равноправныя, вполне челоуѣкообразныя.

Въ слѣдующемъ заговорѣ сглазъ дѣлится какъ вещь между какими-то тремя братьями.

„Було соби тры браты, шлы соби широкою дорогою, найшлы соби рукавыци-ваганыци и врокы. Пийшлы въ свитлыцю, силы на скамныцю и стали подилятсы: одному рукавыци, другому—ваганыци, а третѣму—врокы подуманы, погаданы, батьковы, матерыны, сиры очи дивочы, хлопчачи и дивочы. Тутъ вамъ не буты, червонои крови не вьялыты, сердце не сушыты; идить же соби на очерета та на болота и на великыи нуци, де пивень не спива, де чоловичый голось не заходе“²⁾.

Послѣднй вариантъ изъ стоящихъ особнякомъ таковъ:

„Иду мѣжъ миръ мвромъ мврованная, а зорями одягненная, мѣсяцемъ подперезанная, пречистая моя тварь, щобъ мѣнѣ р. б. Н. ввесь миръ радъ. — Я до васъ съ перцемъ та зъ паскою, а вы до мене зъ щырымъ сердцемъ та зъ ласкою, до н., м., хрещ. р. Б. Н., щобъ вы не задумалы, не загадалы лыхого слова сказать и подумать“³⁾.

1) *Чубинскій*, „Труды“, I, 132—3. — Ср. почти буквально у *Ефименка* „Сборн. малорос. закл.“. М. 1874 г., с. 27—8.

2) *Чубинскій*, „Труды“, I, с. 132.

3) *Ш. Ефименко*, „Сборн. малор. заклинаний“. М. 1874 г., с. 25. — Ср. (буквально) у *Чубинскаго*, „Труды“, I, с. 132.

Сравненіе — это основной приѣмъ мысли человѣческой, вырабатываемый въ довольно позднее время, послѣ сопоставленія двухъ или нѣсколькихъ предметовъ в. явленій и продолжительнаго наблюденія надъ ихъ жизнью рядомъ; — это выводъ, умозаключеніе изъ такого ряда предварительныхъ психическихъ процессовъ. Съ различными фазами его мы и столкнемся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Наиболѣе рельефныя по формѣ тѣ, въ которыхъ союзы сравненія на лицо.

„Якъ навѣдлѣгъ рукою не робыты, такъ моему лицу й тѣлу вѣдъ ныкого не болѣты. — Якъ неба й земли намъ не мѣрты, такъ и мене не врокувати“¹⁾.

„Уроки-урочещя,
Престриты-п-щиц!
Хоть най будуть уроки чоловичи,
Х. н. б. у. жиночи;
Х. н. б. у. парубочи,
Х. н. б. у. хлопчачи,
Х. н. б. у. дивочи,
Х. н. б. у. дивчачи,
Абы зныдили,
Якъ ныдіе виск на вогни,
Пина на води,
Роса на трави,
Такъ абы зныдили
Вид чистого,
Мольтвяного
Хрещеного Н.“²⁾.

„Всталъ я р. Б. Н. благословлясь, пошелъ перекрестась изъ хаты дверьми, изъ двери воротами, да вышелъ

¹⁾ Пв., 28.

²⁾ *Лопачевскій*, „Сборн. пѣсень Буковинск. нар.“. Кіевъ 1875 г., с. 106—7.

въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ есть сине море, на томъ с. м. тихая заводь, на той з. тихій плаваеъ сѣрый гоголь. На т. с. гоголь не держится ни вода, ни роса, — такъ на р. Б. не держались бы ни уроки, ни призоры, ни лихіе заговоры, ни вѣтрыны пристрѣлы, ни ночные переполохи. Во вѣки вѣковъ. Аминь“¹⁾).

„Заговариваю я р. Б. Н. отъ стрѣшши, и понерешни, отъ озѣвица, отъ притки, отъ приткиной матери, отъ чернаго рыжаго, черемнаго, завидливаго, урочливаго, прикошливаго (= бросающаго нескромныя взгляды на женщину), отъ глаза сѣраго, чернаго, отъ двоезубаго, отъ троезубаго, отъ двоеженца, отъ троеженца. — Какъ заря Амиитрія переходила и потухала, такъ и изъ р. Б. Н. всякіе недуги нанущенные исходили бы и потухали. — Какъ изъ булату, изъ синяго укладу каменемъ огонь выбиваютъ, такъ бы и изъ р. Б. Н. всѣ недуги и порчи словами моими выбивало. — Ты притка, приткина мать, болѣсти, призоръ очесъ! подите прочь отъ р. Б. Н. въ темныя лѣса, на сухія дерева, гдѣ народъ не ходитъ, скотъ не бродитъ, птица не летаетъ, звѣрье не рыщетъ. — Соломонида бабушка, Христоправушка, Христа мыла, правила, намъ оказыши оставила. — Запираю заговоръ свой тридевятью тремя замками, т. т. ключами, и слова мои крѣиче кремня, острѣе булату. Аминь“²⁾).

„Пролетеше беле јаребице, и пронеше беле млеко: из камена синају, из камена расинају. Сама рука другој рукав везе; сама сикира уроке сече; да се растворе уроци, као челе по цвету, као лој по углену, као пена по

¹⁾ В. Ястребовъ, „Матеріалы по этногр. Новорос. края“. Од. 1899 г., с. 54.—Ср. буквально въ „Труд. Моск. этн. общ.“, кн. V, в. 2-й. М. 1878 г., с. 217. Ср. тамъ же на с. 218 конецъ заговора, подъ № 99: ...„Какъ съ гоголя вода катится, такъ и съ ней р. Б. Н.—уроки и призоры, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“. (Изъ дѣла 1714 года).

²⁾ Г. Верещанинъ, „О народн. средствахъ врачеванія въ связи съ повѣрьями“ (Вятск. губ., Сарапульск. у.) въ „Этногр. Обзор.“ 1898 г., кн. 3-я (XXXVIII-я), с. 148—9.

мутној води; воду ћемо прегазити, уроки ћемо утопити: да увену, да усахну, да се више не појаве“ ¹⁾.

„На мори на кјани сядвиць старушка на камјани зъ вогнивцомъ, съ кремјанцомъ; суроцы-уроцы отсѣкала-отбирала и на мѡря. отсылала. — Водица-царица! якъ ты латырь-камень разбивала, ницыя лозы подмывала, такъ етому молодзенцу помощи давай, отъ уроцы музъкѣя, женскія, ребячїя, дзявочїя...“ ²⁾.

„Первымъ разомъ, добрымъ часомъ.—За синимъ моремъ, за ширымъ боромъ, стоиць залѣзный тынъ, подъ тымъ тыномъ рассыпанъ чорный макъ. Якъ того маку ниhto не собярець, такъ р. Б. ниhto не уричець. Амьинь“ ³⁾.

„Господи Воже благослови! Вода-водица, красная дѣвица, какъ течешъ, омываешъ красны бережочки, желтые песочки, пенья и коренья, часты пустовья и бѣлы каменья, такъ омой у р. Б. Н. притчи и уроки и моноко-сы и оговоры, вѣтряны переломы, изъ лицъ и изъ косиць и изъ ясныхъ очей и изъ черныхъ бровей, изъ бѣлаго тѣла и изъ ретиваго сердца, изъ рѣзвыхъ ногъ и изъ бѣлыхъ рукъ. — Ключъ и замокъ словамъ моимъ“ ⁴⁾.

„Господу Богу помолюся, Прачистуй-Святой Мадеры поклонюся. — Якъ няжывумъ ня вставаць, вина кубкоу ня упиваць, такъ Н. урокоу ня маць.—Вы сороки-вороны хватайце уроки и прыстрѣки, насице по цемнымъ лѣсамъ, по частымъ кустамъ, — прыцешные, прысмѣшные, прыдуманы, прымоуляные, прыговорные, прышиваные, прыѣданые, поповскїе, панскїе, жыдоускїе, дыганьскїе, мужчынськїе, хлопоцкїе, жаноцкїе, дзявоцкїе: поповскїе —

¹⁾ М. Милићевичъ, „Живот срба сельака“ (Гласник српског ученог друштва, кн. 37). У Београди 1873 г., с. 147—8.

²⁾ Е. Романовъ, „Вѣлорусск. сборн.“. В. В. Вит. 1891 г., с. 149.

³⁾ *Иб.*, 147.

⁴⁾ „Труды Московск. Этногр. Общ.“, кн. V, в. 2-й. М. 1878 г., с. 217.

подъ рызами, паньськіе — подъ плащомъ, мужыцькіе —
подъ шапкою, хлопоцкіе — подъ оченкомъ, дзявоцкіе —
подъ платкомъ“¹⁾.

„Отговариваю N. отъ колдуна и колдуницы, отъ чернаго и черемнаго (= рыжаго), отъ бѣлаго и русаго, отъ дѣвки самокрутки, отъ бабы простоволоски.—И какъ никто не можетъ своего носа да глаза откусить, такъ же бы не могли изурочить и испортить N., и не могло бы заразить его вѣтроносное язво.—Будьте мои слова крѣпки и лѣпки, и будьте мои слова единокунно, ве въ договорѣ и переговорѣ; тѣмъ моимъ словамъ губы да зубы — замокъ, языкъ мой—ключъ. — И брошуя ключъ въ море; останься замокъ въ ротѣ. Бросилъ я ключъ въ синее море, и щука-бѣлуга подходила, ключъ подхватила, въ морскую глубину ушла и ключъ унесла“²⁾.

„Пржгнале са чѹдни бра, чѹдни-почѹдени.

Узеле чудни секире, чудни-почудени,

Очеле ф чудна гора,...

Насекле чудни джрвета,...

Заградиле чудна страга,...

Иакарале чудно стадо,...

Надоили чудно млеко,...

Надоили го ф чудни ведра,...

Прецадиле го ф чудни чебри,...

Подсириле го ф чудно сирене,...

Сабрале го ф чудни цедила,

Разрезале го с чудно ноже,...

Чудно ноже черночиренче,...

Разнеле го на девет страни.

Да се разнесат почудишга N.:

Като прах по пат,

Като магла по Дунаф,

Като жени от черкова,

¹⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, т. II, с. 535.

²⁾ С. Гуляевъ, „Этногр. очерки Южной Сибири“ (въ „Библ. для Чтенія“, 1848 г., т. 90), с. 51.

Като маже от бери,
Като невести от оро,
Като моми от белилкѣя,
Като булки от банѣя“¹⁾.

„Урокъ седи под клепало,
Урочица надъ клепало,
Скокна урокъ, та фана урочица
За червени калци;

Урочица му се молеше:

„Пушти ме, уроче, жив да си!

Ја кѣу да се растура,
Като жени низ цѣрквѣя,
Като прах по пат

Та кѣу да отида в пусти гори,

Дека сжлнде не грее,

Дека ветар не духа,

Дека петел не пее,

Дека куче не лае,

Дека овци не блеіат,

Дека кози не врештат“²⁾.

„Турчинъ ходи изъ село, в решето носи урехи;
спжнж сж турчин, ржзспжжж сж урехи; какту сж ржз-
спжжжж урехити, тжї да сж ржзспжжт и уроки ту на ди-
тету. Аку гу урчасжлж жина, да и улетьж кусжтж; ако
е мжж, да му улетьж мждо-ту“³⁾.

Въ иныхъ заговорахъ форма сравненія не такъ ясно
выражена: то одинъ изъ союзовъ опущенъ, то нѣтъ обо-
ихъ, а сравненіе выражается при помощи одного и того
же связуемаго въ сравняваемыхъ предложеніяхъ, то срав-
неніе получаеъ видъ отрицанія или условія, при кото-

¹⁾ „Сборник за народни умотворения“, кн. V, С. 1891 г.,
с. 116.

²⁾ Ib., с. 155—6.

³⁾ Ib., с. 156.

ромъ данное дѣйствіе или явленіе невозможно, но все-же основа ихъ — вѣра въ мощь слова — налицо.

„Уроки-урочыща, прыстриты-прыстритыща! Хоть най-будуть уроки чоловичи, х. н. б. живочи, х. н. б. парубочи, х. н. б. хлопчачи, х. н. б. дивочи, х. н. б. дивчачи, — абы зныдили, якъ нудіе воскъ на вогни, пива на води, роса на трави, — вить хрещеного“¹⁾.

„Ночна-ночныця, панська прывитница! замыкаешъ ты церкви, города, вси палаты, вси прыпалаты, — замкны (мій двирь) всимъ врагамъ и звирамъ и видьмамъ, и одъ скверныхъ глазъ, — отъ моего двора, отъ мого осла, отъ мого скота, отъ мого близняго кумыра. Аминь“²⁾.

„Голубые глаза, зеленые глаза, черные глаза изурочили. Урокъ! если ты можешь произрасти новые листья на деревѣ, ушавшемъ въ полѣ и сгнившемъ, то урочъ. Есть 77 птицъ: подѣлуй у всѣхъ этихъ птицъ всѣхъ дѣтей, и тогда урочъ. Есть 77 муравьиныхъ гнѣздъ: когда у всѣхъ муравьевъ перецѣлуешь дѣтей, тогда урочъ. На небѣ играетъ Кылчинъ-Инмаръ, играетъ съ золотымъ шаромъ въ рукахъ: если ты можешь выбросить изъ рукъ Кылчинъ-Инмара этотъ шаръ, то урочъ“³⁾.

„До тѣхъ поръ, пока ты не вынешъ у чернаго тетерева почки, до тѣхъ поръ я не дамъ тебѣ на съѣденіе. — Когда ты у 1000 медвѣдей когти обратишь въ одно, тогда только можешь урочить его. — Когда водяную траву и когда земную траву можешь срастить, тогда можешь

1) *G. Kurczanko*, „Volksmedizin“ [въ „Am-Ur-Quell“ — („Monatschr. f. Volksmed.“) В. II. 1891], с. 63. (Передаю русскими буквами).

2) *Г. Коваленко*, „Къ народн. медиц. малорус.“ (въ „Этн. Обозр.“, кн. XI, 1891 г.), с. 177.

3) *П. Богаевскій*, „Очерки религиозныхъ представленій вотяковъ“ (въ „Этн. Обозр.“, кн. IV, с. 125—6). — Ср. буквально у *В. Михайловскаго*, „Шаманство“ (въ „Трудахъ Этн. Отд. О. Л. Е. А. и Э.“ за 1892 г., с. 112).

этого чело́вѣка урочить. Всего этого ты не сдѣлалъ еще, а потому оставь эту жертву“¹⁾.

Съ тѣми же приемами мысли мы встрѣтимся еще много разъ, перейди къ заговорамъ, въ которые исподволь, сначала лишь механически, а потомъ и органически, вростаетъ элементъ церковно-религіозный, приближая постепенно заговоры къ формѣ молитвы.

Старинныя, древнія формы заговора въ болѣе позднее время постепенно прилаживались къ новому міропониманію сначала такъ, что привнесеніе новаго составляло нѣчто выѣшнее по отношенію къ старой основѣ. Имена Божьи и имена различныхъ святыхъ приставлялись къ старому заговору, не оказывая вліянія на его содержаніе.

„Господы милостивый, святи отци-угодныкы: пещерськи, ахтырськи, монастырськи, станьте мени въ помочи одъ Н. очей и одъ ёго головы, и одъ ёго жовтыхъ костей.—Уроки-урочыща! тутъ вамъ не стояты, жовтой кости не ламаты, червоной крови не ссаты, а жылъ не тягты, а сердца не вьялыты. Пидить соби на огни, на дыма, на велики стены; тамъ парубокъ на билимъ кони не пиздыть, дивка косы не чеше. Тамъ вамъ буде пыття, гуляння и хороше маслуванна“²⁾.

„Поможи мени, Миколай угодныкъ, и ты, скоропомошныкъ, и ты, Варвара великомученыця, одъ сихъ урокнвъ шептать. — Я ихъ вызываю и выкликаю: чы воны йесть жиночи, чы воны йе чоловнчи, чы воны йе хлопьячи, чы воны йесть насланіи, чы воны йесть подумани, чы воны йе погадаліи, чы воны йе заспаніи: Тутъ вамъ не буваты и жовтой кости не ламаты и червоной крови не ссаты. и билого тила не сушыты. Идить соби на гу-

1) *П. Богаевскій*, *Op. cit.*, с. 126.

2) *Милорадовичъ*, „Нар. мед. Луб. у.“ (Кіев. Ст., 1900 г., с. 386.

стіи очерета, на глибоки болота изъ нарожденного, мольтвянаго и хрещеного р. Б. Н.“¹⁾

„Святи кыивски, охтырськии,
Манастирсьски, печерьськи,
Переяславськи, и ты,
Свята ньятинко,
Простит и помилуйте.
Госноди Мылостывый, Сус Хрыстос!
И сам Бог иде р. Б.
Од урокив шнытаты и вышнытуваты,
Видбавляты, вымовляты,
И врокы-врочыщи,
И подумани и погадани,
И витряни, и водяни,
И хлопьячи, и дивочи,
Туть вамъ не жыты,
Туть вамъ не буты,
Червоной крови не пыты,
Жовтойи кости не ламаты,
Веселого сердца не нудыты“²⁾,

„Стать Господзи на помочь, Пресв. Бугуродзица, янгалы на радость. — Водзица-царица, красная дзявица, красная дзявица, прощаница,—просци р. Н.—Заговарюю я урецы и прорёцы, стрѣшныи и пояярешныи, зависныи и радосныи, жаноцкіи и дзявоцкіи,—шѣрое воко, красное воко, чорное воко, бѣлорое воко и ўсякое воко, и ўсякаго часу и ўсякой годзины.—Идзица вы, урёцы, на мхи, на болоты, на гнилыи володы; тамъ вамъ гуляння-красованья, цесовыи ворота, пуховыя пярини, — а р. Н. на доброе здоровье. — Ты водзица-царица, обмывала крутыи бярэжки и жовтыи пяски, шѣрое каменья и бѣлое ко-

1) *Милорадовичъ*, *Op. cit.*, с. 386.

2) *П. Иващенко*, „Шептавія“ (прилож. къ рефер., помѣщ. въ I т. Трудовъ 3-го Археол. Съѣзда въ Россіи). Кіевъ, 1878, с. 172.—Ср. у *Чубинскаго*, „Труды“, I, 134, вар. i.

ренья, — обмый р. Н. Табѣ на синимъ мори слава. Во
йма 'тца и Сына и Св. Духа. Аминь“¹⁾.

„Святая Мать Бугуродица Суса Христа порадила,
ни видала ни криви, ни боли, ни якій муки надъ собою. —
Слаўна рика Вутя, слаўна рика Саламанида выхадила
съ вастока, съ биластока и са усихъ четырехъ старонъ,
атмывала крутыи бираги, аткрывала жаўтыи пяски. — Ат-
крый Н. р. атъ чирна глазу и сѣра глазу, сива глазу и
крива глазу, желты глазу и каса глазу, и атъ усихъ раз-
ныхъ глазоу. — Сахрани, Госпыди и помилуй р. Б.“²⁾.

„О Господзи Божа богослови, Г. Б. поможи! Г. Бо-
гу помолуюся и Пряч. Матцы ирекловюся. Пряч. Маць
приступала и отъ притчи помочи давала. — Ты жъ царица-
водзица, прекрасная дзявица, Божжая помошница, водзи-
ца-помошница, усяму свѣту помошница! выцекала ты зъ
синяго мора, узнімалась со мховъ, зъ болотовъ, съ-подъ
крутыхъ беряговъ, размывала ты жовтыя пяски, обмывала
сырое коренья, бѣлое каменя, чорное кременья, —
обмый р. Б. притча и шпадча музьское и женьское, хло-
печчая и дѣвоччая и паньское и цыганьское и жидовськое,
и вѣтряное и нутренное и наливное и наговорное и по-
думное и погадное, и отъ усякихъ отъ выплатковъ-чаро-
дзѣйниковъ. — И я выговарюю, вымовляю у р. Б. изъ буй-
ныхъ головы, изъ ясныхъ вочей, изъ чарныхъ бровей, изъ
рециво́го сѣрца, изъ силнаго живота, изъ кощей — изъ
мощей, изъ жилъ — изъ пажиль, и зъ волосу, и зъ голо-
су. И выговарюю, вымовляю, на рѣки, на сутоки ссы-
лаю. На р. на с. ляжыць бѣлыи камянь, на томъ б. ка-
мяни стояць столы чесовья, што на тыхъ с. скдѣрцы бя-
лыя, поналиваны кубки винныя, тамъ стояць коровади че-
совья, на тыхъ к. подушки пуховыя. Тамъ табѣ, притча,
гуляць, жовтыя пяски вымуваць, за столомъ сядзѣць, вин-

1) *Е. Романовъ*, „Бѣлорусскій сборникъ“, в. V, с. 14.

2) *В. Добровольскій*; „Смоленскій Этногр. сборникъ“ (въ
XX т. Зап. Имп. Геогр. Общ. по Отд.). С.-Пб. 1891 г.

ныя чары сопиваць и на часовыхъ корвацяхъ у нуховыхъ подушкахъ дыхаць, а у р. Б. ня бываць“¹⁾).

„Мать Пресв. Б-ца-Востошница, помоги и на помощь приступи! Водица-царица, всему свѣту помошница, какъ смываешь сырое коренье, сѣрое и бѣлое полѣнье, такъ смой и боль у р. Б. Н. нутряную, головную, сердечную, костаную. — Вы же, уроки пререкающія: встрѣчныя, поперечныя, заднія и поглядныя, жалостныя, радостныя, женскія и дѣвицкія, — идите вы на мхи, на балоты, на низкія лозы, гдѣ пѣвуны не пѣють и гдѣ люди не ходють, — тамъ вамъ курганы и пуляны, а надъ р. Б. Н. нѣтъ споруганья во вѣки вѣковъ“²⁾).

„Уроки-урочыща! я васъ вышпнтую, выклькаю, Господа мылосерднаго на помичъ призываю! Господь зъ помагамы, а я зъ словамы. Я васъ вышпнтую, выклькаю зъ очей, зъ плечей, зъ рукъ, зъ ногъ, изъ 70 жылъ, изъ румъяного лыца, изъ шырого сердца. Тутъ вамъ не стояты, буйной головошкы не ламаты, румъяного лыца не палыты, шырого сердца не пудыты, 70 жылъ не спрягаты и нидъ серденько не пидпираты. — Покры вы пудылы, покы вы ломылы, покы я Господа Мылосерднаго на помичъ не прыклькала. Господь зъ помочамы, а я зъ словамы. — Я васъ вышпнтую, выклькаю на очерета, на болота вызываю. Идите соби на очерета, на болота, — тамъ вамъ столы достлани, кубкы поналывани, тамъ вамъ пыты-гуляты и роскошуваты, а отъ нарожденной, м., х. р. В. Н. уतिकаты“³⁾).

„Господы! поможы мени пристуныты; не я пристунаю: Пречыста Маты Хрыстова — изъ помощю, я — зъ рукамы и зъ Божымы словамы, святымы молитвамы Св. Мыколаю, Божый угодныку, скорый помощныку! стаь мени на помощи, — нарождепому, м. и хрещ. р. Б. Н. —

¹⁾ Романовъ, *Op. cit.*, с. 16.

²⁾ „Могилевскія Губ. Вѣдомости“ за 1890 г., № 46. — Ср. еще *Добровольскій*, „Смол. Сборникъ“, С.-Пб. 1891 г., на с. 175 и 176.

³⁾ *Чубинскій*, „Труды“, т. I, с. 133.

выговорыты, вышентаты, отослаты нарожд., м. и хрещ. р. Б. Н. прыстриты-прыстритыца, урокы-урочыца: чоловечи, жиночи, парубочи, дивочи, хлопячи, дивчачи, мислшні, сонешні, шляховіи, витрянїи, водяніи, прозирніи, подумани, погадани, прымовлени, прыговорени, сказани, спытани, извидани.—Покры вы въ голови стоялы, шумъ робылы, червону кровъ пылы, косты ломылы, жылы сушылы, сердце нудылы, печинку въялылы, покы вы кололы, побы вы поролы, колючкамы бралы, у плечахъ стоялы, нидъ груды нидпералы, стыскамы стыскалы, парусы пускалы, жылоты таскалы, — покы я васъ не знавъ, не вышентувавъ, не выелькавъ, не вызывавъ. А теперъ я васъ знаю, вышентую, выелькаю, вызываю, Господа небесного на помичъ прызываю.—Поможы мени, Г. н., поможы мени Маты Хрыстова выговорыты, отозваты, вышентаты, отослаты н., м. и х. р. Б. Н. изъ его шумнойи головы, одъ румъяного лица, одъ щырого сердца, скорыхъ глазей, изъ вьззей, изъ плечей, изъ грудей, изъ реберь, изъ рукъ, изъ пигъ, изъ животивъ, изъ ялытивъ (= пол., чеш. jelita, т. е. внутрен. животъ), зъ понятыхъ бокивъ, одъ костей, одъ мощей, одъ жыль, одъ пожыль, одъ 77 суставъ, одъ опуху, одъ чорной мазкы, одъ болисти, одъ тоскы.—Господь Исусъ Хрытосъ помагае, помичъ Свою посылает н., м. и х. р. Б. Н. Аминь“¹⁾).

„Господы мылостывый, вси святїи!

Станьте мени на помочи

Р. Б. Н.,

Нарожденому, молитвьяному, хрещеному.

— Там стояло чорне море,

На чорним мори — чорный дуб,

На ч. д. — чорный чоловик,

И чорна одежа, и чорный тупоръ.

Не йде й дуба затынаты,

¹⁾ *И. Манжура*, „Сказки, пословицы и т. п., записан. въ Екатеринбург. и Харьк. губб.“, X. 1890 г., с. 152.

Не йде й моря запшыпаты,
Иде урокив одпираты (врочыть) —
Чоловичых, жиночых,
Парубочых, дивчачых, хлопичых.
— Витрявіи, водяніи, супротивніи,
Наслави, наказани, примовлени!
И тут вам не стояты,
Жовтои косты не ламаты,
Червопойи кровы не пыты,—
Из билого тила, из щырого серця,
Из жовтои косты!“¹⁾

„Господы праведный, Господы небесный, стань мени на помочи! Чужи жинкы-баранкы, N. (=больная) — ведмедка: ведмежи лапы, вовчи зубы, соколыни очи. Соколыными очамы не дывлюся (—падывлюся?—), ведмежымы лапамы одгребуся, вовчымы зубамы одгрызуся. — Хто що подумавъ и погадавъ, хай ёму самому станеться зъ N. наррожденной, м., х., — зъ їи очей, зъ їи плечей, зъ жовтои косты, зъ червоной кровы, зъ русой масты; (зъ) N. наррожденной, м., х. ссылаю, выкыкаю на очерета, на болота, де сонце не сходить, витерь не віє“²⁾.

„Пресв. Богородыце! стань мени на помочи, хреценному, нар., мол. N. прыстрить вышпаты — водяный, витряный, подуманный — изъ очей, изъ плечей, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ суставивъ.— Не сушы, не вьялы хреценному, нар. и мол. N. серденька“³⁾.

До сихъ поръ мы встрѣчались съ заговорами, гдѣ молитвенное обращеніе стоитъ особнякомъ, ниже увидимъ, какъ эти церковно-религіозныя начала исподволь вѣдряются въ самый заговоръ, становятся его существенной частью.

1) П. Иващенко, „Щецанія“. Кіевъ 1878 г., с. 171.

2) Милорадовичъ, „Нар. медиц. въ Луб. у.“ („К. Стар.“ 1900. III, с. 383—4).

3) М. Комаровъ, „Нова збирка“. Од. 1900 г., с. 113.

„Пресв. Вѣе Бѣе! благословы и поможы мени. — Идешъ ты золотымъ мостомъ, зустрічавъ іи Самъ Сусъ Хрыстось и спрашувавъ іи: «Куды жъ ты, Матирь Божа, идешъ?»—Иду я до врожденного и до мольтвиного, до р. Б., до Н. — урокы одсылаты. — Будуть урокы дидовы и бабыны, и батьковы и матерыны, и мужычи, и хлопьячи, и дивчачи, и пападни, и супротывни, и подумани и погадани, и стритени и спытени, и збидени, и шляхомъ перейдени, и витромъ пиднессни. — И покы вони знобылы, поты обморокъ у головонькы были. — И я васъ вызываю; вылькяю, и я васъ одсылаю, де витерь не вѣе и сонце не гріе и де хрестыянскый гласъ не заходе,—одъ Н. головы и одъ паголовы, и одъ ёго сердца, и отъ ёго пасерця, и одъ ёго румяного лыця, и одъ ёго карыхъ очей, и одъ ёго плечей, и одъ ёго рукъ, и одъ ёго нигъ, и одъ ёго пальцивъ, и одъ ёго 70 суставцивъ, и одъ ёго жовтой косты, и одъ червоной крови — не буде его серденька нудыты и червоной крови ссаты.— И я васъ вызываю и вылькяю — идить соби, куды огонь та дымъ, то туды й лышечко зъ нымъ“¹⁾. — Произнося заговоръ, раскладываютъ на „прыщичку“ огонь.

„Господы! поможы одъ прызору шептаты и мольтву чытаты.—Отче нашъ...— Вода бигуча, вода котюча, и вода Йорданьска береги потоныла и лугы поломыла, нарочденому, м., х. Н. урокы отходила. А урокы водяни, витряни и прозирїи. Во вики виковъ. Аминь. — Пресв. Бѣя! великая помошныця, св. Николай угодникъ, скорый помошныкъ, свв. апостолы станьте на помочи, Кїивськи, Охтырськи, Печерськи, Святогорськи, св. Митрофанъ Ворошижскый, великый помошныку, Матерь Божа двохручна, трехручна — поможите, благословите одъ усякои болызни, отъ урокивъ. — Вы врокы врочыща—витряни, супротывни, спытени, звидени, мужыцьки, хлопьячи и дивчачи—тутъ вамъ ны стояты, щырого сердца ны тошныты,

¹⁾ *Милорадовичъ*, „Народная медиц. въ Луб. у.“ (въ „К. Стар., 1900, III, с. 384--5).

жовтои кости ны ломыты, червонои крови не пыты. — Хрыстамы забываю, молитвамы выкликаю, вызываю зъ твоихъ плычсѣй, зъ твоихъ рукъ, зъ твоихъ нигъ, зъ твоихъ пальцивъ, 70 суставцивъ, зъ твоеи головы. — Идѣть соби, врочки-врочыци, на очерета, на болота, на гшыли колоды, де й витерь не заходе, де й пивни не спивають, де й огни не горять, ладаы не курять, хрыстьянскій гласъ не заходе. — И во вики виковъ. Аминь“¹⁾.

„Свв. угодныкы Божьи! станьте мыни до помочы. Св. Володымеръ, св. Спасытель, св. о. Мыколай, св. Ивашъ Крестытель, св. влѣце Варваро, невистка Хрыстова, и вси святии—Клевски, Печерски, Почаевски, Ерусалимски, монастырски—станте мыни до помочы. Не мѣй духъ, — Божій духъ, не моя сила, — Божая сила, не моя помичъ, не я ликарка, — самъ Господь ликаръ моими словамы, моими молитвамы. — Хрещеному, н., м., ваименованному р. Б. Н. прыстритъ измовляю изъ головы, изъ очей, изъ плечей, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ всего тила, изъ жовтои кости, изъ червонои крови. — Тутъ тоби не буты, не жыты, кости не ломыты, билого тила не знобыты. Иды соби на очерета, на болота, та на дримучи лиса, де куричий гласъ не заходыть“²⁾.

Начало приводимаго ниже заговора тождественно съ вар. Чубинскаго до словъ: „не знобыты“. — Дальше — иначе:

...„Прыстритъ-прыстритыще, врокъ-врочыще—чоловичий, жипочий и хлопъячий и дивчачый, батькивъ и матерынь, зо всякой птыци, зо всякои планеты, зъ витру, зъ воды, шляховый, испытяный, изъядяный, заспаный, насланный, полуднёвый, пидвечирковый — я тебе замовляю, я тебе зсылаю изъ всехъ жылъ, изъ всехъ суставъ. Розійдыся, разложыся, якъ дымъ по полю, якъ витерь по морю, якъ мясець на неби, якъ зори на неби; розійдыся

1) „Харьк. Сборникъ“, в. VIII, Харьховъ 1894 г. (Матеріалы для этногр. изуч. Харьк. губ. I. Старобѣльск. у.), с. 35.

2) Чубинскій, „Труды“, т. I, с. 134.

ты, маковымъ зерномъ откотыся.—Тутъ тоби не жыты,—иды соби на очерета... заходыть“¹⁾).

„Господи помилуй (40 разъ). Господи І. Х. С. Б. помилуй насъ грѣшныхъ! Пресв. Бѣа, и заступница, и помощница, заступи и помоли за насъ грѣшныхъ.—Стану я помолясь, стану я перекрестясь, выйду изъ воротъ въ ворота, въ густыя поля, въ зеленые луга, въ океанскія моря. Въ океанскомъ морѣ красная Дѣвица, Мать Пресв. Бѣа Богу молилась—за насъ грѣшныхъ трудилась, шелкову нитку вынимала, коверъ вышивала, р. Н. укрывала отъ великаго врага, отъ всякаго глаза,—отъ темнаго, отъ чернаго, отъ желтаго и отъ краснаго, отъ зеленаго и отъ сѣраго. — Подите притки-уроки въ чистыя поля, въ темныя лѣса, на окіанскія моря, за пень-колоду, за бѣлу березу, гдѣ люди не ходять, гдѣ птицы не летаютъ. Аминь“²⁾. (— Читается 3 раза, причемъ плюютъ себѣ подъ ногу).

„Шла Пресв. Бѣа, Божая Маты, здыбала та три брата.— „Куды йдешъ, Пресв. Бѣе, Б. Маты?“— Иду до порожденного, хр., мол., мыромъ помазаного Н.—прыстрить одмовляты.—Прыстрить и прыстритыще, прыча и прычыще, идвѣй и идвѣйище, перелякъ и перелячыще, вихоръ и вихрыще, бешыхо и бешыхыще,—зъ чого ты взялось, зъ чого зробылось?—Иду на роздорожье, тамъ на роздорожьи — гныла колода, — тамъ тоби бушоваты, а тутъ не буваты, жовтои кости не ломаты, червонои крови не пыты и билого тѣла не вѣлыты нарожденного, м., именованного Н. — Въ димъ не моя помичъ, а Самого Бога, не мій духъ, а Самои Матери Божои“³⁾).

¹⁾ „Кіевлянинъ“ (газета, издав. въ Кіевѣ) за 1866 годъ, № 24.

²⁾ „Записки Юрьевск. Сельско-Хозяйств. Общества“ за 1862 г., в. II (М. 1862 г.), с. 40.

³⁾ *E. Rubikowski*, „Zapiski etnograficzne z Ukrainy“ (въ „Zbiór Wiadom.“), III, с. 112—3. (Транскрипція).

„Стоить дубъ, на дубови — каминь, на камини — Божая Маты книгу чытас. Прыйшовъ до Неи Исусъ Хрыстось: „Маты моя! покынь книгу чытаты, ходимо прыстрита замовляты — раннишого, полуднёго, вечернёго и пивночного, витряного и водяного, подуманнаго и загаданнаго, зашытнаго, зайидяного, — тутъ тоби не стояты, жовтой кости не ломаты, червоной крови не псоваты, головы не клопотаты. — Иды соби на мхы, на болота, на муравськый шляхы, гдѣ сирывы вовкы не проходятъ“¹⁾.

„N. сремнѣ пламеница, ломеница, чи гу сремнѣ Свѣжта Мати Бугуродица иму каза: «Нидеі гу ломи, нидеі гу кѣрши, чи і крѣстьяну и миросану, Ристу Богу придадену. Иди ф пусу гори, дету слѣнци ни изгріава, дету гадини ни одьат. Там и свѣжта врачови и Кузман-Дамьан». — Аку е ут мѣш, да са пукни ф слабинити, аку е ут жинѣ, да са пукни и тѣа ф слабинити“²⁾.

— „Прес поле ми птиче лети. От крила му пресно млеко каше; та капе по дрѣвье, по каменье, та се каменье изпудаіа и дрѣвье узноснаа. От кого іе N. очи ванал; аку іе от жена боски и пукнали; аку іе от мома коси іо паднали. N. у дрѣкви отнесоіа, у престоле го турніа, от уроци му пребаіаа, та му се уроци растуриа“³⁾.

„Ишовъ святый Петро и Павелъ зъ Преч. Бѣю высокыхъ гиръ ворочаты, выызъ воды спускаты, зъ р. Б. урокивь-ирывовокъ зниматы — чоловичихъ й жиночыхъ, паробочихъ, дивочыхъ, дитячихъ, витряныхъ, водяныхъ, подуманныхъ и примовленныхъ, — зъ очей карыхъ, зъ очей сынихъ, зъ очей красныхъ, зъ очей билыхъ! — Вы зори-

¹⁾ E. Rulikowski, l. c., с. 112.

²⁾ „Сбори. за народни умотвор.“, VII, 146.

³⁾ Ib., III, 142. Ср. ib. XII, 143.

зорениці, божіи помішницї! я — реччю, а вы — помоччю“¹⁾.

„Въ имя Отца и Сына Св. Духа.—Преч. Маріе, М. Б., и зо всѣми свв. небесными силами! будѣте мнѣ на помочє—вроки излѣчити р. Б. Н.—заранишніи, полудешніи, вечерешніи, вчерашніи, мужейски и женски, дѣвическіи, младенческіи, материнскіи и чужіи, любовны, залежанній, застарѣлый. Не можете ся умножити, а ни плодити въ его тѣлѣ и въ составѣхъ, или въ главѣ, или въ жылахъ, але мусите ся ножемъ обрѣзовати и водою обмывати и огнемъ обжигати отъ всего тѣла его и отъ всѣхъ жылъ его, отъ всѣхъ костей его. Буди во здравіе р. Б. днесь и заутра, на вѣки вѣкомъ. Аминь“²⁾

„Въ имя... Духа. Пресв. М. Б. и вси свв.! станѣте мнѣ на помочи —вроки излѣчити р. Б. Н. — ’Становляю три девятій вроковъ р. Б. Н. въ его тѣлѣ, въ его главѣ, въ его мозгу, въ его ставохъ, въ его костехъ, и въ жылахъ и въ всѣхъ члонкахъ, три девятій вроковъ мужескихъ и женскихъ, хлопячихъ, дивическихъ, заранишнихъ, обѣднихъ полуденныхъ, вечернихъ, заспалыхъ, залежанныхъ, бѣлыхъ очій, сѣрыхъ очій, черныхъ очій, сивихъ очій, ненавистныхъ очій. — Духу Святыи! буди мнѣ на помочи, — раждени три девятій вроковъ въ р. Б. Н. моцію Божію и Преч. Матере Божей моцію и всѣми святыми небесными силами моцію — днесь и завсе и во вѣки вѣкомъ, аминь“³⁾.

„Ишовъ Исусъ Хрыстось черезъ трыдевать небесъ,— на святу землю ступае, уроки выелыкае одъ жовтои косты, одъ билого тила. Ишовъ І. Х. дорогою и ставъ изъ

1) А. Шишацкій-Илличъ, „О заговорахъ“ (въ Чернигов. Губ. Вѣдом.“ 1857 г., № 17, ч. неоф.). — Ср. — буквально — а) у Чубинскаго, „Труды“, I, с. 132 и б) П. Ефименко, „Сб. мпр. закл.“, М. 1877 г., с. 26 и 26—7.

2) А. Петровъ, „Угросусекіе заговоры и заклинанія начала XVIII вѣка“ (въ „Живой Стар.“ 1891 г., в. IV, с. 125—6).

3) П., 126.

золотою палыцею стричаты—ставь уроки збираты зь твоихъ плечей, зь твоихъ жовтыхъ костей новорожденного, м. р. Б. Н.“¹⁾

„Господу Богу помолюся и Преч. Матери поклонюся, и всимъ сыламъ небеснымъ и отцямъ Печерскимъ; стойте мени въ помочь свв. печерськи Антоній и Θεодосій и вси свв. печерськи, угодныкы Божіи, станьте мени въ помочь.—Иду я на золотый мисть. Стрела мене Господня Маты: «Буды ты йдемъ?»—Прыстриту топтаты молитвенному, х. р. Б. Н.—На сынему морю на камени вронь сыдыть, лапаны розгрибае, хвостомъ розмитае, одь хрещ. р. Б. всякый прыстрить одганяе“²⁾.

„Богъ надъ землею, Богъ подъ землею. Помылуй, Господы, рабу Н. одь усихъ бидь и напастей: одь скотны и одь жывотыны, одь чорного и одь билого глазу, одь червоного и оть сынего, — на всихъ межахъ и на всихъ рубижяхъ, на всихъ хрестахъ и на всихъ перехресткахъ. Сохрани Господи и помилуй р. Н. оть ковдуна и ковдуныци... одь мужыцького и одь жиноцького глазу, одь парубоцького и одь дивчачого“³⁾.

„Заря 'Рина, заря Кацарина, ранняя, вечерняя! Вода-водица, красная дзявица! упрашую, уговарую р. Б. Н. оть притчи, оть суроцы, скулы болючай, горючай, съ косьцей ломоты, зь живота сухоты, — упрашую не самъ собою — Господними словесами,— стань ты, Господзя, на помочь, ангалы—на пораду, а Пряч. Маци—помочи давади. — На синимъ мори алатырь-камень, на алат.-камни Пряч. Маць садз'бла, Исуса Христа ддержала, Ирданською

¹⁾ *Милорадовичъ*, „Народн. медиц. въ Луб. уѣздъ Полт. губ.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1900 г., кн. III, с. 384).

²⁾ *Чубинскій*, „Труды“, I, с. 135—6.

³⁾ *Ш. Ивановъ*, „Знахарство, шептаніе и заговоры въ Старобѣльск. и Куцяиск. у. Харьк. губ.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1885 г., дек., с. 735).

водою змывала, сцирала р. Б. Н. отъ притчи, отъ суроды, отъ худого, отъ лихого“¹⁾).

„Господзи баслови... А присиилось Богородзицѣ сонъ, гдѣ была прибыла во градѣ Ерусалимѣ и ў церкви соборной, — присниўся сонъ: Христа мудали, на купаресо древо распинали, буйву голову — обруцемъ, рядивó сердца — коньемъ, а Маць Прячисты родала, на зямлю слёзу ронила. — А хто судъ судіў? Святый Кузьма-Дземьянъ и Петръ и Павелъ. А куда слеза упала? — Усю землю прошла, ключеву воду дала. — А хто ту воду пьець — отъ Бога не забыть, у Христа не покинуть и на воги не сожженъ и водой не затопленъ, и гадомъ не заѣденъ. — А вы, притки, присухи отъ красныхъ дзѣвиць, отъ молодыхъ молодзиць, отъ вудалыхъ вудальцовъ, и ўси присухи, ўси влєнухи, ўси золотухи отвалицесь, откацицесь отъ буйной головы, отъ хребетной косыци, отъ жилъ, отъ нажилъ, и отъ мозогъ и отъ пяценокъ и отъ лещенокъ. — Не я пособляю, а Маць Прячистая Дзѣва — Ена басловляець, Ена помогаець. Аминь“²⁾).

„Басловъ Бжа! (3 раза). — Ёсь три царочки: первый царь — земляный, другій царь — ракувъ, третій царь — вовкувъ. — Якъ етымъ царочкамъ за столикомъ не сидѣць, хлѣба-соли не зьдаць, такъ етому чѣу уроцы не браць. — Не сама собою помагаюсь — св. Михайломъ-Рахайломъ, Божимъ угодничкомъ, помошничкомъ. Поможи, пособи!“³⁾).

„Маць Прєсв. Богородзице-Востошница! помоги и на помочь пристуи. — Водзица-царица, по ўсякому свѣту помошница. — Якъ жа ты смываешъ сырое коренья, сырое и бѣлое каменья, такъ жа и смой боль у р. Б. сярдешную, грудную, головную (— сарца унерадь за ўсяго

1) *Е. Романовъ*, „Бѣлорусск. сборникъ“, в. V, с. 150.

2) *Шейнъ*, „Матеріалы“, т. II, с. 532—3.

3) *Романовъ*, „Бѣлорусск. сборникъ“, в. V, с. 15.

зачинаетца отъ плоци—), косьцявую, жильную, и пожилъ-ную, и утробную, и ў рукахъ, и ў ногахъ. — Такъ жа вы, уроки прорекаюція, устрѣшныя, попарешныя, жалостныя, радосныя, заднія и погляднія — идзця вы на мхи, на болоты, на ниця лозы, дзѣ пявуцы не пяюць и дзѣ люди ня ходзюць. Тамъ вамъ курганы-погуляны, а надъ р. Б. нема споруганья во вѣки вѣкомъ. Аминь“¹⁾).

„Господу Богу помолимся, Пряч. Маці поклонимся. — И Маць Пряч., стань жа Ты на помочь и выговориць етыя сурѣцы и музскія и жепскія. — За горами и за полями ляжиць бѣлы камень; на т. к. сядзиць бѣлы лебедь безъ крылья и безъ перья. — Якъ етому лебедзю дзяцей не водзиць, такъ етымъ сурѣцымъ тугъ ня быць. — Заговарюю и замовляю пяць вокъ: одно карое, другое лрое, третьця щѣрое, чацьвертое бѣлое, пятое дзавоччье — сына N.“²⁾).

„Господу Богу напѣрадъ помолюся и ўсімъ святымъ поклонюся, святымъ святоцвамъ, усимъ годовымъ празьничкамъ, большимъ, меньшимъ, кіевскимъ, пачерськимъ, усимъ 'Русалимьскимъ, — станьтя мнѣ на помочь. Отцова молитва; мамкино порожденіе, Господне сотвореніе, батькипо-маткино благословенья. — Якъ ясному мѣсяцу изъ неба не сходить, такъ рабѣ Божаю тому лиха ня мѣть: и уроковъ и прироковъ — изъ жилъ, изъ пажилъ, изъ косьтей, изъ можжей, изъ усихъ печаней, изъ буйныя головы, изъ ясныхъ вочей, съ черныхъ зъ бровъ, зъ лица румянаго“³⁾).

„Ходзивъ Господзь по межахъ, збиравъ восьци мужчиньскія, жанокія, хлопяцкія, дзавочкія, коньскія, коровиччая, овеччія и собаччія, кошаччія и птушаччія. — Ъхавъ Сусъ X. на восливу, пріяжджавъ къ синяму мору, становивсь на бѣлымъ камяни. — Якъ бѣлъ камянь ничого не боитца, такъ р. Б. не бойся ни хромосьци, ни ломосьци,

1) Романовъ, „Бѣлорус. сборникъ“, в. V, с. 29—30.

2) Ib., 21.

3) Ib. 20.

ни злыхъ людей, ни проклятыхъ вочей, ни чародѣйника, ни ч—ицы, ни усякаго зла.—Спаси-помилуй св. вотча Микола, великій чудотвораць“ ¹⁾,

„Помяни Господзи царя Давыда и усю кротось яго, и великую памяць яго. Суддержавъ царь Д. воду и зямлю и наши грѣшныя души, суддержай р. Б. уроцы. Здрастуй, водзица-царица, красная дзявица, рѣка Н.—Кацिलाся водзица по днямъ, по ночамъ и вячернимъ зарямъ, змывала водзица бѣлое каменя, сѣрое каменя,—змый жа, водзица, уроцы р. Б. Н. зъ жилъ, съ пажилокъ, съ косьцей, зъ мозжей, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочъ. На синимъ мори, на лукоморьи, на вострови стоиць дубъ безъ сучковъ, безъ рожковъ, безъ вархушки, безъ макушки; на томъ дубу сидиць ястребъ безъ кокцей, безъ нокцей, и войстраго носа и быстраго крыльля. И якъ у етаго ястреба пема ни кокцей, ни нокцей, ни носа, ни крыльля, кабъ такъ у р. Н. уроцы не було.—А нехай уроцы хуваютца на мхи, на болота и ў гнилэя колоды. Тамъ имъ гулянья, буянья, а р. Н. не чепаць“ ²⁾.

„Помолимся Господу Богу, Прачистой Мацери, усимъ свв. апостоломъ, свв. святочкамъ, годовымъ празьничкамъ: устаньця у помочь и молиця Бога за насъ грѣшныхъ.—Ишла Маць Прач. по калиновомъ мосту, сярэбраной тросьщиной попіралася. Сустрэкая яе Самъ Господзь Богъ и съ Пятромъ съ Павломъ.—Куды йдзешъ, Маць Прачистая?—Иду къ р. Б. Н. уроки замовляць и заговариваць.—Тридзевяць уроковъ: якій ты урокъ?—Ци ты паньскій, ци цыганьскій, ци жидовскій, ци муциньскій, ци бабьскій, ци хлоноцкій, ци дзявоцкій, удовцовъ и удовинь, и ранній, повдзены и вячерній; ци заглядный, ци подзивный, ци приговорный.—Эй ты, урокъ, якій ты урокъ?—И шла рака крутыми берагами, жовтыми пясками. Якъ быстрой рацѣ не стояци, такъ етому р. Б. уроку не держади. Уняси ихъ, Господзи, на мхи, на болоты,

¹⁾ Романовъ, „Бѣлорус. сбор.“, в. V, с. 27.

²⁾ Ib., с. 145—6.

на ницья лозы; тамъ имъ побываць, тамъ имъ погуляць, а етому р. Б. повѣкъ вѣшний уроку не держаць“ ¹⁾.

„Пойду я р. Б. Н. благословясь и перекрестясь изъ избы въ избу, изъ воротъ въ ворота, подь часты звѣзды, подь свѣтель мѣсяць, на Кіянъ-море. На кіянѣ-морѣ, на златомъ престолѣ, сидитъ самъ Госнодь, крестомъ крестить, рукой градить отъ причища, отъ урочища, отъ озевища, отъ стрѣчища и поперечища. Какъ Госнодь укрѣпляетъ небо и землю, такъ р. Б. Н. (больного), укрѣплю отъ 12 болей, отъ 12 скорбей. Слово мой запираю 77 замками, 77 ключами. Всѣ ключи въ воду бросаються, всѣ боли унимаются. Аминь“ ²⁾.

— „Сжбраа са чудна офчаре

С чудии стада,

С чудни кози,

С чудни магарета,

С чудни котичи

Там намериа

С чудна трева.

Чудни офци,

Чудни магарета.

Чудна трева.

Грабниле са чудни мапари.

Заградила чудно тѣрло,

Направиа чудни кошари,

Там забраа чудно стада.

Чудни магарета, чудни ицета.

Издоиа чудно млеко,

Сжбраа го в чудни цедила,

Награбиа чудни манари,

Насекоа чудни криваци,

Надигнаа чудни цедила,

¹⁾ Романовъ, „Бѣлорусскій сборн.“, в. V, с. 13—14.

²⁾ Г. Верещинъ, „О народныхъ средствахъ врачеванія въ связи съ повѣрьями“ (въ „Этнограф. Обзор.“ 1898 г., кн. 3 (XXXVIII), с. 149.

С чудни офци,
 С чудни пцета,
 С чудни чжбри,
 Отидава в чудна гора.
 Чудпо ливагъе
 Там накараа
 Чудни кози
 Да си пасжт
 Отишле са чудни офчаре,
 Насекао чудно шжрое,
 Чудно тжрло, чудно гжрло.
 Чудни кошари, чудни буцаци.
 Чудни офци, чудни кози,
 Пренесоа чудни чжбри,
 Подсирна чудно сиренъе,
 Стапаа чудни офчари,
 Отидоа в чудна гора,
 Доідоа чудни офчаре,
 Турнаа ги на чудна рамжиња
 Занесоа ги в чудни цжрви, в чудни манастире.
 Тамо намериа
 Чудни попове, чудни дьяконе,
 Чудни цедила с чудно сирены.
 Чудни егумене, чудни калугере,
 Та расчетоа чудно сиренъе,
 Като неща по воду,
 Като моми по мжже.
 Чудни егуменъе, чудни калугере,
 Растурна чудни офчаре,
 Субраа са
 Чудни попове, чудни дьяконе,
 Като пра по вжду,
 Като лисъве по гора,
 —Така да се разнесжт

укорите от Н. да излезнут из глава, сжрце, плешки,
 мишке, крака, пети, очи, уста, нос, жокале и от свека
 става, па да идат у пуста гора телелеиска, дека пема ни-

какво дианне: нити вол да муча, нити бивол да мука, нити сврака да врека, нити петел да пеие, нити іагне да блеи, нити мечка да реви,—там има чесни трапези, сви-лени месалы, ведра кована, чаши сребарни, вино черве-но, бели лебове, печени іаганца, там да идете, там да іадете, там да пијете, а тука немате работа у N., че е кжрстено, миросаио и у цурква носено. Аіде, уроци, из-лезнете на N. из глава... свега става“¹⁾.

„Svatý, svatý, svatý pan Bůg zastupú! Uřkla-li tě panna, pomahej tě sv. Anna; uřkhu-li tě mladenec, po- mahej tě sv. Vavřinec: uřkla li tě žena, p. tě sv. Maj- dalena; uřknulo li tě dítě, pomahej mu svaty Vite“²⁾.

„Święta Zochfłjǎ trzy córecki miała: jedná pracka, drugá swǎcka—a trzecia po świecie chodzila — urzeki odcyniała. Odcyń ze panienecko i temu człowiekowi grzeš- nemu. Jeśliś pański urzek — wliś-ze pod warkoc, jeśliś kobiocy urzek— wliś-ze pod chustkę.— Zdrowaś Marya“ (3 паза)³⁾.

„Święta Otolija trzy córecki miała; jedna prała, druga haftowała, trzecia urzek odcyniała“⁴⁾.

„Falsche Augen, die dich sehn, sollen bald zu Grun- de gehn! Schlafen Vater, Mutter dein, sollst du still und ruhig sein! Wasche, wasche nnd gedeih', Gott nur, nie dem Teufel sei“⁵⁾.

„Ich beschwer dich mail. Pei dem warn und leben- digen und almaechtigen schnepper himmelreichs und erd- treichs und aller Wasser u. a. geschepfd die dar ynn sein.

1) „Сборн. за нар. умотв.“, XII, 142—3.

2) K. Erben, „Česká zařikadla v nemocch“ (въ „Časopis Musea království českého“, 1860, XXXIV), с. 58.

3) W. Siarkowski, „Materiały do etnografii ludu polskiego z oholic Kiele“ (въ „Zbiór Wiadom.“, III. Krakow. 1878, с. 51.

4) „Zb. Wiadom.“, т. IX. Kraków. 1889 г., с. 49.

5) H. Wlislöcki, „Volks Glaube u. religiöser Brauch d. Zi- geuner“, 1891 г., с. 71.

Und pei seinen ain geporn sun Jhesum Ch-m und pei dem heiligen geyst. daz du mail und aller smertz und wetag, diser augen verswindet und fuder gest. amen“¹⁾.

„Aber beschwer ich dich mail und aller wetag pei dem lebendigen Got + pei dem warn Got + p. d. heiligen Got + pei d. Got ellew dich auz nichte beschaffen bei seinem fron chraentz, pei der rainichait seiner liben muter sant Marien. daz du mayl foder gest und chainen schaden nicht entüst disem menschen, an seinen augen. Amen“²⁾.

„Herre Vater iesu christ enpfür diesem menschen ab seinen augen, allen seinen gepresten und allen seinen wetagen von aller seinnen finsterhait wann du mit aynem wort elli dinch wol getün macht. amen. amen“³⁾.

— „Le diable venait d’inventer le tonnerre. Le bon Dieu dit aux premiers hommes: ne craindre rien, chaque fois qu’il devra fonner, je vous prévendrai par un éclair; de sorte qu’en faisant un signe de croix, vous purrez conjurer ce mal nouveau. Voilà pourquoi depuis se temps tout bon chrétien se signe quand un éclair a lui“⁴⁾.

„Молюсь (3 р.) противъ сглазivanja. Издалека ли ты, не издалека ли ты, съ бѣлыми ли, съ черными ли глазами ты, съ красными ли глазами ты; какой бы ты вѣры ни былъ, самъ повреди своей головѣ!—Сдѣлай надъ этимъ благодатное знаменіе креста.—Того, кто повредитъ, пусть вѣчаетъ рѣвка съ ея бѣлыми камнями; пусть горячіе

¹⁾ A. Schönbach, „Segen“ (извлеч. изъ Мюнх. пергам.) въ „Zeitschr. f. deutsch. Alterthum u. d. Litteratur“, т. XXIV). Berlin. 1880 г. с. 66.

²⁾ Ib. 67.

³⁾ Ib.

⁴⁾ „Mélusine“ (Rec. de myth. lit. popul., tradit. et Usages). Paris, 1878, p. 369.

угли разгребуть на груди у твоего сердца!— Сдѣлай надъ этимъ благодатное знаменіе креста“¹⁾).

— „Мати Марія, бабушка Саломонія на пути-дорози стояла, Христа ниджидала, Христа Небесного, Сына любезного. Стали жида Христа роспинати, въ руки и ноги гвозди забивати. Изъ него кровь текла, якъ быстра рика. Приходили жоны муроносци и плакали, и ридали, его слезами обливали, и говорили: на кого ты насъ покидаешъ и оставляешъ?—Я васъ покидаю и оставляю на друга Христова Ивана Богослова!—Спаси и помилуй Н. отъ всякого дурного глазу, отъ воды-потона и одъ звиря ядущаго“. (Выливая оставшуюся воду подъ пятку дверей, добавляють): „Щобъ лихо такъ крутылось, якъ крутятся двери“²⁾).

„Божя Маты на престоли стояла, молитву читала, по всему свиту розсылала и всимъ православнымъ христіянамъ для помощи посылала.—Спасы, Господы, я помылуй отъ урокивъ нишнихъ и полуношнихъ, отъ вечернихъ, дешихъ и полуденныхъ.—Хрестомъ охрещаюся, х. ограждаюся, х. це горе проганяю. Одступыся ты, горе нерадывое, отъ четырехъ головъ храменныхъ... Тутъ есть домъ Божій. Тебе, горе, закльнаты живымъ Богомъ, ніякои пакосты не сдилаты р. Б. Н., на ёму Духъ Святъ спочивае, Тройця Свята просвищае.—Во имя Отца и Сына и Св. Д. Аминь.—Царыця Преблаженная, надежна Богородыця, пріятельще скорбяци радости, поможы, яко немощна навормы, яко странна беда ца разлушы; яко живольше, нема мими помочи ни отъ кого, якъ одъ Бога, Матери Спасителя небеснаго.—Господы Боже, милосердный, создай же ты, Господы, милость Божу на насъ гриш-

¹⁾ *Гулбіани* (свящ.), „Кр. очеркъ религ.-нравств. состоянія сванетовъ“ (въ „Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавказа“, в. X. Тифлисъ 1890 г., с. 90.—Переводъ со сванетскаго).

²⁾ *П. Иваиновъ*, „Знахарство, шепт. и заговоры“ (въ „Кіев. Стар.“ 1886 г., дек., с. 736).

ныхъ; возрадуй ты насъ, Гдѣ, праздничкомъ святымъ, краснымъ ячкомъ, годовымъ праздничкомъ, порадуй ты, Господы, р. Б. Н. здоровьемъ. Аминь“¹⁾.

„Стану я благословяся, пойду перекрестяся и выйду я за ворота и на всѣ 4 стороны, поклонюся и помолюся и попрошу я у Господа Бога добраго здоровья на сегоднѣшній день на р. Б. Н.— Гдѣ бы пташечка не летала, гдѣ бы гнѣзда не вила, тутъ бы скорби и боли полетѣли и утихали.—И просимъ у Господа Бога добраго здоровья у всѣхъ свв. ангеловъ, Михаила архангела и Илья пророка, Кузьмы-Демьяна, и прошу я васъ милости: и пособи́те, помогите. Ангель мой и сохрани́тель мой, и сохрани мою душу и сокрѣпи мое сердце, врагъ—отъ меня.— Есть надо мною Божій домъ, въ Б. дому Лука и Марко и за меня Богу молятся... Мати Марія, гдѣ она спала, пришли жи́ды пріатели, хочутъ истиннаго Христа унести, хочутъ ему руки и ноги распя́ти, тростью голову прошибати, св. кровь пропускати.— Кто это будетъ знати, трои въ день перебирати—отъ судьи судящаго, отъ молоньи палящаго, отъ грома гремящаго, отъ змѣи жало́чія Н. р. Б., не держались бы у него ни скорби и ни боли не держались бы у него, какъ бы рѣченька бѣжала, ни песками, ни кореньями, ни каменьями не держались... Не ты ну́жаешься и полошишься, а скорби и боли полошатся и ну́жаются.“ (Чтобы самому не расслабѣть отъ наговора, добавляють), „Утренняя Марія, полуденная Маремьяна, утреняя Ульяна, — этими словами какъ замкомъ запрешь себя“²⁾.

„Господи Бо́же нашъ; царю вѣковъ вседржители, и всесилве, сотвориви вслческаа и устройви единимъ хотѣвиемъ иже седмерицею ражженую печь пламень юже въ вавулонѣ во хладъ преложивви, отроки цели сохрани-

1) „Харьк. сборникъ“, в. VIII, X. 1894 г. („Матер. для этногр. изуч. Харьк. губ.“), с. 194.

2) П. Богавскій, „Замѣтки о народной медицинѣ“ (въ „Этногр. Обзорніи“, в. I. М. 1889 г.), с. 102—3).

вши: врачу и исцелителю душъ нашихъ и покровителю на та надѣющимъ сѧ и тебѣ молимся претвори и прогони всѧкое діаволское дѣйство и всякое сатанинское начинаніе и всякое прихотѣніе и придѣйство и желаніе похотное, и вредъ очесъ призора снишедшее ѿ злодѣевъ и лукавыхъ челоуѣковъ ѿ жени ѿ раба твоего има рек: Ты самъ владико челоуѣколюбче, прости руку твою державную и мищцу твою крѣпкую и посѣщающа посѣти созданіе твое сіе и ниспосли ему ангела мирна державна, души и тѣлу хранителя, яко (да) запретить и ѿжеветъ ѿ него всѧкїи злодѣйственни свѣтъ, всѧкїи узъ и призоръ ѿ пакостотворнихъ и завистлихъ челоуѣковъ дѣемое; яко да ѿ тебе цѣлъ и здравъ соблюдаемъ со благодареніемъ поеть тебѣ: Господь помощникъ и не убоюся что сотворить мнѣ челоуѣкъ и паки неубоюся сла яко ты со мною еси. Яко ты еси Богъ державы моя крѣпкїи властитель, начальникъ міра, отецъ будущаго вѣка. Еи Господи возглаголи рабу твоему има рекъ и ѿрѣши съ него всякїи вредъ и огнь ѿ очесъ призора бывши и преждедеченна всѧ злыя вещи сохрани молитвами преблагословенна и славна владычицы нашея Бѣы и приснодѣвы Марїи и свѣтовидныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ. Аминь“¹⁾.

„Ποῦ πᾶς φθαρμέ, ποῦ πᾶς κατέ, ποῦ πᾶς κακαποδεμένε; φύγε ἀπο τὰς 72, φκεβας τοῦ παιδίου μου καὶ ἄμε (?) στά ὄρη, στά βουνα, ποῦ πετεεινός δέν κράζει καὶ σκύλος δέν γαυγάζει νὰ ὄρης τ' ἄγριο φεριο νὰ πιῆς ἀπ' τὸ αἷμα τον: νὰ φας ἀπ' τὸ κρέας τον (χασμαριέται). ἐλοῦσθηκ' ἢ κουρά μὰς ἢ παναγιά ατενησθήκε καὶ στο θρονὶ τῆς κάθεσε καὶ περᾶσασ' οἱ ἀγγελοι, κ'ι ἀρχάγγελοι καὶ φθαρμισασι τῆν (χασμαριέται). καὶ πάγει ἀφέντης ὁ Χρισθός καὶ τῆς λεγει ἦν τάχης μάνα, ἦν τ. μητέρα; ἐλοῦσθηκα παιδιμον χτενίσθηκα καὶ στὸ θρονὶ μου κάθισα, καὶ περᾶσασ' οἱ ἀγγελοι καὶ ἀρχάγγελοι καὶ φθαρμισασι με

¹⁾ М. Милићевѣћ, „Живот срба селѧака“ (въ „Гласник српског ученог друштва“, кн. V, свеска XXII). У Београду, 1867 г., с. 181—2. — Найдено въ книгахъ „цркви конатичкој“.

(ασμαριέται). καλὲ μάνα, καλὲ μητέρα δὲν εὑρεθηκε χριστιανὸς ἀγιασμένος καὶ τὴν ἀγία Πέφτη λουτουρημένος, νὰ παρ' ἀλάτσι ἀπ' τὴν ἀλική ἢ τρία φυλλ' ἀπ' τὴν ἐλιά καὶ νὰ πῆ μιά φορά το Πάτηρ ἡμῶν, δύο φορές τὸ Πατηρ ἡμῶν“¹⁾.

На заговорахъ, близкихъ по формѣ къ молитвѣ церковной, сохранявшихся нѣкоторое время въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, а также на заговорахъ—молитвахъ апокрифическаго характера, останавливаться не буду; ограничусь лишь приведеніемъ двухъ образцовъ этого рода изъ цитированной выше книги г. Алмазова „Врачевальныя молитвы“:

„Ὡ все бывша печана и прибѣгающа к тебѣ оутѣ бже истины единочады твой гмь ѱшӣ ісӯ хмь свѣто̄ немечающӣ его посла еси в мирь про вѣтӣ сумрачныя тмы лютыя ѿ всяко̄ одержанія зла споводити. ты моли гӣ призри на раба твое̄ імк. приходяща к тебѣ одръ̄ ма̄ болѣзнію̄ ѿчию, и ѿсенена̄ мрако̄ темны̄ просвѣтӣ влко̄ свѣто̄ твой истины̄, і повѣлӣ аггӯ свѣтлӯ хранителю̄ дшӣ и тѣлӯ соблюстӣ свѣ̄ ѿчию̄ его. бе̄ всяко̄ вреда и свѣ̄ зрака̄ е̄ исцѣлӣ ѿ одръ̄жащя̄ болѣзни. да во свѣте̄ живыӣ и хвалӯ тебѣ̄ воза̄етъ̄ оѿо̄ν і с̄но̄ν и с̄тмӯ дх̄о̄у і пр̄но̄“²⁾.

„Ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός ἀπέστειλε τοὺς ἐπτὰ παιδας, βαστάζων τὰ χρυσᾶ καὶ ἀργυρᾶ πελέκια καὶ μαχαίρας ἡκονημένας, ἵνα κέψουσιν τὸ λεύκωμα, τὸ αἷμα καὶ τὴν αἱματίζηλαν, τὴν σκοτίαν, τὴν ἀράχνην καὶ τὸν πόνον τῶν οφθαλμῶν καὶ τὸ δάκρυον, καὶ τούτων ἀπερχομένων ἐπεφοίτησεν αὐτὸν ὁ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ καὶ ἐρώτησε αὐτοὺς, λέγων· που ὑπάγετε οἱ ἐπτὰ παιδες βαστάζων τὰ χρυσᾶ καὶ ἀργυρᾶ πελέκια καὶ μαχαίρας ἡκονημέ-

1) С. Wachsmuth, „Das alte Griechenland in neuem“. Bonn. 1864 г. (Современный заговоръ отъ дурного глаза, читанный старухами на о-вѣ Критѣ).

2) Алмазовъ. Op. cit., с. 114.—По Требнику, рки. XVI в., Сербской библ., № 1101, л. 236 об.—237 об. (Общія замѣчанія о молитвахъ этого рода см. у него же на стр. 49—51).

νας· οἱ δὲ εἶπον αὐτῷ· Κύριε, ἡμεῖς ὑπάγομεν εἰς τὸν δούλον τοῦ θεοῦ (ὁ δεινας), ἵνα κέψωμεν αὐτοῦ τὸ αἷμα...
 ...καὶ τὸ δάκρυον· καὶ ἀνταπεκρίθη, ὁ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ καὶ λέγει αὐτοῖς· ὑπάγετε, εἶπατε τῷ νοσοῦντι· ἐν ἡμέρᾳ εἴ· εἴτε σαββάτῳ ἄρξάτε ποιῶντες τὸν τύπον τοῦ τιμίου σταυροῦ, λέγων τὴν εὐχὴν ταύτην. — Ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς λογχιάν ἔλαβεν εἰς τὴν πλευράν αὐτοῦ καὶ οὐκ ἐπόνεσεν καὶ οὐκ ἐτραυμάτισεν καὶ οὐκ ἐπυρόμασεν, οὔτε κακόν εἰς τὴν πληγὴν αὐτοῦ οὐδὲ τὸν ἐπῆρθεν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ (ὁ δεινας) μήτε αἷμα κρατήσωσιν, μὴ αἱματζήλαν, μὴ σκοτίαν, μὴ ἀράχνην, μὴ λεόκωμα, μὴ ἄλλον κακόν. Εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος. Ἄμην. — Διὰ πρεσβειῶν τῆς Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας, τῶν ἁγίων ἐυδδέξιον καὶ πανευφρόμων αποστόλων καὶ τοῦ ἁγίου καὶ θαυματουργοῦ Ἑρμολάου καὶ τοῦ ἁγίου ἱερομαρτυροῦ τοῦ Κυπριανοῦ (?) καὶ πάντων τῶν ἁγίων. Ἄμην. (Πρῶτα λέγε το Πάτερ ἡμῶν φoras γ'. ἀνατέλλογτος τοῦ ἡλίου κατα ανατολᾶς ποιῶντας τὸν τύπον τοῦ τιμίου σταυροῦ, καὶ διὰ τοῦ θεοῦ χάριτος ἴσται" ¹⁾).

— Въ заключеніи этой главы приведу нѣсколько мелкихъ заговоровъ, стоящихъ особнякомъ, иногда близкихъ къ поговоркѣ.

„На бѣломъ мори бѣлый камень лежитъ; на томъ камнѣ двѣ бабки живутъ, яны ни шьютъ, ни вышиваютъ, отъ суроцы помощи давають. Дай, Боже, на помощь N. ²⁾).

„Ишло 2 бабы по воду съ двумя глеками; глеки побились, ураки минулись и яко маково зерно откатились отъ р. Б. N... И кто уреть, и той утѣкъ“ ³⁾).

¹⁾ Ib., 115—6. — (По Сборнику, рки. XVI в., Ватиканской библи., № 1538, ф. 13—15).

²⁾ Э. Вольтеръ, „Литовскія легенды“ (въ „Этногр. Обзор.“, кн. VI, с. 201.—Ср. буквально — въ „Могилевск. Губ. Вѣдом.“, 1800 г., № 46.

³⁾ „Малорусскія суевѣрія...“ (Рукопись А. И. Чепы) — въ „К. Стар. 1892 г., янв., с. 126.

„Избави, Господи, отъ сѣраго глаза, отъ бѣлаго и
чернаго глаза, отъ разноглазаго, отъ всякаго зла. Аминь“ ¹⁾.

„Eccittini, affascinu futtu,—

Ca chissu é luoco bruttu,—

Ca bhissu pirecciddu—

E assai bruttariddu“ ²⁾.

— „Господи, Исусе Христе Сыне Божій, помилуй
насъ. Помилуй мя, Владыко, отъ 40 языковъ, отъ ты-
сячи глазъ, отъ женсваго, отъ мужескаго полу, отъ дѣв-
ки отъ простоволоски, Гди І. Х. С. Б. п. насъ. Аминь“ ³⁾.

— „Кака родила, та тибѣ и отходила рожденнаго,
крещеннаго N. Тутъ тебѣ не стоять, червонной крови не
пить и рожденной и молитвеной“ ⁴⁾.

— „Якая мати породила, такая и отходила“ ⁵⁾.

— „Лежала собака середъ дороги, роскыдала чотыри
ноги, пятый хвистъ, шоста голова,—нехай тоби Богъ по-
мога“ ⁶⁾.

— „Иди, больо, и у гору, и уводу, у високе висиие,
у дубоке дубине, где певац не пева, где кока не ко-
коће“ ⁷⁾.

— „Урокъ седи на столици, урочица под столицом;

¹⁾ *Е. Якушкинъ*, „Молитвы и заговоры“ („Тр. Яросл. Г. С. К.“, в. V, с. 162).

²⁾ *Th. Trede*, „Das Heidenthum in der römischen Kirche“. Т. II. Gotha. 1890 г., с. 247. (Въ переводѣ съ калабрійскаго діалекта. „Уходи, всякое колдовство, п. ч. это мѣсто вѣдь ненавистно и это дитя достаточно ненавистно“).

³⁾ „Записки Юрьевск. Сельск. Хоз. Общества“, в. II за 1862 г. М. 1862 г., с. 40.

⁴⁾ *С. Брайлоскій*, „Способъ лѣченія отъ сглазу“ (въ Азовѣ) — (въ „Жив. Стар.“ 1891 г., в. III, с. 224).

⁵⁾ *П. Ивановъ*, „Знах. и шепт.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1885, дек., с. 734).

⁶⁾ *Ив.*, с. 735.

⁷⁾ *М. Милићевичъ*, „Живот срба сѣлака“ (Гласник српског ученог друштва, кн. V св. XXII). У Београду. 1867 г., с. 179.

урок уриче, урочица одриче. Бежи, уроче, у гору, у воду; ту ти место није“ ¹⁾).

— „Бела тица тичаше, бело млеко пушташе, на бело камење капаше; нукле му очи на плочи ко Н. урочи“ ²⁾).

— „Урокъ седи над прагом, урочица под прагом. Што урок урече, урочица одрече. Сјер ми ти у очи, а вештица у срце“ ³⁾).

— „Страва оде у гору и у воду! Што си га уплашило, идиђи намъ на видело“ ⁴⁾).

— „Од црна ока, од плава ока: урок седи на прагу, урочица подъ прагом. Нит урок чуе, нити урочица види“ ⁵⁾).

— „Излела е змија
Уд ёворову (=яворово) корење,
Ут скъянувиту (=стѣновито) камење:
С едно оку вољану (=водено),
С другу оку огњану;
Цукна са са вољану,
Угаси огњану“ ⁶⁾).

— „Арачишна, барачишна, да му пукнит две очишта, коі тебе убарачија“ ⁷⁾).

— „Черна крвава
Черно теле отелила.
Сама го отелила,
Сама го олизала
Сама му я лек дала“ ⁸⁾).

¹⁾ М. Милићевих, *Op. cit.*, с. 180.

²⁾ *Ib.*, 181.

³⁾ *Ib.* (кн. 37, 1873 г.), с. 147.

⁴⁾ *Ib.*

⁵⁾ *Ib.*, с. 148.

⁶⁾ „Сборник за народни умотворения...“ I, с. 90.

⁷⁾ *Ib.*, II, с. 173.

⁸⁾ *Ib.*, IV, с. 97. — Ср. тамъ же. кн. VII, с. 146.

— „Сиви очи мелезъани,
Да испукат, да истръаскат,
Църни очи мелезъани
Да испукат да испржскаат,
Чи е мжка на чолъака“ ¹⁾.

— „Сви се змиа на средорек:
С едно око водено, с едно огнено;
Прена се водено, угаси огнено“ ²⁾.

— „Вран (=врагъ, дяволъ) фжрчи по небото,
Бранъ (=бранителъ, ангелъ) седи на коминъа,
Брани душа и тело,
Да не иде N. безредна“ ³⁾.

— „Мишка ходи по полица,
Тиква носы на гжзицы.
Какъ ја виде сичко село,
Изукая, испукая,
Петко уруци го не фанжа“ ⁴⁾.

— „Дви змии:
Едната огнена, другата воднена.
Пукна са воднена, изгасна огнена.
Как ги виде сичко село,
Изукая, испукая,
Петко уруци го не фанжа“ ⁵⁾.

„Діадо оди по гръадица, тиква носи на брадица, па-
дна тиква от брадица—распускнася. Да са пукнат іо-
чите, които поглед нал N., като біал камен на планина“ ⁶⁾.

1) „Сборник за народни умотворения“, кн. IV, с. 108.

2) Ів., V, 120.

3) Ів., V, 116.

4) Ів., XII, 149.

5) Ів.

6) Ів., 152. — Еще около десятка подобныхъ мелкихъ за-
говорныхъ разбрсано на с. 149—152.

При этихъ заговорахъ, кромѣ обычнаго и почти исключительно употребляемаго въ другихъ взбрызгиванія водой, примѣняется слизываніе, подеуриваніе, смачиваніе слюной и др. приемы.

ГЛАВА 3-я.

Заговоры отъ крови.

Нѣсколько особаго вида этотъ рядъ заговоровъ: здѣсь обращенія къ крови, какъ живому существу, сравнительно рѣдки; чаще силою слова, — обыкновенно при помощи параллели, сравненія, — пытаются унять кровь, заставить рану закрыться; позже, не довѣряя силѣ своего слова, потерявъ вѣру въ него, какъ равнозначное дѣлу, обращаются къ инымъ силамъ — природы и божественнымъ — съ просьбой остановить, задержать кровь, какъ вещество (изрѣдка еще съ намеками на существо).

Въ послѣднее время, — уже черезъ научныя воздѣйствія, — снова приобрѣтаетъ силу вѣра въ могущество слова, въ его способность остановить кровотеченіе или не позволить ему появляться при наличности причинъ, обыкновенно вызывающихъ его.

Такъ, напр., проф. В. Чижевскій говоритъ: „Распространенная вѣра въ возможность остановить кровь нашептываніемъ или колдовствомъ, можетъ быть, и имѣетъ разумное основаніе: нельзя отрицать, что подъ вліяніемъ психическихъ причинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ кровотеченіе можетъ остановиться. Я самъ видѣлъ опыты Дельфеба, внушавшаго загипнотизированнымъ, что разрывъ но-

жомъ не вызоветь ни боли, ни кровотеченія, и дѣйстви-
тельно изъ ранъ не было кровотеченія, и загнипнотизиро-
ванные не чувствовали боли. Конечно, разрывы были не-
большіе. Несомнѣнно, что у нѣкоторыхъ истеричекъ при
глубокихъ уколахъ и даже разрывахъ не бываетъ ни ка-
пли крови“¹⁾).

Въ матеріалѣ, мнѣ извѣстномъ, образцовъ древнѣй-
шаго по типу, по приѣмамъ мысли, вида заговоровъ, —
гдѣ къ крови обращаются, какъ къ живому существу,
просятъ ее пощадить больного, приглашаютъ переселить-
ся въ другое жилище, встрѣтилось немного.

„Кроу-кровушка, перестань цечы! Будзешъ у здоро-
вумъ цѣлѣ и у жылахъ жици и разомъ Бога хвалици;
а коль не перестанешъ цечы да съ цѣла ици, то цebbъ
не будуць обсарвоваци, але собаки будуць лизаци. Го-
дзи жъ табѣ ици, ици годзи, бо у гэтаго человекъка, хво-
рого, посоловѣли очи, да помлѣли руки, ноги“²⁾).

Приложивъ къ больному мѣсту сокъ болиголовы,
смѣшанный съ бобовой мукою, вѣшаютъ эту смѣсь съ
впитавшейся въ нее кровью на дерево и говорятъ:

„Böser, geh' du in den roten Wald, in d. r. Walde
ist ein rotes Haus; in d. r. H. wohnt ein roter Mashur-
dalo; d. r. M. hat ein rotes Ross, d. r. R. hat einen ro-
ten Schweif; geh und wohne im roten Schweif“³⁾).

Въ нижеслѣдующихъ заговорахъ обращеніе къ кро-
ви—внѣшняя форма, не связанная тѣсно съ дальнѣйшимъ
содержаніемъ заговора, цѣлящая сила коего опирается на
другія основанія.

„Blut, du sollst stille stan,
Wie das wasser im Jordan,
Da unser Herr Christus ist in getauft.

¹⁾ Чижъ, „Тургеневъ, какъ психонатологъ“, с. 770—1.

²⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, 540.

³⁾ Wlislöcki, „Volksglaube... Zigeuner“, с. 176.

Wart, du sollst nicht bluten oder schwären,
Bis Maria den zweiten Soln wird gebären.

Im Namen...“¹⁾

„Blut stehe stille. Denke, das ist Gottes Wille; halte feste, wie ein Stein, das alles möge beisammen sein“²⁾.

„Ich sage dir, Blut, stehe still, es ist Maria ihr Will, es ist Maria ihr Begehr. Seh du mir nun und immer. Im Namen...“³⁾.

„Ich peschwer dich, plut, pey den Vater und p. d. Sun u. p. d. heiligen Gaist das du nicht fliessest, alz der Jordan flos, da Christus inne getauft Wart“⁴⁾.

„Sta, sanguis, in te + sicut Jesus stetit in se. + Sta, sanguis, in tua + sicut Jesus stetit in sua + Sta, sanguis infixus, sicut Jesus s. crucifixus“⁵⁾.

„Jo ti comando, sangue, da parte di Giesu Christo, che venne in crocie, che tu stea fermo nella vena tua, come istette Giesu Christo nella fede sua. Amen“⁶⁾.

Встрѣтимся и ниже нѣскольکو разъ со словомъ „кровь“ въ звательномъ надежѣ, этимъ намекомъ на былую силу и знаменательность.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ міропониманія кровь — большею частью безъ яснаго указанія, существо ли это или вещество,—пытаются унять словеснымъ воздѣйствіемъ на нее, сопоставленіемъ съ такими предметами и явленіями, гдѣ появленіе крови невозможно.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому разряду, приведу заговоръ, стоящій особнякомъ, гдѣ „лютая“ кровь отлична отъ обыкновенной и въ видѣ особаго вещества можетъ быть изъята изъ тѣла.

„На синѣму морю лютый змій реве.—Чого ты, л. з.,

1) *Bartsch*, „Sagen, Märchen...“, с. 375.

2) *Prahn*, „Glaube u. Branch...“, с. 195.

3) *Müllenhof, K.*, „Segen, Märchen“, с. 511.

4) *Zingerle*, „Segen u. Heilmittel“, с. 315.

5) *Ibid.*

6) *Веселовскій*, „Замѣтки и сомнѣнія“, с. 282.

ревешь?—Бо нема мени чимъ дитей годуваты.—Иды, лю-
тый змѣю, у Н. двирь, визьмы одь р. Б. Н., молитвено-
го и хрещеного люту кровь, и будешь маты, чимъ дитей
годуваты“¹⁾).

Перехожу къ заговорамъ-сопоставленіямъ, куда по-
степенно вылетаются элементы молитвенные, христіанскіе,
церковные.

„Дернь дерись, земля крѣпись, а ты, кровь, у р. Б.
Н. уймись“²⁾).

„Ишла чорна корова чиразь ровь, ишла да стала,
кровь ити перастала“³⁾).

„Ишла костяна баба съ камяной горы, съ камяною
дѣйницею до костяной коровы. Колы съ камяной коровы
молоко потече, тодѣ р. Б. Н. кровь потече“⁴⁾).

(Наклонившись надъ камнемъ): „Изь-пидь каменной
горы выйшла каменная дивка въ камяну дѣйницу камя-
ну корову доѣты. Такъ якъ зъ каменной коровы молоко
потече, такъ щобъ у Н. кровь потекла“⁵⁾).

„Иде дивка на гору, та несе глекъ воды, тай стала.
Дай, Боже, моему нарощеному, молитв., хрещ., щобъ
кровь стала“⁶⁾).

„Ишла баба камяна камянымъ мостомъ, зъ камя-
нымъ цинкомъ, зъ к. глекомъ; въ тому глеку вода роз-
дылась, рожденному, хрещ. р. Б. Н. кровь унялась“⁷⁾).

„На Оліанской гори тамъ стоявъ колодязь каминный;
туды ишла дивчина каминна, к—и видра, к—ѣ коромн-
сель, к—а коса, к—а она вся. Колы она зъ видти воду
прынесе, тогда нехай зъ рожденного, хрещ. р. Б. Н. кровь
потече“⁸⁾).

1) Чубинскій, „Труды“, I, с. 140.

2) Забылинъ, „Русскій народъ“, с. 290.

3) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 69.

4) Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 13.

5) Комаровъ, „Новая збирка“, с. 110.

6) Иващенко, „Шептанія“, с. 178.

7) Коваленко, „О нар. мед. млр.“, с. 178.

8) Rehoť, „Lidová léčba“, с. 296 (транскрибировано).

„Ишовъ каменный чоловѣкъ черезъ каменный мистъ и нись каменный ципокъ, та спиткнудся на тыць, и ты, кровь, стань каменемъ тыць“ (3×9 разъ)¹⁾.

„Летить воронъ черезъ черное море, несетъ нитку-шелковинку, ты, нитка, оборвись, а ты, кровь, уймись“²⁾.

„На мори, на 'кїяни, на вострови на буяни, стоиць дубъ, на томъ дубу дванадцать кокотовъ, на тыхъ коко-тахъ нитка. А ты, нитка, уворвись, у р. Б. кровь увой-мись“³⁾.

„Летивъ орель зъ чорного моря и нись руно зъ чер-воной вовны нарожденому, мол. и хрещ. N. заткнутъ кро-ваве джерело“⁴⁾.

„Ляциць змїя зъ дванандци гылывами, зъ войстры-ми носами, — цюркнула у камень. Якъ съ камня кровь не капець, кабъ изъ руки ня канула“⁵⁾.

„Ишло три калѣчечки черезъ три рѣчечки. Якъ тѣмъ калѣчечкамъ той воды не носити и не пити, такъ бы те-бѣ, крове, нейти у сего р. Б. N.“ (9 разъ)⁶⁾.

„Ишли калики черезъ тры рики и лозы рубалы: ру-жу сіялы, а розу витгыналы. Якъ тая роза не принялась, такъ и ты, кровь, не зъявляйся, угамуйся у хрещеного. молитв. и на имя нареченного“⁷⁾.

„На неби два цары, на земли два паны спчуться, рубаються,—водяни рики плывуть“⁸⁾.

„Бхалъ челоувѣкъ старъ, подъ нимъ конь каръ, по рытвинамъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты мать-руда жильная, тѣлесная, остановись, назадъ воротись. Старъ челоувѣкъ тебя зазираеть, на покой согрѣваеть.

1) *Иващенко*, „Шептанія“, с. 179.

2) *Забѣлинъ*, „Русскій народъ“, с. 291.

3) *Романовъ*, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 68.

4) *Манжура*, „Сказки“, с. 150.

5) *Чена*, „Малорус. суевѣрія“, с. 125.

6) *Чубинскій*, „Труды“, I, с. 140.

7) *Иб.*, 127.

8) *Руликовскій*, „Mater. do etnogr. Małor.“, с. 112 (тран-скрибировано).

Какъ коню его воды не стало, такъ бы тебѣ, руда-мать не бывало. Слово мое крѣпко“¹⁾.

„Иде чоловікъ рудѣй, вѣнь рудѣй, узда руда, удила руди, сидло руде, стримена руди, подируга руда. И ты, руда, стій, не иды туда“ (9 разъ не переводя духу)²⁾.

„Було соби красне море. Нихавъ чоловікъ краснымъ возомъ, красными возама, красни колеса, красне ярмо, красна вѣя, красни прытыкы, красне море рубаты, хрещ., нарожд., молитв. N. кровь замовляты“³⁾.

„Стану благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, изъ заворъ въ завора. Выйду въ чистоё полѣ: встрицу несуть мертво, рѣжутъ ножами, сѣкутъ топорами и пилятъ пилами, — кровь не текѣтъ, не кашнетъ. Такъ у сія р. N. кровь не текла и не канула чтобъ во вѣки вѣковъ. Аминь“⁴⁾.

„Лягу благословясь, стану перекрестясь; выйду въ чистоё поле, — ѣдетъ изъ ч. поля богатырь, везетъ вострую саблю на плечѣ, сѣчетъ и рубитъ онъ по мертвому тѣлу, — не тече не кровь, ни руда изъ энтова тѣла“⁵⁾. (Вторая половина сравненія не договорена).

„Шли плотнички-работнички зъ острыми топорами, кол(ол)и каменя, — зъ-подъ каменя кроу не канула черной волной. Кровь замыкаю и кого заговориваю, р. Б. N., прости и благослови“⁶⁾.

„На морѣ на окіянѣ лежитъ камень Алатырь; на томъ к—в Алатырѣ есть два орла орловича, два брата родные, — они рубятся, сѣкутся острыми саблями; про-

1) Чубинскій „Труды“, I, 127 (ср. у Ефименко, „Сборн. мдр. закл.“, с. 214 (№ 74).

2) „Матеріалы Предварит. Комитета по устр. XII Археологическаго Съѣзда“ (хуторъ Нижній-соленый, Купянск. у., Харьк. г.).

3) Комаровъ, „Новая збирка“, с. 109—110.

4) Колосовъ, „Замѣтки“, с. 183.

5) Забылинъ, „Русскій народъ“, с. 290.

6) Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 569.

между ихъ ни руды ни крови, ни щепоты, ни ломоты. Такъ бы у р. Н. не было ни руды, ни крови, ни щепоты, ни ломоты“ (3 раза) ¹⁾.

„Встану я благословясь, лягу я перекрестясь и лягу въ чистое поле, во зеленое, стану благословясь... помо- рье, погляжу на восточную сторону: съ правой, съ вос- точной стороны летять три врана, три брата, несутъ трои золоты влючи, трои золоты заечи. Запирали они, замы- кали они воды и рѣки и синія моря, влючи и родники; заперли они, замкнули они раны кровавыя, кровь горю- чую. Какъ изъ неба синяго дождь не канеть, такъ бы у р. Б. Н. кровь не канула. Аминь“ ²⁾.

„Два брата, Лука да Марко, рѣзались ножами да ру- бились топорами; между ними ни крови, ни руды. Какъ изъ камня воды, такъ бы изъ меня р. Б. Н. не текла кровь. Аминь“ ³⁾.

„Приду я р. Б. Н. въ чистое поле, въ ч. полѣ тер- новъ кустъ, подѣ т. к. змій, и азъ змія пересѣку и скла- ду тѣло съ тѣломъ, суставъ съ с—мъ, жилу съ ж—ю, у р. Б. Н. Сколь я переговорилъ борзо тѣ слова, столь бы борзо и скоро перепалась кровь горячая у р. Б. Н. отъ юности и отъ сердца, отъ кости и отъ всякія силы сердечныя, во вѣки вѣковъ. Аминь“ ⁴⁾.

„Отче благослови! Есть гора едонская, лютый змѣй повѣдаеть (?). На холмахъ дерево упало на землю, не ка- нуло ни крови, ни пѣны, такъ же бы у молитвен. у р. Б. Н. не кануло ни крови, ни пѣны, ни ушиной, ни ма- котной. Стань ты, рана, вся въ игольные уши. Аминь“ ⁵⁾.

„Blut, stehe still, still, still, wie der ungerechte Mül- ler am Abend will. Im Namen“ ⁶⁾.

¹⁾ *Тихонравовъ*. „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, с. 78.

²⁾ *Даль*, „О повѣр., суев.“, с. 36.

³⁾ *Якушкинъ*, „Молитвы и заговоры“, с. 164.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Ib.*

⁶⁾ *Kuhn*, „Sagen, Gebräuche“, II, 197.

„Bei einem Brunnen stand eine Blume, sie hat geblühet, sie blühet nicht mehr- und dieses Blut blutet auch nicht mehr“ ¹⁾).

„Es stehen drei Bäumchen süssen für einer lieber frau Füssen; eine tret den Muth, die andere die Glut, die dritte die stillt das Blut. Im Namen“ ²⁾).

„Ich ging durch eine Gasse, da fand ich Blut und Wasser. Das Blut das thu ich schliesse, das Wasser lass ich fliesse. Im Namen“ ³⁾).

„Zu Kerusalem stedt' en Baum, der hold drei behre, eene heest Zobb, die anner Kobb, die anner Bludsdrobb. Blut du solld steh'n. Im Namen“ ⁴⁾).

„Selig ist der Tag, s. i. die Stunde, s. i. die Wunde, selig, was ich sag. Du sollst nicht bluten, nicht schwären, nicht wehe thun, nicht zehren“ ⁵⁾).

„Ich ging über eine Brücke, worunter drei Ströme liefen: der erste hies Gut, d. zweite hies Blut, d. dritte h. Eipipperjahn. Blut, du sollst stille stahn. Im Namen“ ⁶⁾).

Перехожу къ заговорамъ, гдѣ исподволь, сначала внѣшне, въ запѣвѣ, а потомъ и въ сущность вплетаются церковныя, христіанскіе элементы.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.— Дернъ дернѣть, земля твердѣть, отъ дерна и земли нѣтъ ни крови, ни руды, ни щипоты, ни ломоты и ни болѣзни, тожъ и у р. Б. Н. не было бы крови, ни руды, ни щ—ы, ни л—ы и ни болѣзни изъ 70 суставовъ и изъ 3 суставовъ, станovýchъ костей, изъ-подъ пятныхъ жилъ. Аминь Царю небесному“ ⁷⁾).

1) *Kuhn*, „Sagen, Gebrauche“, II, 198.

2) *Ib.*, 200.

3) *Ib.*, 197—8.

4) *Ib.*, 198.

5) *Prahn*, „Glaube u. Brauch“, с. 195.

6) *Kuhn u. Schwartz*, „Norddeutsche Sagen“ с. 438.

7) *Харьзинъ*, „Сборникъ свѣдѣній“, II, с. 141.

„Во имя Отца. Аминь. — Доселева было при Агаряни царь небо мѣдано и земля желѣзна, и не дала плоду отъ себя.—Какъ утихнулись и ужаснулись рѣчки и ручьи и малые источники, такъ бы утихнулась и у р. Б. Н. кровь горячая и щепота и ломота; и мною пособляетъ сѣмъ и моимъ словамъ, какъ ключь—небо, а замокъ—земля. Аминь“ ¹⁾).

„Плило три рѣчки: одна водяная, другая молочная, а треття кривавая. Водяная протячи, и м—ая протячи, а кровь горучая сунимися и запячися.—Другимъ разомъ, Господнимъ часомъ. Плила рака морамъ, а въ той рацѣ три жилы: одна водяная, другая м—ая, а треття к—ая.—Треттимъ разомъ, Господнимъ часомъ. Плило три рѣчки: одна..... а кровь горучая сунимайся, запикайся“ ²⁾).

„Ишли лыкы черезъ три рикы и лозы рубалы и ружу сажалы: не прынялась и кровь унялась. Пускалы водяную, п—ы молошную и кривавую, замовляну и порубану, прыбытую и поризаную. Духомъ своимъ обнимаю, святого Бога упомынаю, св. Мыколая Чудотворця. Также я сей крови не пускаю, также я греблю гачу и денно, и полуденно и ночную и зирочную и мисячную. Чоловикъ зъ духомъ, а я зъ помичью“ ³⁾).

„Бигло три калюжи черезъ три ричкы; стали рожу ломать, стали щипать. Рожа не зойшла, христіаньска кровь не пойшла. То проклятый млынъ, шо до службы у воскресиння молоть, то проклята жинка, шо до службы хлибъ некла, то проклята рана, шо зъ ней кровь пойшла“ ⁴⁾).

„Первымъ разомъ, добрымъ часомъ! Шовъ Сусь Хр. зъ набѣсъ, вѣсь сотворящій хрость и сухую трость. Якъ

1) *Забллингъ*, „Русскій народъ“, с. 290.

2) *Шейнъ*, „Матеріалы“, II, 540.

3) *Чубинскій*, „Труды“, I, 127. — Ср. почти буквально у *Шишацкого-Иллита*, „О заговорахъ“.

4) *Ястребовъ*, „Матер. этногр. Новор. края“, с. 105.

тлости ня раскидатца, таъкъ криви ня разливатца, костей ня ломати, жилъ ня сушити“¹⁾.

„Ишоу Христось на Йорданъ чиразь рику, чиразь мость. Йорданъ стала, кровь пристала“²⁾.

„In Christi Garten steht ein Baum, er hat geblüht, und blüht nicht mehr.—Bluth, stehe still und lauf nicht mehr“³⁾.

„Blut stand, wie Christus gang. Der im Gericht sitzt und kein falsches Urtheil Spricht“ (говорить 3 раза, потомъ „Отче вашъ“)⁴⁾.

„Blut verlas dein'n gang, wie unser Herr Got den Mann, der im Gericht sitzt und ein falsch Urtheil spricht. Im Namen“⁵⁾.

„Es stehen drei Rosen auf unsenrs Heren sein Grab. Die erst ist mild, die zweit ist gut, die dritt stellt dir dein Blut“⁶⁾.

„In Gottes Garten stehn drei Rosen, die erste heisst Gottes Güte, die andere Gottes Geblüte, die dritte G—s Wille. Blut, ich gebiete dir, stehe stille. Im Namen“⁷⁾.

„In Gottes heiligen Garten standen drei heilige Blumen: die erste hiess Gottes Gemuth, die zweite h. G. Geblut, die dritte h. G. Wille. Strömendes Blut, stehe stille. Im Namen“⁸⁾.

„Auf unserm Herrn Gott sein Haupt, da blühen drei Rosen: die erste ist seine Tugend, die zweite i. s. Jugned, die dritte i. s. Wille. Blut, steh du in der Wunde still,

1) *Романовъ*, „Бѣлор. Сборн.“, V, с. 67.

2) *Шейнъ*, „Матеріалы“, II, 539.

3) *Prahn*, „Glaube u. Brauch“, с. 195.

4) *Birlinger*, „Aus Schwaben“, I, 443 (ср. *Kuhn* въ *Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch.*, XXIII, 49, *Volksth.*, I, 202, 480, *Germ.*, 17, 55).

5) *Meier*, *Deutsche Sagen*, с. 522.

6) *Birlinger*, I, 443.

7) *Kuhn*, „Sagen Gebräuche“, II, 199.

8) *ib.*, 200 (ср. *Meier*, „Gebräuche“, № 474).

dass du weder geschwüre, noch Eiterbeulen gebest. Im Namen“ ¹⁾).

„Auff vnsserss hopft stond 3 röseli, dz erst blümeli, dz haist blüeste, dz ander guetti dz 3 wildi; durch die 3 röseli willen stond du bluott stillen; im Namen. Amen“ ²⁾).

„Auf unserem Herr Gott sein gro wachsen dra Röy-sala: erstes is Demuth, zweytes is Sanftmuth, drittes stillt dir dein Blut“ ³⁾).

„Ich ging in meines Gottes Garten, darinnen Standen drei Rosen: die eine hiess Blutstropfen, die andere Blutstopfen, die dritte Blutstillstehn. Wenns der liebe Gott will, das zähl' ich dir zu Gute“ ⁴⁾).

„Herr Jesus Christus, dir sind drei Blumen gewachsen unter deinen Herzen: die erste deine Gottheit, die andere d. Gerechtigkeit, die dritte d. göttlicher Wille. Blut, stehe stille“ ⁵⁾).

„Am Himmel stehen drei Blumen: die eine heisst Wohlgemüth, die andere h. Demuth, die dritte h. Gottes wille, Blut, stshe stille“ ⁶⁾).

„Es stehen drei Rosen auf Christi Haupt; die erste ist roth, die zweite ist todt, die dritte heisst Sevilla. Herzgeblüt, steh' stille“ ⁷⁾).

„N. auf unsers Heilands Jesu Christi sein Grab wachsen drei Rosen: die erste ist weiss, die zweite ist roth, die dritte ist Gott, der dir dein Blut stellen thut“ ⁸⁾).

„Auf unsers Herrn Jesu Grab, da wachsen drei Rosen: die erste heisst Hoffnung, die andere Geduld, die

1) Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, c. 511.

2) Lütolf, „Sagen, Bräuche“, c. 546.

3) Schönwerth, „Aus der Oberpfalz“, c. 234.

4) Köhler, J., „Volksbrauch, Aberglauben“, c. 405.

5) Ib., c. 407.

6) Ib.

7) Ib., 408.

8) Meier, „Deutsche Sagen“, c. 522.

dritte Gotts Wille. Blut, ich gebiete dir, steh stille. Im Namen“ ¹⁾).

„Es wachsen drei Rosen auf unsers Herr Gotts seinen Grab: die erste heisst Güte, die andere Behüte, die dritte Dein göttlicher Will'. Blut, steh in dieser Wunde still, dass du nicht eiterst und nicht geschwärt, und auch zu keinem Beinbruch werdst. Im Namen“ ²⁾).

„Eß stendt drey rooßen auff vnßeres lieben Herrn gotts grab: die erst häugt guott, die andter haist woll-gemuoth, die drit gestellt dier gewüß daß bluot. Im Namen... gäusts +“ ³⁾).

„Es standten drey Dügell auf vnßers Jacobs grab: die erst haust Jugendt, andere tugent, die drit sein Wüll. Bluot standt still. Im Namen... Amen“ ⁴⁾).

„Blut, still dich! So wahr, als sich der Himmel zut-hat, dass man dem Taglöhner das Taglohn abnahm. Im Namen“ ⁵⁾).

„Vnßers lieben her gotts 5 wundten, die stunde u. verbundten, sie bluotet nit, sie schweret nit, sie sauret nit, sie faulet nit. Im Namen... Amen“ ⁶⁾).

„Johannes de Evangelist tautte unsern Herrn Jesum Christ am Flusse Jordan, worauf das das Blut blieb still stahn“ ⁷⁾).

„Unser Herr Christus ward verwundet durch sein bitter leiden. Seine Wunden schwellen ihm nicht, sie schworen ihm nicht, sie hatten ihm gar nicht weh. Soll es diesem Menschen auch nicht weh thun“ ⁸⁾).

„Tief ist die Wunde, heilig ist die Stunde, h. i. der

¹⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, c. 523.

²⁾ Ib., 523 (cp: Müllenhoff, c. 511, № 11).

³⁾ Birlinger, „Volksthümliches aus Schwaben“, c. 205.

⁴⁾ Ib., 206.

⁵⁾ Meier, Op. cit., c. 522.

⁶⁾ Birlinger, Op. cit., c. 207.

⁷⁾ Strackerjan, „Abergl. aus Oldenburg“, I, c. 68.

⁸⁾ Prahn, „Glaube u. Bräuche“, c. 195.

Tag, wo die Wunde geschehen mag. Du sollst nicht weiter schwaren, bis die Mutter Gottes wird ein kind geboren“ ¹⁾).

„Jhesus fromet Wind und Meer, das das Blut gestillet wehr, das er nicht eckt (schwärt) und auch nicht steckt und auch nicht kellt (schmerz), und auch nicht zwellt (schwellt)“ ²⁾).

„Blut rinn und rinn nimmer Unser Herr gott ist g'storben und stirbt nimmer“ ³⁾).

„Blut rinn und rinn nimmer, — unser Herr Gott ist gestorben und stirbt nimmer. Glückselige Wunden, g—e Stunden, g—ig und heilig ist der Tag, wo die hl' Juug-frau Jesum Christum geboren hat“ ⁴⁾).

„Christus ist in Betlehem geboren, Gott Vater, S. und hl. Ch—s ist in Jerusalem gestorben.—Gott Vater... Geist“ ⁵⁾).

„Christus ist zu Betlehem geboren, zu Nazareth verkündigt; Christus ist zu Jerusalem gestorben. Diese drei Dinge sin wahr, — soll dir das Blut in deinen Wunden stahn. In Namen“ ⁶⁾).

„Christus war geboren, Ch. w. verloren, Ch. w. wieder funden,—Jesus stel mir dz bluott und hail mir die Wunden. Im Namen... Amen“ ⁷⁾).

„Christus war geboren, der hatt Maria verloren und wieder gefunden, also verstel ich dir dz bluott in deinen Wunden. Im Namen“ ⁸⁾).

„Glücksellig ist die Stundt, da J. Chr. geboren ist, g—ig i. d. S., daß er gestorben ist, g—ig i. d. S., daß

1) *Prahn*, „Glaube u. Bräuche“, c. 195.

2) *Strackerjan*, „Abergl. aus Oldenburg“, I, c. 68.

3) *Amman*, „Volkssegen“, c. 204.

4) *Ib.*, c. 203.

5) *Shönwerth*, „Aus der Oberpfalz“, c. 234.

6) *Kuhn, A.*, „Sagen, Gebräuche“, II, c. 198—9.

7) *Lütolf*, „Sagen, Bräuche“, c. 545—6.

8) *Ib.*, 546.

er wider erstandten ist. In diesen dreyen Stunden segne ich den Menschen... diesen Wunden, daß sie nit weütter bluoten, noch geschwerren, biß daß Maria ein anderen Sohn gefahr,—und sie wirt keinen mehr geboren, darum sollen sie nit bluoten, noch geschweren. Im Namen... Amen“ ¹⁾).

„Es sind drei glückselige Stunden in diese Welt gekommen. In der ersten stund' ist Gott geboren, in der andern Stund' ist Gott gestorben, in der dritter S. i. Gott wieder lebendig worden. Jetzt nenne ich die drei glückseligen St. und stille dir N. damit das Gliedwasser und das Blut, dazu heile ich dessen Schaden und Wunden. Im Namen“ ²⁾).

„Во имя... Духа. Жиды Христа распинали, на крестъ росковали, въ руки-ноги гвоздѣе колотили, въ ретивое сердце желѣзомъ кололи. Какъ у истинна Христа не была кровавая рана и щипота и ломота и опухоль; и какъ печь тонится и изъ печи пламя пашеть,—такъ бы у меня р. Б. Н. кровь и рана утихала и переставала и во вѣки вѣбовъ. Аминь“ ³⁾).

„Во имя... Духа. Лежить Захарей праведный между церковью и олтаремъ, и какъ у святого кровь засыхала и замирала и окаменѣвала въ ручныхъ и въ ножныхъ и въ поднятныхъ жилахъ, щепь и грыжа и разная сѣченая и молодая, такъ бы у меня р. Б. Н. засыхала и замирала сѣченая, ветха и молодая, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“ ⁴⁾).

— „Господзи, Сусе Хрисце, Божа нашъ, прими жертву сію во 'ставление грѣховъ р. Б. Н. Влагослови мнѣ

¹⁾ *Birlingen*, „Volksthümliches aus Schwaben“, s. 205.

²⁾ *Amman*, „Volkssegen“. с. 203 (ср. MSD², IV, 6, XLVII, mit Anm., S. 460 f.; Grimm, Myth., Anh. XXXII, Zs. f. Volkskund von Veckenstedt, II, 4, S. 163; Schönwerth, III, 234—5; Kubn, W., II, 197 f.; A. Birlinger, Aus Schwaben, I, 442).

³⁾ *Ефименко*, „Сборн. малор. заклинаний“, с. 213 (№ 76).

⁴⁾ *Ib.* (ср. № 73).

кровь замовляць. Ишовъ Сусь Христось чересь калиновыи мость, несъ сякиру съ собою; при дорожды стояла калинка; Ёнъ тую калинку цюкъ (З р.). Якъ съ тыя калинки кровь ня канула, такъ кабъ и зъ р. Б. Н... кровь ня канула. Стань, кровь, унимись, жильная и нажилъная, подумная, мысляная, вѣтряная“¹⁾.

Въ этомъ заговорѣ тѣсно переплетенъ христіанскій элементъ съ древнимъ по типу обращеніемъ къ крови, съ перечисленіемъ причинъ, отъ которыхъ могла произойти болѣзнь, — съ этимъ своеобразнымъ (какъ указывалось выше) перечисленіемъ ея именъ, какъ живого существа.

Остальные заговоры изъ имѣющагося въ моемъ распоряженіи матеріала группируются болѣе-менѣе близко, тѣсно около двухъ мотивовъ—старика, унимающаго кровь, и дѣвицы, зашивающей рану. Стоитъ ли это обстоятельство въ связи съ мифологическимъ освѣщеніемъ этихъ таинственныхъ существъ (— каковую попытку сдѣлалъ Крушевскій), таково ли происхождение этихъ древнѣйшихъ „божествъ“, къ коимъ обращался человекъ съ моленіемъ о помощи, отвѣтить категорически трудно. Однако въ самыхъ заговорахъ очень мало данныхъ для прикрѣпленія этихъ расплывчатыхъ, неясныхъ образовъ къ громовнику и къ зарѣ. Быть можетъ, на распространенность этихъ мотивовъ оказывали вліяніе рано попавшіе въ народную среду писанные образцы. Къ тому же значительная часть заговоровъ этого рода не содержитъ въ себѣ рѣшительно никакихъ указаній на мифическія существа и создались тѣмъ же путемъ, какой наблюдали мы и раньше: сопоставленіе раньше имѣвшаго мѣсто случая съ счастливымъ исходомъ и воздѣйствіе таковаго сопоставленія, въ силу могучаго дѣйствія слова, на благопріятный исходъ настоящаго. Дальнѣйшій путь развитія — обычный: обращеніе

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. Сборн., V, с. 69.

за помощью къ силамъ и явленіямъ природы, элементы — молитвенный, христіанскій и церковный.

Во главѣ заговоровъ этого отдѣла по своей древности, можетъ быть поставленъ 2-й изъ „мерзбургскихъ отрывковъ“:

„Phol ende Uodan vuorun zi holza.
du quart demo Balderes volon sin vuor birenkit.
thû biguolen Sinthgunt, Gunna era suister,
thû biguolen Friia, Volla era suister,
thû biguolen Uodan, sô hê uuola conda:
sôse bënrenki, sôse blutrenki, sôse lidirenki:
bên zi bêna, bluot zi bluoda.
lid zi geliden, sôse gelîmida sîn“¹⁾.

Обратимся къ заговорамъ, гдѣ на помощь болящему такъ или иначе привлекается мужское существо.

„Ѣдетъ мужикъ Апиванъ, говорить онъ: какъ слюна моя не канеть, такъ кровь у N. не канеть“²⁾.

„Иихавъ старъ дидъ на варимъ воии. Ты, диду, устань, а ты, кровь, иты перестань...“³⁾.

„Иихавъ дидъ старъ, а пидъ нымъ кинь старъ, а ты, чирвона кровь, стань. — На мори два браты сичуцьця, рубаюцьця, сестра прыйшла, кровь не пійшла“⁴⁾.

„Иихавъ гистъ черезъ валынивъ мистъ поганенькою кобылкою, кобыла стала и кровь стала.— А не стапень, буде тоби то, шо тому чоловигови, шо въ п'ятныцю сиива, а въ недилю нѣгти зризуге — изъ жилъ, изъ суставивъ“⁵⁾.

1) Цитирую по *Schauffler*, „Altchochd. Litter.“, с. 43.

2) *Крушевскій*, „Заговоры“, № 153 (Другихъ однородныхъ отсюда не привожу: первоисточникъ ихъ — Майковъ).

3) *Иваницко*, „Шентанія“, с. 170 (ср. Чуб., I, 127, 4).

4) „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 35.

5) *Ив.*, 170.

„Вхалъ св. Георгій на червономъ конѣ и въ червономъ жупанѣ; сострѣлся со своимъ братомъ-булатомъ (?); втялись они острымъ мечемъ, и не втялись, втялись въ червоный камень. Якъ изъ того камня кровь не текла и рана не болѣла, такъ бы въ Н., р. Б., кровь не текла и рана не болѣла“¹⁾).

„Иихавъ св. Петро на билимъ кони, кинь бижить, ажъ каминь сиче. Та буде проклята кровь, котра потече“²⁾).

Господы, благословы, Господы поможы! Иихавъ Суесь Хрыстось камянимъ мостомъ на ослати. Сиче-рубаетъ, и кровь не протикае. Огонь горить и кровь кшыть, — огонь затухае и кровь залывае народъ, мол., хрещен. р. Б. Н.“³⁾).

„Було соби два браты, риднесеныхъ-ридныхъ, та поставылы трость черезъ рику. Трость поломылась, кровь затмылась. Бо й ны пиде, бо й ны пиде! Прычиста Дява, ны пиде. А якъ пидешъ, то такъ тоди буде, якъ тому чоловикови, шо въ недилю дрова рубае, а въ пятницю писню спивае, а въ суботу ны вмываецця, и все дуже прысягаецця. Стань-перестань!“⁴⁾).

„На Есіанській гори, на зимли на Таньській, тамъ два браты сичудьця, рубаюцця. Прышовъ до нихъ Исусъ Хрыстось и Матирь Божа. Ни сичуцьця, братци, ны рубаються. Якъ будете сиктыся, рубатыся, то такъ вамъ буде, якъ у недилю дрова рубаты, а жинци сорочки выкыдаты Во Имя... Аминь“⁵⁾).

„Йшло тры браты трома дорогамы: идень Денесь, другый Борысь, третій Лывко. Сиклысь, рубалысь и крови не пустылы. Бигло тры рички: идна водяна, друга смоляна, третья кривава. И кажу тоби: стань кривава, а якъ

1) Чена, „Малорус. суевѣрія“, с. 126.

2) Чубинскій, „Труды“, I, 126.

3) Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, II, 200.

4) Ивашенко, „Шептанія“, с. 178—9.

5) „Харьк. Сборн.“, VIII, 39.

не станешъ, то буде тобі тее, шо тому чоловікови, шо въ неділю до службы Божой въ ган дрова рубае, шо тій жинци, шо въ неділю на городи до службы Божой моркву кошае“¹⁾.

„Йихало тры браты: Петро, Павло и св. Гурій, ще иде самъ Господь на свійй кобыли. Богъ кобылу мечомъ сиче, кровь не тече,— такъ и ты, руда нейды; запикайся, кровь, заговоруйся кровь, замовляю тебе не самъ своїмы дѣухамы — Господними наукамы. Ухъ, св. Духъ! Встань, Господы, на помичъ, евангели на радисть, Пречыста Диво поможь“²⁾.

Такова же еволюція мотива о дѣвицахъ, дѣвицахъ-сестрицахъ, о бабѣ, о бабѣ съ тремя дочерьми и проч.

„Ишла дивча Марія по воду, дивка внала, видра внала, дивка внала, кровь перестала“³⁾.

— „На Осіянськый гори тамъ стоявъ колодезь каменый, туда ишла дивка каменна, каменни ведра, к—й коромысель, к—а коса, к—а вона вся, колы вона видтила воды прывесе, тоди съ рожденного, хрещ. р. Б. Н. кровь потече“⁴⁾.

„На морѣ Океанѣ, на о—вѣ на Буянѣ дѣвица краснымъ шолкомъ шила; шить не стала, руда перестала“⁵⁾.

„Ляжиць на синимъ мори синій камень, на томъ камяни сидзяць двѣ дѣвицы, шовковыми нитками вышиваюць, у р. Б. Н. кровь замовляюць. Нитка порвалась, у р. Б. кровь остановлялась“⁶⁾.

„На морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стояла избушка, въ этой избушеѣ двѣ дѣвицы: одна плела шол-

1) Чубинскій, „Труды“, I, 127—8.

2) *Ив.*, 128.

3) Манжура „Сказки“, с. 150.

4) Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 28.

5) Забылинъ, „Русскій народъ“, с. 290.

6) Романовъ, „Бѣлорусск. сборн.“, V, 160.

комъ, другая—льномъ. Ты, шелкъ, не рвися и ты, ленъ, не рвися; а ты, кровь, переймися у р. Б. Н. Аминь“ ¹⁾).

„На мыри—на кiяни три дѣвушки сидять, нитычки придять. Па нитычки тарвали, N. рабѹ кроу завизали“ ²⁾).

„Тякеть рѣчка крававая, на тѣй рѣчки бѣлѣй каминь, на ѣмъ три дявицы; яны шiють красною нитачкью. Нитычка пырвалась, кроу увырвалась“ ³⁾).

„На синимъ морѣ, во кeянѣ ляжыць бѣлѣ камень, на тымъ камни сидѣли три панны-Ганны, красны шоуѣкъ мотали, кроу остануляли“ ⁴⁾).

„Ишло тры калыкы черезъ тры рикы, тамъ седило тры бабы: одна шыла, друга запошывала, а третья моливенному, рожд. и хрещ. N. кровь замовляла“ ⁵⁾).

„Ich ging morgens in einem Trau, da begegneten mir drei heilige Jungfrau'n: die eine heisst Blutwölfe, die andere heisst Blutstölfe, die dritte heisst Blut—stehe—stille“ ⁶⁾).

„Es kamen drei Jungfrauen von der Sündflut her. Die eine sprach: das ist gut, die adere Sprach: d. i. g., die dritte besprach die Wehklage und das Blut“ ⁷⁾).

„Es kamen drei Jungfern... Die ein, die hies Hilfe, die andre sprach: Blut, steh stille“ ⁸⁾).

„Es gingen drei Jungfern 'eu hohlen Weg, die erste nahm das runde, die zweite n. d. trull, die dritte drückt es nieder, das es nicht komme wieder. Im Namen“ ⁹⁾).

„Ich ging in Jesu Garten, da Standen drei Jungfern

1) *Тихонравовъ*, „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, 78.

2) *Добровольскій*, „Смол. этн. сборн.“, с. 203.

3) *Иб.*, с. 202.

4) *Шейнъ*, „Матеріалы“, II, 538.

5) *Манжура*, „Сказки“, с. 150.

6) *Kuhn*, „Sagen, Gebräuche“, с. 199.

7) *Prahn*, „Glaube u. Bräuche“ с. 195.

8) *Kuhn u. Schwartz*, „Nordd. Sagen“, с. 437.

9) *Иб.*, 438.

zarfe: die eine hiess Zibella, die andere Gottes Wille, die dritte — Blut, steh stille. Im Namen“ ¹⁾).

„Стану я р. Б. Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избѣ дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ святъ окіанъ-камень, на св. о.-каменѣ сидитъ красная дѣвица съ шелковой ниткой, рану зашиваетъ, щипъ унимаетъ и кровь заговариваетъ у р. Б. Н. И чтобы не было ни щипоты, ни лототы, ни опухоли. Тѣмъ моимъ добрымъ словомъ ключъ и замокъ отыинѣ и до вѣку, аминь“ ²⁾).

„Воспоминаніе Господа. Господи помилуй (3 р.). Господь помилуй, и я зъ рукою.—Ишла костяна баба зъ камьяной горы, зъ камьяною дѣйницею до камьяной коровы. Коля зъ камьяной коровы потече молоко, тоди зъ р. Б. кровь потече“ ³⁾).

„Отъ ножа, отъ кипариса, отъ синяго желѣза летѣлъ воронъ черезъ гору. Хочетъ воронъ не ниткой-суровинкой, — шелковинкой шить-пошивать, кровавыя раны зашивать. Какъ на той горѣ стоятъ 33 комнаты, а въ нихъ 33 дѣвицы — родныя сестрицы. Онѣ шьютъ-пошиваютъ, кровавыя раны зашиваютъ.—Бдетъ царь, а ты, кровь, не кашъ“ ⁴⁾).

„На горѣ на 'Сіинѣ, на рѣкѣ на Ирдани, стоитъ древа-купаресъ. Паде тымъ древомъ купареснымъ стаятъ стали дубовыи, нитасовыи; за тыми, за столами, за дубовыми, за нитасовыми, сидятъ три сястрицы и дѣвицы-красавицы, и прядутъ красный, разный шолкъ, прядутъ, выпрядаютъ и ўзоры набирають. Сястрицы-дѣвицы! прядитя красный, разный шоукъ, вы прядитя — и узоры набирайтя, и красныга шоука на зямлю ни ўраняитя, и съ зямли ни падымаитя. У раба крови ни бывать. Аминь“ ⁵⁾).

¹⁾ *Bartsch*, „Sagen, Märchen“, с. 374.

²⁾ *Забѣлицъ*, „Русскій народъ“, с. 291.

³⁾ *Иващенко*, „Шептанія“, с. 179.

⁴⁾ *Манжура*, „Сказки“, с. 150.

⁵⁾ *Добровольскій*, „Смол. этн. сборн.“, с. 202—203.

„На морѣ на окіянѣ, на св. рѣкѣ на Ерданѣ обль-
горючь камень выплываетъ; а на томъ камнѣ три дѣвицы
— прекрасныя мастерицы, — въ рукахъ держать паялды,
все рѣзки, все источники, все ручныя раны зашиваютъ.
Тѣло нѣмо, кость отъ камня, жилы отъ древа-шелковни-
ка. Порвися горючь кровь уймися и запекися, яко у мер-
тваго. Аминь“ ¹⁾).

„Вышло зъ моря двѣ дивыци — становилось три
крыныци. Де І. Х. свѣи кишъ постановывъ, тамъ и кровь
остановывъ. Якъ не станешъ ты, крове, на тимъ мисти,
тамъ и кровь остановывъ. Якъ не станешъ ты, крове,
на тимъ мисти, то будешъ ты проклята, неъ той чоло-
виеъ, що зъ дочкою въ Кіевѣ иде, — то винъ и другого
въ грихъ уведе“ ²⁾).

„Господи Исусе Христе и Отець и Сынъ и Св. Духъ!
— Есть великій обіянъ-море; въ томъ в. о. м—ѣ есть ка-
мена изба, въ той к. избы сидитъ три сестры, самому
Христу дочери. Большая сестра сидитъ у порогу на золо-
томъ стулѣ, беретъ иглу булатну, вдѣваетъ нить шеле-
ву, зашиваетъ рану кровавую у р. Б. имрака! Не было
бы не раны, не крови, не ломоты, не онухоли. Будь сло-
во мое крѣшко“ ³⁾).

„Во имя Отца... Духа. Аминь. Есть святое море-
океанъ, на томъ св. м.-океанѣ сидятъ 33 дѣвицы, держатъ
по золотой иглѣ, и въ иглахъ по шелковой ниткѣ и за-
шиваютъ у р. Б. Н. кровавую рану и его щемоту и вся-
кую болѣзнь сердечную; держатъ по золотому вѣнку, об-
макиваютъ въ солену воду, замачиваютъ кроваву рану и
его щемотную болѣзнь сердечную у р. Б. Н. во вѣки вѣ-
ковъ. Аминь“ ⁴⁾).

„Господи благослови, Отче! Есть св. море-окіянъ; на
томъ м.-о—ѣ есть бѣль камень, на т. б. к. есть златъ

1) Тихонравовъ, „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, 78—79.

2) Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 16.

3) Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, 259.

4) Якушкинъ, „Молитвы и заговоры“, с. 163.

стуль, на т. з. с. сидитъ красная дѣвица. Прядеть она шелковый кужель и шелковыя нитки, и тѣми нитками сшиваетъ жилу съ жилою, кожу съ кожей, кровь съ кровью, и рану сшиваетъ въ игольные уши у р. Б. Н. Унимаетъ та дѣвица кровь и ломотную щепоту, и всякую болѣзнь сердечную р. Б. Н. Во имя... Аминь“¹⁾.

„Стану я р. Б. Н. (— больной —) благословесь, пойду перекрестясь и выйду въ чистое поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ и помолюся Господу Богу Нашему Иисусу Христу и Матери Пресвятыя Богородицы и всѣмъ святымъ.—Есть въ чистомъ полѣ океанъ-море, въ о.-м—ѣ есть алатырь-камень, на а.-к—ѣ сидитъ красная дѣвица и шьетъ золотой иглой и шелковой ниткой, а зашиваетъ всякія моря и рѣки и всякіе мелкіе источники, — такъ же бы у меня ч. Б. Н. зашивала кровавую рану и кровь горячую. И не текла и не капала, отъ кости не щипѣло, отъ жилъ не пухло... Кое слово не договорилъ, то въ постѣиѣ (— пользу —) поди, и переговорилъ, — въ постѣиѣ поди.—Будьте слова эти сполна и крѣпки на р. Б. Н. Во имя... Духа“²⁾.

„Шель Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ, — ручьи-потоки запираетъ, руду унимаетъ, стрѣльную, ручейную, ножевую, топоровую. — Выйду я въ чисто поле, на чистое море; на ч. морѣ чистый камень, на ч. камнѣ стоитъ дубъ краколистый, подъ тѣмъ д. к—мъ сидитъ твердая красная дѣвица, самоцвѣтные шелки мотаетъ, руду унимаетъ, не своими, Господи, мудростями, Твоими, Господи, Святыми молитвами.—На землѣ камень не растетъ, у р. Б. *имрака* руда неидетъ, крѣпче крѣпкаго камня, камень мѣсто ключа и замка, руду перекладываетъ, вода не каветъ. Аминь. Царя Небеснаго, Господа І. Христа, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь“³⁾.

¹⁾ *Якушкинъ*, „Молитвы и заговоры“, с. 163.

²⁾ *Ефименко*, „Сборн. млр. заклинаній“, с. 211 (ср. *ib.*, №№ 66—69).

³⁾ *Щаповъ*, „Историч. оч. народн. міросозерц.“, с. 56.

— Позднѣ на мѣстѣ дѣвицы появляются Богородица и свитыя.

„Ишала Пречыста на билимъ кони, и зъ билимъ конемъ до билого камня,—каменя рубаты, крови замовляты. И стань, кровь, каменемъ, а якъ не станешъ к—емъ, то буде тоби те, якъ тому чоловікови, що до службы дрова руба“¹⁾.

„Ишла Св. Прач. Матка Христова горою, нясла воду дугою. Дуга, разогинся, вода, разольнися. Дуга разогнулася, вода разлилася, а у р. Б. кровь сунялася, печаной занялася“²⁾.

„Ишла Матирь Божа черезъ калыновий мость и нясла въ руци трость, трость поламала, кровь замовляла хрещеному, нарожд., молитв. Н. Не я замовляю, а Матирь Божа духомъ Своимъ небеснымъ“³⁾.

„Отче нашъ... Ишла Пречыста Маты черезъ мисть, поставыла трость, трость стала, а кровь перестала“⁴⁾.

„Пресвятая Мать Бугородица на златую пряслицу пряла, нитку атарвала, кроу завизала“⁵⁾.

„Аминь. На мори на акіяні, на о—вѣ на буянѣ лежить горючъ камень; на томъ к—ѣ сидѣла Пресвятая Богородице, держала въ рукѣ иглу золотую, вдѣвала нитку шелковую, зашивала рану кровавую: тебѣ, рана, не болѣть, и тебѣ, кровь, не бѣжать“⁶⁾.

„На мори—на окіани, на острови—на обоани стоить церковъ; а въ тій церкви стоить престолъ, за н—мъ сидыть Пречыстая Дива Марія, шые вона шовкомъ криваву рану; шовку не стало и кровь перестала“⁷⁾.

„Господзи баслови! И съ восхода сонца и до запа-

1) *Чубинскій*, „Труды“, I, 126.

2) *Ромаковъ*, „Бѣлорус. Сборн.“, V, 66.

3) *Ястребовъ*, „Матеріалы по этн. Новорос. края“, с. 103.

4) „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 192.

5) *Добровольскій*, „Смол. этн. сборн.“, с. 201.

6) *Щаповъ*, „Историч. оч. народн. міросозерц.“, с. 58.

7) *Ивашенко*, „Шептанія“, с. 179.

да открылось 12 ключей, изъ 12 в—й процекала рѣка и среди той рѣки ляжиць бѣлъ камень, на б. на к—ѣ сидиць красна дѣвица—ни красна дѣвица, а Маць Пресв. Б—ца и ѹ рукахъ Своихъ держиць животворную иголку, а въ ж. и. вздернута красная шелчипка, и животворной иголкой рану прокалываетъ и к—ою ш—ой рану зашиваетъ, и кроваваго поскѣ на свѣтѣ не бываетъ и Маць Пресв. Б—ца навѣкъ рану заживляетъ.—Лѣтнему цвѣту зимой не распускацца, а боли этой на-вѣкъ прекращацца. Аминь“¹⁾).

„Ѣхавъ Илья на конѣ, тягъ ноги по землѣ, ноги подъявъ, кровь унявъ. Ишла Пречиста: одна зъ Кіева, друга зъ Чернигова, третья зъ Нижина, — несла сребну голочку, шовкову виточку, рану зашивали, кровь замовляли: «Кровь зъ буйной головы, зъ румянаго лица, зъ ретивого сердца, зъ живота, зъ востей, зъ мозговъ, зъ чорныхъ косъ, зъ карихъ очей»“²⁾).

„Ишла я калыновымъ мостомъ, пидперлась калыною палецею. Застрнла мене Божая Маты: «Куды ты, нарожена, молитвяна, N.?»—Иду до народж., мол. N. криви замовляты, Господа Бога прохаты. Мои слова, а Божа помичъ“³⁾).

„Чиризь моря-окіанъ ишла Божжія Матирь. Стрѣуся зъ ёю Сусъ Христось, самъ Господь Бохъ.—„Куда, Божжа Матушка, идешь, куда золоты ключики насеешь?“.—N. рабу кровь замѣнуть“⁴⁾).

„Есть море-віанъ, на м.-в. стоить островъ, на томъ о. воздвигнута церковь Климента, папы Римскаго, въ той церкви св. дѣвица, а имя ей Анастасія. Держить она у себя разныя иглы и шолковою ниткою зашиваетъ она

1) *Шейнъ*, „Матеріалы“, II, 539.

2) *Ефименко*, „Сборн. млр. заклин.“, с. 14.

3) *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, с. 200.

4) *Добровольскій*, „Смолен. этн. сборн.“, с. 201.

рану кровавую, а ранѣ — болѣть и крови — ити заповѣдывають, и никакой скорби и болѣзни отъ тьмы тысячъ и отъ всякихъ враговъ и супостатовъ и отъ нечистаго духа къ нему р. Б. Н. прикасатися не велить, пшнѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“¹⁾.

„Стану я р. Б. Н. благословясь“ и проч. и выйду къ „латырю-камню“, на которомъ стоитъ „церковь соборная, въ ц. с—ой златъ престоль, на з. п. сидитъ бабушка Соломонія — Христа повивала, щепоты-ломоты унимала, садести и болѣзни, порѣзы и посѣки отъ удару и отъ укладу и отъ булату унимала и запирала.—Какъ отъ латыря-каменя воды, такожде у р. Б. ни руды, ни садѣли (?), ни болѣзни; изъ курицы—молока, изъ пѣтуха—не яйца, не у р. Б. Н. ни руды; какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣчки и источники, такожде бы у р. Б. твердо утвердились руда, заключились въ море, ключи на небесахъ, замки достану, эти ключи и замки св. молитвами запру и укрѣблю посѣки и удары во вѣки вѣковъ“²⁾.

Въ заключеніе приведу два образца заговоровъ, стоящихъ на границѣ молитвы (апокрифической).

„Im nomine patris... Sanctus Helyas sass und wainot und floss im das pluot zu den nas löchern us do bedung er ruoten zu Got und sprach: min Got hilf mir, und bezwing das pluot, als der Jordan bezwungen ward ee dich Sanct Johans darin toufft (und sprich 3 Paternoster und 3 Ave Maria)“³⁾.

„Истоци кровь язвою изъ ребръ своихъ христе бже нашъ присушилъ еси вся источники вражя недужныя побѣдилъ еси всю силу неприязненную ты владыко вос-

1) *Щуровъ*, „Знахарство на Руси“, с. 166.

2) *Ефименко*, „Сборн. млр. заклинаний“, с. 212.

3) *Birlinger*, „Aus Schwaben“, с. 458.

хощеши нынѣ присути (присущити) исгочники кровия
и побѣдити силу огненюю и дати здравіе рабу твоему
імярекѣ волею и благодатию твоею отца твоего небесна-
го господа нашего ісуса христа прославиша имя его свя-
того яко благословися и прославися¹⁾.

1) *Каратыгинъ*, „Апокрифич. молитвы“, с. 445,
<http://rcin.org.pl>

ГЛАВА 4-я.

Заговоры отъ зубной боли.

Въ основѣ почти всѣхъ „зубныхъ“ заговоровъ лежитъ мысль объ умерщвленіи того существа, которое, поселившись въ зубѣ, мучить больного. Отсюда въ большинствѣ заговоровъ встрѣчаемъ обращеніе къ мѣсяцу (лунѣ), отождествленіе коего съ мертвецомъ само направляется: и внѣшній обликъ, и свѣтъ его въ ночное время и народныя повѣрья, (подмѣтившія въ очертаніи лунныхъ горъ изображеніе библейскаго братоубійства). Затѣмъ выступаютъ на сцену его замѣстители: мертвецъ, Каинъ-Авель, заяцъ ¹⁾ и др.

Постепенно существо, сначала неопредѣленное, быть можетъ, таинственное, отливается въ образъ червя, точа-

¹⁾ По индійскимъ повѣрьямъ богъ луны носить зайца, Будда помѣстилъ зайца на луну. — Очевидно, въ Индіи „два брата“ (на лунѣ) были воспринимаемы въ образѣ зайца. — У Аеанасьева приведенъ цѣлый рядъ аналогичныхъ сказаній у различныхъ народовъ. Шведы, алеуты видятъ на лунѣ изображеніе двухъ дѣтей, несущихъ на палкѣ большое ведро; въ Германіи видятъ тамъ вора съ топоромъ въ рукѣ, овѣмѣвшаго за то, что рубилъ въ чужомъ дѣсу дрова на Свѣтлый Праздникъ и проч. (см. „Поэтич. возвр.“, I, с. 250—2).

щаго зубъ. (Такое мнѣніе цоннѣ упорно поддерживается даже въ средѣ болѣе-менѣе культурной, отчасти, быть можетъ, потому, что при убиваніи нерва зубного извлекается „жилка“, похожая на тонкаго червя). Противъ этого врага и ополчаются всякими способами: къ нему обращаются съ приказаніемъ или просьбою оставить больного; его выкуриваютъ, его застраиваютъ, его выживаютъ примѣненіемъ непріятныхъ для него средствъ. Отсюда — обращенія къ „зубной травѣ“, къ рябинѣ, къ дубу, грушевому и другимъ деревьямъ и растеніямъ, а также — къ водѣ.

Особнякомъ, на переходѣ къ заговорамъ молитвеннаго характера, стоятъ обращенія къ зарѣ.

Остальные заговоры пытаются уничтожить боль путемъ сопоставленія предметовъ и явленій, которые не могутъ быть собраны во-едино,—путемъ отрицательнаго сравненія, какъ отраженія вѣры въ могучую силу слова.

На позднѣйшихъ, по типу, заговорахъ все замѣтнѣе наслояется элементъ религіозный, церковный, и заговоры сближаются съ отреченными молитвами.

Натираютъ зубъ щепочкой дерева, разбитаго молніей, привязываютъ ее ячменной соломенкой къ камню и бросаютъ въ текущую воду, говоря:

„Schmerz, o Schmerz, in meinem Zahn,
Stürme nicht so stark heran!
Geh' von mir o geh hinaus,—
Ist mein Mund doch nicht dein Haus!
Komm' zu mir nicht auf Besuch,
Stets ich dich ja nur verfluch';
Kommt dies Stroh jetzt in den Bach,
Folge du ihm friedlich nach“¹⁾.

¹⁾ *Wislocki*, „Volkslaube... Zigeuner“, с. 178.

Потирая слегка больной зубъ и давая пить наговоренную воду изъ стакана, не бывшего въ употребленіи, говорятъ:

„О вы, зубы, зубы! чаму жъ вы не бѣлы, да руды? Хиба вы што кеиско жевали, што хворобы достали. Перастанце жа вы хворэци, будзѣце якъ вельки панъ у гареци. А коль не перастанце болѣци, то мы будземо васъ желѣзомъ цегнуци. Идзи жа ты, хвороба, у шыроко поле, у сухіе лѣса, да ў моврые болота, а хворобы намъ жадной не треба, бо ева прышла отъ чорта, але не зъ неба“ ¹⁾).

Поставивъ больного на дворѣ лицомъ къ молодику:

„Мылодзикъ мылодэй, твой рогъ золотэй! Ци быў ты на тымъ свѣць? — Быў. Ци видзіў тамъ живыхъ и мертвыхъ? — Видзіў. Ци боляць имъ зубы? — Не. — Нихай жа ни боляць и миѣ“ ²⁾).

„Молодзикъ молодой, у тебе рогъ золотый; у моря купаўсе, намъ сповазаўсе. Спрашиваў молодой у старого: „Ци боляць зубу у няжывого?“ — Якъ няжывого зубу не боляць, такъ у р. Б. Н. штобъ ня болѣли“ ³⁾).

„Мѣсяцю молодой, на тобѣ хрестъ золотый! — Пытаецця сынъ батька: „Чи болятъ зубы у нежывого?“ — Нѣ, не болятъ! — Нехай же и у хрещеного р. Б. Н. не болятъ“ ⁴⁾).

„Мисяцю маю, чогось я тебе спытаю: „Чи болятъ въ мертвого зубы?“ — Ни, не болятъ, не щемлятъ. — Щобъ не болилы и не щемилы у рожден., крещен. и мольтв. р. Б. Н.“ ⁵⁾).

¹⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, 541.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Ефименко, „Сборн. малор. закл.“, с. 5. Ср. Чубинскій, „Труды“, I, с. 124—5.

⁵⁾ Чубинскій „Труды“, I, с. 124.—Ср. Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 6.

„Молодыкъ, молодыеъ, де ты бувъ?“— На тимъ свити.— Шо ты бачывъ?— Мертвыхъ людей.— Шо вони роблять?— Лежать.— У ихъ зубы не болять?— Не болять.— Шобъ и въ тебе не болилы нарожд., мол. Н.“¹⁾

„Молодзиеъ, молодзиеъ, дзѣ ты учора бувъ? — На тымъ свѣци. — А што ты бачывъ? — Гробъ. — А у гроби што? — Раба Б. цѣло мѣртвое. — Ци боляць у того р. Б. зубы? — Нѣ, не боляць. — Кабъ жа и ў гѣтаго р. Б. не болѣли“²⁾.

(Глядя на луну и звѣзды): „Быў на томъ свѣти? — Быў.— Мяртвыхъ видіў? — Видіў.— Што жъ яны? — Лижать замяртвѣуши.— Штобъ и зубы замяртвѣли у Н.“³⁾

„Мисяцю, мисяцю, у тебе рогы золоти! чы бувъ ты на тымъ свити, чы бачывъ ты мертвыхъ людей? — Бачывъ.— Чувъ же ты, чы болять у мертвыхъ зубы?— Хто жъ скаже, щобъ у мертвыхъ людей зубы болилы?— Дай же, Господы, щобъ въ мене р. Б., хрещен., нарожд. и молитвяного зубы николы не болилы.— Тоби на пидповня, мени на здорвя“⁴⁾.

„Молодыеъ молодой, на тоби хрестъ золотый! кланайся старому, мертвому и живому.— Болять у ихъ зубы?— Таеъ и у меня Н.“⁵⁾

„Молодыче (bis), чы бувъ ты въ старого, чы болять зубы у мертвого? — Якъ у мертвого ны болять, то таеъ и у Н. не болилы и не щемилы и закамьянили“⁶⁾.

„Пытаеця молодой мисяць старого, чы болять зубы у мертвого?— Якъ буде мертвый ногамы ходыть, рукамы робыть, устами говорыть, розумомъ думать, тоди будуть у рожд., мол., хрещ. р. Б. Н. зубы болять“⁷⁾.

1) *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, с. 319.— На этой же страницѣ приведено еще 5 почти тожественныхъ вариантовъ.

2) *Романовъ*, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 82.

3) *Добровольскій*, „Смол. этн. сборн.“, с. 197.

4) *Ястребовъ*, „Матер. этногр. Новор. края“, с. 50.

5) *Вяхоў*, „Lidová léčba“, с. 286. (Транскрибировано).

6) „Харьк. Сборникъ“, VIII, с. 192.

7) *Сорокинъ*, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 16.

...„Пытаецца молодкы у старога: „Ты бувъ за морямы, ты бувъ за водамы, ты бачывъ мертваго чловека. Якъ у его не болять, не щемлять зубы, щобъ такъ и у мене р. Б. не болилы, не щемилы“¹⁾).

(Говорится къ мѣсяцу; въ избу возвращаются, пятася назадъ):

„Мисяцю старый, мисяцю молодой! бувъ ты за морямы? — Бувъ. — Лежать люде не живи? — Лежать. — Не болять у нихъ зубы? — Не болять. Такъ у мене, хрещ., народ., молитв. Н. нехай не болять“²⁾).

(Обратясь къ молодку, говорить не переводя духу, потомъ взять изъ-подъ правой паты песку и приложить на ночь къ щекѣ, гдѣ болятъ зубы): „Пытая малады у старога: Ци боляць зубы у наживого? — Старый говорыць: Нѣ! — Няхай не боляць мнѣ“³⁾).

„Пытаецца мисяць молодой старога: Чы болять зубы у умерлыхъ? — Ни не болять. — То такъ щобъ не болилы зубы порожденному, хрещ., молитвеи., муромъ помазаному Н. одъ цѣго дня до вику“⁴⁾).

„Батюшка младъ мѣсяць, золотые рога твои! Какъ рога твои золотые, такъ чтобы у р. Б. Н. зубной болѣзни не было во вѣки аминь“⁵⁾).

„Стану я р. Б. Н. благословясь, выйду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротми. Выйду я на широкую улицу, посмотрю и погляжу на младъ свѣтель мѣсяць. Въ томъ младу мѣсяцу 2 брата родные Кавель и Авель. — Какъ у нихъ зубы не болятъ и не щипяты, такъ бы у мене р. Б. Н. не болѣли и не щипѣли“⁶⁾).

1) *Ястребовъ*, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 107.

2) *Комаровъ*, „Нова збирка“, с. 108—9. (Говорятъ, увидѣвъ впервые молодкы).

3) *Дежидовичъ*, „Изъ обл. вѣров. бѣлорус.“, с. 130.

4) *Kulikovski*, „Zapiski etnograficzne“, с. 112. (Транскрибировано).

5) *Минахъ*, „Нар. обыч.“, с. 88.

6) „Труды Моск. этн. общ.“, кн. V, в. 2-й, с. 202.

„Мисяцю Адаме молодой! пытае тебе царь старый: Чы болять у мертвого чоловіка зубы, чы ни? — Ни. — Колыбъ и въ мене не болицы, мольтв., рожд. и хрещеного“ ¹⁾).

„Мисяцю Адаме, бувъ ты па тимъ свити?—Бувъ.—Бачывъ мертвыхъ людей?—Бачывъ.—Шо въ ихъ зубы болять?—Не болять.—Такъ иобъ и въ р. Н. не болилы, не щемилы, а якъ у камини стрымили. — Судъ судомъ, викъ викомъ. Цему слову аминь.—Поможы св. Антоній“ ²⁾).

„Ты мисяцю Адаме молодыкъ! пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертвого зубы не болять?—У мертвого зубы никола не болять.—Кости задубилы, зубы занимилы, никола не болилы“ ³⁾).

„Ты мисяцю Адаме молодыкъ! пытай ты у мертвыхъ: у васъ зубы не болять?—У мертвого зубы никола не болять: кости задубилы, зубы занимилы, никола не болилы.—Даруй, Господы. щобъ у мене р. Б., нарожд., мол., хрещ. Н. зубы занимилы и никола не болилы“ ⁴⁾).

„М'ясяць Каинъ, гдѣ твой братъ Авель?—Твой братъ умре, и у р. Б. Н. зубы уйми“ ⁵⁾).

„Каинъ (3 р.)! вели спросить брата своего Авеля: не болять ли у него зубы?—Нѣтъ.—Такъ бы у р. Б. Н.—нѣтъ.—Во имя Отца... Св. Духа. Аминь“ ⁶⁾).

„Архангелъ Михаилъ, мисяць праведный, бувъ на тимъ свити?—Бувъ.—Бачывъ мертвыхъ людей?—Бачывъ.—Не болять ихъ зубы, не болыть ихъ жовтая кость, не болыть и чорная кровь?—Н. р. Б. щобъ зубы не болилы и не щымили, хрещен., нарожен. и мольтовного“ ⁷⁾).

¹⁾ *Иващенко*, „Шептанія“, с. 177.

²⁾ „Харьк. Сборн.“ VIII, с. 192.

³⁾ *Линденбергъ*, „Нѣск. загов.“, с. 494.

⁴⁾ *Чубинскій*, „Труды“, I, 125. — Ср. *Ефименко*, „Сборн. мдр. закл.“, с. 6.

⁵⁾ *Щуровъ*, „Знахарство на Руси“, с. 163.

⁶⁾ *Тихонравовъ*, „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, с. 77. Ср., почти буквально, у *Добровольскаго*, „Смол. этн. сборн.“, с. 197.

⁷⁾ *Шышацкій-Яллицъ*, „О заговорахъ“. Ср. почти буквально

„Встану я р. Б. Н. благословясь и перекрестясь, пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, подъ красное солнце. Выйду я въ зеленя луга, во зеленыхъ лугахъ стоитъ желѣзная баба, на этой бабѣ стоитъ милостивый Ной. Помолюсь и покорюсь милостивому Ною: „Милостивый Ной! Сходи на тотъ свѣтъ: не болятъ ли тамъ зубы, не ноютъ тамъ скулы, не пухнутъ тамъ десны?“ — Вотъ такъ бы у р. Б. Н. не болѣли бы зубы, не ныли бы скулы, не пухли бы десны. — Будь въ моей статьѣ ключи и замки, въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ до вѣку“ ¹⁾).

„Мѣсяць ты, мѣсяць, серебряные рожки, золотые твои ножки. Сойди ты, мѣсяць,ними мою зубную боль.— Марѳа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, пойдите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Л-я, не болятъ ли у него зубы?— Не болятъ и у меня зубы.— Заговариваю я р. Н., чтобы у него не болѣли по сей часть, по сей день, по жизнь“ ²⁾).

„Молодыкъ, молодыкъ, тоби вповни, мыни на здоровья“ ³⁾).

„Молодыкъ, молодыкъ! въ тебе роги золоти: твоимъ рогамъ не стоять, моимъ зубамъ не болѣтъ“ ⁴⁾).

„Ich sehe den Mond mit drei Spitzen, meine Zähne sollen weder hitzen, noch schwitzen, weder gären, noch schwären, bis ich einen Mond seh' mit drei Spitzen. Im Namen...“ ⁵⁾).

„Ich seh' den Mond mit zwei Spitzen; meine Zähne sollen mich weder stechen, noch schmerzen, bis ich den Mond seh' mit drei Spitzen“ ⁶⁾).

но у Чубинскаго, „Труды“, I, с. 125 и у Ефименко „Сборн. мр. закл.“, с. 6.

¹⁾ Шустиковъ, „Троичина, Кадник. у.“, с. 129—130.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 124.

³⁾ Коваленко, „О нар. мед. мр. у.“, с. 179.

⁴⁾ Ефименко, „Сборн. мр. закл.“, с. 8.

⁵⁾ Kuhn, „Sagen, Gebräuche“, 205—6.

⁶⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, II, с. 519.

„Mond, du spitzst dich, meine Zähne schwitzen mich, spitzst du dich heut oder morgen, meine Zähne soll'n nicht mehr schwitzen“ ¹⁾).

„Ich grüsse dich, Mond mit zwei Spitzen: gieb mir, Mond, das meine Zähne weder schweren, noch sitzen. Im Namen“ ²⁾).

„Ich grüsse dich, du helles Licht (=Vollmond) für die Zahn und für die Gift, für die roten Würmlein, die in meinen Zähnen sein“ ³⁾).

„Der neue Mond am Himmel der glüne Baum in der Erde, Gott gebe, dass mir kein Zahn mehr schwillt, noch schwiert, so lange, bis kein neu Licht mehr am Himmel werde, das zähl' ich mir zur Buss“ ⁴⁾).

(Наговариваемую соль кладуть на окно, чтобы на нее падали лучи мѣсяца; послѣ заговора кладуть соль на больной зубъ):

„Младъ молодзиеъ (bis) нарождаецца у цемныхъ но-
чахъ, ў вечернихъ заряхъ. Ня чуяў ёль ни стукоту, ни
грухоту, ни заносныхъ лунь, да ни солнышка.—Рабъ N.
ў утробѣ мацери зарождаўся,—ни чуяў ёнь ни стукоту,
ни грухуту, ни краснаго солнца, ни яснаго мѣсяца. —
Дай Госноди, щобъ яго зубы не болѣли, и болѣзни въ
себѣ ня имѣли. Аминь“ ⁵⁾).

„Маладзиеъ—маладый, мнѣ твой рогъ залатый на
здароўя, а табѣ на прыбытэкъ. Есць у мори бѣлый ка-
мень, а на-варху сонца; камянь на варху, сонца на перѣи
(= на облакахъ) на дно патанула (— Тутъ разумѣтся
отраженіе солнца на водѣ). — Дай же, Боже, кабъ и мае
зубки патанули“ ⁶⁾).

¹⁾ *Köhler*, „Volksbrauch, Aberglauben“, с. 407.

²⁾ *Volkman*, „Volksmedizin“, с. 177.

³⁾ *Frahn*, „Glaube u. Bräuche“, с. 196.

⁴⁾ *Köhler*, *Op. cit.*, с. 408.

⁵⁾ *Шейнъ*, „Матеріалы“, II, с. 542.

⁶⁾ *Карскій*, „Библиогр. зам. о трудѣ Варенка“, с. 497.

„Маладзикъ маладый, N. святый, бачыў ты Адама?— Бачыў: — Баляць яму зубы? — Нѣ. — Нехай не баляць и N. — Есць у мори ракъ, а у дубѣ червякъ, калы яны сойдунца медъ и вино пиць, нехай тады N. зубъ забалиць“¹⁾.

„Мисяць у неби, мертвецъ у гроби, камень у мори. Якъ тры браты до-кушы зберуться и будутъ бенкетъ роботы, тоди у мене зубы будутъ болиты“²⁾.

„Первымъ разомъ, Божимъ часомъ.— Мисяць на неби, камень у мори, мертвый у гроби.— Якъ изыдуця си тры браты хлиба-соли глытати, тоди буде близнь мои зубы ламаты“³⁾.

„Молодый молодыче! тоби въ сповни, мени въ здоровьи. — Есть у насъ тры цари: одынъ Небесный, другой — земный, а третій у лиси. — Якъ зйдуться вони земли межувать, тоди въ нарожденного, молитв. N. зубы заболать“⁴⁾.

„Мисяць на неби, рыба въ води, медвидъ въ лиси, комаръ на крыши. Якъ си четыре брати вмисти сойдуться, тоди у молитв., хрещен. раба Б. (в. рабы) N. будутъ зубы болиты. Нехай вони занимають, закаменіють, затвердіють на вики вибовъ“⁵⁾.

„Мисяць у неби, рыба у мори, вовкъ у поли. Колы ци браты зойдунца, тоди у мене зубы будутъ болить.— Ангель мій изъ Евангелія, съ главы; помощь моя отъ ангела“⁶⁾. (Надавливають крестообразно больное мѣсто и сплевываютъ въ сторону).

„Звирь у иоли, каминь у мори, а мисяць на неби— и пособиты новорожденному, старому N. — Колы ци тры

1) Ів.—Ср. *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, с. 320.

2) *Линденбергъ*, „Нѣск. загов.“, с. 494.

3) *Коваленко*, „О нар. мед. млрс.“, с. 179.

4) „Матеріалы Предварит. Комитета по устр. XII Археологическаго Съѣзда“. (Дост. свящ. Шостенко).

5) Ів. (Изъ слоб. Куземовки, Кушян. у., X. губ.).

6) „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 170.

браты зйдуцьця, тоди у новорожденного (?), крещеного N. зубы болитымутъ. Новорожд., крещ. N. червамъ роты замовляты, щобъ ны зудили въ зубахъ“ ¹⁾.

„Мисяць на неби, а дубъ на гори, а каминь у води.—Колы си тры браты у мисто зйдуцьця, то тоди у мене будуть зубы болиты“ ²⁾.

„Молодикъ молодой! у табѣ рогъ золотый, на мори кунауся, намъ показався.—Табѣ на темныя ночи, а намъ на свѣтлыя вочи, вамъ на стоянья, а намъ на здоровья, вамъ на высоту, а намъ на красоту.—Первый царь — ясенъ мѣсяць на небѣ, другой царь — землянь дубъ у поли, третей царь—бѣлый камянь у мори.—Скольки тымъ тромъ царомъ у кучи ня сходитца, стольки р. Б. зубамъ ня болѣтъ и кости не щамить и криви ня неувать.—Дай Богъ на помочь“ ³⁾.

„Царь молодзикъ на неби, царь ракъ на мори, царь дубъ на земли. Яеъ етыя тры царики у кучу ня сходзютца и не воюютца, кабъ такъ раба зубы вѣкъ не болѣли, косьди не ломили.—Ляжиць мартвець у гроби, ня чуецъ ни боли, ни ломоты, кабъ такъ у р. Б. на-вѣкъ боль не болѣла и кось не ломила“ ⁴⁾.

„Мѣсяць на неби, мядзвѣдзь у лѣси, рыба на мори. Якъ имъ у кучу не сходитца, за 'днимъ столомъ не сазитца, съ одны чары вина ня пиць, съ одны чаши стравы ня ѣсь, такъ и N-мъ зубамъ ня болѣць“ ⁵⁾.

„Мисяць на неби, а дубъ у земли, а щука у води. Якъ вы вси зйдетесь до-купы, то тоди вехай у мене зубы заболять“ ⁶⁾.

„Мисяць на неби, ваинь на земли, а рыба въ мо-

1) „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 37.

2) *Ивашенко*, „Шептанія“, с. 178.

3) *Романовъ*, „Бѣлор. Сборн.“, V, с. 81.—2.

4) *Ив.*, 164.

5) *Ив.*, 80.

6) *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, с. 319.

ри. Коли воиы будуть пыть та гулять, тоди будуть у N. и зубы рвать“¹⁾).

„Мисяць на неби, а ведмидь у ноли, а щува въ мори. — Коли си три браты до купы зйдутся, хлиба-соли зьидать, то тоди въ нарожд., мол., хрещ. р. Б. N. зубы заболять. — У мертвого зубы не болят и не щемлят, такъ въ нар., мол. Христова р. Б. N. зубы не болят и не щемлят. — Велькомученыкъ Антонию, святыи зубамъ врачъ и исцилителю, избавъ, Господы, р. Б. одъ зубной болисти“²⁾).

„Na niebie miesiać, a w morzu kamień, w polu zając, w dąbrowie dąb. Jak te towarzysze nie zejda się z sobą ani obiaduя, ani wieczierzaja, ani południaя, tak by moje zęby na wieki nie bolaly“³⁾).

„Kamień w wodzie, miesiać na niebie, niedźwiedz w lesie. Jak ci trzy bracia w lesie objad jeść będą, albo wieczerza, wtenczas będą moje kości łamać i boleć będą“⁴⁾).

(Обращаясь къ молодежи): „Князь на неби, а царь на земли, а камень на мори. Якъ тыи три браты зйдуться до-купы, такъ щобъ порожденному, мол., именованному, мвромъ помазанному N. зубы ни болилы“⁵⁾).

„Мертвеци во гроби, мисяць на неби и камень въ мори сходьлысь до-купы, йилы, нылы, розмовлялы: чого болят зубы у р. Б. N.“⁶⁾).

„Мисяць на неби, мертвецъ у гроби, камень у мори. Якъ три браты до-купы зойдутся и будутъ бенкетъ роботы, тоди у мене зубы будутъ болиты“⁷⁾).

1) Милорадовичъ, Op. cit., с. 319. Ср. на с. 320-й еще 4 очень близкихъ варианта.

2) Ib.

3) Rubikowski, „Zap. etnogr.“, с. 111.

4) Ib.

5) Ib., с. 113 (транскрибировано).

6) Чубинскій, „Труды“, I, с. 124.

7) Ib., с. 125.

„Мисяць у неби, звирь у лиси, рыба у мори; колы ся тры браты до купы зйдуться, тогды у мене р. Б. мол., хрещ. Н. зубы будуть болиты“¹⁾).

„Мисяцю, молодой княже, чы бувавъ ты въ старого, чы пытавъ ты его: чы болять у ёго зубы?— Щобъ у мене виекъ виекомъ, судъ судомъ зубы не болилы. Заецъ въ поли, а рыба въ мори, мисяць на неби. Колы будуть тры браты въ купи гуляты, то тоди у мене зубы будуть болиты“²⁾).

„Мѣсяцю князю! васъ тры въ свѣтѣ: одинъ на небѣ, другой на землѣ, а третій въ морѣ — камень бѣлый. Якъ воны всѣ не можуть до купы зойтись, такъ не могутъ въ мене р. Б. Н. зубы болѣти“. (— По прочтеніи „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“, заключаютъ словами:— „Нехай тобѣ золота корона, а мѣнѣ счастья и здорovia“³⁾).

„Мѣсяць у небѣ, мертвецъ у гробѣ, камень у морѣ. Якъ 3 браты до-купы зберутся и будутъ банкетъ робыты, тоди у мене зубы будутъ болѣти“⁴⁾).

„Мѣсяцю, молодой княже! чы бувавъ ты въ старого? чы пытавъ ты ёго, чы болѣли въ ёго зубы?— Шобъ у мене вѣкъ вѣкомъ и судъ судомъ зубы не болѣли. Заецъ въ полѣ, а рыба въ морѣ, мѣсяць на небѣ: колы будутъ 3 браты вкупѣ гуляты, то тоди у мене будутъ зубы болѣти“⁵⁾).

„Дубъ дзюравянный, камень камянный; кали яны сайдудца у мѣста, нехай тады р. Н. баляць зубы. Не я памачница, а Господзь Богъ стаиь у помачъ и Найсвеншая Матка Цудоуная духомъ своимъ, и я своимъ“⁶⁾).

„Аминь (3 р.)! Мисяцю молодой! Було васъ тры ца-

1) Чубинскій, „Труды“, I, с. 126.

2) Иб., с. 124.

3) Ефименко, „Сборн. мдр. закл.“, с. 4—5.

4) Иб., с. 5.

5) Иб.

6) Карскій. „Библ. зам. о трудѣ Варенка“, с. 497.

ри: одинъ царь земной, другой — небесный, третій — водяной. Вы вмисти сыдили, раду радылы: одъ зубивъ шепталы. Не я шепчу, Пресвята Дива Богородыця шептала своимъ св. духомъ подымала и Н. молитвами отъ зубивъ помогала“¹⁾.

(Въ пятницу вечеромъ въ новолуніе): „Gegrüßet seit du mir, o neues Licht, du kannst für die Zahn und für die Gift (bis), du kannst auch für meine Schmerzen. Es wuchsen dem Herrn 3 Lilien am Herzen: die erste war seine Gütigkeit, die zweite seine Barmherzigkeit, die dritte sein' guter Wille. Mein Schmerz stehe stille“²⁾.

„Господи Ісусе Христе, благослови мнѣ р. Б. Н. сіе слово говорити и въ добрый вонецъ привести. — Первый княжичъ — мѣсяцъ на небѣ Адавъевичъ, другой — червякъ у дубѣ, третій — медвѣдь у логовѣ, 4-й — камень у водѣ, 5-й — щува у водѣ. — Коли ти 5 братѣвъ, до-буны изношавшись, будутъ за однимъ столомъ сидѣти, пити, ѣсти, гуляти, добры мысли мати, суды судити, пересуды брати, тодѣ и въ р. Б. Н. зубная кость, жовтая и бѣлая, будетъ болѣти. — И моему слову влючь и замокъ. Аминь“³⁾.

„Стану я р. Б. благословясь и пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле, подъ восточную сторону, къ синему морю. И есть въ чистомъ полѣ, подъ восточную стороною лежитъ бѣлодубова гробница и есть въ той 6-ой гробницѣ Іюня-мертвецъ. И какъ у того Іюня-мертвеца зубы не болятъ, мясо не пухнетъ, червь зубовъ не точить, такъ же бы у меня р. Б. Н. зубы не болѣли, мясо не пухло и червь зубовъ не точила. Бѣвъ повѣки, отъ нийѣ и до вѣку. —

¹⁾ „Матер. Предвар. Комитета XII Археол. Съезда“ (изъ хутора Соленого Купянск. у., Харьк. губ.).

²⁾ *Peter*, „Volksthümliches“, II, с. 238.

³⁾ *Ефименко*, „Сборн. млр. закл.“, с. 3 (изъ стар. рукоп. лѣч. 1793 г.).

Будьте мои слова полны, недоговорны и переговорыны! Которое слово учитель не доучилъ или самъ ученикъ позабылъ, то слово не отставай, въ тотъ же аминь приставай. Аминь“¹⁾.

„За моремъ дубъ, въ мори камень, въ земли мертвецъ; якъ тымъ трёмъ царькамъ вмисти не сходиться, такъ щобъ у сего р. В. Н. по смерти зубамъ не болиты“²⁾.

(Найдя на улицѣ кость съ зубами, еладуть ее въ домъ на сухомъ мѣстѣ и читають заговоръ): „Кость ты моя, кость зубная, избави меня отъ зубной ломовой болѣзни, а я тебя избавлю отъ мокроты“³⁾.

(Найденную на дорогѣ кость завернуть въ тряпку и спрятать, говоря): „Ты, кость, валяешься, а у меня зубы болятъ,—такъ я тебя, кость, подниму, и сохранию въ покоѣ; тогда ты не будешь валяться, а моимъ зубамъ конецъ будетъ болѣть. Кости сей не валиваться, а моимъ зубамъ не баливать“⁴⁾.

(Накалывая руи около локтя сукомъ дерева, говорить): „Ты, чирвякъ-чирвячища, выходи на верхня ваено, зъ верхня ваена—на нижня ваенецъ бирла: тамъ табѣ будить тепла, тамъ табѣ будить мякка, штоба табѣ извароту ни було“⁵⁾.

„При дорози стоить дерево ясна красна, на тымъ дереви лежить червякъ бильи ни живъ, ни мертвъ. Хе-

1) „Труды Моск. Этн. Общ.“, кн. V, в. 2-й, с. 201.— Ср. тамъ же №№ 21, 22, 23 и 24 — утопльи въ синемъ морѣ; — Иванъ-мертвецъ; убогой Лазарь; мѣсяцъ Генварь, Май-мѣсяцъ.

2) Манжура, „Сказки“, с. 151.

3) Тихонравовъ, „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, 77.— Ср. буквально у Забылина, „Русскій народъ“, с. 365.

4) Овсянниковъ, „Загов. противъ лихор.“.

5) Добровольскій, „Смол. Этн. сб.“, с. 197.

рьянъ — червякъ бильи! поды слытай у мертвого чоловіка: чы не болять въ его зубы? — Не болять (3 р.). — Таеъ щобъ не болилы у р. Б. Н.“¹⁾.

„Зубы-зубища, черви-червища! покы вы крутылы, покы вы нудылы, покы вы тошнылы, покы вы горилы, покы вы болилы, покы я тебе (=болѣзнь?) не вызывала, покы я тебе не выкликала, а теперь я тебе вызываю, теперь я тебе выкликаю, вышинтую, и Маты Божы вызывае, и М. Б. выкликае своимъ духомъ позыхае и шептаты, и помогаты, и вызываты, и выелыкаты молитвяного, рожде-ного Н.“²⁾.

Подойдя къ извѣстному дубу въ лѣсу, по дорогѣ отъ „Beisee do Zagórzyc“ и прочитавъ 3 раза „Отче нашъ“ и 3 р. „Zdrowaś Maryja“, говорятъ: „Powiedz-że mi, powiedz, mój kochany dębie, jakim sposobem leczycь zęby w mojej gębie“³⁾.

(Поворачивая направо 3 раза грушевое дерево): „Birnbäum, ich klage dir,—drei Würmer, die stechen mir, der eine ist grau, der andere ist blau, der dritte ist roth. Ich wollte wünschen, sie wären alle drei todt. Im Namen“⁴⁾.

(Прижавшись больною щекой къ кусту бузины): „Meine Zähne thun mir weh, ein schwarzer, ein weisser, ein rother,—ich wollte, dass sie sich verbluteten. Im Namen Gottes des Vaters“ 3 р.⁵⁾.

„Въ полѣ дубъ, въ морѣ камень, въ небѣ четыре брата, и когда тые четыре брата сойдутся на тотъ камень и

¹⁾ *Истребовъ*, „Матер. этн. Новорос. края“, с. 49.

²⁾ *Исаиченко*, „Шептанія“, с. 177—8. — Ср. *Чубинскій*, „Труды“, I, с. 125, вар. л.

³⁾ *Siarkowski*, „Mater. do etnogr.“, с. 57.

⁴⁾ *Kuhn u. Schwartz*, „Norddeutsche Sagen“ с. 441.

⁵⁾ *Kuhn*, „Sagen aus Westfalen“, с. .

стануть рѣчь говорить, тогда у меня р. Б. Н. будутъ зубы болить.—Отъ жовтой кости и отъ червоной кости“¹⁾).

„Дубъ у лиси, кампнь у мори, пивень на сидали, чорна корова на обори. Якъ ты чотыры братыки до-кушы зйдуться, то щобъ тоди кисть заболела“²⁾).

„За Ордань-рикою стойить билая береза, на мори-Овїани лежить билый камень, зъ березою никогда не сходитьсь, таеъ щобъ у сего р. Б. Н. вично зубомъ не болиты“³⁾).

„Иверень-сукъ, Иверень-зубъ, тебѣ на землѣ не стоять, въ землю кореньевъ не пускать и вверхъ отростки не давать, а у меня р. Б. моимъ зубамъ не болѣть“⁴⁾).

Даютъ зубную траву со слѣдующими словами: „Мисяць у неби, а звирь у поли, а щука у мори; когда три браты зйдуться, когда девять хлибовъ пойидать, тогда у р. Б. Н. зубы заболать“⁵⁾).

Взять 3 корешка земляники, опустить въ воду и сказать 3 раза: „Какъ земляника эта засыхаетъ и завядаеть, такъ чтобы и у р. Б. Н. зубы замирали и занѣмѣли, чтобы черви и нути занѣмѣли по сей день и по сей часъ“⁶⁾).

(Корешки положить на зубъ, а воду наговоренную пить).

„Матужка-крапивужка, святое деревцо! Есть у меня р. Б. Н., есть у него въ зубахъ черви, и ты оныхъ выведи, а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя въ третій день отпущу“⁷⁾. (Привязываютъ верхушку крапивы къ землѣ, а на третій день отпускають).

1) *Ястребовъ*, „Матер. этн. Новорос. края“, с. 107. — Ср. *Чубинскій*, „Труды“, I, с. 125 и *Манжура*, „Сказки“, с. 151.

2) *Rulikowski*, „Zap. etnogr.“, с. 111 (транскрибировано).

3) *Манжура*, „Сказки“, с. 151.

4) „Ворон. Юбил. Сборн.“, II, с. 94.

5) *Марковичъ*, „Знах. нов. типа“, с. 422.

6) „Труды Моск. Этн. Общ.“, кн. V, в. 2, с. 202.

7) *Тихонравовъ*, „Лѣтописи рус. д-ръ“, IV, с. 77. — Ср. буквально у *Заблчина*, „Русскій народъ“, с. 364.

„Ich gehe zu den Wasserfluss, still meinen Zahne böses Blut. Die eine ist weiss, die zweite ist schwarz, die dritte ist roth. Morgen sind sie alle drei todt. Im Namen...“¹⁾.

„Heute komme ich und böte diesen Fluss, ein Schee wurm und das böse Geglüte, ein schwarzer, ein weisser, ein rother. Es kommt die Mutter des Gottes und schlägt sie alle drei todt. Im Namen...“²⁾.

„Заря, зорюшка, заря вечерняя, какъ ты утихаешься, какъ ты улегаешься, пускай у Н. зубъ желанный утихается, улегается, съ буйной головы, съ ясныхъ очей, съ черныхъ бровей, съ ретиваго сердца, съ жилъ, съ поджилъ, съ составъ, съ полуставъ. Зубище, зубище! иди ты на дубище; не пойдете на дубище, пойду къ Господу Богу, къ Михаилу Архангелу. М-ль А-ль возьметъ острую мечу, высъчетъ; вырубить, корень вашъ вырубить съ сучьемъ, съ вѣтьемъ, съ зеленымъ листьемъ. Какъ дубу не стоять, зелеными вѣтвями не махать, такъ этому зубу по костяхъ не ходить, костей его не ломить, бровь его не томить. Во имя Отца и Сына и Св. Духа“³⁾.

„Зара-зарица, Божжа помощница и Прачистая Мати! поможи помогати.— На кіяни-мори стоить дубъ, подъ тымъ дубомъ камянь, на камяни жарства, на той ж-и стоить тесовый столъ, на столъ пярчастая скатярът, на той с-и стоить три кубки вина, перады тымъ виномъ сидит три царики: первый ц.—раковъ, другій—вовчій, третій—ясенъ мѣсяць. Якъ тымъ царикамъ троухъ кубковъ вина ня пивать, такъ у р. Б. косьтямъ-зубамъ ня болѣтъ“⁴⁾.

1) *Bartsch*, „Sagen, Märchen...“, с. 430.

2) *Kuhn*, „Sagen, Gebräuche“, II, 206.

3) *Ушановъ*, „Матер. нар. вѣров.“, с. 182.

4) *Романовъ*, „Вѣлор. Сборн.“, V, с. 81.

Переходя къ заговорамъ съ молитвенной подкладкою, приведу здѣсь 4 заговора, стоящихъ особнякомъ:

(Ударяя „малко по образу“, мать говоритъ): „Моје дете плаче одъ руке, а не одъ зуба“ ¹⁾.

(Положить на больной зубъ маленькую палочку, предварительно проговоривъ надъ нею): „Фалуима, Гулуима, Адалаима“ ²⁾.

(Положить на больной зубъ смѣсь изъ толченаго чеснока и перца, предварительно проговоривъ): „Ангель, Авгуль, Амннь“ ³⁾.

„Секрень выхрень. Якъ прышовъ, дай понавъ, пиколы не буде що зъ города“. (Потомъ прочесть „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“) ⁴⁾.

„Помолимся Господу Богу, Прачистой Матотцы Св., Святымъ усимъ апостоламъ и свв. святочкамъ годовымъ празньничкамъ. — Стоить на мори дубъ, а за морамъ камянь. Якъ тымъ двомъ у вучу на сходитца, такъ у р. Б. зубамъ ня болѣць. — Зубы-зубищи, станьца на днищи. Якъ камянь окамянѣвъ и онамѣвъ, такъ зубамъ окамянѣць и боли ня чуць. — Водзица-дарица, пресвятлица, Ульяна, по усимъ свѣту гуляла, сэрца ўзрадовала. — Отыйди! жилю и огонь и жаръ уними. — Баба — Химися — усё лихо унимися“ ⁵⁾.

„Пресвятая Богородице, св. отче Антонію, поврачувавъ Господу Богу отъ великойи болезни, отъ ломовойи косты, одъ семидесятъ суставивъ, — поврачуи на рожд., хрещен. Н. отъ великойи болезни, отъ ломовойи косты, отъ зуба! — Щука въ мори, мій батько во

¹⁾ Милиѣевичъ, „Жив. срба селяка“, с. 139.

²⁾ Щуровъ, „Знах. на Руси“, с. 163.

³⁾ Ів.

⁴⁾ „Кіевлянинъ“ (газета) за 1866 годъ, № 26.

⁵⁾ Романовъ, „Вѣлор. сборн.“, V, с. 80.

грби. Отъ сей поры у нарожд., у хрещен. Н. зубы не болитымутъ“¹⁾.

„Во имя Отца... Аминь.— Спроси у Лазаря четверодневного, не болят ли у него зубы, не ломить ли голову и не щемить ли сердце?— Какъ у него зубы не болят и сердце не щемить, такъ бы у р. Б. *имрка* зубы не болѣли, голову не ломило и сердце не щемило. Аминь (3 р.). По твоей вѣкъ, по мою смерть, по мой вѣкъ, по твою смерть“²⁾.

Касаясь мизинцемъ больного зуба, прочесть сначала „Отче нашъ“, а потомъ:

„Ишовъ Христось черезъ ряку Иорданъ, сказавъ рабѣ Иорданъ: «Стань!» А ты, зубъ, болѣть не перестаешь!“³⁾.

„Господы милостивый! Св. мисяць на неби. Поможы мени, Маты Божа, си зубы зашептаты и съ пидь йихъ червы выклькаты. Червы-червышныкы! и не я ихъ выклькаю и не я помичъ высылаю—св. мисяць на неби и М. Божа на земли си зубы замовляла, и прызирни, и витряни, и хлопъячи и дивчачи, — и на Дунай—на море зсылала. И на Дунай — на мори и адъ и адыще изъ червонымы головкамы и зъ золотымы зубамы, и си червы повидаты, и си зубы замовляты. И мисяцю молодой, испытайся старого: чы болят у мертвого зубы? Ни болят, ни щемлять, якъ у рожд., хр. р. Б. Н.“⁴⁾.

„Ишли три тмѣ ионовъ, шили три тмѣ волковъ, ишли три тмѣ калоугерѣи. Юкъ тыи три тмѣ не могутъ изытись въ (е)-дино мѣсто и исти из одного блюда и единой оужицеи, такъ бы не могли мене раба божіа імерекъ зобуы болѣти. Силом и моціа божіа и пречистой моцю и всѣми сватыми моцю. Въ имя Отца и сына и сватого духа. Аминь“ (3 р.)⁵⁾.

1) Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 29.

2) Соколовъ, „Заговоры“, т. X, в. 1-й (Матеріалы).

3) „Этногр. Обзорѣніе“ за 1899 годъ, кн. 1, с. 163.

4) Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, с. 320—1.

5) Сурку, „Отрыв. млр. травиика“, с. 11.

„Стану благословясь, пойду перекрестясь изо дверей во двери, из ворот въ ворота, из завор въ завор; выйду я въ цистоё полё, приду къ синему морю, стану я на нашатырь-камень, сгляну я на восточную сторону. На горѣ на Ольфофѣ, на деревѣ кипарисѣ жидовѣ Господа Исус' Христа распинали, — кости не болѣли и жилы не скомнули. Тако у сія р. N. кости не болѣли, жилы не скомнули. Какъ къ желѣзу сталь пристаёт, так мои слова къ дѣлу пристали во вѣки вѣковъ. Аминь“¹⁾. (Погрызть больными зубами скотскую кость и, проговоривъ 3 раза: „Въ чес(т)ь св. Лавренція“, — бросить кость въ огонь, гдѣ сгорить и болѣзнь).

„Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! — Господни храмина, тебѣ не гарывать, тебе не гарывать, у р. Б. N. зубамъ не балѣвать — отнынѣ до вѣку, во вѣки, аминь. Святой Духъ — аминь“²⁾.

„Ich nem den Schmerz, wie Gott Vater seinen. Sohn am Kreuze genommen. Im Namen...“³⁾.

„Ишло два планитныкы, два прыстритныкы, дви плапланитныци, дви прыстритныци, и здыбае ихъ Дива Марія, Матинва Христова: „А де жъ вы идете, два планитныкы... прыстритныци?“ — Идемъ до хрещен., мыромъ помазаннаго N., вступимъ въ голову, въ зубы, въ 77 суставивъ, костивъ. — Нейдите вы, бо я буду вызываты, я буду честный хрестъ прыкладаты въ голову, въ зубы, въ 77 суставивъ. Аминь“⁴⁾.

„Имя свое (?) небеснаго Спасителя прызываю и р. Б. рожд., мол., хрещ. N. зубы замовляю. — Мисяцю молодой, тоби хрестъ золотый. Мисяцю тоби на пидповня, дай, Господы, N. на здоровья. На мори каминь, на в-и церква, а въ той церкви престоль, за престоломъ лежить чоловікъ безъ рукъ, безъ ногъ, безъ трехъ-освяты су-

¹⁾ Колосовъ, „Замѣтки“, с. 182.

²⁾ Тихонравовъ, „Лѣтоп. рус. л-ры“, III, с. 77.

³⁾ Birlinger, „Volksthümliches aus Schwaben“, с. 448.

⁴⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 126.

ставъ. Коли той чоловікъ устане, та буде говорити, то тоди въ р. Б., рожден., молитвен., хрещен. Н. зубы будуть болити. Имя свое (= святое? — пропускъ титла?) Пречыстои Божои Матери Праворучной Почаевской призываю и р. Б., рожд., мол., хрещ. зубы замовляю. Мисяцю молодый, тоби хрестъ золотый, мисяцю, тоби на пидновня, дай, Господы, Н. на здоровья. На неби мисяць, а въ поли вовкъ, а въ мори рыба; коли ти тры особы сойдудца и будутъ говорити, то тоди у р. Б. рожд., мол., хрещ. Н. зубы будутъ болить“¹⁾. (Заговаривать натощаць, дуть въ ротъ больному).

„Вы святѣя святители, вы Божія угодники и скорыи помошники пумагитя и пасабитя, абъ чомъ васъ просимъ—выганяты боль изъ зубоу на щиры бары, на темны лясы, на мхи, на балоты, на гнилѣя калоды.—На щирыхъ барахъ, на темныхъ лясахъ, на мхахъ, на балотахъ, на гнилыхъ калодахъ стоить избенка, у той избенки ляжить тамъ р. Б. (имя послѣдняго похороненнаго на кладбищѣ). „Рабъ Божій мартвецъ! баляты ли у тебе зубы?“—Нѣтъ ни баляты.—Ну, каму я загавариваю, нихай вѣкъ ни баляты.—„Маладикъ маладѣй, што мы тебе три дни ни видали — идѣ ты дасюль былъ? — Быў я далеча — на томъ свѣти.— Каво ты тамъ видіу? — Видіу Бога, усихъ святыхъ, усихъ мартвыхъ.—Што ты зъ ими гаваріу тамъ?— Пра зубы. — Ти баляты у ихъ зубы? — Нѣтъ, гаварили, ни баляты.—Ну ня рушь у р. Б. Н., и вѣкъ ни баляты. Аминь“²⁾. (Вечеромъ, послѣ появленія звѣздъ, вывести больного на средину двора, обвести ему большую щеку „явырнымъ“ корешкомъ, разрѣзать, послѣ заговора, корешокъ на три части и велѣтъ положить на зубу одну часть въ эту ночь, другую — утромъ, а 3-ю на слѣдующую ночь).

(Завернуть въ полотно свежловичный листь, отварить и держать отваръ на больномъ зубѣ, говора): „Во ими

¹⁾ *Истребовъ*, „Матер. этн. Новорос. края“, с. 108.

²⁾ *Добровольскій*, „Смолен. этн. сборн.“, с. 196.

Отца... Аминь. Сухо дерево въ селѣ, камень на небесахъ; не повреди, Господи, отъ камене кости у р. Б. имрека, сохрани, Господи, и помилуй отъ кости ломоты, скорби и лютой болѣзни. Св. о. Антоніе, зубной хранитель, сохрани и помилуй отъ кости ломоты у р. Б. имрека отъ кости ломоты, скорби и лютой болѣзни. Во имя. Аминь“ ¹⁾).

(Наговариваютъ на соль, рѣдку или еловый сучокъ): „На морѣ на окіанѣ, на о-вѣ на Буянѣ стоитъ соборная апостольская церковь; въ той соборной ап-ской церкви стоитъ Мать Пресвятая Богородица и преподобный Антипій, зубной издѣлитель. Онъ просить и молить угодниковъ Божиихъ о рабѣ Б. Н.: Какъ у васъ, угодники Божіи, зубы не болѣли, такъ бы у р. Б. Н. зубы не болѣли. Во имя Отца... Аминь“ ²⁾).

(Наговариваютъ надъ чеснокомъ, одну половину коего кладутъ на больной зубъ, а другую — на жилу той руки, съ которой болитъ зубъ):

„Во имя Отца... Духа!—Стану я р. Б. благословясь, пойду перекрестясь, отцемъ прощень, матерью благословлень, выйду я р. Б. имрекъ изъ избы въ избу дверми, изъ двора воротми въ чистое поле, въ томъ чистомъ полѣ идутъ путемъ-дорогою три святители Христовы: Авраамъ, Исаакъ и Антипъ, зубной дѣлитель. При пути и при дорогѣ лежатъ мертвецы непогребены. Спросятъ у нихъ святители Христовы: „Что вы, мертвецы, непогребенны, лежите при пути, при дорогѣ? Не болятъ ли у васъ болѣлые зубы, не щепятъ ли кости, не точатъ ли черви; нѣтъ ли въ нихъ щипоты, ломоты и опухоли?“—И говорятъ мертвецы непогребенны: „Ой вы, святители Христовы, мы есмь мертвецы непогребенны, лежимъ при пути, при дорогѣ. Не болятъ у насъ болѣлые зубы, не щепятъ кости, не точатъ кости (черви?), и нѣтъ въ нихъ щепоты, ломоты и опухоли“. — И такъ я р. Б. имрекъ помолюсь и поклонюсь тремъ святителямъ Христовымъ: Авра-

1) *Соколовъ*, „Загов.“, II, с. 116—7.

2) *Тихомировъ*, „Чѣтоп. рус. л-ры“ III, с. 77.

аму, Исааку и Антипу, зубному изцѣлителю. Помогите и пособите мнѣ р. Б. Н., чтобы не болѣли мои бѣлые зубы, не щепили бы кости и не точили бы черви, и не было бы въ нихъ щепоты, ломоты и опухоли — въ ста-то трехъ и двухъ составахъ, въ ста семидесяти двухъ и трехъ жилахъ, въ новомѣсяцѣ, въ полномъ и въ перекроѣ, въ новцѣвомъ и верховомъ, въ рожденномъ и въ схожей пятницы. Будьте мои слова и рѣчи сильныя и тѣмъ словамъ въ подтвержденіе ключъ и замокъ. Слава Отцу... Духу, нийѣ и присно и во вѣка вѣковъ. Аминь“ ¹⁾.

„Св. Адамъ, св. Миколай, св. Спаситель, св. Власій, св. Ѳедосій, храбрый Ягорій, св. Иванъ Предтеча, св. Митрій, св. Митрохванъ, св. отче Авдрій и Мати Марія, и пособите и помилуйте одъ усякойи болисты, одъ усякойи скорботи р. Б. Н. — И звирь въ поли, рыба въ мори, звизды на неби; колы си тры брата до-купы зійдудця, тоди у сего рожден., намолытвяного Н. зубы боляты муть“ ²⁾.

„Св. Антонію, зубовой цыльтелю, поможи мени! Молодыче (bis)! пытаюся старого: чы болятъ зубы у мертвого? — Ни, не болятъ. — Викъ викомъ, судъ судомъ у хрещ., рожд. и мол. р. Б. Н“ ³⁾.

„Св. Антонію, зубовой цѣлителю, поможи мѣнѣ! Молодыче (bis)! пытаюся старого, чы болятъ зубы у мертвого?...“ ⁴⁾. (Какъ предыд.).

„Господы Боже нашъ безначальный! пошли, Господи, рабу Своему Н. помощи —избавиться отъ болѣзни зубной, и ты, Царица, Госпожа, Пресвятая Богородица, закрой Своею ризою раба Своего Н. — Къ тебѣ прибѣгаю, св. великомученику Антипию, прошу, — защити р. Б. Н. отъ зубной болѣзни. Аминь“ ⁵⁾.

1) *Рыбниковъ*, „Пѣсни“, IV, с. 257—8.

2) *Кушелевъ-Безбородко*, „Памятники“, с. 167.

3) *Чубинскій*, „Труды“, I, с. 125.

4) *Ефименко*, „Сборн. мдр. закл.“, с. 7.

5) *Маняъ*, „Нар. обыч.“, с. 88.

„Антыпъ, свѣтый угодныкъ Божый просывь Бога отъ болести востей, зубивъ“ (3 р.)¹⁾.

„Der Herr Jesus warne die Zahnwüthigen; darinnen waren Würmer — drei weisse, drei schwarze, drei rothe. Er nahm die andern zwei und schlug sie damit todt. Das sag' ich dir zu Busse“²⁾.

„De hillige st Jost toch oewer dat mehr. Vnd wehne- de so sehr. Jost, wat schad du? — O here, mine thenenen dohu me we! — Jost, ick will se dy segnen. Der worme sindt negen: die söte worm, de graue worm, de brune worm, de witte worm, de brune worm, de witte worm. Alle die ik nicht benömen kan, de schal de Here Christ benömen. Nemet jy water in den mundt vnd spyet de wor- me vp de grundt“³⁾.

„Es kam eine Junfer aus Engelland eine rose trug sie in ihrer hand. Bis die Sonne untergang, die sieben und siebzigsterlei zanrose verschwand“⁴⁾.

„S. Appollonia vele Gnade hëffsta macht du bist weldich dach vnde nacht. Auer dat Tenenwehe, in aller gnade, sta uns by fro vnde spade“⁵⁾.

„Sancta Apolonia virgo fuit inclita, cujus pro Christi nomine dentes extracti fuerunt. Et deprecata fuit Dominum Jesum Christum, ut quicumque nomen suum super se portaverit, dolorem in dentibus destruat. Pater et Filius... Amen“⁶⁾.

— (Въ видѣ чтенія изъ апокрифическаго евангелія.—
Наузъ на мѣдной бляхѣ):

„Jesus docebat discipulos suos, et ibi sedebat Jacobus maior... et Petrus, qui sedebat super petram marmoream,

¹⁾ *Rulikowski*, „Zap. etnogr.“, с. 112 (транскрибировано).

²⁾ *Bartsch*, „Sagen, Märchen“, II, с. 428.

³⁾ *Ib.*, с. 427.

⁴⁾ *Gödeke*, „Deutsche Dichtung“, с. 243 (ср. буквально у *Kuhn u. Schwartz*, „Nordd. Sagen“, с. 440).

⁵⁾ *Bartsch*, *Op. cit.*, с. 427.

⁶⁾ *Blant*, „Notes s. form. cabal.“, с. 60.

tenebat manum suam a caput suum e cepit contristari. Dixit Jesus: „Petre, quare tristis es?“ — Responditi ei Petrus e dixiti: „Quia vetus vermen, qui vocatur gucta emigranea, devocat dentes meos“. — Responditi ei Jesus: „Aiuro te de vermene per nomen domini nostri Jesu Christi, ut decedat ab se et ab omni homine, non conrodat; et qui super se portaverit hoc scrittum ab omni dolore dentium liberaretur, et sic dignieris per hune famulum tuam. Amen + amen. + Agios“ (3 p.)¹⁾.

„Petrus stand unter einem Eichbaum, da kam unser Herr Christus und sprach zu ihm: „Was fehlet dir, — du bist so traurig?“ — Da sprach Petrus: „Warum soll ich nicht traurig sein: meine Zähne wollen mir verfaulen“. — Sprach unser Herr Christus: „Geh hin in den Grund, nimm Wasser in den Mund und spuck es wieder in Grund. Im Namen...“²⁾.

„Sant Peter sas auf ainem stain und hub sein Wange in der hant. Do chom vnser herre vnd sprach czu ymi: „Peter, was hastu?“ — Da sprach s. Peter. „Herre, die würm haben mir, die czende durchgraben“. — Da sprach der herre: „Ich beswer euch czende (l. würm) pey dem vater ond pey dem syn und pey dem heiligen geist, daz er (=ihr) hinfürchainen gewalt mer habt, Petro sein czen-den cze graben.—Ayos (3 p.) tetragmaton“³⁾.

„Петар на камене мраморне нерадоси беше ва себе. Приде в нему Господ и рече Господ: рабе Петре, что ти тако нерадостен? — И рече му Петар: Господе, приде ми чрев и гризе зубе мое. — И запрети Господ чреву и рече: изиди, чреву, из раба моего Петра. — Изиде чрев и бише зуби яко рождени, и рече Петар Господу: да васа-кому человеку напишем сију молитву. И рече Господ: на-

¹⁾ *Буславъ*, „О славян. рукоп.“, с. 244.

²⁾ *Kuhn*, „Sagen... aus Westphalen“, с. 205. — Ср. *Meier*, „Gebräuche“, № 476, *Wolf*, „Beiträge“, I, 255, № 11. — Ср., почти буквально, *Peter*, „Volksthümliches“, с. 208.

³⁾ *Oswald von Zingerle*, „Segen“, с. 175.

пиши, Петре. Запрешта му Христос да не имат чреве уведити тко носи. И рече Господ: амин, амин. Господи, да будет на помошт рабу мојему (каже се име) и шти тропар и кондак месеца Априла дана *м.* Сатвори молитву надъ ним“ ¹⁾.

(Положивъ челюсть на камень): „Радуйся, стѣно, и кореніе еи. Измии Ги болѣзнь ѿ моихъ челюстей и зобовъ моихъ, да не оброушатся стѣною въ вѣкъ, Хе Бже и дажъ помощь Хе и здравіе, исцѣленіе главѣ и челюстемъ рабу твоему *Н.* мѣтвами стго сѣценномѣнка Антипы и стѣла Бѣа и стѣл безмезникъ Козмы и Даміана и всѣхъ стѣхъ твоихъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминъ“ ²⁾. (Великому Антипѣ литургию створи и даи на службу по силѣ).

1) *Милѣсевић*, „Жив. срба сельака“, с. 164 (изъ старонечатнаго исалтыра 1570 г.).

2) *Тихоноправовъ*, „Пам. отреч. л-ры“, с. 356.

ГЛАВА 5-я.

Заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся.

Въ этой главѣ, представляющей лишь механически соединенное цѣлое, намѣчаются двѣ части: одна, въ которой въ алфавитномъ порядкѣ перечисляются болѣзни и существующія противъ нихъ заговоры (если послѣднихъ большое количество, — размѣщаются по системѣ, соблюдавшейся въ предыдущихъ главахъ); другая, въ которой собраны заговоры, примѣняемые сразу къ нѣсколькимъ болѣзнямъ (повидимому, при неумѣннѣ поставить надлежащій діагнозъ въ виду сложности или новизны болѣзни, или недостаточной увѣренности самого знахаря въ своихъ познаніяхъ, при дѣйствіяхъ наугадъ).

Первая часть представляетъ большія затрудненія при передачѣ народнаго (областнаго, мѣстнаго, иногда случайнаго) названія болѣзни общепринятымъ терминомъ, особенно когда такихъ названій не встрѣчается и въ спеціальныхъ словаряхъ. Здѣсь, можетъ быть, не мало промаховъ, недочетовъ, исправлять кои усердно прошу всѣхъ, кого интересуетъ выясненіе истины въ данномъ вопросѣ, заранѣе принося таковымъ свою искреннюю благодарность.

Антоновъ огонь (гангрена, воспаление, kalte Brand, Feuer, Brandwunden).

„Christus, der Herr, ging über Land. Es begegnete ihm ein kaltes Gesicht. Christus der Herr sprach: „Wo willst du, hin, kaltes Gesicht?“ — Das k. G. sprach: „Ich will in den Menschen fahren“. — Chr. d. H. s.: „Was willst du in dem Menschen thun?“—Sein Bein brechen, sein Fleisch essen, sein Blut trinken“. — Chr. d. H. s.: „Kaltes Gesicht, das sollst du nicht thun! Erbsen musst du trinken, Kiesesteine musst du essen, aus einem Brunnen musst du trinken, — darin musst du versinken. — Im Namen...“¹⁾.

„Das walt' das bittere Leiden und Sterben unseres Herrn Jesu Christi: Feuer und Wind und heisse Glut was du in deiner elementischen Gewalt hast, ich gebiete dir bei dem Herrn Jesu Christi, welcher gesprochen hat über den Wind und das Meer, die ihm auf's Wort gehorsam gewesen; durch diese gewaltigen Worte, die Jesus gesprochen hat, thu' ich dir, Feuer, befehlen, drohen und ankündigen, dass du flugs dich sollst dich legen mit deiner elementischen Gewalt der Flamm und Glut. Das walt' das rosenfarbene Blut unseres lieben Herrn Jesu Christi: Du, Feuer und Wind auch heisse Glut, ich gebiete dir wie Gott geboten hat dem Feuer und der Glut durch seine heiligen Engel in dem Feuer ofen, als die drei heiligen Mütter Gidrach und seine Mitgesellen Misach und Abdenago, durch Gottes Befehl dem heiligen Engel befohlen, dass sie sollen unversehrt bleiben, wie es auch geschehen. Also sollst gleicherweiss' du Feuer Flamme und heisse Glut dich legen, da der allmächtige Gott gesprochen, als die vier Elemente sammt Erde und Himmel geschaffen hat. Fiat. (3 p.) + + +“²⁾.

„Господи Боже, спасай отъ огня! Яко же спасавъ еси въ пещи огненной трехъ отроковъ Ан., Ав. и Михаила, не попу-

¹⁾ А п п а н J. „Volkssegen.. Bohmerwald“, с. 208.— Заговоръ очень распространенный: начало ср. „Aus Schwaben“, I, 448—9, 443, 459, 463, конецъ у Gr., Myth., 973, Zs. f. Volkskunde v. Veckenstedt, II, 4, s. 161, 3; Zs. f. deut. Myth., IV, 106; весь текстъ ср. Gr. Myth. 1042, прил. къ 1043; Wolfsthurner Sagen Oben S. 173; Kuhn, Ws. II, 203).

²⁾ Peter, „Volksthümliches“, II, 229—230).

стивъ тимъ не мало вредитися отъ пламени, и Данила отъ устъ львовыхъ избавивый и Мойсея одъ рукъ фараоновыхъ, соблюдивъ и св. Феклу отъ огня и звирей, такъ же спошли и мени р. твоему N. отъ цѣго огня и страданія, цѣи пламени горящои“¹⁾).

„Feuer, ich gebiete dir,
Dass du sollst stille stehn,
Und nicht weiter gehn.
Im Namen...“²⁾).

„Brand, steh' stille, Es ist Gottes Wille, Brand, du sollst stille stehn Und nicht weiter gehn. Im Namen...“³⁾).

„Bist willkommen, du feuriger Gast.
Greif nicht weiter, als was du hast.
Das zahl ich dir Feuer, in deiner Buss“⁴⁾).

„Brand fall in Sand,
fall in Fahrweg,
fall ganz und gar Weg“⁵⁾).

„Brand, fall in Sand
brenn nicht innenwärts,
brenn auswärts“⁶⁾).

„Ich gebiete dir, Feuer, du wollest legen deine Glut,
bei Jesu Christi teurem Blut,
das er für uns vergossen hat,
für unsere Sünd' und Missethat“⁷⁾).

„Brand, da ich dich fand, | so sollst du verschwinden, |
wie Tau im Grase, | wie der Tote im Grabe“⁸⁾).

„Ich bespreche diesen Brand in Kraft Gottes: | Brand,
fahr aus die der Wind, | dass dich niemand find“⁹⁾).

„Weich aus Brand | Und geh nicht ein! | Er sei kalt oder
warm, | So lass dein Brennen sein! | Behüte mir (=dir) mein
Blut, Fleisch, Mark und Bein, | Sie seien gross oder klein, |

1) Щербина, „Наговоры“, с. 588.

2) Роеск, W., „Aberglaube.“, с. 118. 3) Ib.

4) Прагн, „Glaube u. Brauch“, с. 190. 5) Ib. 6) Ib. 7) Ib. 8) Ib.,

с. 194. 9) Ib.

Sie sollen in Gottes Namen unverletzt und wohl bewaret sein.
Im Namen...“¹⁾.

„Der Himmel ist hoch,
Der Krebs ist roth,
Die Todeshand ist kalt:
Damit still ich diesen Brand.
Im Namen“²⁾.

„Hoch ist der Himmel,
Kalt ist der Nebel,
Kalt ist die Totenhand,
Damit vertreib ich diesen Brand“³⁾.

„Brant, Brant,
Du geist oewer Moor in Lant,
Mit myn geseegnete Hant,
Rade ik düssen Brant.
Im Namen“⁴⁾.

„Als ich über den Jordan ging,
Fand ich ein Totenhand,
Damit still ich den Brand“⁵⁾.

„Ich ging über Sand und Land
Und fand eine todte Mannshand.
Damit still ich diesen Brand.
Im Namen“⁶⁾.

„Es standen drei Mädchen,
Die hatten drei Briefe in der Hand,
Die eine verschwand,
Die andere verschwand,
Die dritte stille den kalten Brand.
Unser Herr Christus reist durch das ganze Land,

¹⁾ Meier, „Deutsche Sagen...“, c. 517.

²⁾ Bartsch, „Sagen Märchen...“, II, c. 385 (ср. почти буквально у Müllenhof „Sagen, Märchen“, c. 516).

³⁾ Prah n, Op. cit., c. 194.

⁴⁾ Müllenhof f, „Sagen Märchen...“, c. 516.

⁵⁾ Prah n, Op. cit., c. 194.

⁶⁾ Kuhn, „Sagen, Gebräuche“, c. 200.

Damit still ich den kalten Brand.

Im Namen“¹⁾.

„Es gingen drei Heiligen wohl über Land,
Da begegnete ihnen der höllische Feuerbrand.

Er sprach: Brand, du sollst weichen und der Schaden
soll schleichen (3 p.)

Im Namen...“²⁾.

„Es gingen drei heiligen Wehtag,
auf einen schmalen Weg,
der eine pflückt das Laub vom Baum,
der andre pflückt das Gras vom Weg,
der dritte nam die Wehtag weg.

Im Namen...“³⁾.

„Christus der Herr
Geht über das Land;

Er stört, er wehrt.

Fur all dein' Brand,

It raus und it' nein.

Im Namen“⁴⁾.

„Feuer du heissest Flamme, dir gebietet Jesus Christus,
der werthe Mann, dass du sollst stille stehn und nicht weiter
gehn; im Namen Gottes des Vaters...“⁵⁾.

„Unser Herr Jesus Christus ist geboren in Betlehem, er-
rogen in Nazareth, gekreuziget in Jerusalem, die drei sind
wahr. Unser Herr J. Ch. nahm die schönen Jungfrauen an
der Hand, besprach die Schwulst und auch den Brand und
auch die schmerzen“⁶⁾.

„Jesus Christus ging über Land, begegnet ihm ein Feuer-
brand; Brand, du sollst verlöschen, sollst nicht weiter fressen,
das zähl' ich dir zu gute. Im Namen...“⁷⁾.

„Gott der Herr ging über Land, hat einen feurigen

1) Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, c. 385.

2) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, c. 441. 3) Ib., c. 441—2.

4) Meier, „Deutsche Sagen“, II, c. 517.

5) Köhler, „Volksbrauch, Aberglauben“, c. 407.

6) Prahm, „Glaube u. Brauch“, c. 194.

7) Köhler, „Volksbrauch, Aberglaube“, c. 403—4.

Brand in seiner Hand; Brand brenn' aus und nicht ein, das soll mein Brand sein“¹⁾.

„Der liebe Herr Jesus und die Mutter Gottes gingen wol über Land;

Da begegnete ihn'n das wilde Feuer und der kalte Brand,

Sie gingen wol durch ein'n grünen Wald,

Da stand ein Stock mit voller Brand.

Da sprach die Mutter Gottes:

Liebster Herr Jesus, gebiete dem

Wildfeuer und dem kalten Brand,

Dass er stille steh'

Und nicht weiter geh'.

Im Namen“²⁾.

„Unsre liebe Frau Mutter ging über Land,

Da fand sie einen Baum, der brant',

Darauf legte sie ihre rechte Hand,

Ist gut gegen den Rothlauf und den kalten Brand

Im Namen...“³⁾.

„Maria, unsre liebe Frauen ging über das Land; was trug sie in ihrer Hand?—Einen Feuerbrand; er brennt uns und brennt nicht, das zähl' ich dir zur Busse“⁴⁾.

„Gott und sanct Petrus giengen über Land,

Sie sahen einen Brand.

Brand, du sollst nicht hitzen,

Brand, du sollst nicht schwitzen,

B. d. s. n. geschwären,

Bis die Mutter Gottes einen andern Sohn wird gebären.

Im Namen“⁵⁾.

„Unser Herr Gott und sanct Petrus ginger über Land,

Da fanden sie nichts, als Feuer und Brand im Sand,

Da sprach sanct Petrus: strecke aus deine rechte Hand,

Und gesegne den Brand,

¹⁾ Köhler, „Volksbrauch, Aberglauben“, c. 404.

²⁾ Kuhn, „Sagen,

Gebrauche“, c. 208. ³⁾ Ib. — (Cp. Wolf, „Zeitschrift“, I, 279; Pröhle, „Harz-bilder“, 81).

⁴⁾ Köhler, Op. cit., c. 404.

⁵⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, c. 517. (Cp. Müllenhoff, „Aus Schleswig-Holstein“, c. 517, № 31).

Dass er nicht ich noch um sich frisst,
Das beschwöre unser lieber Herr Jesus Christ.
Im Namen...“¹⁾.

„Gott und Petrus gehen übers Land,
Sie sehen brennen einen Brand.
Brand, du sollst nicht brennen,
Brand, du sollst nicht sengen,
B., d. s. n. hitzen,
B., d. s. n. schwitzen,
Bis die liebe Mutter Gottes
Ihren andern sohn sollte gebären.
Im Namen“²⁾.

„Petrus ging über Land hatte ein verbrannte Hand, das
zähl' ich zu Gute an deinem Fleisch und Blute“³⁾.

„Petrus und Johannes
Gingen beide wandeln.
Petrus nahm den Stal in die Hand,
Damit still ik dy den Brand“⁴⁾.

*Бешиха*⁵⁾ [рожа, болячка; erysipelos; гербанецъ (въ тяжкой формѣ); Rose, Hilge, Rothlauf, Ueberröte, Helldink, Bellrose].

„Бешыхо-бешышыще! подумана й погадана, изъ витру,
воды и праці, чоловича и жиноча, и парубоцька и дивоцька,
и хлопьяча и дивчача, и попивська, и панська и цыганьска, и
горовыняча, и голубыняча; и вызываю и выклекаю: и розій-

¹⁾ K u h n, „Sagen, Gebräuche“, с. 201.

²⁾ M ü l l e n h o f f, „Segen, Märchen“, с. 517.

³⁾ K ö h l e r, „Volksbrauch, Aberglauben“, с. 404.

⁴⁾ M ü l l e n h o f f, „Sagen, Märchen“, с. 516.

⁵⁾ Потебня сближалъ это слово съ румынскимъ „beșike“; А. Погдинъ („Этимологическія замѣтки“ въ „Рус. Филол. Вѣстн.“, 1898 г., № 1—2, с. 3) сопоставляетъ „beșega“ (бешиха) съ серб. „bešiti“ = мучить и съ цсл. „бечитисл“ = бе(з) + ши = беспокоить. — Иногда встрѣчается форма „бехъ“ (для обозначенія болѣе легкой степени заболѣванія) или „бешишнякъ“, какъ названіе существа мужескаго пола, производящаго эту болѣзнь, которая „страхъ не любе мокроты“, которая въ значительной части имѣющагося у меня матеріала представляется живымъ существомъ. У Чубинскаго („Труды“, I, 116) находимъ указаніе, что „бехъ — Иродовъ сынъ, а 11 бешыхъ — Иродовы дочки“.

дыся, и розступыся, иды на глубоки яры и на густы очерета, де дзвоны не дзвонять, де людскый гласъ не заходить — тамъ садысь и коренысь. Рождений, м-ій N.“¹⁾

„Бешихо, бешишище, може ты жиноцька, а може ди-воцька, може парубоцька, я тебе вызываю, я тебе выклыкаю, я тебе посылаю — иды соби на болота, на очерета, де витерьъ не віе, де сонце не гріе, де люды не ходють, де коровы не бродють, куды питушиный голосъ не долитае; тамъ соби ко-ренысь, тутъ тоби не стояты, билои кости не ломыты, черво-ной кровы не пыты, билого тила не сушыты новорожденного, крещен., молитв. N. не зводыты. Тьфу! сгынь, проиады!“²⁾

„Бешыхо, чирячка, болячка, зализнячка! Тутъ тоби не стояты и не роспухаты, сыномъ не сыпаты, чырякамы не кы-даты и въ голову не быты, и въ зубы не трудыты, щырого сердца не нудыты, семыдесяты суставъ не ломыты и билого тила не ялыты, новорожденного, м., хрещ., прычащен. N. не су-шыты. — Я тебе вышинтую, я тебе выкурюю за дымамы, за витрамы и въ ту пустыню одсылаю, де дзвоны не дзвонять, де хрыстіянскый голосъ не заходить. Господы, поможы!“³⁾

„Бешыхо—б-ще! тутъ тоби не стояты, жовтой кости не ломыты, червонной кровы не пыты! Я тебе вызываю, я тебе выклыкаю, зъ ёго плечей, зъ ёго жовтыхъ костей, зъ ёго щы-рого сердца и одсылаю на очерета, на болота, на велькы ли-са,— тамъ соби селысь, тамъ соби остановысь, и на дыку пты-цю наладысь“⁴⁾

„Бѣшиха, цыганка, б. поганка, б. нѣмкеця, сойды съ ра-бы Б. N. Иды соби на луга, на болота, на густые очерета, де пивни не спивають, де собаки не брешуть, куды хрыстіан-скый голосъ не доходитъ“⁵⁾

„Ты бешъ, ты бешиха, ты водяна, ты витряна, ты назва-на, ты наслана, подумана, погадана, тутъ тоби не стояты, червонной кровы не пыты, жовтой кости ны ломыты, билого

¹⁾ Милорадовичъ, „Народн. медц.“, VII—VIII, с. 55.

²⁾ „Матеріалы Предварительн. Комитета XII Археологич. съѣзда“; доставле-но свящ. Харк. Свято-Духовской церкви Шостенко.

³⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, VII—VIII, с. 55. ⁴⁾ *Ib.*, с. 56.

⁵⁾ Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 105.

лыця ны сушыты. Иды соби на очерета, на болота, де люды ны ходять, де людський гласъ не заходе, де пивни не спиваютъ, де дивкы косамы ны мають (вар. — не роблять), тамъ йе стара суха (вар.—мала) маты, вона тебе буде годуваты“¹⁾).

„Бешыхо—б-ще, болячка—б-ще! ты й водяна, ты й витряна, и прозира, подумана и погадана! тутъ тоби не стояты, жовтои косты не ламаты, розійдысь и ростечысь, якъ на сы-нему морю вода“²⁾).

„Бешыхо—б-ще! рожо—рожыще! а зъ видкиль ты взялася, зъ видкиль сходыла? Чы ты зъ витру, чы ты зъ соньця, чы одъ лыхыхъ людей, чы зъ плечей, чы зъ поганыхъ очей? чы загаданая, чы заспаная, чы залытяна, чы зайидяна? чы чоловича, чы жиноча, чы дивоча, чы парубчана, чы паньська, чы цыганьська? Я тебе вызываю, вымовляю и Бога благодаю, чы ты зъ витра, чы ты зъ соньця, чы ты одъ лыхыхъ людей, чы зъ плечей, чы зъ поганыхъ очей, иды соби на сухой лись, на безплодне дерево, тамъ будешъ сушыты и вялыты, а порожденному, мол., мыромъ помазан. N. зупокой дай“³⁾. (Говорить 3 р., подкуривая дымомъ отъ гороха или пасхальной муки).

(Окуривая и махая „верхомъ“ съ трубы): „Бышышнику, я тебе прощу, видступыся видъ мол., нарожд. N., бо ты тутъ укоренився: пустывъ паросты по веихъ суставахъ и по 77 жылахъ, и покы я тебе не знала, покы я тебе и не зганяла; теперь я стала знаты, стала Матерь Божойи прохаты, стала М. Б. мыни въ домочи стояты. Розійдыся и по полямъ, и по морямъ, и по лисамъ, де люде не ходять, де витерь не вие, де собаки не брешуть, по лугамъ по очеретамъ, де хаты пусти и де замки пусти“⁴⁾).

(Потирая больное мѣсто, отворивъ дверь и 3 р. плюнувь):

„Ты, рожа, рожа! ты выросла и до цѣла грѣшнаго пришла, — хучей жа росьци, да разцвѣтай и звяўшы съ твару (=лица) продай“⁵⁾).

¹⁾ Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 105. Ср. Чубинский, „Труды“, I, с. 116. ²⁾ Ib., с. 56.

³⁾ Bulikowski, „Zapiski etnograficzne“, с. 111 (транскрибировано).

⁴⁾ Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 27.

⁵⁾ Шейнъ, „Материалы“, II, с. 546.

„Рожа, рожа! рожа твоя Божа, кабъ етой рожы у р. Б. ня быць“ ¹⁾ (читать 3 р., предварительно положивъ на больное мѣсто тряпку съ высушенной лягушечьей икрою).

(Подкуривая больного сухими лепестками розы, заставляютъ его прочесть Отче нашъ, Вѣрую и Zdráwas Kralovno, а потомъ говорятъ):

„Zaklénám vas, pakostnice, rŕžownice, kostnice, do lesa hlubokého, do dubu vysokého, do dreva stojateho i ležateho: tam sebou mlatte a trískejte, a teto osobě N. pokoj deite“ ²⁾.

(Подкуривая синей сахарной бумагой и „шматкомъ каглянки“ съ рогача, кочерги и лопаты, говорить 3 раза каждый вечеръ):

„Бешыха зъ позору, зъ витру, и болючая и сверблючая, и колючая! Я тебе замовляю, иды, соби въ море водою перелываты, пискомъ пересыпаты, де шарубокъ борода не брые, де дивка косы не чеше“ ³⁾.

(Положивъ на больное мѣсто красный шерстяной платокъ, сжигаютъ на немъ 9 кусковъ льна и полученный пепель прикладываютъ къ рожѣ, говоря):

„Бешикга гнила, б. пухка, б. зъ ружи, марена, лыхымъ часомъ, б. замочена, б. запоганена, — тутъ йй не гориты, не болиты, не лупаты, не скипаты, але такъ зныдиты, як нидіе вискъ на вогни, пина на води, роса на трави. Дымъ се расходе“ ⁴⁾.

„Прыйды, Господы, помогаты, отъ бышихы шептаты. — Бышиха, б-ыще, болячка, б-ыще, нежить, не-ще, и подумана, и погадана и помыслина и наслана, тутъ тоби не стояты, щырого сердца не тошныты, чырвоной кровы не пыты, жовтой косты не ломыты, пиды соби, де гилля нидилля, де людський гласъ не заходе. Бышиха туркены, б. нимкены, б. руська, б. жыдовська и некрещена, и немолытвяна“ (12 разъ) ⁵⁾.

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, с. 93.

²⁾ Егбен, „Česka zařikadla“, с. 53.

³⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 105.

⁴⁾ Лоначевскій, „Сборн. пѣсенъ“, с. 104. Ср. буквально у Курезанко, „Volksmedicin... in Bukowina“, II, с. 61.

⁵⁾ „Харьк. Сборникъ“ VIII, с. 36—37.

„Господы мылостывый, поможы мени, м. Божа, сю бешыху одгониты и витряню, и прозирну, и часову, и мынутну, и подуману, и погадану, и прелюбовану, и зйидену, хлопчачу, и дивчачу, и жиночу, и парубочу, одъ рожденной, м., хрещ. р. Б. Н.—Аминь“¹⁾).

„Зара-зараница и вичерница, обыйди вокругъ свѣта, стань на помичь р. Б. болячку выговаривать, духомъ св. иссылати. Прачистую Матирь Божу призываю и своимъ духомъ выдыхаю изъ косьтей, изъ мощей, изъ буйныхъ головы, изъ щирого сэрца, изъ румянаго лица, изъ русскихъ кось, — синюху, бялуху, краснуху, весялуху, жиловую, косьятую, молошницу. Я выговараваю и ссылаю, дѣ и люди ня ходять, дѣ й вѣтры не дуютъ, дѣ й пивни ня пяють, — тамъ уже столы Господни позастиланы, кубки поналиваны, и ихъ тамъ ждуть.— Не я шенчу, а самъ Господь Богъ и Прач. Мать. Дай, Господи, на помочь“²⁾).

— „Г. Богу помолюся, Прач. Матцы поклонюся. Зара-зараница и Божжа помощница. Скула-скуланица, жовтая-жовтовица, синяя-синявица, гноявая-гноявица, ня тутъ табѣ ходить, ня тутъ табѣ гулять, р. Б. сэрца ня гноить, горучия криви ня разливать. Идитка ты на мхи, на болоты и на ницья лозы,—тамъ твое гулянья и и буянья, тамъ табѣ столы позастиланы, кубки поналиваны, — отъ тамъ твое гулянья и прасованья“³⁾).

„Ишло симъ попивъ, несло по симъ ципивъ, ишло симъ попивъ, несло по семы грабель, и. с. п. н. по семы лопать, и. с. п. н. по семы метель, зострилы бышиху водяну, витряню и прыстритну на р. Б. Н. — Мы тебе бышиху ципамы розмолотымо, граблями розгребемо, лопатамы роскыдаемъ, а метламы розметемо; тутъ тоби на р. Б. нобуты, тила нерваты и несушыты, косты неламаты, кровы непыты.— Иды соби на чорни луга, де буйный витерь свиставъ, перебувавъ.— Аминь“⁴⁾).

„На мори — на Дунаи пустый млынъ молоть; пусто молоть; пусто борошно падало зъ пустого коша, пусти мирошны-

1) Милорадовичъ, *Op. cit.*, VII—VIII, с. 56.

2) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 91. 3) *Иб.*, с. 92.

4) Щербина, „Наговоры“, с. 587.

кы набиралы, пусти мишки набывалы, пустымъ перепичайкамъ дарувалы; перепичайки пустыми видрамы воду носылы, въ пустыхъ чавунахъ окропы грилы, на пусти решета пропускалы, у пустыхъ дижахъ учинялы; пусто учинялы, пусто мысылы, пусто й качалы; въ песту пичъ сажалы; пуста пичъ некла, и пусто выбиралы и той хлибъ пойдаль и сю бешыху пожыралы. Щобъ ты у выду не стояла, опуху не давала и пузырямы не скидала. Одъ рожденной, м., хрещ. N.—Аминь“¹⁾.

(Подкуривая кievскими святостями: стружками, обрѣзками съ гробницъ свв. угольниковъ, пасхальными крохами, воскомъ страстной свѣчи и пр., и надавливая опухоль):

„Якъ бувъ чоловікъ пустый и воли пустыи и плугъ п. и п. ныву оралы, и п. пшеницю сiявъ, пуста зыйшла, п. и поспила, п. й жнецы пустыми серпами жалы, у п. ряды стлалы, п. копы клалы, п. возамы возылы, п. стогы становылы, на п. току молотылы, п. ципамы былы, п. граблями загрибалы, п. лопатамы вiялы, въ п. мишки вбиралы, п. завязками завязувалы, до п. миста возылы, на пустому камню молоты, ту бешыху розмолоты, по хатахъ, по болотахъ, по пустыхъ очертахъ. Ты жъ, бешыхо, витряна и водяна, подумана и погадана и помыслыма, и мужыцька, жиноча и хлопьяча, и пиды зъ ёго очей, одъ жызни на жылы, одъ червонои крови, одъ семьдесяты семы суствавивъ“²⁾.

„Первымъ разомъ йихавъ чоловікъ на песту ныву, пустымъ конемъ, песту пшеницю сiять. Пустый чоловікъ, пуста ныва, пустый кинь, — и породило песте кориння. — Тутъ тоби не стоять, жовтои косты не ломыть, червонои крови не смоктать N.— (Говоритъ такъ 3 раза, надавливая крестообразно больное мѣсто). — Четвертымъ разомъ пособи, Матерь Божка. — Пойихавъ чоловікъ на билу ныву, билымъ конемъ, билой пшеници сiяты. Билый чоловікъ, б. кинь, б. визъ, б. борона, б. ныва, б. пшениця N.— Тутъ тоби не стоять, жовтои косты не ломыть, червонои крови не смоктать“³⁾. (Дуть крестообразно на больное мѣсто)³⁾.

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, VII—VIII, с. 56.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 116—7.

³⁾ „Харьк. Сборник“, VIII, с. 170.

„Die Rose und die Weide,
die standen beide im Streite,
die Weide, die gewann,
die Rose, die verschwand“¹⁾.

„Rose, du bist von Erde und sollst zu Erde werden, wo-
von du genommen bist“²⁾.

„Die Rose hat in diese Welt
uns Gott als Königen gesandt.
und über ihr das Sternenzelt
als Krönungsmantel ausgespannt,
Rose + Rose + Rose + Weiche,
flieh auf eine Leiche,
lass die lebenden befreit
von nun bis in Ewigkeit“³⁾.

„Rose, du sollst nicht stechen,
Rose, du sollst nicht brechen,
R. d. s. stille stehn,
R. d. s. nicht weiter gehn.
Im Namen...“⁴⁾.

„Ik segg: Helldink, Helldink,
Du schast ni stäken,
D. s. ni bräken,
Helldink, Helldink,
Du schast ni kellen (= quälen, plagen),
Du schast ni schwellen.
Dat schast du ny doen
Dat s. d. ny doen“⁵⁾.

„Ueberröte Stolz,
Weich durch dein Nadelholz!
Weich durch Standen und Stock,
Dass dir dein Fleisch und Blut blieb unverletzt“⁶⁾.

¹⁾ P r a h n, „Glaube u. Brauch“, c. 193. — Ср. почти буквально у K r a u s s „Aberglaub. Kuren“, c. 81. ²⁾ Ib. ³⁾ Ib.

⁴⁾ K u h n, „Sagen, Gebräuche“, c. 202.

⁵⁾ M ü l l e n h o f f, „Sagen, Märchen“, c. 514.

⁶⁾ B i r l i n g e r, „Aus Schwaben“, I, c. 446.

„Ich ging über das Wasser,
Da fand ich drei Rosen,
Die eine blüht weiss,
Die andere roth.
Die weisse verblüht,
Die rothe verschwand.
In des Vaters... Hande“¹⁾.

„Rode Ros' und witte Ros',
Dunkle Ros' un helle Ros',
Verschwinn,
Wie de Dau vör de Sünn“²⁾.

„Maria ging wohl über das Land,
Drei Rosen trug sie in ihrer Hand,
Die eine Ros' verschwand,
Die andre Ros' verschwand,
Die dritte Ros' verlor sich aus ihrer Hand.
Und also soll diese Rose auch thun“³⁾.

„Es kamen drei Jungfern vom Berge hinab, die eine
pflückt Laub, die andere pflückt Gras und die dritte brach die
Rose ab. Im Namen“⁴⁾.

„Es gingen drei Infern auf grünen Wegen,
die ine pflückt die Blumen ab,
die zweite pflückt die Lilien ab,
die dritte treib das Hilge und die Rose ab“⁵⁾.

„Es gingen drei Jungfern den Steig entlang,
Die eine pflückt Laub,
Die andre pflückt Gras,
Die dritte bricht alle Rosen.
Im Namenn...“⁶⁾.

(Обвязывая, послѣ захода солнца, большое мѣсто тряпкой,
пропитанной кровью снигиря, смѣшанною съ корой бузины, го-

1) Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, c. 418.

2) Müllenhoff, Op. cit., c. 514.

3) Bartsch, „Sagen, Märchen“: II, c. 417.

4) Kuhn, Sagen, Gebräuche“, c. 202.

5) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, c. 440.

6) Bartsch, Op. cit., c. 415.

ворять нижеприводимый заговоръ, а на-утро тряпку бросаютъ въ рѣку):

„Zwei Augen hab' ich,
Zwei Füsse hab' ich!
Schmerz meiner (Augen)
Steig' in die Füsse;
Steig aus den Füßen
Hinab in die Erde;
Steig aus der Erde
In den Tot“¹⁾.

„Johannes und Jacobus
Gingen über die Strass,
Sie pflückten ab das grüne Gras,
Sie p. ab d. g. Kraut
Und holt die Hielg und Ros' heraus,
Im Namen...“²⁾.

„Peter un Paul gingen oewert Moer.

Wat beegen æer daer?

Helldink, Helldink,

Helldink, „wo wullt du hin?“

— Nah Dörp.

— „Wat wullt du daer?“

— Kellen un schwellen un wee doen.

— Dat schast du ny doen.

Dat behæel ik dy in Gottes Namen“³⁾.

„Petrus und Paulus

Gingen net Kruet to söken

Daer wollen se de Ros' mit verteen,

De Kellers', de Schwellers',

De Stäkeros', de Bräkeros,

De Blätterros',

Awer allens wollen se damit verteen.

Im Namen...“⁴⁾.

1) Vlislocki, „Volksglaube... Zigeuner“, c. 175.

2) Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, c. 415.

3) Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, c. 514.

4) Ib., 514—515.

„Christus und Maria gingen über das Land,
Sie sprach für diese Rose und für den Brand,
Auswärts Rothross, Flussros, Steckros, Brandros,
Blarrerros.

Im Namen...“¹⁾.

„Ich ging durch einen roten Wald, und in dem roten Wald da war eine rote Kirch, und in der r. K. war ein roter Altar; und am dem roten Altar da lag ein rotes Brot, und bei dem roten Brot, da lag ein rotes Messer. Nimm das rote Messer und schneit rot Brot“²⁾.

„Unsere liebe Frau geht über die grüne Wiese, begegnet ihr eine rote Rose. Wo gehst hin?—Geh aus dieser Person.—Geh auf hohe Bühel und Berge, auf hohe Boan und Dorn und ins rinnende Wasser! Im Namen...“³⁾.

„Einst ging der Herr Jesus auf einer grünen Viese umher. Es begegnete ihm eine rote, blaue und weisse Rose.—Wo gehst du, blaue, weisse und rote Rose hin?—In den Kopf des N.—Was wirst du dort machen?—Stechen, brennen und brechen.—Lass seinen Kopf in Ruh, geh auf die Berge, und Felsen und in die Thäler und Wälder. Dort breche, steche und brenne! Bis du damit zuende bist, wird unterdessen der jungste Tag“⁴⁾.

„Rothe Rose, weisse R., Bllatterrose, du sollst vergehen, das Evangelium word dir geprädigt, der Psalter wird dir gesungen, die Glocken werden dir geklungen. Im Namen“⁵⁾.

„Sprich, alle Glocken werden geklungen, alle Messen werden gesungen, alle Evangelien werden gelesen; damit segne ich die Rose und das Wesen“⁶⁾.

„Szedł Pan Jezus przez błonie i niósł w swym ręku trzy róże: jedną zeschlą, drugą zwiędłą, trzecia wniwecz się obróciła. Zgiń i ty, rózo, przez moc boską, w imię Ojca i Syna

1) K u h n, „Sagen, Gebräuche“, s. 202.

2) B i r l i n g e r, „Aus Schwaben“, s. 446. (Ср. А м м а n, „Volkssegner“, s. 207 — почти буквально).

3) А м м а n, „Volkssegner“, s. 207. — Ср. Gr. Myth., 975, 1091—2 и прилож. къ 1092.

4) I b.

5) S t r a c k e r j a n, „Abergl. aus Oldenburg“, I, s. 69.

6) K ö h l e r, „Volksbrauch, Aberglaube“, s. 407.

i Ducha Świętego. Amen“¹⁾ (З р. плюнуть назадъ и провести раскрытыми руками около большого мѣста).

(Перекрестивъ 9 разъ больное мѣсто и прочитавъ 9 р. „Zdrowaś Marja“): „Jesu królujе, J. wskazuje, J. prowuje. Szedł Pan J. do cedrowej rześci przez łакę, napotkał trzy róże: jedna znikła, druga zbladła, a trzecia całkiem przepadła. Stań krew w ranie, jak woda w Jordanie“²⁾.

„Пресвятая Богородице! Допоможы и благословы и Божымы молитвами и Б-мы словами. Стань мини до помочи и поможы рожденному, молитвенному N. бешыху пидкурюваты, бешыху вышинтуваты. — Б-а витряна, б. водяна, б. спытая, б. зъиденая, б. подумана, зъ прозору, зъ очей: зъ карыхъ очей, зъ чорныхъ очей, зъ сирыхъ очей; дивоча б-а, нарубоча б., жиноча б., чоловіча бешыха! Я тебе выпитую й вызываю, й замовляю Божымы молитвами, моймы м-амы. Тутъ тоби не стояты, жовтои косты не ломаты, червонои кровы не пыты, билого тила не сушыты, щирого сердца не вялыты. Зъ рукы, зъ ногы, и зъ жыль, и зъ суставивъ, зъ костей и билого тила“ (З бабы 3 вечера шенчуть, одна не зная о другой)³⁾.

„На Восіянської горѣ стоить комора, у той комори стоиць тридзевяць столы дубовыхъ, на тыхъ т-ць с. д-хъ заслано т-ць скацерьци шавковья, за тыми столами сидзяць тамъ т-ць панны краснухи, чернухи, бялухи и жавтухи, злыя ўнутрянныя золотухи. Якъ гэтымъ тромъ дзевяць скатерцямъ вѣкъ зъ гэтыхъ столовъ ня вылазить, якъ гэтымъ паннамъ вѣкъ изъ-за гэтыхъ столовъ ня вылазиць, кабъ и такъ у р. Б. ня бываць у яго ни скульлянкамъ, ни гноялкамъ, ни кривавкамъ, ни краснухамъ, ни чарнухамъ и ни жавтухамъ и ни злымъ уреднымъ унутранымъ золотухамъ. Ня бываць у р. Б. на щирымъ яго сэрцы, на черной печани, у буйной головѣ, у горуцей крывѣ.—Которое слово запомнивъ, тымъ — аминь“⁴⁾.

„Рожи синяй, р. краснай, р. жоўтай цвѣтъ ападзецъ, и рожа зъ раба N. сойдзецъ, мѣйсца на имъ не найдзецъ. Бу-

1) А. Р., „Изъ польск. суевѣрій“, с. 905. 2) Ib.

3) Комаровъ, „Нова збирка“, с. 106.

4) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 93—4.

дзешъ ты, рожа, зацвѣтаць, а на р. б. Н. табѣ не бываць, цѣла его табѣ не гнаиць, жылъ не нудзиць и косци не трандзиць (трогать). Исусъ Хрыстосъ самъ гаварыў аносталу Сямону: «Вазьми зъ сабораў сто кіеў (которыми гасяць свѣчи) и атгани гэты рожы и вадзяныя и агнявыя, и вѣтраныя, съ нынѣ до вѣку. Аминь“ ¹⁾.

(Прочтя предварительно молитвы: „Богородице Дѣво“, „Отче нашъ“ и „Вѣрую“):

„Чы ты зъ витру, чы ты зъ сонця, чы ты зъ каменя, чы зъ росы, чы зъ воды, чы турецкый, чы немецкый, чы жыдивскый, чы бахурскый, чы жиночый, чы дивочый, чы чоловічый, чы парубочый? Я жъ тебе вымовляю, я жъ тебе вызываю. Тутъ тоби не буваты, тутъ тоби не роскошуваты, жовтои кости не ломаты, червонои крови не вьялыты, билого тила не сушыты. Иды соби мыжи каминня, мыжи яры, мыжи ямы, — тамъ тоби воюваты, тамъ тоби роскошуваты, каминня перевертаты, жовты пискы пересыпаты, а тутъ тоби не буваты“ ²⁾.

„Я р. Б. прызываю на помічь Матинку Божу. М-ко Б. Сокальска, Шаршасовска, Почаевска, Ченстоховска, стань мыни на помочь, на ратунокъ о ласкы своей и Духомъ Святымъ. — Рожонько-паняночко, уже ты билого тила накрушыла, жовтои кости наламала, червонои крови напыла, синихъ жылъ нассала. Иды соби дубы крушыты, на степа, на очерта и разны дороги! Выйды отъ р. Б. хрещен., именован., а вы, вси свв., поможыть мыни“ ³⁾.

(Подкуривая вощиною и кускомъ платка, на которомъ святилась пасха): „Богородице Диво, прошу тебе на помічь—вышентать и вымовыть бехъ и бешыху и престритку и шляхову и витряню и водяну и подуману и погадану и запытану и зайидену — и вышентать и вымовыть одъ кости, одъ румяного лыца, одъ веселого сердца нарощен., хрещ. и молитв. р. Б. Н. — Було васъ одынадцять, а бехъ дванадцятый, а зъ 11

¹⁾ Карскій, „Библ. зам. о трудѣ Варенка“, ЖМНП., ч. 332, с. 497.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 115. ³⁾ Ib.

десять... а зъ одной та не одной нарожденному, мол., хрещен. р. Б. Н.“¹⁾

(Мажуть больное мѣсто смѣсю изъ деревянаго масла съ камфарой):

„Пійшла Пресв. Богородыця живымъ мостомъ. На встрічу йиіи самъ Іисусъ Хрыстось съ помощію (одъ мужыцького глаза, и одъ парубочого... жиночого, и одъ водяной, и одъ витрянной, стричной, пидстричной и выхровой; вамъ тутъ не стоять и миста не маты, жовтой кости не ламаты, ретывого сердца не язвыты, червонной крови не пыты. И ты бешыхо-бешыще колючая, стрылючая, выхрвая, витровая, подуманная и погаданная, тутъ тоби, не стоять; иды соби на луга, на болота, де люде не ходють и людський, хрыстіянський глазъ не заходе, тамъ тоби бувать и роскошувать одъ едынорожденного, мол., хр. р. Б. Н., и помылуй ёго, Госноды, одъ всякой скорбы, лютой болисти.— Выйшли поны и дякы на Іорданъ воды святыты, освятывши розыйшыся, такъ едынороднаго, хр., м. р. Б. Н. бышыха розыйшыся. Госноды, прыймы мое малое моленіе, якъ прынявъ удовыци два лепѣта: Св. Антоній, Дмитрій и Мусій и ангелы-архангелы, простите и помолите Бога обо мни“²⁾.

(Обводя больное мѣсто „дрибокмъ“ соли, освященной вмѣстѣ съ пасхой):

„Отче нашъ... Госноды, поможы мени! Матерь Божя и вси свв. Киевскы и Печерскы, станьте мени въ помочи бышыху вышентувать. — Выйду я на двирь, та гляну на сыне море; на с. мори сыня рыбалка сыню рыбу ловыть; въ сыній води полоскалы, въ сыни горшкы клалы, въ сыній печи варылы. Десь узялысь сыни люды, сыню рыбу поймалы, якъ найылысь и самы розсылысь. Такъ щобъ розсився бехъ и бешышныця, витряна, водяна и прыстритна и подумана и погадана. Я тебе выгоняю, высылаю и вышиптую зъ головы, зъ очей, зъ плечей, изъ рукъ, изъ нигъ; иды соби на очерета, на болота и на непотребны лиса, де огни не горять и воды не стоять, и куры не спивають, и сонце ираведне не сходе. От-

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, 115—6.

²⁾ Іь, 116.

тамъ тоби гулять, о. т. бують, а тутъ тоби не буваты, жовтои кости не ломаты, червонои крови не пыты и семдесятъ жылъ не вьялыты хрещ., породж. р. Б. Н.“¹⁾

„Ходзивъ Богъ по усемь свѣци, по чистому полю, цвѣтки рвавъ и намъ на помочь отъ рожи дававъ; отъ рожи-рожавицы, отъ красной кр-вицы, отъ синей с-ицы, отъ бѣлой б-цы, отъ сухотныя, отъ ломотныя, отъ ирвотныя, отъ косьцявья, отъ жиловья, отъ пажильныя, отъ дзянныя и полудзянныя, отъ вячернія, отъ ношныя, отъ полуношныя, отъ зарявья, отъ раннія. Исусъ Христосъ народзився, рабъ Божай пригадзився. Разгони, Божа, горячую кровь по косьцяхъ, по мозгахъ и поставъ по своихъ мѣстахъ“²⁾

„Господы, благословы! Господы, поможы небесными силами! Стань мени, Господы, въ помочи одъ лыхои немочи. Тутъ тоби, бешыхо, не стояты, червонои крови не пыты, блого сердца не ялыты, рукъ не одбираты, на очи не наступа-ты, прозиръ даваты и не тошныты и не нудыты, у роти не палыты, не знобыты, снигомъ не осыпаты, въ огонь не вкыда-ты, пузырямы не роскыдаты, опуху не даваты. — И була ты, бешыхо, червоная, жовта, била. — Якъ ти священныкы, на Иордань-ричку зійшлыся, такъ и розійшлыся, такъ ся бешыха горячая, болячая изъ лыця выступала нарожд., мол., хрещ. р. Б. Н.“³⁾

„Ишовъ костыръ зъ монастыря и встрича бешыху. — Куды идешъ, бешыхо-бешышныце? — Йе вона стритена, витряна, прозирна, йе й попивська, дякивська, мищанська и дворянська, йе й сыня, йе червона и пуста. Покры я знала, то й Спасителя не звала. Стала я знаты, усихъ свв. прохаты, одъ бешышныци шептаты. Я й вышинтую и переклыкаю, и перерубаю, на тры стороны изсылаю, де витры не вюють, де люди не ходять. Господъ зъ помичю, а я зъ духомъ“⁴⁾

„Бешыхо-бешышыце! витровая, водяная, урочена, стричена. Тутъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, сердца

1) Ястребовъ, „Материалы Новорос. края“, с. 104—5.

2) Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 167—8.

3) Милорадовичъ, „Народи. медиц.“, VII—VIII, с. 56—7.

4) Ib., с. 58.

не в'ялыты, жылъ не тягты. Не я'вышиптую, Матерь Божа вышиптуе, М. Б. выклькае, М. Б. вызывае, на болота ссылае, де витерь не в'е, де сонце не гр'е, одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твоеи головы, нарожденои, молитв., дара Божого, Н.“¹⁾

„Ишла Н. тр'ема шляхамы, зострила тр'ехъ святыхъ; стали пытаты: „Куды ты идешъ? — До Н. бешыхы шептаты. — Первый святый—Матиръ Божа, другый св.—Спасытель, третій св.—Мыколай, Божый угодныкъ, Б. преподобныкъ. Сталы стричаты, ставъ винъ помогаты. — Бешыхо-бешышыще! водяная, витряная, огняная, подумана и погадана, раба Б. Н.“²⁾

„Пресв. Богородыця, всему миру помошныця! поможы мени народ., мол., хрещ. Н. вышиптувать бешыху. Я тоби вышиптую, я тоби й вызываю, я тоби й выклькаю изъ твоихъ рукъ, изъ твоихъ нигъ, изъ т. жылъ, изъ т. пажылъ, изъ т. 70 суставивъ, изъ т. грудей. Бешыхо-бешышыще! водяна, витряна, спытена, з'идена, вызвана, вымовлена, названа й наслана, прозорна, йды соби на очерета, на болота, де витерь не в'е, де сонце не гр'е, де дубъ не розывается, народ., мол., хрещ. Н. бешыха не озывается“³⁾.

„Господы мылостывый! поможы мени, М. Б., сю бешыху зарубаты, изъ руки выклькаты. Не я йи выклькаю и не я вызываю, самъ Господь вызывавъ, аяголивъ на помичъ посылавъ; Матиръ Божа въ помичи стояла и сю бешыху одбирала, на Дунай, на море зсылала. На Дунаи — на мори змя гнездо свыла и сама въ гнездо лягла и своихъ дитей забрала и сю бешыху одбирала и своихъ дитей годувала. И диты крычатъ, верещать и йисты хотять. И не крычить, и не верещыть и йисты не хотить, и одбирайте п'усту бешыху. Якъ вона п'усто прыйшла, дакъ возмийте п'усту пойижте, пожерите и понесите на мудре та на медре (=п. мадрѹ), де витерь не в'е, де мисяць не свитыть, де людскый гласъ не заходыть. Тамъ соби гуляйте и буяйте, сухе дерево ламайте. Одъ рожденои, мол., хрещ. Н.“⁴⁾

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 57.

²⁾ *Ib.*

³⁾ *Ib.*

⁴⁾ *Ib.*

„Першимъ разомъ, добрымъ часомъ! Прячистая Мамочка, поможи и пособи выговариваць у рабы Божжія зъ грудзи, съ цыцки скулу бѣлую-бѣлугу, красную-краснюгу, синюю-синюгу, жовтую-жовтугу. Идзи ты на моря на лукоморья, — тамъ твое сѣстры ни пьюць, ни ядуць, ни работаюць — дорогимъ каменьямъ качаюць, цябе къ сабѣ гукаюць“ ¹⁾.

(Два утра и вечеръ по три раза подкуривая кизякомъ или „онучею зъ правои ноги“): „Ишла Матирь Божа золотымъ мостомъ, подпираясь з-мъ костылемъ. Зостривъ йи Кузьма и Дымьянъ, Христытель Иванъ. — Куды ты, Матирь Божа, идешь? — На Сіяньску гору — чадо рятувать, бежа и бешыху вымовлять. — Бешыха била, б. синя, б. динна, б. полуношна, свитова, вихрова, — тутъ тоби не бувагы, червонои крови не пыты, жовтои кости не ломыты, щырого серця не вялыты порожденному, мол., хрещ. р. Б. N.“ ²⁾.

„Sed(l) Pan Jesus z Najświętszą Panną Maryją bez ogród i bez cierniowy rózy krzácek: Ta kobiéta z roza — ockami se zmuza.— Idź ze ty, kobieto, z tym bólem i z tą rózą do wody, niech nie mają grzésni ludzie przeskody. Ta Najświętsza Pannienka z aniołkami na chór, zeby ta kobieta z tym bólem i z tą rózą zyła na powtór. Idź ze ty, kobieto, z tym bólem i z tą rózą do wody, niech nie mają grzésni ludzie przeskody. Sed(l) Pan Jesus z Naświętszą Panną Maryją do nieba, téj kobiecie z tym bólem i z tą rózą żyć trzeba. Idź ze ty, kobieto, z tym bólem, z tą rózą na październie, na kunopie, na kunopne siemie, niech sie ta róza na lasach, na borach rozplynie“ ³⁾.

„Сцеśliwy был dzień, киды sie Pan Jesus narodzie, sceśliwa была godzina, киды Najświętsza Panna porodziła syna. Zeby taka była sceśliwa godzina, киды бeдe те róze (называя мѣсто, гдѣ боль) zazegnawać. Nie swoją mocą, tylko Boską mocą, Najświętszej Panny i wszystkim świętych pomocą“ ⁴⁾.

„Róza piła, pastoralis, patersna, róza sie pali, a święty Josef, Najświętsza Panna Pana Jezusa chwali. Błogosławio-

¹⁾ Романовъ, „Бѣлорус. сборникъ“, V, с. 166. (Ср. тамъ же ММ 34, 35, 37 и 40).

²⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 17.

³⁾ Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, III, с. 52.

⁴⁾ Ib., с. 56.

ny Pan Bóg, który stworzył Najświętszą Pannę Niepokalanie poczętą, Matkę Boga Jezusa Chrystusa“¹⁾.

„Святи Кыивьски, Охтырьськи,
Монастырьськи, печерьськи,
Переяславьськи, и ты,
Свята п'ятинко,
Простить и помылуйте.
Господы милостывый, Сусь Хрыстось!

И самъ Богъ иде р. божого

Одъ болячки шыштаты,

И видбавляты, и вымовляты.

И бышыха, бышыще,

Подумана и погадана,

И чоловича, и хлопьяча,

И жиноча, и дивоча!

Поки я не знала,

Поты йии не шыштала,

Стала йии знаты,

Стала йии шыштаты,

И Бога прохаты.

Господь зъ помиччу,

Я зъ руччу.—

Вышыштувать и видбавлять

И зъ його головы, и зъ його очей,

И зъ його рукъ, и зъ його плечей,

И зъ його нигъ, и зъ його щирого сердца,

И зъ його билого тила,

И зъ жыль, и зъ пажыль (= нервовъ),

И зъ його суставцивъ, и жыль, и пальцивъ“²⁾.

Бородавки (Warzen, bradvice).

(Натирають бородавки говядиной и зарывають ее „под окар“, когда засохнетъ, бородавки пропадутъ):

1) Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, IX, с. 49.

2) Иващенко, „Шептанія“, с. 177.

Hrana zvoní, nevím koniu:
bradvice, jdete z domu!
az tam toho pochowaji,
at vás take zakopaji“¹⁾).

„Zvoni hrana, nevím komu,—bradavice jděte domů“²⁾).

„Nerosti, znameni,
jako neroste kameni
od pana Ježíše narozeni“³⁾).

„Jetzt gang i mit der Licht

Bis an das Grab;

Warza nehmet ab,

Wie der Tod im Grab“ (3 раза, а въ концѣ — „Отче нашъ“⁴⁾).

(Натирають бородавки мертвой ногой, относятъ ее, гдѣ взята, и бѣгутъ домой безъ оглядки, или — сваривъ въ горохѣ кусокъ сала, обмазываютъ имъ бородавки, кладутъ сало въ водосточный жолобъ; когда сало сгнѣтъ, бородавки пропадутъ):

„Im Namen der allerheiligsten Dreifaltigkeit schmiere ich euch ein. Entfernet euch im Namen... Amen“⁵⁾).

(Услышавъ отпѣваніе покойника, иди къ текучей водѣ, обмой бородавки и говори):

„Jetzt lautet man zu einer Leich'. — Und was ich Wasch, das weich'! Im Namen...“⁶⁾).

(Положивъ на прыщи кожу древесной лягушки, снимають ее черезъ нѣсколько часовъ, говоря): „Kannst du Böser die Haut nicht finden, so sollst du von meiner Hand (u. s. w.) verschwinden“⁷⁾).

„Lieber Mond, ich sehe deine zwei Spitzen.

Wenn ich die dritte sehe, soll meine Warze verschwinden“⁸⁾).

1) Erben, „Česká zafikadla“, с. 54.

2) N., „Zafikaci formule“, с. 147.

3) Erben, Op. cit., с. 54.

4) Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 445.

5) Amman, „Volkssegen“, с. 202. 6) Ib.

7) Wislocki, „Volksglaube... Zigeuner“, с. 177.

8) Prah, „Glaube u. Brauch“, с. 196.

„Reckholder, gieb dich gefangen, dass den feine Warzen vergangen“ ¹⁾).

„Sett man de Licken in dat Graff,
Wask ick mi mine Waarten aff.
Se leggt den Doden... all de waarten aff.
Se bringt de Licken woll... mi...
Se lúdet den Doden int Graff
ick wask' mine Waarten aff“ ²⁾).

„Was ich sehe, das ist eine Sünde.
Was ich fühle, da verschwinde“ ³⁾).

„Was ich sehe, ist eine Sünd,
Und was ich greife, das verschwund.
Im Namen...“ ⁴⁾).

(Смотря на восходящую луну и разглаживая бородавку):

„Was ich ansehe, nimm zu,
Was ich überstreiche, nimm ab“ ⁵⁾).

(Смотря на неполную луну и крестя бородавку, говорить 3 раза).

„Wat ik anseh, dat gewinn'
Wat ik wasch, dat verschwinh'.
Im Namen“ ⁶⁾).

„Wat ik kníp, vergeiht
Un wat ik seh, dat bliut.
Im Namen“ ⁷⁾).

(Когда выносить трупъ, обращаясь къ нему):

„Nimm meine Warzen auch mit“ ⁸⁾).

Веснушки (Ластовиння).

(Увидѣвши весной первый разъ ласточку, говорить при-
водимый ниже заговоръ, а потомъ умыться):

¹⁾ Roschfolz, „Aargauen Besegnungen“, с. 115.

²⁾ Strackerjan, „Abergl. aus Oldenburg“, с. 79.

³⁾ Prah n, Op. cit., с. 196.

⁴⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, с. 518.

⁵⁾ Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 515.

⁶⁾ Pоеек, „Aberglaube“, с. 118. ⁷⁾ *Ib.*, с. 119.

⁸⁾ Schönwerth, „Aus d. Oberpfalz.“, с. 237.

„Ластивко, ластивко! на тоби веснянки, дай мени блянки“¹⁾.

Видмънъ (Английская болѣзнь).

Народъ считаетъ уродовъ дѣтьми „нечистой силы“ разныхъ родовъ, которыхъ эти злыя силы стараются положить въ колыбель вмѣсто новорожденныхъ младенцевъ. Въ огражденіе отъ этого несчастія народъ принимаетъ рядъ мѣръ: избѣгаетъ называть ребенка его собственнымъ именемъ, даетъ новорожденному имена, которыя могли бы оглугнуть „нечисть“ и проч.; наконецъ, прибѣгаетъ и къ заговорамъ.

Чтобы заставить чортиху возвратитъ дитя, оставленнаго ею урода сѣкутъ на кумѣ сора вѣникомъ и приговариваютъ:

„На тобѣ твое, отдай мѣнѣ мое“²⁾.

„Engelsche Krankheit verschwin,
Wie de Dau an de Sün,
Wie der Kukuk vör den Soevenstern“³⁾.

„Im Namen... Unterwuchs (— въ Zs. f. deut. Myth., IV, 108—„unterwachs), Auswuchs, Herr gesperr (— ср. Gr. Myth., 970—1. и прилож.), englische Krankheit geh von dem N. weg, wie Christus von seiner Krippe gegangen ist. Nun weiss ich für gewiss, dass du wieder gesund wirst. Jesus gab dem Petrus solche Macht, dass der lahme Bettler Lazaro ward wieder gesund und gerade“⁴⁾.

¹⁾ Номисъ, „Украинськи приказки“, с. 5 (ср. Ефименко, „Сб. мр. закл.“, с. 30, Lud Ukr., II, с. 129).

²⁾ Ефименко, „Сборн. мр. закл.“, с. 4.—Ср. „Lud Ukr.“, II, с. 161.

³⁾ Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 513.

⁴⁾ А м т а н н, „Volkssegen“, с. 208.

Волосъ — это тонкая, длинная, гибкая нить, состоящая из кератина. Волосы растут из волосяных фолликулов, которые находятся в коже. Волосы имеют различную форму и длину. Волосы могут быть прямыми или волнистыми, короткими или длинными. Волосы имеют различную окраску. Волосы имеют различную структуру. Волосы имеют различную функцию. Волосы имеют различную историю.

Волосъ ¹⁾ (волосень, волосникъ, ноготь, ногтеѣда, *panaritium, Fingerwurm, Adel, Fick*).

„Волосъ водяный, витряный, прозорный! я тебе выльваю, я тебе вызываю, въ чужи земли одсылаю, де наши люде не ходять, тамъ хрестивъ не носятъ, — и не нападай на хрещеныхъ людей“ ²⁾.

„Волосъ-волосыще! тутъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, жовтои косты не ломаты, щырого сердца не нудыты, рожденои, мол., хрещенои N.“ ³⁾.

(Омочивъ 7 ржаныхъ колосковъ въ свяченой водѣ и слегка прикасаясь ими къ больному мѣсту):

„Выльваю волосъ на жытній колосъ; волосъ водяный, витряный прыстритный, дивочый, парубочый, жиночый и чоло-

¹⁾ Болѣзнъ происходитъ отъ того, что во время купанія волосатикъ (живой волосъ) забирается подъ кожу и ползаетъ тамъ, — преимущественно на рукахъ“ (Романовъ, „Бѣлор. Сб.“, V, с. 96). — Нарывъ на пальцѣ или другой части тѣла, происходящій будто бы отъ человѣческаго волоса, потоптаннаго и вросшаго въ тѣло; почему знахари и заставляють его выйти изъ больнои и обвитья вокругъ пальца (Ефименко, „Сборникъ млр. закл.“, с. 8). — Ногти—живыя существа: ихъ выманивають „на нитерь (=питье) и идерь (=ѣду) сладше и надше меда и патоки“. (Крушевскій, „Заговоры“). — Волосъ—застарѣлыя или внезапно открывающіяся, будто бы отъ прикосновения мертвеца—раны (Шейнъ, Материалы, II, с. 544).

²⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, VII—VIII, с. 60.

³⁾ Ib.

вичый, мышачый и мышыный, гусячый и гусыный; вовчый и вовчыный, лысячый и лысыный, курачый и курыный! я тебе высылаю, я тебе выганяю, тутъ тоби не гуляты, жовтои кости не ломаты, крѣпкихъ жилъ не вялыты и не сушыты. Иды соби на болота, на очерета, де люде не ходять, де рыбы не грають, пивни не спивають. Тамъ тоби ходыты, тамъ крутыты повикъ вики. Аминь. Тѣфу!“¹⁾

„Ты волосъ, волосъ коловой и в. ломовой и мозговой и разсыпной, и в. жильный и трехжильный и в. денный и в. нотьной и в. сербуцій и в. ломуцій и в. знобуцій! Отцаго ты колишь, отцаго ты ломишь? У буйной головѣ, у ясныхъ воцахъ уцѣшися, умирися, и не коли, не ломи ни у молодзикахъ, ни у ветохахъ (=начало и исходъ), ни на сходзѣ красна сонца, ни на закацѣ красна мѣсяца. Ступай у землю цемную, у цѣму кромѣшную, не къ людзямъ живымъ, а къ попурамъ (=пепоконныя души усопшихъ) лихимъ“²⁾.

(Положивъ больное мѣсто на 27 ржаныхъ колосковъ и поливая теплою водою):

„Лыйся, волосъ, на колосъ водяный, витряный, прозирный, подуманый, погаданный, идстритынный. Тутъ тоби ны стоять и ны бывать, а жовтои кости ны ломыть, и билотоги тила ны сушыть, и червонои крови ны мутыть и сустава ны крутыть“³⁾.

(При той же обстановкѣ): „Волосъ! иды соби на колосъ. Я жъ тебе выываю, выкыкаю зъ жылей, зъ крыжей, изъ суставивъ, зъ пальцивъ, зъ нигтивъ. И полумляный и подуманый, и спытеныый, и зъиденный, — выкыкаю Божымы словами, своимы молитвами“⁴⁾. Прочитавъ заговоръ три раза, дають больному пить воду съ колосковъ, и волосъ окажется на колоскахъ „якъ павутыня“.

„Волосный волосныче! Богъ тебе кычче на свое мисто, на свое крисло, тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ломати,

¹⁾ Ястребовъ, „Матеріалы этногр. Новорос. края“, с. 106. (Ср. Чубинскій, „Труды“, I, с. 124 и „Сборникъ Харьк. Ист.-филол. Общества“, IV, с. 277).

²⁾ Шейпъ, „Матеріалы“, II, с. 543—4.

³⁾ „Харьк. Сборникъ“ VIII, с. 36.

⁴⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 106—7. Ср. Ефименко, „Сборн. мдр. закл.“, с. 9.

червоной кровы не пыты, білого тила не сушыты. Выкотыся, якъ ясне сонечко выкочуеться зза горы, то такъ ты выкотыся зъ семидесятъ семи жылъ, и зъ 70 суставъ. Покры я не знала, покы я тебе не выкыкала, а теперь стала знаты, стала Матирь Божой прохаты, стала мени Маты Божя въ помочи стояти.—Розійдыся такъ, якъ по лугамъ и по берегамъ витерь шумыть, якъ по води хвыля росходыться, такъ у молитвен., нарожд. N. волосъ зійде“¹⁾).

„Чорный волосень, красный в., бѣлый в., русый в., прошу я цябе, выходзи съ косьци, зъ живота, зъ р. Б. N., зъ яго нутря. Ци придзивный, ци приговорный, ци присмѣшний, ци придумный, ци водзяный, ци вѣтряный, покорись мойму приказу“²⁾).

„Якъ на неби мѣсяць, такъ у лѣси дубъ, на синимъ мори бѣлый камень, на б. камяни пятахъ. Якъ тэй пятахъ не паяецъ, такъ табѣ, волосень, по косьци не ходзиць, косьци не ломиць“³⁾).

„Волосный волосныче, въ тебе сынъ Максымъ, въ мене дочка N.—будь мени сватомъ. Йихавъ чоловикъ пустою дорогою, пустымы воламы на пусту нывку, пустого жыта жаты, у пусти коны класты. У пусти коны клавъ, на пустый визъ клавъ, пустою дорогою визъ — на пустый тикъ, пусти молотныкы молотылы, у пустый млынъ молоты носылы, пуста перепечайка у пустій джижы учыняла и въ пустій печи некла, пусти люде пустый хлибъ йилы и съ пустою, молитв. N. волосъ зійилы. Якъ пусто я говорю, такъ пусто зъ молитв., нарожд. N. волосъ зійде“⁴⁾).

„На мори на кіяни, у ракитывымъ кусьци, на бѣлымъ камни, на латыри камни, тамъ волосыёва маци жила-проживала. Нихто яё не знавъ, нихто ня твѣдавъ, нихто до яё не дохаджувавъ, — только я рабъ Платонъ (знахарь) яё знавъ, яё отвѣдавъ, до яё дохаджувавъ и р. Б. помочь дававъ“⁵⁾).

„Звѣдкыля ты взялося, звѣдкыль прилѣзло, я тебе выга-

1) Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 25.

2) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 96. 3) Ib., с. 97.

4) Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 24—25.

5) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 169.

няю, викликаю, проклиная, иди прѣчь, та йды на лѣсы, на очереты, та на лугы, та на пущи, та на траиезы, та влѣзь въ гадюку, та влѣзь въ жабу! Прѣчь, прѣчь!“¹⁾

(Варя урину больного и окунувъ туда 3 раза палець):

„Der Adel und die Fuler
Schlugeu sich beid um den Schuler,
Adel verschwund,
Schuler gewundt“²⁾.

„Adel, ich will dich stillen,
Du sast nich hell'n din'n Willen,
Du sast nich reifen,
Du sast nicht stechen“³⁾.

„Adel und Weidag, sta verga,
Du sollt nich ritен,
Du sollt nich spilten,
Du sollt stan, wie die Pal,
Du sollt vergan, wie die Tode in Grab.
Helf Gott der Vater“⁴⁾.

„De Adel un de Stoel
De gunhen beid an enen Poel.
De Adel de verswunn,
De Stoel de gewunn.
Im Namen...“⁵⁾.

„Ik rad'en Baten,
Mit Heisterknaken,
Mit Kreienföten,
Schal dy de Weedag'uten F'inger staken“⁶⁾.

„Wurm, ich beschwöre dich bei dem heiligen Tag!
W. i. b. d. b. d. h. Nacht!
W. i. b. d. b. d. fünf Wunden!
W. i. b. d. b. d. h. drei Nägeln Christi!
W. i. b. d. b. d. Kraft Gottes!

1) Ефименко, „Сборн. мѣр. закл.“, с. 8.

2) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, с. 443.

3) Bartsch, „Sagen, Märchen“, I, с. 369. 4) Ib.

5) Müllenhoff, „Sagen Märchen...“, с. 515. 6) Ib.

Du seiest gleich grün, blau,
Weiss, schwarz oder rot,
Dass du liegest in dem Finger tot,—
Das sei dir zur Buss gerähet!

Im Namen...“¹⁾.

„Gott dor Vater

Ging z' Acker.

Er that 3 Fürch

Er fand 3 Wurm

Der erste war ein Streitwurm,

Der zweite war ein Gneitwurm,

Der dritte war ein Haarmurm.

Fahr aus diesem Fleisch,

Gott Vater, G. S., G. Hl. Geist“²⁾.

„Ich tödte den Wurm im Namen... Ich löse die Nerven wie der Sohn Göttes am Kreuz gelöst worden ist.—Im Namen des Vatters... Amen.—Roter Wurm, wisser Wurm, Schwarzer Wurm.—Uech allen muss diss mentschen bluoet und fleisch, marg und gebain als unser sin ze bissen, ze brechen und ze frinken, als unser lieben frowen, Sant Marien ist der mentsch uemer, dran unsers herren Jesu Christ, grossen bitteren marterer Kain glauben wil haben“³⁾.

„Christus foard zin Ackar,

Petrus foard nach,

ackert drey Würm heraus,

einen weissen, einen schwarzen, den dritten raud,

die siebenunsiebzigerloy Wurm und Würm han daud,

sua helf ma Gott... Geist“ (3 креста, 7 разъ V. U. и 7 разъ A. M.)⁴⁾.

„Christus der Herr fährt zum Acker,

äckert drey Beet,

spannt er ab,

1) A m m a n, „Volkssegen“, c. 203. — Cp. MSD², XLVIII, 2 u. Anm.; E. Meier, Sagen № 464—5; Grimm, Myth. 968 u. Nachtz. zu 967 u. Anh. XV, XXVIII, XXIX; Kuhn, in Zs. f. vergl. Sprachf. XIII, 135 f.; Birlinger, Aus Schwaben, I, 445—6, 461).

2) Birlinger, „Volksth. aus Schwaben“, c. 444.

3) Ib., 404—5.

4) Schönwerth, „Aus d. Oberpfalz“, c. 250.

Blutwurm, Brandwurm, Fleischwurm,
den Her W. ausgenommen“ ¹⁾).

„Christus ist gestorben,
Ch. stirbt nicht mehr,
Der Wurm, der gibt dir Schmerzen,
Soll sie dir geben nicht mehr.
Christus der Herr fährt in den Acker;
Was wird er ackern?
Dreyerley Würmer:
erstens den Fleischwurm,
zweytens den Beitwurm,
drittens den Markwurm“ ²⁾).

„Ich beschwure dich Wurm und Würmel und Wurm-
mung, das dir in dis ross flaisch und in seinem gebain und in
allem seinem lieb sye, als Wind und als we und dir darinne
sye als laid, als laid sant Petern Unseres Hefren Jesu Christi
marter was do er in vor dem richter und vor den Juden
sach“ ³⁾).

„Der hl. Petrus foart zin Aekar as
ackert 77-erloy Würmin heras,
dar ayarscht is raud,
da zwaut ist daud,
da dritt is weiss,
helf Gott Vater... Geist“ ⁴⁾).

„St. Petrus mit deinem Schlüssel
Vertilg allen Würmen seinen Rüssel“ ⁵⁾).

„Sant Jakob lag auf einer Miste,
Da rufft er an den lieben Herrn Jesu Christi:
Ach Gott! (3 paza)
Warumb hast du mich so gar vergessen?
Dass sie die leidige Wirm wendt fressen?
Sie sind schwarz gra bla, weiss oder rot,

1) Schönwerth, Op. cit., c. 251.

2) Ib.

3) Birlinger, „Volksth. aus Schwaben“, c. 445.

4) Schönwerth, Op. cit., c. 250.

5) Ib., c. 251.

Dass sie seinen alle todt.

Im Namen Gott des Vaters...“¹⁾.

„Упрашаю и умаляю дванатцаць царей, дванатцать королей и царя Давыда и ѱсю кротосць яго. Уговарую я волосня вѣтряного, водзяного, подумнаго, погляднаго, поцѣшнаго, посмѣшнаго, срѣшнаго, попарешнаго и шѣро воко и бѣло воко и чорный волосъ и бѣлый волосъ изъ жилъ, исъ пажиль и рациваго сердца. Тутъ табѣ ня быць, р. Б. ня сушиць. Идзи ты на синя моря, на бѣлый камень, корення копаца, вѣццямъ шугаца, по синимъ морю гуляци. И идзи ты на мхи, на болоты, на гнилыя колоды, дзѣ людзи ня ходзюць, вѣтры ня шугаюць, буйныя дожджи не замачіоць. Станьца аґгалы, на радосць, св. вотча Миколай на помочъ и ѱси празьнички, Божія угоднички, скорыя помошники, поможиця мнѣ у корысьци, у радосьци, у добромъ здоровьи. — Якъ сукъ нѣмъ, кабѣ и волосень такъ занямѣвъ“²⁾.

Взвихъ (=звихъ, выбой, ударъ, вихъ, зъвихъ, Verrenkung, Beinverrenkung).

„Бхавъ звихъ по зеленому лугу, а тамъ дѣвки краски рвали, звихъ поймали. — Звихъ ты мой хорошій, звихъ ты мой пригожій! датуль ты гарѣвъ, датуль ты балѣвъ, пакуль я теби не стрѣвъ, а теперь ты и балѣтъ и гарѣтъ перестань. Дай же, Боже, помощь Н.“³⁾.

„Звихъ-звихище, навихъ-навихище, въ суставахъ Н. р. Б. тоби тутъ не стоять, не болить, жовтой кости не ламать, горячою криви не смоктать, румяного тила не пушить, вонъ пора тоби выступить на ныци лозы, на быстрыя воды, на сухыи лиса, на крутыя горы, и тамъ соби гуляй и буйай ныци лозы, сушы быстрыя воды, смычь сухыи лиса, камни и съ Н. р. выступы, румяного тила не пушь и не палы“⁴⁾.

¹⁾ Birlinger, Op. cit., с. 445.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 97—8.

³⁾ „Могилив. Губернск. Вѣдом.“ 1900 г. № 46. — Ср. (буквально) въ „Этногр. Обозр.“, кн. VI, с. 217.

⁴⁾ Шишадкій-Илличъ, „О заговорахъ“. — Ср. буквально у Ефименка, „Сборн. мѣр. закл.“, с. 30, № 87.

„Звѣхъ, звѣхъ, ня будзъ лихъ, жилы не цягни, косьци не ломи. Ъхавъ царь Давыдъ на вороныхъ коняхъ, — конь спотыкнувся, звѣхъ звѣхнувся; конь уставъ, звѣхъ на мѣсьци ставъ, на мѣсьци на стану, у своимъ дому“ ¹⁾).

„Первымъ разомъ, Господнимъ часомъ. Господу Богу помолюся и Св. Прачистой поклонюся. — Звѣхъ пристрѣшный и навитый, працовитый. Звѣхова мати по полю ходила, звѣхасына будила: „Устань, звѣху, поможи етому лиху. Табѣ тутъ ня стояти, кости ня ломати; сэрца ня знобити, живота ня тошнити“ ²⁾).

„По Сіянської горѣ Матка Прачиста ходила, свойго сына-звѣха будила: „Охъ ты сынъ мой, звѣху, устань ты къ етому лихому лиху!“—Бдя самъ Сусъ Христосъ по Сіянської горѣ, вода р. Б. по крутой горѣ, по шавковой травѣ, по сильной росѣ. — Якъ тые крутыя горы ня топтати, ш-ыя травы ня зѣдати, сильныя росы ня ’ббивати, такъ звѣху-лиху у р. Б. ня бывати.—Потуль ты стояло, покуль я табе ня знала, а тыперъ я стала тябе ухожати, кость на кость наставляти и жилу на жилу и кожами прикрывати, ядрость и вопухъ выгоняты, горучую кровь разгоняты“ ³⁾).

„Господзи Божа, благослови, матка поможи, св. суботычка-матычка, стань на помочь. Упрашаю увесь миръ Господній и упрашаю хозяинывъ домовыхъ и полявыхъ и заговариваю вихъ. — Вихъ, вихъ! ня будзъ ты лихъ не ходзи ты пы косьцяхъ, не ломи косьцей.—Якъ сухой игруши на корени не стоять и вѣтьцемъ не махаць, такъ у р. виху пы косьцяхъ не ходзиць и косьцей не ломиць. Зыговарюю вихи женьскія и мушчиньскія (и т. д.) и вѣдьмацкія и чаровницкія“ ⁴⁾).

„Якъ сухой ели отростку не пуцаць, такъ етому чаловѣку злomu звѣху ня бываць, буйной косьци не ломиць, рациваго сэрца не знобиць. Етаго чаловѣка не ломиць, не крышиць осинникъ, бярезникъ, олешникъ“ ⁵⁾).

„Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолюся и Святой Прачистой поклонюся, св. Миколи, Троици

¹⁾ Романовъ, „Бѣлорус. сборникъ“, V, с. 70 (№ 101).

²⁾ Ib., с. 71

(№ 109). ³⁾ Ib., с. 78—79 (№ 152).

⁴⁾ Ib., с. 162—3 (№ 18).

⁵⁾ Ib., с. 163 (№ 21).

и Покрови и ясному мѣсяцу, правидному соніюку и частымъ звездомъ, усей св. сили нябесной. — (Треба узять тресочку и прикласть къ больному мѣсту). — Якъ етому древу на пни ня стояти и расой ня пронадати и отъ вѣтру ня шатати и отъ солнца ня зяти, такъ р. Б. ни зъвиху, ни побою ня знати у горячай крывѣ и ў жовтой косьтѣ и ў жилахъ и ў суставахъ. — Потуля ты было, якъ я тебе не знала, а тяперь я тябе знаю, вышентую и выговарую зъ горячія криви, зъ жовтыя косьти, изъ синихъ жилъ. — Якъ потухаять и улягають зоры ранняя и вичерняя, такъ потухай, улягай зъвихъ и побой, вопухъ и ядрость у горячай крывѣ, у жовтой косьтѣ, у жилахъ и ў суставахъ. Господь исъ помоччу, а я съ словами“¹⁾.

„Ишовъ зъвихъ теразь калиновый мостъ; мостъ зыбнувся, а зъвихъ зъвихнувся, а суставъ на мисти ставъ“²⁾.

„Ik hol'myn Folf in'n Kattengang (=wo die Katzen durchspringen können)

So still ik' Wolden Gnirrband“³⁾.

„Бхавъ Сусъ Христось чаразъ зялёный мостъ на сивымъ конѣ, зъ зялёнымъ списомъ.—Мостъ проломився, конь спотыкнувся, р. Б. зъвихъ проминуся“⁴⁾.

„Ишовъ Господь Богъ по калиновомъ мосту. — Якъ тому мосту ня разыходитца, такъ у р. Б. звиху и удару ня бывати.—Ишовъ Богъ по калиновомъ мосту, мостъ поломався, Богъ вярнувся,—зъвихъ и ударъ минуся“⁵⁾.

„Бхау Богъ чыразъ калиновый мостъ, мостъ сколыхнуўся, конь спотыкнуўся и звихъ минуўся“⁶⁾.

„Йнхавъ Господь на осляти, а св. Петро на лошади, а Юрыхъ (=Георгій Побѣдоносець) на коньку, на пузыку.—Конькъ звихнувся, а звышекъ минуся“ (3 р., не переводя духу)⁷⁾.

„Господу Богу помѣлимся, св. Прачистой Божой Матери поклонимся и всѣмъ Святымъ, Кіевскимъ, Пячерскимъ. — На

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 73 (№ 115). ²⁾ Ib., с. 77 (№ 143).

³⁾ Müllenhof, „Sagen, Märchen“, с. 515.

⁴⁾ Романовъ, Op. cit., с. 72 (№ 111). ⁵⁾ Ib., с. 74 (№ 120).

⁶⁾ Шейпъ, „Матеріалы“, II, с. 538.

⁷⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 171.

мори на лука-мори, на мори на кіяни сама Прачиста Божжа Матиръ ходила, шавковую траву ирвала, рабу Божія Н. и ко звиху прикладала, помочи давала. — Ъхавъ извихъ по калию-вому мосту, — мость проломився, конь спотикнувся, суставы и суставины (?). А христіанину р. Б. Н. извихъ минись“¹⁾.

„Иштоу Бохъ мяжоу, па чистыму полю. Святэй Михайла Архангиль сталь Богу на нагу. Ни пашатнулся, ни пакіу-нуўся: сустау суставымъ, кость костію, жила жилью. Царъ Давидъ сакратилъ неба и землю — сакрати и насъ грѣшныхъ. Аминь“²⁾.

(Направляя вывихнутую ногу или руку): „Ишла корова черезъ мистъ, — золоти рогы, з. ноги, з. зубы, з. губы, з. и хвистъ. — Исцилы, Господы, свихнутую, зломленную, стрвоженую кистъ“ (читать 9 разъ)³⁾.

„Es ging ein Hirsch auf seiner Heide
Und lugt nach seiner Weide,
Stosst sein Fuss an einen Stein,
Verrenkt ihm all seine Bein.

Im Namen des Gottes Vatters...“⁴⁾.

„Du hast dein Bein verrenkt.
Jesus Christus ward aus Kreuz gehängt.
Thut ihm sein Henken nichts,
Thut dir dein Verrenken nichts“⁵⁾.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. — Гдесъ-недесъ на сы-нему морю лежыть камень бильй, на билому камени ктось се-дыть, высижа, изъ жовтой кости цвиль выклькае: „Жовтая кость, легова духъ! Якъ у льву духъ не держитя, то шобъ такъ у жовтой кости р. б. Н. звихъ не держався. Миколаю угодны-ку, скорый помощнику, мисяцю ясный, князю прекрасный, стань мени у помощь, у первый разъ, у третій разъ. Аминь“⁶⁾.

1) Шейнъ, *Op. cit.*, с. 538.

2) Добровольскій, „Смолен. этн. сборн.“, с. 198.

3) „Харьк. Сборникъ“, VIII, с. 37.

4) Meier, „Deutsche Sagen...“, II, с. 516.

5) Prahm, „Glaube u. Brauch“, с. 134 — Ср. почти буквально у Rosch-folz, „Aargauen Besegnungen“, с. 117.

6) Даль, „О повѣр., суев.“, с. 38. — Ср., почти буквально, „Харьк. Сб.“, VIII, с. 9.

„Phol und Wodan fuhren zu Holze,
Da ward dem Füllen Balders sein Fuss verrenkt,
Da besprach ihn Sinthgunt (und) Sunna, ihre Schwester,
Da besprach ihn Wodan, so gut ers wusste,
So (ob der) Beinferrenkung, als (ob der) Blutverren-
kung, als (ob der) Gliedferrenkung.

Bein zu Beine Blut zu Blute,

Glied zu Gliedern, als ob sie geleimet sein“ ¹⁾.

„Petus und Maria ritten zusammen auf ein Pferd und ritten über eine Brücke, da vertritt da Pferd einen Fuss. Petrus sprang herunter und bat zu Gott dem Vater, dass er möchte geben, dass alle Litt (= Glieder) bei Litt, Sehnen bei Sehnen, Aders bei Aders, Knochen bei Knochen... und dasselbige begehre ich hier auch“ ²⁾.

„Also Susanna hat geboren

sant Anna, sant Anna hat geboren

unsere liebe frau hat geboren

unsern lieben herrn Jesus Christus.

Oblat, oblat, oblat.

brich bald, brich (3 p.),

wenn du bist zwischen haut und fleisch,

brich in deich und nit ins fleisch“ ³⁾.

Глазныя болъзни

чаще всего бываютъ отъ попаданія въ глазъ посторонняго тѣла („запорошить“), отъ простуды, заразы, золотушнаго происхожденія. Въ имѣющемся у меня матеріалѣ есть заговоры отъ бѣльма, когда запорошить глазъ, отъ оспенныхъ нарывовъ, отъ ячменя и болей неопредѣленнаго характера; на эти группы я и разбираю подобранный матеріалъ. — Покровителемъ глазъ считается св. Пимонъ (= Пывонъ) и св. Отилія.

а) *Бѣльмо* (= бильмо, łuszczki, Nail, Flecken). Оно закрываетъ человѣка въ зрачкѣ, — чѣмъ человѣкъ видитъ, — от-

¹⁾ Köhler, „Volksbrauch, Aberglauben“, с. 703. (Изъ Мерзебургской рукописи X вѣка).

²⁾ Strackerjan, „Aberglaube aus Oldenburg“, I, с. 69.

³⁾ Roschfolz, „Aargauen Besegnungen“, с. 117—8.

сюда заговоры, гдѣ срывава бѣльмо, слѣшать „чоловика въ око вставляты“¹⁾).

„Ишло ты соколы черезъ клены-мосты. Первый сокиль кровь хлябае, другой сокиль бильмо зганае, третій сокиль чорную галку чыстыть зъ р. Б. Н.“²⁾).

„Ишовъ старецъ изъ трѣма торбамы, изъ трѣма цинкамы, изъ трѣма хортамы: чорный стежку показуе, сирый слезу выльзуе, а бильый свить показуе“³⁾).

„Ихавъ Юрій на кони, за нимъ бигло тры хорты: одынь сирый, другой бильый, третій чорный. Сирый склыкае, бильый сызвае, а чорный злызуе“⁴⁾ (9 разъ).

„Ихавъ пресв. Юрій на вороному кони, на золотому сидли, золотою нагайкою погана. За нимъ бигло тры псы: одынь бильый, другой червоный, третій чорный. Бильый бижить бильма зобаты, червоной крови хлонтаты, а чорный бижить чоловичка въ око вставляты“⁵⁾).

„Ихавъ святыи Юрій

на бильымъ кони

Въ червонымъ жупани.

За нимъ биглы чотыри собаки:

Одынъ бильый, другой чорный,

Третій червоный.

Гей, гей собаки, згоните тейе бильмо“⁶⁾ (3 р. плюнуть и 3 р. проч. „Отче нашъ“).

¹⁾ Припомнимъ въ повѣсти Дала „Гофмавскія капли“ относящееся сюда мѣсто: „...Его водили то Ефремъ, то Малахій Поликарповичи... Если они стояли рядомъ, то ихъ не трудно было отличить: Малахій былъ пониже, похудошавѣе и поблѣднѣе лицомъ, но порознъ никто почти ихъ не различалъ. Народъ утверждалъ, что если хорошенько взглядѣться въ старшаго, въ Ефрема, то за нимъ всегда стоялъ Малахій; что даже изъ глазъ Ефрема, если въ нихъ пристально всмотрѣться, выглядывалъ на глубинѣ братъ его Малахій. Эта странная сказка была какъ то сплетена съ общимъ у насъ народнымъ повѣрьемъ, что въ глубинѣ глаза каждаго челоуѣка сидитъ другой челоуѣкъ, почему и самый зрачокъ иногда называется челоуѣчкомъ. Разрѣшеніе загадки этой, впрочемъ, очень просто и заключается въ томъ, что въ зрачкѣ всегда отражаются какъ въ зеркалѣ окрестныя предметы и каждый изъ насъ можетъ видѣть себя въ зрачкѣ собесѣдника“ (Сочин., I, с. 255—6. Изд. Вольфа).

²⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 8.

³⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, III, с. 378.

⁴⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 37.

⁵⁾ Мапжуръ, „Сказки“, с. 150.

⁶⁾ Руликовскій, „Записки этногр.“, с. 111. (Транскрибировано).

„Ихавъ св. Юрій на билимъ кони, въ билимъ брыли. За нымъ бигло тры пси: билий песь, и чорный песь, и сирый песь. Чорный злызавъ чорне бильмо, сирый злызавъ сире бильмо, билий з. б. бильмо, понисъ за море на очерета та на болота“ (Проговорить 3 р. и 3 р. плюнуть¹⁾).

„Ихавъ Юрій на билимъ кони, били губы, били зубы, самъ билий — у било одягся, билимъ пидперезався и за собою тры хорты веде — одинъ билий, другый сирый, третій червонный: билий злыже бильмо, сирый — слизу, а червонный — кровь“ (Промывая больныя глаза „Юровою водою“²⁾).

„Ихавъ св. Юрій на Сіянську гору, биглы за нымъ тры хорта: иденъ чорный, другый червонный, третій билий. Чорный чорне бильмо засцявъ, билий биле б. з-въ, червонный червоне б. засцявъ“³⁾ (Плюнуть больному въ глаза 3 раза).

„Ихавъ Юрій на билимъ кони, за нимъ бигло тры пси: одынъ билий, другый сирый, третій чорный. Билий съ била ока слёзу спывае, тьму закльнае рожд., молитв., рабови В. Н. бильмо сганяе. Третій чорный... сганяе“ (3 утра по 3 раза, дуя и силевывая за каждымъ разомъ)⁴⁾.

„Иде св. Юрій черезъ золотый мистъ на билимъ кони, а за нымъ 12 хортивъ: одынъ бижыть — бильмо лыжыть, другый бижыть — бильмо лыжыть... дванадцатый бижыть — бильмо лыжыть“⁵⁾.

„Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю. — Ъхавъ св. Юрій на вороныхъ коняхъ, на чотырехъ колёсахъ: кони розбѣглись, колеса роскотылись по синему морю, по чистому полю. Н. я изгоняю бѣльмо отъ хрещеного р. Б. Н., выговорую зъ костей, зъ мощей, зъ тѣсныхъ плечей, изъ буйной головы, изъ чуткихъ ушей, изъ щирого живота, изъ ретиваго сердца, зъ горячої крови, зъ жовтыхъ костей, зъ солодкого мозгу. У р. Б. Н. слеза изъ ока, и бѣльмо изъ ока“⁶⁾.

¹⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 104.

²⁾ Номис, „Укр. прик.“, с. 161 (ср. Милорадовичъ, „Нар. медиц.“, III, с. 378).

³⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 139.

⁴⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 15.

⁵⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 38—9.

⁶⁾ Ефименко, „Сборн. мдр. закл.“, с. 9.

„Господу Богу помолюся и Прач. Матцы поклонюся и мѣсячку ясному и соньяйку правядному. И зара-зараница, Божая помошница! призываямъ тябе на помочь къ р. Б. — Ъхавъ св. Юрій на трохъ хортахъ: одинъ сѣрый, другой бѣлый, а третій красный: красный кровь зализая, сѣрый бяльмо згония, а бѣлый вочко ўставляя и боль сунимая“¹⁾.

„Вздить Григорій на бѣломъ конѣ, бѣлымъ стеномъ, бѣжить за нимъ три псы: одинъ сѣрый, другой бѣлый, третій чорный. Чорный лизне (— дую въ глазъ —) слезу ронить, бѣлый лизне — бѣльмо сгонить, сѣрый лизне — бѣльмо сжене“. (Плюнуть въ глазъ, — бѣльмо выйдетъ со слюною)²⁾.

„Ишовъ Тосынь черезъ золоту гору, знайшовъ Юсынь золотый рижокъ, склыкавъ І. тры хорты. Взявъ у Н. бильмо, давъ всемъ хортамъ по бильму: чорному—чорне, червону—червоне, билому—биле“. (Говорить три дня по 3 раза)³⁾.

„Ихавъ Рахайло и Михайло на билому кони — вивъ тры хорты: одинъ—билый, другой—червоный, третій—чорный. Билый бижить—слезы лыже, чорный бижить—кровь лыже, а червоный бижить—бильмо лыже.—Тьфу!“ (3 р.)⁴⁾.

„Пресв. Богородица, Мати Бога нашего! просимъ — стань намъ у помочи. — Туды бигло тры хорты: одынь—червоный, другой—билый, третій—чорный. Червоный повалывъ билого, билый повалывъ чорного. Сорока на лози — съ р. Б. Н. бильмо злизавъ“⁵⁾.

„Въ полѣ дубъ, въ морѣ скрыня, на морѣ луно, а въ скрынѣ бѣльмо. Изшынтую, изганяю, Божымъ духомъ пошыбаю — отъ жовтой кости, отъ червоной крови“⁶⁾. (Читать не переводя духа).

(Высѣкая изъ кремня сталью крестообразно огонь):

„Hier schrief ik enene Rink

1) Романовъ, „Бѣлорус. сборн.“, V, с. 102 (№ 259).

2) Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 46. (На с. 45 вариантъ, сходный съ Чуб., I, 139).

3) Комаровъ, „Нова збирка“, с. 104—5.

4) Rehoť, „Lidová léčba“, с. 283.

5) Драгомановъ, „Малор. пред.“, с. 29.

6) Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 45.

Mit en Stalern Messer,
De Rink is sunt (=gesund)
Dat Hildink verschwund“¹⁾.

„Господы благословы, Г. поможы нарожд., мол. р. Б. Н. сие бильмо изъ ока зганяты, Матери Божои прохаты. — Ишла М. Божа горою, стала я йии пытаты: „Куды вы, М. Б., идете?“ — Иду я помочи даваты нарожд., мол. Н. — бильма зъ ока зганяты, — выламы сколоты, граблямы сгрибаты, митлою змитаты нарожденому, мол., хрещ. изъ ока бильмо зганяты“²⁾.

„Ийшла била дивка
Билою дорогою:
Нижкы въ нейи били,
Ручки въ нейи били,
Головка въ нейи била.
Здыбала йии Пречиста Дива:
„А куды идешъ, дивко била?“
— Генъ-генъ — бильма зганяты,
Граблямы згрибаты.
Фукъ, фукъ!
Не мій духъ — Божый духъ!“³⁾.

„Выйшла дивка за биллойи горы съ билымы рукамы, зъ билымы ногамы, зъ б. очыма, зъ б. плечыма. Зустритыла ю Матерь Божа: „Де ты идешъ, дивко била? Иды ты та прыступы до Божого, молитв., хрещ. Н. Иды ты та пытай го, зъ чого винъ бильмо диставъ: же зъ роботы, же зъ охоты, же зъ урокивъ. Та поскалымъ выкопай, а лопатовъ выкыдай, а митловъ вымыты...“⁴⁾.

„Es gingen drei heiligen Jungfrauen
Wohl über einen grünen Stieg
Die eine pflückte das Gras aus dem Steig;
Die andre nahm das Blatt vom Palmbaum;

¹⁾ Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 516.

²⁾ Милорадовичъ, „Народн. медич.“, III, с. 378.

³⁾ Иващейко, „Шептанія“, с. 179 (ср. Чуб., I, с. 139).

⁴⁾ Курезанко, „Volksmedicin“, II, с. 62.

Die dritte nahm das Fleisch- und -Blutmal vom Auge.
Im Namen“ ¹⁾).

„Daer seten die Jungfern an den Weg.
De een de puest dat sant uten Weg,
De ander de puest dat Lov vannen Boem,
De drürr de p. d. Mael von Oeg.

Im Namen...“ ²⁾).

„Sła Najświętsza Panna Otololija; napotkała Najświętszą Pannę Maryją.— Cego ty chcesz słowiec?— Co ja chce?— Zeby łuscka oka nie psuła.— Co ksiądz mówi przy mszy świętej: „Maryja, dopomóż mi ty“ ³⁾).

„Idzie święta Otoliją prosa siać, napotkała ją Panna Maryją. — „Gdzie to idzies, gdzie, święta Otolija?“ — Ide ja se prosa siać. — Nie chodź-ze go tam siać, bo tam nie będzie rosło, ani wschodziło, ani sie syrzcło, bo ci Maryją Panna zakazała, zebyś Uliwnój góry nie psowała. — Ja cie, łuscko, zażegnuję wietrzną rubiá, rzymoba skłaná, jaglaná, i jakás jéno jest na świecie, nie swoją mocą tylko Bożą pomocą i Najświętszej Panny; zebyś sie rozchodziła, jak sie janieli rozchodzą po Bozych domach, po B. kościołach, jak woda po morzu, jak gwiazdy po niebie“ ⁴⁾).

„Posła święta Rozaliją na górę Lilijową,
Spotkała sie z panem Jezusem.

Kaj to idzecie Rosalio Lilijowo?

— Po łusckę zganiać.

— Jak sie mse święte po kościołach rozchodzą,
nie strzykała, nie łupała,
tym źrenickon nie zakrocała (sic!);

W imię Świętej Trójcy ja cie zegnám

Pana Jezusa mocą

I najświętszej Panny dopomocą“ ⁵⁾).

¹⁾ Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, c. 359.

²⁾ Müllenhoff, „Segen, Märchen“, c. 516.

³⁾ Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, IX, c. 48. (Св. Отылија помогаетъ отъ глазныхъ болѣзней; къ ней есть и особая молитва: „W książęcym domu ślepa urodzona, od ojca swego będąc pogardzona, módl się za nami, Otolija święta, by dusza nasza nie była zacięta“. — Ib.).

⁴⁾ Siarkowski, „Op. cit.“, III, c. 53—4. ⁵⁾ Ib., c. 51.

„Sed(1) Pán Jezus z Najświętszą Panną Maryją bez łąckę,
Zazegnýwál kobiecie łuskę.

Chuchnął Pán Jezus trzy razy w oko,

Ur-zys kobieto daleko.

Najświętszą Panna trzy razy w coło,

Pódzies, kobieto, do domu wesolo!

Wsycy święcia (sic) powtórzyli,

Od kobiety łusckę oddalili.

Pódzies, kobieto, do domu,

Nie będzies cuła w oku bolu“ ¹⁾.

„Sed(1) Pan Jezus z Najświętszą Panną drózką,

Spotkał sie z ryzim pazurem i łuscką.

— Kaj dy idzies ryzi pazure i łuscko?

— Idę ludziom ocy zasłaniać,

— Nie chodź ty ryzi pazure i łuscko ludziom ocy zasłaniać, idz ty na bory, na lasy, za Pana Jezusa mocą. Najświętszej Panny i wszyckich świętych pomocą“ ²⁾.

„Sed(1) Pan Jezus z Najświętszą Panną drózką,

Spotkał sie z ryzim pazurem i łuszczką.

Wezmę sobie ruskie brzozową,

Na tego rzyiego pazura i łuscki siekanie, rzezanie,

Bo ten ryzi pazur i łuscka słoniowa (= słoneczna), gwia-zdeczna, rzymna, dymna, wrzodatá, zapamiętała.

Zegnám cie, zegnám, Pana Jezusowa mocą,

Najświętsej Panny i wsytkich świętych pomocą“ ³⁾.

„Nie łuska, tylko łuscyca,

Nie samiec, tylko samica,

Zegnám cie, zegnám, Pana Jezusa mocą,

Najświętsej Panny i wszyckich świętych pomocą“ ⁴⁾.

„Zegnám cię, bolu, Bożą mocą,

Najświętszej Panny dopomocą,

Najświętszej Maryi Częstochowskiej,

Piotrkowskiej, Piekosowskiej.

1) Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, c. 54.

2) Ib.

3) Ib., c. 56.

4) Ib., c. 54.

Jak się wanilija rozchodzi po kościele,
Tak się i ty, bolu, rozejdź po świecie“¹⁾.

„...Sanctus Nicasius der heilig martrer gotes het ain mail in den augen vnd er versuchet ob yn got daunon erledigen wolt, und unser herre erlediget yn dauon. Da pater vnsern herren, wer seinen namen ob im trüg oder hett, daz der selb erlost wúrd von allen mailen vnd prechen, wie die wárn, und unser herre erhoret yn. Also pesmer ich dich, mail, pey dem lebentigen got, daz du verswindest von den augen des dieners gots N., du seust swarz, rot oder weiss. Christus mach dich hin gen, amen. Im namen des vaters vnd suns und des heiligen geistes, amen. Vnd sprich V pater noster. uud V aue maria in unsers herrn funf wunden“²⁾.

б) *Отъ оспенныхъ нарывовъ на глазахъ* (Blatter in den Augen):

„Was traget die Mutter auf ihren Armen?—Das liebe Jesulein, Welches die Blattern vertilgen und vernichten kann“³⁾.

в) *Если заporошишь глазъ:*

„Ebbeis im Aug,
A Brickele Brand (=Brot);
Wer thut mirs heraus?
Unser Herrgott und seine liebe Frau“⁴⁾.

(Поднявши вѣко, говорить):

„Вышлынъ, бабко, дамъ тоби ябко“⁵⁾.

г) *Отъ ячменя* [= hordeolum — воспаление сальной железы вѣка; нарывъ на глазу, въ видѣ ячменнаго зерна; ячмень, наметъ въ око, Weren (=Blutgeschwür im Augenliede sogenanntes Gerstenkorn — по объясн. Schmeller, „Bayr. Wörterbuch“, II, 1002)]:

„Weren, Weren!
Lass dich scheren,

1) Siarkowski, Op. cit., IX, с. 49.

2) Oswald von Zingerle, „Segen“, с. 175—6.

3) А м т а н, „Volkssegен“, с. 201.

4) М е i е r, „Deutsche Sagen“, II, с. 518.

5) Е ф и м е н к о, „Сборн. млрус. закл.“, с. 10 (№ 32).

Oder ich scher' dich

Mit einer Trogscheren“ ¹⁾ (= Schereisen, womit der Bäcker den Trog ausscharrt; scheren von scherren, — Schm., I, 451—2). Заговоръ произносятъ три раза, обводя всякій разъ больное мѣсто пальцемъ или ложкою.

(Перворожденный или послѣднимъ рожденный изъ братьевъ и сестеръ говорить, показывая больному глазу кукишь такъ, чтобы никого при томъ не было):

„Ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишь, что захочешь, то себѣ купишь; купи себѣ топорокъ, пересѣкись поперекъ“ ²⁾. — (Проговоривъ 3 р., проводятъ пальцемъ по нарыву крестообразно).

„Ячминецъ, ячминецъ! на тоби кукишь, — що хочешь купишь. Куны соби шабельку, зрубай головку“ ³⁾.

„Ячмень, ячмень! Вотъ табѣ кукишь, што хочишь, то и купишь; купи сабѣ тапарокъ, сяки сябе пунярекъ“ ⁴⁾.

„Одно каже: «Ячминецъ!», а въ кого ячминецъ на оцѣ, одказуе: «Брешешь». Такъ трычи, по тимъ, хто каже: «Ячминецъ», трычи плюе“ ⁵⁾.

„Ячминь, ячминь, на тоби дулю“ ⁶⁾.

(Бросая въ печь 3×9 зеренъ ячменя, говорятъ):

„Якъ сей ячминь згорае, такъ нарощеному, мол., хрещ. N. ячминецъ изъ глазъ исхожае“ ⁷⁾.

(Смочивъ слюной указательный палецъ, мажутъ больной глазъ, приговаривая):

„Господи благослови! Солнце на западъ, день на исходъ, сучокъ на глазу на изводъ, самъ пропадетъ, какъ чело (= устье печи, откуда пламя и дымъ идутъ въ трубу) почсриѣть. — Ключъ и замокъ моимъ словамъ“ ⁸⁾.

¹⁾ А т т а п, „Volkssegen“, с. 201.

²⁾ Даль, „О повѣр., суев.“, с. 84.

³⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 140.

⁴⁾ Добровольскій, „Смоленск. этн. сборн.“, с. 199.

⁵⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 10 (№ 30). Ср. Помисль, „Укр. прык.“, с. 161. ⁶⁾ Ib., (№ 31).

⁷⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, III, с. 377.

⁸⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, кн. 2-я, с. 203. Ср. — буквально — у Забылина, „Русск. народъ“, с. 367.

(Обводя вокругъ головы чеснокомъ, говорятъ 3 раза):

„Што е въ око-то — на лука“ ¹⁾.

(Брызгая на ячмень женскимъ молокомъ, говорятъ 3 р.):

„Излези, воле, отъ око,
Да флезе крава ф око.
Да измазём отъ крава млеко,
Да блажимъ с' него око“ ²⁾.

(Надавливая глазъ полотенцемъ, смоченнымъ въ холодной водѣ):

„Schaukel die Augen mal,
Schaukel die Blautstrahe,
Schaukel die + .
Im Namen... Geistes“ ³⁾.

„Es kamen drei gesegnete Mädchen,
Die erste stösst den Stein aus dem Wege,
Die zweite stösst das Laub vom Baum,
Die dritte s. das Mal vom Auge“ ⁴⁾.

(Ср. „Nordd. Gebr., № 333; Wolf, „Beiträge“, I, 260, № 36).

„Belle pomme d'or à la rövérance,
Nous n' avons plus qu'un Dieu en France,
Un, dux, trois,
Belle pomme d'or, sorte de France“ ⁵⁾.

„Oú est le petit Jesus?

Dans mon coeur.

Qui l'a mis?

C'est l'a grâce.

Qui la ôte?

C'est le péché.

Qui on ôte.

Le petit Jésus

De dedans mon coeur!

Revenez, revenez, petit Jesus

¹⁾ „Сборн. за пар. умотв.“, IV, с. 106.

²⁾ *Иб.*, XII, с. 148. (Это конецъ очень длиннаго заговора, помѣщеннаго на с. 146—8).

³⁾ *К и н п, Sagen, Gebräuche*, II, с. 206—7.

⁴⁾ *Иб.*, с. 207.

⁵⁾ „Mélusine“, за 1878 г., с. 170.

Dedans mon cœur,
Je ne réchard plus¹⁾.

д) *Отъ боли въ глазу неопредѣленнаго происхожденія (stôt, Reissen, очebolъ).*

„Растраси са самодива,
Та растраси сињи облак,—
Са направиш N. око.
Сама му и лек дала“²⁾.

(Больной, брызгая водой изъ рѣчки на глаза, по заходѣ солнца, говорить):

„Слѣници зжд гурж — учибол из вудж. Два бивулж сж би-
жт; черниж (преставлява здрави очи) иждвивж нж сж рвениж
(преставлява болни очи“³⁾.

„Из главе очи боле, па не могу лека наћи. Братимим вас
два листића, дѣте мени лека наћ'те! Долетеше два листића, па
овако говораху: „Које оче сенку носе, нек се нама потуже; ми
ћемо сенку под крилима однети у висину, па метнути под об-
лаке, и скинути две звезднце и метнути на оче“. (Бајач гово-
ри даље): „Једва јадан ниже сићох, док очима лека наћох;
у крикима воду донех, те очима лека наћох, да прогледе у јар-
ко сунце — у!“⁴⁾.

Ve jméno svateho Rance-Kus mazance, —

„At oučej přestane —
A zdraví nastane.

Dopomahajež mu toho sv. Kondrat“⁵⁾.

(Слегка надавливая больной глазъ маленькимъ камнемъ,
который потомъ кладутъ на мѣсто, откуда взять):

„Es gingen drei Junfern auf grünen Wegen,
die eine hob die Steine aus den Wegen,
die zweite hob das Laub vom Baum,
die dritte hob das stôt aus dem Auge.
Im Namen...“⁶⁾.

1) „Mélusine“ за 1878 г., с. 172.

2) „Сборник за народни умотв.“, IV, с. 97. 3) *Иб.*, VIII, с. 158.

4) Милићовић, „Живот срба селяка“, с. 158.

5) Zibrť Č., „Staroč vyročni obyčejje“, с. 250. (*Ср. иб.*, с. 251).

6) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, с. 442.

(Обвязывая глазъ чистою повязкою, напитанной сокомъ изъ внутренней стороны коры можжевельника и липы):

„Guter Gott im Himmelreich,
Komm' und hilf du mir sogleich!
Schwarze Weiber haben mich angespeien,
Weisse wollen mir entfliehen,
Wollen mir nicht helfen!
Schwarze Kuh' am Berge,
Weisse Kuh' im Tale,
Wollen mir nicht helfen!
Guter Gott im Himmelreich,
Komm' und hilf du mir sogleich“¹⁾.

(Привѣшиваютъ къ больному глазу записку такого содержания):

„Σάντου (bis) νικῆς ἡμῶν, ἀβιμακοῦλε, ἡνοῦλε, πέργατον, δειδομεκεῖον, καλοῦσα ὄντως. ἀβηρεκουσιε, ἡτινοῦλε, ἀμήν. στωμεν... θεοῦ, ἀμήν“²⁾.

„Ο ἅγιος Ναζάριος καὶ ἡ αγία Θεόκλη ἐπὶ θαλάσσης ἐκάθισαν. εἶπεν ὁ α. Ν. ὑπάγωμεν. εἶπεν ἡ α. Θ. οὐαί, ἀλλὰ ἄς ἐπαίριω (μεν) πᾶσαν ἀσθένειαν τῆς κεφαλῆς τοῦ δούλου... ὄδεινα καὶ ἀπὸ τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτοῦ καὶ καθαρῖσωμεν τοὺς ο. α. καὶ τὴν α. τ. κ. α. εἰ ξανθὸν ἄς λύεται, εἰ μαῦρον ἢ ἄσπρον γὰ τὸ ἐξυλοθρεύσῃ ὁ θεὸς. ὀρκίζω σε ἀρρώστια καὶ πόνε, ἐν (ὀνόματι) πατρὸς... πνεύματος, ἵνα μὴ ἔχῃς ἐξουσίαν εἰς τὸν δ... ὄδεινα ἅγιος (3 p.), σάντα (bis), Κύριε ἐλέησον τὸν δούλόν σου ὄδεινα. ὁ ἅγιος Κωσμᾶς καὶ Δαμιανὸς ὡς ἔβροσκον το ἀν(γ)α τοῦ θεοῦ καὶ βοσκόμενος ἔπεσεν κλάδος (sic)“³⁾.

„Εἰς τὸ ὄνομα... πνεύματος. ὡς ἐδιάβαινον ὁ Κύριος ἡμῶν Ι. Χ. μετὰ τῶν ἑβ' μαθητῶν αὐτοῦ καὶ ἄκουσεν βαρεμὸν καὶ εἶπε τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ· ὑπάγητε, ἴδετε, μάθετε μὴ χήραν ἀδικοῦν, μὴ ὀρφανὸν παραπονοῦν ἢ μὴ τὸ μισθᾶριον κρατοῦν. ὑπήγγαν καὶ ἔμαθαν οὐδε χ. α. οὐδὲ ο. π. οὐδὲ τὸ μ. κ. καὶ ὑπέστρεψαν εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ εἶπαν· Κύριέ μου (sic), οὐδὲ χήραν α..... κρατοῦν, ἀλλὰ ὁ δούλος τοῦ θεοῦ

¹⁾ Wlislöcki, „Volks Glaube... Zigeuner“, c. 161—2.

²⁾ Васильевъ, „Anecd. Gr.-Byzan.“. I, c. 338—9.

³⁾ Ib., c. 338.

ὁ δεῖνα ἐκατέβη τὸ ρεῦμα, τὸ λεύκωμα, τὸ τράχωμα, τὸ πάχω-
μαν. καὶ ἔδωκαν εἰς τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτοῦ καὶ οὐ δύναται τὸν
πόνον ὑπομένειν. καὶ εἶπεν ὁ κ. η. Γ. Χ. τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ.
ὑπάγετε, σταυρώσετε καὶ εἶπατε· ἐξαιρέτως τῆς παναγίας,
ἀχράντου, ὑπερευλογημένης δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀεὶ
παρθένου Μαρίας ἐξερευξάτω τὸ ρεῦμα, τὸ τράχωμα, τὸ αἶμα, τὸ
λεύκωμα, τὸ πάχωμα ἀπὸ τοὺς ὀφθαλμοὺς τοῦ... ὁδεῖνα, ὅτι τὸν
πόνον οὐ δέναται βαστάζειν οὔτε ἡμέραν οὔτε ὥραν οὔδὲ ἐκτὸς
τοῦ Χριστοῦ λέγοντος· στώμεν, καλῶς... θεοῦ. ὕγιῆς ἅπαν τὸ
βάρος καὶ ὁ δοῦλος... ὁδεῖνα τὴν ρῶσιν...“¹⁾.

Головная боль.

(Глядя на луну):

„Ой мѣсяце, млади младяче,

Стари старяче!

Када тебе уѣла змя,

Ижа елова наня,

Онда и мене заболѣла глава,

Нити тебе уѣла змя,

Ижа елова наня,

Пити мене заболѣла глава“²⁾.

(Ходить три зари на могилу, класть три поклона, взять щепоть земли и, потерявъ ея больное мѣсто, положить обратно на могилу, говоря):

„Кто на семь мѣстѣ погребень, мужескѣ или женскѣ
поль; какъ ты лежишь безболѣзненъ, такъ бы и я р. Б. имркѣ
былъ безъ болѣзни“³⁾.

(При заходѣ солнца больной, обратившись лицомъ къ за-
паду, говорить):

„Сунце за гору, а главобоља у гору!“⁴⁾.

¹⁾ Васильевъ, Op. cit., с. 337—8.

²⁾ Gauss, Fr., „Volksglaube“, с. 15.

³⁾ А. С., „Заговоры и наговоры“, с. 116 (Изъ „Сказанія о немощахъ чело-
вѣческихъ“).

⁴⁾ Милићевић, „Живот срба сельака“, с. 144.

(Смотря на луну):

„Was ich sehe, nehm zu,
Was ich streiche, nehm ab“¹⁾).

„In der Krippe tret ich,
Das Hauptgeschoss heb ich,
Niemand ist, der mir helfen kann,
Als der Mann,
Der in der Krippe seine Ruhe fand.
Im Namen...“²⁾).

(Вышолняя на дѣлѣ это, что говорится):

„Ich steh auf Holz
Und seh durch Holz,
Ich sehe durch einen grünen Zweig,
Gott der Herr behüt' mir meinen Hauptscheit.
Im Namen...“³⁾).

„Der Himmel ist hoch,
Die Wolken sind hell,
So wie sich der Himmel zertheilt,
Zertheilt sich der Schwindel.
Im Namen...“⁴⁾).

„Der Himmel ist hoch,
Die Wolken hell,
So wie sich der Himmel zertheilt,
Zertheilt sich der Schwindel.
Im Namen...“⁵⁾).

(Положивъ руку на больное мѣсто):

„Du oll leidig Schwindelfluss,
Wo quälst dat Minschenkind?
Ik will di stillen in Gottes Namen
Und der heilligen Dreefaltigkeit:
Sast stan un sast vergan
Un sast im Leben mich wedderherkamen.
Im Namen...“⁶⁾).

1) Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 448.

2) Meier, „Deutsche Sagen...“, II, с. 516.

3) Ib.

4) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, с. 442.

5) Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, с. 425.

6) Ib.

„Schwindbein, streich dich mit dem Schienbein!
Wenn du nicht gleich ausgehst,
So streich ich dich mit dem Schienbein,
Helfe Gott Vater...“¹⁾.

„Schwindel (bis), du thust schwindeln,
Du sollst aber nicht schwindeln!

Du hast Fleisch und Bluth,

So wie unser Herr Gott in Himmel fahren thut.

Im Namen... Amen“²⁾.

„Helfe unser Herr! Seine Wunden haben nicht geschwiert
und nicht geeitert. Fleisch und Blut, Haut und Bein steh wie
Stein! Helfe Gott Vater, Gott... Geist“³⁾.

„Христосъ распяся и погребесе и воскресе, и вси радуем-
ся воскресению Его, такъ бы у сего р. Б. имрека голова не бо-
лѣла, возрадовался бы и возвеселился о здоровѣи своемъ“
(З р.)⁴⁾:

„Ve jméno Otce: šlo 72 stríláv,

Potkal se z nimi pán Bůg:

«Kdež to jdete, strílové?»

— Jdemo Janovych kostí lamati.

— Jděte na dríví a skály a lamajte je,

A tohoto Kuby nechte s pokojem“⁵⁾.

(Сначала произносится 3 раза „абракадабра“⁶⁾, въ кото-
рой перечисляются имена нечестивыхъ духовъ, „који могу да
буду у човеку телу“):

¹⁾ A m n a n, „Volkssegen“, с. 207. ²⁾ Ib. ³⁾ Ib. (Ср. Gr., „Myth.—Bemerk. z. 2 Merseb. Zauberspr.“, 1030 и прил., B i r l i n g e r, „Aus Schwaben“, I, с. 442).

⁴⁾ А. С., „Заговоры и наговоры“, с. 116.

⁵⁾ Z i b r t Ā., „Staroč. vyroční obyčeje“, с. 250 („Strily v hlávě“).

⁶⁾ Въ прошломъ году нѣмецкій ориенталистъ К р о н е р ь попытался (см. „Вѣстн. и Библиот. самообр.“ за 1904 г., № 26, с. 1033—4) дать объясненіе значенія прототипа подобныхъ формулъ — самаго слова „абракадабра“, переводя его съ др.-еврейскаго, какъ „она исчезла палящая горячка, она исчезла“. Нѣсколько раньше Н. В о л о д к е в и ч ь (см. „Миръ Божій“ за 1899 г., кн. X, с. 60, „Алхимія и алхимики“) такъ объяснял происхожденіе слова „абракадабра“: „Четыре пер-
выя буквы еврейскихъ словъ: авъ, бенъ, рухъ, акодешъ — что значитъ: Отець,
Сынъ, Духъ Святой; три среднія—начальныя буквы греческихъ словъ, σωτηρία ἀπὸ
θόξης — спасеніе отъ вѣры. Т. о. значеніе этого мистическаго слова будто бы та-
ково: спасеніе достигается вѣрой въ Отца, Сына и Св. Духа“.

„ш а т о р
а р е н о
т е н е т
о п е р а
р о т а ш“.

(Потомъ говорится): „Нежид иде путем; сретє го анѣо Гаврило и упита: „Куд идеш, Нежиде?“ — Идем у човекову главу, да је сваком муком мучим.— Не можеш тамо ићи, но иди у воду.— Нежид рече: „Ја ћу из воде у рибу, из рибе у траву, из траве у свињску сурлу, свињу ће појести човек, па ћу опет отићи у ноєга“¹⁾.

(Молитва, помѣщенная „у конатичком молитвослову, а и у часловцу у истој цркви“):

„Гди Боже нашъ, приклонилъ еси главу на крестѣ, покланяюсѣа вса видимаа и невидимаа, сокрушилъ еси силне главы повинныхъ грѣхми, многомилостиве, ты сокруши болѣзни главную раба Божія N. и исцѣли его ѿ немощи и болѣзни главныа, яко ты (еси) исцѣление да мудръ идет (же) нежитъ ѿ моря чернаго и срѣте Господь его и рече: гдѣ идуть Нежиде? И рече Нежитъ: иду на челоуѣка въ плоть кости ломити ему, мозакъ изгнетовати, зубы искоренити. — И рече Господь: запрещаю ти, Нежите, именемъ моимъ да не дерзнешъ на раба Божія има рекъ.— Благословеніе Господне на его и людіе мои знаменами во вѣки. Аминь“²⁾.

„Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὁ θεός, ἐλέησον ἡμᾶς. Τρεῖς ἄγγελοι διηπόρουν τοῦ Σινᾶ τὸ ὄρος εὐρόντος τὸ ρεῦμα ἡρώτησαν αὐτὸ ποῦ ἀπέρχη, ρεῦμα; ὁ δὲ ἀποκριθεὶς εἶπεν ἐγὼ ἀπέρχομαι εἰς τοὺς οἴους τῶν ἀνθρώπων ὥστε βραχίονας καὶ πόδας καὶ σαρκός σου τῆ κεφαλῇ καὶ τοῖς σώμασι τὰ μὲν ξηραίνω, τὰ δὲ κρύσω, τὰ δὲ ρεῦματα πειν ποιήσω. Εἶπα(ν) δὲ οἱ ἄγγελοι τοῦ θεοῦ. ἐξορκίζομε(ν) σε, ρεῦμα, εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος καὶ διὰ τῶν ἐπουρανίων δυνάμεων καὶ διὰ τῶν δ' εὐαγγελιστῶν καὶ τῶν δώδεκα ἀποστόλων τοῦ Χριστοῦ καὶ διὰ τῶν ἁγίων πάντων τοῦ θεοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν μὴν (=μῆ) ἔχειν ἐξουσίαν κακοποιῆσαι ἢ βλάψαι τὸν δούλον

¹⁾ М и л и љ е в и љ, „Живот срба сельака“, с. 174.

²⁾ Ib.

τοῦ θεοῦ ὀδεῖνα. ἢ τὴν δούλην λέγε τοῦ θεοῦ, μήτε βραχίονας αὐτοῦ ξηρᾶναι μήτε ὀδόντας μήτε σάρκας κρυόσει(ν) μήτε μέλον ρεύμασι (sic) ποιῆσαι μήτε κεφαλὴν πονέσει(ν). Στῶμεν καλῶς, στῶμεν μετὰ φόβου θεοῦ ἡμῶν, ἀμήν. (Λέγε τὸ τρισάγιον, παναγία, Τριάς, τὸ Πάτερ ἡμῶν, δόξα καὶ νῦν, τὸ τραπάριον τῶν ἁγίων ἀναργύρων (Κοσμοί и Даміана) ἐκ τρίτον, ἢ ἐλπίς μου ὁ θεός, καταφυγή μου ὁ Χριστός καὶ τὰ ἐξῆς¹⁾).

„Приклони(вый) главу на распятіи, преклонишася тебѣ всяческаа, видимаа же и невидимаа, сокрушилъ еси главы сихъ и силы. Съкрушилъ еси главу всякоя болѣзни и оуничжилъ еси силу ея, главы повинновенныя грѣхы болящихъ. Ты нынѣ владыко Госноди изволи призрѣти на раба твоего сего, имярекъ, поклоншаго главу свою, съкруши главу болѣзни одержащи его главу, исцѣли отъ одержащая его болѣзни. Яко ты еси глава наша, и глава твоа здравіе наше і тебе славу возсылаемъ“²⁾.

Горючка (огневица, палъ).

„На морѣ бѣлъ горючъ камень, на камиѣ Божій престоль, на немъ сидитъ пресвятая Матерь; во бѣлыхъ ручинькахъ держитъ бѣлаго лебеда, обрываетъ у него бѣлое перо; какъ отскокнуло бѣлое перо, такъ отскокните огневицы“³⁾.

Грудница (нежить = воспаленіе грудной желѣзы — mastitis, соединенное съ изъязвленіями, ссадинами и трещинами грудного соска).

„Нежить витряный, водяный, чоловичый и парубочый, и жиночый и дивчачый! Я жъ тебе вызываю своимы трудамы, Божымы словамы, одъ рукъ и одъ ногъ, одъ очей и одъ плечей, одъ цырого сердца и одъ румяного лыца нарощен., мол. р. Б. Н.“⁴⁾.

1) Васильевъ, „Анеcd. Gr.-Вузан.“, I, с. 331—2.

2) Каратыгинъ, „Апокрифич. молитвы“, с. 442.

3) Крушевскій, „Заговоры...“, № 97-й (Богородица = заря = облачная нимфа. — См. у Аванасьева, „Поэт. возр.“, II, 568).

4) Милорадовичъ, „Народн. медц.“ (1900 г., VII—VIII), с. 59.

„Господы милостивый! Поможы мени, М. Божка, одъ нежыду шептаты. — Нежыде-нежыдыще! и витряпый, и прозирный, и часовой, и минутный, и хлоньячый, и дивчачый, и чоловичый и жиночый. И не я ёго вызываю, и не я выкликаю, и не я помичъ даваю. Самъ Господъ вызвавъ и выкликавъ — ангаливъ на помичъ пославъ. М. Божка въ помичи стояла и сей нежыдъ одбирала и св. Давыдови дарувала. И було у Давыда девять сынивъ, а зъ девяты восимъ... та ни одного. И возьмить, и пожерьте и понесить на мудре та на медре, де витерь не віе, де місяць не свитыть, де людськый гласъ не заходыть. Тамъ соби гуляйте и буяйте, и сухе дерево ламайте, одъ рожденной, благослов. р. В. N. 4 1).

„Родила лёска до дѣвет лёшныци: от дѣвет осум, от осум сѣдум, от с. шест, от ш. нет, от н. чѣтыри, от ч. три, от т. двѣ, от д. еднó, от еднó нѣ еднó“ 2).

„Соф-софá през по́ле бега,

Видо́а те козаре,

Видо́а те говедаре,

В. те телчаре,

В. те свина́ре;

Без кѹче те фана́а

Без нош те заклáа,

Без огин те испѣкоа,

Без уста те изѣдоа,

Таа душа от мóбата полѣка“ 3).

(При этомъ опускають въ воду 3 крупинки соли, гдѣ онѣ таютъ).

(Привишиваютъ къ груди записку):

„Τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τὸ σῶμα ἐν τάφῳ ἔμεινεν ἄκοπον καὶ ἀσιγπτον καὶ ἄβρωτον· οὕτως νὰ μείνη καὶ ὁ σίτος τοῦ δούλου τοῦ Θεοῦ ὁ δεῖνα εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος νῦν“ 4).

1) Милорадовичъ, Op. cit., с. 59.

2) „Сборникъ за вародни умотв.“, II, с. 173.

3) Ib., VII, с. 145.

4) Васильевъ, „Anecd. Gr.-Byzant.“, I, с. 334.

Грыжа (грызь, грызица, кила, хомуть = боль или опухоль въ желудкѣ).

(Родильница, или первенецъ въ семьѣ, или родившійся послѣднимъ, пригрызая черезъ ветошку у больныхъ дѣвочекъ пуповину, а у мальчиковъ — дѣтородный членъ, говорятъ 3 раза отвѣты на вопросы повивальной бабки):

„Что ты дѣлаешь?

— Грызь пригрызаю.

— Грызи, грызи больнѣе, чтобы грызь не заводилась. — У нашей грыжки не бываетъ отрыжки“¹⁾.

Въ заговорахъ, приводимыхъ у Крушевскаго на с. 54-й, грыжа понимается матеріально: а) дѣвица красная вынимаетъ изъ больного грыжу и кормитъ ею какого-то желѣзнаго чело-вѣка, сидящаго на сыромъ дубѣ (№ 124); б) грыжу поѣдаетъ щука изъ-подъ бѣлаго камня на окіянь морѣ (№ 128); в) приглашаютъ грыжу переселиться въ различныя деревья, камни, въ животныхъ (№№ 125 и 127).

„На мыри, на кіяни,

На тѣй рѣчки на Сіяни,

Ляжау каминь Латырь,

На томъ к. Л-и

Двѣ сястры Марьи,

Третій братъ Микифырь,

А у б. М-и конь карть.

Грызь пиристань

На етый часъ,

На ету минуту у р. Н.“²⁾.

„Грызь, грызица, идѣшь-идѣтя вы пу путяхъ и на дарогахъ и ни спускаитя вы ни стрѣшному, ни пупярепшному и приключаютя вы на вѣтри и на дыму и на вадѣ. Утишитя и сакратитя — нутряный, кашавый, асудный и причинный. А если вы ни сакратитя, ни утишитя, то я буду просить усѣ святыхъ: и св. зарю, зарницу, Марью, нашую Дарью, вутринную Мархву и светога маладика. Пумяни, Госпыди,

¹⁾ Д. Успенскій, „Род. и крестины“ („Этн. обозр.“, кн. XXVII), с. 84.

²⁾ Добровольскій, „Смоленск. этн. сборн.“, с. 193.

Царь-Давида, царя Кастянтина, и мать ихъ Алену, и сына Саламона! Вы укратили зямлю и ваду, — укратитя рабу и 12 гризй-грызицы. Утишаю я и сакрачаю всѣми святыми, всею силою небесною¹⁾.

„Бабушка Саламанидушка у Пресвятой Багародицы грыжу загаваривала (или заѣдала) мѣдными щиками, зялѣзными зубами,—такъ и я загавариваю у р. Б. имярекъ“²⁾.

„Господи Исусе Христе, Сыне Божій! Во имя Отца и С. и Св. Духа! Ста р. Б. *Абнпидив* въ на улицу на вѣ(ста) сторону, на вѣстой сторонѣ есть престоль, на томъ на п-ѣ самъ Исусъ Христосъ, Царь небесной съ громовой и молоньей, и громовыми стрѣлами, и громомъ отбиваетъ, и молоньей ожигаетъ, и стрѣлами отстрѣливаетъ уроки злые, прикосы всяки, винокосы (валокосы?) кие киликеи, всяки-превсяки злы, лихіе недуги, грыжи. Подите старому атаману на пятю, гдѣ состигнете и постигните починика и урочьника, завидника, еретика, клеветника, грыжника, икотника, ропотника. Какъ злой человекъ не можетъ крови своей пить и мозгу своего сать, чевъ изъ утробы добыть, морской глубины провѣдать, земной широты, небесной высоты, всей земной окружности, такоже не могъ ни меня р. Б. имярека ни злымъ конемъ, ни дьявольскимъ можениемъ, не бѣсовскимъ помысломъ“³⁾.

„Господи Боже благослови! Стану я р. Б. Н. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле. Есть въ чистомъ полѣ акіань-море и есть на а.-мори бѣлой камень и есть подъ б. к. щука золотая и перье золотое и кости з., и зубы з., и приди щука къ р. Б. имяреку и выгрызи у р. Б. имярека своими золотыми зубами грыжу вѣтряную, г. напущенную, г. жильную, г. костяную, сосцовую г., красную г., мокрую г., отъ отца г., отъ матери г., всякую выбывающую; и спустишь, грыжа, къ поясу и мочью и шулятами на древесянь-камень и поживи 3 часа денныхъ и поиди, грыжа, въ темное мѣсто, гдѣ сонце не огрѣваетъ, гдѣ люди не ходять и не бывають, гдѣ птицы не летаютъ, гдѣ свѣ-

1) Добровольскій, „Смолен. этн. сборн.“, с. 193—4.

2) *Ив.*, 194.

3) Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, с. 255—6.

ри не заходятъ, и поиди, грыжа, за быстрыя рѣки и поиди, грыжа, за гремучіе ручьи, и когда будетъ Христово второе пришествіе, обратись, грыжа, вепять. Тѣмъ словамъ во вѣковъ аминь“¹⁾).

*Грызъ*²⁾ (=ревматизмъ, ломота въ костяхъ; гостецъ, ко-
столома, (-тъ), Wasdaumkrankheit, Reissen, Rheumatismus, вѣ-
търъ, церма).

Наиболѣе распространенное лѣченіе этой болѣзни — гры-
зеніе зубами (simile-simili), въ чемъ особенный успѣхъ имѣють
первенцы, или мезинцы, или незаконорожденные.

„Не ты мене грызешь, а я тебе грызу. Тѣфу, тѣфу! я и
тебе загрызаю“³⁾).

„У мене зубы щучыни. Я не тило грызу, а я грызъ за-
грызаю. Тутъ тоби не стояты, суставивъ не грызти. — А въ
сего грызю девять зубивъ, а зъ девяти — восьмы... а зъ двоухъ
до одного, а одъ одного — ни до одного“⁴⁾).

„Ты грызъ-грызыще! А въ грызи два зуба, а въ мене —
одынъ; я й тымъ загрызу. Ты грызъ, выхова, ты грызъ и тру-
довна и прыстритна. Тутъ тоби, грызъ, не стояты, суставивъ
не крутыты и жылъ не сушыты. Я тебе выгрызаю одъ р. Б.
одганяю“⁵⁾).

„Грызъ, грызъ! подумана, погадана, испытана, изъидена,
чоловича, жиноча, парубоча, дивоча! Одна грызъ, друга грызъ...
девять грызей нарожд., мол. Н.“⁶⁾).

„Грызъ-грызыще! тутъ тоби не стояты, жовтои косты не
грызты и серденька не сушыты и червонои кровы не пыты.
Иды соби на очерета и на болота и на вельке купья. Тамъ
соби оселыся, тамъ соби остановыся, тамъ соби болы, тамъ со-
би й грызи, а М. Божа прыступае, свои слова посылаетъ: шобъ
давъ Господь Мылосердный на здоровья чоловикови“⁷⁾).

¹⁾ „Тр. М. Этн. Общ.“, V, кн. 2, с. 201 (ср. №№ 16—18).

²⁾ „Грызъ“ нерѣдко смѣшивается съ „грыжей“, иногда — съ „дною“, т. к.
эти болѣзни въ нѣкоторыхъ симптомахъ схожи („грыжа“ грызетъ въ желудкѣ,
„грызъ“ — грызетъ и ломитъ кости; „дна“ — ломитъ кости, иногда — боль въ маткѣ).

³⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, V, с. 161.

⁴⁾ Ib., с. 162.

⁵⁾ Ib.

⁶⁾ Ib.

⁷⁾ Ib.

(Грызя тихонько черезъ платокъ больное мѣсто): „Грызь, грызь, не грызи жъ ты тутъ, бо у мене зубы щучи, я тебе зубамы выгрызу, а губамы вышенчу“¹⁾.

„Я не биле тило грызу, а грызь загрызаю. Грызь подумана, погадана, испита, изъидена, подорожня, полунична, витряна, прозира! я тебе выклекаю, я тебе загрызаю зъ червонной крови, зъ жовтои кости у мол., крещ. р. Б. Н.“²⁾.

„Зубы, зубы! не хочете хабы йисты — грызить грызь, а не кистку, грызь зъ колючкою грызовою и встричною и подуманою. — Якъ писокъ на вылахъ не вдержыться, такъ и колючка въ нарожд. и хрещ. Н. не вдержытьця“³⁾.

(Передъ клиномъ, вбитымъ въ стѣнную щель или передъ сучкомъ въ стѣнѣ): „Якъ етому дереву не 'тростаць, не зелянѣть, на корани не стояць и кораня не пускаци и вѣтьцямъ не махади, такъ р. Б. животу не болѣць, косьци не ломиць, криви не мяртвиць, яду не пусьциць. (— Вынувъ клинь —) — Якъ етому суку на корани не стояци, зяленымъ вѣтьцямъ не махади и бѣлаго коренья у землю не пускаци и бѣлаго иверня (=щепы) не сѣкаци, такъ етому животу не болѣци, грызи не гуляць, не ходзиць, живота-серца не тошницъ. — (Закусывая пупокъ черезъ тряпочку)—Уцекай, грызь,—у мяне зубы рысьсїя, я цябе зѣмъ“⁴⁾.

„На мори на кіяни два молодойцы гуляюць, сабѣ грызи жалаюць, у этаго р. Б. отбираюць и къ сабѣ принимаюць. Прошу у цябе грызица, красная дзявица, — выходзи ты на щирья боры, на сухія лясы, тамъ табѣ цесовай корваць, пуховыя нярины, цвилѣвыя подушки; тамъ табѣ жиць и быць и роскошуватца, сяго р. человекка буйныя головы не ломиць, румянаго лица не сушиць, черныхъ бровей и ясныхъ вочей и нутрей и печаней и леганей. Якъ жа нѣмъ сукъ у древа, онямѣй нямѣй етаго сука и ня встрычайся ни молодзика, ни сходу, ни повнаго мѣсяца“⁵⁾.

„Ты грызь (3 р.), а я коза (3 р.), я цябѣ зѣмъ (3 р.). —

1) Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 48.

2) Ивановъ, „Знах. и шепт.“, с. 742.

3) *Ib.*, с. 743.

4) Романовъ, „Вѣлорус. сборникъ“, V, с. 169 (№ 48).

5) *Ib.*, с. 169—170 (№ 50).

Такъ ты, сукъ-ябловникъ, якъ табѣ отрыги нѣту, такъ кабѣ и табѣ отъ грызи отрыги ня було“¹⁾. (Говорить, плюнувъ на сукъ въ стѣнѣ).

„Грызь грызу, ѣсь хочу, вовчимъ зубомъ, змяинимъ жаломъ. (—Зачарциць кругъ коло пунка и сучка).—Якъ на етомъ древи-сукѣ ня 'тростаць, такъ на етомъ р. Б. на живецѣ грызи ня бываць“²⁾.

„Господу Богу помолюся, Пряч. Матцы поклонюся и ўсимъ свв. апостоламъ. Ангалы на помощь, ангалы. И не самъ собой: Пряч. Маць со мной! — Закусю грызь и заговарюю и зубу и губу и рода и племя и губицу и перегубицу.—Якъ етому древу на корени не становитца, не коренитца, не кокоцитца, такъ у етаго р. Б. грызи ня быць.—И высылаю и выдымаю на мха и на болота и на цѣмныя лѣса, зъ румянаго лица, зъ ясныхъ вочь, съ чорныхъ бровь, съ широкія косьци, по животу не ходзиць, косьци не ломиць, криви не сушиць“³⁾. (Провести крестъ по сучку въ стѣнѣ).

„Помолимся Господу Богу Иесуу Христу Сыну Божаю, св. воскресѣйнику. Заговарюю р. Б. Н. грызь вѣтряную, водзяную, уцѣшную, посмѣшную, ўрядзимуую. — Ты грызь, а я вовкъ, а я цябе зьемъ (кусая животъ). — Якъ етому древу на пни не стояць и зяленому не бываць, — у р. Б. грызи не бываць и живота-сэрца ня ўзрываць.—Господи, люби духъ мой“⁴⁾.

(Обвода три раза яйцомъ вокругъ головы больного):

„Ако е дошло зло отъ дьявол, да иде по черенъ чарван и по черна мечка, дето ходьят по пусти гори, по пусти места; ако е дошло от хубавата и медена леличка, с мед што го намажим, пчели с мед да го изнесат по джрветата, по лозвата, по дренте, по крушите, по цветата; ако е дошло от вейчки светии, да го изрине Божа Маика, да го фжрли по дьяволи, по камене, по звезда те, дето не може човьяк, да иде, шиле да кадне и дивьач да живее“⁵⁾.

(Въ послѣднюю четверть луны лѣчатъ листьями „кж-пина“):

¹⁾ Романовъ, Op. cit., с. 98 (№ 239).

²⁾ Ib., с. 99 (№ 246).

³⁾ Ib., с. 98 (№ 24).

⁴⁾ Ib., с. 99.

⁵⁾ „Сборн. за нар. умовт.“, I, с. 83.

„Цермо, Ермо!
Гиди проклета урусниа!
Што сж си разбучала,
Разбучала, разехтала,
Като нер по свинките,
Като бик по кравите,
Като пастух по кобилите,
Като вжлк по кучките,
Като которок по котките,
Като петел по кокошките,
Като мишок по мишките.
Ела земи тузи листо капинж,
Та иди на Доспатската планина,
Кжде слжнице ни изграва;
Ела земи... капинж,
Та иди на Смијнишката планина,
Кжде вѣатжр ни дунова;
Ела зими... капинж,
Та иди на Ширин планина,
Кжде са ништо ни свжтра“¹⁾.

„Господу Богу помолюся и Матари Божай приклонюся. Стань намъ, Господи, на помочь и ангели на радость. Святыя ангели хранитали, святыи Анохъ и Садонъ и Ягорій, призываемъ васъ на помочь и св. Матари Божія ѱси поможитя мнѣ выговорить ѱси скулы и ѱси болячки и ѱси ломоты и ѱси костоломы и ѱсю уредность; тридевѣять скулъ, т. болячакъ, т. болючихъ, т. колючихъ, т. залозухъ, т. золотухъ, т. рѣпяшнихъ, т. залозовыхъ, т. обжорныхъ, т. обносныхъ, т. простудныхъ, т. зелѣзнячакъ, т. трепятливыхъ, т. грызныхъ, т. шумныхъ, т. працовныхъ, т. журбовыхъ, т. подивныхъ, т. верадовыхъ, т. обложныхъ, т. колючыхъ, т. болючихъ, т. водяныхъ, т. вѣтряныхъ, т. подумныхъ, т. старськихъ, т. бабськихъ, т. жаноцкихъ, т. паробоцкихъ, т. посмѣшныхъ, т. жидовськихъ, т. поповськихъ, т. московськихъ, т. цыганьскихъ, т. знающихъ и т. нязнающихъ, — выговаруй р. Божаму зъ буйныя головы,

¹⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, III, с. 105.

изъ жовтыя косьти, изъ горучія криви, и съ палцовъ, и съ суставовъ, изъ жилокъ, и съ полужилокъ, и съ косьтей, изъ мож-
джей, изъ ясныхъ вочей, изъ горячай криви.—Спаситаль у по-
мочь, а мое — руки и духъ“¹⁾.

„Fruchtbom, ik klag di,
De Wasdaum dei plagt mi,
De irst Vagel dei dor kümmt
Dei nem et unner de Flucht,
Un fleig dormit in de Luft“²⁾.

„Christus durch den Wunden dein
Entziehen allen Unglück dein,
Fünf Wunden Gottes helfen dir,
Denn bin ich deine Arcenei für und für (?)
Im Namen...“³⁾.

„Guten Morgen. Frau Ficht,
Ich bring dir meine Gicht,
Ich hab si getragen bis auf heufigen Tag,
Und du sollst sie tragen bis an den jüngsten Tag“⁴⁾.

(Схватывая правую рукою сучокъ на деревѣ):

„Nimm von mir alle schwere Last,
Das Reissen, Schwinden und die Gicht;
Dies alles sollst du haben und ich nicht.
Das zähle ich mir zu gute. Im Namen“⁵⁾.

(Три дня сряду, до восхода солнца, прикасаясь къ бузинѣ):

„Holunder, ich habe die Gicht,
— Und du hast sie nicht.
Nimm mir sie ab, —

Dass ich sie nicht hab!—Im Namen“⁶⁾.

(Поворотившись лицомъ къ устью рѣки, выпить изъ нея
3 ложки воды, бросить ложку черезъ голову и уходить, не
оглядываясь, со словами):

1) Романовъ, „Бѣлорус. сборн.“, V, с. 79 (№ 154).

2) Bartsch, „Segen... Meklenb.“, II, с. 426.

3) Müllenhoff, „Sagen... aus Lauenburg“, с. 513.

4) Prahm, „Glauben... Brandenburg“, с. 194.

5) Аман, „Volkssegens... Böhmenwald“, с. 212 (о передачѣ болѣзней де-
реву см. Grimm, Myth., 979 и Kuhn, Ws, II, 205).

6) Ib. (Ср. Gr., Myth, Anh. XLIV).

„O Wassermann, ich klag es dir;
Die reissende Gicht vergehe mir“¹⁾.

„Guten Abend, Fichte,
Nimm mir meine Gichte,
Rheumatismus und auch Reissen
Soll aus meiner Körper Weichen“²⁾.

„Gott der Herr ging über das Feld, da kam der Hosti Hostis. Gott der Herr sprach: „Wo willst du hin?“— Ich will in diesen Menschen und will in ihm ressen, wüthen und toben. — Got d. H. sprach, „Das sollst du nicht thun un in ihm reissen, wüthen und toben, sondern gehe hin in diesen wilden Wald daselbst ist ein Brünnlein milch und Honig beffossen, da sollst du hingehen und nicht wieder kommen“³⁾.

„Ve jméno sv. Ducha: — Jel pan Ježíš na oslíčku, — Sv. Petr na koníčku: „Petře, pospěš!“ — Pane, ne mogu — Zlamal mi kůň nohu.—Nu, seidiž se kost' k kosti,—Kloub k kloubou, srst k srsti.—At' jest rase tato bolest celá jako kámen,—Dejž to duch sv. Amen“³⁾.

„Jesus ging aus auf allen Wegen und Strassen. Es begegneten ihm 77 Gichteu und das Kalvergift. Jesus sprach: Stehet stille und gehet aus“⁵⁾.

„Заклынаю тебе, гостецъ, самця и самыцю, великымъ именемъ Господа нашего І. Х. и Пречыстою вирую нашою Божою и приснодивою Марією и свв. архистратигами и свв. отцами и свв. апостолами и свв. мученыками. Заклынаю тебе, огненный гостецъ, самецъ и самыцю, Ныколаемъ Мирлыкійскимъ, Умылосердыся, Господы, о рани сей и исцилы болизны души и тила, абы ты, гостецъ самецъ и самыця, та жадной шкоды не учынявъ рабу Б. Н.: ани въ брови, ани въ очахъ, ани въ шыйи, ани въ плечи, ани межы плечамы, ани въ грудяхъ, ани въ серци, ани въ селезинци, ани въ легкихъ, ани въ жылахъ, ани въ мозку, ани въ животы, ани въ костехъ, ани

1) P r a h n, Op. cit., с. 194.

2) Іb.

3) K ö h l e r, „Volksbrauch... in Voigtland“, с. 404.

4) Z i b r t, „Staročeske. obyčeje“, с. 249. (Этотъ заговоръ ближе къ заговорамъ отъ излома кости, вывиха).

5) A m m a n, „Volkssegen... Böhmerwald“, с. 211.

въ колѣнахъ, ани въ голеняхъ, ани въ руку, ани въ ногу, всимъ суставамъ ани въ тили,—абы гостецъ сей, самецъ и самыця, яко каминь на свойимъ мисци лежавъ, ныни и присно и по выки аминь“¹⁾.

(Взять чашку, положить въ нее пять различныхъ хлѣбныхъ зеренъ и красныхъ суконныхъ нитокъ и обратясь къ иконамъ говорить):

„Присвятая Бугурудица, азбау, абъ чомъ тибѣ буду прасить и малить: Н. избау ат боли, ат ламоты кастанэй, жильный, сустауный. Асвятитя сваей святю рукою пять хлѣбюу ибсѣить сваими святыми зирнятными челавѣка. Скачиваитца съ яго пять хлѣбы съ галавы — и скатися ламата изъ кастей, изъ мащей и жилъ, и суставыу, изъ ачей, изъ глазъ и буйный галавѣ! — Пресвятая Бугуродица, вазми атъ свайво сына слащайшига свае залаты ключи и атъ Господа Бога и замкни яму ломуту ламотнию болѣсть на вѣки вѣшныя. Аминь балѣсти“²⁾. (Перевязать наговор. нитками кисти рукъ и ногъ, завязать по 4 узелка и 5 р. перекрестить).

„Не иду я до Матинки Божои съ хрестомъ святымъ, зо веимы свв. апостоламы, щобы ся не взяли жадни биды хрещ., породж. Н. Я жъ тебе замовляю Господомъ Богомъ С. Хр. съ Преч. Дивою и зъ маткою найсвентною Тыненскою, Соколецкою и Почаевською, — Господа Бога и С. Хрыста. Очыстывъ свою душу Господь Богъ сотворяще и сотворивъ и на сей свить пустывъ проситья и молитья Господа Бога поратунку. Господы Боже, вызволы гостецъ, прыстрить и очысты мою душу. Господы Боже сотворящей, съ чого ты почався? Съ чого ты почався гостецъ? Чы ты почався зъ витру, чы ты почався зъ холоду... охоты... роботы... съ поганыхъ очей? Чы зъ раняго свитання, ливночного, вечернѣго, полуденного? Чы зъ сонця, чы чоловичыхъ, чы жиночихъ, чы дивочыхъ, чы дытячихъ очей? Я жъ тебе замовляю, видтынаю зализнымъ ножомъ зъ пятыма пальцамы, шостою долонею, самъ собою, Божею волею. Господы Боже очысты мене своею ласкою святою пре-

1) К е н о ъ, „Lidová léčba“, с. 491—2.

2) Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 192—3.

найсвитлыѣшаго и явися намъ. Очищае Господь Богъ своею ласкою весь свитъ, весь повитъ, очищае горы, моры, каминныя, лисы, — очысты, Боже, и твою душу. Ишли черныци, биглы до кирныци, брали соби водыци. Помагай тоби Богъ, водыце-Ерданыще, перебуваещъ ты въ лугахъ-берегахъ, очищаешъ, очысты и сю душу. Аминь“¹⁾).

„Заклинаю тя, гостецъ, самця и самыцю, велькымъ именемъ Господа нашего І. Хр. и преч. вѣрою нашею и приснодѣвою Марією и св. архистрастигами Михаиломъ, Гавріиломъ, Рафаиломъ со вѣми умными небесными силами, св. Іоанномъ, пророкомъ и крестителемъ Божіимъ и вѣми отцами: Авраамомъ, Исакомъ, Іосифомъ—Маріи обручникомъ и вѣми прежде закона и въ Законѣ Христа проповѣдаваши и св. славными и всехвальными апостолами Петромъ и Павломъ и проч. апостолами и учениками, Христова евангеліе проповѣдавшими; свв. мучен. Стефаномъ, Лаврентіемъ, Игнатіемъ, Григоріемъ, Димитріемъ заклинаю огнений гостецъ, самецъ и самыцю, Николаемъ Мурдик., Григоріемъ Неокесар. Умилосердися, Господи, о ранѣ сей и исцѣли его болѣзнь души и тѣла, абы ты, гостецъ самецъ и самыця, ты жадной шкоды не учинилъ р. Б. Н., ани въ бровѣ, ани въ очахъ, ани въ ши, плещу, ани въ сердцу, ани во всемъ тѣлѣ, абы гостецъ сей, самецъ и самыця, яко камень на своемъ мѣсту лежалъ нынѣ и присно и во вѣки аминь“²⁾).

„Ich lege meine sündige Hand auf deinen Leib und spreche dich mit dem wort Gottes an durch Jesum Christum sein Schweres Kreuz, durch die eisernen Nägel, d. seine Schmerzen, dass N diese schmerzen ganz vergehen, Schwindel und kalte Gicht, und gleich authören, wie die Steine, zu wachsen nach Christi geburt aufgehört haben. Ich spreche dich Gicht von Fleisch und Blut, v. Mark und Bein hinweg, weiter lass ich dich nicht. Du musst dich verlieren auf ewige Zeit, wie sich der Teufle nach der auferstehung Christi verlören“³⁾).

1) Чубинскій, „Труды“, I, с. 136—7.

2) Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 40—41.

3) А м м а н, „Volksegen... Böhmerwald“, с. 21—2.

(Взявъ больного за руку и называя по имени):

„N. ich begreife deine rechte Hand in Gotts des Vaters und des Sonnes und d. heiligen Geistes. Da wird dir gewendet mit dem gekreuzigten Heiland. N. ich begreife deine Gicht, die Markgicht, Fleischgicht (— другие виды болѣзней см. у Gr., „Myth.“, 967 f. und Nachtz.; Birlinger, „Aus Schwaben“, I, 448—9—) so wirst du gewendet werden durch Jezum Christum. N. glaube du dass Christus am Kreuze gestorben ist. Glaube du N., dass er die dornende Krone auf seinen heiligen Haupte trug und mit einer Lanze gestochen wurde. Er trug das schwere Kreuz, fiel dreimal auf sein Angesicht, wurde mir drei Nägeln geschlagen so begreife N. diesen Schmerz! Welchen Schmerz (bis) empfand er! Wie du in deiner Markgicht... Fleischgicht, so wirst du gewendet werden.—Wie Petrus und Johannes kamen vor die Tempelthüre, da sass einer an dem Wege, welchen sprach. „Brüder, erbarmet euch meiner!“ — Da sprach Johannes: „Was willst du, dass ich gebe?“ — Petrus sprach: „Geld und Gut habe ich nicht, steh auf in Jesus Namen!“ — Im Namen“¹⁾).

„Im Namen... Ich N. beschwöre dich Gesicht oder Gicht bei den heiligen fünf Wunden und beim unschuldigen Blut meines Herrn Jesu Christi, welches aus seinem heiligen fünf Wunden uns Menschen auf Erden zu Gott geflossen ist. Im Namen... — Ich beschwöre dich Gesicht oder G. beim jüngsten Gericht und heim bitterm Urteil das Gott über alle Menschen und Sünder und Sünderinnen erteilt, dass du mir am Gehirn, an den Augen, an den Schultern, am Rücken, am Herzen, an den Lenden, an den Waden, an d. Füßen, an d. Zehen und an allen Gliedern meines ganzen Leibes (nicht schadest). Im Namen... — Ich beschwöre dich Gesicht oder Gicht durch die drei Nägel, welche J. Christo d. seine h. Hände und Füße Geschlagen worden, bei d. Heiligen, die auf beiden Seiten des Kreuzes unseres Erlösers J. Ch. bei seiner Kreuzigung Standen, nämlich der seligsten Jungfrau Maria, des heiligen, die bei der Kreuzigung unseres Herrn Jesu Christi zu-

¹⁾ A m m a n, op. cit., e. 209.

gegen waren. Im Namen... — In diesem Vertrauen hoffe ich, Gott werde von mir durch die Fürbitte der heiligen Barbara, wenn es zu meinem Seelenheile erspriesslich ist, die Gicht abwenden und alles gute erteilen. Ach, ich bitte dich, o gütigster Herr, dass du mich von dieser Krankheit des Gesichtes oder Gichtes erlösest.—Ich bitte dich durch die Stricke, Bande und Nägel, mit welchen unser Erlöser gefangen, gebunden und an das Kreuz genagelt worden, dass er im Namen... seinem Martern zu Liebe mir and allen Menschen diese Gnade verleiche. Im Namen...— Ich beschwöre dich G. oder G., dass du abweichest bei der göttlichen Liebe im Himmel und auf Erden. Im Namen... — Es weiche von mir jede Art dieser Krankheit, es sei das kalte Gicht, das laufende G., d. brennende G., d. reisende G., d. tobende G., d. fliegende G., d. Lendengicht, die sieben und siebenzig Gichter, dass sie mir an meinem ganzen Leib nicht schaden. Dazu helfe mir die göttliche Kraft, mit welcher J. Ch. seinen Marter tod am Kreuze gelitten, in seinem Grabe, in welchem er selbst gelegen und von da glorreich erstanden ist und das menschliche Geschlecht erlöset hat. Liebster Herr und Heiland! Mache mich gesund an Leib und Seele! Das werde wahr! Im Namen... — Wer ein Gesicht oder G. hat, der komme und wende sich zur Rückerinnerung des Lebens J. Ch. und an den Namen J. Nazarenius Rex Judeorum.— Wer es liest oder gelesen hat er sei unser Teind oder Treund Bruder oder Schwester, und dieses Gebet bei sich trägt und sich nach dem Inhalt desselben einrichtet, wird von Gesicht oder g. betreit und keineswegs davon befallen werden.—Denn der nächtlichen Tod am Stamme des Kreuzes gelichten hat war unser liebster Herr J. Ch. Dieser ist der Herr Himmel und der Erde. Er würdigt sich uns zu helfen und das Gesicht oder G. von uns abzunehmen, dass wir es nicht bekommen oder uns gänzlich zu bewahren. Man bete, solange man lebt, alle Tage zu Ehren des gelibten J. Ch. fünf Vaterunser und f. Avemaria nebst dem Glauben¹⁾.

„Im Namen... Ich beschwöre dich du Gesicht oder

¹⁾ A m m a n, Op. cit., c. 209—210 (Cp. Gr., „Myth.“, Anh. S. 497, XIII).

Gicht bei dem unschuldigen Blut unsers H. Jesu Ch. Im Namen... Ich b. d. du G. und G. b. dem bittern Ort, bei dem jungsten Gericht, dort werden alle sünden erteilt (verurteilt) werden. Ich beschwöre dich du G. und G. durch die Stricke und Banden... Ich... bei d. heiligen fünf Wunden, die der H. J. Ch. für mich und dich empfangen hat... Ich... durch die Kraft des h. Grabes, wo der H. J. Ch. selber darinlag... O gütiger Herr, ich bitte dich, du wollest dich nicht weigern, w. ihn erlösen von dieser Krankheit, von der kalten Gicht, v. d. laufenden G., v. d. brennenden G., von d. reissenden G., v. d. fliegenden G., v. d. sieben Gichten, v. d. siebenundsiebzig G. Lilbster Hiland und Herr mache ihn gesund an Seel und Leib! Das werde wahr! Im Namen.. (Man zähle nun von 77 bis 0). Ich beschwöre dich, du G. und G. durch dein Kreuz und Marter, so J. Ch. auf Erden angestanden hat... Ich.. durch dein heiliges Kreuz und d die Fürbitte der seligsten Jungfrau Maria und des s. Johannes, und alle die bei dem h. Kreuz gestanden sind, wollen dich erlösen von dieser Krankheit, v. d. k. G., v. d. laufenden G., v. d. breenenden G., v. d. reissenden G., v. d. fliegenden g., v. d. sieben g., von d. s-u-s-ig Gichten. Ich... bei dem Sohn Gottes und bei d. h. Wandlung unsers H. J. Ch., bei d. h. fünf Wunden unsers lieben H. J. Ch... Ich... b. d. jungsten Gericht, b. d. lebengigen Gott, das Gott sein heiliges Leiden wegen uns Menschen auf Erden litt... Ich... b. d. Marien u, H. J. Ch. Ich... b. d. vier Menschen, die auf Erden standen, als die wahre Mutter Gottes Maria samt Elisabeth, s. Johannes u. Jakoben. Die sprachen zusammen, weil u. lieber H. J. gefangen, gebunden, gegeisselt, gekrönt, mit drei Nägeln an das schwere Kreuz geschlagen worden ist, darum stirbt er für uns Sünder und Sündeinnen und für die ganze Christenheit... Ich... durch die Kraft Gottes, die du im Himmel und auf Erden hast, dass die gesicht und G. ihr kein Schaden mehr thut an Augen, Zähnen, Kopf, Händen und Füßen, Schultern und Lenden, Bauch und Rücken, und alles, das auf Erden ist, kommt zu dir um Hilfe. Im Namen“ 1).

1) A m m a n, Op. cit., c. 210—211.

„Въ имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Ишоль Самъ Милостивый Господь Богъ райскіими путми и гостинцѣ и стрѣтилъ госца и гостицу и со гасцаты и рече имъ: где и камо идете. И рекоша ему: Милостивый Господи, идемо мы въ человечюу главу, власы его крутити, главу и мозокъ его сушити, кости ломити, жылы торгаты, тѣло его псоваты. Тогда рече имъ: окаянныи, не можете и дойти и достигнути до моего р. Б. Н., бо я тамъ былъ, святыми ангелы и арханг., херувими и сераф., и съ свв. апостолы, и положилъ есмъ на немъ печать свою, пресв. честный крестъ, и не можете вы дойти и достигнути до м. р. Б. Н., до его главы, до его власовъ, до его костей, до его жылъ, до его сердца и до всего тѣла его. — Заклинаю тя моцію и благодатию св. Духа, да отступите въ свой тартаръ, бо тамъ есть окно, на томъ окнѣ есть камень, на т. к-и сѣдичъ черный человекъ, поидѣте вы до того ч. ч-ка, немолитвеннаго и некрепеннаго, кровь его пйте, власы и главу его крутите и мозокъ его сушите, кости и жылы его ломлѣте, и вшидко тѣло его псуите. — Тамъ вамъ есть допущенный всякій гостецъ со густицею и со гасцаты, съ вѣдмы и съ вѣдаты, съ восточными и западными, съ южными и сѣверными, съ мертвыми и слѣбными, тамъ перси его подлѣгайте, подступуйте, духъ залѣгайте, уха его фукайте, зрокъ очій его зрываюте и гласъ его утрѣтѣте, и тамъ ся веселѣте, по всемъ тѣлѣ его, власы главу его крутѣте, тѣло его псуите, ставы его змѣтуйте, жылы его зрываюте; тамъ васъ замыкавъ и запечетую, всякій гостецъ, крутый гостецъ, ставы змѣтающій гостецъ, кости змѣтающій гостецъ, сердцеболящій, ставы студящій, бѣлмо творящій и полудотворный. — Стала Пречист. Марія мати Ис-съ Х-ва съ св. своимъ сыномъ на водѣ Иорданстѣи, на Иорданск. камни, и змиевы главы сналилъ силою своею и писаніе шатанское потеръ, такожь силою и моцію божественною вшелякой гостецъ. Господи, помози ми закляти и замкнути, замыкаю его до дне судного, аминь. Силная есть моцъ и лютая болезнь, сперечены гостецъ и рушеный отъ нечистаго духа и отъ нечистой вѣди, лукавой лукавицѣ, упирѣ оупирѣцѣ и дюгъ дюговицѣ и вшелякій боль рушеный и спереченый укладаю тихо лехко. Милостивый Госп. Богъ запрѣтилъ пресв. св. словомъ, абы немоглъ

ся на высоту высити и въ широту ширити, вшелякій гостецъ и гостицу и гоцага, заклинаю васъ и запечетую васъ отъ сего р. Б. Н. Богомъ живымъ и всѣмъ свв.— Милост. Госноди, буди мнѣ на помочь, гостецъ умертвити и силу его утратити и всю мощь его утратити, но сто нохтій его нероспусити, абы крещенное тѣло его не шемоталь и въ немъ не играль, а ни сердце его не палиль, жылы его не торгаль, очи его незрываль.— Ишоль Г. Б. путемъ и обрѣте человека прокаженнаго и болно-го. Рече ему человекъ: Госноди аще хощу, можешъ ли мя очистити. Яль его Г. Б. за десну руку и глагола ему: очистися и утвердися, змоцнѣлся и утвердился тоєю благодатію Божію (sic!).— Госноди, запрети т (300) болевъ и девять, абы очи его незрываль, гласъ нетратиль и воздухъ незалѣгалъ, власы некрутиль, главу незаверзалъ госцу стрóковатый, дощковатый, вонсоватый, гостецъ пушный, завротистый, трудоватый, запрѣщаю тебе Богомъ живымъ именемъ его святымъ, да невозможеша, южь болше р. Б. Н. слабѣти, транити, распалати, студити, пушити, вшелякій боль неможетъ ся въ немъ рушити. Гды б. извюль и заразиль оного перевозданнаго человека Адама діаволь, которій ся подносиль противно Бога отца небесного, который сътвориль седмъ десять и седмъ болестій. Повстанъ, судія праведный, лѣкарю мощный, ты бо, вѣмъ, имашъ мощь запрѣтити всякій гостецъ и всякій боль, токмо словомъ св. святымъ, не токмо словомъ, но волею св. свят., да уложится всякій гостецъ, подвитый, подвиненый, подлятый, преступленный, сѣденный, испитый и всякій нечыстый духъ и гостецъ. Заклинаю тя моцію св. преч. д. богородицеи всѣхъ васъ, елико васъ есть, гостецъ и гостицу и госцата и со внучаты и правнучата; будѣте запрещенныи по шестидесяти и по три десяти болестей отъ сего р. Б. Н., отъ его главы, отъ его власовъ, отъ тѣмени, отъ мозгу, отъ очій и зѣницъ и отъ ухъ, отъ горла, отъ его жыль и составовъ и отъ сердца его и отъ чрева его и отъ костей его и отъ всего тѣла его, отъ рукъ его, отъ ногъ его и палцій его, яко Г. Б. запрѣтиль каменеви, абы неросъ, и неростегъ отъ того часу, такожь презъ благодать и запрещеніе св. св. Духа и пр-ои Маріи (sic!) Матере Божей и всѣхъ свв., неможеша ширити и въ высоту высити вшелякій боль и гостецъ

въ рабъ божій имрекъ, будѣте запрѣщенныи и прокляты и избѣглы, и кому, нікогда же возвратныи, запрѣщаю вамъ отъ сего р. Б. Н. отъ его главы, отъ е. власовъ, о. е. очій, о. горла, отъ всѣхъ съставовъ его, отъ нерсій его, отъ сердца его, отъ утробы его, отъ бедръ его, отъ предѣль его, отъ колѣнъ его, отъ ногъ его и палцій его, отъ бедръ его, отъ всѣхъ съставовъ тѣла его крещеного; запрѣщаю ти, абы есъ былъ невозвратный къ р. Б. Н. и заутра ажъ на вѣки вѣкомъ, аминь“¹⁾).

Дна (еармеатикъ = ломъ въ костяхъ, подагра, иногда боль матки, происходящая отъ нечистаго духа).

„Яка болячка—ломовая, костяная, золотушна, — шобъ не палыло, шобъ не свербило, не щемило, прысичу и засичу“¹⁾.

„Ишла Маты Божя золотымъ мосточкомъ, (съ?) золотымъ ципочкомъ. Дванадцать ангеловъ, Евангелысты, Хранысты, подайте меча съ подъ правого плеча, баби (v. диду) подати, хрещеному Н. прысикаты, шобъ не ломыло, шобъ зъ ногъ не вальлю; трычи по трычи прысикаю, вырубаю и зарубаю“³⁾.

„Еарьму, еарьмеатичеа, каде си, Еарьму, торнал, вас селу и нис селу. — Тоарнал ми сам, тоарнал Н. глава и роаки да строшеам.— Воарни са, Еарьму, воарни; еасам прис там ходил, та гу сам миру миросал и коаретум гу сам коаретосал“⁴⁾.

„Во имѧ Оѧа и Сѧа и Стѧо Дѧа. Заклинаю тѧ Бѧомъ живымъ червленаа и чернаѧ власы и ногты свѧзана ѿ ѧ агль. Что рыкаеши ꙗко левъ, ꙗко волъ ꙗциши (=ревешъ), ꙗко козлище возыграеши, тако же и ты въ дѧтви твориши. Нѧ великыи Бѧ архистратизи Бѧи еже о тебе ходѧтъ дѧвству твоему кажи путь даи же исцѧленъ рабу Бѧю имркъ. ꙗко твоя дрѧжава и твое црѧтво. Слава Оѧю“⁵⁾.

Жаба (angina, Frosch, болѣзнь горла, при которой увеличивается миндалевидная желѣза, глотать трудно; кажется,

¹⁾ А. Петровъ, „Угрорус. заг. и закл. нач. XVII в.“, с. 125.

²⁾ Шарко, „Изъ обл. суев. Черн. г.“, с. 173.

³⁾ Ib.

⁴⁾ „Сборн. за нар. умовъ.“, кн. IV, с. 103—4.

⁵⁾ Порфирьевъ, „Апокр. мол. по рук. солов. б.“, с. 10.

будто что-то твердое сидить въ глоткѣ; послѣднее обстоятельство, быть можетъ, стоитъ въ связи съ названіемъ этой болѣзни «дубоглотомъ», т.-е. будто проглоченъ дубъ).

У Крушевскаго приведено 5 заговоровъ (№№ 98—102) почти одинаковыхъ: на сухомъ дубу сидитъ птица съ „булатными когтями“ и „теребитъ жабу“; на это дерево прогоняютъ жабу.

(Въ звѣздную ночь шептуха выводитъ больного во дворъ, опускаетъ въ сосудъ съ непочатой водой 4 куска „готварской“ соли; вытащивъ одинъ изъ этихъ кусковъ, натириетъ имъ распухшія желѣзы, произноситъ приводимый ниже заговоръ, разбрасываетъ остальные куски соли, выливаетъ воду на то мѣсто, гдѣ стояли, и идетъ домой не оглядываясь):

„Сегá и звезда и жлогá
Зарана ни звезда, ни жлогá.
Как са топи, таа сол,
Такá и жлогите да са стопат“¹⁾.

(Взять 9 пучковъ соломы, обмотать всѣ вмѣстѣ 9 разъ ниткой, завязать 9 узловъ; изъ cadaго угла 3 раза брать науги-ну, положить ее на пучокъ, зажечь солому и заставлятъ больного вдыхать дымъ, говоря):

„Уроцы (bis), скацицеса, звалицеса зъ буйнэй головы, зъ горючей криви; такъ и ты, жаба: палю цябе навучиной и огнемъ“²⁾.

„На морѣ, на кіянѣ ляжау бѣль камень, ляцѣла жаба, валилась жаба, вдарилась жаба объ вострый камень, разбилась жаба на мелкія часьци, на маковы зерна, а штобъ у р. Н. разбилась жаба на мелкія части, на маковы зерна по моему слову во вѣки. Аминъ“³⁾.

(Поить водой съ медомъ, говоря):

„На кіянѣ на морѣ, на островѣ, на бережку выростала тросць изъ земли до неба. Хто тую тросць вырвецъ? — А вырвецъ ту тросць Михаилъ Архангель, Петръ и Павель.

¹⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, IV, с. 96—7.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 88 (№ 197).

³⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 543.

И не я помогаю, не я пособляю, — пособляецъ самъ Господь Богъ, самъ Иисусъ Христосъ. Амень“¹⁾.

„Есь на мори-окіяни высна, на той высни ляжиць золотэй пранникъ, иодъ тымъ п-мъ ляжиць золотое гнѣздо, у т. з-мъ гнѣздѣ ляжиць жаба. Жабица-царица! унимай своихъ жабъ-жабенятъ и дзѣтъ-дзѣценятъ молодзиковыхъ, ветховыхъ, минутныхъ, часинныхъ.— Неупрошу я цябе, упрошу св. Михаила архангела. Св. М-ъ А-ль будзецъ васъ усихъ собираць, Кузьмѣ-Дземьяну у кузьню передаваць. К.-Д. будзецъ свое жакло распекаць, а вамъ зубы-губы выпекаць“²⁾.

„У горыди Русалими, на рьякъ Ирдани, стаить древа кунаресь, на томъ древи сядить птица арѣль, щипить и тирибитъ хахтиями и нахтиями и надъ щиками и падъ зябрами у р. Б. Н. жабу. Ва имя Отца и Сына и Св. Духа“³⁾.

(Говорить, тыкая въ горло указательнымъ пальцемъ):

„Въ г. Иерусалимѣ, на р. Ерданѣ, стоить древо Кинарись, на т. дрѣвѣ птица-орель сидить, щиплетъ и требить когтями и ногтями, и подъ щеками и подъ жабрами у р. Б. Н. Во имя Отца и Сына... аминь. Св. Духъ аминь (3 р.)“⁴⁾.

„Frosch, kriech aus! Gott gebs, dass du nicht länger bleibst, bis hinter der Essenzeit. Im Namen...“⁵⁾.

Желтуха (жовтяныци, разлитіе желчи).

(Выдолбить средину моркови⁶⁾, наполнить пустоту мочою и повѣсить морковь въ трубу со словами):

¹⁾ Шейнъ, *Op. cit.*, с. 543.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 165 (№ 33).

³⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 198.

⁴⁾ Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 395. — Ср. почти буквально у Тихонова, „Лѣтописи“, IV, с. 78.

⁵⁾ Ашпипп, „Volkssegen... Böhmerwald“, с. 205.

⁶⁾ Ср. Замѣчаніе А. А. Потебни въ ст. „Малорус. дом. лѣчебники XVIII в.“ (въ „Кіевск. Стар.“, 1890 г., I, с. 94): „Въ пылѣншей простонародной медициніи правило „*similia similibus curantur*“ понимается не только въ смыслѣ „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись“ (напр. „мозгомъ укусившей змѣи мажутъ укушенное мѣсто“ Чуб., I, 122), но и такъ, что болѣзнь, характеризуемая извѣстнымъ признакомъ, колотьемъ, краснотою, синевою или желтизною опухоли или сыпи излѣчивается приемомъ, иногда минимальнымъ, даже идеальнымъ (въ приглядку), вещи, характери-

„Нехай зойде жовтаниця зъ Н. скорѣйшъ, нѣжь сѣ сци-клины высохнуть“¹⁾.

(Употребл. различные желтые предметы: морковь, сукон-ный поясъ, яичный желтокъ и проч.):

„Зори зоряныци, возьмите р. Б. Н. жовтяныци — ранни и повранни, денны и повденны, вечирни и повечирни, ночныи и повночныи“²⁾.

(Даютъ 7 дней ѣсть больному тѣсто, испеченное изъ млеч-наго сока Wolfsmilch, бѣлаго собачьяго помета, бобовой муки, желтой рѣны и нечетнаго числа вшей, а пить — уксусъ, разведе-нный водою или вино съ куринымъ пометомъ. На 7-й день больной долженъ выдолбить рѣпу, наполнить ее мочой своей, повѣсить до восхода солнца на дерево и говорить):

„Gelbe Kühe auf den Berge zerstampfet den gelben Bösen, der in mir ist! Gebt ihm die Rübe zu fressen, gebet ihm mein Wasser zu trinken Wenn ihm neunmal (zum neuntenmal) auf die Weide kommt, so soll er die Rübe gefressen, mein Wasser getrunken haben! dann zerstampft ihn, ihr gelben Kühe auf dem Berge“³⁾.

„Йихавъ Юрій маленькымы ослятамы
Зъ молодымы дивчатамы —
Зилля копаты, жовны замовляты.
Выйдите, жовны, де вы есть:
Зъ сердца, зъ печинокъ,
Зъ мяса, зъ кистокъ;
На верхъ выйдить и замрить
Тутъ вамъ ны буваты,
Тутъ вамъ ны гуляты,
Червонойи крови не пыты,
Жовтой косты не ломыты,
И мяса ны вьялыты.

зуюмой тѣмъ же признакомъ, напр. „отъ жовтяницъ — коралі, крокіс, жовток“ (Чуб., I, 113), или—смотреть въ вычищенный мѣдный тазъ, въ которомъ плавааетъ красноперый окунь“.

¹⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 31.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 118.

³⁾ Wlislöcki, „Volksglaube... Zigeuner“, с. 167.

Я васъ замовляю,
 Я васъ заклинаю,
 И на темъ вичный
 Ножемъ зарубаю“¹⁾.

„Призываю Духа Святаго на всяке добре дило.— Творче, Создателю всяческихъ, Боже, дѣла руку нашихъ ко славъ Твоей начинаемъ, яко единъ и всесилень человеклоубецъ

Господы, поможы, и вси святы,
 Станьте мени въ помочи,
 Мыколай, Божый угодникъ,
 Нарожденному и молитвяному
 Рабу Божому N.

Одъ близны шыштаты.

Вызываю, выкликаю

Отъ молитв., нарожденного

И хрещеного жовтяньци —

Витряни, водяни, прыстритни,

Подумани и погадани,

Ночни и полуночни,

Денни и полуденни,

Хлопячи, дивчачи,

Дивоцьки и парубоцьки,

Чоловичи и жиночи.

Тутъ вамъ не бувать и не роскошувать

И жовтойи косты не ламать.

Ссылаю и посылаю васъ

Въ землю пугу, безконечную,

Де козакъ не гуляе,

Де дивка косою не мае,

Де чоловическый голосъ не заходыть,

Де скотына не ходыть

И де птыця не литае“²⁾.

¹⁾ Иващепко, „Шептанія“, с. 173—4.

²⁾ Ib., с. 274.

Жовна (золотуха; иногда смѣшивается съ „желтухой“, и заговоры отъ одной болѣзни попадаютъ въ заговоры отъ другой — ср. Чуб., I, 113):

(Послѣ новолунія на томъ мѣстѣ, гдѣ рубятъ дрова):

„Бувъ соби чоловикъ жовна, мавъ соби вишь девять жинокъ, зъ девятой — восьму... зъ идной — жодну“¹⁾. (Дунуть на больное мѣсто).

„Була така жовна, мала дванадцатеро дитей, тьи диты малы вси по 12 дитей.—Скилки всихъ було?—Всихъ сто симдесять симъ. Якъ не знаю, де ся взяли, щобымъ не знали, де ся подилы“²⁾. (Надавливать боль мизинцемъ).

„Мавъ жовнаръ девъять синивъ, мала жовнаръка девъять донѣкъ; сваталыся, браталыся, мистылысь, не помистылысь, розійшыся, ростеклыся. Якъ ся жовнаревы сыны розійшы, ростеклы,—йихъ тутъ не выдать, йихъ тутъ не слыхать, такъ абы ся видъ Божого, хрещен., мол. N. жовны розійшы!—Ху! (3 р.).—Тъфу! (3 р.)“³⁾. — Весь заговоръ читается 9 разъ.

Въ заговорѣ, приводимомъ у Крушевскаго (№ 93),—обращеніе къ зарѣ и рѣкамъ съ просьбой — смытъ золотуху.

(Говорить на 3 зоряхъ): „На морѣ Океанѣ, на островѣ Буяніѣ лежитъ камень сорока сажонъ; а на этомъ камнѣ сидитъ дѣвица, придуваетъ золотуху: Золотуха-красотуха! Тебѣ тутъ не быть, тебѣ тутъ не жить; костей не ломить, суставовъ не гноить“⁴⁾.

Завалки. (Дифтеритъ).

(Заговариваетъ баба, задавившая 2 пальцами правой руки „зиньске щеня“; говоритъ 3 р. и давитъ больное мѣсто):

„Прыйшла баба зъ девъятьма дочкамы. Прывела девъять, повела висимъ, прывела висимъ, повела симъ... прывела одну, не повела ни одной. — Нехай же у хрещ., нарожд., молитвен. N. завалки забере“⁵⁾.

1) Чубинскій, „Труды“, I, с. 149.

2) *Иб.*, с. 139—140.

3) Курзанко, „Volksmedizin... Bukovina“, с. 44. (Транскрибировано).

4) Успенскій, „Род., крестины“, с. 84.

5) Комаровъ, „Новая збирка“, с. 108.

Икавка. (Икота).

(Говорить, не переводя духу): „Икавко, Икавко, де була?— У Києвъ.— Що ѣла? — Кобылыну. — Де дѣла? — Шокынула. — Шокынъ и мене“¹⁾).

„Ишло черезъ 12 ланѡвъ, и одиинъ каже: «Ланъ, ланъ!», другой каже: «Ланъ, ланъ!»²⁾).

(Крестяты кружку съ водою и даютъ изъ нея пить крестообразно: „Хыковка, хыковка! пиды до воды, кого-небудь напиды, хотъ вола, хотъ корову, хотъ дивчину черноброву“³⁾).

(Говорить, не переводя духа):

Schluckop!

Loep lank Buekop,

L. I. Redder (einen eingezäunten Weg),

Kumm nich wedder“⁴⁾).

„Schluckop un ik,

Wy stegen doer en knick.

Ik köem daerdoer,

Schluckop bleef dafoer“⁵⁾).

„Schluckop un ik

Gingen oewern Weg,

Schluckop füll' rin

Un ik leep Weg“⁶⁾).

„Hukup, Schlukup!

Loep lang' de Häg',

Kum nümmer to Wäg',

Hukup da Weg!

Ga vör min Nabers Doer,

Maek'en lättes Knickchen foer,

Hukup da Weg“⁷⁾).

¹⁾ Ефименко, „Сборн. мдр. заклин.“, с. 24. — Ср. Комаровъ, „Нова збирка“, с. 109 (буквально). ²⁾ *Ib.*

³⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 171.

⁴⁾ Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 512.

⁵⁾ *Ib.*

⁶⁾ *Ib.*

⁷⁾ *Ib.*

Колтунъ.

„Господу Богу помолюся... А прошу я цябе, старшій колтунъ, унимай своихъ слугъ подзвнныхъ, подуманыхъ, намовныхъ, сурошныхъ, урошныхъ, водзяныхъ, нутряныхъ, дзянныхъ, полудзянныхъ, ношныхъ, полуношныхъ, часовыхъ, минутныхъ. Выговарю я цябе зъ ясныхъ вочей, зъ горючія криви, зъ лехкихъ печаней, зъ лёгка, зъ палехка, съ жилъ, съ пажилъ, кашей, мошей, пакощевъ, — при ясныхъ зоряхъ, при краснымъ сонцы, при раннихъ заряхъ, при вячернихъ, при вутреннихъ“ ¹⁾.

Колъка [= частое покалываніе въ груди и бокахъ, родъ плевроита (Милорад.); боль отъ неправильнаго кровообращенія вслѣдствіе простуды (Крушев.); колюшка, колюха, колотье, колючка, *kolik*, *zastrzał*, *strile*].

Болѣзнъ понимается матеріально: колеть какой-либо острый предметъ, попавшій въ тѣло; отсюда — употребленіе въ качествѣ лѣкарственныхъ средствъ — ножа, бороньяго зуба, рогача (Ивановъ), стрѣлы (Крушевскій) и т. п.

(Прикладывая къ боку больного деревянную посудину, знахарь засучиваетъ рукава, ходитъ съ лукомъ и стрѣлами вокругъ больного; произнося приводимый ниже заговоръ, стрѣляетъ 3 раза въ посудину, и боль унимается):

„Куда идешь? — (спрашиваетъ одинъ изъ присутствующихъ). — Я иду стрѣлять колотье. — Да гдѣ жъ оно? — Вотъ гдѣ“ ²⁾.

„Сѣку рублю колотье острымъ ножикомъ. Какъ брусокъ исчезаетъ отъ желѣза, такъ исчезни колотье...“ ³⁾.

(Слегка касаясь ножомъ больного мѣста): „Колючка водяна и витряна, презирна и подумана и погадана, пидстритына,

¹⁾ Романовъ, „Вѣлор. сборникъ“, V, с. 161.

²⁾ Рашидъ-бенъ-Эфендіевъ, „Нѣск. свѣдѣній о селеніи Куткашинъ“ (Сборн. матер... Кавк., IX), с. 146—7.

³⁾ Крушевскій, „Заговоры...“, № 88.

спытына, зидына, отъ лыха и отъ чоловика и отъ роботы и отъ усякой заботы. Во вики виковъ. Аминь“¹⁾).

„Колючка витрияна, к. водяна, прозирна, подумана, погадана, молвина, мужицька, жиноцька, парубоцька, дивоцька, хлопьяча, тутъ тоби не стояти, жовтой кости не ломыты, сердца не вьялыты, N. не сушыты; ты пиды соби на очерета, на болоты, де ниhto не ходе, ниhto не говоре и людскій гласъ не заходе“²⁾).

„Колюшка, колюшыще! витрияная, водяная, огняная! Чого ты всельлася, чога вкоренылася? Тутъ тоби не стояты, кость жовту не колоты, кровь червону не шыгаты, сердца не забываты; нарождений, мол. р. B. N.“³⁾

„Колюшка прозирна! де ты взялась? Одъ витру, — то пиды на витерь! Чы ты взялась одъ людей, — то пиды ты на буйни витры. — Колюшка подумана й погадана, тутъ тоби не стоять, жовтой кости не ламать, а жылъ тоби не вьялыты— Не я помагаю, а Матирь Божа помагае“⁴⁾).

„Колюшка, колюшыще! водяна, витрияна, спытена, зйидена, вызвана, вымовлена, названа, наслана, прозорна! Я тебе вышиптую, я тебе й вызываю и я тебе выклыкаю, на быстри рики одсылаю“⁵⁾).

„Колуха, колуха! Тамъ тоби не стояты, червонной крови не пыты, серденька не сушыты. Иды на свои миста, де тебе маты твоя вродыла, де тебе остановыла“⁶⁾).

„Ишоу Богъ дорогою и сустрѣу колюку. — Куды ты идзешъ? — Иду колоць и пороць. — Идзи у цемный лѣсь, тамъ стоиць чорный волъ, — идзи, коли и поры, а етаго челоуѣка N. не коли и не поры“⁷⁾).

„На мори, на океани, на о-ви на Буяни стоявть золотый мистъ, а на мосту золотый дубъ, а на дуби золоте кресло. Тамъ сыдивъ св. Иосифъ. Къ ёму приходила Мати Марія. «Годи тоби тутъ сыдиты, иды съ золотымъ своимъ посохомъ колюч-

1) „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 36.

2) Ивановъ, „Знах. и шепт.“, с. 741—2.

3) Милорадовичъ, „Народн. медиц.“ VII, с. 314.

4) Ib. 5) Ib. 6) Ib., с. 315.

7) Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 543.

ку приколюваты». — Колючка, колючище! ты зъочна, ты врочна, пидвіяна, нодумана, погадана! пиды на дыки стѣны, на бѣлота, на очерета де люди не ходять, собаки не брешуть, пивни не спивають“¹⁾).

(Поставивъ на голову миску съ водой и положивъ на нее ножъ):

„Chodili strelci, strellice
po horách, po krajnach;
potkala je svatá Apolena,
ta se jich tázala:
«Strelci, strellice, kam jdete?»
My jdeme k té, a té osobe N.
mozek jisti, krev piti,
maso dráti, kosti lámati».
Rekla jim svatá Apolena:
«Strelci, strellice! vrat' te se,
A té osobě pokoj dejte»“²⁾).

„Był tu pan zastrzał z panią zastrzałową, mieli dziewięcioro narodu. Od dziewięciorga — ośmiorgo; od ośmiorga — siedmiorgo; od siedmiorga — seściorgo; od seściorga — pięciorgo; od pięciorga — cworo, od cworga — trójgo, od trojga — dwoigo, od dwoiga — jedno. Od jednego do jednego, boděj nie było jednego. Nie moją mocą, Boską mocą i Panny Maryi dopomocą“³⁾).

„Господы, благословы! Г. поможы небеснымы сыламы народженному, мол., хрещ. N. рабу сюю кольку унычтожаты не разъ, не два, не тры, не чотыри, не пять, не шість, не симъ, не восимъ, не девъять“⁴⁾).

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божа, сю колючку зарубаты и одъ бокивъ выкликаты. И не я йии вызываю, и не я выкликаю, — самъ Господь вызывавъ, выкликавъ, Маты Божа въ помочи стояла, си колючкы збирала, на перекресну дорогу одсылала. На перекресній дорози царь Да-

1) Ивановъ, „Знахарство, шепт.“, с. 742.

2) Erben, „Česká zařikadla“, с. 53.

3) S i a r k o w s k i, „Mater. do etnogr.“, III, с. 52.

4) Милорадовичъ, „Шародн. медиц.“, VI, с. 315.

выдѣ стоявѣ и си колючкы одбиравѣ и своимѣ сынамѣ дару-
вавѣ. И въ Давыда цarya девять сынивѣ по девять жинокѣ
держалы, и сю колючку одбиралы одѣ ёго бокивѣ, одѣ ёго
грудей, одѣ ёго очей, одѣ ёго головонькы, одѣ ёго голосу, одѣ
ёго й волосу, одѣ ёго ручокѣ, одѣ ёго нижокѣ, одѣ рожд.,
мол., хрещ. р. Б. Н.“¹⁾).

(Перекрестить миску непочатой воды ножомѣ или „моту-
зочкою“, помочить этой водою мѣсто, гдѣ колетѣ, и дать на-
питься; говорить три дня сряду по 3 раза):

„Господы, помогай новорожденному, мол. одѣ колькы ро-
быты. — Колючко-мистючко! я тебе вызываю, я тебе выклы-
каю изъ жылей, изъ крыжей, изъ пальцивѣ, изъ нигтивѣ. Тутѣ
тоби не буваты, жовтой кости не ламаты, билого тила не вѣя-
лыты, червонои крови не суншты“²⁾).

„Idzie postrzał ze swoimi postrzałętami, spotyka się
z Najśw. Marją Panną na lipowym moście. Najświętsza Pan-
na się zapytuje: «Gdzie idziesz, postrzale?» — Idę Najświęt-
széj Pannie kości łupać, Przenajświętszą krew rozlewać. —
Idź-że, postrzale, na bory, na lasy, suchy dąb, suchy grab łu-
pać, przenajświętszéj krwi nie rozlewać“³⁾).

„Sed(1) Pán Jezus z świętym Pietrem bez wode,
Uscypił go postrzał w noge,
«Weś-ze ty święty Pietrze piac i wody,
Zetrzyj postrzałowe jady.

Niech nie mają grzeszni ludzie ty N. przeszkody“⁴⁾).

„Господу Богу помолюся и Прачистай Матцы поклонюся,
св. Мать плащаница, помогала добрымѣ людямѣ, поможи р. Б.
отѣ колотья ношногo, дянногo, полуношнагo; и прошу тябе и
ѣговарую, сыйди зѣ бѣлаго лица, чорныхѣ бровѣ, сѣрыхѣ во-
чей, зѣ бѣлыхѣ плячей: тутѣ табѣ ня быть, косьтей ня ломить
и сѣрца ня знобить“⁴⁾).

„Ein alter Schurrenkopf (въ Zs. f. deut. Myth., IV,

1) Милорадовичѣ, Op. cit., с. 315.

2) Комаровѣ, „Пова збирка“, с. 109.

3) Siarkowski, Op. cit., III, с. 55.

4) Ib.

5) Романовѣ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 102.

109, — «Schorenschopf»; ср. E. Meier, „Sagen“, № 481)

Ein alter Leibrock

Ein Glas voll Rautenwein, —

Bärmutter (ср. Grimm, Myth., 969, Zs. f. Myth., IV, 109) lass dein Grimmen sein.

Im Namen...“¹⁾.

„Kolk (вм. kolik) ik rade dy mīt en
Füerfatt ult dat Hues.

En brave Mann un en böse Wief,

Damit rade ik dy de Kolk uet dynen Lief.

Im Namen...“²⁾.

„Mutter heg di,

Mutter leg di,

leg dich an dieselbe wand,

Wo dich Gott hat hingesandt“³⁾.

„Ich seh zum Fenster 'naus,

Ich seh ins Gottes Haus,

Ich seh einen Mann,

Der mir von meiner Kolik helfen kann.

Im Namen...“⁴⁾.

„Богородице Дѣво радуйся (3 раза). Съ усердіемъ про-
шу Тебе, Пресвятая, стань въ помощь ежечасно, и минутно,
изжени ци злые помыслы — колючку-колючище! Подумана,
погадана, витряная, мужича, жиноча, хлопьяча, дивоча и при-
стритная: тебе вышинтую и выговарюю Божкою помощію, щобъ
ты въ цимъ р. Б. не стояла, червонои крови не пывала, билого
тила не отягала. Изойды соби одь р. Б. на чорній луга, на пе-
репалы, де буйный витерь свыставъ, перебувавъ“⁵⁾.

(Прикладывая громовыя стрѣлы):

„Господи Иисусе Христе!

Спаси и помилуй

¹⁾ Amman, „Volkssegen... Böhmenwald“, с. 208.

²⁾ Müllenhoff, „Sagen... aus Lauenburg“, с. 512.

³⁾ Roschfolz, „Aargauen Besegnungen“, с. 109.

⁴⁾ Meier, „Deutsche Sagen...“, с. 520.

⁵⁾ Щербина, „Наговоры“, с. 587.

Отъ всякихъ недуговъ,
Денныхъ и ночныхъ,
Полуденныхъ и полуночныхъ,
Ангельскую душу,
Младенца Н. “¹⁾.

Криклицы [крыксы, плаксивыци, несплячки, ничныци, ночница, полуношницы, вельки стыскы, мышныци, горекмайка = безсонница у дѣтей, осложненная громкимъ крикомъ и запрокидываніемъ головки назадъ (Милорад.); „если мать забудеть на ночь перекрестить ребенка, злой духъ забирается внутрь его и мучить“ (Шейнъ); ночница представляется „въ образѣ женщины въ темномъ или бѣломъ одѣяніи, тихо сядищейся на постель и касающейся снятаго руками, отъ чего послѣдній лишается сна, слабѣетъ и умираетъ“ (Шейнъ); нерѣдко отъ бессонницы обращаются къ зорямъ (быть можетъ, потому, что на зарѣ — самый сладкій сонъ?), но пѣтухъ зоветъ зарю, — отсюда (метонимически) обращеніе за сномъ къ курамъ²⁾. Возможно, мнѣ думается, обращеніе за сномъ для ребенка къ курамъ и потому, что куры очень рано засыпаютъ].

(Посыпать цвѣткомъ „дремой“ постель ребенка, положить его на порогъ, закрыть глаза и, не глядя на порогъ, говорить): „Нотъница (bis), нотъная! набяру я траўки мураўки, какъ иглоцка вострую; станецъ ена цябя колоць, станецъ ена цябя зецъ (= жечь)—отцова ты рабу Н. и знобишь и сушишь и покою не даешь ни у ноцуську, ни ў зорюшку. Заря-зарица, заря вутрення и з. вячерня! возьмица отъ р. Н. худобицу и дайце добродзицу, сонъ ўсю ночь и пиценье и ѣдзенье Зарѣ-зарюшкѣ краснѣць, р. Н. здоровѣць“³⁾.

¹⁾ Успенскій, „Родины, крестины“, с. 85.

²⁾ Ср. у Квитки-Основьяненка: „Какъ то случилось, что Ромаль Тихопвичъ три ночи, да еще съ-ряду, худо почиваль... „Это не даромъ“, подумаль онъ, и отнеся къ матушкинымъ бабусямъ. Тѣ, потолковавши и погадавши, рѣшили: „Поѣзжай, паныченьку, въ городъ, закажи отыскать черную курицу, прикажи зарѣзать ее при себѣ, ощипать, перья возьми съ собою, а курицу брось, чтобы никто не ѣлъ ее. Воротишься, мы тебя перьями подкуримъ, и будешь почивать по прежнему“ („Герой очаковскихъ временъ“, Сочин., т. 3-й, с. 262).

³⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 337—8.

„Вѣжала крикса зъ надворья, стала крикса младзенцоу пугаць, а стояць ли младзенцоу два ардандела (= архангела): одзинь а-ль дзѣтокъ кацаець, а другой криксу отгоняець: ступай, крикса, ў цемное душло, ў совиное гыѣздо, а сюда не иди и робяць не будзи“¹⁾.

Несутъ дитя „пидь верхъ“ (дымовая труба) и, встряхнувь головою внизъ, говорятъ 3 раза, слевывая:

„Вы крыкльвци,

Вы плаксывци,

Пидить у верхъ!

А на мою дытыну

Пошлы, Госноды, сонь та дримоты“²⁾.

„Крыкльвыци и плаксывыци! я васъ вызываю, я васъ и выклькаю зъ ёго очей, зъ ёго плечей, зъ ёго жовтыхъ костей, зъ ёго щирого сердца. Я тебе й вызываю, я й выклькаю, я й одсылаю на очерета и на болота, и на вельки лиса, и на дыку птыцю. Тамъ соби й оселься, остановыся; тамъ соби ячить, тамъ крычить, а Ты, Госноды милостывый, и вси святи, стань-те ему на помощи, щобъ воно не крычало, щобъ воно мовчало, щобъ ёму й спалося, щобъ ёму лыхо мыналося. Дай, Боже, ему здорovia“³⁾.

(Взявъ пустое сито или „манара“ (ножь?), говорятъ):

„Ти, горска маква! Ти си грозна, умразна! Бегаі, не плаши дѣтето, че имам сито, че те пресеіем“ (т. „че имам манара, че те иосѣчем“)⁴⁾.

(Берется „мальчѣашна вода“, въ нее опускается 3 горящихъ угля. Одинъ изъ домашнихъ спрашиваетъ шенгуху):

„Какво гасишь? — Дѣатиє су има три плачіє: двоєта угасеам, адін уставеам“ (отвѣчаетъ бабка, выноситъ воду и выливаетъ ее съ вышеприведенными словами по направлєнію избы, гдѣ свѣтится огонь)⁵⁾.

1) Шейнъ, *Op. cit.*, с. 537.

2) „Матеріалы Предварительн. Комитета XII Археологич. съѣзда“ (хуторъ Нижній-Соленый, Купянск. у., Харьк. губ.).

3) Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, III, с. 394.

4) „Сборн. за нар. умотв.“, XII, с. 144.

5) *Op. cit.*, II, с. 171.

(Надъ той же „мальчешна вода“ произносится 3 раза заговоръ):

„На кучеату аѣ,
 На кошеа-ту мѣак;
 На кукóшки креак;
 На лѣудѣ вик;
 На гувóода рѣк;
 На деаѣа-су мир“.

(Послѣ заговора вода вливается по направленію того дома, гдѣ еще свѣтится, со словами):

„На ти, оганѣу, плач,
 Пак нам да доіде мир“ ¹⁾.

„Ти горска маква! Ти си грозна, омразна, зжбеста; главата ти като на бик, очите ти като на бивол, да не доідеши да уплашиш ноштеска детето! Че ти дадем девет джрва, додека петлите пропеіжт да ниг преброиши вжровете, коренъете, клонквите и лискъето (—посочва дѣтето къмъ дърветата и говори—) едно джрво, две джрва, три джрва... девет джрва; като свжршиши работа да доідеши, детето ис постилките да дигнеш. Че ти дадем просо ноштеска, да го преброиши, до дека петлите пропеіжт, да после да доідеши детето ис постилки-те да дигнеш. (Кладуть ребенка въ постель, сыплютъ около него просо; потомъ, взявъ въ руки цвѣтокъ «горска маква», повторяють заговоръ еще два раза) ²⁾.

„Лисе лисе, лебедыне! Посватаймось, побратаймось! Бо у мене сынъ (в. донька), а у тебе донька (в. сынъ); възмы вить моего сына (в. донькы) плаксывыци, пасылныци, неспокойныци! Дай моему сыну (в. д.) легеньке спаничко и спочиваничко, абы легко спавъ, спочивавъ и здоровый вставъ“ ³⁾,

(Вносятся ребенка 3 раза по заходѣ солица и утромъ, до восхода къ курамъ на насѣстьѣ, и поддерживая его подъ спящими курами, говорить 3 раза):

„Якъ пиду я въ лисъ,
 А въ лиси Зміивна,

¹⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, II, с. 171.

²⁾ Ib.

³⁾ К и р с з а н к о, „Volksmedizin...“, с. 75.

А въ неи сынъ Максимъ,
 А въ мене сынъ (в. дочка) Н.
 Мы жъ покумаемось,
 Мы жъ посестрымось,
 Зміивно, Зміивно!
 Возьмы у мого сына (в. дочкы) Н.
 Мышныци и раньни, и пиздни,
 И ничьни, и полуничьни,
 И зоряни, и вечирни“ ¹⁾.

(Вынести ребенка въ такое мѣсто, откуда виденъ дубовый и березовый лѣсъ и говорить):

„Дубе, дубе! ты чорный: у тебе, дубе, бѣлая береза, у тебе дубочки—сыночки, а у березочки дочки. Табѣ, дубъ и береза, шумѣтъ та густи, а рожден., хрещен. р. В. Н. спать да рости“ ²⁾.

(Взявъ ребенка, шептуха идетъ на «смитныкъ», обращается лицомъ къ лѣсу, говоритъ 3 раза нижеприводимый заговоръ и оставляетъ ребенка на «смитныку», пока не придетъ за нимъ мать):

„Добры-вечіръ тоби, лисе-недоборе, побратаймося! Я маю сына, а ты дочку, посватаймося: на мого сына дрымльвыци, сонльвыци и слячкы, а на твою дочку сверльвыци, плакьвыци и неслячкы, бо мій сынъ хрещеный, р., именованый, книжный, мольтвованый“ ³⁾.

(Выйдя вечеромъ на дворъ):

„Лисы, лисы, лебедыны! Я маю дочку (в. сына) и ты маешъ сына (в. дочку). На твого сына (в. д.) плаксьывьци, дрымльвыци, сырльвыци и вся нечистота, а на мою дочку (в. сына) чыстота, красота и сонъ со всихъ сторонъ“ ⁴⁾.

„Господы поможы отъ нищныць шептаты, мольтвы чытаты. Отче нашъ... Драствуй дубе, въ тебе сынъ Максимка, въ мене дочь Н., ныспывка, возьмы собы нищныци, ныспывци, шо нысплятъ денно и ношно, я ихъ изсылаю на очерета и на

¹⁾ „Матер. Предв. Ком. XII Арх. Съѣзда“ (хуторъ Нижній-Соленый, Кул. у., Харьк. губ.).—Ср. почти буквально И в а н о в ъ, „Шепт.“, с. 737—8.

²⁾ Е ф и м е н к о, „Сборн. млр. закл.“, с. 3 (№ 7).

³⁾ Ч у б и н с к і й, „Труды“, I, с. 112. ⁴⁾ Ив.

болота, де куры не спивають и собаки не брешуть и дытчий голосъ не заходе“¹⁾).

„Господу Богу помолюся и Прач. Матаря поклонюся. Добрыдьянь, ношничка! У тябе сынъ Максимъ, а у мяне дочка Катярина: будемъ съ тобой свататца, брататца. Отбяромъ у р. Б. криксы и плаксы и дянняя и нолудянняя и ношныя, полуношныя и ўтѣшныя, потѣшныя и ўрошныя и приговорныя и заглядныя и подумныя“²⁾).

(Ввечеру баба стучить подь окномъ, а ей отвѣчаетъ кто-нибудь изъ находящихся въ избѣ):

„Добрыдень вамъ!“

— Кто теперь выдавъ, щобъ добрыдень казано?

— „Хто теперь выдавъ, щобъ дытына плакала?“

— „Добрыдень вамъ! Чы тутъ ночныци та плаксывыци?“

— Тутъ.

— „Нехай же идуць до дивчатъ та до хлопчатъ на вечерныци“³⁾).

„Вамъ (— обращаясь къ образамъ —) хороше стояты, нашей дытынонци крипко спаты! Дай, Боже, переспаты, здоровенькымъ статы, Божу волю маты, само себе забавляты!... Тыхо стиль стоять (— поворачиваясь къ столу —), тыхо хлибъ лежыть, подь столомъ земля спыть; тымъ сномъ поздоровляю, крыкъ и зыкъ отбываю... День добрый тоби, дубе (— обратившись къ порогу). На тоби, дубе, крыкльвець и плаксывець; ты крыкльвець соби, дубе, заберы, а сонъ крипкий прыделы. Тоби, дубе, крипко стояты, а нашей дытынонци крипко спаты!“⁴⁾).

(Пересылають болѣзнь сосѣду, увидѣвъ вечеромъ огонь въ окнѣ):

„Сынку, иды жъ соби до тойи хаты, зогрїешъ соби ручки, нижкы и головку“ и лышынь тамъ плаксывыци, сырлывы-

1) „Харьк. Сборникъ“, VIII, с. 36.

2) Романовъ, „Бѣлорус. сборн.“, V, с. 32 (сп. ib., № 115).

3) Иващенко, „Шептаня“, с. 173.

4) Шарко, „Изъ обл. суев. мр.“, с. 173.

ци, а звидти возьмешъ красоту, чистоту, сонъ зо всихъ сто
ронъ и будешъ спаты“¹⁾).

„Дубе, дубе зеленый!
Я тебе ззимъ
Зъ гиллямъ и кориннямъ.
Дубино зелена,
Посватаймося и побратаймося,
На тебе плаксывци,
Нырдымылывци, нысонывци,
А дай мойй дытыни сонъ
Зо всихъ сторонъ.
И спання до билого дня,
До смыркання,
Видъ смыркання до сянна,
Видъ сянна до Божого взихання.
Вы, плаксывци,
Вы, нысонывци,
Вы, ндрымылывци,
Выситъ, хочъ лежыть,
А на истри, на очерета йдить.
Тамъ вамъ буваты,
Тамъ вамъ гуляты,
Жовтымы пискамы пырысышаты
И водою пырышываты,
Очеретамы крутыты
И болотамы мутыты.
Ма цѣму сыну то ныпырыхидъ,
А чужымъ дитямъ та ныпырыглядъ.
Стырыжы, Боже, цюю дытыну
Въ злую годуу.
Сыло тухны, а поле грай.
А ты, дытя, сны и дримай
Видъ свитання до смыркання,
Видъ смыркання до сянна
До Божого взихання“²⁾).

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 112.

²⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 172—3.

„Ишла я киснымы вульцями,
Та зострила два чоловики,
Далы мыни (воны) хлиба-солы,
А я йимъ — стыскы-стыскы,—
Витрянїи, водяніи, супротивніи,
Подумани, погадани,
Наслани, наказани, прымовлени.
Тутъ вамъ не стояты,
Жовтой кости не ламаты,
Червоной крови не пыты
И зъ билого тила, и зъ щырого сердца,
И зъ жовтой кости.
Идить соби на лугы на долы,
На очерета, на болота,
До сынёго моря гуляты,
А моему народженному,
Мол., х-му
Дайте спаты.
Поки я не знала,
Поты я не шыштала,
Поты я Господа Бога не прохала,
А якъ стала я знаты,
Стала я Бога прохаты,
Пречисту Матирь зываты“¹⁾.

„Стоиць Прачиста Мацеръ Божїя на покуци, а идолъ на порози, а слуга (= ангель-хранитель) на сторожи. Прачистуй Мацеры Божэй—молитвы, а идолу—крыксы и плаксы и ночницы, а дзицяци на прысыпанья, штобъ спало, прыдало и цѣлу прыбувало“²⁾.

„Господы мылостывый! Поможы мени си плаксывѣци одходыты и денни, и вечирни, и полунишни, и свитови; и не я ихъ вызываю и не я выклыкаю. Зори-зоряныци, васъ на неби тры сестрыци. И одбирайте си крыкльвици и денни и вечирни и наслани, и витрянїи, и прозирни. Матирь Божа въ помо-

¹⁾ Иващенко, „Шептанїя“, с. 172.

²⁾ Шейнъ, „Матерїалы“, II, с. 536.

чи стояла, си крикльвыци одбирала и дивчатамъ на вечерныци одсылала. И зори-зоряныци, на неби тры сестрыци! и насылайте мени сонльвыци и дремльвыци 'дъ рожденон, хрещ., 'дъ мол. Н.“¹⁾

(Вынося ребенка 3 зари на улицу и обращаясь утромъ на востокъ, вечеромъ на западъ):

„Заря-заряница,
Красная дѣвица,
Возьми отъ младенца
Н. крикъ,
А дай ему некрикъ“ (3 р.)²⁾.

„Вячерняя зарица, Божія помошница, поможи етому дзицци криксы замувляци. Отеѣкаю криксы и плаксы дзянныя и полудзянныя, ношныя в полуношныя, часовыя, минутныя, посмѣшныя, пострѣшныя, подуманныя, погаданныя, зъ естаго дзицци, зъ буйныя головы“. (Подъ насѣстомъ 3 прутами ударить ребенка по 3 раза и сказать заговоръ 9 разъ)³⁾

„Стань, Госнодь Богъ, на помочь! Добрывечаръ, зара-заряница! У мяне хлопчикъ, у тебе дявица. Возьмита отъ мойго хлопчика ношницы своей пракрасной дявицы. Курки-сокотерки⁴⁾, вамъ усю ночь сокотать, а р. Б. усю ночь спать. Вы, собачки-брахуны, возьмите отъ р. Б. крикуны. Дай Богъ на помочь“. (Говорится подъ насѣстью)⁵⁾

„Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолмся Пресвятой Бугуродицы поклонимся. Стань Ты, Господи, на помочь. — Выговариваю криксы-плаксы дянныя, полудянныя, урошныя, приговорныя, вѣтраныя, водяныя, придумныя, пригадныя, жаноккія, дявоцкія, рабяцкія, хлопяцкія. Куры кричатъ (bis), а табѣ р. Б. велять спать, мувчать“⁶⁾.

(Вынести вечеромъ дитя въ курникъ и говорить):

1) Милорадовичъ, „Нар. медиц.“, III, с. 394.

2) Успенскій, „Родины...“, с. 85.

3) Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 151.

4) Переходъ отъ зари къ курамъ, можетъ быть, метонимически: пѣтухъ зоветъ зарю.

5) Романо'въ, Op. cit., с. 32—3.

6) Ib., с. 34.

„Добрыденъ вамъ, куры-курыци! Нате вамъ плаксывыци“ ¹⁾.

„Куры, куры рябеньки! въ васъ головы маленьки, а у рожд. и хрещ. р. Б. Н. велька голова. Скрыкните вы сонъ изъ усѣхъ сторонъ на рожд., хрещ. р. Б. Н.“ ²⁾.

(Вынося ребенка въ подолъ подь куриную нашестъ 3 раза по зорямъ):

„Куры бѣлыя,
Куры сѣрыя (и т. д., кромѣ черныхъ),
Возьмите отъ младенца Н. крикъ,
А дайте ему угомонъ“ ³⁾.

(Несутъ ребенка „подь куры“, послѣ заговора 3 раза сплевываютъ):

„Добрыи вечеръ, дѣбрычки-чорненькии, биленькии и рябенькии курочки. Возьмитъ у насъ крыкльвыци, а намъ дайте сонльвыци. Куры чорниі, к. биліи, к. рябіи! мы до васъ прыйшли на вечорныци; возьмитъ изъ нашего народжен., мол., крещ. Н. плаксывыци, крыкльвыци, наслани, подумани, погадани, витромъ повіани, а намъ пошлитъ сонъ со всихъ чотырѣхъ сторонъ“ ⁴⁾.

„Добры-вечиръ вамъ, куры! — Здорово. — Чы вы спыте? — Спымо. — Чорни, ряби, попыльнасти, били, возьмитъ у насъ крыкльвыци и плаксывыци, а намъ дайте сонльвыцивъ, дремльвыцивъ, новорожд., хрещен., молитвъяному Н.“ ⁵⁾.

„Чорниі куры, били куры, возулясти куры и семенасты и сидласты, возьмите крыкльвыци, плаксывыци и подумани и погадани и помыслени, наслани и переслани, и сонцеви и дощевы, витряни; тутъ тоби не стояты, щирого сердца не тошныты, жовтой косты не ломыты, пиды соби де гилля негилля, де гусы не ходять, де людскый гласъ не заходе. Куры, курыци, возьмитъ одъ хрещ., мол. Н. ношныци“ ⁶⁾.

„Куры мои, цокотухы, возьмитъ вы крыкльвыци, плаксы-

¹⁾ Иващенко, „Шептавія“, с. 173.—Ср. Чуб., V, с. 38.

²⁾ Ефименко, „Сборн. мл. закл.“, с. 3.—Ср. Номистъ, с. 161.

³⁾ Успенскій, „Родины“, с. 85.

⁴⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 9.

⁵⁾ Ib., с. 17.

⁶⁾ Ib., с. 36.

выщи, а дайте нарожд., мол., р. Б. Н. сонлывыщи и дрымлывыщи“¹⁾).

„Добры-вечірѣ тоби, Матвію лівню.—Здоровѣ (отзываясь самѣ себѣ). — Прыйшла я до тебе зъ крыкльвыщами и безсонныщами. — Куры-курыщи! нате вамѣ крыкльвыщи: вечерни, полувечерни, полуночныи, свитови и ранови; а мой дытыни дайте сонлывыщи, дрымлывыщи“²⁾).

„Куры, курыщи! Прыйшлы мы до васѣ на вечерныщи; нате вамѣ ночныщи и крикльвыщи и плаксывыщи и ночни, и деньни, и подумани и погадани, и наслани и наспани, и зыдени, — зузульнасти, пепельнасти, и чорни, и били, и ряби! — на ваши, куры, очыщи нате вамѣ ночныщи“³⁾).

„Крыкльвыщи-плаксывыщи! пидить на вечерныщи, де огни горять, де бесиды творять, тамѣ и гуляйте, а одѣ нар., мол., хрещ. младенця Н. геть одійдить.—(Прійдя къ курамѣ).— Курочки (bis)! симинастенъки, попилястенъки, рябесенъки и билесенъки, и жовтесенъки, возьмите мышныщи и крыкльвыщи, и плаксывыщи одѣ нар., хрещ. младенця Н... Яка его породыла, то та ёго й отходыла одѣ крыкльвыщивѣ и одѣ плаксывыщивѣ и одѣ мышныщѣ“⁴⁾).

„Устрѣшныя криксы, пупярешныя к., надумныя к., батькины к., маткины, маладиковы, витаховы, вячернии, раннии, дяньны, нашны, палуношны, рябиччи, дявоччи к.! Рябыи куры, бѣлыи куры, крапастенъки куры, чорныи куры, жолтыи к., хахлатыи куры! — Царѣ Давидѣ, сакратиль свѣтъ, — сакрати и криксы!“⁵⁾).

(Взявъ голень, идуть на „крусадню“ и приговариваютъ, слегка ударяя ребенка)

„Криксы, варексы отхажываго младенцу Н. — Курки бѣлыя и сѣрыя, курки рябыя, к. жоўтыя, кричитя вы на крусадни, а младенцу Н. дайтя сонѣ на ўсе время!“⁶⁾).

¹⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 17.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 141.

³⁾ Ивановъ, „Шептанія“, с. 738.

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сборн.“, с. 1178.

⁶⁾ Ib., 179.

Предполагая, что ребенокъ плачетъ отъ испуга, что „мудіе сарцѣту измеастеану отъ страха“, говорятъ):

„Слоанце на боарце,
Соарце на меасту“ ¹⁾.

„Соаньу, медеан соаньу,
Засани гу соаньу,
Замами гу соаньу,
Кайнѹ рильцеа фаш гнѣахца,
Кайну ошцеа ф кушеарса,
К. сагнеа пуд маїка,
К. деатеа на бїска,
К. мѳми ут хѳру“ ²⁾.

(Въ банѣ трутъ ноги ребенка о потолокъ, говоря):

„Какъ эта матица съ потолочками спитъ и молчитъ и никогда не кричитъ, такъ и самой ребеночекъ спалъ бы и молчалъ, никогда не кричалъ, не ревелъ“ ³⁾.

„Богородице, Дѣво, радуйся (З р). Съ усердіемъ прошу Тебе, Пресв. Диво, стань на помочи ежечасно, минутно цему младенцеви Н., изжени ціи злыи помыслы — крикливци, плаксивци, ночници, полуночници, денници, полуденници и несплячки, помыслени, погадани, витрянїи и наслани, — я вась изсылаю на очерета, на болота, щѳбъ вы въ цимъ младенци не стоялы, головы его не ламалы, семьдесяты семи суставивъ не ламалы и червонои крови не пывалы. Вышинтую и выговорюю Божю помощю и Пресв. Богородыщею со всимы свв. во викы аминь!“ ⁴⁾.

Лишаѳ (Zitteroch, Flechte, Schwinde, Ziedera, прѣшове):

(Вода свѣжей терновой вѣткой по разогрѣтому топору):

„Лышаю, лышаю, я тебе зъ свынїемъ змишаю! Свынїя тоби ны маты, ны дасть тоби цыцькы сосаты. Часъ тоби, лы-

¹⁾ „Сборникъ за народни умѳвъ.“, II, с. 171.

²⁾ Op. cit., IV, с. 104.

³⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, кн. 2-я (№ 9), с. 199.

⁴⁾ Щербина, „Наговоры“, с. 588.

шаю, засыхаты, часъ тоби, лышаю, пропадаты“ (Плюнуть на полъ 3 раза) ¹⁾.

(Вытирая лишай потомъ со стекла):

Lišeji, lišeji divokej! nedelej se širokej!

Židi v pátek maso jedí,

at te, lišeji, take snědi“ ²⁾.

„Иду я ў гумно и бяру полову и свиньямъ мяшаю, а ты, лишай, рабу Б. не мяшай, и выходи зъ яго и съ косьтей, изъ мажджей, изъ ясныхъ вочей, изъ горячай криви и съ усяго тѣлеси, и съ чистаго тѣла, и коренья ня пускай. И здымала тябе Матирь Божа духомъ своимъ и ссылала тебе на мха и на болота и на дикія люди, — тамъ яны гуляють и столы застилають и усихъ лишаевъ дожидаять: и красныхъ и бѣлыхъ и лупляныхъ и коляныхъ и подивныхъ и простудныхъ и посмѣшныхъ и вѣтраныхъ и водяныхъ и знающихъ и ня знающихъ. И цурь тябе хращонаго, нарожонаго!“ ³⁾.

„Лышай ты и вовчий, ты и сухой, ты гнояный, витряный, ты й подуманый! Тутъ тоби не стоять, билого тила не ламать, жовтои кости не крутыть, по тилу не расходытъся. Геть соби зйды, геть соби счыстыся зъ билого тила, зъ жывои кости“ ⁴⁾.

(Послюнивъ налецъ, набрать имъ пенлу и, прикасаясь къ больному мѣсту, говорить вечеромъ): „Добрж вечжр, лишопжршо. Какту си добжр, тжі дж йдиш дету имж чѣтир систри, у наі малкжтж“. (Утромъ): „Дубрутру ти, лишопжршо. Какту си добжр, тжі дж идиш дету иму чѣтир систри, у наі малкжтж“ ⁵⁾.

„Лышай, лышай! г...ъ змишай. Якъ кинь лоша прыведе, тоди лышай нападе“ ⁶⁾.

(Переходя мѣсто, гдѣ конь качался):

„Якъ кинь лоша прыведе, тоди мене лышай нападе; а якъ кинь лошади не прыведе, мене лышай не нападе“ ⁷⁾.

¹⁾ Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 52.

²⁾ Eggen, „Česka zafikadla“, с. 54.

³⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 95 (№ 229).

⁴⁾ Милорадовичъ, „Нар. медиц.“ (июль—авг.), с. 64.

⁵⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, VIII, с. 159.

⁶⁾ Милорадовичъ, Op. cit., с. 64.

⁷⁾ Чубянский, „Труды“, I, с. 140.

(Въ четвергъ, натирая пешломъ, говорить):

„Шара бѣра гуштеричка,

„Утре петжк загуичка“¹⁾).

„Die Zeter und die Weide giengen beid' im Streite, die Weide die gewann, die Zeter die verschwand“²⁾).

„De Hechel un de Flechel

De gingen all beid oewer Stechel.

De Hechel de gewunn,

Un de Flechel verschwunn.

Im Namen...“³⁾).

„Flechte, du sollst dich mit der Asche verbinden,

Flechte, du sollst über das Rote Meer verschwinden,

Flechte, du sollst mit der Asche kommen Wieder“⁴⁾).

„Ich streiche deine Flechte,

Das thu ich dir zum Rechte.

Drum muss ich streichen.

Sie soll weichen.

Jesus Christus, Gottes Sohn.

Wird dir davon helfen schon“⁵⁾).

(Погладивъ лишай 3 р. ивовымъ прутомъ):

„Die Zeter und die Weide

Die wollen beide streiten,

die Weide die gewann,

die Zeter, die verschwand.

Im Namen...“⁶⁾).

„Die Flechte und die Weide

Gingen beid' im Streite,

die Weide, die verging,

der Flechte, die verschwindt“⁷⁾).

„Der Mond und die Flecht,

die liegen beid im Recht,

die Flechte und der Mond,

1) „Сборн. за нар. умотв.“, IV, с. 106.

2) Goedeke, „Deutsche Dichtung“, с. 243.

3) Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 513.

4) Прага, „Glaube u. Brauch“, с. 194.

5) Ib., с. 194—5.

6) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, с. 441.

7) Ib.

fingen beide an zu gehn,
der Mond, der gewann,
die Flechte, die Ferschwand“¹⁾).

(Рано утромъ, молча, отломивъ вѣтку ивы и обводя ею
вокругъ лишая, говорить):

„Die Wichel un de Flecht,
De geh beid gerecht,
De Wéchel de gewinnt,
De Flecht de verswinnt.
Im Namen...“²⁾).

(Посыпая лишай бѣлымъ пепломъ перегорѣвшаго дерева):

„De Flog-Asch und de Flecht,
Dei flögen tausam Weg.
De Flog-Asch, dei kem wedder,
De Flecht dei blew weg“³⁾).

(На ущербѣ мѣсяца, у текучей воды, глядя лѣвой рукой
лишай):

„De Man un de Flechten
Gan oewer dat Water,
De Man' kommt wedder,
De Flechten nich“⁴⁾).

(Въ сухую погоду, въ послѣдней четверти луны [— лѣ-
чебное время, — ср. Grimm, „Myth.“, 595—6, Kuhn,
„Westf. Sag.“, II, 192], сдавливаютъ лишай крестообразно
большимъ и указательнымъ пальцемъ, троекратно дуютъ на
сдавленное мѣсто [тоже лѣчебный приемъ, — см. Grimm,
„Myth.“, Nachtr. zu 973, A. Birlinger, „Aus Schwaben“,
I, 441, Zs. f. deut. Myth., IV, 118—9, 416, 973], затѣмъ про-
износятъ заговоръ):

„Unser Herr Gott seine heilige fünf Wunden,
Haben nicht geeitert und nicht geschwiert.
Es helfe Gott Vater, Gott Sohn u. Gott Heilige Geist“⁵⁾).

1) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, с. 441.

2) Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, с. 398. (На с. 398—9 помѣщено еще 6
оч. близкихъ вариантовъ).

3) Bartsch, Op cit., с. 400.

4) Ib., 401.

5) Amman, „Volkssegen“, с. 202.

(Смочивъ пальцы правой руки потомъ съ окна, обводятъ ими лишай кругомъ, говоря):

„Wieder Ziedra! (3 р.) — Mach dich nicht breit, Die Juden essen am Freitag Fleisch. (— Ср. Schönwerth, III, 267, 26; Birlinger, „Aus Schwaben“, I, 446), Und wenn sie keins haben,— so essen sie dich zusammen“¹⁾. (При этомъ крестятъ лишай 8 разъ, со словами: „Im Namen...“).

„Dass walte Gott: ich thu dir dein Schwäune; schwaunige Fuess, schwäunet so lützel als Gott des Vatters seine Füess; schwäunige F., so I. als G. d. Sohns s. F.; schwäunige F. so I. als G. d. heiligen Geistes s. F. — Schwäune aus dem Mark, ...Beine, ...Nerven ...Flaksen... Flaisch... Blut... allen Gädern... der Haut... dem Haar. Ünd der Luft u s. w. Im Namen...“⁴⁾.

Отъ металля [=родъ трахомы] (Кога то око се зачервява и се явява въ зеницата бѣло зрънце). (Баячката исправя на сръцца си болния, туря палеца отъ дѣсната си ржка на горния клепачъ на болното око, а палеца отъ лѣвата — на долния слѣдъ това почва да движи клепаштѣ и духва въ окоето болния подиръ и сквазванието на слѣднето):

„Од дѣл иде самодива,
Растраси си дѣсно крило,
Десно крило, синьо крило,
Та напраши дѣсно око,
Дѣсно око, нѣино око;
Самá го напрашила,
Самá му лек дала“³⁾.

Младенческа (= родимецъ). (Родимецъ бивае у каждого ребенка; ихъ 12 — по частямъ тѣла: родимецъ пуповой, внутренней, суставной, жильный, костяной, волосяной, ножной, ручной, глазной, ревунъ, говорунъ. Поятъ и обмывають

¹⁾ А m m a n, I, с.

²⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 450.

³⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, VI, с. 99.

больного наговорной водой и произносятъ нижеприводимый заговоръ):

„Грызу я загрызаю, уйму я унимаю на р. Б. № 12 родимцевъ (перечисляются вышеприведенныя имена ихъ). — Какъ мертвый отъ могилы неворочается, такъ бы и на р. Б. Н. эти 12 родимцевъ никогда бы не ворочались, вѣкъ по вѣки, отнынѣ и до вѣки“¹⁾).

(Умываться св. водою, куда положены нашатырь и ладанъ росный, смиренный и херувимскій, читая молитвы и заговоръ):

„Господи помози—пособи, пресв. Троица, Мати Богородица, своимы словами, своимы устами и своимъ Св. духомъ.— Кто на тебе подумавъ, х. на т. погадавъ, х. на т. щелепы рознимавъ, х. на т. языки обертавъ. — Ты, вода вечерня, смутылася ты зъ вечера до пивночи и до билого свита, надъ тобою хрестъ умочалы, надъ тобою евангеліе читалы, бисы—дiяволы заклады, изъ хрестыанской виры высылалы. И ты, лукавый, чы ты водляный, чы ты витровый, чы ты выхровый, чы ты подуманный, ... погаданный, ... насланый, ... наспанный, ... найденый, ... напытый, ... мисцевый, ... прытчовый, ... прызирный, ... въ часу, ... получасу, чы въ дни, чы въ полудни, чы въ пивночи,—поты ты стоявъ, поты ты буявъ, покы я не знала; стала тебе знаты, с. т. съ кости высылаты. — Пиды соби, де собаки не брешуть, де куры не поють, де хрестыанскый голосъ не заходе. — Не я тоби помагаю, — помагае самъ Господь Хрыстось, а Маты Божя прыходила, здоровья прыносыла, одъ усякою болисти, одъ усякою скорботы: нарожд., намолытвяному N. пособы, помози“²⁾).

Морз (моровое повѣтріе).

„Становляю моръ огненный, водяный и желѣзный отъ землѣ ажъ до небесъ, отъ вѣдiй, отъ вѣтрениць, отъ насланцовъ, отъ всего морового новѣтря, отъ вѣдiй живыхъ, отъ в. умерлыхъ, отъ в. вышнихъ и нижнихъ и отъ тыхъ, што суть

¹⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, 2, с. 199.

²⁾ Безбородко, „Памятники“, III, с. 767—8.

въ роду, отъ в. хотарнихъ и задевятохотарнихъ, отъ лукавцовъ, отъ насланицъ отсылаю вѣди и видята, впирѣ и впирята и всякій дюгъ и дюговицу, содомское и гоморское повѣтря, моровое и сходное и западное и сѣверное и полуденное, отсылаю отъ всего: и отъ себе, и отъ своего дому, и отъ обходу, и отъ своихъ домочадцій, и отъ св. жены, и о. с. дѣтей, и о. с. има- ня, и о. всего скота своего, о. волювъ, о. коній, о. коровъ, о. овецъ и свиній, о. гусій и курій, и отъ пчель, отъ всего при- тяженія. Отсылаю Духомъ свв. и Пр. Маріи моцію и вс. свв. неб. силами моцію. Тамъ васъ отсылаю, где черный вюръ не- дорогочей, где черный куръ недопоеть, где ч. песь недобрешеть, где ч. буюкъ недоборичеть. Занекую васъ и заповѣдую вамъ всѣмъ остудамъ и волхованымъ словомъ, набаяванымъ или принесеннымъ, или поднятымъ или разсѣяннымъ, или за- копанымъ въ моихъ переходехъ, во моихъ стежкахъ, или въ дому или въ вратѣхъ или въ углѣхъ; или спитыхъ или заѣден- ныхъ или переступленныхъ или самопришлыхъ и заповѣдаю вамъ, абы тако сталося, яко Духъ Б. каменю заповѣдѣлъ и за- клялъ его, и пересталъ расти, и неростеть отъ того часу отъ его св. милости росказаня, заклялъ его словомъ своимъ свв. Также и я днесъ заповѣдаю именемъ Б. отъ всего морового повѣтря огорожаю домъ свой отъ сего року до седмого року и докля ихъ есть на роду.—Въ и. О. и С. и св. Д.“¹⁾

Баяние за мламуси.

„Дж излѣзжт мламуси ут глжжъ, ут кржкѣ, ут ржцѣ, ут гжрдї, ут сжрцѣ, ут жїли... и дж сж сжбѣржт ф туї гжрнѣ“²⁾.

Na nádcchu.

(Дохнувъ 3 р. на больное мѣсто):

„Rozejděte se všeccky zlě | podiviny, ostudiny, | nákažli- ny, uhraněliny | jako se rozcházi můj duch, | ty a ty N. | po tvem životě!“³⁾.

¹⁾ Петрушевичъ, „Угро-русск. заг.“, с. 126.

²⁾ „Сб. за нар. умовъ.“, VIII, с. 158.

³⁾ E r b e n, „Česká zařikáda“, с. 56.

Отъ нароста.

(Положивъ на него палець и отвернувшись):

„Was ich seh, was wächst | Was ich seh, das vergeht. |
Im Namen“ ¹⁾.

Отъ нароста подъ языкомъ (Schwamm = ranula)
у дѣтей:

„Der rothe und weisse Blätterhund | Liegt hier auf die-
sem weissen Bl-d | Den mill ich besprechen, | Der soll gleich
zerbrechen“ ²⁾.

Na nataženou žílu.

(Приложивъ кусокъ сукна намоченнаго въ чел. мочу):

„Maso k masu, | kost k kosti, | krev k krvi, | voda k vo-
dē, | svatý (3 p.) | Jachym, Josef, Anna“ ³⁾.

Нежить (нежилъ, насморкъ, соуза; см. выше подъ
этимъ названіемъ понимается другая болѣзнь — „грудница“ =
воспаленіе грудного соска), — по опредѣленію Порфирьева, —
страшная боль въ головѣ, ушахъ и глазахъ):

„Во имѣ Оѣа и Сѣа и Стго Дѣа. Іѣкоже (у) Адама перво-
зданнаго не болитъ ни глава, ни ѡчи, ни зубы, ни оуши и ни-
киже оудъ тѣла его, ѡко да растаетсѣ нежить, ѡко пѣна морь-
скаа, ѡко дымъ ѡ вѣтра и воскъ ѡ огна, роса ѡ солнца, тако
растаетъ нежить ѡ раба Бѣа імркъ, да бѣжить въ пусты горы
и въ лѣсы, во еленю главъ. Тамо тѣа посылаетъ Гѣ Бѣ І. Хсѣ Оѣъ
всеи твари емѣ же слава со оѣемъ и стѣымъ“ ⁴⁾.

Обжогъ (или обварѣ).

(Поглаживая больное мѣсто):

„Wie hoch ist der Häben,
Wie roth ist der Krebs,
Wie kalt ist die Todtenhand,

¹⁾ Müllenhoff, „Sagen aus Lauenburg“, с. 515.

²⁾ Bartsch, „Segen... Meklenb.“, II, с. 414.

³⁾ Erben, Op. cit., с. 57.

⁴⁾ Порфирьевъ, „Апокр. мол. по рук. солов. б.“, с. 11.

Damit stille, stille ich den Brand.

Im Namen...“¹⁾).

„Во имя Отца... Идетъ красная дѣвка съ мокрымъ вѣнкомъ, тушить-гасить огненную рѣку, огненныя искры, огненное пламя“²⁾).

Во имя Отца... Свѣтъ до зори, а зоря до свѣту, а ожогъ (в. обваръ) до словъ. Во вѣки вѣковъ. Аминь“³⁾).

Отъ нѣмоты (Mundfäule):

„Job zog über Land, er hatt' den Stab in seiner Hand; da begegnete ihm Gott der Herr und sprach zu ihm: „Job, warum trauerst du so sehr?“— Er sprach: „Ach Gott, warum soll nicht trauern, mein Schlund, und mein Mund viel ich abfaulen“. Da sprach Gott zu Job: „Dort in jenem Thal, da fliesse ein Brunn, da heilet dir N. dein's Schlund und dein'n Mund“⁴⁾).

Огныкъ (вогныкъ, Naarwurm, сухъ гребень, пѣпчици, пейнерджикъ, руса) = водянистая сынь, волдыри, молочный струпь, — преимущественно на подбородкѣ.

„Огныку, огныку! Я тебе вышинтую, я тебе й зшинтую, я тебе вызываю, я тебе выкликаю. Иды соби на очерета, на болота и на вельке купья, — тамъ соби оселылся, тамъ соби остановыся, тамъ соби розитлывайся, тамъ соби розкыдайся, а Маты Божа своими словами и своими молитвами посылает на здоровья“⁵⁾).

(Говорить, обводя „кружка вогника первымъ угарочкомъ зъ лучины“):

„Огници, огници! возьми свое вогнища. Якъ етому огню згорѣтъ и потухнуць, ничего ня быць, такъ и етай боли у р. Б. Н. кабъ ня було,—обсохнуць и обсыпатца“⁶⁾).

„Агонь, агонь, гарючій, балючій, табѣ макрата, а мнѣ сучата.—Па етый часъ, па ету минуту“⁷⁾).

1) Kuhn u. Schwartz, „Nordd. Sagen“, с. 442.

2) „Труды Моск. этн. общ.“, V, 2, с. 215 (№ 81).

3) Ib. (№ 79).

4) Peter, „Volksthüml. aus Schlesien“, II, с. 229.

5) Милорадовичъ, „Нар. мед.“, (июль—авг.), с. 61.

6) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 95 (№ 227).

7) Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 198.

(Говорить натошакъ, придавливая больное мѣсто ножомъ, которымъ предварительно „торкать навхрестъ челюсти“):

„Ишла баба черною дорогою. Сама баба чорна, чорна плахта, ч, запаска. Та не рубы ни дуба, ни явора, ни березы, а тилькы рубы огникъ“¹⁾).

(Говорить 3 раза, затапывая огникъ сажей изъ „челюстей“, взятой „тымъ вихтыкомъ, що мыють горшки“):

„Ихала баба лисомъ, чорна запаска, чорна сорочка,— чорный лись рубаты, вугилля палыты, вогникъ затоптуваты“²⁾).

„Es ging ein Mann zacker
Auf einen rothen Acker,
Da zog er drei Fürch,
Da fieng er drei Würm;
Der erst, der war der Neidwurm,
Der zweit, der warder Giftwurm,
Der dritt, der war der Haarwurm,
Da gieng es dem Kindlein gut,

Und da war es gut“³⁾. (Въ заключеніе читаются молитвы, безъ чего — заговоръ недѣйствителенъ).

„Gott der Herr gieng zacker,
In einen guten Acker.
Er that drei Fürch,
Er fieng drei Würm:
Der erste ist der Streitwurm,
Der andere der Geitwurm,
Der dritte der Haarwurm.
Streitwurm, Geitwurm und Haarwurm
Fahren aus diesem Fleischwurm!
Im Namen Gottes...“⁴⁾).

(Сгребая гребенкой сверху внизъ):

„Отгребох сух гребен от куче от мачка, от вѣлк, от ле-
сица, от враще, от жаба, от враны, от сврана, от човек, от
жены, от кравы, от кокошка, от вол“⁵⁾).

¹⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 111.

²⁾ Комаровъ, Op. cit., с. 111.

³⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, II, с. 520,

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ „Сборник за нар. умотво.“, VIII, с. 153.

„Запали сж костен градж. — Сжс кжкво да гу угасим. — Сжс зиленж трава и студена вжда... Кугату ви цж внити в ку ритутж, тугас да излъзжт гагалки на Н. ну устата“ ¹⁾.

(Обводя огникъ житнымъ колосомъ):

„Ти, русо, си много грозна.

Да кеанеш кату тоа клас

Да извенеш кату тва лаино,

Да се сковеш кату таа пара!

Света Макъе Богородичко!

Свети Петре,

Свети Иліе,

Свети Иване,

Свети Никола,

Приидите, приидите!

Да кажете на таа руса,

Да бега от Н.“ ²⁾. (Говорить на 3 утреннихъ зоряхъ).

Отъ опухолу (Geschwulst):

„Es gingen drei reine Jungfrauen | Sie wollten ein' Geschwulst und Krankheit beschauen. | Die eine sprach: „Es ist heisch“; | Die andere sprach: „Es ist nicht“ | D. d. s.: „Ist es dann nicht, | So kommt unser Herr Jesu Christ“ ³⁾.

Отъ простудной опухолу (Winterbeulen).

„Bein, | Du sollst so weinig geschwellen und geschwären, | Als wie der Stein. Im Namen“ ⁴⁾.

„Hautfasser, Fleisch und Bein, | Du sollst so wenig schwellen, | Als der Stein. Im Namen...“ ⁵⁾. (Обводя рану голышемъ).

Отъ жара и опухолу:

„Unser Himmellischer Vatter Stath Vnder Seinem hüm-methor, da Sahe er in disser welt, Ein feyr auff disser welt

¹⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, VII, с. 144.

²⁾ Ib., XII, с. 145—6.

³⁾ Petir, Op. cit., с. 231—2:

⁴⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, с. 521.

⁵⁾ Ib.

brönnen, Da huob er auff Sein haüllige handt, Vnd Segnet den Brandt + brandt du Solt nit weiter brinen, weiter die haüllige Sonen Amhimell Stath, Im N... Gaüsts, Amen¹⁾.

„Well gott dass du der Schadten So wenig Schadt, Alss Christus Schadt, da die Kriegsknecht haben in ge Stochen und geschlagen, dass ess nit ge Schwoll Und nit ge Schwar Und iaar, biss Maria die liebe Muoter gottes, Ein Anderen Sohn gebahr, Im Namen... gaüsts + Amen²⁾).

Отъ оспенныхъ прыщей въ глазу (g. Blättern im Auge):

„Unser Herrngotts sein Athem | Vertreibt dir dein Blättern; | Unser H-s sein Blut | Ist für die Augen gut“ (3 р. сказать, дунуть и перекрестить больные глаза)³⁾.

Наговоръ отъ остуды:

„Добрый вечеръ тобі Уляно, святая, орданск., ангельск. и архангельская! Ты прибуваєшь изъ горъ и долинъ, лугивъ и беригивъ, щобъ такъ и до мене рабы Божой Н. прибували добрыи люди и дивчата (или женихи); ты очищаешъ и обльваєшь долины, луга, берега, каминья и креминья,—очысть же и обмый одъ мене Н. р. б. остуду, студице, клевету, клеветыще, поговоръ, поговорище и прозоръ-прозорыще—чоловичи, жиночы, хлопьячы, дивочи, подумани, погадани, попивски, дякивски, діяконски и одъ всякая скверноты — колдунника, колдунницы, спатныка, спатныцы и еретыка и еретыцы“⁴⁾.

Од отока:

(Окруживъ больное мѣсто „мртвачки чешаль, грумен соли и зрно тамнана“, говорить утромъ):

„Добро вече! колико било вече, толико те било до вече!“ (Говорить вечеромъ): „Добро јутро! колико било јутро, толико те било у јутру“⁵⁾.

¹⁾ Birlinger, „Volksthüml.“, с. 206.

²⁾ Ib.

³⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, с. 515.

⁴⁾ Щербина, „Наговоры“, с. 586.

⁵⁾ Милићевич, „Живот срба селѧка“, с. 153.

„Раствори се небо, да видиш свакојакe бољке, да однесеш свакојакe бољке у Лелејску гору, где овца не блеји, где вѣ не буче, где мајка детету колач не меси. Без мајке си се родило, без оца си се задело, ту ми места немало! Да си чисто, као чисто сребро; да си благо, као благо млеко; да си лако, као лако перо — љ!“¹⁾.

Гуке око врата.

(Укува се доста беле репе, па онако врућом облаже се врат и баје се овако):

„Пошло 9 браће, 9 Југовића: сви су 9 изгинули и само је остало од 9—8; од 8—7... а од 1 ни један“²⁾.

(Ако ли отеку жлезде око грла, треба изаћи увече пред кућу, и све прсте од обе руке саставита тако, да један у друга бoде, на кроза све редом пљувати, говорећи):

„Вечерас и звезде и жлезде, а сутра ни звезда, ни жлезда — љ!“ (3 р.)³⁾.

Отз паралича, апоплексиу (Mord, Schlagfluss):

„Mord, du hest æer daelschlaen: | Unse H. Ch-s segt, | Du schast wedder upstaen“⁴⁾.

„Uns H. Ch-s un de Moert | De güngen tosamen dar en enge Poert. | U. H. C. de gewann, | De Schlag un de Moert verschwand“⁵⁾.

Перещецъ (сильная опухоль, первоначально имѣющая видъ бородавокъ):

„Шу́ху, пúху, што отпúхваш?

— Отпúхвам на (името) перештѣц:

— Отпухаѣ го да го нѣма:

Вода го отнѣла, вѣтар го оддúхал,

От нѣго се отнемало (-ла)“⁶⁾.

1) Милићевић, „Живот срба сељака“, с. 153.

2) *Иб.*, с. 154.

3) *Иб.*, с. 155.

4) Müllenhoff, „Sagen, Märchen...“, с. 512.

5) *Иб.*

6) „Сборгъза нар. умотв.“, с. 154.

Переполохъ (перелякъ, лякъ, испугъ, упудъ, сцѣнь, страхъ, пивдїй, *strava* (родъ паралича отъ испуга, уплахъ, *wścieklizna*).

Переполохъ — „нервное возбужденіе отъ испуга, произведеннаго грозой, пожаромъ, паденіемъ въ воду, дурными вѣстями, привидѣніемъ, — выражающееся сонливостью, головными болями, лихорадочными припадками и отчасти душевными разстройствами. «Зъ переляку въ чоловика може вкынуться нечыстый духъ; бѣе въ голову, троцьить у середины, у голову обморокъ забыва. Ума тронется той чоловикъ, балака, плете, чого не нада. Бува, шо нечыста сыла пидъ тинь (т.-е. тѣню) пидходитьть и ляка» ¹⁾.

„Обвѣяніе вѣтромъ и вихремъ, признаваемое Чубинскимъ („Труды“, I, 131) особой болѣзнью — *пидвѣмъ*, въ Лубенской народной медицинѣ считается однимъ изъ видовъ переполоха (коимъ объясняются случаи ложной беременности, отчасти выкидыши и душевное разстройство беременной — см. Милорадовичъ, „Народн. обр. и пѣсни Лубен. у.“, с. 14). — «Якъ витерь и вихоръ пидбизжить, то въ голови шумъ, обморокъ вдарить. Може той чоловикъ тронуться умомъ» ²⁾.

„Общее недомоганіе у взрослыхъ и особенно у дѣтей, — нервное возбужденіе, пученіе живота и пр., извѣстное подъ именемъ *переполоха*, лѣчится присѣканіемъ топоромъ у порога хаты 12 палочекъ изъ вѣника. Отъ „переполоха“ же и „завирчуютъ“. Дѣлается это такимъ образомъ. Приглашенный знахаръ измѣряетъ ниткою длину больного дитяти, ширину — по протянутымъ въ стороны рукамъ и голову — въ окружности; срѣзываетъ ногти на рукахъ и на ногахъ и часть волосъ на головѣ. Все это вмѣстѣ съ ниткою, которою производились измѣренія, знахаръ запикиваетъ въ дырочку, просверленную въ „глухому кинци“ дверной лутки, и сверху забиваетъ осиновымъ колышкомъ ³⁾. При этомъ читаетъ заговоры о томъ, чтобы болѣзнь больше не мучила «билого тила, жовтои кости,

¹⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“ (1900, III), с. 386—7.

²⁾ Иб., с. 377—8.

³⁾ Ср. очень сходное указаніе у П. Иванова, „Шептанія и знахарство“, с. 737. (Когда ребенокъ переростетъ это мѣсто, выздоровѣетъ).

очей, плечей и всихъ суставовъ». Болѣзнь, снятая съ больного, „заверченная“ и заколоченная осиновымъ кольшкомъ, не должна уже больше возвращаться“ ¹⁾).

„Переполохъ «завертуютъ», т.-е. смѣриваютъ ниткой больного, проверчиваютъ въ ростъ больного дырку въ луткѣ дверей, вкладываютъ туда нитку и забиваютъ кольшкомъ; когда больной переростетъ дырку, — выздоровѣетъ; или «вымыываютъ»: ставятъ миску съ водой на головѣ, груди, ногахъ больного, всякій разъ вливаютъ въ нее растопленный воскъ и по получающейся фигурѣ (чаще всего «гусакъ» или «нечистый») заключаютъ о причинѣ переполоха“ ²⁾).

Во многихъ болгарскихъ заговорахъ „страхъ“ представляется грубо матеріальнымъ: ворожка гонитъ его изъ одного члена тѣла въ другой. (См. „Сборн. за нар. умот.“, IV, с. 117). Таково же представленіе „переполоха“ и во многихъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ заговорахъ.

(Перевязавъ обрѣзки волосъ и ногтей больного красной ниткой и замазавъ ихъ въ глухой конецъ дверей, говорятъ):

„Якъ сему глухому концу дверямъ не одчынаться, такъ переполохови не обзываться. Я жъ его осиновымъ коломъ забываю и своими устами заклинаю. А чему домови всему аминь“ ³⁾).

„Винъ йесть батькивъ и матерынъ, титчинъ, и дядькивъ, и дивчачый, и стритяный, витряный, и громовый, и блыскавчинъ, и сонный, и зляканый, и вечерній, и зирній. Йесть волячый, коровьячый, свинячый, овечый, ягнячый, гусячый, утячый, курячый, ношный и витровый, и вихровый. — Поки я не знала,—не шептала; якъ стала знать, одъ переполоху шептать. И я шепчу, и выльваю, и ирысикаю, и прерубаю, и зываю, и на тры стороны изсылаю, де люде не ходять, де витры не віють. Господь зъ помицію“ ⁴⁾).

„Переполохъ, переполошыще! Ты не жиночій, ты чоловичый, въ тебе голова здоровая. Ты можешъ чоловика розтри-

1) Коваленко, „О народн. медп. мр.“, с. 171—2.

2) Иващенко, „Шептаня“, с. 174.

3) Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 390.

4) *Ib.*, с. 391.

бушыты, ты можешъ оселю розирваты. Тутъ тоби не стояты, головочки не ламаты, у животи не трибушыты. Иды соби за огнямы, за витрамы, за густымы дымамы, де собаки не брешуть, де люде не говорятъ, огни не горять“¹⁾. (Очевидно, ворожка глядитъ на получившееся въ водѣ изображеніе изъ растопленнаго воска или олова).

(Ставятъ на голову больного черепокъ со свяченой водой и выливаютъ туда растопленную смолу; по полученной изъ смолы фигурѣ судятъ, чѣмъ испуганъ больной):

„Отче нашъ... Все святіи Отци... — Я тебе выкликаю, я тебе прогоняю: одійды жъ ты, огненный, паленый, заклятый, проклятый, бо я душу ѣ тило очищаю, а нечысту сыду выганяю, у безодню заганяю. Ты тамъ згынь, пропады, души ѣ тила не сушы“²⁾.

(„Сѣюць бабы золу, водой поливаюць и тоды галочками по животу качаюць... разламуюць галочки и глядзяць: коли ёсь волосься, дыкъ спужанъ, — полѣгшіецъ, а коли нема, — дыкъ такъ отчаго, — шукай другаго зелья“):

„Выговарію няреполохъ музъкій, женъскій, дзявоччій и ребяччій, конъскій, коровскій, свиньяччій, овеччій, кошеччій и собаччій, огняннй и водзяннй, и звольннй, и повольннй, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочь...“ (и проч.)³⁾.

(Наливъ въ миску непочатой воды, набранной со словами: „Здравствуй, вода Уляна, и земля Тытына, я прышла до тебе воды набрать и здорovia попытатъ“, — выливаютъ туда растопленный воскъ и говорятъ):

„Выльвайся, переполохъ, на дороги, на очерета, на бота, на пустіи миста, де люды не ходять, чоловиччій гласъ ны заходе; и батькивскій, и матерынскій; денной и ношной, полуношннй, дидовскій, бабивскій, крылящій и трепетащій, — до хрыстыянына ны доступыть, и крови ны побушувать и кости ны зломыть, пыци ны отбыть, и хрыстыянского тила ны стрывожыть. — Да воскреснетъ Богъ...“⁴⁾.

1) Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 392.

2) Ястребовъ, „Матер. Новорос. края“, с. 111 (=53).

3) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 151 (№ 47).

4) „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 34.

(Выливъ растопленное олово въ воду):

„Выходы, переполохъ, съ головы, съ кости, съ мозку, съ русыхъ волосъ, съ билого лыця, съ твоёго сердца, я тебе заклынаю на очеретахъ и на болотахъ, на густыхъ лыстахъ, де люды не ходять и чоловичый гласъ не заходе“ ¹⁾.

(Читая нижеприведенный заговоръ, окатывать все тѣло больного куринымъ яйцомъ, потомъ выпустить изъ этого яйца бѣлокъ въ стаканъ и смотрѣть на получающуюся при этомъ фигуру: если — священникъ или могила, — больной не выздоровѣетъ; иногда фигура можетъ напоминать изображеніе предмета, вызвавшего испугъ):

„Туть тоби не стояты, жовтои кости не ломаты, червонои крови не пыты, щырого сердца не вялыты, билого тила не сушыты, хрещеного, ройд. р. В. N. ²⁾“.

(Окачивая больного яйцомъ, которое затѣмъ отдается собацѣ):

„Перелякъ-перелячыще, я жъ тебе яйцемъ выкачую, а водою выльваю, на пуци й на сухой лисъ высылаю, туть тоби не буваты, червонои крови не спываты, сынихъ жылъ не потягаты, жовтои кости не ламаты“ (Плюнуть 3 раза и разорвать „пазуху“ у больного) ³⁾.

(Окачивая больного яйцомъ):

„Стань мені першымъ разомъ, Ліпшымъ часомъ, Стань мені, Гдѣ, До помощи! — Препавъ нічний, північний, препавъ зъ роботы зъ сухоты... ідання... пытья,... гулянья... буянья,... поклыку... помыслу... погляду; препавъ зъ хмары зъ вітру.. сонця, нічний, північний, полудневый, сходовый, нудяный и сердешный! Яжъ тебе вымовляю, водою выльваю, яйцомъ выкачую, на пуци и на сухой лисъ відсылаю. Тамъ тобі гуляты и буяты, гнылы холоды вывертаты, жовты піскы пожираты, сыне море выпываты, щобъ туть тобі червоноі крови не спываты, сыніхъ жылъ не потягаты, жовтоі кості не ламаты, и тѣу (3 р.)! (Яйцо—собацѣ, которая все поглощенное зло „выбрешеть“ ⁴⁾“.

¹⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 34.

²⁾ Ib.

³⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 131.

⁴⁾ Ib.

(Дѣйствія тѣ же):

„Перелякъ, и-е! Я жъ тебе яйцомъ выкачую, а водою выльваю, на пуци и на сухой листь видсылаю; тутъ тоби не буваты, червонои крови не сываты, сынихъ жылъ не потягаты, жовтои кости не ламаты“ ¹⁾.

(Параличъ можетъ, по народному повѣрью, произойти отъ испуга при подвѣяннн вѣтромъ; больного выкачиваютъ яйцомъ, которое потомъ отдается собакѣ):

„Препавъ нічний, пивночный, зъ роботы, зъ сухоты, зъ ядня, зъ пытя... я жъ тебе вымовляю, водою выльваю, яйцемъ выкачую, на пуци и на сухой лѣсь видсылаю“ ²⁾.

(Разсматривая олово, говоритъ 3 раза):

„Bješi stravo! goni te materina para i oševa sila u sivo kljuse, u raževu slamu, u trulu panjinu“ ³⁾.

(Держа надъ головой больного миску съ водою, лить въ нее растопленный воскъ и говорить):

„Господы, поможы мыни поворожыты, переполохъ выльваты N., хрещен., нарожд. — и найденный, и напытанный (?), подуманный, погаданный, отъ всякои звирыны“ ⁴⁾.

(Когда звонять по мертвому и несутъ его къ могилѣ, — ѣсть артось и пить св. воду со словами): „Годи мій переполохъ зостане, якъ оцей мертвый N. встане“ ⁵⁾.

„Змываю я *сирнь* собакчій, кураччій, коциный, и дзяциный. Отсылаю я на бярозовое лисьца, съ б. на кляновое, съ к. на мѣсячку. Мѣсячка овсѣщается, рабенкова кровь очищаецца“.
(Подкурить больного паутиной, собранной изъ 3 угловъ) ⁶⁾.

„Заря 'Рина, заря Кацярина! посватаемся, посходатаемся: у мяе сынъ, у цябе — дочка. Возьми у мойго сына *пяреполохи* ношныя и полуношныя, дзячныя и полудзенныя и цѣбныя и ляканыя и зависныя и радосныя и собакчія и кошаччія. Выговариваю *пяреполохи* зъ буйныя головы, съ хрябетной косьци, зъ румянаго лица, зъ ясныхъ вочъ, съ чорныхъ бровей.

¹⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 32 (№ 92).

²⁾ Ib., с. 31 (№ 90).

³⁾ Гііск, „O stravi“, с. 72.

⁴⁾ Ивановъ, „Шепт. и знахар.“, с. 737.

⁵⁾ Id. 5

⁶⁾ Романовъ, „Бѣлор. Сборн.“, У, 34 (№ 123).

Потуль походили, потуль погуляли, покуль я коло ихъ не по-
ходзивъ“ ¹⁾).

„Господу Богу помолюся, Матцы Прачистай поклонюся.—
Выговаруетца р. Б. злякъ — жаноцкій, музчиньскій, дявоцкій
и парубоцкій и хлопоцкій и подтѣнный. И зсылаямъ злякъ
етый на нятворную гору, на нехращоную зямлю, дѣ й пѣвни
ня пяють и люди не ходять. Тамъ табѣ, злякъ, роскошаватца,
а у р. Б. (або рабыни) ня бывать, косьци ня ломать, жилъ ня
сушить, сэрца ня крушить. — Св. водица-царица, р. Б. помош-
ница“ ²⁾).

„Adama zaboljela glava; Adam predade Evi, Eva preda-
de zmiji, zmiја р. jabuci, jabuca р. suncu, sunce р. moru, mo-
re р. vjetru, a vjetar raznese“ ³⁾).

(Въ Болгаріи народъ думаетъ, что при испугѣ сердце
сходитъ съ своего мѣста, поэтому при появленіи перваго сол-
нечнаго луча 3 утра сряду говорятъ по 3 раза):

„Слжце отнешка,
Сжрце намешка“ ⁴⁾).

„Изместилу са сорце	Ут кучешту лаіанье,
Ут пилешту форканье,	Уд мечкину реванье,
Ут кукошкин крекутъ,	Уд волькуву виенье,
Удъ гувьожди ревуть,	Удъ лесаче жефканье.
Ут козье врасак,	Слонце на борце,
Ут конски виштенье,	Сорце на месту“.
Ут котешту меканье,	

(Послѣднія 2 строки — трижды) ⁵⁾).

(Беруть веревку, свиваютъ ее въ кольцо, затѣмъ 3 раза
читаютъ заговоръ и развиваютъ веревку):

„Измеастилу се, са N. соарцеа, ут вутреашна вутрина,
пладънишна пладънина, вечеаршна вечеара, на наш пулунаш;
кукоши креакут, кучеашти лаіут, котеашти меакут, чимашти

1) Романовъ, „Бѣлор. Сборн.“, V, с. 35 (№ 125).—Ср. №№ 126 и 127.

2) Ib., с. 38 (№ 136).

3) Glück, „Q stravi“, с. 72.

4) „Сборн. за нар. умотв.“, кн. XII, е. 143.

5) Ib., I, с. 92.

рукут, да са на меасти, да засни, каіну сагнеа на матъу слоан-
цеа, каіну деатеа на маічина биска“¹⁾).

Крѣс на глава,
Богородица на гърди,
Мир на сърцето,
Уплах низ нозето“²⁾).

„Избаіах страх низ глава, низ уста, низ очи, низ нос, низ
заби, низ уши, низ раце, низ пкрсти, низ срдце, низ полови-
на, низ ног, низ колена, низ пети, низ станали, низ пкрсти“³⁾).

„Уплашил са е Н.	Ут пилешту пиканье,
Уд волчу вианье,	Ут чилешту рьуканье,
Ут кукошу крканье,	Ут конску виштенье,
Уд гувьожду ржванье,	Уд магарешту реванье,
Уд мечкину ржванье,	И уд вулче виенье.
Ут кучешту лаіанье,	Сорце на месту,
Ут кокъашту меканье,	Ангелъ на месту“ ⁴⁾).
Удъ змиину фученье,	

(Шептуха заставляетъ больного лечь на траву, обканы-
ваетъ занятое его тѣломъ мѣсто, вынимаетъ это пространство
земли вмѣстѣ съ травой, а по окончаніи заговора кладетъ на
мѣсто):

„Както таа уласи се кона,
Така и уплата от тоа човек да излезе.
Както упласата излезе,
Така и уплаата да излезе.
Когато таа упласа се обжрне како била,
Тога и уплаата да се вжрне в тоа човек.

(Наговаривая воду и выливая ее въ ручей).

Ты, водице, идешъ отъ планини,
От планини, от вишини,
Дето ручат, дето вечерат.
Ти ке кажеш, водице, на тоа човек,
От што му е таа уплаа.
Бжрваі по скоро, водице!

1) „Сборн. за нар. умотв.“, IV, с. 104.

2) Ib., VII, с. 146.

3) Ib., VII, с. 154.

4) Ib., с. 90.

Да кажеш на морето,
Да каже то на самовилите,
Да извадет таа уплаа от тоа човекъ.
Ка се префърле таа вода,
Така да се префърли и уплаата;
Ка не може таа вода веке да се врѣне,
Така и уплаата да се не врѣшта“¹⁾.

„Wer hat dich verschreien oder vermalt?
Ist es ein Mädl oder ein Knäbl,
Ist es ein Mann oder ein Weib,
So seher dich von mir!
Gott Vater... Geist“²⁾.

„Bist du verschreien N.,
Durch Kirn, Fleisch, Mark und Bein,
So stell es der nämlichen Person wieder heim!
So helf dir Gott... Geist“³⁾.

„Hat dich verschreien Mann oder Weib,
So scher dich Gottes Mund wieder aus dem Leib“⁴⁾.

„Bist du vomoind obar varschria,
Van hintn obar van voarn,
Gott ist auserkoarn,
Gott der V. ...Geist helf dir“⁵⁾.

„Vaich, bist vorschria,
Mon, Wei, Bou obar Dirn,
Wieb i's wegwisch obar okirn“.

(Въ заключеніе V. и., U. L. Frauen и 3 раза перекреститься)⁶⁾.

(Зима се панида съ вода и китка направена отъ босилекъ, вързана съ червенъ конецъ. Натопва баячката китката въ водата и рѣси лицето на болния, като исказва слѣднето баяние):

„Од дол иде страшен страшникъ,
Страшен с-к, бѹен бѹиникъ:
Една му джѹна на небо,
Една му джѹна на земи

1) „Сборн. за нар. умотв.“, XII, с. 148.

2) Schönwerth, „Aus d. Oberpfalz.“, с. 260.

3) Ib.

4) Ib.

5) Ib., с. 261.

6) Ib.

И за поіаса крупа сол.
Насрѣшта му света маікѣа Б-ца:
— Кадѣ отиваш, страшен страшник,
Страшен страшник, буен буіник?
Една ти джуна на небо,
Една ти джуна на зѣми
И за поіаса крупа сол!
Отговора страшен страшник:
— Шта ида у Цѣлови (N.)
Да му ф сжрца влѣза,
Да му кржѣ испиіа,
Да му мош (= сила) зѣма,
Да му чірва пригрізам.
Отговара света Маіка Бг-ца:
— Не оді, страшен страшник,
Не оді, буен буіник,
Че е цѣло кржстен и мирѣсан,
Ристу Бѣгу предаден,
З Божі повѣи оповіт,
И на пезул (издигнѣто мѣсто при огнището) турен;
Там нѣма да іадѣш,
Там нѣма да пиѣш.
Амі иди ф пүсти гѣри телелѣіски,
Дека петѣл не пѣе,
Дека секіра не сечѣ,
Дека рало не оди,
Дека човѣк не живѣе;
Там да іадѣш,
Там да пиѣш“¹⁾.

„Ściężliwa godzina była, kiedy Panna Maryjia syna porodziła. — Słó trzech braci rozbójników i rozbójną drogą nadseďł ich sam pán Jezus: «Kaj wy, rozbójnicy, idzicie?» — Na lwową górę, wściekliczny zazęgnywać. — «Idzciez ułamcie gałazkę cisową i wełenki jarzácęj, idzciez óswiećcie, dopiéro

¹⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, VI, с. 98—99.

weście święconej wody, dopiero kropcie, zazegnajcie, a nie swoją mocą, tylko Boską mocą, wszystkich świętych dopomocą». — A já téz kropię, a já téz zegnam nie swoją mocą, tylko Boga mocą. Panie Boze, dopomóż mi i wszyscy święcia (sic!), Matko Boska Częstochowska i Piekosoškia dopomóż mi“¹⁾.

„Упудь-упудзища, выговариваю я цябе зь буйной головы, зь русаго волоса, зь руциваго сэрца, зь жилъ, зь нажилокъ, съ косьцей, съ покосьцей, съ суставъ, съ суставокъ, зь р. Б. Н. Святый свѣтлый дзянѣчекъ стань на помочь! Св. Микола, стань на помочь, свята пяцинка..., св. Узнесенья... св. Пятрокъ-Павѣль... св. Ильля, стань на помочь, св. Спась..., св. Прячиста..., св. Покровъ..., св. Кузьма-Дземьянъ стань на помочь. — Упудь-упудзища, высылаю я цябе на мха, на болоты, на гнилыя колоды, на бѣлыя каменя, на ракушчыя коренья“. (Смѣреть ниткой суставъ и послѣ каждаго измѣренія завязать узелъ и столько разъ читать заговоръ)²⁾.

„Господы мылостывый, поможы мени! Маты Божа, и стань мени у помочи сей переполохъ выльваты изъ ии головоньки, изъ ии ручокъ, изъ ии ножекъ, изъ ии пальцивъ, изъ ии суставцивъ, одъ ии 70 суставъ. Не я его выльваю, не я выклькаю, самъ Господь выльвавъ и выклькавъ, и Маты Божа въ помочи стояла, си переполохы одбирала, на Дунай на море зсылала. На Дунай-на-мори 70 языковъ стрепенулысь, св. мисяць на неби и Маты Божа на земли, и си переполохы збирала, и витряни, и блыскوفي, и громови, и коиячи, и волячи, и собачи, и гусячи, и курячи, и гадючи, и жабьячи, и потайни, и хлопьячи, и жиночи, и дивчачи, — и не я ихъ вызываю, и не я своимъ духомъ подымала, — самъ Господь вызывавъ и своимъ духомъ подымавъ одъ жовтой кости, одъ червонои крови, одъ ии голосу, одъ ии волосу и одъ рожденои, молитв. и хрещ. р. Б. Н. Аминь“³⁾.

„Творче-Создателю всяческихъ,
Боже дила руку нашихъ

¹⁾ Siarkowski, „Mater. do etnogr.“ (въ Zb. wiadom.), с. 53.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 34 (№ 120).

³⁾ Милорадовичъ, „Нар. медиц.“ (1900 г., III), с. 393.

Ко слави Твоей начинаемъ.
 Поможы, Боже, и вси святїи,
 Станьте мыни въ помочи,
 Мыколай, Божый угодникъ,
 Наврожденному, молитвяному
 Рабу Божому Н....
 От переполоху шыштаты.
 Вызываю, выкликаю переполохъ
 Овечый, скотячый, киньськый,
 Козячый, собачый, заячый,
 Лысычый, вовчый, видмежый,
 Ящырыный, жабьячый, черепаховый,
 Гадючый, сорочый, воронячый,
 Курячый, утячый, гусячый,
 Индычый, голубьячый, ластивьячый,
 Перенеловый, орловый, шуличый,
 Сынычый и соловьиный,
 И ссылаю тебе, злый душе-переполохъ,
 Въ землю пустую, безконечную,
 Де козакъ на кони не гуляе,
 Де дивка косою не мае,
 Де чоловичеськый гласъ не заходыть,
 Де и птыця не залитаеть.
 Есть за моремъ у вышь-высоко,
 У глыбъ-глыбоко дубъ,
 Пидъ тымъ дубомъ коринь,
 Пидъ тымъ корнемъ есть копыть-ключъ;
 Винъ у ёго землю одмыкае,
 Уси немоци одбирае.
 Одберы у наврожденнаго, молитвяного
 И хрещеного немощъ¹⁾.

Перелогн.

„На мори, на окїяни, на острови на Буяни, тамъ стоять дубъ зеленый, на томъ дуби галочъ сыдыть. Вамъ тутъ, га-

¹⁾ И в ащепко, „Шептанія“, с. 174—5.

лочь, не сидиты, вамъ тутъ, перелогы, не буваты, разной шерсты, жовтой косты не ламаты“¹⁾.

„Ишовъ св. Авраамъ по крутыхъ горахъ, по мхахъ, бологахъ, по ныщихъ лозахъ, замочывсь, заросывсь, нигде ёму спочыть; прышовъ, сивъ-спочывъ на сиримъ кони; уставъ и пошовъ, за собою перелогы, урокы, прымовни понисъ“²⁾.

„Ишовъ св. Авраамъ по крутыхъ горахъ, по мхахъ и бологахъ, по низкихъ лозахъ, замочывсь, заросывсь,—нигде ёму спочыть, прийшовъ, сивъ, спочывъ на сиромъ кони; уставъ и понювъ, за собою перелогы, сояшныци, урокы, прымовкы понисъ“³⁾.

„На сынимъ мори бильй камень лежыть, на тимъ камени два престолы стоить, на тихъ престолахъ Петро съ Господомъ сыдыть. Упалы перелогы дидькови у ногы. Беры ци перелогы, несы, де куры не ходять, пивни не спивають,—тамъ перелогы бувають“⁴⁾.

„Ишовъ Богъ и св. Петро. Найшовъ Богъ рукавычку, а св. Петро — мыгычку, а чортъ — перелогы. Взывъ мижъ рогы, та понисъ на очерета, на болота“⁵⁾.

Перехидъ (родимецъ, дѣтинець, судороги, обморокъ, припадки, падучая, швидій, нара(я)дка, бѣснованіе, статья, повѣтріе, звѣдъ, сухота, наскудникъ, надворштина, эпилепсія, Siechtag, Sucht, Fraisen).—„Перехидъ—понятіе сложное. Сюда входятъ: родимецъ, *eclampsia infantum*, судороги отдѣльныхъ мускуловъ или всего тѣла съ потерей сознанія и способности ощущенія, припадокъ не повторяющійся, падучая, «бильй» несмертельный перехидъ, бывающій иногда на третьей четверти каждый мѣсяць, и предсмертный первый ударъ, «чорный перехидъ навмыруще»⁶⁾.

Эта болѣзнь роднится съ „перенолохомъ“ (см. выше) и „шаломъ“ (см. ниже), на тѣхъ ступеняхъ міропониманія, гдѣ

1) „Харьк. Сборникъ“, VIII, с. 8.

2) Шишадкій-Илличъ, „О заговорахъ“.

3) Чубинскій, „Труды“, I, с. 115.

4) Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 16.

5) Комаровъ, „Новая збирка“, с. 111 (№ 22).

6) Милорадовичъ, „Народн. медиц.“ (1900, III), с. 395.

источникомъ, причиной заболѣванія считается злой духъ, вселившійся въ человѣка; въ неопредѣленныхъ, неясныхъ обликахъ этого злого существа — возможность приписывать ему происхожденіе различныхъ болѣзней; (къ тому же симптомы этихъ заболѣваній очень сходны).

Такъ, напр., у зырянъ такое таинственное существо, злая сила, которая портитъ людей, вселясь въ нихъ, носитъ названіе „шева“. „Эта *шева*, по мнѣнію народа, культивируется колдунами какимъ-то образомъ въ головномъ мозгу ящерицы“; поэтому въ настоящее время у зырянъ ящерица — злое, ненавидимое существо, какъ видимый образъ, воплощеніе этой таинственной злой силы¹⁾.

„Однимъ изъ самыхъ страшныхъ проявленій порчи считается «скуда». Повѣрьѣ о скудѣ представляетъ собою попытку придать порчѣ болѣе опредѣленный характеръ, олицетворить эту послѣднюю въ такой осязательной формѣ, что всякое сомнѣніе становится почти невозможнымъ. Это, въ сущности общее многимъ народамъ, повѣрьѣ о порчѣ посредствомъ пропусканія въ тѣло человѣка змѣи, лягушки или какого-то особеннаго существа, обладающаго своеобразными жизненными отправлениями, одно смутное представленіе, о которомъ заставляетъ содрогаться и не очень легковѣрнаго крестьянина“²⁾.

„Коли колдунъ хоча кого спортить, а людей такихъ нямашъ, дакъ ёнь, поганецъ, на вѣтяръ посылла! Дакъ той вѣтяръ кого попаде, — скрутя, зломаа, нѣума, — што стая, — и забяретца нячистый духъ у сядрину“³⁾.

„Я тебе выкашляю, вымовляю, враже-вражыще, пидвію-пидвіище, очеретяный, болотяный, водяный, я тебе зсылаю въ очерета, въ лиса, въ багна, въ дебри; тамъ тоби войоваты, тамъ тоби бушоваты, я тебе вымовляю, я тебе мечомъ рубаю и водою одываю; въ голови не шумы, сердца не вьялы, печеней не сушы“⁴⁾.

¹⁾ Жаковъ, „Языч. міросозерц. зырянъ“, с. 79.

²⁾ Лозинскій, „Психол. знахарства“, с. 58.

³⁾ Романовъ, „Вѣдор. сборн.“, V, с. 3.

⁴⁾ Руликовскій, „Записки этногр.“, с. 113.

„Немитници, недојепици, новенчаници, виле, ветрови и некама-болести (= падајућа болест), вама се молим ја N. баја-лица,—изидите изъ N. главе, из мозга, из памети, из косе, чела већа, носа, зуба, усница, чељусти, ушију, из гуше, гркљана, рамена, мишица, лаката, чланака, руку, прета, ноката, грибне, крстина, груди, ребара, слабине, из црне и беле дичерице, изъ пунка, желудца, црева, бубрега, мехура, бедра, колена, из цеварика, из ногу, из пета, прста и ноката, молим се ја ва-ма, анатемници, устѹ, уступите, раступите се, разнесите се, као прах по путовима, као сунце по пољу, као ветар по гори, као сабор из манастира, као пазар из чаршије; устѹ, уступите, анатемници“¹⁾.

„Бегајте, надворшинье,
Од оваа, мачна душа;
Оти секоаш ке ве чадала,
Со сваа лоша миризба;
Да поидите во гора зелена,
Каи Гъургъа самовила,
Пот таіа сенка ладовна
До маіа вода студена,
Смилени китки да китите,
Ако не ките та да поідите,
Поідете во некоіа кукоа богата,
Тамо пала (= спокойствие) да праите,
И в душеци от пердуф да лежите“²⁾.

(Выкатать хлѣбнымъ мякишемъ больному грудь, руки и ноги, въ полночь отнести этотъ мякишъ на перекрестокъ, положить здѣсь въ чистой тряпочкѣ со словами: „Святъ Доброхотъ, хлѣбъ-соль прими, а раба B. просьци“; выкатывая, про-износить заговоръ): „Выкачюу, выговарюу притчу урошную, приговорную, музъкую, женъскую, стрѣшную и поярешную, завистную и радостную, зъ буйныя головы, зъ румянаго лица, съ косьцей, зъ можчей, съ печаней, съ леганей, изъ рециваго

¹⁾ М и л ѿ е в и ѿ, „Живот срба селяка“ (кп. V, св. XXII), с. 166—7.

²⁾ „Сборн. за нар. умов.“, I, с. 96.

серца, зъ бѣлыхъ рукъ, зъ борздыхъ ногъ, — не сама собою, — прачистыми словами“¹⁾).

„Грызу я загрызаю, уйму я унимаю на р. Б. Н. 12 родимцевъ: пунового, сердцевого, внутриого, суставного, жиленого, костяного, ручного, глазного, ревуна, говоруна. — Какъ мертвый отъ могилы не ворочается, такъ бы и на р. Б. Н. эти 12 родимцевъ никогда бы не ворочались, вѣки по вѣки. Отнынѣ и до вѣка“²⁾).

„Allhorn, ik klag di,
De Suchten bei plagt mi,
De Gelsucht, de Ledsucht,
De Lungensucht,
De Jungensucht,
De Bungensucht“³⁾).

(Взявъ въ руки „срц, метлу и перушку, на додидујући болного“, говорить):

„Болан ми је N., а сретоша га анатемници: глава им као сено (велика), очи као сито, зѹби као срц; главом га ушлапише, очима га испише, зѹбима га изедоше. Пишти N. од земље до неба. Зачу га Божја Мајка, немитна Богородица, на пита: „Што пиштиш N. од земље до неба?“ — Пиштим, вели јој N., сретоше ме анатемници на ми сначу строшише, кости поломише, а кров попише. — Не пишти N., не цвиле, вели му Мајка Богородица, него иди N. бајалици, нека ти душом одуха, нека ти руком омаше, нека басмом одбаје, нека травом отрује, па ће ти лакнути и заспаћеш као младо јагње на зеленој трави.— N. доће N. бајалици, а она се овако замоли“⁴⁾. (Остальная часть, какъ самостоятельная и иная по типу, помѣщена мною выше).

„Першимъ разомъ, добрымъ часомъ! Господу Богу помолюся, св. Матцы Прачистой поклонюся и ѱсимъ святочкамъ, годовымъ празничкамъ и царамъ и князямъ и сонцу и мѣсечку и ѱсимъ православнымъ настоятелямъ. Якъ у Бога на дворѣ,

1) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 138 (№ 6).

2) Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 391.

3) Vartsch, „Segen Meklenb.“, с. 367.

4) Милићевихъ, „Живот срба сельака“ (кн. V, св. XXII), с. 166—7.

на сіяньско́й на горѣ, тамъ стоить яблонка, на той яблонцы висить яблочко, у тымъ яблочку нима ничего. Якъ у я-у нима ничего, няхай у р. Б. ня будя ничего: съ костей, зъ можжей, и съ жилочакъ, и съ пожилочакъ, изъ жовтыя кости, изъ горачія криви, изъ буйныя головы, зъ румянаго лица. Чуръ табѣ, Господи“¹⁾).

„Отче нашъ... Якъ Христось народився, на Ярданѣ рѣцѣ хрыстывсь, хрыстывъ воду и землю и сею воду — на увесь свѣтъ брызкы лятѣли. Якъ етыхъ брызокъ никому ня собратъ и кореньня ўсяго ў зямлѣ ня порвать и звѣздъ зъ неба ня познимать, и камяня ня ўгрызнуть, и неба языкомъ ня лизнуть и зямли ўсяе ня пожрать,—такъ р. Б. вѣдьмаку ня звѣдать“²⁾).

„Прашу Господа Бога и Духа Св., стань, Боже, у помочь, ангалы на радость, и пособица мнѣ вымѣраць, выговари-ваць зъ р. Б. и статьяе огняное притчо-статьяе водзяное, статьяе земляное, с. вѣтраное, с. огняное; земляное— ў зямлю, а водзяное — у воду, а огняное — на 'гонь, а вѣтраное — на вѣцерь. — Тутъ табѣ ня быць и р. Б. ня сушиць. Чурайся, отракайся р. Б. Н.“³⁾. („Тройча на водзѣ. Першій разъ питкой вымѣраць зъ головы до ногъ, другій разъ коло грудзей и голову, а третій разъ — руки“).

„Становлюся я р. Б. и заговарююся и замовляюся отъ чаровника. Становлюся на мѣдзянымъ тазу, закрываюся золотымъ т., обгородживаюся зялѣзнымъ тыномъ, замыкаюся тридзевять замками, т. ключами и заговариваюся, и замыкаюся отъ чаровника и отъ чаровницы и 'ть разлушника и отъ разлушницы. Положу я тѣя ключи у Божкимъ храми на престоли; — нехай етыя моѣ ключи лякаць нярушыми на престоли у Б. храми. — Ляжиць бѣлый камень на горѣ Сіяньско́й. Якъ того бѣлаго камня злый ўрагъ ня ўгрызець,— и р. Б. злымъ помyslомъ своимъ ни во вѣки вѣковъ ня ўвоймець на его ўремя и на ўсякій часъ. Аминь“ (З р.)⁴⁾.

„Добры́ дзень табѣ водзица, прекрасная дзявица! Цячешъ ты, процекаешъ, мыешъ, вымываешъ сырое кореньня,

¹⁾ Ромаповъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 3—4.

²⁾ И., с. 4.

³⁾ И., с. 9.

⁴⁾ И., V (Доп.), с. 140 (№ 12).

бѣлое каменя, — вымѣй зъ мого р. Б. Н. вутча, притча, зъ яго косьцей, полукосьцей, изъ жилъ и съ пажиль, зъ нутряного живота, сэрца творящаго, цѣлаго мяса, зъ горячай криви, зъ жовтаго мозку, отъ вутча, отъ притча, отъ урошнаго, отъ отъ наноснаго, отъ вѣтряваго, отъ годзиннаго, отъ подзивнаго. И ссылаю, збавляю, вутча-притча отъ р. Б. я не самъ собою, — Господомъ Богомъ Исусомъ Христомъ, Михайломъ арханіемъ, страстскимъ великимъ суддзео праведнымъ. Аминь“ ¹⁾.

„Михайла архангаль, богатырь нябесный! Якъ собивавъ уражжію силу сы нябѣсъ у сыру зямлю, такъ уражжію силу зъ р. Божжаго“ ²⁾. (Прійдя въ полночь въ баню съ двумя сосудами, поставитъ одинъ подъ печь, а другимъ лить воду на печь, читая 3 раза выше приведенный заговоръ).

(Положивъ больного въ избѣ „на перерубѣ“, опоясать 3 поясами, умыть св. водою, разбить горшокъ надъ головою больного и говорить):

„Господи, помилуй р. своего Н. Не я тебе помогаю, помогаетъ тебѣ Пречистая Богородица, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“ ³⁾.

„Господу Богу помолюся, Прачистой Матари поклонюся и ўсімъ свв. божжимъ пранодобнымъ, киявськимъ, пачерськимъ, Антонію и Хвядосію, — станьтя ўси на помочь р. Б. уродимца уходитъ и ўговорить. — На Сіаньской горѣ стоявъ лѣсъ, а ў томъ лѣсу ходивъ дѣдъ и низяпкій и малинкій, сивобородянкій, лѣсъ ломивъ и ўродимця заговоривъ и притѣшний и присмѣшний и примовный и приговорный и лицаый и лобовый и кутравый и жилойый и косьтяный и потылошный. — Потулъ ты стоявъ, п. ты буювъ, покуля я ня знала и Господа Бога призывала, вышентавала яго и выговаровала ись косьтей, изъ мощей, изъ ясныхъ вочей, и ссылаю я на моха, на синяя мора, по кругомъ ложкѣ да по широкомъ пяску“ ⁴⁾.

„Першимъ разочкомъ, Господнимъ часочкомъ! Господу

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. Сборн.“, V, с. 142 (№ 18).

²⁾ Ib., с. 143 (№ 19).

³⁾ Щуровъ, „Знах. на Руси“, с. 165.

⁴⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 9—10 (№ 24).

Богу помолюся, Св. Прач. Матары Божжай попрошу. М. Божжа, царица нябесная, прыступыся у р. Б. *параходу* гаворыти, прыдуманнаго, утѣшнаго и посмѣшнаго, батькинаго и маткинаго, и жаноцкаго, паробоцкаго, жалостнаго и корыстнаго, колючаго и болючаго. Ёнъ стоявъ и коловъ, якъ я ня гаворыла, а тыперъ я гавору и выговарую. Изъ города Русалима по калиновымъ мосту ѣхавъ св. Яковъ и съ сыномъ сы Сакомъ и стрѣли св. прекраснаго Воснипа. — Куды йдешъ, прекрасный Восипе? — Иду я къ р. Б. и къ младенцу параходу гаворыть свѣтоваго, заравога, колючаго, болючаго. — И ёнъ тогды стоявъ и коловъ и горѣвъ и болѣвъ, якъ я яго ня гаворыла, а тыперъ я яго гавору и выговарую и съ жилъ и съ сугавъ, изъ горячай криви, изъ буйныя головы, и съ щирага сэрца. И посылаю на синяя мора, на мха, на болота, на ницыя лозы, на жовтыя няски, — тамъ табѣ гулять, бушавать и р. Б. спокой дать.—Св. Онопрый и св. Иванъ Богословъ, Краститаль Христовъ, дай, Господи, на помочь¹⁾.

„[Du solt warten (вм. warter) der weile, so yn die sucht begreift, so nym ain hyrssein ryemen (=Riemen von Hirschhaut) vnd pint yn den vmb den hals vnd sprich]: „In den namen des vaters vnd des suns vnd des heyligen gaistes so pint ich hie den siechtumb des menschen in disem knopf, den ich daran chrüppfe“. — [Vnd dem selbem sol der menschen dem siechten nit ledigen von dem paine vnd von dem fleysche, hünner daz (=bis dass) er chöm, do man ainen toten begrabe, so sol man den riemen ledigen ab des menschen halse vnd sol man dan den riemen mit den riemen mit den toten begraben vnd sol der riem dem toten gelegt werden unter sein schulter vnd wer den riemen lediget, der sol sprechen]: „In dem namen der vaters vnd des suns vnd des heiligen gaistes begrab ich mit disem riemen den siechtumb nymmer berür vnd das der leichnam am jungsten tag erstee“. [Mit den worten sol man den riemen begraben dem toten unter die schultern. Ist ainer da nicht, der den riemen am ersten vmbpant, so mag

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 10—11 (№ 27).

yn ain ander ledigen vnd begraben, alz hie mit worten geschriben steet“ ¹⁾).

„Das wolle Gott der Herr Jes. Chr. heut auf diesen Tag auf dass ich alle sieben und siebzig (Ср. К u h n въ Zs. f. vergl. Sprach., H. XIII, 128) Frais töten möge (mag?). Ich töte durch Gottes grosse Macht, den heiligen Namen Christi alle siebenundziebig Frais' reissende Frais, rote F., abdorrende F., zitternde F., kalte F., fallende F., geschwollene F., spitzende F., stille F., schreiende F., wütende F., schwitzende F., gestossen (stossende) F... Ich wende dirs N. durch Gott den Herrn Jesu Christi und durch seine heilige fünf Wunden. Ich wende dirs N. d. sein heiliges Sakrament, Ich w. d. N. d. Gott u. H. J. Ch. seine heilige Hände und Füsse. Ich w, d. N. d. s. heilige pforten des Himmels. Aus der gnade Gottes geschöpfe, durch den lieben Namen J. Ch., dass ich luch verbiete (—gebiete—) alle s. Frais!

Ich w. d. N. durch alle Berg und Thal.
Und durch die fliessenden Wasser ab,
Auf dass der Leib ruhen und rasten mag
Bis auf den jüngsten Tag.

Darin unser lieber Herr Jesu kommen wird und aufwecken die lebendigen und die Toten durch die Verdienste, da er sein heiliges Haupt geneigt und seinen Geist auf gegeben. Das helfe dir N. Gott der Vater, der dich erschaffen hat, und der Sohn, der dich erlöset hat, und G. d. heilige Geist, der dich in der Taufe geheiligt hat. Amen“ ²⁾).

Пльснйвка (пльснйвка, молочница, soor).

„Пльснйвка, лйнйвка! въ роти тоби не буваты, языка тоби не ламаты, у помьи сходыты и свынйамъ ии выносыты, а свыни словывають и пльснйвку одбырають. Я свое слово составляю и пльснйвку зъ рота выгания“ ³⁾).

„Господы, благословы! Господы поможы нарожденному,

¹⁾ Oswald von Zingerle, „Segen“, с. 175.

²⁾ А м м а н, „Volkssegen“, с. 208—9.

³⁾ Милорадовичъ, „Народн. медп.“ (1900, VI), с. 322.

„Господы, благословы! Господы поможы нарожденому, мольтв. р. Б. сю плиснявку шептаты, сю нлыснявку зганяты. Свыни до корыта, череда до дому, плиснявка — зь дому. Якъ дымъ зь дымара, такъ плиснявка зь языка нарожд. мольтв. младенцю N.“¹⁾

(Намазывая больное мѣсто женской мочой, говорить):

„Тѣмъ родила, тѣмъ ѿ видходыла“²⁾.

Na psotník.

„Šel pán Ježíš Kristus | šel svou svatou cestou. | Potkal jeho psotník, | ptal se ho pán Kristus: «Kam ty jdeš, psotníku?» | — Ja jdu do života | té a té osoby N. maso jisti, | krev píti, | žíly trhати, | kosti lámати, | ehutik jídlu k pití bráti, | a spaní mu odjímati. | — Řekl jemu pán K.: | «Ja tobě prikazuji | pod mým těžkým umučením, | p. m. slavným z mrtvých vstáním, | p. m. na nabe vstoupením: | vystup ze života | toho-to člověka N.; | neměj k němu moci | ve dne ani v noci! | k tomu?!...“³⁾

Почки (νεφρά).

“Ἦλιε, ἀνάτειλε, καὶ ἠλίωσον τὸ σκίον ἀπὸ τὸν δούλον τοῦ θεοῦ ὁδεῖνα καὶ ἀπὸ τὰ νεφρὰ τοῦ, ὅτι τὸν πόνον οὐ δύναται βαστάζει(ν) οὔτε ἡμέραν οὔτε νόκτα“⁴⁾.

„Феῦγε σκίον, феῦγε ἡμίσκιον, βασιλεὺς τὸν ἄδον (sic!) σε δεσμεύει“⁵⁾.

Баяние за пощенки („когато нѣкое дѣте или трудна жена не може да вземе да хапне нѣщо, което ѿ се е поревнѣло много“).

„Пуштѣнки, питенки

Ржнѣсти сж, пржнѣти сж;

Ржнѣсти сж кжтѣ пьянж пу вудж,

Кж тѣ облаци, пу нибѣту,

¹⁾ Милорадовичъ, Op. cit., с. 321—2.

²⁾ Ефименко, „Сборн. мр. зак.“, с. 30.

³⁾ Егбен, „Česká zaříkadla“, с. 55—6.

⁴⁾ Васильевъ, „Сборн. пам. виз. л-ры“, I, с. 334.

⁵⁾ Ib.

Кж тѹ прѣхжт пу земѣ тѣ,
Чи і душѡа Пѣнтилѣі пѣтник
И Симиѡн стѣлник,
Чи сѣ сѣннѣли нѣ крѣстѹм пѣт
Дѣ си сѣбирѣт пуштенки и питѡнки
Да ги вѡдѣт в свитѣ гурѣ,
Дѣту фтичкѣ ни фѣркѣ
Дѣту мумѣ ни пѣи,
Дѣту уфцѣ ни блѣи.
Там сѣ мѣси и готви
Прѣсна питѣ пристѣргѣнѣ,
Клѣстѣ пѣткѣ припечинѣ,
Рѹинѡ винѹ чѣрвѣнѹ
И вѣрлѣ бистра рѣкѣи.
С пузлѣтѣнѹ вилѹшки,
С чѣмшѣрѣни лѣжицѣ“ (3 р.)¹⁾.

Притка (притча) довольно сходна съ нѣсколькими изъ предыдущихъ болѣзней; происхожденіе ея — отъ „злого духа“.

(Кланяясь низко въ землю на всѣ 4 стороны и не крестясь говорить):

„Жіѹ быѹ Захарѣ Магдалиновичѣ, жана Дарѣя, а сынѣ Никита. Памагитѣ и пасабитѣ челавѣкѹ у кистѣхъ, у нутрѣхъ, у жилахъ и у пажилкахъ, прашѹ я тибѣ. Также прашѹ дамавога и пылявога и лисавога и водяного; хазяюшекѣ: дамавую, палявую, лисавую, вадяную; дѣтѣкѣ вашихъ: князей и княгинѣ абѣ етымѣ чилавѣки“²⁾.

„Куры рябы, хахлаты, разнаперыи! выбирайтѣ боль и притча изъ жилъ-суставѣѹ у р. Б. Н.“³⁾. (Взявъ 9 вербовыхъ сучковъ, отварить ихъ, наварѣ остудить, а прутѣя высушить, обдать ребенка теплымъ наваромъ и подкурить вербою).

(Взять красныхъ суконныхъ нитокъ, пять разныхъ хлѣбныхъ зеренъ, перевязать нитками суставѣ, а зерна, обсыпавъ ими больного, отдать курамъ): „Прѣсв. Бугородица по саду гу-

1) „Сборникъ за народни умотѣ“, VIII, с. 158.

2) Дობровольскій, „Смол. этн. сборн.“, с. 214.

3) *Ib.*, с. 199.

ялла, ить Господа Бога Сына ключи брала и замыкала притча: косянныя, нутрянныя, жильныя, сустаўныя“ 1).

„Спасъ свѣтъ и пречистая Богородица! Помоги, Господи, щипоту снять и ломоту снять, избавити и соблюсти, отговори-ти отъ чирья, отъ вереду. Ложитесь сей рабъ В. имрекъ благо-словясь, стану глаза перекрестясь, пойду въ далече, въ чистое поле и буду въ чистомъ полѣ у бѣлаго камня; и идетъ на стрѣ-ту старъ-матеръ мужъ, и съ нимъ идетъ Никола — всѣмъ скор-бящимъ въ скорби помогаетъ, за нимъ идетъ св. честный Козма и Дамьянъ, хитромудрыя мастера, на рукахъ несутъ мису зо-лотую и на мисѣ золотое перо. Я приду р. Б. Н., Николѣ по-молюся и покорюся, поклонюся своей (?) буйной главы, всѣмъ скорбящимъ скорый помощнику отъ Николы. Всѣхъ всѣмъ скорбящимъ скорби помощитель! помози, Господи, пособи, Гос-поди, со всѣми силами небесными, Никола всѣмъ скорбящимъ избави, сговори чахотку, сухоту, притчи, болѣзни отъ чирья, отъ вереду, которыя пристали днемъ и ночью и вечеру поздно, поутру рано, отъ воды, отъ земли, отъ байны, отъ вѣтра, отъ вехоря, отъ мужескаго и отъ женскаго полу и отъ худыя по-мысли челоувѣческія. И Никола всѣхъ всѣмъ скорбящимъ скор-би помогатель, избавитель и отговоритель изъ ретиваго сердца, изъ бѣлаго тѣла, изъ костей, изъ мощей, изъ жилъ и суставовъ, и отъ ушей, изъ ясныхъ очей и отъ всея буйныя головы. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“ 2).

Прыстритъ.

„Шло 12 прыстритивъ, якъ 12 бративъ; братались не по-братались, сватались не посватались, винчалысь не повинча-лись, стельлысь не постельлысь, мостылысь не помостылысь, такъ и такъ одступылысь. Все святыи, Оссіянскійи, Ероза-лемскійи, Кіевскійи, Печерскійи и Почаевскійи, станьте мени на помичъ, допоможыть мени хрец. и мол. святъ, святъ, самъ Госнодь, слава Богу отцу. Аминь“ 3).

1) Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 199.

2) Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, с. 254—5.

3) Rulikowski, „Zap. z Ukr.“, с. 112.

Баяние за пжнз.

„Гурж са развива, пжк на Н. пжпа му завива“¹⁾.

Пьянство (запой, похмелье).

„Господине еси хмѣль, буйная голова! Не вейся внизъ головой, вейся посолонь, по .., а язъ тебя не знаю, гдѣ ты живешь,—вверхъ сыра древа влѣзи къ своему господину въ мѣдныя бочки и пивныя; какъ не жить на огнѣ, такъ на семъ чловѣцѣ лихія словеса Н., аще изопьешь чашу сію, доколѣ мои словесе изъ меня сіи изошли, изъ его р. Б. Н., похмелье. Господине хмѣль, какъ царь, сядетъ во царствіи своемъ, такъ и ты сиди на своемъ мѣстѣ, гдѣ родился“²⁾.

„Заря-зарница, красная дѣвица, сама мати и царица; свѣтель мѣсяць, ясныя звѣзды, возмите у меня безсонницу, бездремотницу, полуношницу, среди ночи приди ко мнѣ хотъ красной дѣвицей, хотъ матерью царицей и сложи съ меня и отведи отъ меня окаянную силу и дай мнѣ Спасову руку, Богородицынъ замокъ. Ангель мой, архангель мой, сохрани душу мою, скрѣпи мое сердце, врагъ сатана, откажись отъ меня. Крестомъ крещуся, крестомъ ограждаюся, к. ангела призываю, к. лукаваго отгоняю. Во имя Отца... Аминь. Знаю святыя знаменія“³⁾.

Ракъ, knochenschäden (krebsschaden).

„Bei Deinen siben Wunden, bei Deinem Blute roth | Befreie mich, Herr Jesu, von meiner schmerzensnoth. | Im Namen“⁴⁾.

„Grün wie Gras, roth wie Blut | Mach' bald mir meine Wanden gut. | Im Namen“⁵⁾.

Omъ ripplisucht.

„Ripplisucht im unterwachs | rib dem chind vom herz

1) „Сборн. за нар. умотв.“, III, с. 147.

2) Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 341—2 (изъ Пермск. Сборн. 1860, II).

3) *Ив.*, с. 341.

4) Krauss, „Abergl. Kuren“, с. 8.

5) *Ив.*, с. 82.

ewegg, | wie du aus dem kripplein | gehst vom Jesukind-
lein“¹⁾).

Од болести русе.

(Дува се у ране и говори): „Женио се стуб, звао русу на
свадбу: Добро јутро русице! Хајде, русо, пиј и једи! Нећу ни-
ти, нити јести, ни на свадби седети, већ ћу лека тражити: два
листића калонера, и два жуте травице. Калонер ћу сушити,
русне рани завити, да усахну, да увену, и унатраг ударе“²⁾).

Свинка (Schweine, опухоль).

„Heute ist Freitag,

Glückseliger Freitag!

Ich habe wider dich ein jammerliche Klag;

Ich biete dir aus dem Fleisch.

Ich biete dir aus dem Blut,

Ich biete dir aus dem Mark, der Lagerstatt“³⁾).

„Das walt Gott, der Vater hat nie geschweint; Gott der
Sohn auch nit; Gott der hailig Geist auch nit; nit im Mark, nit
im Bein, ...Bluet ...Floisch. Im Namen Gottes...“⁴⁾).

„Es gingen drei reine Jungfrauen,

Sie wollten eine Geschwulst und krankheit beschauen.

Die eine sprach: es ist frisch;

Die andre sprach: es ist nicht;

Die dritte sprach: is es denn nicht,

So komme unser lieber Herr Jesus Christ.

Im Namen...“⁵⁾).

„Du sollst nicht schwillen,

Du s. n. quillen,

Sondern du sollst stille stehn.

Und nicht von dieser Stelle gehn.

Im Namen...“⁶⁾).

1) Rochholz, „Aargauen Besegnungen“, с. 108.

2) Милићевић, „Живот срба сељака“, с. 163.

3) Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 449 (Ср. Kuhn, Zs., XIII, 63 ff.).

4) Ib., с. 449—50.

5) Bartsch, „Segen... Meklenb.“, II, с. 409.

6) Ib., с. 410.

„Es war eine Jungfrau,
Die wollte ein Geschwulst beschaun,
Sie ist heiss,
Sie sticht heiss
Geschwulst, steh still,

'S ist Gottes Will“¹⁾. (Крестить опухоль 3 раза и читают „Во имя Отца...“).

„Es sitzten drei Jungfrauen auf einem Marmorstein, die dritte spinnet grob, die andere fein, die dritte spinnt ein Imvindel (=Elnwickeltuch) fürs Harnwindel.— Es helfe dir Gott Vater...“²⁾.

(Выйдя из избы, дѣлають тупымъ концомъ ножа 3 раза знакъ креста на больномъ мѣстѣ, говоря):

„Schaden, du sollst nicht schwären, haben unseres Herrgotts Wunden auch nicht geschwärt“³⁾.

Сибирская изва (сибирка, геленджикъ).

(Обводя больное мѣсто выпавшимъ сукомъ): „Какъ у матушки сухой сосны сохнуть и посухаютъ сучья и коренья изъ бѣлой болони и красного сердца, такъ бы сохло и посухало у N. уроки и призоры и притки съ буйной головы, съ русыхъ волосъ, съ крови горячей и трепущаго тѣла“⁴⁾.

(Обводя больное мѣсто „мертвымъ мыломъ“, которымъ обмывали покойника): „Какъ у мертваго мертвеца колѣбютъ руки и ноги, зубы и губы, трепущее тѣло, такъ бы колѣли у N. уроки и призоры и притки“⁵⁾.

(Больной и знахарь передъ лѣченіемъ должны весь „ильинскій“ постъ жить въ чистотѣ души и тѣла; передъ произнесіемъ заговора очерчиваютъ больное мѣсто мезиннымъ пальцемъ): „Встану я р. Б. N. благословясь, пойду перекрестясь, умоюсь утреннею росою, утрюсь тонкимъ бѣлымъ полотномъ,

¹⁾ A m m a n, „Volkssegen .. Böhmerwald“, с. 204. (Ср. G r i m m, Myth., Anh. XXXII; Kuhn, Ws. II, 212; Aus Schwaben, I, 469, Zs. f. Volkskunde v. Veckenstedt. II, 4, с. 162).

²⁾ Ib. (Ср. B i r l i n g e r, „Aus Schwaben“, I, с. 447.

³⁾ S c h ö n w e r t h, III, с. 254.

⁴⁾ Г у л я е в ъ, „Очерки Южи. Сибири“, с. 83.

⁵⁾ Ib.

„Сотвори, Господы, болящому мылостыню,
Нехай пресв. архангелъ возьме хворостыну,
Изъ пресвѣтлого золотого райского тыну,
Да прожене отъ дытыны злую шкарлатыну,
Отъ р. Б. у купели хрещеного,
Отъ усихъ гриховъ Хр. Богомъ однущеного.
Попрошу я св. Матирь Божу Гьдильску,
Щобъ прогнала ш-ну, злу хоробу дѣтську.
Св. Хрестытелю Иване, славный Предтече,
Очысть одъ шкарлатыны груди, шыю и плечи.
А вы вси святи угодныкы Божіи многи,
Очыстить слабенькому одъ пухлятыны ногы,
Нехай р. Б. болящій, въ купели хрещеный,
Иде у храмъ Б., молитвами освященный,
И тамъ нехай вінъ щіро Г. Б. молить,
Да на вѣкъ Господь того одъ болисти увольты“¹⁾.

Скорбутъ (цынга, Schörbuck, Vosse, Mund-und-Durchfäule, гніеніе рта и десенъ):

„Den leidigen Schörbuck (v. Vosse) schäl so wehe geschen,
Wann he dem Minschen sin Fleesch fret,
Sine knaken gnadet, sin blatt sücht,
Als idt der Ingfern Marien leitt is,
Wann de minsche uf enen sonnabent föhret,
Und uft enen Nachmittagk tod eiden schweret“²⁾.

„Job zog über Land

Und hatte den Stab in der Hand.

Da begegnet ihm Gott der Herr und sprach:

Job, warum erst du sich sehr?

— Job: „Ach Gott, warum sollt ich nicht trauern!

Mein Schlund und Mund will mir verfaulen“.

Da sprach der Herr zu Job:

„Dort in jenem Thal fließt ein Brunn,

Der heilet dir N. den Schlund und der Mund“³⁾.

1) „Кіевская Старина“ 1900 г., II, с. 17.

2) Bartsch, „Sagen... Meklenb.“, с. 153.

3) Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 446.

Na škrkavky.

(Стирая животъ больного слюной):

„Svatá Lucie tři dcery měla: | první přídla | druhá vila, | třetí motala. | Dej, Bože! aby této osobě N. | ty škrkavky pomínuly: | tak jako pomínul | křivej richtár, | k. šafár, | křivá kn...ská kuchařka!“ ¹⁾

„Byla panna Maria přechistá, | měla tři vlastní sestřičky: | jedna předla | druhá vila, | třetí na škrkavky žehnala; | žehnala srdečným, | jaterním, plíčním, | krevním, střevním | té a té osobě N. | aby jí masa nejedly, | krve nepily, | a té osobě pokoj daly. | K tomu dopomáhej Bůh otec, B. syn, B. duch svatý, Amen“ ²⁾.

Баяние за слеза:

„Добѣр вѣчер, звизда и слиза! Кáкту се дѣбѣр тос вѣчер, тѣи да си добра и ти, слезо; но тѣзи вѣчер звизда и слиза, ўтрва вѣчер звизда бес слиза“ ³⁾.

Сояшницы (сояншныци, „сонци, завійны“ = желудочно-кишечный катаръ, спазмы въ животѣ, вздутіе живота, желудочная корча; боль въ животѣ, сопровождающаяся тошнотою и головою болью; „Rewkau“, „Refko“, Darmgift; различаютъ с. водяныя (поносъ), — ихъ „завариваютъ“, — и сухія (съ тошнотою).

Водяныя „сояншныци“ завариваютъ такъ: больной ложится на спину, на его животъ ставится миска, въ ней зажигается „клочья“; миска быстро переворачивается вверхъ дномъ; такъ продѣлываютъ 3 раза. Затѣмъ въ мискѣ съ наговорной водою моютъ ножъ, веретено и брусокъ и даютъ больному выпить этой воды 3 ложки; на полосканныя въ мискѣ вещи „все лыхо перейде“ ⁴⁾.

(На животъ больному ставятъ миску съ водою, кладутъ туда веретено, иожъ и ложку; по произнесеніи приводимаго

¹⁾ E r b e n, „Česká zařikadla“, с. 54.

²⁾ *Иб.*, с. 55.

³⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, VII, с. 143.

⁴⁾ И в а щ е н к о, „Шептанія“, с. 175.

ниже заговора веретено ставится больному на ладонь, льется на него ложкою вода, и воду эту выливаетъ больной; такъ же поступають и съ ножомъ); „Сояшныци нудни, сояшныци тошни, витрови и водяни, тутъ вамъ не стоять, жовтои косты не ломыть, червоной кровы не вялять. Идите на очерета, въ болота, де люды не ходять, куды хрыстыянъскый гласъ не заходе“¹⁾.

„Сояшныци водяны, с. витряны, с. насланы, подуманы, погаданы, тутъ вамъ не стоять, жовтыхъ косей ны ломать, у р. Б. молыть. N. 2).

(Вольной лежитъ на спинѣ, на животъ ему ставится миска съ водою; на ней: 2 ложки крестомъ, веретено и ножъ; зажигается пакля, кладется въ кувшинъ и опускается въ миску 5 разъ; въ воду бросаются зерна пшена и круинки соли; содержимое миски разбалтывается, и больнои его пьетъ. При открытіи кувшина говорится): „Сояшныци и витрови и водяни и подумани и погадани! идить соби па хла (?) и на болота, де люде не ходять и пивни не спивають; тутъ вамъ не стояты, червоной кровы не пыты, жовтои косты не ломыты, сердца не сушыты“³⁾.

(Переворачивають ведро вверхъ дномъ, наливають на него воды, посыпають солью, мѣшаютъ крестообразно ножомъ и ставятъ подъ глухой край двери со словами): „Все свв. на помочи! Идить помогаты хрещ., мол. видъ завинѣ шептаты. — Завина водяная, завина витровая и стритеная, и подуманная, и подуманная, и погаданная, и въ смакъ соби зъидена, и въ смакъ соби спытая, пиды соби па очерета, на дыки стена, на темни лиса“⁴⁾.

(Набрать въ кувшинъ воды, бросить туда зажженои пакли, поставить больному на животъ и по окончаніи заговора обмыть этой водой все тѣло; заговоръ же произносится надъ стаканомъ непечатои воды, которую даютъ потомъ пить больному): „Пресв. Богородице, стань мени до помочи. Допоможы

1) „Харьк. Собрн.“, VIII, с. 171.

2) Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 115.

3) Иващенко, „Шептанія и знах.“, с. 743.

4) Ib.

мыни рожд., мол. р. Б. Н. сояшныци заварюваты: и степови и лисови и подорожни, заспани и зайидени и запытени, и чоловичи и жиночи и нарубочи, и дивочи, и дытячи, и хлопчачи, и водяни, и витряни, и подумани и помысляни, погадани, заспани, прозорни! Я васъ вызываю, я васъ выклыкаю, я васъ вышиптую, изъ семьдесяты жыль, зъ с. суставивъ, зъ чорныхъ очей, зъ карыхъ очей, зъ сирыхъ очей! Тутъ вамъ не буваты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не спываты, щирого сердца не вялыты. Идять соби на очерета, на болота, на густи лиса, на густи терна. Тамъ вамъ буваты, т. в. гуляты, пискомъ пересыпаты, водою перелываты, де парубокъ борода не брые, дивка косы не чеше¹⁾.

(Сварить въ маленькомъ горшочкѣ пшено, перевернуть его въ миску, поставить больному на животъ и, води по дну горшка, говорить): „Святителю Мыколаю, угодныку Божій, помошныку скорый, допоможы мыни ласкою своею небесною вымовыты и выговорыты и сояшныци и веретильныци и заспани и наслани и ранни и позни. Я васъ вымовляю, я васъ вышенчу, я васъ зварю, бо тутъ вамъ не стояты, часу не теряты, кышкамы не воёваты. — Въ другой разъ, въ добрый часъ. (—Потопя въ миску ножъ, ложку, веретено и гребенку, дуютъ въ миску —). Не мій духъ — Господній. Господы мылосердный и св. Варвара, мученьця великая, допоможы мыни вымовыты“. (Вынимають положенные предметы, поливаютъ ихъ водою, изъ которой 3 ложки даютъ выпить больному²⁾).

„Сояшныци, с. витряни, водяни, подумани, погадани, чоловичи, жиночи, дивочи, парубочи, идить соби, де витерь не віе, де сонечко не гріе. Нарожд., мол. помогаю. И вы поможить, вси свв. помошныкы“³⁾.

„Сояшныци водяни, витряни, прозирни, наслани, подумани, погадани, запытени, зайидени! Тутъ вамъ не стоять, жовтои косты не ламать, сердца не вялыть, червонои крови не ссать. Идить соби на огни, на дыма, на велькы степа. Тамъ вамъ буде гулянья!“⁴⁾.

1) Комаровъ, „Нова збирка“, с. 114—5.

2) Чубинскій, „Труды“, I, с. 114.

3) Милорадовичъ, „Нар. мед.“, (1900, VI), с. 324.

4) Ib., с. 325.

„Сояшныци витрови, водяни, учинени, встричени, про-
зирни, несказани, тутъ вамъ не стояты и не боляты, червонои
крови не пыты, сердца не вялыты. Не я вышинтую, — Маты
Божа вышинтуе одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ твоєи
головы, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твого ровня-
ного лыця, нарожд., мол., хрещ. Н.“¹⁾

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божа, си
сояшныци заварыты. *Сояшныжи, сояшныжи,* и витряни, и про-
зирни, водяни, и спытени, и зъидени, и завинии, и колючи, и
болочи, и прыговорени, и прылюбовани, и дрыслыви, и сухор-
ляви; и то мы въ неи не бувалы и серденька не буялы, и било-
го тила не палылы, червонои крови не пылы, и жовтои кости
не ломылы, одъ рожденоеи, мол., хрещ. р. Б. Н.“²⁾

„Сонишныци, мисяшныци, гыдки, брыдки, ранишни, оби-
днишни, полуднишни, опивнишни; не я вызывала, не я выкль-
кала. Вызывала, выклькала святица-дивица, — симдесять и
симъ! Зъ билои кости, зъ чорнои крови вызывала-выклькала,
на море посыдала. Тамъ би се її веселыты, кореныты,
а чыстого, Бож., мол., хрещ. Н. лышыты! А бы її въ нуна не
кружляло, въ серци не вялыло“³⁾

„Святїи кыивськи, охтырьськи,
Монастырьськи, печерьськи,
Черееславськи и ты,
Свята Пятинко,
Простить и помылуйте.
Господы Мылостывый, Сусъ Хрыстось:
И самъ Богъ иде р. Божого
Од сояшныць шыштаты
И видбавляты, вымовляты.
Сояшныци подумани, погадани!
И витрянїи и водяни!
Тутъ вамъ не жыты,
Тутъ вамъ не буты;

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 325.

²⁾ *Ib.*

³⁾ Лоначевскій, „Сборн. пѣс. Буков. народа“, с. 105—6. (Ср. буквально Кирезанко, „*Volksmedizin*“, с. 62).

Идить соби на очерета, на болота,
Тамъ вамъ жыты,
Тамъ вамъ буты!“ (З р.)¹⁾.

(При „сосяшницяхъ“ сухихъ, съ тошнотою, такъ наз. „завійнѣ“, говорятъ, какъ бы растирая что то качалкой на столѣ): „Завійна глазна, з. прозирна, з. водяна, з. витряна з. полуношна! Матери Божій, царици небесной и всихъ святыхъ прошю и молю пособыты новорожденному, хрещен. Н.“ (Обмокнувъ тряпку въ деготь и обсыпавъ солью, прикладываютъ къ пупу больного)²⁾.

(Горкая ножомъ въ дно стакана съ непочатой водою, говорить три раза, не переводя духа, нижеприводимый заговоръ, а воду дать выпить больному): „Це не разъ, це не два... це не девъять“³⁾.

„Bipahl, ik klag di
De Rewkau dei plaget mi,
De irst Tagel,
Dei hiroewer flücht
Dei nem s' mit sik in de Luft“⁴⁾.

„Jerusalem, du iudische Stadt,
Darin J-s Ch-s gekreuziget ward,
Das ist aus seiner Seite geflossen,
Wasser und Blut,
Ist für Seibel und Darmgicht gut.
Im Namen...“⁵⁾.

„Es walt Gott; ich weiss nicht, was dir fehlt,
Und weiss nicht! was dir ist,
So helfe dir der liebe Herr Jes. Christ!
Hat's dir gethan ein Mann,
So komme es denselben an!
Hats d. g. e. Weib,
So fahre es in ihren Leib!

¹⁾ И в а щ е н ъ к ъ, „Шептанія“, с. 175.

²⁾ „Харьк. Собрн.“, VIII, с. 33.

³⁾ Б о м а р о в ъ, „Нова збирка“, с. 103.

⁴⁾ B a r t s c h, „Sagen Meklenburg“, II, с. 414.

⁵⁾ К у h н, Sagen. . aus Westphalen“, с. 207. (Ср. М e i e r, „Gebr.“, № 80).

Ich hab's übersehn zwei böse Augen,
So überseh dich es drei gute!
Das erste war Gott der Vater,
Das andere war Gott der Sohn,
Das dritte war Gott d. H. Geist,
Der helfe dir wieder zu dinem rechten Bein, Blut und
Fleisch.

Im Namen“... (Говорить 3 раза, глядя по животу)¹⁾.

„N. hast du Grimmen oder das Darmgicht,
So lass dir nicht so unehr sein,
Wie der Mann im Gericht,
Der ein unrecht Urteil spricht.

Im Namen“²⁾.

Ierusalem, du judische Stadt,
Darin Jesus Christus gekreuzigt ward,
Daraus ist geflossen Wasser und Blut,
Das ist für Grimmen Kolik und Darmgich gut.

Im Namen“³⁾.

„Ein alter Leibrock,
Ein alter Scheurenschopf (= навѣсъ)
Ein Glas mit rothen Wein,
Ei Grimmen, lass dein G. sein“⁴⁾.

Стыскы (=затрудненное дыхание, воспаление бронхъ и легкихъ, судороги голосовой щели, удушье, кошмаръ, Alprücken, Asthma, Herzspannen (сердцебиение), задышка, запаль).

„Стыскы витряни, прозирни, супротывни и стритени!
Я васъ шенчу и вышигую, одсылаю на охта (=луга), на болота, на'че рета. Тамъ вамъ буваты, а нарожденного, молыть.
р. Б. N. не сушыты“⁵⁾.

„Стыскы витряни, прозырни, вы подумани, вы погадани,
туть вамъ не стоять, паростивъ не роспускать, а жылъ не тягты, а сердца не вялыты. Пидить соби на огни, на вельки стена, тамъ вамъ буде пыння, гуляння, хороше буде вамъ провиданья!“⁶⁾.

1) Meier, „Deutsche Sagen“, II, с. 524—5.

2) Ib., с. 525.

3) Ib. 4) Ib., с. 525—6.

5) Милорадовичъ, „Нар. медиц.“ (1900, VI), с. 312

6) Ib.

„Господы мылостывый! Поможы мени, Матиръ Божя, си стыскы, одходыты. Стыскы, стыстыща! и витряни и водяни, и прозирни, и часови, и мынутни, и подумани; и погадани, и прылюбовани, и стритени, и збидени, и хлопъячи, и дивчачи. Не я жъ васъ вызываю, и не я выклекаю, самъ Господь вызывавъ и выклекавъ, Матиръ Божя въ помочи стояла и си стыскы 'дбирала и зализному дидови дарувала. И зализный дидъ и зализна баба! посватаймось и побратаймось. Въ тебе дочка, а въ мене — сынъ — и возъмь си стыскы и пожерите и понесите на очерета, на болота, та на густы лиса, де мисяць не свитьте, де людскый гласъ не заходьте! Тамъ соби гуляйте и сухе дерево ламайте. Одъ ѳи грудей, одъ ѳи головонькы и одъ ѳи ручокъ, и одъ ѳи ножокъ, и одъ рожденной, одъ молитвъ. р. Б. Н.“¹⁾

(Цыгане представляютъ удушье, задышку въ видѣ злыхъ духовъ, поселившихся въ груди, поэтому угощая ихъ утромъ и вечеромъ нѣсколькими шариками изъ горчицы, смѣшанной съ сокомъ рѣдьки, говорятъ):

„Jesus hat man geschlagen, die Juden sind ihm auf der Brust gesessen, Gott hat sie vertrieben. Ein böser sitzt mir auf der Brust weisse Frauen vertreibt ihn, legt einen grossen Stein auf ihn“²⁾.

„Herzspannen rühr dich, Schaf kuchen verlier dich“³⁾.

Herzspannen von der Rippe,

Wie das Kind von der Krippe“⁴⁾.

„Fruchtbaum, | ik klag di, | Dat Hartspann, dat Lewerspann dat plagt mi. | Dor kem en Vugel ut de Luft | Un nem dat mit ich sine Flucht“⁵⁾.

(Крестя 3 р. грудь ребенка): „Herzspann, weich: von des Kindes Rippen | Wie der Herr Jesus in der Krippen“⁶⁾.

„Ich greif dich an mit meiner rechten Hand, du reissender

¹⁾ Милорадовичъ, Л, с.

²⁾ Wlislowski, „Volks Glaube... Zigeuner“, с. 160. (Переводъ съ цыганскаго языка).

³⁾ Prah n, „Glaube. Brandenburg“, с. 195.

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ Bartsch, „Sagen Meklenburg“, II, с. 411—5.

⁶⁾ Россек, „Aberglaube“, с. 115.

Krampfen, du Krampf, du sollst Stille stehn, d. s. nicht weiter, d. s. vergehn; geschwind wie der Rauch vom Wind, wie der Nebel von der Sonne sollst du gehn von dannen“¹⁾.

Супротивникъ (=младенческая немочь; силѣшникъ).

„Я тебе вызываю и воскресною молитвою (—по произнесеніи заговора читается: „Да воскреснетъ Богъ...“) заклинаю, поименно называю: Грыцько Кандыба! тутъ тоби не стояты, жовтой кости не ламаты, червоной крови не спываты, буваты тоби на мори на окіяни, тамъ живе гадына царыця; пора тоби туды давно явытьця“²⁾.

„Господы мыни поможи нарожд., хрещ. и мол. Н. отъ младенческаго поворожыты. — Младенческае найдене, напытане, подумане, м-е погадане, витрове, водяне, я тебе выговоряю изъ очей, изъ плечей, изъ грудей-пагрудей, изъ сердца-пасерца, изъ живота-пажывота, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ кости-пакости, изъ крови-пакрови, изъ сьмыдесяты суставивъ. Я тебе выговоряю, молитвамы выкликаю, ножемъ прысикаю, тутъ тоби не буваты, крови не спываты, наглою смертию помыраты: я тебе высылаю на очерета, на болота, — тамъ тоби накупаться, тамъ тоби нагуляться, съ братчиками повидаться“³⁾.

„Добрыдень, вода Уліана! — Здоровъ рожденый, молитв., крещен. р. Б. Н. — Дай воды на помочь отлякать всякого сопротивныка и силѣшныка. — Дай Богъ стилки помочи, якъ попамъ на Велыкдень добычи“⁴⁾.

Суровецъ.

„Стану я р. Б. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, во чисто поле, за воромъ (?) въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ есть сине море, въ синемъ морѣ синей камень, на томъ ли на синемъ камнѣ сидитъ Пречистая Богородица. Взмолюсь, поклонюсь я р. Б. Н. той ли Пречистой Богородицѣ: «И-ая Б-це, вынь и выложи изъ р. Б. Н. суровецъ, непросыпъ, головной, глазной, цупной,

1) K ö h l e r, „Volksbranche“, с. 408.

2) И в а н о в ъ, „Шепт. и знахар.“, с. 738.

3) И в., с. 739.

4) Е ф и м е н к о, „Сборн. мѣр. закл.“, с. 33.

изъ сахарныхъ усть, изъ горячей печени, сердечный и подсердечный, зажной и подкожной, нутровой, пузырярной и истовой, костовой и мозговой, жильной и составной, изъ 70 жилъ, изъ 70 составовъ, изъ 70 жилъ подпятныхъ, съ головы да въ тулово, изъ тулова въ ноги, изъ ногъ въ подошвы, изъ подошвъ въ сыру землю, за темные лѣса, за дики острова, гдѣ птица не залетаетъ, гдѣ звѣри не забѣгаютъ, добрые люди не загуляютъ, и воронъ кости все заносить. Нынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь“¹⁾.

Сухоты (болѣзнь у дѣтей, въ родѣ чахотки, Abzehrung, úbyti (oubytě).

(Въ новый горшокъ складывается вся перемѣна ношенago бѣлья ребенка и варится. Больного ребенка слегка обмываютъ надъ этимъ горшкомъ. Горшокъ несутъ къ рѣкѣ, при чемъ мать ступаетъ по слѣдамъ шентухи, чтобы сухоты не нашли назадъ дороги. Тряся прибрежную вербу, шентуха говоритъ: „Трушу, трушу грушу, отгакъ хотилы сухоты вытрясты зъ твого сына душу“ — и велитъ матери пустить горшокъ въ воду и бѣжать безъ оглядки домой. Обмывая ребенка говорятъ заговоръ): „Сухоты, сухоты, дитячи ломоты! я вамъ кажу, я васъ прошю р. Б. Н. не ломить, не сушить, червоной крови не жовтыть. Идти соби, сухоты на рикы глыбоки, въ густи очереты, въ жовты лозы, де пивни не спиваютъ, диты не илачуть, люде не зайижжають. Тамъ соби жывить, тамъ соби плодиця, отъ младенця р. Б. Н. прыгожого геть отступыця. Аминь“²⁾ (3 раза, дуя на лицо, руки и ноги больного).

(Положивъ возлѣ больного котенка или щенка, на котораго должна перейти хворь): „Згоняю, вымовляю сухоты, нудоты изъ порожд., молитв. р. Б. Н.“³⁾.

Посадивъ ребенка въ котель съ водою, подогрѣваютъ воду на легкомъ огнѣ. Одна изъ женщинъ, изображая кухарку, мѣшаетъ воду деревян. палочкой и на вопросъ другой: „Was

¹⁾ Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, с. 258—9.

²⁾ Ястребовъ, „Матер. Новорос. края“, с. 58 (то же въ „Лѣтопис. Новор. ун-та, с. 116).

³⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 17.

kocht Ihr“? — отвѣчаетъ: „Dörrerfleisch, dass er soll dick werden“. Вопросъ и отвѣтъ повторяются 3 раза...¹⁾

Сажаютъ ребенка въ негорячую печь; кто-нибудь изъ домашнихъ спрашиваетъ: „Чы можна жъ дытыну у пичъ сажаты“? — (Въ отвѣтъ): „Чы можна жъ сухотамъ дытыну нападаты“? — Проговоривъ такъ 3 раза, вынимаютъ ребенка изъ печи, несутъ въ ровъ, гдѣ вырываютъ сквозную дыру и черезъ нее протягиваютъ ребенка. — „Чы можна дытыну скризь землю протягаты“? — Чы можна жъ сухотамъ дытыну нападаты? (Сбросить съ ребенка сорочку и оставить на мѣстѣ. Придя домой, взять непочатой воды, сдѣлать 3 × 9 варениковъ, сварить ихъ и въ отварѣ выкупать ребенка. Воду вылить и вареники выбросить²⁾).

(Вынести ребенка въ новолунье во дворъ): „Мисяцю новый, князю молодой, на тоби боклагъ порожній, дай мени боклагъ повный“³⁾).

(Впродолженіе 3 пятницъ, взявъ „симня калыны и сала“, столочь и мазать ребенка, говоря): „Госноды, помогай! Росты въ гору, якъ коноплына, будь червоный (в. ч-а), якъ калына, набирайся сытности, якъ кабанъ сала“⁴⁾).

(Посадивъ больного надъ сосудомъ съ отваромъ изъ „oubu-
tove koženi“, говорить утромъ и вечеромъ):

„Oubytě, souchotě,
Stājte tak tiše,
Jako stala voda
V Jordaně u pana Ježiše;
ze srdce, ze žil i z plic
Odejděte pryč.
K tomu...“⁵⁾.

„Proszę cie mój święty, żebyś nakarmił te kości N. (имя и отчество). — Jak je nie nakarmis, to je weś do swojej mi-
łości“⁶⁾.

1) Праhn, „Glauben... Brandenburg“, с. 191.

2) Чубинскій, „Труды“, I, с. 123.

3) Ib.

4) Комаровъ, „Нова збирка“, с. 115.

5) Erben, „Česká zařikadla“, с. 57.

6) Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, с. 55.

„Wychodzi słonecko z za góry,
Wychodźcie suchoty z za skóry.
Jako Bóg na niebie,
Przywróci zdrowie do ciebie,
O Maryjo z wysokości
Daj ze mięsa na te kości.
Boze prosimy Ciebie o przemienienie —
Lub na śmierć, lub na zdrowie“ ¹⁾.

Те(и)мянной зубище (зубище — темянникъ = особая дѣтская болѣзнь, при которой чувствуется общее разслабленіе, бываетъ рвота и поносъ).

„Зубищи, зубищи! выходзица на дубищи. Сухій дубища! возьми етыя зубища отъ етаго дзицяци, цеменныя, ѣменныя, боковѣя, горловѣя и колючія и болючія, и подуманыя и погаданыя и поглядныя и посмѣшныя и пострѣшныя и поиярешныя и радосныя и жалосныя, — зъ буйныя головы, зъ русаго волоса, зъ румянаго лица, зъ ярыхъ глазъ, зъ чорныхъ бровъ, зъ дванатцати жилъ, съ сороку суставъ и съ сороку полусуставцевъ. — Выходзица вы на мхи на болоты, на тонкія потоны, — тамъ вамъ цесовыя корваци, пуховыя пяринки, цвилѣвыя подушки, — тамъ вамъ стаць и гуляць, красувацца, а ня ў етымъ дзицяци, р. В. N.“ ²⁾.

— „Якъ мой таточка зъ мамочкой (и наоборотъ) по свѣту ня ходзя, росицы ня топча, такъ цемяннымъ, потылошнымъ зубомъ ня болѣць, ня шумѣць, ня 'трыгатца, ня 'тѣкатца. — Я съ словомъ, Богъ съ помоччу“ ³⁾.

(„Помацать зубища, потомъ сучокъ у стѣнцы палцемъ обвесъци и говориць“): „Якъ етому древу на пни не стоять, золотымъ вѣцьцямъ не махаць, птушачкамъ не сядѣць, гняздечки ня виць, дзѣтокъ ня выводзиць; — р. твоя Б., — такъ етому зубищу у роци ня быць, ни боковѣй, ни висковей, ни нижній, ни висучій“ ⁴⁾).

¹⁾ Siarkowski, Op. cit., с. 55.

²⁾ Романовъ, „Вѣлор. Сборн.“, V, с. 164—5 (№ 29).

³⁾ *Иб.*, с. 86—7 (№ 187).

⁴⁾ *Иб.*, с. 88 (№ 196).

„Ранная зара отходжця, а вячерняя находжця, такъ цемянная, потылишняя субища отходжця“¹⁾.

„Св. четвъргъ! стань мнѣ на помощь зубищи уговаривать. — На мори — на лукоморьи стоятъ три дубенячки, на тыхъ д. сидятъ 3 голубенячки. Якъ етымъ дубенячкамъ не стоятъ, гольлѣмъ не метать, такъ у р. Б. зубищу ня бывать“²⁾.

„Зара-зараница, Божая помощница! Прачистая Мати! Поможи помогати. Якъ попу подь стовпомъ ня стояти, хростовъ ня поднимати, звоновъ ня бивати, харуимы ня ўспѣвати, такъ у р. Б. зубищамъ ня бивати, ни темянышку, ни висковымъ, ни груднымъ, ни подпятнымъ, ни подпашнымъ. И урошныя и приговорныя зубища! идитя на старыя дубища“³⁾.

(Отыскавъ „дубовыя шула съ сухымъ“, — на который и пойдетъ болѣзнь, — набрать неочатой воды, поставитъ поблизости, взять на руки ребенка и, надавливая большой зубъ, говорить): „Вы зубы-зубища, идитя на дубища, но ты тимяннэй зубъ! ступай на зеленый дубъ! На зеленомъ дубу, на девятымъ суку, тамъ царица Марейя и присвятая Прасковейя. — Аны шатры разбивали, кровати становили и вяночки савивали: но ты, тимяннэй зубъ, ня будь тупъ, паснишай туда; саўють и табѣ, — а то табѣ бясѣдывать зъ ими некъда. — Я тебе пуваду на чорныя моря, — на ч. мори тамъ стаить вострыў. — На томъ вострыви ляжиць сѣрый камень. Тамъ ты стань, приживись, вальною ты умувайся, рыбною ты питайся; — только рыбы ѣшь тотъ сортъ, якей ня ѣсть хращоный народъ. — Штоба табѣ и звароту аттѣль ни було“⁴⁾.

„Господу Богу помолюся, Прачистой Матцы поклонюся, — ко мнѣ Богъ на помощь, Прач. Матаръ на радость. — Уговарую я зубищи боковыя, горловыя, стисковыя, потылошныя, грудковыя, батьковы, маткины, завистныя, корыстныя, мовныя, приговорныя, дявоччія, паробоччія, хто и чувъ, хто и бачивъ. — Якъ табѣ, дубя Данила, бяроза Катярина, якъ табѣ на корни ня стоятъ, гольлямъ ня махаць, корення ня пускать, такъ у р.

1) Романовъ, „Бѣлорус. сборн.“, V, с. 87 (№ 188.)

2) Ib., с. 85 (№ 179).

3) Ib., с. 84 (№ 176).

4) Добровольскій, „Смолен. этн. сборн.“

Б. молоденца зубищу-темянънику ня бывать, боковому, горловому. Уговариваю, умовляю дубища у р. Б. м-ца. Не я говорю, Господь Богъ Сусъ Хр. янгельлимъ словомъ, св. Духомъ. — Дубя, дубя, возьми свое зубы боковыя и горловыя“ ¹⁾.

При трескъ въ локтъ (knacken im Ellenbogen).

„Ich Fecke meine Hand durch die Lehmwand | Und bite für mein Quarrband“ ²⁾.

Отъ играгъ (нагаза).

„Ако стар, да ми си башгá,
Ако си стара, да ми си ма́ква,
Ко си млад, да ми си брат,
Ако си млада, да ми си сетра́
Шне сме ксóрави и но видѣше
Дѣка да ѣдеме;
Проштáвайте ни вѣе“ ³⁾.

Угрюмая скулка. (Принеся чистой воды, набранной въ одинъ пріемъ по теченію рѣки въ чистую посудину, и вымывъ руки, говоритъ приводимый заговоръ надъ принесенной водою): „Ва имя Итца и Сына и Святова Духа. Аминь! — Ты заря-зарица, ты раса-расица, раннія и вечернія, ты скулища, ты, асудища, ты скула бѣлая, ты скула черная, ...синяя, ...багровая, ...жоўтая, ...зависная, ...радосная, ...урошная, ...угрюмая, ...грудища, ...залотница, а коя бы ты ни была, — ну я р. Б., я тебе вупрашаю, я тебе высылаю изъ касти, изъ мащей, изъ ясныхъ вачей, изъ буйный галавы, изъ ретивога сердца, изу ўсихъ жиль, изу ўсихъ пулусустаў, штоба р. В. болѣсть пиристаў. — Ты ступай, скила, на синія моря, на синимъ мори ляжить бялой каминь, на б. к. сидить тамъ дявица, ана ни шить, ана ни мыить, ана ни ткеть, ана ни прядеть, только р. Б. помащъ ать скуль даетъ. — Мы же просимъ: «Красная дявица,

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 33—4 (№ 172).

²⁾ P g a h n, „Glaube.. Brandenburg“, с. 126.

³⁾ „Сборн. за нар. умовъ.“, VII, с. 146.

сама чистая вадица, ты йшла зъ марскога ключа, изъ змялянога нутра, ты размувала жалтыи пяски, ты падмувала кру́тыи би-ряжки, змый зъ р. Б. Н. скулу угрюмую и ў ўсю балѣсть“¹⁾. (Отлить 21 ложку воды и давать больному пить и мочить ему грудь 7 зорь утрен. и вечерн.).

Отъ удара (f. den schlagk).

„Nym ain federküs vnd legs auf ain drischeufel (=schwelle) vnd leg den fus oder die haut, daran du den schlag hast, auf den küs vnd nym ain schlegelhaagken in die hant vnd heb die nagken mit der schneid in die hoch vnd shrich drey malen nach einander): «Gott der her beschuff den tag, der teufel beschuf den schlag; der den tag beschueff, der sey dir N. heut fur den schlag gut, in nomine patris et fyly et spiritui sancto»—(Als oft du den segen sprichst, so mach zum lesten dreu creutz über den schaden vnd zeuch die hagken von der noch gemach mit dem ör auf den fus. Probatum est“²⁾.

Од улога (костоболье) (секавина).

„Секо, секавино, што сецаш, што стрещаш, што вратиш по костима? Машем секиром и сечем те; махнух ножем пресекох те, махнух метлом пометох те; устај на помоћ Мајко Бѣе, милостивна“³⁾.

Укушеніе змѣи (гада, в. бѣшеной собаки).

Огромное большинство этихъ заговоровъ заключаютъ въ себѣ обращеніе къ царицѣ (в. царю) змѣй (иногда и къ самой змѣѣ) съ просьбой или приказаніемъ унять своихъ слугъ, подчиненныхъ. Крушевскій и этотъ типъ заговоровъ пытается перевести на рельсы стариной мифологической теоріи: „черная грозовая туча и быстро сверкающая молнія=небесному змѣю, дракону... Перунъ своими стрѣлами преслѣдуетъ дракона — тучу, силу темную или земную змѣю... Отсюда — змѣя лежитъ

1) Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 105.

2) Oswald von Zingler, „Segen“, с. 174.

3) Милићевичъ, „Живот“, с. 188.

подъ «баранымъ чернымъ руномъ» (т.-е. въ тучѣ), а это руно — «подъ ракиновымъ кустомъ или дубомъ, на морѣ-океанѣ» (т.-е. на небѣ)⁴ и проч. — Проще разсматривать все это реально: у змѣй, при пониманіи ихъ въ человѣкообразномъ видѣ, можетъ быть царица, къ ней и обращаются; змѣи живутъ, дѣйствительно, подъ кустомъ или дубомъ и т. д. — Почти всѣ эти заговоры примѣняются безъ измѣненія текста и къ животнымъ и къ людямъ.

„Лизла рохла травою А зъ кости въ отробу,
 Та зализла въ волосся, А зъ отробы въ лехки,
 А зъ волосся въ шкуру, А зъ лехкивъ въ сердце.
 А зъ шкуры въ мясо, Вылизь, рохла, зъ волосся
 А зъ мяса въ кровь,
 А зъ крови въ кисть, Вылизь, рохла, зъ сердца“¹⁾.

„Прыйшовъ Вонъ, пустывъ желце въ шкуру, зъ шкуры въ мясо, зъ мяса въ печинкы, зъ п. въ селезинкы, зъ с. въ печинкы, зъ п. въ мясо, зъ м. въ шкуру, зъ ш. въ Вонъ“²⁾.

(Привязавъ къ укушенному мѣсту кусокъ желѣза или мѣдную монету, надавливая ея, говоритъ 9 разъ):

„Олено, царыце! закажы своему вѣйськови степовому, полювому и водяному, щобъ выняли удоdereво“³⁾.

(Прочитавъ предварительно молитвы: „Воспомяніе Господа Бога нашего, Богородыце Диво и Господы помылуй“ 3 раза):

„Господь поможы, и я зъ рукою.
 По сынему морю озыряемына,
 По озыряемыни грушевыня,
 На грушевыни гниздыще,
 На гниздыщи царыця Ляга.
 Царыця Ляга, царыця Лягыще!
 Собирай свое вѣйсько горюцьке и гадюцьке,
 Собирай и спыняй зубы, губы и уста
 Отъ звиряного лыщя,

¹⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 180.

²⁾ Курезанко, „Volksmedizin... in Bukowina“, с. 75—6.

³⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 180. Ср. Чуб., I, 122.—Ср. Ефименко, „Сборн. мр. закн.“, с. 16 (№ 49).

Отъ билои кости, отъ червонои крови

Р. Б. Н. (Если у животнаго—по шерсти)¹⁾.

(Надавливая пальцемъ укушенное мѣсто):

„На Есіанскій гори совыняче гнздо, и въ тимъ гнзди царыця Совыця; выймай свои слугы, выймай свои зубы сиры и били, смугнасти и полосасти, хатни, загатни, лугови, лисови, зымляни и водяни и жовти жовтяныци“²⁾ (9 разъ).

„На морѣ на окіянѣ, на о-вѣ Буянѣ стоитъ кровать новая, тесовая; на кровати лежитъ перина пуховая, на неринѣ лежитъ змѣя шкурная Осаха-Солоха; пустила свой плодъ по пнямъ, болотамъ, по лѣсамъ, по жолтымъ пескамъ. Вынимай, змѣя, свое острое жало, и какъ не выймешь, то пойду къ Кузьмѣ и Дамьяну, то К. и Д. и самъ Господь пошлетъ на тебя громъ и молнію: громъ убьетъ, молніи сожжетъ и пыль вѣтромъ по полю развѣетъ“³⁾. (Обводя пальцемъ укушенное мѣсто).

(Обмывъ опухоль непочатой наговоренной водою и давая ее больному пить): „Ганно, Ганнусько, ты вкусылася, въ ногу впустилася; идь до сердца, а съ сердца — въ кишкы, съ кишокъ — въ кровь, съ крови — въ кисть, съ кости — въ шкуру, зъ шкуры вонь выйдуть“⁴⁾.

(Говорить 3 раза, дунуть и плюнуть):

„Въ первымъ рази, лучшимъ часи! Надъ жуковымъ полемъ тамъ стояла груша, а въ тій груши — царыця Елена. Царыце-Елено, закажы своимъ тридевятъ дванадцатемъ сестрыцямъ по колющому и по болющому, а якъ не скажешь, то мы тому чоловіку скажемъ, що въ недылю воза маже и дрова рубае, то винъ васъ посиче и порубае“⁵⁾.

„На Сіянськихъ горахъ, на морскихъ плитахъ стоявъ дубъ, на томъ дуби Семеново гнздо, у Сем. гнзди Оленова змія. Прыхожу я до ясного сонця: «Олена-змія, зберы всихъ

¹⁾ Иващенко, „Шепталія“, с. 180.

²⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 87—8. [Ср. почти буквально у Ефименка, „Сб. мдр. закл.“, с. 16 (№ 48)],

³⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 121.

⁴⁾ Иб., с. 122.

⁵⁾ Иб.—

Ср. почти буквально у Ефименко, „Сборн. мдр. заклп.“, с. 17 (№ 50).

лютыхъ, зберы, роспытай, кетора люта змія упустыла жало, нехай вона выйме жало, рану залыже, онухъ потушить“¹⁾).

(„Въ воспоминаніе Господа Бога нашего, Богородыце Диво, Господы помылуй“ 3 раза) — „Господь помощь и я зъ рукою. По сынѣму морю озыраемна, по озыраемни грушевина, на грушевыни — гниздыще, на гниздыщи царицы Лага. «Царицы Лага, ц. Лягыще! собирай свое войско гадючкее и гадежское, собирай и спынай зубы, губы и уста одъ зvirного лыца, одъ билои кости, одъ червоной крови р. Б. Н.“²⁾).

(Ставь лицомъ къ западу и обращаея къ хлѣбной коркѣ):

„Вужу-гичу гадь!	Скажы и прыкажы
Прыймы свой ядь.	И вынную выдай.
Вужъ надъ вужамы,	А если не прыкажешъ,
Гадъ надъ гадамы.	То я пойду до Господа Бога
Круль надъ крулями!	Исуса Христа Бога нашего,
Зберы своихъ семь сотцивъ:	Попрошу огненнаго меча,
Домовые, луговые,	Мечемъ высѣку,
Боровые, межевые и луже- вые,	Огнемъ высмолю“ ³⁾).

„Заклынаю васъ, гадюкы, именемъ Господа нашего Исуса Христа и св. влкч. и побѣдоносца Георгія и всѣми небеснымы силами. — Заклынаю тры царицы: Кучю, Невю, Палю, чтобы не вредылы Н. волосамъ, (такого-то) цвѣта“⁴⁾).

„Ишло тры Марьи и тры Дарьи калинавымъ мастомъ, а надъ тымъ мастомъ расцець калинавый кустъ, а ў тымъ кусцѣ сядзиць гадъ. «Гадъ, гадъ! возьми свой ядь отъ цара Есьмана, ать царицы Есьманицы. Адаминъ»“⁵⁾).

„Помолымся Господу Богу и Матери Бож., Преч. Св. и всимъ свв. преподобнымъ. — Пидь солнцемъ, пидь жорсткымъ, пидь лисомъ, пидь чорнымъ, пидь высокимъ, тамъ стоять верба; пидь тоєю вербою симсотъ коренивъ, а на тій верби симсотъ канативъ, а на тихъ канатахъ сыдытъ царь Ханъ и царицы Ханыця. И прошу я царя Хана и царицы Х. и власны-

1) Чубинскій, „Труды“, I, с. 122. 2) Ib. 3) Ib., с. 121—2.

4) Ib., с. 121. — Ср. Ефименко, „Сборн. мл. закл.“, с. 19 (№ 54) — почти буквально. — Ср. еще Пассекъ, „Очерки Россіи“, II, с. 19.

5) Карскій, „Библ. зам.“ въ Ж. М. Н. Пр. 1900, XII, с. 498.

кивь ихъ, и да поможыте и вышлите три зубы лыхихъ зъ р. Б, зъ крови черной, зъ кости жовтой, зъ шерети рыжои. (Плюнуть 3 р.). — Дай, Боже, помочь“ ¹⁾.

„Царь Кудыка, царь Мудыка, унимай вужа, страшнага мужа; и унимай и вынимай юныети, ярыети, гадыети (съ такей-та скатини)! — Ня унимаешъ и ня вынишъ сваю яныеть, ярыеть, гадыеть — што найду къ усимъ святымъ, буду прасить Господа Бога Исуса Христа и Масіера (?) съ нябесными силами. — Нашлетъ Госпади три тучи грозныхъ: одну камяниую, другую витравую, третію агняную, — агнемъ пупалить, каминимъ разабьеть, вѣтрымъ пошилъ разнясетъ“ ²⁾.

„Царь-змѣй Скуруней, царица-змѣица Скуруниаца, сабирайтя сваихъ змѣй и спрашивайтя, каторыя хадили, каторыя брадили и такую та животную кусали и злая жигало пускали и лютую ярыеть. — И вы сабирайтя и спрашивайтя, змѣи балотныи, змѣи лугавыи, и змѣи куставэи, и змѣи падкалодныи, и змѣи падкурчѣженыи, и змѣи дамавэя надугольныи, и з. чорныи и з. рудыи и з. пирипялѣсыи и ты, лютія змѣя, злая вира-тенница. Сабирайтись, уси змѣи, вынимайтя свае злая жигала и лютую ярыеть, штобъ вамъ тутъ ня бытъ и ня жить и такую то животную скатину ни нудить и ни марить и яе кожу ни кусать и вопуху ни цуцать. — Вынимайтя свае лютыя жала и лихую ярыеть ать етый животный изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, изъ пажилокъ, изъ сустаўцыу, изъ поль-сустаўцывь и малинькихъ с-въ и ать буйный галавы, и ать быстрыхъ нохъ, и ать хрябетный кастеи и ать длинныга хваста,—то мы будимъ прасить святого Михаила Архангила и нябесныи силы, напрганияющихъ усѣхъ урагоу и супостатыу. Св. М-ль Ар-ль и нябесныи силы усѣхъ змяевъ пажгеть, пупякетъ св. своимъ ко-пимъ, пасякетъ; сями огниная кадила ангель запякетъ и витрами и вихрами у паганья моря пошилъ знясетъ“ ³⁾.

„На ржанамъ на жнивици стаить кусть ракиставый, падь тымъ кустымъ ракитивымъ стаятъ кровати тисавыя, перины

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 121. — Ср. Шышапкій-Илличъ, „Черн. Губ. Вѣд.“ 1858 г. № 17, ч. н.; Ефименко, „Сборн. мѣр. заклин.“, с. 18 (№ 52).

²⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 179.

³⁾ Ib., с. 188.

пухавыя, аділы шелкавыя, ляжить руно шерсти, и ў томъ руни шерсти сядить змя Шкурунея, з. Партунея, з. Настасея, з. Марѣя. И прашу я васъ всѣхъ змѣевъ набальшихъ, унимайтя вы всѣхъ сваихъ змяёу: падкутныхъ, вуглавыхъ... и летающихъ на воздухахъ: што аны ходя збродничаютъ, распутничаютъ: укусили скатину разной шерсти и сваё змяинья жала упустили.— И скажитя вы имъ, штобы аны взяли къ себѣ свае жало“... Въ противномъ случаѣ угрожаютъ, что Михайль Архистратигъ накажетъ ихъ ¹⁾).

„На мыри, кіяни, на вострови Буяни, стаить дубъ.—Падъ тымъ дубымъ стаить ракитыў кустъ; падъ тымъ кустомъ ляжить бѣль каминь алатырь; на тымъ камни ляжить рунецъ; падъ тымъ руномъ ляжить змя Скарнея. — Юсть у ней сестры: Арина, Катерина.—Мы Богу намалеемся, на ўсѣ чатыри сторыны пакланяемся — вазьмита сваю лихысть ать раба или ать скатины (сказ. цвѣтъ шерсти), на сей день, на сей часъ! — Нахристь дунуть“ ²⁾).

„На мари (bis), на бѣлымъ лукамари, стаить ракитывый кустъ; у тымъ ракитывымъ кусти есть змѣинья гняздо; у тымъ гнѣздѣ ляжить змя Шкурнея, Палагея, усимъ змямъ мати (старая змя съ природку). — Змя ты, Ш., П., унимай сваихъ гадыу, падкурчижныхъ, падкалодныхъ, надстѣнныхъ, паднавозныхъ... А ежели ты ня ўнимашъ сваихъ гадыу, будимъ прасить апостылыў, Илью надияцага, штобъ тябе ня только штобъ громымъ убить, — ну и маланбёю бѣ спечь... А ня вынишь ты жала съ гнядэй лошади ядъ свой, то будить тебе на ўсихъ сястеръ на вашихъ аканчѣніе: на Палагею, на Сихвею, на Малгариту, на Стипаниду. Унимайтя сваихъ гадыу, а то будимъ прасить Махайлу-Архангилу залѣзнымъ жезлымъ, штобъ васъ и насѣчь и нурубить и ў прудахъ пуналить“ ³⁾).

Стать къ образамъ, просить о помощи Богородицу, змѣѣ же „Шкурнеѣ“ велѣтъ унять своихъ дѣтенышей, въ противномъ случаѣ Мих. Арх. „пріѣдитъ съ голымъ меччимъ, съ молнію и

¹⁾ Добровольскій, *Op. cit.*, с. 183—4 (ср. очень близкій вар. № 7 на с. 185).

²⁾ *Иб.*, с. 184.

³⁾ *Иб.*, с. 186—7.

гразою, насякитъ васъ и парубить и молнію пажгётъ и попилъ размятеть“¹⁾.

„Бхавъ черезъ поле Михайло-Рыхайло на бѣломъ конѣ и зъ гострымъ мечемъ, черезъ афтыгыне поле, а на а-мъ поли и тамъ бѣлый камень лежитъ, а подъ к. Агына-царыця лежыть, и весь гадъ и шчувае, и тамъ ставъ Михайло-Рыхайло, ставъ ее сѣкти, рубаты и по тимъ камени кровь еи мазаты“²⁾.

„Господы мылостывый, Господы праведный! На мори на окіяни, на гори на Осіяни стоить дубъ гилчастый, на тому дубу сорокъ сорокивъ гилливъ. На тому гилли змїеве гнездо, и Маруся тамъ. Уставай, Маруся, и шидіймайся и збырай свои вїйська лисовїи, луговїи и пискови и пидпокутни и изъ ныхъ зубы вынимаи“³⁾.

„На морѣ на Окїянѣ, на островѣ на Буянѣ стоить дубъ. Подъ тѣмъ дубомъ стоить ракиговъ кустъ, подъ тѣмъ к. лежитъ бѣль камень Алатырь⁴⁾; на томъ к. лежитъ рунецъ, подъ т. р. лежитъ змїя-Скорпія; есть у ней сестры: Арина, Катерина. Мы Богу помоляемся, на всѣ четыре стороны поклопьяемся — возьмите свою лихость отъ р. Б. Н. (в. скотины Н. шерсти)—по сей день по сей часъ“⁵⁾.

„На мори на лукомори стоявъ дубъ дупластый, а въ тымъ дуби Авель. Авель (bis)! мылуй опухъ; мени одъ тебе не шептаты, тоби самому видцедва выпадаты“⁶⁾.

„За моремъ гора, а на той гори дубъ стоить, а въ тимъ дуби бараново руно, а въ томъ р. лежитъ змїя скорпія Марья; прошу я выйти змїю скорпію, погуляй на инша, на болота, на очерета, на осенній покосы, на холодины воды; отзови свой лютый гадъ изъ гноевъ, изъ приспѣ, изъ хлибовъ, изъ лисовъ, изъ черной и бїлой и рябой и половой и сироккой и перистой,

1) Добровольскій, *Op. cit.*, с. 184—5.

2) Ефименко, „Сборн. мр. закл.“, с. 18 (№ 53).

3) Манжура, „Сказки“, с. 150—1.

4) „На Воздвиженъ змїи собираются въ кучу, въ ямы, пещеры, яры, на городицахъ и тамъ-де является бѣлый и свѣтлый камень, который змїи лизуть, насыщаясь имъ и издзываютъ весь, это и есть бѣль-горючъ-камень Алатырь“ (Даль, „О повѣр.“, с. 39).

5) Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 395.

6) Манжура, „Сказки“, с. 151.

гнидистой и зузулястой: выймы жало-жалище, а не выймень ты жало-жалище, то буду я просыть ангела, архангела, щобъ тебе избыть громомъ и молніей. А не послушаешь цѣго, то буде тоби то, шо тому чоловіку, шо въ 'оскресный день дрова рубывъ, а не послушаешь цѣго, то буде тоби то, шо тому чоловіку, шо въ 'оскресный день дрова ломавъ“¹⁾.

„Посылала Пречыста черныцю на Сіоньську гору; на тій гори Вавылонь-городъ, у В. г. царыця Вольга. — «Царьце Вольга! чому ты не учышь р. Б., щобъ (гадюка) не кусала?» — Не тилько свій потомокъ поучю, ать и сама передь Господомъ Богомъ крижемъ паду“²⁾.

„Пресвятая Богородыця... На Осіаньськимъ мори стоить дубъ, а въ тимъ дуби — Яруславъ Лазурувичъ. Я-въ Л-чь! не будешъ ты свою гаду збираты, изъ жовтои кости зубы выниматы — полёвойи, медовойи, травьянойи, болотянойи, — побье тебе день Середа. Амишь“³⁾.

„Гадя (З р.)! уними свой яде, а не унимишь свойго яду, — буду гадю заклинать яснымъ солнцемъ, дробными звѣздами и всѣмъ міромъ православнымъ, Михаиломъ Архистратигомъ, чуднымъ Іеремою и вечернею зарею“⁴⁾.

„Вѣрую во единого Бога... Ой на мори — на окіяни, на о-ви на Буяни стоить дубъ, а въ тимъ дубу срубъ, а въ срубѣ — змінный зубъ. Зміи окатиха, опалиха, одилиха, омижиха! Въ чистомъ поли на рябому кони Господь самъ пойизжае, искае зміи окатихи... омижихи. Выймишь изъ р. Б. (в. ихъ худобы) змінный зубъ, та положить гадови въ срубъ, а не выимете, выновати будете“⁵⁾.

„Господу Богу помолюся, Матери Божой Пречистой поклонюся. Изъ-видки сонечко сходитъ, изъ видты я приступаю, Маты Божя помогае и я помогаю, гадыну замовляю. На гори, гори Іонской, на води Іорданской, тамъ лежала гадына Зофія. Гадыно Зофія: прыкажы гаду, щобъ не роспускавъ яду до жовтои кости, до червоной крови, до широкого сердца, до румяного

1) „Харьк. Собрн.“, VIII, с. 72—3.

2) Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 30.

3) Їб.

4) „Могилев. Губернск. Вѣдом.“ 1900 г. № 46.

5) Щербина, „Наговори“, с. 587.

лыця, до р. Б. крещен., священ., молитв. Н. — На Госафатовой долини, на перекрестному шляху тамъ стояли: Сава и Варвара и Мыкола и Покрова и св. Благовищенье. — Ясныя свичи по-свигылы, Господа милосердного просылы и молились и благо-словились за хрестьянску виру за р. Б. Н.“¹⁾

(Прикладывая кислаго молока и „непочатой“ воды): „Сто-явъ дубъ Точка(?). На дубови гадюка Вильга, усѣму гадови пе-кельница и голова. И позволь мини, Вильга, одъ гадыны шеп-таты: и одъ черной и одъ рябои и одъ жовтои и одъ крутиль-ницы-веретильницы“²⁾).

„На чорнимъ мори чорна купа, въ чорній купи чорна гру-ша, въ чорній груши золоте гнздо, въ тимъ гнзди Мла га-дюка, вужъ и вуженята, гадюка и гадюченята. Мла гадюка! збе-ры вужи и вуженята и гадюкы и гадюченята, встромы жыло въ землю“³⁾).

„На Сіянскій гори стоить золота груша, а въ той груши — золоте душло, а въ тимъ душли — золоте гнздо, а въ тимъ гнзди сыдыть царыця — золота Рыще! Якъ не выймешъ ты свое жало изъ чоловика, р. Б. Н., то буде тобі шо тому чоло-викови, що въ субботу по заходи сонця дрова руба, а въ неді-лю отца, неньку проклина“ (3 р.)⁴⁾).

(Надъ водою, которую даютъ пить больному): „На морѣ-океанѣ, на быстрой Боянѣ — тамъ есть гнѣздечко, въ томъ гнѣздечкѣ — царица, веретенница, Елена-гаденица. Скотина по полю ходить, скотина не знаетъ, скотина наступить, скоти-на умереть, тебѣ грѣхъ будетъ, — приходи помощь подавать: изъ черной шерсти зубъ вынимать; если не придешь, то закла-ну тебя на семь лѣтъ“⁵⁾).

„Господу Богу помолюсь, Пречистой въ ноги поклонюсь. — Есть у меня рава, въ той равѣ стоить яблонь золотая, на той яблони кора золотая, голѣ золотое, въ томъ голѣ гнѣздо зо-лотое, въ томъ гнѣздѣ сидить царь Вивъ. Царь Вивъ! унимай

¹⁾ „Кіевское Слово“, № 558.

²⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 107.

³⁾ Ів.

⁴⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 16.

⁵⁾ „Курск. Губ. Вѣдом.“ 1898 г., № 14. (Записано въ слоб. Пѣнѣ, Обоянск. у. отъ знаменитаго знахаря. Перепеч. въ „Этногр. Обзор.“ 1898 г., кн. 2, с. 152).

своихъ слуговъ, какіе на свѣтѣ есть: стеновыхъ, лѣсовыхъ, водныхъ, межевыхъ. Если не будешь ты унимать, то я буду отъ тебя слово знать. Есть у меня день четвергъ, въ который я рожденъ, то я заговорю тебѣ зубъ“¹⁾.

„Господи Боже нашъ! помоги и допомоги мнѣ грѣшному человѣку, а ты змѣя, царице Листрице (вар. — Мистрице) созови свои сестры и посестры, выими свой синій зубъ и синія жилы и Н. р. Б. бѣлокураго ли, черноволосаго ли, русаго ли“²⁾.

„Рей-гадина, обитающая на бѣломъ морѣ, на кудрявомъ деревѣ, запрещаются отъ Матери Б. Преч. Приснодѣвы Маріи, чтобъ ея команды гады, укусившая Н. человѣка (—v. скотину такой то породы и цвѣта шерсти) ничѣмъ не вредила, и изва исцѣлена да будетъ силою и молитвами Матери Б., которая повелѣваетъ уязвленному человѣку Н. омитись непочатою чистою водою“³⁾.

„Первымъ разомъ, лучшимъ часомъ. Господи Боже! мнѣ поможи и допоможи. — Харіе и ты, Хавріе, и ты веретѣльнице, въ мор(н)ѣ на днѣ все воздвиженіе на тебѣ, — заказуйте всему гаду рябому, половому и всему пресмикающемуся на земли отъ р. Б. Н. (v. отъ скотины Н. шерсти), отъ бѣлой кости, жилъ и крови“⁴⁾.

„Змія Корпія, змія Квирита, на што своихъ дзѣцей распустила? Пойду я къ Іисусу Христу. Х. возьмець острый мечъ, пойдзецъ твоихъ рубиць и сѣчь. — Человѣче Божій! ийдзи къ І. Х-у! Я своихъ дзѣцей уйму и имъ жало замору“⁵⁾.

„Во имя 'Тца и Сына и Св. Духа. Аминь. Ђдзя св. Юры-Ягоры на нябеси, на золотомъ кони, выстрѣжая, выгрожая отъ ужа и ярыци, отъ гада таранея (=видъ ужа). Выпусьци своѣ жало трусьимъ пяромъ, рассынься маковымъ зярномъ“⁶⁾.

(Обмывая рану наговор. водою): „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Нынѣ небо было мѣнно (=мѣдное), а змѣя была желѣзна; на небѣ потускнѣло, на землѣ поцарнѣло, зыла змѣя, зыла яго, изъ-подъ липова куста, р. Н. Змѣи вы, змѣи! всѣ вы,

1) Op. cit.

2) „Рукопись А. И. Чены“, с. 126.

3) Ib.

4) Ib., с. 128—7.

5) Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 547.

6) Ib.

моховыя, лѣсовыя; боровыя, ползуцыя, лятуція, збирайцесь, злетайцесь, къ своему царю змѣиному Суходоуму, а ёнъ васъ гониць желѣзнымъ прутомъ къ самому Христу, что вы, не спросившись, бросаецесь, кусаецесь, на цаловѣка кидаетесь. Вуймицесь, вуймицесь, въ землю пропадзице и во вѣки вѣкоу. Аминь“¹⁾.

Царь змѣиный Ирѣ,	Самъ Господь Богъ,
И царица Ирица!	Самъ Илля пророкъ,
Лютыхъ своихъ змѣй унимай:	Тучу цемну, пелену огненну
Первую змѣю дворовую,	И пожнець ты и поцнець ты
Втору змѣю лѣсовую,	И по вѣтру разнесець ты;
Подмежницу, корежницу,	И будзешъ унимаць,
Полевицу, водяницу.	Будзешъ сокращаць, —
Не будзешъ унимаць,	Будзешъ жиць, цариць,
Напусъциць на цябя	Дзяцей выводиць“ ²⁾ .

„Во ймя 'Тца и Сына и Св. Духа. Аминь. Помолимся Господу Богу, Мадеръ Божію просимъ на помощи. Царь Семень, возми жало до сибѣ, — не возмешъ до сибѣ, пойду до Г. Б., до Духа Св., до Кіеўскихъ, Печерскихъ, до усѣхъ преподобныхъ. Выпусъци свое жало трусимъ пяромъ, маковымъ зарномъ“ (3 раза)³⁾.

(Обмывая рану и давая пить наговоренной воды): „Гадъ Яковъ, гадзина Яковица! Гадъ, Гадъ! возми свой ядъ. А ня возмишъ свойва яду, я пойду на 'Кіянъ моря. На 'Кіяни мори ляжыть Латырь-камень. Я съ латыря-камня возьму огню, съ питуна кровьи, выжгу вси мхи, вси болоты, вси крутыи береги. Ня будзиць вамъ ни пристанища, ни прибѣжища. Вѣтка и млада Марго, мая мѣсяца — во вѣки вѣкомъ“⁴⁾.

„Гада (3 р.)! Уними свой яде, а не унимешъ своего яду, буду гадю заклинать яснымъ солнцемъ, дробными звѣздами и всѣмъ міромъ православнымъ, Михаиломъ Архистратигомъ, чуднымъ Іеремою, утреннею и вечернею зарею“⁵⁾.

(Бросивъ въ чашку съ водой хлѣбныхъ зеренъ и кусоч-

1) Шейнъ, Op. cit., с. 548.

2) Ib., с. 548—9.

3) Ib., с. 549.

4) Ib.

5) „Эти. Обзор.“, кн. IV, с. 217 (Ст. Вольтера).

ковъ печенаго хлѣба, даютъ больному пить): „Св. Георгій храбрый распущенъ по всей земли на звѣри, на гады лютые. Гадина водзяная, земленая, слѣпни и вужи, змѣи и вужаки, ярица переярица! Отдайце и возьмице свою жалосць и яросць у р. Б. Н. (в. у скотины Н. шерсти). Если не отдадице своей жалосци и яросци, то не будзець вамъ сбудища ни подъ кустомъ, ни подъ листомъ, ни подъ корнями. Солнце и яркій мѣсяць не будуць вамъ свѣциць и не будзець принимать васъ маць сыраземля“ ¹⁾.

(На хлѣбѣ или водѣ—3 раза): „Пусиха, Росиха, Сохва-Ворохва! Ты ярая, гноявая, гниловая, колодная, болотная! узними жегало свое. А не узнимешъ, то пойду до Господа. Господзь Богъ Исусъ Христосъ пришлецъ ангела-архангела зъ ойстрымъ мечемъ. Енъ цябе мечемъ посѣчець, огнемъ подпечець и пепель твой разодмець“ (3 р. здучь отъ сябе) ²⁾.

„Помяни, Господзи, царя Давыда и ўсю кротось яго и вяликую памяць яго. Судержавъ царь Давидъ воду, зяблю и наши грѣшныя души, судержай жа змѣй скурлупей подпешныхъ, запешныхъ, защитныхъ, гноявыхъ и подмежныхъ, лѣсовыхъ. — На синимъ мори, да на востровы бягиць рѣка Смородзина, черезъ тую ряку ляжиць дубъ гнилый душленастый, а ў томъ дуби сядзиць змяиный царь Сокатынъ. Унимай жа ты, царь Сокатынъ, своихъ дѣтей скурлупей, унимай и жало вынимай и волухъ полегай, и пользу давай. А ня будзешъ унимаць, будзець Господзь грозу насылаць, каменнемъ побиваць, градомъ засѣкаць“ ³⁾.

„На Кыяньской горѣ, на Трыянськой травѣ стоиць яблыня, на той яблыни зылатое гняздо, у т. гняздѣ змѣя-царица Елена. Унимай ты своихъ змѣй водзяныхъ и полявыхъ и лѣсовыхъ, подмежныхъ, подстрѣшныхъ, подкутныхъ и лятучихъ и рябыхъ и черныхъ и перепелѣсыхъ. А ня будзешъ ты унимаць, будземъ кожу твою чартвовать (=четвертовать).— Синій огонь раскладися и рана залячися и жало залякися“ ⁴⁾.

¹⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 550.

²⁾ Ib., с. 550—1.

³⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 176 (№ 72).

⁴⁾ Ib., с. 180 (№ 87).

„Выйду я въ чистое поля, гляну на кіянь-моря, на к.-м. стоиць ясенъ, на ўсё моря красенъ. Я цябе, ясенъ, ссяку, зрубаю и корення твое пораськидаю. — За што ты мяне будзешъ сѣчь и рубаць и корення моё раськидаць? — А за то, што подь тобою ляжиць сливень-сливищовый и ящеръ-кащеръ. — Сливень-сливищовый и ящеръ-кащеръ! унимай своихъ слугъ и заговаривай жалы болючія и зубы кусючія. — Ня будзешъ унимаць, то я буду просиць Ивана Прячачаго, то ёнъ васъ побъецъ и посячець, и ня будзя васъ ни сливня, ни ящера“ ¹⁾.

„Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь. — На мыри, на кіяни, на гарѣ на Сіани, тамъ стаить яблань, залатая ябланка и серебряная. Тамъ хадила и гуляла Мать Присв. Багародица са сваимъ сынымъ Исусымъ Христомъ“. Дальше — просьба къ ней заговаривать. Богор. обѣщаетъ послать трехъ св. Іоргія, Николу Чуд. и Мих. Арх., которые уймуть змѣй. (Обычное перечисленіе мѣстъ жительствова ихъ) ²⁾.

„Господзи помилуй, баслови Господзи! На мори на 'Кіяни, на быстрымъ Буяни стоиць липовый кустъ; подь тымъ кустомъ ляжиць бѣль камянь, у бѣлымъ камни чорна руна, у ч. руни змѣя-шкурлуцея, сестра Палагея, цѣтушка Авъхимья. А ты, змѣя-шкурлуцея, сестра П., цѣтушка А., змирай своихъ змѣй, а то буду просиць Михайла-архангела, — ёнъ цябе громомъ забъецъ, молоньнею спалиць, буйнымъ, буйнымъ поняль разнясець. Уними своихъ змѣй синучихъ, лятучихъ, повзучихъ, земляныхъ, водзяныхъ, навозныхъ, дзерновыхъ, крышачныхъ, берновыхъ, подколодныхъ, корчавыхъ, подмежныхъ, запечныхъ, кочарежныхъ.—Господзи помилуй, баслови Господзи“ ³⁾.

„Змѣя жъ ты вереница, змѣя первовая и друговая, треціевая ...дзесятая — уними свою войску, пухлицу, яросць и жаросць. Ня ўнимешъ жа ты, я ўниму: Господу Богу помолюся, Исусу Христу поклонюся, св. Михайлу-архангела зъ неба спрощу. Раскопаю я ваши пяски, горы и пящеры, выведу я вашъ

¹⁾ Романовъ, *Op. cit.*, с. 184 (№ 100).

²⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 180.

³⁾ Романовъ, *Op. cit.*, с. 107 (№ 276).

родъ и племяня. — Ты водзица-царица, обмый р. Б., — табѣ на синимъ мори слава“¹⁾).

„На мори на Кіяни стоиць дубъ, подъ тымъ дубомъ липовый кусть, у томъ кусти ляжиць змѣя шкуропея. Ты змѣя-шкуропея, а я р. Н. (знахарь): собирай свой народъ съ усихъ сторонъ, со мховъ, зъ бологовъ, зъ нятлѣнныхъ гноевъ, съ темныхъ лясовъ, съ щирыхъ боровъ, исъ крутыхъ межъ; и вынимай змяинный ядъ съ костей, съ мощей зъ русыхъ волосъ. Не послухаешъ того, нашла на тебе Господь тучу, громъ и молонью“²⁾).

„Змія-гадыня, старая скоролюпица, судзержай свой ядъ проклятый — подмежныхъ, водзьяныхъ, полявыхъ, лѣсовыхъ, домовыхъ, усихъ дванатцаць. Не уговоримъ цябе, уговориць цябе Кузьма Дземьянъ, будзецъ цябе сѣчь зялѣзнымъ кнудомъ. На синимъ мори ляжиць камень, на томъ камени лежаць подушачки, на тыхъ подушачкахъ сядзиць Маць Прячистая, сядзиць-высиджаецъ и шовкъ выпрядаецъ и р. Б. помочи даваецъ и раны зашиваецъ“³⁾).

„Хадиль Бохъ съ Мать-Прячистый на зялёнымъ лугамъ, сабирали и рвали разныи травы и прикладали къ змяинный рани. Божкія трость абламилась, змяинная жала атвалилась ать раба... Ать скатины (такой-то шерсти“)⁴⁾). Въ началѣ и въ концѣ заговора — Отче Нашъ. Обращаться къ востоку.

„Поля-полѣмъ, ѣдзя св. Ягорій сивымъ конѣмъ, зъ золотымъ копьемъ. Ёнъ ѣдзя-проѣжжая, усихъ гадовъ побивая, болотныхъ, подколодныхъ, моховыхъ, земляныхъ, дворовыхъ, гноявыхъ, подбуголныхъ, лѣсовыхъ, полявыхъ, водзьяныхъ, межавыхъ, подкаменныхъ. Есь самая старшая Пуцимѣя, Расхоцамѣя, старая Соломонида, — вынь это жигало зъ р. Б.“⁵⁾).

Ишовъ Августъ по широкой дорози, узыйшовъ на крыжавую дорогу; на к. дорози стоиць дубъ, у тымъ дубу змяинный зубъ — кусавъ и рвавъ р. Б. цѣло. — Я твой ядъ вынимаю,

1) Романовъ, Op. cit., с. 107 (№ 278). — „Перечисленіе змѣй основано на повѣрьѣ, будто изъ множества рождаемыхъ змѣю дѣтенышей остается въ живыхъ не болѣе десяти—остальныхъ она поѣдаетъ тотчасъ по рожденіи“ (Ib.).

2) Ib., с. 109—10 (№ 285).

3) Ib., с. 119 (№ 305).

4) Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 186.

5) Ром. V, 117 (№ 322).

коноплянымъ и маковымъ зерцямъ отсыпаю, цябе проклиною и отсылаю къ дубу, къ зминому зубу“¹⁾.

„Бжала царица на комази (?), сустрѣвъ яе высокоеъ годъ: ты царица-синуха, а другая хрипуха, а третьтяя салопаха, сунимай своихъ слугъ старыхъ и малыхъ, ближнихъ и дальнихъ, бягучихъ и повзучихъ, хлявныхъ и сероновыхъ, крапивныхъ и подтынныхъ, земляныхъ и водяныхъ; коли зубъ, то выкинь, коли жало — выпустъ, вамъ тутъ не стоять, кости ня ломать, криви ня псовать и сэрца ня сушить. Икупъ и Икунина, сунимай своего братія жало, — коло р. В. — слово. Дай Богъ на помочь“²⁾.

„Дѣсь-ня-дѣсь, на моры, на лукоморѣи стоить яворъ, а на томъ яворы гняздо, а у т. г. гола (=змѣя).— Гола-голица! сунимай свой гадъ повзучій и лятучій и крапивный и подтынный, водяный и земляный и сирановый и гноявый. — Богъ на няби, а зубъ на зямли. (Сказавъ 3 р., дунуть). — Якъ мой духъ легкоъ, щобъ и табѣ тихенько було да лягенько“³⁾.

„Сливянь-сливянистый, россуцій, повзучій, колозовистый, полозовистый, сляный, нявидущій! на што ты етаго христїанина покусавъ, на што ты яго обидивъ? — Пойдемъ къ Богу судитца зъ ранняя зары до вячернія, а зъ вячернія до звѣздъ, отъ з. до мѣсяца, отъ м. до яснаго сонца, отъ я. с. до Госнода Бога. Вотъ тамъ будя вужу мука и тресканья, лопанья и вяликое выстянанья“⁴⁾.

„Во имя Отца... Ой Самасуй боровой, Гладомиръ моховой! скоро приходи, унимай свои лютыи яды (съ коровы N. шерсти), изъ бѣлыи кости, изъ червоной креви р. В. N.— Уговариваю, умовляю у дни подъ солнцемъ, у ночи подъ мѣсяцемъ, передъ ранними росами, передъ вечерними зарами“⁵⁾.

„Во имя Отца... Пресвитый день и святыи (название дня недѣли). Въ чистомъ полѣ на таковицѣ (= мѣсто, гдѣ водятся змѣи), тамъ высокій курганъ, подъ тымъ высокимъ курганомъ седить царь Халиманъ и царица Ягниа. Туда ѣдитъ св. Миха-

1) Романовъ, Op. cit., с. 119 (№ 335).

2) П., с. 120 (№ 340).

3) П., 122 (№ 347).

4) П., с. 123 (№ 352).

5) „Могилевск. Губерн. Вѣдом.“ 1889 г., № 2. (Перепечатано въ „Этногр. Обзоръ“ 1889 г., кн. I, с. 162).

иль архангелъ съ острымъ мечомъ съ небесною силою. Помогай Богъ, царь Халиманъ и царица Ягина. Доброе здоровье, св. Михаилъ архангелъ, унимай своихъ лютыхъ змѣевъ — летучихъ, ползучихъ, подпечныхъ, падстрѣшныхъ, калиновыхъ, рябиновыхъ, осиновыхъ, суничныхъ, брусничныхъ, межавыхъ, гноявыхъ, водяныхъ, болотныхъ, калодныхъ; унимай лютые яды, рыжеи, ярые жалы р. Б. Н. съ чорнаго волоса, съ бѣлой кости, изъ червоной крови — у дни подъ солнцемъ, у ноци передъ мѣсяцемъ, передъ ранними росами, передъ вечерними зарями. Не будешь унимать, буду золотымъ крестомъ побивать, острымъ мечомъ голову зрубить, по полю мяса расторкать, по сырой землѣ кровь разливать“¹⁾.

(Вступленіе). „О пророкъ Сулейманъ, единый пророкъ С-нъ (= Соломонъ, который, по преданію, зналъ языки животныхныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и проч.),

Вызываю тебя на помощь.

О пророкъ Даудъ (= Давидъ, отличавшійся необыкновенною силою), выжимающій жиръ (изъ желѣза),

Обладающій необыкновенною силою, жду тебя.

О пророкъ Ана-діяръ, о пророкъ Аша-діяръ,

Внемлите моему зову, спѣшите ко мнѣ на помощь!

(Приказаніе). „Обращаюсь къ тебѣ, фаланга, выходи (изъ норы) скорѣе.

Ты во власти Камбара (= величайшій заклинатель змѣй);

Спѣши, не медли своимъ появленіемъ,

Онъ предсталъ предъ тобою;

Если даже на нору твою обрушится каменная гора,

Не зриай на то, выходи смѣло,

Выходи, вцѣпившись въ верблюжью лапу,

Если въ это мгновенье попадетъ она въ твою нору.

(Похвалы) „О фаланга! движенія твои быстрѣ пущенной

Бѣжишь ты быстрѣ быстротекущей воды.

[стрѣлы,

Вылети же (изъ норы) быстрѣ полета ласточки,

Прилети ко мнѣ словно ястребъ-перепелятникъ,

И явись передо мной, какъ на ладони.

¹⁾ Л. с., с. 161—2.

О кленгеръ (bis)! Баба-назаръ-кленгеръ! (слова, обозначающія дородность, мощь)

Выходи съ трескомъ, съ шумомъ и громомъ,

О мой быстрохватаящій, истребляющій, ретивѣйшій!

О кленгеръ (bis)! норка твоя уподоблена

Пестрой, черной и разузоренной ножнѣ.

(Угрозы) „Я изображаю собою жилище фаланги,

Я кровь кара-курта,

Я каса-курбашъ (представитель ядовитыхъ насѣкомыхъ),

Я болѣзнь, посланная Имъ (= Богомъ),

И клещъ, внивающійся въ фалангу,

Я лезвіе алмашной (= острой) пашки,

Я полная луна (—заставляющая выползать змѣй),

Я сѣмя адрасбана (= дикая рута),

Я цвѣтъ ала-буты (= лебеды),

Я конецъ остраго ножа!

Предстань же предо мною, какъ по дуновенію Сулеймана;

Иначе искалѣчу тебя, какъ калѣчитъ иногда Всевышній,

И опущу въ быструю рѣку.

О кленгеръ! выходи же на зовъ

Опрокидывающаго вверхъ дномъ всю вселенную.

Джилау (= трава), растущій подъ джингиломъ (= гребен-
щикъ),

Джалбызъ (= мята) душистый и кекре (= противоядіе)

Пайдуть тебя и уничтожатъ.

О фаланга, фаланга, ты почернѣла отъ моихъ заговоровъ,

Подобно уроду съ растерзанной селезенкой!

О фаланга! привязаль я тебя

Силою волшебнаго заклинанія,

Заковаль я тебя цѣпями Сулеймана!“¹⁾

„На морѣ на лукоморьи стоитъ купа, а на тѣй купѣ ле-
жытъ гадюка: я тую гадюку посѣчу, порубаю и щыре сердце N.
замовлю“²⁾.

¹⁾ Изъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ перепечатано въ „Правительствен-
номъ Вѣстникѣ“ за 1893 г., № 43.

²⁾ Е ф и м с к о, „Сборн. мр. закл.“, с. 19 (№ 55).

„Ой чи не въ того лукоморья зелена лоза! Зелену лозу вѣ-теръ сушить, сушить, листы разносить: одинъ листочекъ въ море внавѣ, другій л. до сердечка принавѣ, третему л. рану лѣ-чыты, рану кѣроваты“¹⁾.

„Змія! у тебя слюна въ ротѣ и у меня — въ ротѣ, у меня слюна въ ротѣ, а у тебя въ морѣ. Вѣкъ по вѣкъ и до вѣки вѣ-ковъ. Аминь“²⁾. (Плюнуть 3 р. и помазать укушен. мѣсто).

„Баі бабу, баеа ти са, зло ти не мисли, дупеа ти чисти. Га са са воарнеа сува, перу не таеа куккошька, та прусаде, та прунеае, та прунеае, тугаф и саса болька да доідеа на сува меа-сту“³⁾.

„Земла землю јела: ни съ ватком ручала, ни съ ватком ужи-нала, ни съ ватком вечерала; ни са зла човека, ни са зле жене. Глогов колац и ражан колач. (— Дуя въ ротъ укушенному—). Изиди, Марија, зове те кадија“ (3 р.)⁴⁾.

(У молитвослову конатичком): „Земла землю полюбила (3 р.): рогом ручак, рогом вечера, рогом постела — не поради оне зле жене, но поради оног доброг човека“⁵⁾.

(Взявъ изъ дома больного кусокъ хлѣба, растиратъ его безымяннымъ пальцемъ на ладони и говорить при восходѣ или закатѣ солнца или въ полдень): „Жинау аш гос ня біяу, гос есатя гряіос девиняріос, аджинги ир аш гос Іонас (имя при міропомазаніи) — Салямонас (имя при крещеніи) аджинги ир аш жинау Іонас—Салямонас“⁶⁾.

„Da User Herr Christus sprach,
Da mich der böse Wurm stach.
Hätt' Christus nicht gesprochen,
hätt' mich der böse Wurm nicht gestochen“⁷⁾.

(Въ Великій четвергъ до восхода солнца говорить у воды):

„Ir Nottan an Schlanga
Ir wesst ni waa ich haite wääs,

¹⁾ Ефименко, „Сборн. мдр. закл.“, с. 19 (№ 65).

²⁾ Аршиновъ, „О нар. лѣч. въ Каз. у.“, с. 140.

³⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, кн. IV, е. 102.

⁴⁾ Милићевичъ, „Живот срба селѣака“, с. 190.

⁵⁾ Иб., с. 190—1.

⁶⁾ М. Гелисъ, „Литовскія повѣрья“ (въ „Ж. Стар. 1890 г., в. I), с. 17—18.

⁷⁾ P g a h n, „Glaube. Brandenburg“, с. 196.

Dass der haitighe Taag
Grin donn'r schich hääst.
Wänn'r mich watt saan äaw'r richa,
Sellt'r 10 Klottan ai d'tade naikricha“¹⁾.

(Прижимая маленькую вѣточку ели, положенную на хлѣбъ,
острымъ ножомъ къ ранѣ, заговорить безъ передышки):

„Dokađ, źmijo, pędzi,

Przez krze i zarośla?

— Syn wylatyje, —

Odrodka nie będzie“²⁾.

(Передъ восходомъ или по закатѣ солнца больной раздѣ-
вается до-нага):

„Die reissende, laufende Gicht
ich beschwöre dich bei dem höchsten Gericht,
ich beschwöre dich bei dem höchsten Mann,
der dir die reissende, laufende Gicht stillen kann. —
Im Namen...“³⁾.

„Guden Abend, Herr Fecht,

Ik bring em hundert nägenunnägentig Gicht.

Numm se mann an,

So bün ik daewan“⁴⁾.

(Взявшись за дубъ или молодой побѣгъ срубленнаго дуба):

„Ekenhessen, ik klag dy

All de ryten Gicht de plagt my.

Ik kann dar nich foer gaen,

Du kannst damit bestaen.

Den eersten Vagel, de oewer dy flügt,

Den gif dat mit in de Flucht,

De näem dat mit in de Lucht.

Im Namen...“⁵⁾.

„Des Morgens vor der Sonn.

In Christi Garten, da ist ein Brunn,

In dem B. liegt ein Stein,

1) Peter, „Volksthüml. aus Schlesien“, с. 289.

2) А. Р., „Изъ польск. суев. въ Литвѣ“ (въ ж. „Wisła“, 1891 г., IV), с. 905.

3) Kuhn u. Schwartz, „Nordd. Sagen“, с. 442.

4) Müllenhoff, „Sagen aus Laenburg“, с. 513. 5) Ib.

Unter dem Stein liegt ein verguldeter Wurm.

Du sollst nicht reissen,

Du sollst nicht beissen,

Du sollst nicht gauhl.

Im Namen“ ¹⁾.

„Eichbaum (вар.—Apfelbaum, Feigenbaum, Fruchtbaum
и др.), ich klage dir,

Die weisse Jicht plaget mir,

Die schwarze Jicht,

Die gelbe Jicht,

Die blaue mehr.

Der erste Vogel, der über diesen Baum fliegt,

Nimmt alle meine Jichten mit“ ²⁾.

„Christi Wunden,

Seid nicht verschwunden,

Seid nicht verhalten,

Auch nicht gekalten,

Auch nicht geschwollen“ ³⁾.

„Gicht, weich aus,

Du reissende, laufende, kalte, Krampf = Blut = und — 77

Gicht.

Das sag ich dir zur Buss.

Im Namen der heiligen Dreifaltigkeit,

Weichen musst im Namen...

O Gicht, Gicht! weiche von mir N. im Namen Jesus Christi,
stus,

Du laufende Gicht, weiche von mir N. im Namen J. Ch.

Christus Jesus herrscht, Ch. J. gebietet von mir.

B. B. D. 77 Gicht im Namen Gottes. + Amen.

Gott segne mich hier zeitlich und dort ewiglich.

L. S. A. O. R. | VcRAREPO | KroEEea |

V. J. Z. R. V. | OEAS. | R.“ ⁴⁾.

¹⁾ Bartsch, „Sagen... Meklenburg“, II, с. 401. (На с. 402—3 еще 9 мелких заговоровъ). ²⁾ *Ib.*, с. 403. ³⁾ *Ib.*, с. 407.

⁴⁾ *Ib.*, с. 408. (Носить эту записку на шеѣ 10 дней, потомъ бросить въ воду).

Omz nada (Wirem).

„Der güt her sant Jop uf ainer misti lag, bis in die maden assind, maden vnd die wirm ie das crist geboren ward von ainer rainin magt zart, vf húb er sin hand, er sprach: ir maden vnd ir wirm, ir si gind gra oder schwarz oder wiss oder rott, ir misint vor mir al ligen tot: der hilf mir min frow sant Maria vnd der hailig crist wen sü disz pferit noffdirfit ist. Ich beschwer dich aietter vnd dropfgicht vnd gesicht bi der hailigen frucht, die Maria bar ze Bethalem ainem Stal, dar du sibrist daz gebain az suber vnd az rain az daz häment, da Maria Gotz Müter ir liebz trutz kind ingeband an disser welt a Gotz namen, amen“ ¹⁾.

„Ich beschwer dich huf, blat (— Geschwür anter er Zunge... das Schulterblatt mit der Gicht —) vnd gesperr (kurzer Athem, Engbrüstigkeit), daz dich der wil hailig aubem derr (=dürre machen, verderben) der Gott uz sim vil göttlichen mund gieng, do er an dem vil hailigen fron ertüz hing vnd gand vs blatt als vnwer (= unheimlich, unliebsam —) sy dir hüt die stat alsz unserm lieben herren der richter waz do er an dem rechten Rechten sas vnd ain falsch vrtail sprach, in dem namen des vaters vnd d. S. und d. h. Gaist. In Gotz namen, amen. Du gangist hüt vf die waid oder vf die haid oder vf die haid oder ze holz oder ze veld, daz dir hüt dü waid alb lüzel müg kain schad sin als unserm lieben (hern) der richter waz do er an dem rechten Rechten sas vnd ein valsch vrtail sprach, an Gotz namen, amen“ ²⁾. (Cp. Mones Anzeiger, VI, 463).

(Рана отъ укушения бѣшеной собаки выжигается и засыпается порошкомъ пшеанской мухи; этотъ порошокъ и чеснокъ даются больному и внутрь; затѣмъ на рану кладется повязка съ медомъ, мелкоистолченнымъ корнемъ цикорія и поваренной солью; заговоръ произносится 9 разъ, при чемъ правая рука лежитъ на больномъ мѣстѣ, а лѣвая на головѣ собаки): „Weisser Hund im Totenreich o komm' zu uns; weisser Hund im T.

¹⁾ Birlinger, „Altd. Besegn.“, с. 507—8.

²⁾ Ib., с. 508.

belecke diese Munde; trage das Gift den Toten; sie sollen das Gift verbrennen. Wir brennen und klagen jammern und schreien, und du wirst unsichtbar kommen, damit du uns helfest! Die Urmen lieben uns, die Urmen helfen, sie bringen uns deinen Speichel“¹⁾.

(Иногда выжигаютъ раскаленнымъ гвоздемъ нарывчики подъ языкомъ, говоря): „Ich steche dich, ich töte dich, weil du nicht der weisse Hund des Totenreiches bist! Sieben Ketten fesseln dich und siebenmal zerreißen wir sieben Ketten. Gott im Himmel helfe uns“²⁾.

„Izan + liran + kyrian + capharan + cakapharan + stolidon“³⁾.

(Написать на хлѣбѣ и дать съѣсть): „Gryzia gryzda dropty fibren et Deus meus item ira Dei kirikion stolidus“⁴⁾.

„Maria ging in einen Grund, behielt den Namen Gottes in ihren Mund, und schlug damit den bösen Hund“⁵⁾.

„Hund, du halst deinen Mund
Und deine Zähn',
Und lass mich gehn“⁶⁾.

„Als Mutter Maria geboren war
Und als sie den ersten Hund sah,
Da sprach sie: Hund! sei stille,
Gottes Wille, G. Wille“⁷⁾.

„Mutter Maria ging über Sand und Land,
Sie hatte einen Stab in ihren Hand;
Sie führte Gottes Wort im Mund,
Damit schlug sie den bösen Hund.
Im Namen...“⁸⁾.

(На запискѣ дать проглотить въ хлѣбѣ): „Bell + Visa + Cass + Choro + Homo + Natus +“⁹⁾.

1) Wlislowski, „Volks Glaube... Zigeuner“, с. 162—3.

2) Ib., с. 163.

3) Lubicz, „Dwa zamawiania starożytnie“ (изъ рукописи XV в. — въ „Wiśła“, 1891 г., в. III), с. 570.

4) Ib., с. 571 (изъ рукоп. XVII в.).

5) Prah, „Glaube... Brandeuburg“, с. 197.

6) Ib.

7) Ib.

8) Bartsch, „Sagen... Meklenburg“. с. 449.

9) Ib.

(Зажать большіе пальцы межъ ладоней): „Hund (3 р.), |
Leg du deinen Mund | Auf die Erden! | Mich hat Gott erschaf-
fen | Und dich werden lassen. | Im Namen...“¹⁾).

(До восхода солнца взять камень рукой, обернутой въ платокъ, и этимъ камнемъ гладить рану; потомъ камень положить на мѣсто):

„Oll Slang stekt
Spitzmus bitt!

Es gingen drei gottselige Mägde aus, Blumen zu pflücken:
Was fanden sie?

Eine Adder, eine Schnack und eine Spitzmaus.

Du bist mit Gift belegt!

Hiermit still ich dich im Namen...

Gift sta,

Treck' af un verga“²⁾).

„Adam un Ew gingen an Strand,

Da sünen sie vel Addern un Schlang.

Adam un Ew gingen to rechten Hand,

Adder un Schlang gingen to linker Hand:

Damit de Gift verschwand“³⁾).

„Die Adder beisst,

Die Schlang die sticht,

Die Spitzmaus sticht,

Mutter Maria bespricht,

Die zwölf Apostel

Sollen den Geist heraus nehmen.

Im Namen...“⁴⁾).

„Въ Краковѣ стоитъ Пресвятая Богородица въ золотой головѣ (— вѣроятно, по польски стояло *złotogłówa* — золотая ткань, парча). Собирайтесь теперь все ужы, змѣи и гады, отпустите свои яды, ибо всемъ вамъ сотру, свершу головы“⁵⁾).

¹⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, с. 518.

²⁾ Bartsch, Op. cit. с. 453.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Ib., с. 454.

⁵⁾ „Этн. Обзор.“, кн. IV, за 1890 г., с. 218 (перепеч. изъ „Виленск. Вѣстн.“, 1890 г., № 76).

„Zostyna szyfela zara niegiedy karna zos. Jedyca pestyca Czynise pestryce dy plice, pemolice dy karne-karna zos istet jejszmel polos dosz kontiku-kontiku de le mendre lekcene ades zaseszy szy waca nu ara“ ¹⁾.

„Sarp nutes Sirkiwajen,
Nutes sarp Sirkiwajen,
S-n nutes sarp“ ²⁾.

„Sta, serpens, uti stabat Sanctus Johannes, dum Christum baptisavit“ ³⁾.

„Sedł Pan Jezus ze świętym Pietrem droga,
Święty Piotr sie pozostał, a Pan Jezus oberziół:

— Chodź Pietrze!

— Nie mogę, bo mie ukąsiła zmija w nogę.

— Zatrzyj piaskiem, wymyj wodą,

Zadne żmijowe jady tobie nie zaszkodzą“ ⁴⁾.

„Ἀκογε, φεΐδιν (= ὀφείδιον), τι μας ἐμήνυσεν ἡ κυρά μας ἢ ἀφιγιώτισ(σ)α (sic!) ἔπαρε τὸν λαὸν σου καὶ τὸ γενολόγιον σου καὶ ἔλα νὰ ὑπάμε (= ὑπάγωμεν) εἰς τὴν πηγὴν. μήτε ἔλθης μήτε φανῆς εἰς κλίνην σου ἀπομείνης ἀπὸ ἡμεῖς (sic!) ἐψετά ἄμπαχα αὐτοῦ φαγεῖν, στῶμεν καλῶς, σ. μετὰ φόβον θεοῦ, ἀμήν“ ⁵⁾.

„Πόρρω, πόρρω, ξανόν, πόρρω ποπανόν, πεκαμαζάκι, τὸ πλήρες Σαβαώθ, ὦρα παρερετέμι, ἀκή παρακατάρατε, ζάζαρε ζαπερτούρα ποτιμαινοῦ κλαῖσμα θεοῦ πανᾶριστε“ ⁶⁾.

„Молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери, благодатный Свѣтъ міра, отступи отъ меня, нечестивый, змѣя злая, подко- лодная, гадина люта, снѣдающая людей и скотѣ. — Яко комары отъ облаковъ растекаются, тако и ты, опухоль злая, разойдись, растянись отъ р. Б. Н. — Всѣ свв. и всѣ монастырскіе братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святыи лики! станьте мнѣ на помощь, яко в дни, тако и въ нощи, во воякомъ мѣстѣ р. Б. Н. Аминь“ ⁷⁾.

1) Руликовскій, „Зап. этн.“, с. 113.

2) Ib.

3) Ib., с. 114.

4) Siarkowski, „Mater.“, с. 52.

5) Васильевъ, „Пам. Виз. л-ры“, т. I, с. 334—5.

6) Ib., с. 335.

7) Даль, „О повѣр., суев.“, с. 37—8.

[Dum serpens venit ad te pro morsura sua, vt non mouet pedem dextrum et fac signum et forma pedem dextrum cum cutello in foruo incipiendo, sic inferius continens (= continuans —) in forma pedis, dicendo Pater noster, aue Maria, tribus ficibus, et sic circumda pedem cum cutello tribus vicibus. Hys omnibus factus et operatus (= factis et operatis), tunc tolle aquam in vna patella et pone inter dictam aquam hanc pulueram et facua dictam ista camisia dicendo]; «Inferis vobis vnum fiat tegnum (— regnum —), vnum venilum (— venenum —), carra caruze sanum tolle raduse ei hic et manuell»: Talis vinita (— finita—) tunc fernis (—fermis—) moriatus et sic facua tribus vicibus decemb (—dicens—) his verbis et postea da bibere aquam in sitim et liberetur. Plus dico tibi, quos (— quod—) si non fuisset licidum (—licitum—), quid iget pueri (—quod iret puer?—) ad te et mitteret vnum nuntium, tunc dicas: «vis accipere malum?» — Sy dicat: „non“, tunc dicas: „accipe secure“, et fac eum dicere: „volo accipere“. Quando tunc fac (— facit—) omnia supra dicta, tunc venit venenum statim ab illo et dicaret supra sanibus et continuo et qui morsus fuerit et ista litera similiter est certissime probatum est“¹⁾.

(Во многихъ мѣстахъ Сициліи обращаются къ св. Павлу съ такою молитвою): „St. Paolo du Zauberer, töte dies Tier, welches Gott feindlich ist und rette mich, denn ich bin Sohn der Maria“²⁾.

(Изъ уставн. сербск. требника 1423 г., Моск. синод. библ. № 307, л. 196 об.—197 об.): „Въ име ѡца и сѣа и стго дха. — Иногда гонитель нѣа же чтныи съсоуд изыдохъ ѡ обѣтелища моего въ Сикелію и съграмажъшоу ми соухы розгы и абіе ехидна изышьши оуѣжкну ме въ десную роукоу и ѡбѣсисе. Аз же имѣе въ себѣ силу стго дха и сію ѡрѣсь въ рожѣни пламене, и съжежена бѣ вса до конца. И ни единуже пакость пріемль ѡ оуѣжкновеніа ѣе въ сѣнь прѣложихсе и пришь аггль великыи Михаилъ и възгласи глѣе: «Савле, Павле, встани и въпріими сію книгоу и ѡбрѣщеши слово написано, сице глѣюци

¹⁾ Oswald von Zingerle, „Segen“, с. 317.

²⁾ T r e d e, „Das Heidentum in der römischen Kirche“, с. 177.

заклинаю ва̄ бывшихъ ѿ̄ и половину рѡвъ, звѣри пользающіѣ по земли въ Бѣ сѣтворшаго нѡбо и землю и въ непоколѣбимыи прѣ-столь. Зміа пакостнаго заклиная те въ рѣку огнѣную, иже ис-ходитъ ѿ̄ подножіа ногоу г҃ію, и Бѡу и Сїсу нашему Іу Хѡу и въ неговѣхъ беспилтнѣ аг҃лѣ, и василинскаа зміа рѡвъ, зміа тетрахалина, з. додекахалина, з. лагодрома, з. и схи́дну, иже имать въ десной странѣ адѣ. Що же либо аще оумрътъ немощно иѣ ему ѡжити. Еще же кѣд (=24) рѡвъ свалкъ, идѣже пости-гнѣтъ вѣрнаго и ст҃го ап҃ла мѣтва и запрѣщеніе сіе въ кои абіе ча̄ оухапавшіи зміа оумреть члѣкъ же оумзвлєнь ѿ̄ нѣе живѣ боудеть: въ славу ѡцу и сїу и стѡму дѣоу нѣа и р҃но и въ вѣ-кы вѣко̄" 1).

Напоить больного наговоренной водой и помазать рану (изъ рки. сб. XVII в.):

„Во имя О. и С. и Св. Д. Се азъ Павель, преже наре-ченнѣй Савль, бысть гонитель и каменіемъ вся сосуды св. Д. побивахъ, а нынѣ рабъ и ап҃л хр҃въ: плывущу ми по морю къ странамъ ликинскимъ и, ко острову потщавшесе, изыдоша вси изъ корабля; изыдохъ и азъ, еже собрати рождїа нѣкая. И скочивши отонуду, ехидна нѣкая обѣси ми ся на десной ру-цѣ. Азъ же, имѣя въ себѣ Св. Д., и отрясохъ ю на восходя-щїй пламень, и сожжена бысть до конца, и ни единѣя же па-кости прїяхъ отъ усѣкновенїа ея, и въ сонъ преложихся. И явился во снѣ архн. Михаилъ и возгласи мя, г҃ля: «Павле, рабе г҃день, возстани и прїими книгу сію и обрящєшь въ ней вообра-женїе написано не о единомъ страждущемъ, но о многихъ». — И возставъ, прїимъ книгу, обрѣтохъ въ ней написано еще: «за-клиная васъ ѵ̄ и ѿ̄ и ѣ (=465) и половину родъ звѣринъ, пол-зающихъ по земли, во имя Г҃да нашего І. Х. сотворившаго небо и землю и въ престоль его недвижимый и во огненную рѣку, исходящую отъ подножіа Г҃да нашего Іс. Х. и во множество свв. ангель его, прїимшихъ отъ него власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію, змію вредящую и васили-ска и аспіда, и змію облаковидную, з. огневидную, з. власяно-видную, з. дубовсходную, з. врановидную, з. слѣбую, з. стрѣль-

1) Тихомировъ, „Пам. отречен. л-ри“, II, с. 353—4.

ную, з. черную, з. триглавую, з. удающую жены, ехидну морскую, имущую ядь въ десной челюсти, еще же и скорпию, духовеніе дѣволе». Идѣже присѣбеть св. апѣла Павла прещеніе, еже проповѣдася звѣри ради всяко всегда умреть звѣрь, а врененный исцѣлѣеть во славу божію. Аминь“¹⁾.

„Во имя Отца и С. и Св. Духа. — Азъ Павель гонитель быхъ, и камене метахъ на честныя съсоуды і изыдохъ крѣпостію своею викликаю и собрахъ ячесъинья (?) много і абіе тоу ехидна изыде отъ теплоты и обѣсилась на деснѣи руцѣ. азъ же духъ святыи имый. оттрясохъ на восходящій пламень, азже ничтоже не приимъ зла отъ сея вещи на сонъ се обратимся. и пришедь архангелъ михаиль возгласі мѣ глаголя савле. савле вѣстани приими книги сия. и обрящещи внихъ писаніе. писаное. не о единомъ стражоущемъ. но и о мнозехъ—и оутро воставъ. прияхъ писаніе. и бѣ написано сице. заклинаю васъ оу и во родовъ звирѣнихъ. пакостящихъ на земли. въ бога сотворшаго небо и землю и престоломъ его истиннымъ и огненною рѣкою. исходящая исподножия. Господа Бога спаса нашего Іис. Х. и множествомъ свв. его аггелъ. змя пакостящия, змя дванадесятеоузднаго. змя на доубъ восходящия и василиски зми родного. змя облакозрящия змя слѣпоока безоочиваго змя врановидца. Тажъ и ехидну лютоую. имущія ядовы вдеснѣи ланитѣ. іже аще оухонитъ чѣа не возможно есть исцѣлѣти емъ. еще же 24 родове негиблящійся“²⁾.

(Апокрифич. молитва св. Павла отъ укушенія змѣи):

„Εν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐγὼ Παῦλος διώκτης καὶ λιθοβολιστὴς γέγονα τῶν τιμίων σκευῶν καὶ ἐξήλθον ἐν τῷ θάρσει μου εἰς Σικελίαν καὶ συνάξας φρυγάνων, πλήθος ἐξαίφνης ἐκείθεν ἔχιδνα ἐξεληθούσα ἐκ τῆς γῆς ἐκρεμάσθη εἰς τὸν δεξιὸν μου ἀντιδάκτυλον. ἐγὼ δὲ πνεῦμα ἅγιον ἔχων ἀπετίναξα αὐτὴν ἐν τῇ φλογὶ τῆ ἀναφθείσῃ καὶ ἔκαιεν μετὰ τῶν φρυγάνων, ἐγὼ δὲ μηδὲν παθὼν δεινὸν ἐκ τοῦ δειγματος εἰς ὕπνον ἐτρέπην. Καὶ ἐλθὼν ὁ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ ἐξεφώνησεν μοι λέγων. Παῦλε (bis), ἔγειρε καὶ δέξαι τὴν βίβλον

1) Тихопратовъ, „Пам. отречен. л-ры“, с. 354—5.

2) Каратыгинъ, „Апокрифич. молитвы“, с. 447.

ταύτην καὶ εὐρήσεις ἐν αὐτῇ ἱστορίαν γεγραμμένην οὐκ ὑπὲρ ἑνός πάθοντος, ἀλλ' ὑπὲρ πολλῶν. Καὶ περὶ ὄρθρου ἀναστὰς ἐδεξάμην τὴν βίβλον ταύτην ἧς ἐνυπῆραεν γεγραμμένον οὕτως. ἐξορκίζω ὑμᾶς, τὰς ἐξήκοντα πέντε ἡμισυ γενεὰς τῶν θηρίων τῶν ἐρπόντων ἐπὶ τῆς γῆς εἰς τὸν θεὸν τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ τὴν θάλασσαν, καὶ εἰς τὸν θρόνον τὸν ἀληθινὸν καὶ εἰς τὸν πυρινὸν ποταμὸν τὸν ἐξερχόμενον ἐκ τοῦ (ὀ)ποποδίου τῶν ποδῶν τοῦ Κυρίου τοῦ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ εἰς τὸ πλῆθος τῶν ἀγίων ἀγγέλων αὐτοῦ ἕφιν τὸν βκάπτοντα καὶ τὸν βασιλίσκον ὀράκοντα τὸν γενναῖον, ἕφιν τετραχάλινον, ἕφιν τὸν δε(ν)δρωναβάτην, ο. τ. δωδεκαχάλινον... λαγοδρόμονα νεφελοειδῆν... τυφλὸν καὶ ἀόμματον... κορακοειδῆ καὶ ἔχιδαν τὴν σκοκίαν τὴν ἔχουσαν τὰ φάρμακα εἰς τὴν δεξιᾶν αὐτῆς σιαγῶνα· ὃν ἂν δάκνη ἄνθρωπον ἀδύνατόν ἐστιν τοῦ ὑγιᾶναι. ἔτι δὲ καὶ ἕφιν τὸν σκόρπιον τὸ ἀποφύσισμα τοῦ διαβόλου, ἐπεὶ δὲ καὶ τὰς εἴκοσι τέσσαρας γενεὰς τοῦ ἀσπαλάγγον. Ἔως οὗ φθᾶση τοῦ πιστοῦ καὶ κεχαρισμοῦ Παύλου τοῦ ἀποστόλου τὸ ἀφρόκτισμα καὶ ἡ ἐπιτίμησις δειχθῆ, εὐθὺς ἰαθήσεται εἰς δόξαν θεοῦ, ἀμήν. (Αὐτὰ ἐξορκισὸν ὕδωρ καθαρὸν, πότισον καὶ ἄλειψον τὸν ἀδικηθέντα, εἰ δὲ ἔστι μῆκοθεν ὁ ἀδικηθεὶς, τὸν λαλήσαντα πότισον καὶ ἰαθήσεται ὁ ἀδικηθεὶς)“¹⁾.

Уразъ (болѣзни матки, смѣщеніе матки послѣ родовъ или тяжелыхъ усилій; матица, золотникъ; при затруднительныхъ родахъ и выкидышѣ, при неисправности менструаціи; поруха, Mutterweh; при затруднительномъ выходѣ послѣда).

„Матка“ у мужчинъ — органъ, помѣщающійся въ здоровомъ состояніи вправо отъ пупка, а когда сойдетъ съ мѣста, — производитъ разнообразныя боли въ брюшной полости; поэтому при заговорахъ его стараются заставить стать на свое обычное мѣсто (Милорадовичъ). — Къ „золотнику“ (матка у женщины) обращаются, какъ къ существу живому, прося его „отыскать свое дорогое мѣсто“ (Крушевскій, с. 44).

„Уразъ-уразыще! Божій чоловіче! тутъ тобі не стояты и паростивъ не пускаты, по-за кульшамы не зайидаты, у поне-

¹⁾ Васильевъ, „Сборн. пам. Виз. х-ри“¹⁾. I, с. 330—1.

реку не ломыты, щырого сердца не пудыты, за плечыма не знобыты и въ голову не быты, и билого тила не ялыты. Я шепчу, я и вышиптую изъ твоихъ жыль, изъ твоихъ пажыль, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ твоеи головы, съ плечей, съ карыхъ очей, изъ твого хребта, изъ твого поперека, изъ твого живота. И я тебе вышиптую, я тебе зъ крыживъ и чересель выбираю, тебе на мистечко, на золотому крыслечку проты пуна тебе остановляю. Тутъ тебе Господь зародывъ, т. т. Г. узакониви; тутъ тоби, вразыку, йисты й пыты, роскошно на свити жыты, нарощеного, м., крещ. прычащенногo р. Б. Н. не сушыты“¹⁾

„Уразъ-вразочку, пунивъ-браточку! Тоби тутъ не стояты, въ головоньку не быты, по жылахъ не ходыты, серденька не тошыты. Сгорныся, скотыся, на золотимъ кресли коло пуна посадыся“²⁾.

„Уразъ-уразыще! тутъ тоби не буваты, тутъ тоби не стояты! Де ты народывся, де ты нахрестывся, тамъ соби установыся, тамъ соби й ократыся. Ты на мори родывся, на Ордани рички хрестывся, нарощеному, м., хр. р. Б. Н.“³⁾.

„Уразу, уразу! ты ёго й князю. Тутъ тоби не стояты, жовтой кости не ломаты, червоной крови не пыты и серденька не сушыты. Иды на свои миста, де тебе маты вродыла, я тебе остановыла. Тамъ соби оселыся и остановыся. Матирь Божа остановляе, чоловіку здоровья посылаетъ“⁴⁾.

„Уразу, уразыку, ты мій братыку! де ты родывся, тамъ ты окореньывся. Вразу-вразыку, ты не парубокъ, а я не дивка. Стань соби на мисти, на мистынци, на парубоцькому крыслыци. Тамъ тоби селытыся, тамъ коренытыся, тамъ тоби золотытыся, тамъ тоби стояцы и парусы свои пускаты. Нарощеного, м. N“⁵⁾.

„Уразу, уразыку, мій братыку: ты рожденый, ты молытивняный, ты хрещеный! Тутъ тоби не стоять, паростивъ не роспускать, жовтой кости не ламать, пидъ груди не пидступать. Не я тебе вызываю, а Матирь Бога тебе вызыва, и святы угодныкы стаыте мени въ велькій помощи!— Шокры я тебе

1) Милорадовичъ, „Нар. мед.“, с. 327—8.

2) Ib., с. 328.

3) Ib.

4) Ib.

5) Ib.

не знала, то я тебе не вызывала, я тебе не выкликала. А теперь я тебе вызываю и выкликаю: та брось м., р. N., стань соби на мистахъ“¹⁾).

„Матка-матыще! стань на мисци—на мистыщи, на дивоцькому крыслыщи. Тутъ тоби не стояты, въ жылы не шыгыаты, свое дило сполняты. Тутъ тоби не сельтыся, т. т. не коренытыся. а тутъ тоби золотытыся и на своёму мисти окоренытыся“²⁾).

„Иду я золотымъ мостомъ изъ золотою натерыцею: патерыцею подпираяся, матки пытаюся: де ты народылася, де ты охрестылася, де ты й святылася, — на те мисце садыся, на те мисце криностыся. N. нарожденій, м., хрещеній“³⁾).

„Уразу-уразу! ты хрещеный и мотытвяный, ты зъ маткою хрестывся. Тутъ тоби не стоять, жовтои кости не ламать, червонои крови не ссаты. Се не я вызываю, а-се М. Божа выкликае. Г-ды мылостывый, Святїи угодныкы Петро и Павло, Андрею и Мыколаю“⁴⁾).

„Г-ды, поможы мени. М. Божа, Мыколай угодныкъ Б., великый чудотворче, поможы мени, нарожденій, м., хр. N. вышинтувать уразъ! Я тебе й вышинтую, я тебе й выкликаю и зъ твого живота, одъ билого лыця, одъ щырого сердца. Уразе-уразочку! Надинь биленьку сорочку та покотыся маковымъ зернышкомъ. Тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не пыты, лыця не тошныты, сердца не въялыты. А иды соби на свое мисто, на золоте кресло, де тебе Г-дъ узаконывъ, на мисти постановывъ. Тамъ тоби пытинье, тамъ тоби йидинье, тамъ тоби легке одпочивания. — Ишла баба мостомъ, пидпиралася золотымъ цинкомъ. И встричае самъ Спаситель и Маты Божа. Куда ты, бабо, идешъ? — Иду нарожденій, м., хр. N. шептать, одъ уразу помагать“⁵⁾).

„Ишла я мостамы, золотымы костамы, зострила мене Божая Маты: куды ты, нарожена, молитвяна, хрещена N.? — Пиду нароженои, м. N. одъ уразу шептаты, Г. Бога прохаты. Уразъ-уразыще, поруха-порушыще! Якъ тебе Г-дъ завязу-

1) Милорадовичъ, Op. cit., с. 328.

2) Ib., с. 333.

3) Ib.

4) Ib.

5) Ib.

завъ, сядь соби на мисти, на золотому кресли. Тутъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, сердца не вьялыты, жылъ не тягты. Не я вышинтую, М. Божа вышинтуе, М. Б. выклькае одъ твоихъ ногъ, одъ твоеи головы, одъ твоего ровного (=румянаго) лыци, н., м., хр. р. б. Н.“¹⁾

„Поможы мени М. Б. сю матку прышыныты и сею уразу остановыты и золотныка, Б. чоловика, уякорыты. И не я жъ ихъ вызываю и не я помичъ посылаю. Покры не стала я знаты, одъ Бога помочи прохаты; и вси небесни апостолы станьте мени у помочи. Поможы мени, М. Б., сего уразу остановыты. Ишла М. Б. золотымъ мостомъ и золотымъ ципочкомъ на Осіяньску гору пидпираючысь и до р. Б. Н. поспишаючи и сего враза прышыняючи. И ты уразъ, уразыще! И ты ему братъ и сестрыця, изъ матычныкомъ, изъ Б. чоловикомъ, не зустричайсь и на свое мисто зостановляйсь. Ты, матишныче, ты и Б. чоловиче! Ты, струбована, ты спрощевана, ты насередна, ты й колюча, ты болуча, ты сопротывна, и сустритена и позавыдувана. Аминь, и судъ судомъ, и викъ викомъ. Ты, золотныче, Б. ч-че, оставайся на своемъ мисци, на золотому кресли“²⁾.

„Г-ди И. Х-е. Во имя О. и С. и Св. Д. — Жидове самого Христа понимали, на кипарисномъ древь — на крестѣ распинали, жезломъ ребро прободали, а не видѣлъ самъ Исусъ Х-съ и Царь небесный на себѣ не видѣлъ не крови, не раны, не щепоты, не болѣзни и не опухоли. А такожь на мнѣ на р-бѣ б-мъ имрекѣ не быдъ не крови, не раны, не ш-ты, не б-и и не опухоли“³⁾.

(Глядя крестообразно животь): „Всѣ святые святочки, годовые празднички, прійдите мнѣ на помощь, а ей на поратуюнокъ. — Золотый золотнычокъ! чого ты забывся, изъ миста звалывся, чы ты зъ подымкивъ, чы ты зъ подавкивъ, чы ты молошный, чы ты урочный, чы ты паньскый, чы ты цыганьскый, чы ты попивськый, чы ты жыдивскый, — сядь ты на

1) Милорадовичъ, Op. cit., с. 334.

2) Ib.

3) Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, с. 259.

своему мисти, на золотымъ креслечку, где тебе самъ Господь Богъ посадивъ зъ апостоламы“¹⁾.

„Господы мыни поможы! Першимъ разомъ, луччимъ часомъ. Стань мини на помочи видь великой немочи. Ты вразувразочку, Божій чоловічку! посунься и покатыся тыхесенько й легесенько. Тутъ тоби не стояты, червоной крови ны сушыты, жовтойи косты ны ломыты. Я тебе вызываю, я тебе выкликаю, я тебе вышинтую, видь її рукъ, видь її нигъ, видь її пальцивъ, видь сымыдысяты суставцивъ, видь її русойи косы, видь її щырого серця. Иды соби на очерета та на болота, де дивка косы не чеше, де парубоцькый голосъ не заходе“²⁾.

„Залатникъ, залатый, не хадзи на касцяхъ, не лами касцей, ня пій криви, стань на своимъ мѣсцѣ, на залатымъ креслѣ, гдѣ Господь Богъ б(л)агаславіу якъ на гѣтый свѣтъ нарадіу, абярнися маковымъ зерниткамъ“³⁾.

(Говорить 3 × 9 разъ, «выбираючи», т. е. устанавливая матку на мѣсто):

„Вызываю, выкликаю,
Зъ жовтойи косты,
Зъ червонойи крови,
Зъ 70 суставивъ матку.
Тоби, сухой дубе,
Не розывацця,
Тоби, матко, тутъ
Не розжывацця,
А тоби, матко,
На золоте кресло сидать“⁴⁾.

„Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Господу Богу помолюся и Матцы Прач. поклонюся съ усими силами нябесными. Кіевскія, пачерск., уси правяднички праподобныя, станьтя жъ вы, господухночки на помочъ р. божай. — Хилица ты царица, родила жъ ты двананцать сыновъ, съ дван. одинанцать, съ од.

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 129—130.

²⁾ Иващенко, „Шептаія“, с. 176.

³⁾ Ф. Варенкъ, „Przyczynek do lecznictwa ludowego“ (Цитир. по ст. Е. Карскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1900 г., XII, с. 496).

⁴⁾ Иващенко, „Шептаія“, с. 177.

10, съ десятѣхъ 9, съ девятѣхъ восьмъ, зъ восьмехъ семь, съ сямехъ 6, съ шастѣхъ 5, съ пятѣхъ чатыры, съ чатырохъ тры, съ трохъ два, зъ двоухъ одинъ. Той жа одинъ старшій и большій поможи и подыми и на мѣстячку золотничокъ постанови.— Да ня жъ тябе пару, да ня яжъ тябе отбавляю, а тябе Св. Сохвея пара и отбавляя, золотыми ключами замыкая и нямецкими замками залирая. И золотыя шыны затынитися и золотыя ключи замкнитися и царскія ворота зачинитися и ко ўрэмю отчинитися. — И ти рыбочка, ты вокунецъ выдари, покуля табе выйде твой рачанецъ, безъ мойго числа, безъ мойго вѣдома.— И прасв. Мать Бугародица сама ты раждала и насъ создала и намъ помочи дала и царскія ворота отчиняла и зачиняла. Св. Серада стань, господиночка на помочь рабѣ божай. Отъ Бога помочь, а мой духъ¹⁾).

„Золотникъ золотнича, стой на своемъ мѣсци на золотымъ кресли. Якъ мяртвому ня ўставать, по зямлѣ ня ходитъ, росы ня топтать, такъ табѣ съ свойго мѣста ня сходить, кости ня ломить, жилъ ня сунитъ, живота ня тошнитъ“²⁾).

„Госп. Б. помолюся и матари божай прикл. и съ сыномъ яе. Ишовъ Г. Б. Сусъ Хр. по золот. горѣ нясли золотые ключи. Зол. ключи замкнитися, р. б. косьти сыйдитися, а животы остановитися на свое на мѣсто на золотое кресло. — Якъ китъ рыба на мори не боитца ни тучи ни хмары, такъ и ты р. б. не бойся ни убиванья, ни валянья, чижолаго подыманья, такъ и вы животы становитися на свое на мѣсто на золотое кресло.—Якъ дубъ на корани нядвигаимъ, нярушимъ, такъ у р. б. нядвигаимо, нярушимо и съ свойго мѣсто ня трогаецца³⁾).

„Матаръ б. цар. нябесн. приступися р. божаго золотника подымати. Золотникъ-золотница и ты животъ-животица стань ты на своемъ мѣсти на золотомъ кресли, якъ тябе мати родила на золотомъ кресли садила у краснянкомъ ковначку и шавковьянкой шапочцы. Красн. поясомъ потпяразався, у боки узявся, по животу ходивъ и сэрца знобивъ, подъ боки подлягавъ, и дыхатъ ня пускавъ, якъ я тебе не говорила; а тяперъ я говорю

1) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 53 (№ 1).

2) Ib., с. 60 (№ 34).

3) Ib., с. 55 (№ 8).

выговарую, — табѣ золотникъ на стояннѣ, а рабѣ божай на здоровѣя“. („Можно и мушци якъ надорвѣтца“) ¹⁾.

„Водзица царица божжа помощница. Якъ гэтой водзѣ на мѣсьци не стояць, не гуляць, такъ гэтому золотнику по животу не ходзиць, у косьци не стояць; стояць яму ў кресьци у золотымъ мѣсьци. — Св. Михайла-архайла на помочь р. Божжай Матруни“ ²⁾.

„На неби вясѣль мѣсяць, на мори бѣлый камень, а ў лѣси чорный мядзвѣдзь. Якъ тымъ тромъ царикомъ не сходзитца, не воеватца, так у рабу божаю золотнику ня 'трыгатца“ ³⁾.

„Господзи Божа богослови, маць прац. поможи. Заговору ю р. божай Агани золотникъ золотый: стань ты ў кресляхъ, на своихъ мѣсьцяхъ. Якъ яна ў дзѣвкахъ бувала, цябе не знала, такъ цяперыцька на стани ставися. Якъ цябе подъ хрѣсть подносили, у Бога доли щасьця просили, а я ў Г. Б. добраго здоровѣйка“ ⁴⁾.

„Господзи Божа богослови и Маць Пряч. поможи! Отпиршаю Г. Б. и Яна Хрысцицеля. Закрываюця, заберегаюця своимъ часнымъ Хрястомъ. — Якъ на морѣ, на лукоморѣ тамъ ляжиць бѣль камень, а на т. камни сядзиць Мацерь Божія Бугуродзица Трїярушница, господнѣя, божія преподобница. Упиршаю жъ я Г. Б. кажную часиночку, к. годзиночку, — опростаю Господзи р. б. Матрюну; пусьци Г. ету душухну нарожденую сотворѣную на етый свѣтъ на будущій вѣкъ. — Живъ Богъ — жива и душа“ ⁵⁾.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Изъ города Иерусалима идетъ Иисусъ Христоръ. — Мати Марїя родила сына Иисуса Христа, не болѣвши, не стонавши и люде не слыхавши“ ⁶⁾ (Наговоренную воду дать больному выпить).

„Отпирайте, отпирайте. — Отперли, отперли. — Запрягайте, запрягайте. — Поѣзжайте, поѣзжайте. — Поѣхали, поѣхали. — Ъдутъ, ѣдутъ!“ ⁷⁾.

1) Романовъ, *Op. cit.*, с. 55 (№ 10).

2) *Иб.*, с. 60 (№ 35).

3) *Иб.*, с. 61 (№ 44).

4) *Иб.*, с. 62 (№ 48).

5) *Иб.*, с. 64 (№ 60).

6) „Труды Моск. Этн. Общ.“, У, кн. 2, с. 197.

7) *Иб.* (Ср. у Буслаева изображеніе родовъ свадебнымъ поѣздомъ).

Mutter hekte,
Mutter legte,
Leg dich in dieselbe Wand,
Wo dich Gott hat hingesandt“ ¹⁾.

„Ich peut dir, permueter, bey der Macht vnd bey der heyiligen gottes Kraft das du dich legest vnd nit mer regest, dan regest du dich, so stirbt N., so legt man euch pede in ain Grab, da müst ir in ligen bis an den jungsten tag“. (Du solt der frawen nabel stargk in die hant nemen vnd den segen drey malen daruber sprechen vnd alsoft i pater noster. Der Wundsseggen ich auch gut dafur zu sprachten) ²⁾.

„Fuer den wetagen der muter. Schreib die nammen an ein junck fraw perment vnd las die frawenn alltzeit pey ir tragenn: el + cloy + eloe + anexi + andriary + Nun + compuncary + ammen“ ³⁾.

(Написать на запискѣ и положить на животь больной): „De viro vir, de virgine virgo, vicit leo de tribu Juda, Maria peperit Christum, Elisabeth sterilis Johannen baptistam. Adjuro te, infans, per patrem et f. et sp. s., si masculus es uel femina. ut exeas de wulua. Exinanite, exinanite!“ (Vnd wann das kint geboren ist, so soll mann alsbalde die zedel von der frawennleyb nemmen mit den geschribenen Worten) ⁴⁾.

(Написать на запискѣ и положить на голову): „Per + ipsum + et cum ipso et + inipso“ ⁵⁾.

[Безплодная, желая имѣть дѣтей, собирая нити паутины во время т. наз. „бабьяго лѣта“ (— летающая паутина — волоса одной изъ Урмь *Keshalyi*, которая, тоскуя по мужѣ, умирающемъ обыкновенно осенью, вырываетъ изъ головы волосы и разбрасываетъ ихъ по вѣтру —) вмѣстѣ съ мужьями и уничтожая паутинки, говорятъ]:

„Ihr Keshalyi spinnet, spinnt,
Bis noch Wasser in den Bächen rennt

¹⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 447.

²⁾ Oswald von Zingerle, „Segen“, с. 176.

³⁾ Ib., с. 176—7.

⁴⁾ Ib., с. 177 — Ср. почти буквально у Birlin-

ger „Bairische Besegn.“ („Germania“, 1879, в. 24, с. 74, вм. exinanite здѣсь стоитъ exmamte).

⁵⁾ Ib., с. 177.

Euch zur Kindstauſ' wir einladen,
Wenn den roten Glückesfaden,
Ihr gesponnen, ihr gesponnen,
Für das Kind das wir gewonnen
Haben von euch, ihr Keshalyi“¹⁾.

(Когда послѣдъ долгое время не выходитъ, убиваютъ нѣ-
сколько птицъ, которыхъ потомъ вмѣстѣ съ вышедшимъ дѣт-
скимъ мѣстомъ мужъ роженицы зарываетъ въ глубокой ямѣ,
говоря): „Grösster Her im Himmel, blick auf uns arme! Du
hast un jetzt das Gute lebendige (Kind) gegeben und das
Schlechte (Nachgeburt) genommen. Drei Urmen schicke uns
her, damit sie dies, in der ersten Nacht bewachsen! Kein Mu-
lo soll es stehlen, kein Pluwush soll es stehlen! Keine Hexe
soll es kochen und kein Teufel braten! Grösster Herr im Him-
mel, erhöre uns“²⁾.

(При послѣродовыхъ боляхъ, подкуривая больную гни-
лушкою ивы):

„Rasch und rasch fliegt der Rauch,
Und der Mond der fliegt auch!
Haben sich gefunden,
Du sollst drum gesunden;
Wenn der Rauch vorbei,
Sei von Schmerzen frei,
Sei von Schmerzen frei“³⁾.

(Взявъ за конецъ брошеннаго надъ больной клубка крас-
ныхъ нитокъ): „Die heilige Mutter Maria ging auf den Berg,
es floss das Blut aus ihrem Leib auf den Berg. Es kam die
Cuma und wolltees auflecken, aber ein Engel warf vom Him-
mel den roten Faden herab und zog das heilige Blut hinauf.
Die Cuma ärgerte sich und spie aus und es kam die Pest.
Komm', Cuma, hier hast du Blut, frisses, doch nimm auch die

¹⁾ Wlislowski, „Volksglaube der Zigenener“, с. 14. (Ср. еще заговоръ на
67 стр. отъ безплодія, гдѣ прибѣгаютъ къ чародѣйской помощи заколд. змѣи. —
Паутины — ипти Парки, ср. нѣм. „drei Maraten“.

²⁾ *Ив.*, с. 172. (Urmen = богини судьбы, двѣ добрыхъ, одна злая, объ этомъ
см. стр. 2, 3 и слѣд.).

³⁾ *Ив.*, с. 170.

Rehmerzen des Weibes mit dir. Im Namen der heiligen Mutter Maria“¹⁾.

(Желая оградить родильницу отъ злого духа Ави-сули, поселяющагося въ домѣ во время родовъ и преслѣдующаго родильницу и новорожденнаго):

„Али ули али выучила, женщину (родильницу)

Кинжалъ, сѣтъ и гребень подложить подъ голову.

Поймала Али скверную, мерзкую,

Отрубила кинжаломъ голову, прогнала на дворъ.

Петръ сидитъ у дверей, Павелъ же на кровлѣ

Цѣпь лежитъ на порогѣ, а крестъ на кровати.

Господи, оснѣни крестомъ здѣсь лежащую родильницу“²⁾.

(Въ XVI—XVII столѣтіяхъ въ храмахъ и домахъ были иконы, «представлявшія Богоматерь въ мукахъ рожденія и бабу, повивающую младенца Спасителя. Это представленіе внесено и въ молитву бабкѣ, пріемшей отроча». Такъ, въ Стратинскомъ требникѣ 1606 г. находимъ): „Господи Іисусе Христе Боже нашъ, рождейся прежде вѣкъ отъ Отца... бабою повить пеленами“³⁾. Последнія три слова въ требникѣ Петра Могилы уже выброшены. Однако, подъ вліяніемъ этихъ молитвъ, въ народномъ обиходѣ сложилось не мало подражаній имъ.

(Положить роженицѣ „у назуху“ бумажку со словами): „Пумяни, Госпыди, сыни Едомскіи, въ дни иерусалимскіи глаголющія: истацайтя да аснаванія яго“⁴⁾.

(„Егда начнетъ жена родити не борзо“): „Иже обрѣтъ іисусъ христосъ со іоанномъ бословцемъ обрѣли жену рождающую не можетъ родити. и рече господь нашъ іоанну богослову вгряди, іоанне, рцы ей въ правое оухо. отъ Бога рождающисъ, отъ Бога питающисъ выйди младенче Христовъ Хрис-

1) Wlislöcki, „Volks Glaube der Zigenener“, с. 171. (Cuma = дѣсной духъ, Pesifrau; о немъ см. у F. Krauss „Volks Glaube und religiöser Brauch der Südslaven“, с. 57).

2) Хвхановъ, „Месхи“ (древняя месхія нынѣ Ахалцихскій у. Тифлиск. губ. населена преимущественно грузинами) — въ „Этн. Об.“, кн. X, с. 11.

3) Крыжановскій, „Собр. сочин.“, I, с. 43.

4) Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 203.

тосѣ ты зоветь помяни господи сыне едемскія. во дни іерусалимовы глаголющая истоцаите ите (sic) до основанія земли нынѣ и присно¹⁾.

(Изъ полууст. сб. 1476 г. Кирил. Бѣлоз. библ. № 6/1083, л. 112 об. — При трудныхъ родахъ): „Гѣ блѣви ѡче. Ѡбрѣте Гѣ нашъ Іс Хс на стымъ іѡанѡ и ѡбрѣте жену N. родящую и чрево²⁾ болящую. и не могоущоу родити ей, и рѣ Гѣ нашъ Іс Хс стому іѡанноу бѣгословоу: «Иди, іѡанне, и рци ей во правое оухо: Ѡ Бѣа родимое, и Ѡ Бѣа питаемо выиди младенець ко Хоу; Хсѣ та зоветь». Во и. О. и С. и св. Д. в. н. и п. и в. в. в. а... Помани Гѣ сны едомьскія в днѣ іерлмль глѡщам истоцаите, истоцаите²⁾.

(Изъ полууст. требн. XVI в., Троицк. Серг. л. № 227, л. 276 об.—277): „Се и сrete Гѣ Ісѣ Хѣ Іѡанномъ Бѣгословѡ ѡбрѣли жену рожающую, срѣцемъ болящу: не може рѣти, и ре Гѣ нынѣ Иванну Бѣгсловау: «Грѣ³⁾ Иване и рци ей во правое оухо: Ѡ Бѣа рожающеисл вы⁴⁾, млнче Хвѣ, Хѣ та зоветь. — Помани сны едемьскія вои ерѣимовы глѡщущо: истоцаите, истоцаите до ѡснованіа земли нынѣ и и ино³⁾.

(Когда женщина не можетъ родить, говорить ей на ухо): „Φόρυβος (=φο-) ἐγένετο εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ἔτρεχον οἱ ἄγγελοι καὶ οἱ ἀρχάγγελοι. Καὶ ὁ Χριστὸς ἠρώτησεν. τί ἐνὶ ὁ φόρυβος εἰς τὸν οὐρανὸν; Κύριε μου, γυνή πονεῖ καὶ κοιλιопανεῖ, καὶ οὐ δύναται γεννῆσαι. Λέγει αὐταῖς ὁ Κύριος· ὑπάγετε εἶπατε εἰς τὸ δεξιὸν αὐτῆς ὥτιον τέξε, γυνή, ὡς ἡ Μαριάμ τὸν Χριστὸν, ὡς ἡ Ἐλισάβετ τὸν Πρόδρομον, ἐξεέλθε τέκνον, καλεῖ σε ὁ Χριστὸς καὶ ἡ γῆ σε περιμένει, στώμεν καλῶς. [λέγε αὐτῇ ἐκ τρίτου. Εἰ δὲ τὸ κοιτάριον οὐ πεσειται, λεγε οὕτως]: Ο χαριστὸς καὶ ὁ Πέτρος ὑπάγαινον ἐν τῇ ὁδῷ καὶ ἐστράφη ὁ Κύριος καὶ τῷ Πέτρῳ ἔφη· Πέτρε, τί κλαίουν ἐν τῇ κόμῃ. Κύριε μου, γυνή κοιλιопανῆ (= -νει) καὶ οὐ δύναται γεννῆσαι, ἔλα, Πέτρε, κάλεσαι αὐτὴν ὡδε καὶ εἶπέ· γυνή καλεῖ σε ὁ Χριστὸς. σάρρα (3 p.) καὶ σὸ, κοιτάριου, πέσε ὅτι καλεῖ σε ὁ Χριστὸς καὶ ἡ γῆ σε περιμένει“⁴⁾.

1) Квратыгинъ, „Апокриф. мол.“, с. 443.

2) Тихонравовъ, „Памятн. отреч. л-ры“, II, с. 355.

3) Ib., с. 356.

4) Васильевъ, „Сборн. пам. виз. л-ры“, I, с. 339—40.

Урама.

Да кажете, мольъм ви са,
Шта ва на мъка кладът;
Как шта трасте лепената мъка?
Шта ва посежт,
Шта вадът три месеца,
Та шта ва умжкнът;
Шта ва кладът в одата,
Да гниете три нидели;
Шта ва извадът от одата,
Да сжхнете на слънцето,
Да исжнете хубаво;
Шта ва кладът на конане,
Шта ва свалът главата;
Шта ва кладът на меници,
Шта ва извадът от меници;
Шта ва кладът на дърцалката,
На дърцалката на даржка;
Толко време как шта трасте?

—

Показахъ са до три дружини,
От къде сж пжт навървили.
Отидохъ си на Самокова (= Фъто ковът желъза бли-
зу до селоте Кърчово),
Огън да си терат;
Огън си нема, там да вичерът.
Станжкъ и у Стамбулове (= фамилия въ Кърчово)
доидохъ,
Постоахъ, погледахъ,
Неиде огън да наидът;
Неиде огън не наидохъ.
Хринижъ отидохъ на Комерва (мѣстность край се-
лато),
Де видехъ Ильо (= N. заговариваемаго) излъзъл
с огън;
Варкахъ да го стигнът,
Ни го стигнжъ.

Отидохъ на вартата му;
Една си друга великѣ отговарѣат:
— Мжр хад да вичерем на Ильови порти.
Кладохъ си да вичерѣат.
Дето беше Туркуменката,
Тва имаше малинко дете.
Льулка закачихъ на вратата,
И прола Ильувото куче,
Та излезе Ильо да си гледа,
И да види што има на порти,
Та хми льулки раскъца,
И хми на трепеза стъни,
И хми месур истури,
И хми лѣап настъни.
Тиѣ са много раздинѣ.
Нъзи дето беше Туркоменката,
Тѣа го удари в срет с нагата,
Та му кжре искънѣ;
Дето беше чафутката,
Тва го удари в главата;
Дето беше каурката,
Тѣа го удари в ноште.
Сжбрахъ вечерѣа да вичерѣжт,
И вичерѣжт и си вревѣат:
Този чулъак ни с ударикме,
Дал му маѣна дадеме,
Ил да му душа извадиме.
Каурката вили, провреви:
— На нек сж деца дребни,
И му сж денѣа глеги,
Даѣ да му лековете кажеме.
Ако тегли да си стане.
Мжр, от мен му е млаго-лесно:
Мжр, да си иде, да си земе
От църквата от три кандила:
От Христозоото, св. Илијото,
Св. Илијото св. Атанасоото,

Да са мироса да си стане.

Туркуменката отгоори:

— Мжр, от мене е много лесно:

Да си иджт от три дола,

Дето нема кашка ода,

Кога джн да си фати,

Уплавиче да си снисе,

От нек да си земжт,

Мжр и да наточат три мајки оди,

Та да го сваржт,

И да го просинжт.

Шта си озравее.

Чахутката вили:

— А ми и јас ви кажм ште е лека:

Мжр, мене ми е на Сланарјувдол (м. близу до с. Кърчово)

Там има траи Јуљим,

На трапа има габер висок,

Там ходжм да си никжм,

От никота ми е биле изљало,

От нек да земат,

Да го сваржт, да са омие,

До там шта си го глава боли“¹⁾.

Усови.

„Г. Г. Х. С. Б., помилуй р. Б. Н., сподоби его, благослови, Отче! Есть море золото, наз. м. золотъ корабль, на зол. к. ѳдетъ св. Николае, помогаетъ р. Б. Н. отъ усоев; есть море золото, на з. м. золото древо, на з. д. золоты птицы — носы желѣзны и ноги желѣзные, дерутъ, волочатъ отъ р. Б. Н. на мхи, на болота; есть море золото, на з. м. бѣлѣ камень, на бѣлѣ к-и сѣдитъ красная дѣвица съ палицею желѣзною, тепеть, обороняеть, отлучаеть отъ р. Б. Н. усови на мхи, на болота; есть море золото, на з. м. золотъ корабль, на з. к. ѳдетъ тридцать царей и 70 цариць, помогаютъ р. Б. Н. отъ усоев; есть

¹⁾ „Сборн. за нар. умовъ.“, IV, с. 106, 107.

море золото, на м. з. золотъ корабль, на з. к. ѣдетъ св. Николае, отворяетъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзные ворота, а залучаетъ отъ р. Б. Н. усоби — аду въ челюсти“¹⁾.

Утинъ (=дѣтская болѣзнь, боль въ спинѣ, въ крестцѣ вслѣдствіе вывиха; уцинъ, даланъ, арменци, самодиви, прѣсакъ).

Младшій или старшій въ родѣ долженъ потонтаться по спинѣ, и боль унимается. Тотъ же результатъ достигается тупымъ ударомъ по спинѣ. Кладутъ на спину больного голикъ, ударяютъ по немъ топоромъ. Больной думаетъ, что знахарь сѣчетъ утинъ (существо) и спрашиваетъ: «Что сѣчешь?» — Утинъ сѣку. — Сѣки горазже, чтобы вѣкъ не болѣло. Известно, что отъ вывиха можно вылѣчиться быстрыми движеніями всего туловища, наклоняясь къ землѣ и быстро выпрямляясь. Въ связи съ этимъ стоитъ языческій обрядъ калнія землѣ съ формулой: „Прости меня, матушка земля, въ чемъ согрѣшилъ“; та формула и приросла къ простому лѣчебному средству (Крушевскій, с. 48 сл.).

(Положивъ на спинѣ больного накрестъ двѣ соломинны, прикладываютъ къ нимъ слегка топоръ и говорятъ): „Бабушка, бабушка! что ты дѣлаешь? — Учинъ рублю. — Руби его хорошенько, чтобы его не было“. (Плюнуть и разорвать соломенки на 3 части)²⁾.

„Сѣкачтъ зема брадва въ дѣсната си рѣжа ужъ да сѣче поставеното на далачения коремъ дръвце. Болниямъ го пита: «Какво ще сѣчешь?» — Делакъ сѣча, отговаря сѣкачъ. «Сѣчи та го отсѣчи», отговаря болниятъ. Сѣкачтъ въ това время удря съ остроото на брадвата дървото на корема. Това се повтаря на три пѣти, слѣдъ косто болния си отива“³⁾.

(Кайто има набрана вода въ стомаха, та го подтира и страда, легне на прага на кѣщнитѣ врата, главата му извънѣ

¹⁾ Майковъ, „Великорус. заклинанія“, с. 457 (№ 90). — Объясненія, что такое „узова“, не дано.

²⁾ Якушкинъ, „Молитвы и заговоры“, с. 164.

³⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, II, с. 86.

вратата, а ногитѣ му на вѣтрѣ въ кѣщи, на воазнакъ, съ лицето си на горѣ. Бабата му тури на корема копанѣтъ, а връзъ копана биліе (особна трева наречена отъ бабитѣ за далакъ). Тогава зема брадвата и завъртѣва ѿ силно отъ първо, като че ще прѣсѣче човѣкѣтъ, та пресича трѣвата на три пѣти и накарва до лыця да ѿпита, или пѣкъ другъ нѣкой отъ домашнитѣ): „Какво сеачеш?“ — Далакъ сеакам, да гу отсекам, да гу нѣма, отговоря бабита. Трѣвата връзватъ отъ вѣтрѣшната страна на каминя и назватъ: «касу соахне тревао-са и далака-с соаи да isoахне»¹⁾.

(„Кагато нѣкого заболи кръстѣмъ, наиде го преасакъ, повика жена, коя то е рождала близнаци за да му бае. Болниятъ лѣгча нахлупъ съ лицето къмъ земята, на прага на кѣщнитѣ врата. Жената зема кобилицата, а съ десната нога настѣпва полегка връзъ кръста му на три пѣти едно слѣдъ друго, завива кобилицата като да го удря и го пита на трижъ): „Преасак ли иштиш или близнакува маика? — Ништоа преасак, близнакува маика шти, отговаря на всеко питаніе болниятъ“²⁾).

„Какво сичеш? — Арменци. — Сичи да ги утсичеш! — Да излъзут ут главатѣ ти, учити ти, вѣждити ти, клѣнкити ти, сѣрцѣту ти, кокѣлти ти, рѣцѣти ти и прѣстити ти, тѣкѣ нѣма да іадѣт, нѣма да пиѣт; да идѣт в пѣсту гѣри зилѣну, там да іадѣт, там да пиѣт, там да увивѣт. Акѣ сѣ мѣжки, братѣа да ти сѣ, акѣ сѣ жѣнски, сѣстри да ти сѣ; ут мѣни лѣак ут св. Бургурѣдница здрави“³⁾).

(Потереться ночью объ уголъ овина): „Овинѣ, овинѣ! возьми мой учинѣ, отдай мое здоровѣа“⁴⁾).

Ушибы и контузии.

(Надавливая ушибленное мѣсто ножомъ 3, 7 или 9 разъ и втыкая потомъ ножъ въ землю то же число разъ): „Werde (3 p.) weich, | Und verschwinde gleich! | In die Erde sollst

1) „Сборн. за нар. умотв.“, кн. II, е. 170.

2) *Ib.*, с. 170—1.

3) *Ib.*, VII, с. 143.

4) Шейвъ, „Матеріалы“, II, с. 545.

du gehen, | Nie soll ich dich wiederschen! | Messer, Messer
zich's heraus, | Giebs der Erde über!“⁵⁾.

Ушная боль.

(Прикладывая дитя къ «угловому кресту», — образующе-
муся отъ пригрѣванія солнцемъ рубленныхъ изъ дерева избъ,
говорить): „Уголь рубленъ, и крестъ дубовъ. У того креста не
болѣло, не щипѣло и уха не вертѣло; и такъ бы у р. Б. Н. не
болѣло, не щипѣло и уха не вертѣло, ни въ день, ни въ ночь,
ни въ утрею зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на ветху и
ни на перекрою мѣсяцу. Во вѣки вѣковъ. Аминь“²⁾.

При шумъ и боли въ ушахъ.

(Приложивъ къ уху еще теплый трунъ птицы, сжигаютъ
его на кострѣ изъ можжевельника, и этимъ дымомъ больной
долженъ быть подкурень, произнося): „Rauch, o Rauch dehn'
dich, | R. o R. streck' dich. | Böser, Böser schwinde, | B., B.
springe, | Schring' aus meinem Ohr, | Komm' so gleich her-
vor! | Flieg' weg, wie der Rauch, | Flieg' weg, w. d. R.! | Im
Namen Gottes“³⁾.

При теченіи тоя изъ уха.

(Вливъ въ ухо пастоя ромашки и вытеревъ тряпкой, боль-
ной затыкаетъ послѣднюю въ разщелину дерева): „Wenn der
Baum Ohren hat, so hat er gewiss grosse; darum Böser, geh'
in den Baum! Wenn der Baum aber keine Ohren hat, so mach'
ihm Ohren und wohne du hier in diesem Baum“⁴⁾.

Отъ флюса.

„Es gingen drei Jungfern in Jordan; | Die eine pflückte
Laub, | Die andere p. Gras | Lit der dritten stille ich diesen
Fluss ab“⁵⁾.

1) Wlislowski, „Volks Glaube Zigeuner“, с. 174.

2) Майковъ, „Великор. закл.“, с. 456 (№ 85).

3) Wlislowski, „Volks Glaube... Zigeuner“, с. 173.

4) Ib.

5) Bartsch, „Sagen Meklenburg“, II, с. 401.

Од хала.

„Биће од саставака, биће од ветра, биће му направљено, биће нагазно, биће вам ложицу сломио, биће вам каленицу разбио, биће вас чим год увредио, молим се вама: Смиљано, Огршљано, Калино, Магдалино! да му опростите и лек да му дате“¹⁾.

(Протисли долазе... од тога, што је болесник радио на какав светац): ...„Амин (bis), Госпде, лек да буде Павлу моја басма. Биће од понедеоника, б. од уторника... среде... четвртка... петка... суботе... недеље.— Биће кола терао; б. макар инта здетовао. О, устима ћу бајати, руком ћу узети, у гору ћу пратити. Нека остане чист као сребро, нека буде здрав као од мајке рођен“²⁾.

(Ворочая болѣзнъ туда, откуда пришла): 1) „Бајем Павлу да му буде лек. Врћем овај конач; врћем овај траг: нека се врну чини од њега. Ако је од Бога, молим та се Боже, опрости му; ако је од душмана, нека иде одакле је дошло“.— 2) „Амин (bis). У име свете Б-це! Како је лек из њених уста нека је лек и од мога бајања. Ко ми прати ову болест једном руком, врћем му са обадве; нека она не сме више на мене доћи; врћу је у глухо доба, у по ноћи“³⁾.

Холера и понынѣ поимається какъ живое существо, могущее принять тотъ или иной человѣческій образъ. Позволю себѣ привести характерную выдержку о судебномъ процессѣ, разбиравшемся въ 1895 г.,—изъ „Харьк. Губернск. Вѣдомостей“ (отъ 3-го іюня 1895 г.):

Человѣкъ-холера.

1-го мая 1895 г. въ Томскомъ Губернскомъ судѣ разбиралось дѣло о 13 крестьянахъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ неизвѣстнаго человѣка, принятаго ими по суевѣрїю за болѣзнъ холеру. — Изъ доложенныхъ на судѣ обстоятельствъ дѣла видно, — по словамъ „Томск. Лист.“, — что въ 1892 г. крестьянами дер. Трубачевой, нижнекулундинской волости, бар-

1) Милићевѣћ, „Живот срба сѣљака“, с. 195—6.

2) *Ив.*, с. 196.

3) *Ив.*

наульского округа, было совершено убійство неизвѣстнаго человека, принятаго за болѣзнь холеры. При осмотрѣ мѣста происшествія оказалось: изъ дер. Трубачевой въ с. Тюменцово идетъ дорога, подъ названіемъ Селивановская; по той дорогѣ въ одной верстѣ отъ деревни влѣво дорога поворачиваетъ въ боръ. По этой дорогѣ замѣчены были слѣды крови и „утолка“, отъ которой пошелъ „таскъ“, т.-е. дорожка съ придавленной въ одну сторону травой. Въ разстояніи 46 саж. отъ этого мѣста въ согрѣ (болотная мѣстность, заросшая лѣсомъ) найдена могила, изъ которой и былъ вырытъ убитый человекъ.— Спрошенный при дознаніи 12-го октября 1892 года киргизъ Мукушъ Неязовъ Жантомовъ показалъ, что около педѣли тому назадъ въ дер. Трубачеву пришелъ неизвѣстный человекъ, который ночевалъ въ домѣ Якова Малышева; оттуда онъ пошелъ по улицѣ къ Игнатію Серебренникову, гдѣ и былъ взятъ крестьянами, проводившими его до большого моста. Нѣсколько человекъ крестьянъ привели этого человека на то мѣсто, гдѣ найдена была кровь, и здѣсь Матвѣй Огарковъ выстрѣлилъ въ неизвѣстнаго ему человека изъ дробовника, Сидоръ Фроловъ выстрѣлилъ изъ винтовки и онъ палъ, затѣмъ Абрамъ Малышевъ нанесъ нѣсколько ударовъ стягомъ, вмѣстѣ съ Абрамомъ Важенинымъ. Потомъ на ноги убитаго была надѣта веревка и Симонъ Фомичъ Еремѣй Безпаловъ и Фролъ старикъ притащили его къ тому мѣсту, гдѣ онъ и найденъ зарытымъ. Зарывали трупъ въ землю, онъ, Жантомовъ, Агній Трофимовъ, Симонъ Фоминъ, Фролъ съ сыномъ Сидоромъ. Абрамъ Малышевъ, Абрамъ Важенинъ, Маркъ Латкинъ и Матвѣй Огарковъ. Его, Жантомова, послалъ помогать убить неизвѣстнаго человека сельскій староста Яковъ Безпаловъ. Объ этомъ убійствѣ знало все общество дер. Трубачевой; убили неизвѣстнаго человека потому, что подозрѣвали его въ порчѣ людей. — Федоръ Шахуринъ показалъ, что неизвѣстнаго человека, найденнаго въ бору убитымъ, онъ видѣлъ на сходкѣ крестьянъ дер. Трубачевой, читалъ паспортъ неизвѣстнаго и помнить, что имя его Іоаннъ; а такъ какъ у неизвѣстнаго была найдена записочка съ названіями деревень, то крестьяне дер. Трубачевой говорили: „ты выписалъ деревни, ходишь и ладишь уморить“, на что об-

щественники замѣтили: „его нужно совѣмъ проводить, т.-е. убить“. Во время этой сходки у Матвѣя Огаркова было ружье и еще ружья стояли у городьбы. Неизвѣстный впоследствии оказался убитымъ. — Иванъ Душенскій показалъ, что осенью прошлаго 1892 г. въ концѣ дер. Трубачево, по дорогѣ въ село Тюменцево, онъ строилъ избу. Около полудня мимо него проходили крестьяне (указалъ фамиліи) — Симонъ Чановъ и Матвѣй Латкинъ были верхомъ, а остальные пѣшкомъ; у Чанова и Матвѣя Огаркова было по ружью, а у остальныхъ были палки. Эти лица вели какого-то неизвѣстнаго человѣка, впоследствии найденнаго убитымъ въ бору. На вопросъ: кого ведутъ, кто-то изъ нихъ сказалъ: „вотъ захватили неизвѣстнаго человѣка, ведемъ къ засѣдателю. Этотъ человѣкъ—вредный, скотъ и людей морить. Вчера онъ прошелъ въ Ермачихѣ мимо табуна и скотъ началъ падать; да у него выписаны деревни, которыя онъ хочетъ морить“. Затѣмъ все они пошли дальше по Тюменцовской дорогѣ, въ боръ; къ нимъ подошли Фроль и Сидоръ Киселевы, которые также пошли въ боръ, причеиъ Фроль взялъ колъ изъ поскотины. Спустя полчаса времени, приблизительно въ одной верстѣ отъ деревни, въ бору раздался выстрѣлъ, а затѣмъ другой. Вскорѣ послѣ этого крестьяне, провожавшіе неизвѣстнаго человѣка, стали возвращаться въ деревню одинъ за другимъ, а не кучей. Изъ возвращавшихся крестьянъ, онъ обратился къ Фролу Киселеву съ вопросомъ: „проводили, что-ли?“, на что послѣдній отвѣтилъ: „кто его знаетъ, я ходилъ на болото смотрѣть траву“; Сидоръ же Киселевъ на такой же вопросъ отвѣтилъ: „я не знаю, онъ скрылся отъ насъ“. Когда неизвѣстнаго впоследствии нашли въ бору убитымъ и слѣды, бывшіе на могилѣ, вполне подошли къ сапогу Кабыша, то онъ сказалъ старшинѣ: „все расскажу и всѣхъ укажу“.

Къ сожалѣнію, заговоромъ отъ этой болѣзни въ моемъ распоряженіи очень мало, потому нельзя иллюстрировать это положеніе текстами. — Вотъ одинъ изъ таковыхъ.

(Написать на нѣсколькихъ запискахъ приводимую ниже молитву, привѣшиваютъ записки надъ каждымъ окномъ, надъ каждой дверью, куда только можетъ войти непрошенная гостья):

„Иисусъ Христосъ съ нами уставися, вчера и нынѣ и днесъ, той же и во вѣки вѣковъ. Христосъ ненависти прогоняеть, Христосъ въ семь домѣ вездесущій у твоихъ рабъ всегда, нынѣ и присно. Аминь“¹⁾.

(Въ видѣ разговора двухъ женщинъ):

„Hossa (= названіе горы около Brzezín), Hossa, będzie piwko po dwa grosza, a gorzałeczka będzie po trzy, człek cie na człeka nie napatruy. — Nie będzie im nic, będą biedrzeniec z drziegielem pić“²⁾.

Од црвеног ветра.

(Узьме баба ватраль и угреје га на пшеничним мекињима и сирѣтом окади болесника и онда маніе вручим ватраљем и говори у соби): „Пошао св. Никола на сињем коњу; сињим га седлом оседлао, сињи му колан потегао, сињом га уздом зауздао, сиње море прегазіо, сињи ветар однео“. (Ово по три пута изреди на онда продужи): „Пошао св. Никола на црвеном коњу, црвеним га седлом оседлао... црвени ветар однео“. (И то три пута, на онда): „Пошао св. Н. на белом коњу... бели ветар однесе. Устук биче; ту ти места нема; ти да идеш у Галилеј-поток, где цркве нема, где попови не чате, где се свеће не пале, где се колач не сече, где ђаци не певају, где говеда не ричу, где овце не блеје, где свиње не грде, где петли не поју, где пси не лају, где нигде ништа нема. Враѣх те, врнух те; устук, да устанеш као земља. Црво, црвенице; румо, руменице; ти се расцрвени, ти се разрумени. Изгорех ти оца, изгорех ти мајку,... брата,... сестру,... стрица и стрину... ујца и ујну,... сагорех те: сагорех ти сав род“ (На ако је доста завала док је то говорила држи се да ће бити болеснику лакше)³⁾.

„Пашла мајка Богородица на срела N. — Што ти је сиико, N.? — Дођоше на мене добри гости, д. гости, невидени црвени ветрови, све врте, свуда болу; него их раздели по води, по гори Галилеји, куд пстао не пева, куд кокош не крека, ку-

1) Щуровъ, „Знах. на Руси“, с. 167.

2) Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, с. 68.

3) Милићевић, „Живот срба сељака“, с. 168—9.

да нас не лаје, куд пушка не пуца, куд човек не живи, куд пош не чати: тамо да идете ви црвени ветрови на студену водицу, на зелену травицу, на црвену јабуку; да сте благи као мед, да сте хладни као вода, да лакне као леко перо, као чисто сребро“ (говорить 9 разъ на день, сжечь „кучине“, пепломъ посыпать больное мѣсто) ¹⁾.

(Взявъ „ватраль, угреју га“ и махая надъ больнымъ говорить): „N. иде уз поље низ поље, плаче и цвили гласом до неба, суздама до земље.— Срете га божја мајка, света Б-ца и пита: Што плачеш N., што цвилиш? — N. јој одговори: како да не плачем и да не цвилим, кад ми је ушао црвени ветар у главу (или где га боли) на ми неда ни стојати, ни лежати.— Врши се, рече му мајка Б-ца, и иди N. бајалици, она је лаке руке, благе душе; извела ја тридесет квочакас с црвеним кљуновима, тридесет пилића с црвеним ноктима на црвеном буњинту. Квочке ће кљуновима раскљуцати, пилићи ће ноктима разгребати, остаће црвени ветар чист као чисто сребро, а ћи ћеш остати здрав као челик и спаваћеш као јагње на зеленој трави“ ²⁾.

Чемери (v. чемири).

„На мыри, на кыани, ляжить камиць Ардынъ; на тымъ камни сядить сизей арелъ съ зялѣзными каптюрями.— «Полона табѣ, арелъ Ардынъ, каминь драгъ!»— Михаилъ Архангилъ на памычъ — ширистанъ чемирь битъ“ ³⁾.

„Басла Божа (3 р.)! Есть у свѣти (3 р.), три цари (3 р.): первый царь (3 р.) — мѣсиць на неби (3 р.), утарой ц. (3 р.) — ракъ у мори (3 р.) (ср. мр. заг. у Еф. отъ зубовъ); третій ц. (3 р.) — сѣрый воукъ у болоти (3 р.). — Какъ етъи цари адинъ у аднаго ни бывають и налитки и наѣдки ни кушають и ни бесѣдывають — такъ етъи чемири у р. б. ни бывать и р. б. ни нудить, и марить и пу румяному тѣлу ни хадить и бѣлюю кость ни ламить и гарючу крофъ ни разганять, пухавова волоса ни раздумать.—И ты выходи чимирь злая, ч. лихая атъ еты-

¹⁾ Миллићевичъ, „Живот срба сельака“, с. 169—70.

²⁾ Ib., с. 170.

³⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 180.

ва раба, изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, изъ пажилыкъ; ать буйный галавы, ать быстрыхъ глазъ, ать рабочихъ рукъ, ать быстрыхъ нохъ, ать нутринастей чилавѣнскихъ! — Ни трыгатца тябѣ, чемири, ни на маладику, ни на полнатѣ, ни на ширякрои мѣсица, ни на сходи востока“ ¹⁾).

„Ишла Божжія Матирь сы усимъ сваимъ архангельскимъ саборымъ на ярскія луги гулять, вялыхъ твятоу сарватъ, раба такога прикладать, у Ярдани ряки вадицы набирать, такова рабацію умывать“ ²⁾).

„Падъ карянѣмъ карянистымъ, надъ листымъ ширакистымъ, сядить ваперь, рылымъ пашеть, зубами рветъ. Што ета онъ дѣлаить: искить таго кариня, што выганять ать асудныхъ причинныхъ двинадцять чемерей, зъ буйный галавы, съ чуткихъ вушей, зъ наздѣръ и зъ жилъ, изъ пажилыкъ, изъ сирядины, изъ нутря, изъ живата, и су ўсяго сердца, зъ нохъ, са капытоу. Рыжая, буланая (разнаго цвѣта). Аминь“ ³⁾).

„На синимъ на мори стаить церкыу Саламанида; на тѣй церквы Саламаниди стаить Божжія Матирь, въ рукахъ дѣржить (= вм. дяржить) живатварящій крестъ. — Ина сваимъ живатварящимъ крестомъ атганяить три раза (вм. три разы) чемирь дянную, пулудѣнную, нашную, палунанную, зъ буйнѣй галавы, зъ ретивога сердца. съ чуткихъ вушей, зъ нутри изъ животѣ и съ сярѣдини и су ўсихъ разныхъ тѣлесъ (—о челоуѣкъ—) и рясныхъ ачей са ўсихъ разныхъ капытоу (о скотѣ) атгонъ три раза чемеръ зъ разный шерсти! Ну, не самъ я собою утѣшаю и сакрачаю 12 чемерей, а Божжію Матирью: чисавыхъ и полчасаовыхъ, минутныхъ и полминутныхъ и усякыхъ. На вѣки вѣчныя. Аминь“ ⁴⁾).

„На мари (bis) на икѣни стаить ракитывый кустъ, на тымъ кусты ляжить галь каминь, на тымъ камни сидять 12 маладцоу, 12 багатырѣу, диржать 12 малатоу, бють, какъ день, какъ ночь, выбивають чемирь зъ рыжій шерсти, изъ буйный галавѣ, изъ яркихъ вачей, изъ жилъ, изъ пажиль, изъ лехкыга вздыханія... И просимъ тебе Прасвятую Багародицу... —

¹⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 189.

²⁾ Ib., с. 190.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Ib., с. 191.

О, Господи, закрой и помилуй. Ать усякыга унадку! Михаила Архаила сү ўсею небесною сильно... Пумяни!“¹⁾

Черви.

По Крушевскому, черви — материальная причина разных болѣзней (не только въ русскихъ заговорахъ, но въ западно-европейскихъ и въ Вѣдахъ)²⁾, народъ сблизилъ червей съ мифическими змѣями, а потомъ чертями. Ихъ пугаютъ молніей, солнцемъ, вообще сожженіемъ. Средство противъ червей называется *чертополохомъ*; его (растение) пригибають къ землѣ и прижимають камнемъ, приговаривая: „Если выведешь (червей), я тебя отпущу, а если не выведешь, изъ корня подерну“. Другой способъ изгнанія червей: уменьшать на словахъ число заговариваемыхъ предметовъ, въ ожиданіи, что они и на дѣлѣ исчезнутъ: „У Н. 9 женъ; послѣ 9 женъ 8 женъ... послѣ одной жены — ни одной“.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. У раба Н. тридевятъ три червяка и три червоточины; одинъ выпадаетъ и всѣ пропадутъ. Черви, черви! Подите вонъ, да не мѣшайте. Какъ у меня р. Б. между перстовъ земля сыплется-высыпается, такъ изъ нашего р. Б. Н. сыньтесь-высынайтесь, черви. Дастъ Богъ вѣтеръ, холодъ, солнце. За лѣсъ, черви, вонъ. Аминь“³⁾.

(5 р. paternoster и 5 р. aue Maria): „Du seyst ein wurm oder ein würmin, so bute ich dier by der kraft got des vaters, got des sunsz vn got des hailigen gaist, dz du dem flaisch un blüt vn kain schad syest. — Ich nem—bomöl—nägilm muskartnus roswasser zu dim fuswasser nem granilken vn ebhoc v — an den—stat oder“⁴⁾.

„Ich beschwör dich Speckwurm, i. b. d. Reitwurm, i. b. d. Fress- und liegender Wurm, an diesen N., dass du musst sterben und in deinem Lager verderben. — Das zähl' ich dir. Zu gute an deinem Fleisch und Blut“⁵⁾.

1) Добровольскій, *Op. cit.*, с. 191.

2) Это — современное ученіе о микробахъ.

3) „Воронежск. Юбил. Сборникъ“, с. 97.

4) Piper, „Segen aus S.-Gallen“, с. 68.

5) Köhler, „Volksbrauch im Voigtland“, с. 408.

„У недилю рано иплы люде до церкви, а зъ церкви — до дому, вышадайте, червы, до долу“ (3×9 разъ) ¹⁾.

„Ich beschwer dich wurm by dem vatter vnd by dem sun vnd by dem hailigen gaist das du also vnmär syist in disem laisch vnd in disem gebain als unserm Herren iesu vist ist der man, der ain falsch vrtail Spricht vnd ain besser kan des helff mir gott der vatter und der sun vnd der hailig gaist vnd bett drü pater noster und drü ave maria“ ²⁾.

„Червякъ, червякъ! Ты мавъ девъять жинокъ. З девъяты осталось висимъ... изъ одной — ни одной. Такъ щобъ и червей ни одного не осталось“ (3 дня по 3 раза) ³⁾.

„Бувъ соби Ивъ, мавъ соби девъять синивъ. А зъ тыхъ девъяты перейшло на висимъ... а зъ того одного—ни одного. Казавъ вамъ Ивъ, щобъ вы вылизлы видсилъ, бо якъ вы видсилъ не вылизыте, то буде вамъ те, що тому чоловикови, що въ недилю до службы меле, а другый каба̀на коле“ (3 р. не п. д. „затоптувать тымъ борошно̀мъ, що въ недилю до службы жорнуть, або выкрутыть пятою земли и нею затоптаты“ ⁴⁾.

„Svaty Petr leži v hrobě,
devet červů ma při sobě;
osm červů ma při sobě...
žádného červa nema při sobě“ ⁵⁾.

„Отче нашъ. Господь помощь (3 р.) и я зъ рукою.— Ъхавъ св. Юрій на бѣлому конѣ черезъ лѣсъ, а за нимъ бѣгло три псы: 1-й чорный, 2-й червоный, 3-й бѣлый: чорный — кровь облызавъ, червоный— бѣде тяга, а бѣлый червы вылизавъ, на языкъ забравъ. — Червы! тутъ васъ 10, изъ 10 — 9, изъ одного — ни одного“ (Сплюнуть по угламъ по 3 раза) ⁶⁾.

„Отче нашъ. Господы помылуй (3 р.). — Господь помичъ изъ рукою.

Їхавъ св. Юрій на билому кони черезъ лисъ;
За нимъ бигло тры псы,

¹⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 15.

²⁾ Köhler, „Volksbrauch im Voigtland“, с. 68.

³⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 116.

⁴⁾ Ib., с. 115—116.

⁵⁾ Erben, „Česká zafikadla“, с. 58.

⁶⁾ Ефименко, „Сб. млр. закл.“, с. 20 (№ 58); конецъ ср. съ № 59-мъ.

Першый — чорный, другый — чырвонный,
Третій — билый.

Чорный кровъ облызавъ, червонный...

А билый червы вылизавъ, на языкъ зибравъ:

Червы тутъ заберы изъ десятиы десять,

Зъ девятиы девять, зъ восьмиы висимъ

. изъ йидного

Ны лычы ни йедыного“²⁾.

(Пригнувъ верхушку „bodlak“ къ землѣ и наваливъ каменъ, говорить 3 раза):

„Bodlačku, bodlačku!

nepustim tobě hlavičku,

dokud nepustíš

(k. p.) kravě červičkū.“²⁾.

„Der Herr Christus ging in den Acker, er ackerte drei Würmen aus der eine sah weiss, d. a. schwarz, der dritte roth, das zähe ich dir zu gute an deinem Fleisch und Blut“³⁾.

(Руки. Сб. XVII в.). (Надъ масломъ или солью, плюнувъ на камень): „Сѣдла гремятъ, узды бреччатъ, въ порожнии мѣха ѣхати по хмѣль, по легкой товаръ червямъ, и полетите за море, тамъ у червей свадьба, овча яловица печена, а здѣсь червямъ огонь, сѣра горячая и смола кипучая, — побѣгите черви отселѣ за море“⁴⁾.

„Татаринъ (bis) злодѣйской породы, уродъ изъ всѣхъ уродовъ, зачѣмъ т-нѣ сѣнешъ червей, у моей лошади изъ такого-то мѣста? Если не выведенъ, то вырву тебя съ корнемъ, загребу въ синюю даль, ты засохнешъ, какъ порошинка. Вспомнишь свою ошибку, да будетъ поздно“⁵⁾.

„Petrus und Jesus fuhren auf dem Acker, ackern drei Furch, ackern auf drei Würmer. Der eine ist weiss, d. a. ist schwarz, d. dritte ist roth: Hiermit tot. Im Namen“ (3 p.)⁶⁾.

¹⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 150.

²⁾ Erben, „Česká zařikáňla“, с. 58.

³⁾ Köhler, „Volksbrauch... in Voigtland“, с. 405.

⁴⁾ Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 372.

⁵⁾ Ib.

⁶⁾ Amman, „Volksregeln... Böhmerwald“, с. 206. (Ср. MSD.² IV¹, 5, XLVII, 2 и с. 466; Meier, „Sagen“, № 464—5; Grimm, Myth., 1402 и Nachtr. Anh. XLII;

„Petrus und Jesus fuhren aus den Acker, ackerten drei Furchen, ackerten auch drei Würmer; der eine war weis, d. a. schwarz, d. dritte war roth, da waren alle Würmer todt“ ¹⁾).

(Въ пятницу или субботу, «weil an diesen Tagen das Wurmhaus offen ist»):

„Ii sölt mi füren to Holt,
Dor steit en Bömken Köhl und kolt,
Dorin will ik ju versenken,
Erkränken. — Im Namen“ ²⁾).

(Передъ восходомъ солнца больной, обливая мочой жгучую крапиву, говорить:

Guten Morgen (bis)!
Ich hab' viele Sorgen:
Würmer hat mein...
Dir geklagt soller sein!
Weiss sind sie schwarz oder rot,
Bis Morgen seien sie tot“ ³⁾).

„Jerusalem! du heilige Stadt,
Da Jezus Christus gekreuzigt ward.
Er hat vergossen Wasser und Blut,
Das ist für euch, Würmer, gut“ ⁴⁾).

„Im Namen Gottes... Dies thu ich für euch alle und lass euch dampfen zur Buh“ ⁵⁾).

„Job + tridanson + zerobantis“ ⁶⁾).

(Написать на запискѣ нижеприводимыя слова, обертывать запиской больныя мѣста, потомъ сжигать): Albo + albut + al-bubuc + Zabulantes + ypedie + Transonie + abantroste“ ⁷⁾).

„Sant ann Sant osann min trow sant maria die hailigen dry frowē gingent uber ainen gewichten kilchoff. Die ain sprach dis ist das fliegenh Die ander sprach es einst. Die dritt

Schönwörth, III, c. 251; Kuhn, III, 207; Zs. f. d. Myth., IV, 111—2; Birlinger, Aus Schwaben, I, 459).

¹⁾ Peter, „Volksthüml. aus Schlesien“, c. 234.

²⁾ Bartsch, „Sagen... Meklenburg“. II, c. 426.

³⁾ Wislocki, „Volksglaube... Zigeuner“, c. 177.

⁴⁾ Prah, „Glaube. Brandenburg“, c. 195.

⁵⁾ Ib.

⁶⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, c. 460.

⁷⁾ Ib.

sprach es sig oder es sig nit So bütz uns der gutt herr Sant marti vnd der uie hailig xist won du sin not vnd notturftig bist das du nit höher hebist vnd nit wytter flekisl noch kainen totten gestrekist noch in disem kilspel nit beli bist das butt dir der uil hailig xist der uber vns gewalttiger herr ist an gotz namen amen. [Vnd strich din Hand uber den schaden xutzysz so du Inn segneg willt und ist der schad geschwollen so nim von ainen holder ainen ast vnd schab die grawen rinden hupschlich ab vnd tu sy enweg vnd nim vnd schab die grünen rinden suber herab vnd bind ims ubir den schaden untr er geniszt er an zwifel. vnd wen du inn signest als bick haiszt Inn betten Dru pater noster und dru aue maria]“¹⁾.

Чесотка (короста, шелуди, Repp, Kretz, Mayern, Frie-sel, Krätze, припаль).

(Во время полноводья, когда пойдет ледъ, взять ломоть хлѣба, крѣпко посолить его и бросить въ воду, говоря):

„Хлѣбъ-соль честная, плыви, куда хочешь, тебѣ добрый путь, а мнѣ оставь доброе здорovie“²⁾.

„Встану я р. Б... Въ чистомъ полѣ стоитъ баня, въ этой банѣ сидитъ чистая баба,—она схватываетъ, она споласкиваетъ уроки со ясныхъ очей, съ буйной головы и съ черныхъ бровей р. Б. Н. Не будь не уроковъ, не будь не призоровъ, не будь и завидости. Не будь и переговоровъ. Аминь“ (3 р.)³⁾.

(Въ мѣсячную ночь выходятъ подъ открытое небо, протягиваютъ руку, чтобы свѣтъ падалъ на нее, и говорятъ):

„Was ich sehe, das ist Sünde,
Was ich greife, das verschwinde“.

(При этомъ схватываютъ больного за руку и читаютъ „Отче нашъ“ и „Во имя Отца...“) ⁴⁾.

(Мажутъ ребенка сливками и говорятъ): „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. — Идетъ красная дѣвица съ сухимъ вѣни-

¹⁾ P i r e r, „Segen aus sant-Gallen“, с. 68—9.

²⁾ М а й к о в ъ, „Великорус. закл.“, с. 475 (№ 137).

³⁾ Ш у с т и к о в ъ, „Троицина Кади. у.“, с. 128.

⁴⁾ А ш м а н, „Volkssegen“, с. 202.

комъ, тушить, гасить банную нечисть, мокры коросты.— Какъ у этого вѣника листки сухи, такъ были бы и коросты сухи.— Какъ у этого вѣника листки падутъ, такъ бы и чесотка спала“¹⁾.

(Берутъ „парче сопринено, кое-то е ископано отъ гробъ, кога раскопавать коститѣ на умрѣлъ“, и говорятъ):

„Припалѣам та,
Приварѣам та,
Да ма ни привариш“²⁾.

Omъ Friesel (?): „Das Friesel ging über den Land, begegnete ihm Christus der Heiland, und sprach: „Friesel, wo willst du hin? — Ich N. will hin reisen und des Herrn seine Werke besehen, dich zu vertreiben. Christus der Her sprach: Du sollst den Herrn meiden, bis ich den Samen, selber abscheiden, das sei dir zur Busse gezählt“³⁾.

Отъ *Repp*, oder *Kretz*, oder *Mayern* у дѣтей.
(Потирая спину больного кожей съ ветчины):

„Die Juden essen kein Fleisch
Die J. trinken keinen Wein,
Ey Mayern lass du dein Nagen
Lass du dein Beissen auch sein“⁴⁾.

Чирей (нарывъ, вередъ, пунышь, болетопъ, болячка, до-
брина, цирей, *Afel*, *Citer*).

„Болячка гнила, б. пухка, б. зъ рощи, б. зъ марена, б. зъ лыхымъ часомъ, б. зъ гистцемъ, б. зъ роботы, б. зъ охоты, б. зъ уроківъ, б. зъ лыхої воли, б. наслана, б. прислана, б. витрова, б. полѣва! Тутъ ей въ голову не лупаты, въ уха не стріляты, зубы не лупаты, кроввовъ не роняты, мяста не шукаты, але иты соби на шыроки броды, на глыбоки воды, — тамъ ей

¹⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, 2, с. 200.

²⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, IV, с. 106.

³⁾ Köhler, „Volksbrauch... im Voigtland“, с. 404—5.

⁴⁾ Birlinger, „Aus Schwaban“, с. 446.

пискы пересынаты, воды зміргаты, каменье лунаты, броды росшыраты,—яки за глибоки, яки за шыроки — а чесного, Божого, молитвянаго, хрещеного N. лышыты. Якъ го (ейи) матирь на свѣт породыла, абы го (ейи), такъ злчыла Божымы молитвами. Отъ Бога на вѣкъ, а вѣтъ мене на ликъ“¹⁾.

„Afel vnd äffin gingen vber ein wisen weitt, da begegnet in die weich fraw (= heilige Trau) sand Amarey. «Afel vnd äffin, wo welt iz hin mit den siben kinden, mit denn syben vnd sibentzigk schlüsslingen?» — Da will ich hin N. haws da will ich vel reissen vnd pain prechen vnd plut lapffen (= schlütten, trinken), vnd auf dem fletz will ichs recht besetzen und vntter dem dach ain gros geschray machen». — «Afel vnd äffin, ich gepeut dir bey der weich fraw sand Amarey, das du hind fa-rest vber mer mit den siben kinden mit den siben vnd sibentrig schüsling, da fliessen derey prünn, der ein ist gut, der ander ist plut, der dritt ist äfflig; da peut ich dir in mit den siben kinden, mit den siben vnd sibentzig schuslingen. Des helff mir den vil gut Jhesum Christum vnd sein müeter, das helff mir die weich fraw s. A., das helff mir den man, der dott vnd mar-ter am stam des heiligen kreutz nam, im namen des vater vnd des svn vnd des heiligen heist²⁾.

(Обводя сукомъ дерева): „Какъ сукъ сохнетъ, такъ бы сохъ у р. Б. N. чирей, изъ земли въ землю, въ три сажени. Будъте слова мои крѣпки...“³⁾.

(Зѣми 40 зѣриа черен боб-бжкла, да гу упуки вогжнѣа, да го натриі на цирейти си, да гу тури нѣакуі камжк и да кажи): „Кугату изникни този боб, тугас да ми изнакижт цирей“⁴⁾.

Баяние за добрина (= кога се разболѣ човѣкъ и му излѣзжтъ пришки по лицето):

„Хубава дубрино

Наі-хубава ут сички,

Ут дубра маіка, уд добар башта,

¹⁾ Курезанко, „Volksmedicin... in Bukowina“, II, с. 44—5.

²⁾ Oswald von Zingerle, „Segen“, с. 173—4.

³⁾ Гуляевъ, „Очерки Южн. Сибири“, с. 58.

⁴⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, VII, с. 144.

Уд добри сестри, уд добри братъа!
 Аку е беда ну белу цвете;
 Аку е синъа, ну синъу цвете;
 Аку е жолта, ну жолту цвете,
 Аку е червена, ну червену цвете;
 Та да ульокне, кату льоку перу;
 Да са учисти, кату чисту сребру;
 Да са утроси, кату рожен клас;
 Та да стане кату машку детенце
 На маичина биска;
 Кату младу ёгне на летну слону“ ¹⁾.

„Не отъ угли, не отъ каменя не отростаеъ отростень и не разцвѣтаеъ цвѣтъ; также бы и у меня р. б. N. не отростали бы на семь тѣлѣ ни чиры, ни вереды, ни лишаи и никакіе пупыши“. (Это наговаривать на уголь, коимъ 3 р. обвести чирей, ткнуть въ средину нарыва, а потомъ выбросить на от-машъ на улицу, говоря): „Съ вѣтра пришло, на вѣтеръ поди, отколь пришло, туда и поди“ ²⁾.

„Проводять на нарывѣ черты ножемъ, а потомъ на сукѣ въ стѣнѣ и говорятъ: «какъ у этого сучка нѣтъ ни плоду, ни роду, такъ бы и у этого пупышка (нарыва) небыло ни плоду, ни роду, вверхъ бы не поднимался и въ ширину не раздавался“ ³⁾.!]

(Наговоренными сливками мажутъ чирей): „Р. Б. N. (больной) вставалъ благословясь и пошелъ перекрестясь изъ избы дверьми съ двора вор., вышелъ въ чист. поле: Есть въ чист. п. сухая шалга, на т. ш. трава не растеть и цвѣты не цвѣтутъ и также у р. б. небыло ни чирія, ни вереда, ни баенной нечисти. Очищается р. б. N. Во имя О. и С. и св. Д.“ ⁴⁾.

„O mój bólu, o mój pięknу, mój najpiękniejszy, mój najślicniejszy, prosę cię imieniem Panny Maryi, prosę cię imieniem Krystusa, Ducha Świętego, Świętėj Trójcy nierozdzielnej ze wszystkimi świętymi, zeliś ból kołtynowy, zastrzałowi,

¹⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, I, с. 92.

²⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, кн. 2, с. 210 (№ 48).

³⁾ Op. cit., с. 210 (№ 49. — Ср. №№ 51 и 52).

⁴⁾ Ib. (№ 50).

albo różowy, albo boląckowy, upatrz se miejsce na Szklanéj, górze, na Pérzowéj górze, i na Włoscowéj g. Jak się wanielija rozchodzi po kościołach, tak sie i ty bólu, rozeiść po gałęziach, po tarninach, po kamieniach, po korzeniach. Wyjdz z ciała i kości. Prose cię do Boskiej miłości“ ¹⁾.

„Nie ból, ból, bolák, bo ci Najświętsza Panna kázala, zebys się nie budował, zebys się rozchodził cichuško, leguško, po tym grzesnym cieie, jak święta wanielija po kościele Boską mocą, a wszyćkich świętych dopomocą“ ²⁾.

(Взявъ печины, говорятъ заговоръ, потомъ угли разбрасываютъ въ дому по угламъ)* „Prose Pána Jezusa i syćkich świętych. | aby ten bolák tak się osedł po cieie, | jak świętá wanielija po kościele“ ³⁾.

Na uhrančivost: „Pán Bâg vekû vekû — | předivné jsou jeho milosti! | Tý a ty N. | já tobě dělám vodu: | na nadehu, | na přehlídku, | na uhrančivost: | jest-li tě napadla | bud' z vody nebo z větru, | bud' z leknutí, nebo z přejití, | jest-li te kdo uhranul | jakýma koli očima: | bud' modrýma, | neb zelenýma, | bud' černýma, neb červenýma; | bud' muž, nebo žena, | bud' mládenec, nebo panna, | bud' pachole, nebo děvče. | K tomu mi...“ ⁴⁾.

Чума представляется народомъ въ видѣ женщины, собаки и пр.; иногда эфемистически называется „кумою“.

(Въ покрывку съ горящими углями кладутъ стружекъ съ кочерги, кусокъ помела и немного пшена): „Во имя Отца и С. и Св. Духа. Аминь.— Чума-чумыще, видьма-видьмыще, огненная, водяная, витрияная, поиды соби одъ р. Б. Н. нарощен., молитв., хрещен., одъ ёго краснойи крови, одъ жовтой кости, одъ билого тила, поиды соби за быстрый Днистръ, за сыне море, на пустыи рикы“ ⁵⁾.

¹⁾ Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, с. 54—5.

²⁾ Ib., с. 56. ³⁾ Ib., с. 58.

⁴⁾ Erben, „Česká zařikadla“, с. 55.

⁵⁾ Чубинский, „Труды“, I, с. 128.

„Чума-чумица, вѣдьма-вѣдьмица, сукъ-сукица! поиди ты на мхи, на болота, на сухой лѣсъ, на чортову мольку отъ р. Б. Н., отъ его желтой кости и красной крови. Хукъ, св. Духъ!“¹⁾

„Бога ти, како ти мориш људе?— Бог је све људе, које њи поморити, одговори она, записао у један тевтер, на их дао мени, и ја их после морим. Молим те, настави чобанин, јесам ли и ја ту записан?— Чума извади тевтер, погледа у неџа, и каже му да није. Чобанин је онда тресне батином: Кад ме Бог није записао, ти ме не можеш ни уморити“²⁾.

Въ книгѣ *Шарко* и *П. Рише* „Уроды и больные въ искусствѣ“ приведенъ случай возникновенія апокрифической молитвы противъ чумы:

„Зачумленные! призывайте имя св. Роха и вы выздоровѣете“.

„Въ началѣ XIV столѣтїя, когда чума производила страшныя опустошенїя въ Италиі, Рохъ, простой пилигримъ, сдѣлался врачомъ и утѣшителемъ несчастныхъ; но скоро самъ заболѣлъ и, несмотря на отсутствїе помощи, выздоровѣлъ. — Когда онъ умеръ, по преданїю, около него нашли записку съ вышеприведенною молитвою“.

Шалъ (= delirium, бѣшенство, помѣшательство, сумасшествїе; водобоязнь; стиклизна; полуканя, в. улуканя, ср. польск. obłąkanie).

„Устану я рано, раненько, умыюсь бѣло бѣленько, узыйду на кругую гору, зирну подъ ясную зару, — тамъ стоиць дѣдька лябедька, старый, бородатый. Дѣдька л-ка, унимай свайго собаку љусаку, крутяку и вяртяку: укусивъ ѣнь р. Б.; вынимай шаль изъ костей, изъ мощей, изъ чорныхъ пяченей, ись синихъ жилъ, зъ горучїя криви и буйныя головы, штобъ у р. б. косьти ня ломило, гор. к. ня морило, ясныхъ вочей ня крутило“³⁾.

„Заря, зараница, божая помошница, поможи мнѣ, Госпо-

1) Романовъ, „Бѣлорус. сборн.“, V, с. 143 (№ 22).

2) Милићевић, „Живот“, с. 167—8.

3) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 104 (№ 266; ср. № 265).

дзи, шаль заговариваць. (Прикласць хлѣбъ къ полѣнцу). Якъ етому древу на семь свѣци ня шумѣци, ня мѣци зяленья квѣци, такъ чаловѣку (ци худобини) шалу ня мѣци. — На Сіянъской горѣ стоиць хатка, у тѣй хатци дзѣдзѣка лябедзѣка, по ймяньню Авдзѣйка, зялѣзной пугой силистая, ярый зубъ замовляя, зъ буйныя головы зъ горячія криви шаль выбивая. Выговарую съ косьцей, зъ мощей, зъ жилъ зъ нажилъ, зъ горючія криви, зъ жовтыя косьци, зъ ясныхъ вочь¹⁾.

„На мори, на кіяни стоиць войструвѣ, на тымъ в-и сядзиць сивый дзѣдъ, калину ламаю, синій огонь пропуця, отъ шалу помочи давая. Мижъ горъ стоиць волъ; якъ тому волу зъ горъ ня выходзиць, такъ гѣтому шалу вѣкъ ня бываць“²⁾.

„Кручу свѣрдломъ сухое древо, выгоняю шаль изъ души, изъ цѣла у щирый боръ, у зялений боръ. Якъ у сухому древу и у щиромъ бору отростку ня 'тростаць, такъ у божжу уздыханьню шалу ня бываць и ня 'трыгатца“. („На хлѣби. Церезъ воду нельзя несць яго“) ³⁾.

„Помяни Г-дзи царя Давыда и ц. Косцянцина, Вѣру, Падзежду, животы вѣшныя. Судержаешъ царей-королей, сильныхъ могучихъ богатырей, зямлю и воду, удзѣржи ету ярную шалосць. Выговарую ярную шалосць разныхъ шарьцей изъ буйныхъ косьцей, изъ рэциваго сэрца, зъ буйныя головы — вятхомъ и молодзикомъ и чеснымъ днемъ суботою: оставайся ярная шалосць, на неспособныхъ мѣстахъ, на сухихъ деревьяхъ, на дымовыхъ трубахъ“⁴⁾.

„Царь Давыдъ скряпивъ небо, зямлю, зори и ясный мѣсяць, скряпи и мою прозьбу. — Съ вусходу сонца на западъ сонца идзець старичокъ—самъ зъ ногоць, борода по поясъ, пуга семъ сажаней, пуговѣ зъ локоць. Ето самый шаль. Вынимай свою дурусць съ косцей, мощей, суставовъ, буйныя головы, ясныхъ вочь, зъ горючія криви, съ р. Панаса.— А ня будзешъ вынимаць, будзець цябе св. Ягорій сѣчь и рубаць, копьемъ пробиваць, твою кровь разливаць“⁵⁾.

¹⁾ Романовъ, Op. cit., (№ 268).

²⁾ Ib., с. 105 (№ 274; ср. № 271).

³⁾ Ib., с. 107.

⁴⁾ Ib., (Доп.), с. 171 (№ 56).

⁵⁾ Ib., с. 175 (№ 67; ср. №№ 66, 68—69).

„На синимъ на мори стаить дубъ карявій, надъ тымъ д. к. стаить кравати тисавья и залаты нярины пуховья и адіялы шалкавыи. У тыхъ у няриныхъ пухавыхъ ва діялахъ шалкавыхъ ляжить руна шереди, у той руни шереди сядить птица Садяржица и Сакратица, каторая садиржаить и закричаить веѣхъ сваихъ птицъ палезныхъ и сабакъ забѣжныхъ и захожихъ, разныхъ шарстей, што ины ходя збродничаютъ, распутничаютъ: укусили скатину, свае жала упустили. Скажита имъ, нитобъ ины ўзяли къ сабѣ, а если яны ня возьмутъ яго къ сабѣ, то я буду править Михайлу, Вялыкыга Архистратига. Онъ придить судить сваимъ страшнымъ и грознымъ судомъ, съ заломъ зялѣзнымъ, — разабеть кравати тисавьи, и нярины пухавья, и адіялы шалковья, и руку шерсти, и будить васъ бить на галавахъ малатами, и будить ваши матать кишки на калясо, и агнемъ палить, штоба васъ не было на земли и вашига шалу. Аминь“¹⁾.

„На мыри, на кіяни, на востриви, на Буяни, стаить домъ, на томъ доми стаить старица и держить ана жала.—Ты старица, вазьми свае жала и приди къ р. б. Н. вынь изъ р. б. Н. жала смертныя! — Загаварию раны калючія на рукахъ, на нагахъ, на галавѣ, ва ўду, на затылки, на брывяхъ и на падбародки. — Будьтя ва вѣки вякоў на собаки чорный, сѣрый, красныи, сядой, рыжий, бѣлый — сядитя и ва вѣки ни хадитя“²⁾.

(Давая пить больному отваръ „косы“ въ непочатой водѣ): „Шло собі трохъ братівъ, балакалы, вѣстыклаго собаку пыталы. Иды правою дорогою, черезъ Орданьску ріку, на высолянську гору: тамъ ходыть баранъ зъ велькымы рогамы, и выстрыжы ему вовну межи рогамы и вернысь назадъ. Орданьскоі воды наберы, білого камня зъ скалы влупы. И да поможать мыні веі свв. хранытели замовляты, закльнаты, відъ стыклого собаки“³⁾.

(Даютъ непочатую воду переваренную съ зельемъ Матери Б. [коса] съ слѣдующими словами):

1) Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 188 (№ 2).

2) Тамъ же, с. 188—9.

3) Чубинскій, „Труды“, с. 129.

„Шло собѣ трѣхъ братѣвъ
 Балакали, встѣклого собаки ѣтали:
 «Иди правою дорогою,
 Черезъ орданьску рѣку
 На висолянску гору:
 Тамъ ходитъ баранъ
 Зѣ великими рогами,
 И выстрижки ему вовну
 Межѣ рогами
 И вернись назадъ:
 Орданьской воды набери,
 Вѣлого камня зѣ скалы влупи.
 И да поможать мнѣ всѣ Св. хранители
 Заговляти, заклѣнати,
 Водѣ встѣклого собаки»“

Читать 7 р. Отче нашъ и Богор. Дѣво. ¹⁾

„Въ и. О. и С. и св. Д. а.—Пр. М. Божіа и вси свв., станте мнѣ днесъ на помощи улуканя залѣчити р. б. N. — Стоитъ черная гора, на т. г. лежитъ черный камень, на т. ч. к. сѣдитъ каменная жела, держитъ она камяную дѣтину.—Отсылаю я къ той горѣ черной... камяной дѣтинѣ, отсылаю вѣди и видята, вѣтрѣниці и вѣтреники и вѣдунъ и внирята. Я васъ тамо отсылаю, абы улукали кам. жену и кам-ю дѣтину, а р. б. N. дали какой, абы былъ здоровъ. Отсылаю дюга и дюговицу къ той женѣ и къ той дѣтинѣ и уширѣте тѣмя и сердце и члонки и печенѣ, живымъ и мертв, вѣдемъ выпійте сердце, а рабу Б. N. дайте покой днесъ и и заутря и на вѣки вѣчныи, аминь“ ²⁾.

„Въ и. О. и С. и Св. Д. а.—Пр. М. В. и вси святѣи, станте мнѣ днесъ къ помочи улуканя излѣчити рабу Б. N. — Три девятій потоковъ, ишли съ нихъ три девятій дѣтій лукавцовъ, три девятій внирювъ, т. д. сѣвцовъ, т. д. торгавицъ и стрѣкавцовъ.—Тогда стрѣтила ихъ Пр. М. Б., извѣдовала ихъ: далеко вы идете? Они ей такъ повидѣли: о Пр. Маріе, М. Б., было намъ не задековати, бо мы ишли до того имрекъ, его серд-

¹⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 15—16 (№ 47).

²⁾ Петровъ, „Угро-руск. закл.“, с. 125.

це розкравати, и его кровь вышлти, изъ его сердца вызсати. — Тогда рече имъ страшное слово: Я васъ заклинаю Б. живымъ и св. Д. и всѣми свв. небесными силами! не можете вы пристушити къ р. Б. Н. къ его тѣлу, але идѣте вы назадъ на свою дорогу въ три девятій потоковъ; тамъ жадають васъ и побагають васъ, такъ (-мъ) ся на васъ готовятъ три девятій варовъ пива, т. д. печива хлѣба. Тамъ вы идѣте и поживайте и пийте, а р. Б. Н. дайте покой днесь и заутра, ажъ на вѣки вѣкомъ, аминь“ ¹⁾.

Вотъ нѣсколько абракадабръ — записокъ, которыя даютъ больному съѣсть:

ш	а	т	о	р
а	р	е	п	о
т	е	п	е	т
о	п	е	р	а
р	о	т	а	с

²⁾.

„Саторъ, Арено, Тенет, Опера, Ротас“ ³⁾.

„Амидоръ, Лидонъ, Колая, Фялонъ, Студидонъ“ ⁴⁾.

„Шалаю, Лараю, Жалокъ, Цюнъ, Соцоро, Перо, Оренератусъ“ ⁵⁾.

(3 дня подрядъ водить больного въ самую жаркую баню и дать съѣсть кусокъ нагов. хлѣба): „Господзи, баслови! Идзецъ I. X. по пуци по дорогѣ съ своимъ со апостоломъ. И X-съ Апостоль вернися, на раба N. оглянися, и шумъ и шаль въ головѣ и сердцѣ уймися, и рабъ N. на свѣтъ здоровый явися. Аминь“ ⁶⁾.

„Ὡς ὑπὲρ γαῖαν τὴν περιῶρον διάνοιαν καὶ ὑπὲρ τῆσαν σκολὶν λυσιᾶρικον καὶ ἐρώτησαν αὐτὸ τί(ς) σε ἐπῆρεν, σκολὶν; ἡ μήτηρ μου ἢ Ἐζεκελλία τίς σου, ἔδωκεν τὴν λύσ(σ)αν; ὁ Ἀχάμ τίς σου ἔκοψαν τὴν λύσ(σ)αν; ἄνθρωποι. τίς κύριος ὀνοματα (sic) βεριανὸς, βρίσκεν, βρίσκαβδες, βδευρ, σουρσοур. ἐγὼ γητεῶ καὶ ὁ θεὸς θεραπεύει“ ⁷⁾.

1) Петровъ. Op. cit., с. 125.

2) Милићевичъ, „Живот срба сельака“, с. 166.

3) Шейнъ, „Материалы“, II, с. 547.

4) Ib.

5) Ib.

6) Ib., с. 552.

7) Васильевъ, „Сборн. пам. виз. л-ры“, I, с. 335.

„Αναήλ. εἰςβιήλ, ἀμπεθουρά, μαμαίναντι, ἔκτιλες, ἔκτιλε, βίρακα, δειαδῆ, ἀδεδαίουτως, ἀφουσατόδιος, ἡύρισην, ἀπύρυφην τήν λύσ(σ)αν ταύτην, βρονιγκάταδε, βρονικάκαδε, δεδγῆ, ἡύρισην, ἡύρισαδῆ“¹⁾.

„На Алианской горѣ и на Абраминской горѣ пречистая Вл-ца мать—Б-ца какъ породила Христа, единого Г-да, — при томъ дѣлѣ не было ни колдуна, ни к-ницы, ни еретика, ни съ мужескаго полу, ни съ ж. п., ни съ ребячьяго п. и ни зъ дѣвичьяго, — не испортить и не сглазить ни чернцу, ни ченцу, ни попу, ни дячку, ни великому грамотнику. Огради его Г-ди силою честнаго креста, рожденнаго молитвеннаго, крещенаго исповѣданнаго, причащанаго, вѣнчанаго (— если женатъ —) р. б. N.“²⁾.

„Jerusalem (bis) | Du iüdische Stadt! | Wo man unsern lieben Herrn | Jesum gekreuziget hat! | Zwischen Mörder ihn aufhängen that | Ist für Gicht und Grimmen und Darmgieten gut“³⁾.

„Ich klage Gott über Gicht und Gichter | Und den allerhöchsten Mann | Der den Tod am Stamme des heiligsten Kreuzes annahm! || Die Gicht und gichter wanderten über ein Grund. St. Anna begegnete ihnen. St. Anna sprach: G-t und G-er, wo wollet ihr hin? — Die G-er sprachen: Wir wollen dahin, in des Menschen leib fahren; wollen fein Fleisch dräthen (?) und sein Blut saugen.— Da sprach die hl. Frau Sankt Anna: G-t und G-er, ich gebiete euch in das wilde Gehör woraus ihr gekommen | eidt! Du laufendes Gicht! Du tobendes g... stechendes... brennendes... Markgicht... hitziges... kaltes... Hauptgicht... Hirngicht... krampfg... fressendes... Armg... Being... Darmg... Fleischg... merkliches... verzaubertes Gicht und Gichter. Ich verbiete euch und Dir bei der Kraft Gottes und bei der höchsten Bant (Bann?) in das wilde Gehör woraus ihr gekommen seid!“⁴⁾.

1) Васильевъ, Op. cit., с. 335.

2) Безобразовъ, „Пам. стар. л-ры“, III, с. 168.

3) Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 448.

4) Ib., с. 448—9 (Ср. 17 олицетворенныхъ ядовъ съ Grimm „Myth“, с. 1109).

„O heiliger Andreas mein | Lass dich doch gebeten sein |
Treib aus das böse gicht | Das mich so Leibe sticht | O beses
Gicht (bis) | Fahre in die Herde Säu | Mache mich von Schmer-
zen frei“ ¹⁾.

(Очертивъ больного 3 раза ножомъ, надъ водою): „Отъ
Духа Св-аго, отъ печати Х-вой, отъ Спасовой руки, отъ чест-
наго креста, отъ В-цына запечатнаго замка. Ангель хранитель,
сохрани его душу, укрѣни его сердце. Врагъ-сатана, отступи
отъ него, отъ р-а Б-ія Н., а самъ Ісусъ Х-съ приступи къ р. б.
Н. Запрестольная Мати Божья, Пресвятая Б-ца, съ р. Б. Н.
сохрани и очисти всяку болѣзнь, всяку скорбь, в. немощь, в.
нечисть бранныхъ словъ и своей лихой думы, притчи, уроки,
переполохи, оговоры, одумы и призоры съ р. б. имрека, съ
буйной головы, съ ясныхъ очей, съ сахарныхъ усть, съ рукъ
и съ ногъ и могучихъ плечъ и съ бѣлыхъ грудей, съ ретиваго
сердца, съ бурой печени, съ легкихъ и съ селязня, съ 70 жилъ,
съ 70 составовъ, съ 70 жилъ поднятныхъ, съ головы да съ ту-
лова, съ тулова въ ноги, съ ногъ въ подошвы, а съ п-евъ въ
сыру землю, на темные лѣса, за синіе моря къ богатому кре-
стьянину не безъ отрыжки пива пить. Во вѣки, аминь“ ²⁾.

(Ножъ кладется больному подъ головы, водою обмываютъ
его и даютъ пить; если заснетъ—не будить). [Заговоръ новѣй-
шаго времени]: „Изыди злой духъ, полный кривды и беззаконія,
изыди, исчадіе лжи, изгнанникъ общества, ангеловъ, изыди,
змѣя, суностатъ хитрости и бунта, и. изгнанникъ рая, не-
достойный милости Б-ей, и. духъ ереси, исчадіе ада, пригово-
рен. къ вѣчному огню; изыди, негодное животное, худшее изъ
всѣхъ существующихъ, и. воръ, хищникъ, полный сладостра-
стія и стяжайія, и. дикій кабанъ и злой духъ, приговоренный
къ вѣчному мученію, и. грязный оболъститель и пьяница и т. д.
рядъ бранныхъ словъ“ ³⁾.

¹⁾ Birlinger, Op. cit., с. 449.

²⁾ Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, с. 261.

³⁾ Р и ш е, „Сомнамбулизмъ...“, с. 386.

„Во имя Отца... Богъ Господь и явися... Слава Отцу...
Аминь. Богъ Г. и явися (3 р.).

Богъ Боговъ и Г-дь Г-дей, огненныхъ чиновъ творецъ и
безплотныхъ силъ хитрецъ, небесныхъ и поднебесныхъ ху-
дожникъ. Его же ни видяи ни одинъ же отъ ч-къ, ниже видѣ-
ти можетъ, Его же убояся вся тварь, — разгордѣвшаго иногда
архистратиха и своею службою, послушаніемъ отвергшагося
свергій на землю и отступльшихъ съ нимъ ангелы, бѣсы зло-
бою бывшая во тьму глубины преисподняя предавыи, даждь
заклинапіе мое, о страшномъ имени твоёмъ совершаемо, — грозно
быти ему, владыцѣ лукавствія и всѣмъ споспѣшникомъ его,
спадшимъ свышняя свѣтлости, обрати я побѣжданіе и запо-
вѣждь ему отыти отъ р. б. Н. дабы и тому никто вредно въ
образѣхъ знаменоваемыхъ содѣялъ, но да приметъ себѣ крѣ-
пость знаменованую державную наступать на змію и на скор-
пію и на всю силу вражію имъ же Еси повелѣлъ, якое Твое
поется и величится отъ всякаго дыханія и славится со стра-
хомъ пресв. имя твое отца... (нѣсколько молитвъ и псалмовъ)...

Встану я р. б. Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ
избы во двери, изъ воротъ ворота подъ восточную сторону ко
св. морю океану. Въ того моря лежитъ бѣлъ латырь камень;
на тѣмъ камнѣ стоитъ св. соброн. апостольская церковь, у церк.
вратъ стоитъ Петръ апостоль съ золотыми ключами. Пойду я
р. б. Н. поближе, поклонюся пониже, — бо еси, батюшка П. а.,
отмкните, отоприте соб. ап. ц., благословите взять правую ру-
кою за булатную скобу, отворить правую рукою, переступить
правую ногой, достигнуть до престола Г-дня, до лика Божія,
крестъ сложить по писанному. Помолюся и поклонюся престо-
лу Г-дню и лику Б-ію.

Ахъ ты, самъ Г-дь Саваохъ и матушка пресв. Д. Марія,
какъ ты родила себѣ чадо, единороднаго Іс. Х. С. Б., какъ ты
не имѣла скорбей и болѣзней и силы дьявольскія, Вл-ца М-ка
Пр. Б-ія Б-ца возыми своею владыческой рукою изъ р. б. Н.
скорби и болѣзни, злыя дѣла, помрачительныя, и силы дьяволь-
скія поверзи въ огонь лютый до суда Г-ня.

Икоты-икотницы — шепотную икоту, ломотную и., потя-
готную и., клокотную и., смѣхотворную и., плачь неутолимый,

усовники, болетки, внутренняя огневь, тонорки, глухую тоску, подданную, поддѣльную, подвивную, взглядную, сполюбовную, съ буйной головы, съ сѣмя, съ мозгу, съ ясныхъ очей, съ черныхъ бровей, съ длинныхъ рѣсницъ, изо рта, изъ носу, изъ губъ, изъ десенъ, изъ зубъ, съ языку, съ могучихъ плечъ, изъ бѣлыхъ рукъ, изъ завитей, изъ костей, изъ перстовъ, изъ-подъ ногтей, съ бѣлой груди, съ ретивого сердца, съ черной печени, съ бѣлаго легка, съ сѣраго желудка, изъ желтой желчи, изо всего чрева человѣческаго, съ поясницы, съ подколѣнныхъ жилъ, съ понятныхъ ж., изъ лопастей, изъ перстовъ, изъ-подъ ногтей, изъ крови горячей, изо всего тѣла ч-скаго.

Благословите меня достигнуть до силы небесной и Мих. Архангела. Батюшка М. А., какъ ты подымался на св. золотой колесницѣ, на золотыхъ своихъ крыльяхъ съ седьмого небеси къ шестому, какъ тышибъ сатану лукаваго своимъ острымъ жезломъ, поверзилъ въ огонь лютый до суда Г-ня Б., л. р. воздайте мнѣ своей рукой помощи, воздайте своего востраго жезла подсѣчь и подколоть въ р-бѣ б-мъ Н. скорби и болѣзни, злыя дѣла, помрачительныя и силы дьявольскія поверзить въ огонь лютый до суда Г-ня.

... Благословите... Егорья Храбраго, Г. Е. Х. — какъ ты приколотъ змія-аспида своимъ вострымъ жезломъ ко сырой землѣ къ сіонской горѣ, въ огонь лютый до суда Г-ня. Г. Е. Х. воздай м. с. р. помощи, в. с. в. ж. п. и п. въ р. б. Н. — и силы вражія прогнать и поверзить въ огонь лютый до суда Г-ня...

... Благословите м. д. до седьмого небеси, до Ильи пророка съ Енохомъ. Б. И. п. и Е. какъ вы попускаете громы лютые, молоньи палочія, стрѣлы огненные. Отъ этого грому лютого м-евъ п-ихъ, стрѣлъ огненныхъ потрясается мать сырая земля, море и мелкія озера всколыщутся, текучія рѣки возмутятся, цари, власти, роды, хр-скіе устрашатся, а сила дьяв. укроется въ свѣтлыя воды, ухоронится въ горы, пещеры, въ стоячія деревья, подъ лежачія колоды; а въ дома хр-скіе у чистаго христіанина за Божія муки нигдѣ не можетъ сила дьяв. ухорониться отъ н. и до в. Б. П. пр. и Е. воздайте мнѣ съ своихъ рукъ... побить, поразить, попалить въ р-бѣ б. Н. скорби и бо-

лѣзни, злыя дѣла... силы д. поверзуть въ огонь лютый до суда Г'-ня...

...Благословите достигнуть до седьмого небеси до св. мощей... подь ногами его, подь бѣл. латыр. камнемъ, на днѣ — морской глубинѣ ходить сѣрый морской пѣтухъ съ 30 курицами: выскребають своими вострыми когтями желтые пески выклевывають своими вострыми носами морскую червь, ѣдятъ, выжирають всю нечистоту. Подоиду я р. б. Н. поближе, поклонюся пониже: Ахъ ты с. м. п-хъ, не выскребай св. в. к. ж. п., не выклевывай с. в. н. м. дресву, не ѣшь и выжирай морскую червь, не чисти носомъ море, а ѣжь и с. изъ р. б. Н. скорби... Г'-дня.

Выходить м. и. единожды въ годъ на Благовѣщ. заутреню. Становись на три латыря камня. У твоихъ остр. к-ей, у т. паногтей разсыплотся б. три л. к. Востреницешь своими крыльями и восноешь: отъ твоего пѣтушняго гласу потрясется мать-сыра земля, море и морскія о-ва всколышутся, текуція рѣки возмутятся, соборная и апостольская церковь восколеблется, а силы небесныя возрадуются и возвеселятся, а сила дьявольская изгонится и исчезнетъ въ огонь лютый. Аминь. Слава въ вышинахъ Богу... и мѣръ просвѣщаяй, слава Тебѣ. Аминь“¹⁾.

Заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся, и примѣняемые въ нѣсколькимъ болѣзнямъ сразу.

Въ началѣ 5-й главы я уже отмѣтилъ, что въ народной медицинѣ бывають, и нерѣдко, случаи, когда болѣзнь не опознана, когда діагнозъ ея, въ силу разныхъ причинъ не установленъ, когда знахарь, при недостаточной увѣренности въ своихъ силахъ, идетъ на угадъ. Въ подобныхъ случаяхъ иногда соединяются воедино нѣсколько отдѣльныхъ заговоровъ, а иногда создаются и особые, новые, неопредѣленно очерчивающіе

¹⁾ Кирилловъ, „Интересъ изученія народн. медц.“, с. 117—120.

болѣзнъ или назыв. опред. болѣзнъ съ прибавленіемъ и другихъ, или прямо „отъ всѣхъ болѣзней“.

Вторая часть настоящей главы и даетъ обзорніе подобныхъ заговоровъ.

Колъ (= „болестъ, която ненадѣино и изведнѣж се явява, обикновенно въ жбитѣ, нозѣтѣ или пѣкъ въ корема, бозъ да има нѣкакъвъ вѣнкашен признак на мѣстото на болестета и на болнията осѣща нетърпими болки“):

„Хоінов кол, [дол ѣси ти удирил? *повторяется*]

Габров кол... Дѣбов кол... Орехов кол...

Крушов кол... Сливов кол... Древанов кол...

Лисницов кол... Канликов кол...

Тополов кол... Брвастов кол...

Чи шта ва мѣчат много мѣка!

Шта ва закарат, та шта ва карат

Прис девѣат мланини:

Как шта си вис планини приварвите?

И шта ва прикарат прис девѣат морета;

Как шта си вис морѣа припливате?

Прис десетото бѣал Дунаѣ;

В Дунаѣ коі ѣлезе лесно ни излѣва,

Тога си каза Гуда Гилинджика:

Да си ходѣах от хѣшта в кѣшта,

Каде да си постелива наїдѣм.

Кат ма беше маїка испратила,

Да, си наїдѣм работа да си работѣм.

Ача фивазох в Танкина кѣшта,

Да си наїдох Танка на рагозина,

Да си седнѣх на нехиини ноги,

И си седнѣх и сѣ ударих:

Мѣр та ни е мѣка да ѣ излекѣвате:

Да си земете от три картуни,

От т. к-и ложите,

И да си з. о. т. крави,

От т. к. прѣасно мѣако.

Да сварите кратунови ложи,

Да повжрзете Танкини ноги,
Тога шта са познае чи шта си излековати“¹⁾).

Отз „ограма“ (= „кад здрав човек на један мах занеможе“): „Заспала мајка код (Јована) N., заспао отац кад N. на притискоше његовога анђела (— држи се да сваки човекима анђела на десној руци—), анђео се расрди и одлете од N. Кад то видаше доњоземци истрчаше и почеше му кидати дирку по дирку од срца, од трбуха, од главе, од уста, од језика и шпрати се тим. То видеше божји анђели на сечетеше с небеса и почеше да отимају и да моле да им дамо да једу и да пију благо, сладко и хубаво. Одбровољише и дадоше; дирку ол срца, дирку од трбука, дирку од уста и дирку од језика“²⁾).

Од њздати, трбоље, наступа:

„Ој, чумице, што си косу расплела, што си лице наградила? Како да не расплетем косу, како да не наградим лице, кад ме боду црнокрастим ножем. Они мене једним, а ја њих с два; они мене с два, а ја њих с три; они мене с три, ја њих с четири (и тако до десет иде и три пут се повтори и иза свакога десетог рече се: Усту! а кад се и после треће десетине рече: Усту! држи се да ће наступи проћи“³⁾).

„Амин, амин, бајем у свете Б-це: Пошао болан N. горе доле кукајући. У путу се сретне с Калином бајчлицом. Бајалица кидиса на његову болест и поче бајати а издат наже бегати из костију, из снаге N.“⁴⁾).

Од оспа, чирева, мицина (усова) и отока:

„У мице мицине три брата рођена: један глух, други слеп, трећи хром; глух не чује, слеп не види, хром не ходи (духне се у рану устук бес; ту ти место није“ (3 раза надъ перцемъ, затѣмъ сољю и наконецъ „чешљем“) ⁵⁾).

(Держа въ рукѣ перецъ и „чешаљ“): „Девет девојака чувају усов (мицину): три неме, три глухе, три слене. Док нема

¹⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, IV, с. 107—8.

²⁾ М и л и ћ е в и ћ, „Живот срба сељака“, с. 190.

³⁾ Иб., с. 178.

⁴⁾ Иб., с. 179.

⁵⁾ Иб., с. 183.

проговорише, док глухе прочуше, док слене прогледаше, залете се бесан вук те поједе усова“ („Док се год баје пиша се брусомъ у место које боли на у земљу“ 3 р. на день) ¹⁾.

(Отъ опавшихъ желѣзокъ за ушами). (Бросивъ въ воду 3 р. по 9 камешковъ „узме се девет каменчића на се једним на једним пиша на заушкама“): „Зажени се (место удаје се) Ника девојка; дође камени свекар те је испроси, доведе камене кумове, доведе каменитог старојка, каменитог девера, камените сватове, и каменитог младожењу“ (Беретъ изъ воды 9 новихъ камешковъ). „Устај Нико, девојко; дође ти каменити свекар да те испроси... каменитог младожењу“ (Такъ и въ 3-й разъ) ²⁾.

(Взявъ 9 маленькихъ камней въ руку и „пљуцкајући“ больного): „Пошао усов с кросном (вратилом) на војску. Сретне га девет младих девојака на га вратише; сретеше га девет младих момака на га уставише; сретне го Дона бајалица на гу устукну: усту! Уступи, усове: да си мањи од маковог зрна“ ³⁾.

„Пошао путем наметан човек: наметне опанке носи; наметне кајише завија; наметну кошуљу носи, наметну капу носи. Среча га мајка Б-ца. Куд идиш наметни човече?— Идем да задам N-у чирове, красте, оспу и свакојаку болестицу. Врни се натраг наметни човече, ја сам мајка Б-ца: душом ћу духнути, пером ћу махнути, то ће N-у проћи“ ⁴⁾.

„Пошла подљута по песку, убола се на треску. Ода шта јој је лек? Од паднога пера, од благога млека. Лака рана као перо, блага рана као млеко, чиста рана као сребро. Усту!“ (3 раза) ⁵⁾.

„Потекоше три реке: једна река огњуша, друга р. подљутуша, трећа р. благуша. Блага рана као млеко, лака р. као перо, чиста р. као сребро. Не бојсе, дете, то ће теби проћи“ ⁶⁾.

¹⁾ Милићевећ, Оп. cit., с. 183—4.

²⁾ Ib., с. 185.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Ib., с. 786.

⁵⁾ Ib..

⁶⁾ Ib.

Отъ крови (внутренней), бѣльма и пристрѣта:

„Ишла дивка Марія золотымъ мостомъ зъ зол. крестомъ, за нею бигло три псы; первый чорный, др. червоный, тр. бѣлый. Чорный одъ пристрѣту, червоный одъ крови, бѣлый одъ бѣльма; зъ 77 суставивъ р. б. N. чоловичойи косты“ (Александр. у.) ¹⁾.

Заговоръ отъ бѣлой грыжи и зубовъ:

„Стану я р. б-ій благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами во чисто поле — путемъ дорогою по край синя моря. Въ синемъ морѣ есть Святой б-ій островъ; на с-мъ б-мъ о-вѣ Святая б-я церковь; въ той с. б. ц-и есть престоль Г-день; на томъ п-ѣ Г-нѣ есть священно мученикъ X-въ Антипа, изцѣлитель зубной; и безсребренники х-вы Козьма и Даміанъ. Помолюсь и поклонюсь р-бъ Б-ій имрекъ: «Священномученикъ X-въ Антипа и б-ки х-вы К. и Д. изцѣлите скорбь и болѣзнь зубную и грыжу бѣлую». И речеть св.-м-къ А.: „Есть въ той б-ѣей ц-и Адамово тѣло, не слышитъ ли Адамово т., звону колокольнева, пѣнія церковнаго — въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи». И отвѣщаетъ мертвое тѣло А-во: «Я не слышу звона к-ева, пѣнья церковнаго, въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи, тильной, жильной, пуповой, суставной, становой, подкожной, ушной, глазной, зубной». — Такъ же р-тъ Б-ій N. не слышалъ бы въ себѣ — въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи отъ нынѣ до вѣка, вѣкъ по вѣку(вѣковъ, аминь“ ²⁾.

Отъ зубной болѣзни и щипоты и отъ грыжи:

„Г-ди Б. И. X-е, С. Б. помилуй мя грѣшнаго, аминь (на соль). Во имя О... аминь!—Вечерняя заря, утренняя Маримьяна (Уговори и утоли) у меня р. б. имрека сего грыжи и щипоту и зубную щипоту и костяную ломоту и червія неусышающія, и всякой болѣзни, и уразы тѣлесныя и жилныя, и костяныя и сердечныя, отнынѣ и до вѣка и до второго X-ва пришествія. Аминь.—Младъ молодъ мѣсяць у меня уговори и утоли

¹⁾ Манжура, „Сказки“, с. 180.

²⁾ Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, с. 286—7.

у р-а Б. и-ка грыжи, и щипоты, и болѣзни, и уразы тѣлесныя и жильныя и зубную щипоту и костяную ломоту, и грыжу, и червей неусыпающихъ отнынѣ... пришествія. Аминь. — Рече Каинъ брату своему Авелю: встанеть ли братъ нашъ Авель отъ мертвыхъ? И никакo же не востати брату нашему изъ мертвыхъ! — Такоже бы и не чета сему р. б. и-му ни грыжи, ни щипоты... пришествія. И како же убитой мертвецъ Авель лежитъ отъ начала свѣта и не чуетъ въ себѣ ни грыжи... ни червя неусыпающаго, такоже бы у сего р. б. и-ка ни грыжи... пришествія и суда. Аминь“¹⁾.

Отъ грыжи сылазу и баенной нечисти:

„Во имя... аминь. Сходитъ Егорій съ небесъ, по золотой лѣстницѣ, сноситъ Е. съ небесъ 300 луковъ златополосныхъ, 300 стрѣль златонорыхъ и 300 тетивъ златополосныхъ, и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ у р. б. N. уроки, прикосы, грыжи, баенной нечисти, и отдаваетъ черному звѣрю, медвѣдю, на хребетъ, и понеси черный звѣрь медвѣдь въ темные лѣса, и затончи, ч. з. м. въ зыбучія болота, чтобы вѣкъ не бывала, ни въ день, ни въ ночь... во вѣки вѣковъ, аминь“ (3 р. и 3 р. силывывать“²⁾.

Отъ опухоли и головной боли:

„Es ist ein gutte stund da unser H. J-s Ch-t geboren ward. Und i. e. g. s. da er am Crütz starb. Und das ist noch ein besser s. da er vom Tod wiederum vfferstund. Das sind die 3 gutten stunden, die wellen dieser person den presten vnd die wunden das sy weder plüttend oder schwärend, bis das Maria Ein anderen son gebäre. Im Namen Gott...“³⁾.

Отъ окорму и порчи:

(Найти траву прострѣль и заставить больного ясно про-

1) Рыбниковъ, *Op. cit.*, с. 262.

2) Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 369—370.

3) Lütolf „Sagen, Bräuche“, с. 546—7.

изнести): „Я знаю траву прострѣль, у меня есть трава прострѣль“. (Стереть траву и дать на чемъ-нибудь вышить) ¹⁾.

Отъ зубной и головной боли:

(G. Zahn- und Kopfschmerzen, Gr. Myth., Nachtr. zu 970; Birlinger, Aus Schwaben, I, 448). „Ich beschwöre dich bei dem lebendigen Gott, dass du aus des N. Leibe gehest und ihm so wenig schadest, als es Christus dem Herrn am heiligen Kreuze geschadet hat. Das befiehlt, dir Gott Vater, Sohn und heiliger Geist“ (говорить 3 р.) ²⁾.

Б. на трѣска и други болѣсти:

„Ти грѣзнице! Ти подавнице! и ти секаква болесту, да си ѓдиш от коде шо си дѣшла; како шо те незнаема отъ каде си дѣшла, така да те незнаема и кода кѣа си поѣш. От коде да си дѣшла: от вода, от ветор, от око, или от завѣст, да си ѓдиш, да те невидиме; со дѣнь си дѣшла, во злѣ дѣба да си одиш; те терат жѣна дорѣдена. Како шо бѣгат тѣрчин от свиншчѣа, така ти да бѣгаш от хрисѣаншчѣа. Кѣлку стѣбит слѣана спрѣти сѣлѣнце, кѣлку стѣбит ветор на рѣд, тѣлку ти да имаш мѣсто на ѓвоѣа снага. От Бѣга цѣлба, от ѓвие работи здраве“ ³⁾.

Боячки отъ баба Евда:

„Пѣможи му, Господи,
И си светци небесни,
И вие мои безстрѣбренѣци
Да ѣа испратам бѣлѣста,
Од ова мачна душа,
Со колак и бѣрдаче,
И со голем бакшиш кѣшула,
Да си оди на тучѣа тучина,
Преку девет морѣнѣа,
И преку деведесет и девет планинѣа

¹⁾ А. С., „Заговори и наговори“, с. 117.

²⁾ А т т а п, „Volkssegen“, с. 206—7.

³⁾ „Сб. за нар. умовъ.“, II, с. 173.

Да поїди дори во Тилимса,
Тамо да си напраї нова кукъа
Во другега чоека;
Доста веке го мачи ової сиромах
И мачен чобечец“¹⁾.

„Аї ми со здраве, брате, ої (оди, иди си) ми си и земи го бардачето, та го окжрши и вака речи: «Како што ке го окжршам бардачево, така да се здробит во мене болеста, ако неизлезит». Ої ми си дома малчѣїки, легни си, спи си и утре здрав биди си“²⁾.

Аккадїйское заклинаніе:

„Богъ злой, демонъ з., д. пустыни, д. горы, д. моря, д. болоть, геній злой, громаднїй Уруку, вѣтеръ самъ по себѣ худой, демонъ злой, охватывающїй тѣло, волнующїй г., клянись небомъ, к. землею. Демонъ, овладѣвающїй ч-комъ, Гигимъ, причиняющїй зло, происходящїй отъ злого демона, клянись небомъ, клянись землею“³⁾.

Авестическое заклинаніе:

„Мы благословляемъ все это, мы желаемъ всего этого (для блага) тѣлу людей, мы почитаемъ все это, чтобы побороть болѣзнь, ч. н. смерть, ч. н. обжогъ, ч. н. горячку... головную боль... лихорадку... Ажана,... Ажагва,... Куруга,... Аушвака,... Дурука,... Астайря,... зловоннаго Агаши, сотворенныхъ Ангро-Майніусомъ противъ тѣла людей. — Болѣзнь, я тебя заклинаю, о смерть, я закл. тебя... о зловонный Агаши. (Дай) намъ, о Агура, могущество сильное, чтобы мы могли побить Друдусъ, побьемъ Друдусъ этой силой. Я побораю болѣзнь, побораю Агуйри... людей, побораю всѣ болѣзни и смерть, всѣхъ Ятусъ, всѣхъ Пайрика, всѣхъ нечестивыхъ Джайни. Пусть (— Ср. аккадїйское заклинаніе изъ Ленормана с. 8: „пусть выйдетъ злой демонъ, пусть оба они вступятъ въ единоборство. Духъ благоприятный и исполинъ благоприятный, пусть проникаетъ въ его тѣло. Клянись небомъ, к. землею“ —) Айряманъ-Ишья побо-

1) „Сборн. за нар. умотвор.“, I, с. 94—5.

2) Ib., с. 95.

3) Диллей, „Дуал. въ Авестѣ“, с. 225—6.

раетъ болѣзни на радость мужчинъ и женщинъ (послѣдователь Заратустры, на радость чистаго духа, пусть законъ дастъ желанное вознагражденіе. Я желаю вожделѣннаго благословенія чистоты: пусть возрастить его Агура Мазда. Пусть А.-Ишья побораетъ всѣ болѣзни, смерть, всѣхъ Ятусь, всѣхъ Пайрика, всѣхъ нечистыхъ Джайни“¹⁾.

„Передъ всякимъ заговоромъ произносится обыкновенно слѣдующая молитва: «Николай угодникъ Божій, помощникъ Б.! Ты й у поли, ты й у доми, у пути й у дорози, на небеси и на зemi; заступы и сохраны одъ усякого зла»“²⁾.

Чтобы вынать болѣзнь изъ тѣла: „Де люды неходять, де півень неміе, де сонце несходить, де хрыстьянскій голось незаходить, — на очерета, на болота, на быстрые воды! Тамъ соби гуляй, дозою хилай, нескомъ посынай! Тамъ тоби гулять, роскоши мать!“³⁾.

Отъ враговъ, болѣзней, и несчастій:

„Der Segen der vom Himmel von Gott dem Vater kommen ist, da der wahre, lebendige Sohn Gottes geboren ward, der gehe über mich allzeit. Das heilige Kreuz Gottes, so lang und breit als Gott seine so bittere Marter daran gelitten hat, gesegne mich heut und allezeit. Die heil. 3 Nägel, die Jesu Christo durch seine heiligen Hände und Füß' geschlagen werden, die gesegnen mich heut und zu allen Zeiten. Die bittere Dornenkrone, die Christo Jesu seine heil. Seiten geöffnet worden, gesegne mich heut und allezeit. Dein rosenfarbes Blut das sei mir vor alle meine Feinde gut und vor alles; was mir schaden thut an Leib und Leben oder Hofgut. Es gesegnen mich zu allerzeit die heiligen fünf Wunden, damit alle meine Feinde werden vertrieben oder gebunden. — Also muss ich so gut und das Brot, das Jesus den 12 Jüngern an dem Gründonnerstag Abends gab. Alle, die mich hassen, müssen mir alle stillschweigen. Ihr Herr sei gegen mir erstorben, ihre

¹⁾ Дилленъ, *Op. cit.*, с. 229—30 (изъ Венд. XX, 3—11).

²⁾ Шарко, „Изъ обл. суев. млр.“, с. 172.

³⁾ *Ib.*, с. 172—3.

Zunge verstumme, das sie mir gar nicht in Haus und Hof oder sonst schaden können; auch alle, die mich mit ihrem Gewehr oder Waffen wollen angreifen und verwunden die sein vor mir unsieghaft, lax und unwehrsam. Das helfe mir die heilige Gotteskraft, die machet alle Waffen und Geschütz unbrauchbar" ¹⁾).

Если у ребенка что заболитъ, дуя на больное мѣсто:

„Hādld (bis) Sēdgd, | Drdi Tāg Rēdgd, | D. T. Schnai, | Idz thūet's nimmd waih“ ²⁾).

Каждъ удари каква рѣдѣя у народ.

(Когда услышатъ, что въ окрестностяхъ народилась какая-либо болѣзнь, крестьяне становятся кругомъ; одна изъ женщинъ обвиваетъ ихъ поясомъ и, дойдя до послѣдняго, ударяетъ топоромъ въ землю „логов колац“ и, обратившись къ западу, говорить): „До кѣца дошла (болести), а колац не перешла, нити мојој кући доспела“ ³⁾).

Шептанія при неизвѣстности болѣзни:

„Стань ты, Пречистая, зъ помощами, а я со словами: видь твоихъ очей, видь твоихъ плечей, видь билого тила, видь жовтихъ костей, видь червонои крови, видь щирого сердца. Тутъ тоби не стояти, билого тила не псувати, червонои крови не пити, жовтои кости не ломити. Иди соби на очерета, на болота, де сонце не сѣе, де місяць не свите, де люди не ходять“ ⁴⁾).

„С. Божій, Суєъ Хр., отци св. кievьски, печерски, затворники святогорьски, пособите й помогите, визволяйте и пристривайте цюю болисть прескверную, препоганую, а я ии стала узнавати, стала ии пристривати пріятными словами, Господними молитвами; а ще пристриваю отъ скверныхъ ричей, отъ поганихъ очей. Тутъ тоби не бувати... щирого сердца не тошни-

¹⁾ Peter, „Volksthüml. aus Schlesien“, с. 236.

²⁾ Birlinger, „Volkslühmliches“, с. 211.

³⁾ Милићевић, „Живот срба сельака“ (37), с. 141.

⁴⁾ Ивановъ, „Шепт. и знахар.“, с. 173. (Ср. Чуб., I, с. 3).

ти, карихъ очей не мутити. Теперъ я стала вась вызывати на очерета, на болота, де люди не ходять, звоны не звонять, де христьянскій гласъ не заходе, де й собаки не брешуть, де й дивка косою не мае, --- тамъ тоби и вискъ викувати“¹⁾.

„Г. Б. номилуй! Мисяць на небесахъ, а ведьмидь у поли, а камень у мори. Якъ ти три браты збижаця, то тоди на тебе болисть буде нанاداця“²⁾.

Отъ всплхъ недуговъ: „Какъ вечерняя и утренняя заря станеть потухать, такъ бы у моего друга милого всѣмъ недугамъ потухать“³⁾.

Отъ бользни вообще:

Ворожка изъ села Подорожнаго (за Райгородкомъ, на Волини). (Обкатывая тѣло больного куринымъ яйцомъ): „*Utikáj na oczerety, na lisá, na bolota, na netry (= oczerety)*“ (разбиваетъ яйцо, взбалтываетъ въ стаканѣ бѣлокъ и желтокъ и говорить больному, что его хвороба смѣшалась съ яйцомъ; потомъ, обращаясь къ дьяволу (наславшему болѣзнь) и проклиная его, выливаетъ содержимое изъ бутылки за плетень⁴⁾.

(Ставъ около больного, касается его головы 4 р. ладонью, крестить ножомъ и, опустивъ его въ сосудъ съ водой, говорить): „*A z widkil ty sia wziáó, wyklinaju. Idy procz, idy na lisá, na oczeretá, ta na łuhu, ta na puszczy, ta na trepezy, ta wliż w hadiuku, ta wliż w żabu. Procz, procz!*“⁵⁾.

Атъ усихъ хваробъ:

„Хади, уси хваробы, съ пальчыкы, съ устаучыкы и съ кастей и съ мащей и съ буйнэй галавы, и съ хрябетный касте и ать ретивога сердца!“⁶⁾.

„Хазяинушка дамавой и межавой и лисавой и гуменный (рейскій). — Хазяинушки и хазяюшки и прашу накорна: при-

¹⁾ Ивановъ, „Шент. и знах.“, с. 173. (Ср. Чуб., I, с. 3).

²⁾ Ib.

³⁾ Аванасьевъ, „Поэт. возр.“, I, 226.

⁴⁾ Rulikowski, „Zap. etnogr.“, с. 110.

⁵⁾ Ib., с. 111.

⁶⁾ Добровольскій, „Смолен. этн. сборн.“, с. 198.

дитя ўси хваробы вазьмита на махи, на балеты, на гнилыя калоды“¹⁾.

Отъ всякой болѣзни:

„Oh, udarcu, oh pogancu,
Haid' otale udarčino,
Na najvišu planinu,
Na debelu vlaninju,
Gdje vò ne buće,
Gdje krava ne riče,
Gdje ovca ne bleči,
Gdje koza ne dreči,
Gdje oroz ne pieva,
Gdje kokoš ne kokoče“²⁾.

Общiе отъ всѣхъ болѣзней:

„Во и. О. и С. и Св. Д. аминь (3 р.). Царь-батюшка рѣка! Какъ ты ц.-б. течешъ со востока на западъ своими струями-колодезями съ горъ, съ холмъ, съ суходоловъ, крутые берега омываешъ, древесныя и травесныя коренья ломаешъ, омой и оторви отъ р. б. Н. всякія болѣзни отъ головы, отъ его очей, отъ его плечей, отъ ногтей и всей крови“³⁾.

(Заговоры младенцевъ): „Г-ды поможы, пособы Пр. Троиця, М. Б-ця своїмы словами, с. устами и с. Св. Д. Хто на тебе подумавъ, хто н. т. щелены рознымавъ, хто н. т. языки обертавъ. Ты вода вечiрня, случылася ты зъ вечера до пiвночi и до бiлого свiта, надъ тобою хрестъ умогалы, надъ тобою Евангелiю чыталы, бiсы-дьяволы заклыналы, изъ хрыстыянської вiры высылалы. И ты лукавый, чи ты водянный... вiтровый... выхровый, чи ты подуманный... погаданный... насланный... наспанный... найденый... напытый... мiсцовый... прычовый... прызырныый... въ часу... получасу... въ днi... въ полуднi... ночi... пiвночy?—Поты ты стоявъ, поты ты буявъ, покы я не знала.

1) Добровольскiй, *Op. cit.*, с. 198.

2) Glück, „Q stravi“, с. 72.

3) Чубинскiй, „Труды“, I, с.

Стала тебе знаты, с. т. зъ кості высылать. Пиды собі, де собаки не брешуть, де курі не поють, де хрестіянський голосъ не ходе. Не я тобі помагаю, п-е самъ І. Х. и М. Б. прыходыла, здоровья приносяла отъ усякої болісті, отъ у. скорботы. Нарожоному, м. Н. поможы Г-ды“ 1).

Баячка одъ баба Ивана (отъ всякихъ болѣзней):

„Спорет марта нокѣта, во глуха доба, ке баит баба Ивана вака. Земат един конецъ отъ пусти ништи (=нищолки) (од некоіа жена што е умрена) и ке застани во дворъ и ке го вѣдвои концецо, та ке наслуша пѣрво, за да нетронни или шумни некоі нешто, или некоі глас да се чуе. Тогаі ненавѣрзуат конецот и небаит, чунки требало во глау доба. Ако го вѣрзала и го забайла, до пет іазли (=вѣзели), да речиме, и уште за еден останело, нечинело баенъето; се расипуало; требало ништо, да нечут, тогаі баенъето бидуало салам. Кога ке заватит да баит и да навѣрзуат, на секоі чоек во куквата, каі што му баит, ке велит вака:

«Како што го вѣрзаѣ іазолов на концецо од пустите ништи, така да се вѣрзат сите болести, што ке му идат оваа година, на старио Марка. Треека да не го вакъа: жолтица, приш и іаникара; чума, буица (тежка болестъ), бодежи и наоди во очита и ни една друга машіа».

„Така ке вели баба Ивана за сите луге, што се во некоіа куква, каі што ке баит и ке го законат концецо пот праго од вратата, за да го чекорат“ 2).

Отъ всякой болѣзни:

„Господи Боже благослови! Во и. О. и С. и Св. Д. аминь. Какъ Господь Б. небо и землю и воду и звѣзды и сыроматерной земли твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той сыром. земли нѣтъ ни которой болѣзни, ни кровныя раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, такъ же сотворилъ Госи. мена р. б. Н. — Какъ сотворилъ Г. твердо утвердилъ и крѣпко

1) Чубинскій, „Труды“, I, с. 111—2.

2) „Сборникъ за нар. умотвор.“, I, с. 93.

укрѣнилъ жилы моя и кости моя и бѣлое тѣло мое, также у меня р. б. имр. не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретив. сердцѣ, ни на костяхъ моихъ ни которой болѣзни, ни крови на раны и ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли.—Единъ архангельскій ключъ; во вѣки вѣковъ аминь“ ¹⁾).

„Mit gott dem Vattir such ich Dich + Mit g. d. son find ich Dich + M. g. d. hailigin gaist vertrib ich dich + bül ös vnd gischwir ich biswir dich + by dem hailigin gisper das gott durch seine hailige sitte ward gistochin das mir nitt wat Eittir gift und blud + ich bischwir Dich by Din hailigin 3 nigil die gott durch seine nend sind geschlagen + ich bhschwir Dich by Dine hailigin fünf Wunden Das du seyist am andir thag virschwunden + ich b. D. by Dim hailig crütz Daran din almächtig gütig gnedih gott Alli sine minsche erlostit ich b. D. by Dim hailigin crütz dar an Din allmächtig göttlg gnedig Gott alli sini gilidin zirris Dasz Du aus gangist zu Die stund aus minin lib und mir kain schadin nimir mir bringist. Im namin gott Dis +- im n. g. Dis sons + im n. g. D. hailigin geist +“ ²⁾).

(Изъ старинной рукоп.). „Г-ди Б-е благослови. Во имя... аминь. Какъ Г-дь Б. небо и землю, и воду, и звѣзды и сыроматерной земли, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той с-м-ой землѣ нѣтъ ни которой болѣзни, ни кровныя раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, такъ же сотворилъ Г-дь Б-гъ меня р. б. N., какъ сотворилъ Г., твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ жилы мои и кости мои, и бѣлое тѣло мое, такъ же у меня р. б. N. не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретивомъ сердцѣ, ни на костяхъ моихъ, ни которой болѣзни, ни крови, ни раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Единъ архангель ключъ, во вѣки вѣковъ аминь“ ³⁾).

Молитва на всяку немощь:

„Владыко Вседержителю, врачи душъ и тѣлесъ, смиренни

¹⁾ „Труды Моск. Этно. Общ.“, V, кн. 2, с. 192. (Ср. ib. № 2).

²⁾ P i e r e r, „Sagen abs Sent-Gallen“, с. 71.

³⁾ Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 381.

вознесай и наказуй, паки исцѣли еси брата нашего N. немощствующаго; посети милостию твоею, и простри мышцею Твоею исполнено исцѣленіе отъ вражды, и исцѣли его возставлена отъ одра немощи, запрети духу немощи, отстави отъ него всякую язву, в. болѣзнь, в. рану, в. огневицу и трасовицу, и сиде въ немъ согрѣшеніе, беззаконіе ослаби и остави, прости Твоего ради челоувѣколюбія. Ей, Господи! пощади твое созданіе во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ нимъ же благословленно еси во вѣковъ. Аминь.—Во имя О. и С. Св. Д. аминь.—Ты еси окаянная Тресея... Гнетея... Ледея... Гнедея... Глухія... Пухія... Грудница... Желтая огнея... Ломея... Корноша проклятая... Невея... Іоанну Предтечу“¹⁾.

Отъ вѣсѣхъ недоугъ:

(Кирилл. библ. № 6/1083, л. 86 об.): „Гѣ Престы“ ѿче Всемогаи вѣчныи Бѣ, ѿ жени недоуг и всакоу болѣзнь ѿ чѣлка сего ѿ раба твоего сѣ N., ѿ главы, ѿ власть, ѿ тѣмене, ѿ мозга, ѿ лица, ѿ очію, ѿ оушію, ѿ оустъ... зоубовъ... носа... нозрью... вѣкоу... кровію... чела... скранія... горла... шиѣ... перси... плечю... хрешта... ребръ... срца... оутробы... селезни... бокоу... тоугоу... роукоу... мышцю... локтоу... пазоухоу... дланію... входа... исхода... мысли... смысла... гласа... ладвеи... бедроу... дымью... ногоу... стегноу... лыстовъ... глезноу... членовъ... начеленокъ... ноготь... жилъ... жилиць виѣоудоу и внутрьюдоу и ѿ всѣхъ оудовъ его, и всего съвершенія его и стое имя да дѣтса в немъ по твоемоу чѣколюбію; ѿими Гѣ ѿ него всако напрасно вреженіе и дажь емоу свою державноюу цѣлбоу, да блѣтъ тебѣ воздасть дѣанія раѣ единочадаго Сѣна Твоего Гѣ нашего Іс Ха, тои бо есть ненависти прогонитѣ и нападениемъ избавитель и силщимъ хранитель, прибѣгающимъ к немуу хранитель и застоупникъ“²⁾.

(Полууст. требн. XVI в. Троицк. Серг. л. № 225, л. 166 об.—168): „Гѣ силъ Бѣ нашъ и прмѣтиве Бѣ нашъ, Хѣ стѣи црїю ѿ жени всакъ недоугъ ѿ раба твоего N. и ѿ дѣи его и ѿ

1) Вохинъ, „Нар. заговоры“, с. 491.

2) Тихопратовъ, „Пам. отречен. л-ры“, с. 357—8.

тѣла и ѿ глѣвъ и ѿ власъ и ѿ чела, ѿ мозга... крови... вѣкоу... ряснѣць... очію... оушію... лица... носа... оустоу... мзыка... подѣмзычѣм... гортани... глѣвна... гласа... ши... перси... плещу... мышци... лохти... ребра... оугробы... ноупа... люча... срѣца... слезь... селезені... перепоны... желоудка... бокоу... тоуги... входа... исхода... питію... ѿвоща... юноси... осна... спаньм... ноши... мысли... дни... помысла... грѣхавотчѣ и мѣриѣ и своего і ѿ соблазна, ѿ ладви... бедроу... голени... лыстовъ... лезноу... перстовъ рouchныхъ и ножныхъ... ноготъ... длані... предѣль естѣвенныхъ... лона и ѿ и всѣхъ ставовъ ѿ крови... жилъ... жилищъ... возраста и ѿ свершении силы ѿ сна... лѣноты вѣфоуду и вноутрьоудоу приложи ѿ немощи въ силу, ѿ пренемогланіи во оутѣшеніе; болѣзнь его и недоугъ его исцѣли, ты бо еси Гїи плачь мироносицамъ на расть прѣложивы. Тыже приде на Ердань къ Іѡанну кртисѣ ѿ него, исполнити всѣкоу правду. Тыже црю приде в Вифанью, воскрсивы Лазарѣ изъ мртвѣхъ ты нѣ възвигни раба твоего N. ѿ ѿдра немощнаго и ѿ постела болѣзнымъ и ѿ жени ѿ него всѣкоу болѣзнь главную и ѿбычноую и полоудннуую и всеѡобразноую оужасноую ѡгне-ноую и стоуденоую и приведеную ти и всеименованноую болѣзнь, избави Гси ѿ всѣкого недоуга і болѣзни, плотскимъ и дшевнымъ немощи, даиже емоу зравье и силу, блгѣтью Ха твоего, ты бо еси истинныи врач дшмъ и тѣломъ и исцѣлитель болѣзнемъ нашимъ Хѣ Бѣ нашъ и Тобѣ сѣву высылаемъ ѡдју и сноу и стмоу.— Моѣ тому: Аламъ, сѣмъ, вартоватъ, витарь, витажъ, Бѣ велики Іс Хс еже еси разрѣши по Твоему воскрнію соуть были в гробѣ ѿ вѣка, всѣ разрѣши Гїи и исцѣли глѣву и срѣце раба твоего N. и болѣзнь соущоую в немъ ѡко блгвѣса и прослависѣ велелѣнье ѡца и сѣа“ 1).

(Сербск. рук. XV в.): „ѡче Стыи въсемоги прѣвечни Бѣ ѡрини въсе болѣсти ѿ чѣлка сего: ѿ глави... власи... врѣха... тѣмена... очі... оуши... воусть... езика... подѣзика... грѣта ... руцѣ... прѣсти... срѣце... жили... телѣси въсего... всѣ сѣставѣ чльновнихъ... вьнутрь... езу... гла. юноности... въсакого тела раба Бжїа имѣ въ име ѡца и сѣа и стго дха аминь“ 2).

1) Тихонравовъ, „Пам. отр. л-ры“, II, с. 358—360.

2) П., 360.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Настоящею (5-ю) главою заканчивается 2-я часть моей работы, и вмѣстѣ съ тѣмъ завершается и одинъ циклъ мыслей, придавая нѣкоторую законченность работѣ. Въ первоначальной черновой редакціи у меня разработано 4 части труда: 3-я — о заговорахъ отъ болѣзней у животныхъ и насѣкомыхъ и 4-я — разговоры на случаи различные — въ домашнемъ обиходѣ, а также присушки, привороты, отвороты и проч. (заговоры о любви). При дальнѣйшей разработкѣ 3-я часть все разрасталась, и постепенно создавалось убѣжденіе въ необходимости снабдить ее обширнымъ введеніемъ о пониманіи животнаго (насѣкомаго), какъ человѣка, въ различныхъ ступеняхъ міропониманія; это дѣлало 3-ю часть все болѣе и болѣе самостоятельнымъ цѣлымъ¹⁾. Въ виду этого, — да и по нѣкоторымъ менѣе важнымъ соображеніямъ, отчасти личнаго характера, отчасти отъ меня независящимъ, — я рѣшился выпустить введеніе и 2 первыхъ части отдѣльною книгой. — Что касается 3-й части, то ее предполагаю выпустить тоже отдѣльно, или какъ продолженіе работы, имѣющее и самостоятельный интересъ, или даже подъ особымъ заглавіемъ, т. к. въ прежнее изъ этого матеріала не все укладывается. Дальнѣйшая, детальная обработка этой части опредѣлить окончательно тотъ или иной путь. Что до 4-й части, наименѣе мною отдѣланной даже вчернѣ, то она представляется теперь мнѣ лишь въ видѣ дополненія къ изслѣдованію, (заговоры, касающіеся домашняго хозяйства и обихода, я нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ перенести въ 3-ю часть),

¹⁾ Въ ней уже образовалось 4 главы: а) з. отъ болѣзней у домашн. животн. и пастушьи, б) з. пчелиные и шелководовъ, в) Охотничьи з-ы и г) з. при-мѣн. въ дом. хоз. (части, быть).

выясняя въ немъ нѣкоторые лишь поставленные вопросы и частности, но не представляя собою органической части цѣлаго. Впрочемъ, при ближайшемъ разсмотрѣннн выяснится точнѣе, — б. м. этотъ отдѣлъ можно совсѣмъ опустить, замѣнивъ ее дополненіями къ отдѣльнымъ главамъ и примѣчаніями.

Нахожу необходимымъ приложить списокъ источниковъ и пособій, которыми воспользовался для работы, съ указаніемъ сокращеній ихъ въ текстѣ работы, что необходимо было дѣлать, т. к. подробныя заглавія нѣкоторыхъ источниковъ и по собій очень длинны, а встрѣчаются нерѣдко.

Не могу не отмѣтить съ глубокою благодарностью того доброжелательнаго отношенія, той готовности итти на помощь, каковыя я встрѣчалъ у всѣхъ лицъ, къ которымъ приходилось обращаться съ тѣми или иными вопросами, такъ или иначе относившимися къ моему изслѣдованію. — Н. Θ. Сумцовъ выпускомъ въ свѣтъ своего указателя литературы о заговорахъ патолкнулъ меня на мысль заняться этимъ вопросомъ, который глубоко заинтересовалъ меня еще въ лекціяхъ А. А. Поттебни (особенно когда пришлося ближе познакомиться, при переписываніи и при готовленіи къ печати — вмѣстѣ съ другими слушателями Поттебни послѣднихъ годовъ, — между прочимъ, частей записокъ по теоріи словесности, относящихся и къ данному вопросу). — Когда созрѣлъ первоначальный планъ работы (въ первый годъ по окончаніи курса въ ун-тѣ), я обратился за совѣтомъ и мнѣніемъ по этому вопросу къ Н. Θ. Сумцову, и вотъ съ тѣхъ поръ, на протяженіи многихъ лѣтъ я злоупотреблялъ его любезностью, доставая у него то нужную мнѣ книгу, то наводя ту или иную справку. — При воспоминаніи о первыхъ шагахъ въ работѣ, въ моей памяти ярко встаетъ образъ маститаго академика Бычкова, въ то время бібліотекаря С. П. Публичной Библіотеки, необыкновенно ласково принявшаго меня, когда я передалъ ему карточку моего бывшаго учителя и профессора М. Е. Халанскаго, знакомившую почтеннаго старца со мной. Съ большимъ интересомъ разспрашивалъ онъ меня о планѣ работъ, о сдѣланномъ мною и о томъ, что я предполагаю найти въ П-тѣ; далъ рядъ цѣнныхъ указаній и устроилъ мнѣ возможность работать въ бібліотекѣ продуктивно и съ удобствами.

Миръ праху твоёму! — У колыбели моего дѣтства стоитъ другой старикъ, съ которымъ я лично не былъ знакомъ, но вель оживленную переписку и получилъ по нѣкоторымъ частностямъ цѣнныя указанія. Это былъ, — нынѣ покойный, — редакторъ „Русск. Фил. Вѣстника“ проф. А. И. Смирновъ. Теперь у этой колыбели стоитъ проф. Е. Ѡ. Карскій, заинтересовавшійся работою еще въ началѣ ея и любезно открывшій для меня страницы своего журнала.—Неоднократно приходилось мнѣ обращаться за справоками, съ тѣми или иными вопросами, къ проф. М. С. Дринову, Е. К. Рѣдину, М. Е. Халанскому, Н. К. Грунскому, къ Г. Ю. Ирмеру и нѣкот. другимъ лицамъ, всегда охотно шедшимъ навстрѣчу. — Прошу всѣхъ ихъ принять мою искреннюю благодарность за духовную поддержку.

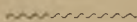
А въ заключеніе — грустная нотка. На протяженіи всей многолѣтней работы мнѣ приходилось, къ несчастью, оставаться одинокимъ: не съ кѣмъ было посоветоваться, обсудить тотъ или иной шагъ въ самомъ процессѣ работы. Отсюда, кромѣ этого жуткаго чувства, — масса погрѣшностей, опущеній, недосмотровъ и промаховъ, которые, конечно, будутъ сильно тормозить работу слѣдующему работнику на этой нивѣ. Да проститъ онъ мнѣ мои невольныя согрѣшенія. *Fecit, quod potui...* Всякія критическія замѣтки, дополненія, разъясненія моихъ недочетовъ будутъ для меня большимъ утѣшеніемъ: мысль въ этомъ направленіи пробуждена, и дальнѣйшая работа, при лучшей, чѣмъ моя, оснасткѣ духовнаго корабля, не можетъ не дать благотворныхъ результатовъ по пересмотру и переустройству прежняго духовнаго уклада на новый ладъ.

ИСТОЧНИКИ и ПОСОБІЯ

(съ указаніемъ сокращеній ихъ при цитированіи).

Живущему внѣ столицъ при разысканіи матеріаловъ по какому-либо вопросу приходится встрѣчаться со множествомъ затрудненій, затрачивая, и нерѣдко по напрасну, огромное количество времени и силъ на доставаніе, перечитываніе или просмотръ книгъ, иногда въ данномъ случаѣ совсѣмъ не нужныхъ (съ обманчивымъ, напр., заглавіемъ). Не говорю уже о томъ, что очень многихъ книгъ въ провинціи и совсѣмъ негдѣ достать. Имѣя свободнымъ лишь каникулярное время, я нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ изъ всѣхъ источниковъ и пособій, не имѣвшихся у меня на мѣстѣ подъ руками, (а таковыхъ оказалось очень много), сдѣлалъ на карточкахъ выписки, каковыми и пользовался въ дальнѣйшей работѣ. Конечно, въ этихъ выпискахъ возможны описки (особенно въ текстахъ, на областныхъ нарѣчійхъ и въ особенности иностранныхъ), каковыя попадали и въ печатный текстъ работы, и наряду съ корректурными недосмотрами могутъ исказить нѣкоторыя мѣста. Усердно прошу всѣхъ, кто таковыя замѣтитъ, сообщать мнѣ лично или печатно; всѣ таковыя указанія будутъ приняты съ искренней благодарностью. — Для движенія науки впередъ крайне желательно и необходимо составленіе лицами, стоящими близко къ крупнѣйшимъ книгохранилищамъ библіографическихъ указателей по разнообразнымъ вопросамъ того или иного отдѣла наукъ. — Въ настоящей работѣ большимъ подспорьемъ при разыскиваніи матеріаловъ служилъ мнѣ одинъ изъ такихъ указателей (— „Заговоры“. — Библіографическій указатель. Харьковъ, 1892 г.), составленный проф. Н. Θ. Сумцовымъ настолько обстоятельно, что можно было бы даже ограничиться ссылкой на него. Но такъ какъ кое-что изъ указаннаго проф. Сумцовымъ мною не разыскано, или не использовано по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, а иное подыскано вновь, да къ тому же многія изъ цитируемыхъ статей носятъ очень длинныя заголовки или помѣщены въ рѣдко цитируемыхъ, — мало извѣстныхъ, періодическихъ изданіяхъ, нахожу умѣстнымъ приложить приводимый ниже списокъ болѣе крупныхъ сборниковъ, статей и замѣ-

токъ, коими воспользовался при работѣ ¹⁾, и ихъ условныхъ сокращеній при цитированіи. Мелкія замѣтки, а равно подбираемыя во время печатанія будутъ цитируемы полностью.

Азбукинъ, М. „Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ“. (XI—XIV вѣка). — См. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ за 1896 г., № 2, с. 222—272. = *Азбукинъ* „Очеркъ л-рной борьбы“.

А. Р. „Изъ польскихъ суевѣрій и въ Лятвѣ и Бѣлой Руси“. — См. журналъ „Wisła“ за 1891 г., ч. IV, с. 905. = *А. Р.* „Изъ польскихъ суевѣрій“.

Аршиновъ. „О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ“. — См. Харузина „Сборникъ матеріаловъ для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“, с. 140. = *Аршиновъ* „О нар. лѣч. въ Казан. у“.

А. С. „Заговоры и наговоры“ (Изъ книги „Сказаніе о немощахъ человѣческихъ“). — См. „Извѣстія Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ“ т. X, в. 1. = *А. С.* „Заговоры и наговоры“.

Афанасьевъ, А. „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“. Т. I. М. 1865 г. = *Афанасьевъ* „Поэтическія воззрѣнія“.

Безбородко. „Памятники стар. литературы“, В. III. = *Безбородко* „Памяти“.

* *Березинъ.* „О мѣологическихъ вѣрованіяхъ австрійскихъ южныхъ славянъ“. — См. журн. „Знаніе“ за 1877 г., IV, с. 51—84. = *Березинъ* „О мѣол. вѣров.“.

Будде, Е. „Мѣсто и значеніе духовныхъ стиховъ въ исторіи русской народной словесности“. Воронежъ. 1883 г. = *Будде* „Мѣсто и знач. дух. стиховъ“.

* *Буслаевъ, Ѳ.* „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“. Т. I. С.-П.-гь. 1861 г. = *Буслаевъ* „Историческіе очерки“.

Буслаевъ, Ѳ. „О славянской рукописи въ Пармской бібліотекѣ“ — См. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ за 1875 г., ч. CLXXX, с. 238—244. = *Буслаевъ* „О славян. рукоп.“.

¹⁾ Изслѣдованія, коими воспользовался для тѣхъ или иныхъ заключеній, общихъ выводовъ, но которыя не цитируются въ текстѣ работы, здѣсь не приводятся.

Звѣздочкой отмѣчаются помѣщен. въ „Указателѣ“ Н. Ѳ. Сумцова.

Буше-Леклеркъ, „Изъ исторіи культуры. Истолкованіе чудснаго въ античномъ мірѣ“. (Переводъ Мищенко). Кіевъ, 1881 г. = *Буше-Леклеркъ* „Изъ ист. культуры“.

Веселовскій, А. „Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса“. — См. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ за 1868 г., ч. CLX, с. 281—359. = *Веселовскій*, А. „Замѣтки и сомнѣнія“.

Веселовскій, А. „Изъ введенія въ историческую поэтику“. — См. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ за 1894 г., кн. V, с. 21—42. = *Веселовскій*, А. „Изъ введенія“.

Веселовскій, А. „Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля“. — См. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ за 1898 г., кн. III, с. 1—80. = *Веселовскій*, А. „Психологич. параллелизмъ“.

Веселовскій, А. „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“. Вв. VI—X. С.-П.-гъ. 1883 г. — См. „Сборникъ Отдѣленія русск. языка и словесности Императорск. Академіи Наукъ“. Т. XXXII № 4. = *Веселовскій*, А. „Разысканія“.

Воеводскій „Введеніе въ міеологию Одиссеи“. Одесса, 1881 г. = *Воеводскій* „Введ. въ міеол. Одиссеи“.

* „*Воронежскій* Юбилейный Сборникъ въ память 300-лѣтія г. Воронежа“. Воронежъ. 1886 г. Т. II-й. = „*Воронежскій* Юбил. Сб.“.

* *Вохинъ*, П. „Народные заговоры противъ болѣзней начала XVIII в.“. — См. журналъ „Русская Старина“ за 1878 г., т. XXII, с. 490—2. = *Вохинъ* „Народ. загов.“.

Галаховъ „Исторія русской словесности древней и новой“. Т. I. 1880 г. = *Галаховъ* „Ист. русск. слов.“.

„*Грамотѣй*“ (народный журналъ) за 1864-й годъ., кн. 6-я. С.-П.-гъ. „Грамотѣй“.

Гринченко, В. „Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ“. В. I. Черниговъ. 1895 г. — См. Приложение къ „Земскому Сборнику Черниговской губ.“ за 1895 г. №№ 1—3. = *Гринченко* „Этнографич. матеріалы“ I.

Гуляевъ, С. „Этнографическіе очерки Сибири“. — См. „Библиотеку для чтенія“ за 1848-й годъ, т. 90-й. = *Гуляевъ* „Этн. очерки“.

* *Даль*, В. „О повѣрьяхъ, суевѣрьяхъ и предразсудкахъ русскаго народа“ (изд. 2-е). С.-П.-гъ. 1880 = *Даль* „О повѣр., суев.“.

Демидовичъ, П. П. „Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ“. — См. „Этногр. Обзорніе“ 1896 г., кн. XXIX—XXX. = *Демидовичъ* „Изъ обл. вѣров. бѣлорус.“.

Демичъ, О. „Очерки русской народной медицины“. (Лихорадочныя заболѣванія и ихъ лѣченія у русскаго народа). С.-П.-гъ. 1894 г. = *Демичъ* „Оч. рус. нар. медиц.“.

* *Диллензъ, Э.* „Дуализмъ въ Авестѣ“. (Разборъ дисциплинарныхъ предписаній). С.-П—гь. 1881 г. = *Диллензъ, Э.* „Дуализмъ въ Авестѣ“.

* *Добровольскій, В.* „Смоленскій этнографическій сборникъ“. — См. „Записки Императорскаго географич. общества по Отдѣленію этнографіи“. С.-П—гь. 1891 г. = *Добровольскій* „Смол. этн. сб.“.

Добротворскій, М. „Русская простонародная медицина сравнительно съ народной медициной сахалинскихъ Айновъ“. Казань. 1874 г. = *Добротворскій* „Русск. простонар. медиц.“.

* *Драгомановъ, М.* „Малорусскія народныя преданія и разсказы“. Кіевъ. 1876 г. = *Драгомановъ* „Малорус. пред.“.

* *Ефименко* „Описаніе обычаевъ и нравовъ жителей Архангельской губерніи“. — См. „Труды Этнографич. Отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ ун-тѣ“, кн. V, в. 1-й. Москва. 1877 г. = *Ефименко* „Опис. обыч. Арханг. губ.“.

* *Ефименко, П.* „Сборникъ малорусскихъ заклинаній“. — Оттискъ изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ ун-тѣ“. — М. 1874 г. = *Ефименко* „Сб. малр. заклин.“.

Житецкій, А. „Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ“ — См. „Труды Этнографическаго Отдѣленія“, т. XIII, в. 1. — Москва. 1893 г. = *Житецкій* „Очерки быта Астраханск. калм.“.

* *Забьлинъ, М.* „Русскій народъ. Его обычаи, обряды, преданія, суевѣрія и поэзія“. Москва. 1880 г. = *Забьлинъ* „Русскій народъ“.

Зелинскій, О. „О заговорахъ. (Исторія развитія заговора и главныя его формальныя черты)“. — См. „Сборникъ Харьк. Истор.-Филологич. Общества“, т. X, с. 1—58 = *Зелинскій* „О заговорахъ“.

Золотницкій, Н. „О старой чувашской вѣрѣ“. — См. „Труды IV Археологическаго съѣзда—въ 1877 г.“, т. II.—Казань. 1891 г. = *Золотницкій* „О стар. чув вѣрѣ“.

* *Ивановъ, П.* „Знахарство, шептанье и заговоры“ (въ Старобѣльскомъ у. Харьк. губ.). — См. „Кіевская Старина“, 1885 г., XII, с. 730—44. = *Ивановъ* „Знахарство“.

* *Иващенко, П.* „Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-русскихъ шептаньяхъ“. — См. „Труды 3-го Археологич. Съѣзда въ Россіи — въ Кіевѣ 1874 г.“ Т. I. — Кіевъ. 1878 г. = *Иващенко* „Слѣды языч. вѣров.“

* *Иващенко, П.* „Шептанія“. — См. 2-й томъ тѣхъ же „Трудовъ“ = *Иващенко* „Шептанія“.

* *Калачевъ, Н.* Архивъ историч. и практическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи“. С.-П—гь. 1859 г. = *Калачевъ* „Архивъ“.

* *Каратыгинъ, И.* „Апокрифическія молитвы въ рукописныхъ требникахъ“. — См. „Христіанское Чтеніе“ за 1874 г., № 3—4, с. 441—8. = *Каратыгинъ* „Апокрифич. молитвы“.

Карскій, Е. „Библиографическая замѣтка“ о трудѣ *Ф. Варенка* „Przyczyniek do lecznictwa ludowego“ (матеріалы собраны въ Борисовек. у. Витебской губ. и въ части Лепельскаго у. Минской губ. и служатъ дополненіемъ изслѣдованій Романова и Никифоровскаго), — помѣщенномъ въ 1-мъ томѣ „Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydane staraniem komisji antropologicznej Akademii umiejętności (замѣтившихъ съ 1895 г. „Zbiór Wiadomości“) w Krakowie 1896—1900“. — См. „Журн. Мин. Нар. Пр.“. 1900 г., XII, с. 495—500. = *Карскій* „Библ. зам. о трудѣ Варенка“.

Кирилловъ, Н. „Интересъ изученія народной и тибетской медицины въ Забайкальѣ“. — См. „Этнографич. Обзорніе“ за 1894 г., кн. XIX, с. 84—120. = *Кирилловъ* „Интересъ изуч. нар. мед.“.

Кирпичниковъ, А. „Очерки по мифологіи IX вѣка“. — См. „Этногр. Обзорніе“ за 1894 г., кн. XXIII, с. 1—42. = *Кирпичниковъ* „Очерки по мифол.“.

Коваленко, Г. „О народной медицинѣ малоруссовъ“. — См. „Этногр. Обзорніе“, кн. XI. = *Коваленко* „О нар. мед. млр.“.

* *Колосовъ, М.* „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія“. — См. „Сборникъ Академіи Наукъ“, т. XVII, в. 3-й. = *Колосовъ* „Замѣтки“.

* *Комаровъ, М.* „Новая збирка народныхъ малорусскихъ приказокъ, прислывивъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь“. Одесса. 1800 г. = *Комаровъ* „Новая збирка“.

* *Крушевскій* „Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи“. Варшава. 1876 г. = *Крушевскій* „Заговоры“.

Кушелевъ-Безбородко, Г., графъ „Памятники старинной русской литературы“. В. III. С.-П.—гь. 1862 г. = *Кушелевъ-Безбородко* „Памятники“.

Леманичъ, А. „Иллюстрированная исторія суевѣрія и волшебства“ (переводъ подъ ред. В. Линдъ). Москва. 1899—1900 гг. = *Леманичъ* „Илл. ист. суев. и волшебства“.

Линденбергъ, С. „Нѣсколько заговоровъ“. — См. „Кіевская Старина“ за 1894 г., XII, с. 493—5. = *Линденбергъ* „Нѣск. заг.“.

* *Лоначевскій, С.* „Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа“. Кіевъ. 1875 г. = *Лоначевскій* „Сборн. пѣсенъ“.

* *Майковъ, Л. Н.* „Великорусскія заклинанія“. (Сборникъ). — См. „Записки Императорскаго русск. географич. Общества—по отдѣле-

нію Этнографіи⁴. Т. II. С.-П—гь. 1869 г. (с. 417—580). Съ дополнен. на с. 747—8). = *Майковъ* „Великорусск. заклинанія“¹⁾.

* *Манжура, И.* „Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской губ.“. Харьковъ. 1890 г. = *Манжура* „Сказки“.

Мансветовъ, И. „Византійскій матеріалъ для сказанія о 12 трысовицахъ“. Москва 1881 г. = *Мансветовъ* „Визант. матеріалъ“.

Марковичъ, В. „Знахарки новаго типа“. — См. „Кіевская Старина“ 1891 г., XII, с. 413—29. = *Марковичъ* „Знах. нов. типа“.

* *Милићевичъ, М.* „Живот срба сельака“. — См. „Гласник српског ученог друштва“, кн. V, св. XXII; кн. 37. — Београд. 1867/1873 гг. = *Милићевичъ* „Жив. срба сельака“.

* *Миллеръ Орестъ* „Опытъ историческаго обзоренія русской словесности“. Ч. I, в. 1, (изд. 2-е). С.-П—гь. 1865 г. = *Миллеръ, Ор.* „Опытъ“.

Милорадовичъ, В. „Народные обряды и пѣсни Лубенскаго уѣзда“. = *Милорадовичъ* „Нар. обр. и п. Лубенск. у.“.

Милорадовичъ, В. „Замѣтки о малорусской демонологіи“. — См. „Кіевская Стар.“. 1899 г., кн. VIII, с. 204. = *Милорадовичъ* „Зам. о малор. демонологіи“.

Милорадовичъ, В. „Народная медицина въ Лубенскомъ у. Полтавской губ.“. — См. „Кіевская Стар.“, 1901 г., кн. 1—3, 5, 7—8 = *Милорадовичъ* „Народн. медиц.“, I, V, 2, 3, 5, 7, 8.

* *Минхъ, А.* „Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губ.“. С.-П—гь. 1890 г. = *Минхъ* „Нар. обычаи“.

Номисъ. Украински приказки, прислѣвья и таке инше“. С.-П. 1874 г. = *Номисъ* „Украін. приказки“.

* *Овсянниковъ, К.* „Заговоры противъ лихорадки и зубной боли“. — См. „Ярослав. Губ. Вѣдом.“ 1869 г., № 18, ч. неоф. = *Овсянниковъ* „Заг. противъ лихор.“.

Овсяннико-Куликовскій, Д. „Опытъ изученія вакхическихъ культовъ“. Ч. I. Одесса. 1883 г. = *Овсяннико-Куликовскій* „Опытъ изуч. вакх. к.“.

¹⁾ Этотъ сборникъ я цитировалъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ (когда, напр., находилъ заговоры отъ болѣзней, не встрѣчавшихся въ другихъ источникахъ, какъ отъ „шелудей“ (коросты), отъ „усовой“; когда находилъ варіантъ, дававшій новую черту и т. и.); воспользовался имъ для общихъ выводовъ, отчасти при классификаціи матеріала, а также нѣкоторыми частностями, какъ-то особыми названіями болѣзней: „волосецъ“ (=волосъ), „хомуть“ (=грыжа), „болетошъ“, (=чирей; перепечатку же хотя части этого огромнаго матеріала считаю нецѣлесообразнымъ: всякому, занимающемуся вопросомъ о заговорахъ придется имѣть эту книгу настольной; изъ авторовъ, коихъ Майковъ не цитируетъ (Сахаровъ, Калачовъ, Рыбниковъ и др.) по ихъ общеизвѣстности, я извлекаю заговоры, чѣмъ-либо отлич. отъ другихъ варіантовъ.

Овсяннико-Куликовскій, Д. „Очерки изъ исторіи мысли“. — См. „Вопросы философіи и психологіи“ за 1890 г., кн. V. = *Овсяннико-Куликовскій* „Изъ ист. мысли“.

* *Петровъ, А.* „Угродорусскіе заговоры и заклинанія начала XVIII вѣка“. — См. „Живая Старина“ за 1890 г., в. 1-й. = *Петровъ* „Угродорусск. заг.“

* *Помяловскій, И.* „Эпиграфическіе этюды“. (I. Древніе наговоры—*tabulae defixionum*.—II. Римскіе колумбаріи). С.-П.—гь. 1873. = *Помяловскій* „Эпигр. этюды“.

* *Порфирьевъ, Я.* „Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой бібліотеки“. — См. „Труды IV Археологическаго съѣзда въ Ригѣ — 1877 г.“. Т. II). Казань. 1891 г. = *Порфирьевъ* „Апокриф. молитвы“.

* *Порфирьевъ, Я.* „Исторія словесности“. Ч. I. 1886 г. = *Порфирьевъ* „Ист. слов.“.

* *Потебня, А. А.* „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка“. Воронежъ. 1877 г. = *Потебня* „Млр. нар. пѣсн.“.

* *Потебня, А. А.* „О значеніи нѣкоторыхъ символовъ въ славянской народной поэзіи“. Харьковъ. 1860 г. = *Потебня* „О знач. н. с.“.

* *Потебня, А. А.* „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“. Т. I. Варшава. 1883 г. = *Потебня* „Объясн. млр. пѣсень“.

Приклонскій, В. „Три года въ Якутской области“ — См. „Живая Старина“, за 1891 г., в. III, с. 48—84. = *Приклонскій* „Три года въ Якут. обл.“.

Пыпинъ, А. „Начатки русской литературы“. — См. „Вѣстникъ Европы“ за 1893 г., XI, с. 251—93. = *Пыпинъ* „Нач. рус. л-ры“.

Рескинъ, Джонъ. „Искусство и дѣйствительность“. (Избранныя мѣста въ переводѣ О. Соловьевой). — См. „Сѣверный Вѣстникъ“ за 1896 г., X, с. 80—81. = *Рескинъ* „Иск. и дѣйств.“.

* *Романовъ, Е.* „Бѣлорусскій сборникъ“. В. V. — Заговоры, апокрифы и духовные стихи“. Витебскъ. 1891 г. = *Романовъ* „Бѣлор. сборникъ“, V.

* *Рыбниковъ, И.* „Пѣсни. Ч. IV. Народныя былины, старины, побывальщины, пѣсни, сказки, повѣрья, суевѣрья, заговоры и т. п.“.—С.-П.—гь. 1867 г. = *Рыбниковъ* „Пѣсни“, IV.

Рыльскій, Ѳ. „Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія“. — См. „Кіевская Старина“ за 1888 г., XI. = *Рыльскій* „Къ изуч. украи. міровоззрѣнія“.

* *Сахаровъ.* „Сказанія русскаго народа.— Народн. дневникъ. Праздн. и обычаи“. С.-П.—гь. 1885 г. = *Сахаровъ* „Сказ. рус. нар.“.

* *Сборникъ за народни умотворенія наука и книжнина*“. (Из-

дава министерство-то на народно-то просвѣщение). София. Кн. I—VIII. = Сборникъ за нар. умотвор.“, I (ч. II, III..).

Соколовъ „Заговоры“. (См. „Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этн. при Казан. ун-тѣ“. Т. II, в. 2—3. = *Соколовъ* „Заговоры“.

* *Соколовъ*. „Заговоры и наговоры“.—См. *тѣ* же „Извѣстія“, т. X, в. 1-й, матеріалы). = *Соколовъ* „Заговоры и наговоры“.

* *Сорокинъ, Г., свящ.* „Мѣстечко Дмитровка“. (Херсонской губ., Александровскаго у.). Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія“. = *Сорокинъ* „Мѣстечко Дмитровка“.

* *Спенсеръ, Г.* „Основанія соціологіи“. Т. I—II. 1876 г. = *Спенсеръ* „Основ. соціологіи“.

Спенсеръ, Г. „Развитіе профессій“. (Перев. Т. К-ль). — См. „Міръ Божій“ за 1896 г., I. = *Спенсеръ* „Развитіе профессій“.

Спенсеръ, Г. „Таинственный міръ“. (Переводъ Ралгофа). С.-П.—гѣ. 1899 г. = *Спенсеръ* „Таинств. міръ“.

Сперанскій, М. „Дѣленіе исторіи русской л—ры на періоды и вліяніе русской литературы на югославянскую“. — См. „Русскій Филологич. Вѣстникъ“ за 1896 г., № 3—4. = *Сперанскій* „Дѣленіе ист. русск. л—ры“.

Сумцовъ, Н. „Очерки исторіи южно-русскихъ сказаній и пѣсенъ“.—См. „Кіевская Старина“ за 1877 г., VI—VII; и отд. отд. = *Сумцовъ* „Очерки“.

Сырку, П. „Отрывокъ малорусскаго простонароднаго травника и два заговора“. (По рукописи начала XVII вѣка).—См. „Филологическія записки“ за 1883 г., I. = *Сырку* „Отрывокъ млр. травника“.

Тихомировъ, Н. „Лѣтописи русской литературы и древностей“. Т. IV. М. 1862 г. = *Тихомировъ* „Лѣтописи русск. л—ры. IV“.

* *Тихомировъ, Н.* „Памятники отреченной русской литературы“. Т. II. М. 1863 г. = *Тихомировъ* „Памятн. отреч. л—ры, II“.

Томъ, Ф. „Внушеніе и его роль въ дѣлѣ воспитанія“. (Перев. Максимовой).—См. „Образованіе“ за 1898-й г., XI = *Томъ* „Внушеніе“.

Трубецкой, С., кн. „Психологическій детерминизмъ и нравственная свобода“. — См. „Вопросы филос. и психологіи“ за 1894 г., кн. 25-я. = *Трубецкой, С.* „Психологическій детерминизмъ“.

„*Труды Этнографич. Отдѣленія* Московск. Общ. любит. Естествознанія и Этнографіи“. Кн. V, в. 2-й, М. 1878 г. = *Труды Этногр. Отдѣл.*“.

Успенскій, Д. „Родины, крестины“.—См. Этнографич. Обзорѣніе“, кн. XXVII, с. 84. = *Успенскій* „Род., крестины“.

Ушаковъ, Д. „Матеріалы по народнымъ вѣрованіямъ великороссовъ“.—„Этнографическое Обзорѣніе“ за 1896 г., кн. XXIX—XXX. = *Ушаковъ* „Матер. нар. вѣр.“.

Фаминицынъ, А. „Современное естествознаніе и ближай-

шая его задача“.—См. „Миръ Божій“ за 1899 г., XII, с. 1—12. = *Фамилицынъ* „Современ. естествознание“.

Харузинъ, Н. „Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“. В. I. М. 1889 г.; в. II. М. 1890 г. — См. „Труды Этнографич. Отдѣленія“, — т. XI. — О Вологодской губ. = *Харузинъ* „Сборн. свѣдѣній“.

„*Харьковскій Сборникъ*“. В. VIII. Харьков. 1894 г. — Матеріалы для этнографическаго изученія Харьк. губ. — Гл. I. — Старобѣльскій уѣздъ“. = „*Харьковскій Сборникъ*“, VIII

Чепы, А. И. рукопись (съ предисловіемъ Н. Стороженка): „Малорусскія суевѣрія, коимъ мало кто вѣрилъ, собранныя 1776 года“. — См. „Кіевская Старина“, за 1892 г., I. = *Чепы* „Млрус. суевѣрія“.

Чижевъ, В. „Тургеневъ, какъ психопатологъ“. — См. „Вопросы филос. и психологіи“ за 1899 г., кн. 50-я (V-я) = *Чижевъ* „Тургеневъ, какъ психопатологъ“.

* *Чубинскій, П.* „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край“. Т. I. С. II — гѣ. 1872 г. = *Чубинскій* „Труды“, I.

Шарко, Е. „Изъ области суевѣрій малороссовъ Черниговской губерніи“. — См. „Этнографич. Обзор.“, кн. VIII. = *Шарко* „Изъ обл. суев. млр.“.

Шейнъ, П. „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края“. Т. II. С. II — гѣ. 1893 г. = *Шейнъ* „Матеріалы“, II.

* *Шишацкій - Илличъ, А.* „О заговорахъ“. — См. неоф. ч. „Черниговск. Губернск. Вѣдом.“ за 1858 г., № 17. = *Шишацкій-Илличъ* „О заговорахъ“.

Шустиковъ „Троицина Кадниковскаго уѣзда“. — См. „Живая Старина“ за 1892 г., в. III. = *Шустиковъ* „Троицина Кадник. у.“.

* *Щаповъ* „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія (православныя и старообрядческія). — См. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1863 г., ч. СХVII—СХIХ. = *Щаповъ* „Историч. оч. народн. міросозерцанія“.

* *Щербина, Ф.* „Наговоры отъ болѣзней у Черноморцевъ“ (Кубанской обл., Ейскаго у., Иовоминской стан.). — См. „Кіевская Старина“ за 1883 г., VII. = *Щербина* „Наговоры“.

* *Щуровъ, И.* „Знахарство на Руси“. — См. „Чтенія въ Императ. Общ. Ист. и Древностей русскійск. при Московск. ун.—тѣ“. Т. IV — окт. — дек. — Изд. Водянскаго = *Щуровъ* „Знахарство на Руси“.

* *Эварницкій, Д.* „Изъ записной книжки этнографа“. — См. „Екатеринославск. губ. Вѣдом.“ за 1890 г., № 43. = *Эварницкій* „Изъ записн. кн.“.

* *Якушкинъ, Е.* „Молитвы и заговоры въ Пошехонскомъ

уѣздъ“. — См. „Труды Ярославскаго Губерн. Статистич. Комитета“, в. I. — Ярославль. 1869 г. = *Якушкинъ* „Молитвы и загов.“.

Ястребовъ, В. „Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края“. — См. „Лѣтописи Истор.-филологич. Общ. при Императ. Новоросс. ун-тѣ“, в. III. — Одесса. 1894 г. = *Ястребовъ* „Матер. этногр. Поворосс. края“.

Васильевъ, А. (Vasiljev) „Anecdota Graeco-Bysantina“ (Сборникъ памятниковъ Византійской литературы“. М. 1893 г., ч. I. = *Васильевъ* „Anecd. Gr.-Bysant.“.

* *Amman, J.* „Volkssegen aus dem Böhmenwald“. — См. „Zeitschr. d. Ver. f. Volkskunde“ 1892 г., в. 2—3. = *Amman* „Volkssegen“.

* *Bartsch, K.* „Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg“. В. II. Wien. 1880. = *Bartsch* „Sagen, Märchen“, II.

Birlinger, A. „Altdeutsche Besegnungen“. — См. „Germania“, в. 25-й. — Wien. 1880. = *Birlinger* „Altd. Besegnungen“.

* *Birlinger, A.* „Aus Schwaben. Segen, Legenden, Volksaberglauben“. В. I. Wisbaden. 1874. = *Birlinger* „Aus Schwaben“, I.

Birlinger, A. „Volksthümliches aus Schwaben“. (Sagen, Märchen, Volksaberglauben). В. I. Trieburg im Breisgau. 1864. = *Birlinger* „Volksthümliches aus Schwaben“, I.

* *Blant, E.* „Notes sur quelques formules cabalistiques“ — См. „Revue archéologique“ XXIV. — Т. I. Par. 1892. = *Blant* „Notes s. form. cabal.“.

Erben, K. J. „Česka zařikadla v nemocech“. — См. „Časopis musea království českého“, XXXIV, 1860 г. = *Erben* „Česka zařikadla“.

* *Glück, L.* „O stravi“. — См. „Гласник земаљског музеја у Босни и Герцоговини“. Кн. I. 1882 г. = *Glück* „O stravi“.

* *Goedeke, K.* „Deutsche Dichtung im Mittelalter.“ Dresden. 1871 г. = *Goedeke* „Deutsche Dichtung“.

Jahn „Ueber den Aberglauben des Bösen Blicks bei den alten“. — См. „Berichte über die verhandlung der Königlichen sächsischen gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. — Philologische-Historische Classe“. В. VII. — Leipzig. 1855 г. = *Jahn* „Ueber den Aberglauben“.

* *Köhler, J. A. Ernst* „Volksbrauch, Aberglauben, Sagen und andre alte Ueberlieferungen im Voigtlande“. Leipzig. 1867. = *Köhler* „Volksbrauch, Aberglauben“.

* *Krauss, E.* „Aberglaubische Kuren und sonstiger Aberglaube in Berlin“. — См. „Zeitschr. f. Ethnologie“, Н. I. 1883. = *Krauss, E.* „Abergl. Kuren“.

Krauss, Fr. „Volks glauben in religiöser Brauch der Südslaven“. 1890. = *Krauss, Fr.* „Volks glauben“.

Kreck, Gr. „Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte“. Graz. 1887 r. (c. 800—8, 826). = *Kreck* „Einleitung“.

* *Kuhn, A.* „Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westphalen“. B. II. Leipzig. 1859 r. = *Kuhn* „Sagen, Gebräuche“.

Kuhn, A. und Schwartz, W. „Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche Meklenburg. 1848 r. = *Kuhn u. Schwartz* „Norddeutsche Sagen“.

Kupczanko, G. „Volksmedizin.. in Bukowina“. — См. „Am-Ur-Quell“ за 1891 r, т. II = *Kupczanko* „Volksmedizin.. Bukowina“.

* *Lutolf,* „Sagen, Bräuche, Legenden aus fünf Orten: Luzern“. — Luzern. 1862 r. = *Lutolf* „Sagen, Bräuche“.

* *Meier, E.* „Deutsche Sagen, Sitten, und Gebräuche aus Schwaben“. T. II. Stuttgart. 1852 r. = *Meier* „Deutsche Sagen“.

„*Mélusine*“. Recueil de mythologie, littérature populaire, traditions et usages. — Publié par MM. H. Gaidor et E. Rolland. — Paris. 1878 r. T. II. Paris. 1884—5 r. = „*Mélusine*“ за 1878 r., v. за 1884—5.

Müllenhoff, K. „Sagen, Märchen und Lieder aus der Herzogtümer Schleswig-Holstein und Lauenburg“. Kiel. 1845 r. = *Müllenhoff* „Sagen, Märchen“.

N. ... „Zařikaci formule mezi lidem českým, a jak se od nemoci pomáhá“. — См. „Květy“. Narodni zabavnik pro Cechy, Moravany, Slowaky a Slezany. — 1847 r. V Praze. = N.... „Zařikaci formule“.

* *Peter, A.* „Volksthümliches aus österreichische - Schlesien“. B. II. 1867 r. B. I. Tropau. 1887 r. = *Peter* „Volksthümliches“, I (v. II).

* *Piper, P.* „Sagen aus Sanct-Gallen“. — См. „Germania“, вып. 25-й. W. 1880 r. = *Piper* „Segen aus S.-Gallen“.

Poek, W. „Aberglaube und Beschwörungsformeln aus der Lüneburger Haide“. (Собраны въ 1888 r.). — См. „Germania“ за 1892 r. I. Wien. = *Poek* „Aberglaube“.

* *Prahn, H.* „Glaube und Brauch in der Mark Brandenburg“. — См. „Zeitschr. des Vereins f. Volkskunde“ за 1891 r., H. 2. Berlin. = *Prahn* „Glaube u. Brauch“.

* *Řehoř, F.* „Lidová léčba u haličských Malorusů“. — См. „Časopis Mus. Kral. českého“ за 1891 r., т. LXV, в. II—IV. = *Řehoř* „Lidová léčba“.

Rochfolz, L. „Aargauen Besegnungen“. — См. „Zeitschr. f. deutsche Mythologie und Sittenkunde“. B. II. H. 2. = *Rochfolz* „Aargauen Besegnungen“.

* *Rulikowski E.* „Zapiski etnograficzne z Ukrainy“. — См. „Zbiór Wiadomości“, III. = *Rulikowski* „Zapiski etnograficzne“.

Schaufler, Th. „Althochdeutsche Litteratur“. Stuttgart. 1893.
= *Schaufler* „Althochd. Litteratur“.

* *Schönwerth, Fr.* „Aus der Oberfalz. Sitten und Sagen“. Ausburg. 1869 r. = *Schönwerth* „Aus der Oberfalz“.

* *Siarkowski, W.* „Mater. do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc“. — См. „Zbiór Wiadomości“, т. III. 1879. Kraków. — и т. IX. 1885 r. = *Siarkowski* „Mater. do etnogr.“, III (v. IX).

* *Strackerjan, L.* „Aberglaube und Sagen aus dem Herzogthum Oldenburg“. B. I. Oldenburg. 1867 r. = *Strackerjan* „Abergl. aus Oldenburg“.

Volksmann, H. „Volksmedizin“. — См. „Am-Ur-Quell“ за 1891 r. т. II. = *Volksmann* „Volksmedizin“.

Wackernagel, W. „Geschichte der deutschen Litteratur“. B. I. Basel. 1878—9 r. = *Wackernagel* „Geschichte d. d. Litter.“.

Wliskoeki, H. „Volks Glaube und religiöser Brauch der Zigeuner“ 1891 r. = *Wliskoeki* „Volks Glaube... Zigeuner“.

Zibrt, Č. „Staročeské výroční, obyčeje, pověry, slavnostia zabavy prostonárodní, pokuda o nich vypravují pismné památky az do nážvěk“. V Praze. 1889 r. = *Zibrt* „Staroč. výroční obyčeje“.

* *Zingerle, Oswald, von* „Segen und Helmmittel aus einer Wolfsthurner Handschrift des XV Jahrhunderts“. — См. „Zeitschr. d. Vereins f. Volkskunde“ за 1891 r., H. 2. Berlin. = *Zingerle* (или *Oswald von Zingerle*) „Segen u. Heilmittel“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе (с. 1—6).

Крайняя малочисленность монографій и особыхъ работъ о заговорахъ въ русской и иностранной литературѣ (с. 1—2). — Причины недостаточности обследованія заговорнаго матеріала (с. 2). — Задача изслѣдователя при данномъ положеніи дѣлъ (с. 2—3). — Связь этого вопроса съ медициной (внушеніе, гипнотизмъ) (с. 3—5). — Отношеніе современной науки къ таинственному, мистическому, къ суевѣрью (с. 5—6).

Часть первая.

Глава I (с. 7—40). Мнѣнія ученыхъ и изслѣдователей о заговорахъ: Мнѣніе ходячее, вошедшее въ учебный и житейскій обиходъ: Буслева (7—9), Афанасьева (9—12) и его послѣдователей — Иващенко (с. 12) и Помяловскаго (12), Амман'а (с. 12), Ор. Миллера (с. 12—18), Гримма (15), А. Веселовскаго (17), Галахова (18), Порфирьева (20), Wackernagel (21). — Новая постановка вопроса у Крушевскаго (21—5). — Своеобразно глубокое опредѣленіе заговора А. А. Потемной. — О. Зѣлискій и его попытка пересмотра вопроса (35—39). — Нѣсколько общихъ замѣчаній относительно этихъ мнѣній (39—40).

Глава II (с. 41—106). Психологическія основанія возникновенія заговоровъ.

Живучесть заговоровъ (41). — Условія роста вѣры въ мощь слова (42). — Эволюція слова — прототипъ развитія всякаго словеснаго (художественнаго) произведенія (42). — Роль слова въ развитіи анимистическаго пониманія міра (43—44). — Раздвоеніе міра (начало дуализма) (44—45). — Двойники (45). — Душа (духъ) — двойникъ челоуѣка (46). — Раздвоенное одухотвореніе міра (46—48). — Челоуѣкъ и его голова —

особыя „я“ (48).—Человѣкъ и его слово живутъ особо, нерѣдко враждуютъ (48—49). — Слово — орудіе борьбы съ темными, вредными для человѣка, силами, основа опредѣленнаго дуализма (49).—Связь между суевѣріемъ (миѣическимъ) и научнымъ мышленіемъ (49). — Исторія суевѣрія — исторія прошлаго науки (ея міровыхъ гипотезъ); мнѣнія ученыхъ и изслѣдователей по этому вопросу (Леманна, Рѣскина, Токарскаго, Шербюлье, Милорадовича, Спенсера (49—56). — Духъ и тѣло живутъ отдѣльно: духъ врага можетъ вселяться въ тѣло человѣка и мучить его; попытки изгнать вселившася—основа заговора (56). — Болѣзни можно прогнать силой физической, крикомъ, бранью, шумомъ. Источникъ заразныхъ болѣзней — по древней медицинскои теоріи — присутствіе въ воздухѣ чрезвычайно маленькихъ насѣкомыхъ, которыхъ можно напугать и изгнать шумомъ и крикомъ. — Близость этого взгляда къ современному ученію о микроорганизмахъ, бактеріяхъ и бактеріяхъ (56—7). — Вѣра въ возможность изгнанія болѣзни подкуриваніемъ, зловонными запахами держится въ народѣ отъ библейскихъ и до нашихъ дней (57—8).—Дѣйствіе растенія, (травы), лѣкарства приписывается вліянію духа, живущаго въ растеніи (58).—Борьба между лѣкарствомъ и болѣзнію; выводъ: злое злымъ побѣждается (*similia similibus curantur*); возвратъ медицины къ гомеопатіи (58—59).—Простонародная профилактика. Насильственное переселеніе злого духа, заключеніе его и уничтоженіе физическими способами (больной лихорадкой кладетъ свою рубашку подъ камень, топить ее въ рѣкѣ, зарываетъ съ могильной землею въ могилу) (59—60).—Основы вѣрованія въ переселеніе душъ (духовъ) (60—2). — Болѣзни можно не только переселять, изгонять, но и вселять, насылать (62—3). — Воздѣйствіе въ этомъ направленіи можно оказывать не только на самого человѣка, но и на его изображеніе, фигурку изъ воска, портретъ (боязни современнаго простолюдина фотографироваться) (63). — Воздѣйствіе черезъ часть цѣлаго на самое цѣлое (если вырвать зубъ, вынуть стержень нарыва, — человѣкъ становится здоровъ; значить — и обратно: потомъ вышла болѣзнь, — черезъ потъ можно пагубно воздѣйствовать на человѣка, на его слѣдъ (63—64). Современные однородные опыты при содѣйствіи гипнотизма (64—5). Примѣненіе вышеочерченнаго міропониманія къ животнымъ и лѣченіе болѣзней частями тѣла (современная органотерапія, подкожныя впрыскиванія) (65). — Новое распутье въ исторіи мысли: не все живо, — есть мертвое (сначала мертворождаемое), — намекъ на мертвую матерію; рѣзкая грань между духомъ и плотью (66).—Болѣзнь—предметъ, (вещество), брошенный злымъ духомъ въ тѣло человѣка (66). — Прежніе способы лѣченія въ примѣненіи къ новому пониманію болѣзни и постепенная перестройка прежняго міропониманія (66—7). — Двойники человѣка (доля, счастье, душа, слово), переживъ стадію самостоятельнаго существованія, возвращаются въ

человѣка и странствуютъ съ нимъ по свѣту, попадая, какъ предметъ (вещество) въ другого носителя (67).—Наблюденія надъ словомъ (эволюція его пониманія): слово—самый таинственный, позже другихъ обследуемый двойникъ, плохо воплощавшійся въ осязательныхъ формахъ; это — голосъ духа, живущаго въ человѣкѣ, голосъ злого духа, живущаго въ лѣсу, въ горахъ (эхо); слово—самое опасное изъ средствъ воздѣйствія на человѣка (отсюда — скриваніе своего имени); слово — предметъ, вещь (ее можно похитить, унести); рѣчь — текущая жидкость: ее можно видѣть; слово всегда имѣетъ реальныя послѣдствія: проклятія исполняются буквально (материализація слова) (67—9). — Вѣра въ силу слова принудительную, воздѣйствующую физически на человѣка и на весь міръ; слово—лѣкарство (69—70). — Легенды о силѣ слова; слово — птица (соколъ, орелъ), потомъ — божество, — собственное, могучее (70—72). — Слово занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду духовъ, коими населенъ былъ міръ (72). — Одухотвореніе міра — своего рода научный методъ классификаціи явленій, какъ существъ, предметовъ, подвластныхъ извѣстному духу, — дѣленіе міра на отдѣльныя царства (72—3). — Роль слова въ этомъ процессѣ и на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія человѣка (73). — Роль слова при усвоеніи идеи единобожія, началъ христіанства на почвѣ старыхъ вѣрованій (73—7). — „Двоевѣріе“; борьба началъ добраго и злого въ видѣ состязаній между діаволомъ и Вожьими силами, между сатаною и Богомъ; апокрифы, — какъ примѣнительное къ міропониманію толкованіе прочитаннаго въ книгахъ церковныхъ, созданное низшимъ духовенствомъ и начетчиками, — долгое время не подвергались гоненію со стороны высшихъ духовныхъ властей (78—84). — Основы религіознаго эпоса. Духовные стихи — открытіе широкаго пути въ народную жизнь новой религіи; это — рычагъ для поворота стараго міросозерцанія (84—5). — Различная степень прослойки духомъ христіанскаго ученія современнаго населенія Россіи; живучесть языческой старины и ея возрѣвній (85—8). — Борьба на этой почвѣ міеологическаго мышленія съ относительно научнымъ (88). — Миѣъ — основа углубленія мысли, ея обобщеній, уготовленіи пути научному анализу (88—9). — Миѣы — какъ основаніе и почва поэзіи и искусства (89—90). — Определеніе миѣа А. А. Потебнею (90). — Научное и миѣическое мышленіе по существу мало разнятся: блестящее развитіе „миѣическаго“ мышленія — предтеча научнаго расцвѣта (90—91). — Миѣъ — способъ блюсти научное родство между низшими и высшими по культурѣ слоями и цѣлыми народами (91—2). — „Миѣологическая старина“ играетъ чрезвычайно видную роль въ міросозерцаніи всякаго научно-образованнаго человѣка; пересмотръ ея — источникъ перестройки научныхъ гипотезъ (92—3). — Изслѣдованія въ области народной словесности, — сравнительно простой по схемѣ, — помогаетъ яснѣе разобраться въ общихъ пріемахъ мысли, въ

глубинахъ человѣческой психики, въ основахъ научнаго и поэтическаго мышленія вообще (93).—Съ исторіи языка, религіозныхъ вѣрованій и преданій слѣдуетъ начинать изученіе литературы (94). — Слово, и на раннихъ ступеняхъ развитія великая сила, въ христіанскую эпоху окружается ореоломъ святости, сблизившись съ молитвой; наука не разошлась въ этомъ вопросѣ со взглядомъ народа: языкъ былъ признанъ и при новомъ религіозномъ укладѣ наиболѣе яркимъ выраженіемъ состоянія духа и высоты мысли (95). — Признаніе этого взгляда на языкъ въ области исторіи литературы, психологіи, философіи и, наконецъ, медицины (признающей слово важнѣйшимъ изъ лѣкарствъ) (95—7). — Медицина — черезъ слово (гипнозъ) — признаетъ „отводъ глазъ“, передачу чувствительности другому человѣку и даже предмету (97—8). — Опыты Ш. Рише и П. Жане (98—9). — Роль экспериментальной психологіи въ раскрытіи многихъ „чудесъ“ и таинственностей въ области народной медицины и странныхъ, невѣроятныхъ „потустороннихъ“ явленій, записанныхъ и удостовѣренныхъ людьми образованными и заслуживающими полного довѣрія (99—101).—Явленія, еще недавно считавшіяся домысломъ досужей фантазіи, становятся на почву дѣйствительности. Близость заговорныхъ пріемовъ съ пріемами научнаго гипноза (101—3). — Объясненіе гипноза современными научными теоріями: мысль — своеобразное движеніе, подлежащее записи, фотографированію; мозговое движеніе черезъ міровой эфиръ передается другимъ людямъ; тѣло человѣка выдѣляетъ особые токи лучистой энергіи (103—5).

Глава III (с. 107—119).—Формальная сторона заговора. —

Въ основѣ заговора позднѣйшей формаціи лежитъ сравненіе (107). Предшествующія формы мысли по пути къ сравненію (сопоставленіе, отождествленіе, параллелизмъ). Мнѣніе А. Н. Веселовскаго (107—119).

Глава IV (с. 120—126).—Способы классификаціи заговоровъ.

Трудность установленія классификаціи при слабой теоретической разработкѣ вопроса (120).—Мнѣніе Помяловскаго (121). — Мнѣніе Иващенко (122—3). — Взглядъ Арпинова (123—4). — Мнѣнія Амшанъа, Крушевскаго, Брауна (124). — Мнѣніе Зѣлинскаго (125). — Опорныя точки для новой классификаціи (125—6).

Часть вторая (с. 127—509).

Глава I (с. 127—173).—Заговоры отъ лихорадки.

Эволюція пониманія болѣзни (127—8). — Мнѣнія изслѣдователей о происхожденіи различныхъ названій — олицетвореній этой болѣ-

зни (Мансветовъ, Сумцовъ, Веселовскій, Буслаевъ, Демичъ, Даль) (128—130). — Взгляды современнаго простолюдина по тому же вопросу (130—3). — Пріемы (современные) лѣченія (физическое воздѣйствіе на болѣзнь—существо) (133—4). — Записки отъ лихорадки (134—9). — Однородные способы лѣченія у народовъ дикихъ (139). — Лѣченіе лихорадки словеснымъ воздѣйствіемъ (заговоромъ и проч.) на различныхъ ступеняхъ міропониманія (140—8). — Заговоры, приближающіеся къ апокрифическимъ молитвамъ (149—171). — „Врачевальныя молитвы“ (171—2).

Глава II (с. 174—226). — Заговоры отъ сглаза.

О распространенности и въ настоящее время вѣры въ силу „дурного глаза“ (174). — Основы живучести такой вѣры и эволюція пониманія образа (175—6). — Заговоры отъ „сглаза“, какъ живого существа (176—183). — Заговорный мотивъ — перечисленіе именъ (183—4). — „Сглазъ“ — предметъ, удаляемый, изгоняемый, уносимый (184—6). — Вода—цѣлитель „сглаза“ (188—193). — Заговоры, основанные на сравненіи (193—9). — Церковно-религіозныя вліянія (199—222). — Мелкіе заговоры, стоящіе особнякомъ (222—6).

Глава III (с. 227—252). — Заговоры отъ крови. —

Общій ходъ развитія заговора отъ крови (227—8). — Обращеніе къ крови, какъ живому существу (228—9). — Ближайшія къ предыдущей ступени (229—234). — Вплетеніе въ ткань заговора христіанскихъ элементовъ (234—241). — Наболѣе часто встрѣчающіеся мотивы и ихъ эволюція (241—2). — Старикъ и подобныя существа мужескаго пола, унимающіе кровь (242—4). — Дѣвица (и родственныя существа женскаго пола), зашивающія рану и унимающія кровь (244—251). — Заговоры отъ крови, граничащіе съ апокрифическими молитвами (251—2).

Глава IV (с. 253—278). — Заговоры отъ зубной боли.

— Роль „молодика“ (луны) при лѣченіи зубной боли (253—265). — Мотивы: мертвецъ, кость мертваго (человѣка и животнаго) (265—6). — Обращенія къ суку дерева, къ дубу, къ земляникѣ (266—9). — Обращенія къ зарѣ (269). — Заговоры съ христіанскими привнесеніями (270—8). —

Глава V (с. 279—506). — Заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся.

Общій планъ распредѣленія матеріала этой главы (279). — Заговоры отъ антонова огня (280—5). — Бешиха (285—301). — Бородавки (301—3). — Веснушки (303—4). — Видмѣнь (англійская болѣзнь) (304). — Волось (ногтеѣда) (305—311). — Вывихъ (311—5). — Глазныя болѣзни: бѣльмо (315—322), оспенные нарывы на глазахъ (322), когда запорошится глазъ (322), ячмень (нарывъ на глазномъ вѣкъ) (322—5), оче-

боль (боль неизвѣтнаго происхожденія) (325—7). — Головная боль (327—331). — Горячка (331). — Грудница (mastitis) (331—2). — Грыжа (331—5). — Грызь (ревматизмъ, гостецъ) (335—348). — Дна (ломъ въ костяхъ) (348). — Жаба (angina) (348—350). — Желтуха (разлитіе желчи) (380—2). — Жовна (золотуха) (353). — Завалки (дифтеритъ) (353). — Икавка (икота) (354). — Колтунъ (355). — Колька (родъ плеврита) (355—360). — Крикливцы (бессонница у дѣтей) (360—370). — Лишай (370—4). — Металка (родъ трахомы) (374). — Младенческая (родимецъ) (374—5). — Моръ (моровое повѣтріе) (375—6). — Млamosи (376). — На padchu (376). — Наросты (377). — Нежить (насморкъ, съ болью въ головѣ, глазахъ и ушахъ) (377). — Обжогъ (377—8). — Нѣмота (378). — Огныкъ (молочный струиъ, обыкновенно на подбородкѣ) (378—380). — Опухоль (380—1). — Остуда (381). — Отокъ (381—2). — Параличъ (апплексія) (382). — Перещецъ (опухоль въ видѣ бородавокъ) (382). — Переполохъ (383—93). — Перелогн (393—4). — Перехидъ (обморокъ, паду-чая (394—401). — Плѣснявка (молочница) (401—2). — Psoтник (402). — Почки (402). — Пощенки (402—3). — Притки (родъ припадка, подъ вліяніемъ „злого духа“) (403—4). — Прыстритъ (404). — Пьянство (запой) (405). — Ракъ (405). — Ripplisucht (405—6). — Руса (406). — Свинка (опухоль на шеѣ) (406—7). — Сибирская язва (407—8). — Сирма (408). — Скарлатина (408—9). — Скорбутъ (цынга) (409). — Skrkavka (410). — Слѣза (410). — Сояшницы (желудочно-кишечный катарръ) (410—5). — Стыскы (затрудненное дыханіе, удушье) (415—7). — Супротивникъ (младенческая немочь). — Суroveň (417—8). — Сухоты (родъ чахотки у дѣтей (418—9). — Те(и)мянный зубище (общее разслабленіе у дѣтей, иногда со рвотой и поносомъ) (420—2). — Уграгъ (нагазъ) (422). — Угрюмая скулка (422—3). — Ударъ (423). — Улогъ (423). — Укушеніе змѣи или бѣшеной собаки (423—442); отъ яда (443—450). — Уразъ (болѣзнь матки) (450—460). — Урама (460—3). — Усови (463—4). — Утинъ (боль въ спинѣ у дѣтей) (464—5). — Ушибы и контузіи (465—6). — Ушные болѣзни (466). — Флюсь (466). — Халь (467). — Холера (467—470). — Одъ црвена ветра (470—1). — Чемери (471—3). — Черви (473—7). — Чесотка (короста) (477—8). — Friesel (478); — Repp (=Kretz, Mayern—болѣзни у дѣтей) (478). — Чирей (вередъ) (478—9). — Баяние за добрина (479—481). — Uhradivost (481). — Чума (481—2). — Шаль (delirium, сумасшествіе) (482—491).

Заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся, примѣняемые къ нѣсколькимъ болѣзнямъ сразу.—(С. 491—509).

Основы образованія заговоровъ этого типа (491—2). — Заговоры отъ „кола“ (492—3). — Ограгма (493). — Од издати трболъе наступа
<http://rcin.org.pl>

(493).—Од оспа, чирева, мицина и отока (493—4).—Отъ крови, бѣльма пристрита (495.—Отъ бѣлой грыжи и зубовъ (495).—Отъ зубной боли и щипоты и отъ грыжи (495—6).—Отъ грыжи, сглазу и баенной нечисти (496).—Отъ опухоли и головной боли (497).—Баяние на грѣска и друга болѣзии (497).—Баячки отъ баба Евда (497—8).—Аккадійское заклинаніе (498).—Авестическое заклинаніе (498—9).—Заклианіе передъ всякимъ заговоромъ (499).—Чтобы выгнать болѣзнь изъ тѣла (499).—Отъ враговъ, болѣзней и несчастій (499—500).—Если у ребенка что заболить (500).—Кадъ удари каква рѣдья у народ (500).—Шептанія при неизвѣстности болѣзии (500—1).—Отъ всѣхъ недуговъ (501).—Отъ болѣзни вообще (501).—Ать усихъ хваробъ (501—2).—Отъ всякой болѣзни (502).—Заговоры общіе отъ всѣхъ болѣзней и недуговъ (502—6).

Послѣсловіе (с. 507—9).

Источники и пособіи (с. 511—522).

Оглавленіе (с. I—VII).

**INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA**

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

18.825